

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко

Рассказы

Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова

Предисловие[1]

Я такой человек, что все могу... Хочешь – могу землишку обработать по слову последней техники, хочешь – каким ни на есть рукоеслом займусь, – все у меня в руках кипит и вертится.

А что до отвлеченных предметов – там, может быть, рассказ рассказать или какое-нибудь тоненькое дельце выяснить, – пожалуйста: это для меня очень даже просто и великолепно.

Я даже, запомнил, людей лечил.

Мельник такой жил-был. Болезнь у него, можете себе представить, – жаба болезнь. Мельника того я лечил. А как лечил? Я, может быть, на него только и глянул. Глянул и говорю: да, говорю, болезнь у тебя жаба, но ты не горюй и не пугайся – болезнь эта неопасная, и даже прямо тебе скажу – детская болезнь.

И что же? Стал мой мельник с тех пор круглеть и розоветь, да только в дальнейшей жизни вышел ему перетык и прискорбный случай...

А на меня многие очень удивлялись. Инструктор Рыло, это еще в городской милиции, тоже очень даже удивлялся.

Бывало, придет ко мне, ну, как к своему задушевному приятелю:

– Ну что, скажет, Назар Ильич товарищ Синебрюхов, не богат ли будешь печеным хлебцем?

Хлебца, например, я ему дам, а он сядет, запомнил, к столу, пожует-покушает, ручками этак вот раскинет:

– Да, скажет, погляжу я на тебя, господин Синебрюхов, и слов у меня нет. Дрожь прямо берет, какой ты есть человек. Ты, говорит, наверное, даже державой управлять можешь.

Хе-хе, хороший был человек инструктор Рыло, мягкий.

А то начнет, знаете ли, просить: расскажи ему что-нибудь такое из жизни. Ну я и рассказываю.

Только, безусловно, насчет державы я никогда и не задавался: образование у меня, прямо скажу, не какое, а домашнее. Ну а в мужицкой жизни я вполне драгоценный человек. В мужицкой жизни я очень полезный и развитой.

Крестьянские эти дела-делишки я ух как понимаю. Мне только и нужно раз взглянуть как и что.

Да только ход развития моей жизни не такой.

Вот теперь, где бы мне пожить в полное свое удовольствие, я крохобором хожу по разным гиблым местам, будто преподобная Мария Египетская.

Да только я не очень горюю. Я вот теперь дома побывал и – нет, не увлекаюсь больше мужицкой жизнью.

Что ж там? Бедность, блекота и слабое развитие техники.

Скажем вот про сапоги.

Были у меня сапоги, не отпираюсь, и штаны, очень даже великолепные были штаны. И, можете себе представить, сгнули они – аминь – во веки веков в собственном своем домишке.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А сапоги эти я двенадцать лет носил, прямо скажу, в руках. Чуть какая мокрень или непогода – разуюсь и хлюпаю по грязи... Берегу.

И вот сгнули...

А мне теперь что? Мне теперь в смысле сапог – труба.

В германскую кампанию выдали мне сапоги штиблетами – блекота. Смотреть на них грустно. А теперь, скажем, жди. Ну, спасибо, война, может, произойдет – выдадут. Да только нет, годы мои вышли, и дело мое на этот счет гиблое.

А все, безусловно, бедность и слабое развитие техники.

Ну а рассказы мои, безусловно, из жизни, и все воистинная есть правда.

Великосветская история

фамилия у меня малоинтересная – это верно: Синебрюхов, Назар Ильич.

Ну да обо мне речь никакая – очень я даже посторонний человек в жизни. Но только случилось со мной великосветское приключение, и пошла оттого моя жизнь в разные стороны, все равно как вода, скажем, в руке – через пальцы, да и нет ее.

Принял я и тюрьму, и ужас смертный, и всякую гнусь... И все через эту великосветскую историю.

А был у меня задушевный приятель. Ужасно образованный человек, прямо скажу – одаренный качествами. Ездил он по разным иностранным державам в чине камендинера, понимал он даже, может, по-французскому и виски иностранные пил, а был такой же, как и не я, все равно, – рядовой гвардеец пехотного полка.

На германском фронте в землянках, бывало, удивительные даже рассказывал происшествия и исторические всякие там вещички.

Принял я от него немало. Спасибо! Многое через него узнал и дошел до такой точки, что случилась со мной гнусь всякая, а сердцем я и посейчас бодрюсь.

Знаю: Пипин Короткий... Встречу, скажем, человека и спрошу: а кто есть такой Пипин Короткий?

И тут-то и вижу всю человеческую образованность, все равно как на ладони.

Да только не в этом штука.

Было тому... сколько?.., четыре года взад. Призывает меня ротный командир, в чине – гвардейский поручик и князь ваше сиятельство. Ничего себе. Хороший человек.

Призывает. Так, мол, и так, говорит, очень я тебя, Назар, уважаю, и вполне ты прелестный человек... Сослужи, говорит, мне еще одну службишку.

Произошла, говорит, февральская революция. Отец староватенький, и очень я даже беспокоюсь по поводу недвижимого имущества. Поезжай, говорит, к старому князю в родное имение, передай вот это самое письмишко в самые, то есть, его ручки и жди, что скажет. А супруге, говорит, моей, прекрасной полячке Виктории Казимировне, низенько поклонись в ножки и ободри каким ни на есть словом. Исполни, говорит, это для ради бога, а я, говорит, осчастливлю тебя суммой и пушу в несрочный отпуск.

– Ладно, отвечаю, князь ваше сиятельство, спасибо за ваше обещание, что возможно – совершу.

А у самого сердце огнем играет: эх, думаю, как бы это исполнить. Охота, думаю, получить отпуск и богатство.

А был князь ваше сиятельство со мной все равно как на одной точке. Уважал меня по поводу незначительной даже истории. Конечно, я поступил геройски. Это верно.

Стою раз преспокойно на часах у княжей земляночки на германском фронте, а князь

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
ваше сиятельство пирует с приятелями. Тут же между ними, запомнил, сестричка
милосердия.

Ну, конечно: игра страстей и разнузданная вакханалия... А князь ваше сиятельство
из себя пьяненький, песни играет.

Стою. Только слышу вдруг шум в передних окопчиках. Шибко так шумят, а немец,
безусловно, тихий, и будто вдруг атмосферой на меня пахнуло.

Ах ты, думаю, так твою так – газы!

А поветрие легонькое этакое в нашу, в русскую сторону.

Беру преспокойно зелинскую маску (с резиной), взбегаю в земляночку...

– Так, мол, и так, кричу, князь ваше сиятельство, дыши через маску – газы.

Очень тут произошел ужас в земляночке.

Сестричка милосердия – бяк, с катушек долой, – мертвая падаль.

А я сволок князьенку вашего сиятельства на волю, кострик разложил по уставу.

Зажег... Лежим, не трепыхнемся... Что будет... Дышим.

А газы... Немец – хитрая каналья, да и мы, безусловно, тонкость понимаем: газы не
имеют права осесть на огонь.

Газы туды и сюды крутятся, выискивают нас-то... Сбоку да с верхов так и лезут, так
и лезут клубом, вынюхивают...

А мы знай полеживаем да дышим в маску...

Только прошел газ, видим – живые.

Князь ваше сиятельство лишь малехонько поблевал, вскочил на ножки, ручку мне
жмет, восторгается.

– Теперь, говорит, ты, Назар, мне все равно как первый человек в свете. Иди ко
мне вестовым, осчастливь. Буду о тебе пекчись.

Хорошо-с. Прожили мы с ним цельный год прямо-таки замечательно.

И вот тут-то и случилось: засылает меня ваше сиятельство в родные места.

Собрал я свое барахлишко. Исполню, думаю, показанное, а там – к себе. Все-таки
дома, безусловно, супруга не старая и мальчишек. Интересуюсь, думаю, их увидеть.

И вот, конечно, выезжаю.

Хорошо-с. В город Смоленск прибыл, а оттуда славным образом на пароходе на
пассажирском в родные места старого князя.

Иду – люблюсь. Прелестный княжеский уголок и чудное, запомнил, заглавие – вилла
«Забава».

Вспрашиваю: здесь ли, говорю, проживает старый князь ваше сиятельство? Я,
говорю, очень по самонужнейшему делу с собственноручным письмом из действующей
армии. Это бабенку-то я спрашиваю. А бабенка:

– Вон, говорит, старый князь ходит грустный из себя по дорожкам.

Безусловно: ходит по садовым дорожкам ваше сиятельство.

Вид, смотрю, замечательный – сановник, светлейший князь и барон. Бородища баками
пребелая-белая. Сам хоть и староватенький, а видно, что крепкий.

Подхожу. Рапортую по-военному. Так, мол, и так, совершилась, дескать,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Февральская революция, вы, мол, староватенький, и молодой князь ваше сиятельство
в совершенном расстройстве чувств по поводу недвижимого имущества. Сам же,
говорю, жив и невредимый и интересуется, каково проживает молодая супруга,
прекрасная полячка Виктория Казимировна.

Тут и передаю секретное письмишко.

Прочел это он письмишко.

– Пойдем, говорит, милый Назар, в комнаты. Я, говорит, очень сейчас волнуюсь... А пока – на, возьми, от чистого сердца рубль.

Тут вышла и представилась мне молодая супруга Виктория Казимировна с дитей.

Мальчик у ней – сосун млекопитающийся.

Поклонился я низенько, спрашиваю, каково живет ребеночек, а она будто нахмурилась.

– Очень, говорит, он нездоровый: ножками крутит, брюшком пухнет – краше в гроб кладут.

– Ах, ты, говорю, и у вас, ваше сиятельство, горе такое же обыкновенное человеческое.

Поклонился я в другой раз и прошусь вон из комнаты, потому понимаю, конечно, свое звание и пост.

Собрались к вечеру княжие люди на паужин. И я с ними.

Харчим, разговор поддерживаем. А я вдруг и спрашиваю:

– А что, говорю, хорош ли будет старый князь ваше сиятельство?

– Ничего себе, говорят, хороший, только не иначе как убьют его скоро.

– Ай, говорю, что сделал?

– Нет, говорят, ничего не сделал, вполне прелестный князь, но мужички по поводу февральской революции беспокоятся и хитрят, поскольку проявляют свое недовольство. Поскольку они в этом не видят перемены своей участи.

Тут стали меня, безусловно, про революцию спрашивать. Что к чему.

– Я, говорю, человек не освещенный. Но произошла, говорю, февральская революция. Это верно. И низвержение царя с царицей. Что же в дальнейшем – опять, повторяю, не освещен. Однако произойдет отсюда людям немалая, думаю, выгода.

Только встает вдруг один, запомнил, из кучеров. Злой мужик. Так и язвит меня.

– Ладно, говорит, февральская революция. Пусть. А какая такая революция? Наш уезд, если хочешь, весь не освещен. Что к чему и кого бить, не показано. Это, говорит, допустимо? И какая такая выгода? Ты мне скажи, какая такая выгода? Капитал?

– Может, говорю, и капитал, да только нет, зачем капитал? Не иначе как землишкой разживетесь.

– А на кой мне, ярится, твоя землишка, если я буду из кучеров? А?

– Не знаю, говорю, не освещен. И мое дело – сторона.

А он говорит:

– Недаром, говорит, мужички беспокоятся – что к чему... Старосту Ивана Костыля побили ни за про что, ну и князь, поскольку он помещик, – безусловно, его кончат.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Так вот поговорили мы славным образом до вечера, а вечером ваше сиятельство меня кличут.

Усадили меня, запомнил, в кресло, а сами произносят мне такие слова:

– Я, говорит, тебе, Назар, по-прямо: тени я не люблю наводить, так и так, мужички не сегодня завтра пойдут жечь имение, так нужно хоть малехонько спасти. Ты, мол, очень верный человек, мне же, говорит, не на кого положиться... Спаси, говорит, для ради бога положение.

Берет тут меня за ручки и водит по комнатам.

– Смотри, говорит, тут саксонское серебро черненное, и драгоценный горный хрусталь, и всякие, говорит, золотые излишества. Вот, говорит, какое богатое добрище, а все пойдет, безусловно, прахом и к чертовой бабушке.

А сам шкаф откроет – загорюется.

– Да уж, говорю, ваше сиятельство, положение ваше небезопасное.

А он:

– Знаю, говорит, что небезопасное. И поэтому сослужи, говорит, милый Назар, предпоследнюю службу: бери, говорит, лопату и изрой ты мне землю в гусином сарае. Ночью, говорит, мы схороним что можно и утопчем ножками.

– Что ж, отвечаю, ваше сиятельство, я хоть человек и не освещенный, это верно, а мужицкой жизнью жить не согласен. И хоть в иностранных державах я не бывал, но знаю культуру через моего задушевного приятеля, гвардейского рядового пехотного полка. Утин его фамилия. Я, говорю, безусловно, согласен на это дело, потому, говорю, если саксонское черненное серебро, то по иностранной культуре совершенно невозможно его портить. И через это я соглашаюсь на ваше культурное предложение – схоронить эти ценности.

А сам тут хитро перевожу дело на исторические вещички.

Испытываю, что за есть такой Пипин Короткий.

Тут и высказал ваше сиятельство всю свою высокую образованность.

Хорошо-с...

К ночи, скажем, уснула напоследняя собака... Беру лопату – ив гусиный сарай.

Место ошупал. Рою.

И только берет меня будто жуть какая. Всякая то есть дрянь и невидаль в воспоминание лезет.

Копну, откину землишку – потею, и рука дрожит. А умершие покойники так и представляются, так и представляются...

Рыли, помню, на австрийском фронте окопчики и мертвое австрийское тело нашли...

И зрим: когти у покойника предлинные-длинные, больше пальца. Ох, думаем, значит, растут они в земле после смерти. И такая на нас, как сказать, жуть напала – смотреть больно. А один гвардеец дерг да дерг за ножку австрийское мертвое тело... Хороший, говорит, заграничный сапог, не иначе как австрийский... Любуется и примеряет в мыслях и опять дерг да дерг, а ножка в руке и осталась.

Да-с. Вот такая-то гнусь мертвая лезет в голову, но копаю самосильно, принуждаюсь. Только вдруг как зашуршит чтой-то в углу. Тут я и присел.

Смотрю: ваше сиятельство с фонарчиком лезет – беспокоится.

– Ай, говорит, ты умер, Назар, что долго? Берем, говорит, сундучки поскорейча – и делу конец.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Принесли мы, запомнил, десять претяжеленных-тяжелых сундучков, землей закрыли и умяли ножками.

К утру выносит мне ваше сиятельство двадцать пять целковеньких, любитесь мной и за ручку жмет.

– Вот, говорит, тут письмишко к молодому вашему сиятельству. Рассказан тут план местонахождения вклада. Поклонись, говорит, ему – сыну и передай родительское благословение.

Оба тут мы полюбовались друг другом и разошлись. Домой я поехал... Да тут опять речь никакая. Только прожил дома почти что два месяца и возвращаюсь в полк. Узнаю: произошли, говорят, новые революционные события, отменили воинскую честь и всех офицеров отказали вон. Вспрашиваю: где ж такое ваше сиятельство?

– Уехал, говорят, а куда – неизвестно. Кажется, что к старому папаше – в его имение.

Хорошо-с...

Штаб полка.

Являюсь по уставу внутренней службы. Так и так, рапортую, из несрочного отпуска.

А командир, по выбору, прапорщик Лапушкин – бяк меня по уху.

– Ах ты, говорит, княжий холуй, снимай, говорит, собачье мясо, воинские погоны!

«Здорово, думаю, бьется прапорщик Лапушкин, сволочь такая...»

– Ты, говорю, по морде не бейся. Погоны снять – сниму, а драться я не согласен.

Хорошо-с.

Дали мне, безусловно, вольные документы по чистой, и...

– Катись, говорят, колбаской.

А денег у меня, запомнил, ничего не осталось, только рубль дареный, зашитый в ватном жилете.

«Пойду, думаю, в город Минск, разживусь, а там поищу вашего сиятельства. И осчастливит он меня обещанным капиталом».

Только иду нешибко лесом, слышу – кличет ктой-то.

Смотрю – посадские. Босые босячки. Крохоборы.

– Куда, спрашивают, идешь-катишься, военный мужичок?

Отвечаю смиренномудро:

– Качусь, говорю, в город Минск по личной своей потребности.

– Тек-с, говорят, а что у тебя, скажи, пожалуйста, в вещевом мешочке?

– Так, отвечаю, кое-какое свое барахлишко.

– Ох, говорят, врешь, худой мужик!

– Нету, воистинная моя правда.

– Ну так объясни, если на то пошло, полностью свое барахлишко.

– Вот, объясняю, теплые портянки для зимы, вот запасная блуза гимнастеркой, штаны кой-какие...

– А есть ли, спрашивают, деньги?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Нет, говорю, извините худого мужика, денег не припас.

Только один рыжий такой крохобор, конопатый:

– Чего, говорит, агитировать: становись (это мне то есть), становись, примерно, вон к той березе, тут мы в тебя и стрельнем.

Только смотрю – нет, не шутит. Очень я забеспокоился смертельно, дух у меня упал, но отвечаю негордо:

– Зачем, отвечаю, относишься с такими словами? Я, говорю, на это совершенно даже не согласен.

– А мы, говорят, твоего согласия не спросим, нам, говорят, на твое несогласие ровно даже начихать. Становись, и все тут.

– Ну хорошо, говорю, а есть ли вам от казни какая корысть?

– Нет, корысти, говорят, нету, но мы, говорят, для ради молодечества казним, дух внутренний поддержать.

Одолел тут меня ужас смертный, а жизнь прельщает наслаждением. И совершил я уголовное преступление.

– Убиться я, говорю, не согласен, но только послушайте меня, задушевные босячки: имею я, безусловно, при себе тайну и план местонахождения клада вашего сиятельства.

И привожу им письмо.

Только читают, безусловно: гусиный сарай... саксонское серебро... план местонахождения.

Тут я оправился; путь, думаю, не близкий, дам теку.

Хорошо-с.

А босячки:

– Веди, говорят, нас, если на то пошло, к плану местонахождения вклада. Это, говорят, тысячное даже дело. Спасибо, что мы тебя не казнили.

Очень мы долго шли, две губернии, может, шли, где ползком, где леском, но только пришли в княжескую виллу «Забава». А только теку нельзя было дать – на ночь вязали руки и ноги.

Пришли.

«Ну, думаю, быть беде – уголовное преступление против вашего сиятельства».

Только узнаем: до смерти убит старый князь ваше сиятельство, а прелестная полячка Виктория Казимировна уволена вон из имения. А молодой князь приезжал сюда на недельку и успел смыться в неизвестном направлении.

А сейчас в имении заседает, дескать, комиссия.

Хорошо-с.

Разжились инструментом и к ночи пошли на княжий двор.

Показываю босячкам:

– Вот, говорю, двор вашего сиятельства, вот коровий хлев, вот пристрочки всякие, а вот и...

Только смотрю – нету гусяного сарая.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Будто должен где-то тут существовать, а нету.

Фу ты, думаю, что за новости.

Идем обратно.

– Вот, говорю, двор вашего сиятельства, вот хлев коровий...

Нету гусяного сарая. Прямо-таки нету гусяного сарая. Обижаться стали босячки. А я аж весь двор обьелозил на брюхе и смотрю, как бы уволиться. Да за мной босячки – пугаются, что, дескать, сбегу.

Пал я тут на колени:

– Извините, говорю, худого мужика, водит нас незримая сила. Не могу признать местонахождения.

Стали тут меня бить босячки инструментом по животу и по внутренностям. И поднял я крик очень ужасный.

Хорошо-с.

Сбежались крестьяне и комиссия.

Выяснилось: вклад вашего сиятельства, а где – неизвестно.

Стал я Богом божиться – не знаю, мол, что к чему, приказано, дескать, передать письмишко, а я не причинен.

Пока крестьяне рассуждали, что к чему, и солнце встало.

Только смотрю: светло, и, безусловно, нет гусяного сарая. Вижу: ктой-то разорил на слом гусяный сарай. «Ну, думаю, тайна сохранилась. Теперь помалкивай, Назар Ильич господин Синебрюхов».

А очень тут разгорелась комиссия. И какой-то, запомнил, советский комиссар так и орет горлом, так и прет на меня.

– Вот, говорит, взгляните на барского холуя. Уже довольно давно совершилась революция, а он все еще сохраняет свои чувства и намерения и не желает показать, где есть дворянское добро. Вот как сильно его князя одурачили!

Я говорю:

– Может быть, тут нету никакого дурачества. А может быть, я с этой семьей находился прямо на одной точке. И был им как член фамилии.

Один из комиссии говорит:

– Если ты с их фамилии приходишь, то мы тебе покажем кузькину мать. Тогда становись к сараю – мы тебя сейчас пошлем путешествовать на небо.

Я говорю:

– К сараю я встать не согласен. А вы, говорю, неправильно понимаете мои мысли. Не то чтобы я в их семействе родился, а просто, говорю, я у них иногда бывал. А что до их вещичек, то согласно плана ищите по всем сараям.

Бросились, конечно, все по сараям, а в этот самый момент мои босячки сгрудились – сиг через забор, и теку.

Вот народ копает в сараях – свист идет, но, безусловно, ничего нету.

Вдруг один из комиссии, наиболее такой въедливый, говорит:

– Тут еще у них был гусяный сарай. Надо будет порыться на этом месте.

У меня от этих слов прямо дух занялся.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

«Ну, думаю, нашли. Князь, думаю, мне теперича голову отвертит».

Стали они рыть на месте гусяного сарая. И вдруг мы видим, что там тоже нет ничего. Что такое!

«Неужели, думаю, князь ваше сиятельство, этот старый трепач, переменял местонахождение вклада». Это меня прямо даже как-то оскорбило.

Тут я сам собственноручно прошелся с лопатой по всем местам. Да, вижу, ничего нету. «Наверное, впрочем, думаю, заезжал сюда молодой князь ваше сиятельство, и, наверное, он подбил старичка зарыть в другом месте, а может быть, и вывез все в город. Вот так номер».

Тут один из комиссии мне говорит:

– Ты нарочно тень наводишь. Хочешь сохранить барское добро.

Я говорю:

– Раньше я, может, хотел сохранить, но теперича нет, поскольку со мной допущено недоверие со стороны этой великосветской фамилии.

Но они не стали больше со мной церемониться, связали мне руки, хватили нешибко по личности и отвезли в тюрьму. А после год мурыжили на общественных работах за сокрытие дворянских ценностей.

Вот какая великосветская история произошла со мной. И через нее моя жизнь пошла в разные стороны, и через нее я докатился до тюрьмы и сумы и много путешествовал.

Виктория Казимировна
В Америке я не бывал и о ней, прямо скажу, ничего не знаю.

А вот из иностранных держав про Польшу знаю. И даже могу ее разоблачить.

В германскую войну я три года ходил по польской земле... И, конечно, изучил эту нацию. <...>

Нет, это уже очень чересчур гордая нация. И среди них женское население особенно задается.

Но между тем однажды я встретил одну польскую паненку и ее полюбил, и через это такая у меня к Польше симпатия пошла – лучше, думаю, этого народа и не бывает.

И нашло на меня, прямо скажу, такое чудо, такой туман: что она, прелестная красавица, ни скажет, то я и делаю.

Убить человека я, скажем, не согласен – рука дрогнет, а тут убил, и другого, престарелого мельника, убил. Хотя и не своей рукой, да только путем своей личной хитрости.

А сам, подумать грустно, ходил легкомысленно женишком прямо около нее, бородачку даже подстриг и подлюю ее ручку целовал.

Было такое польское местечко Крево. На одном конце – пригорок, немцы окопались. На другом – обратно пригорок, мы окопчики взрыли, и польское это местечко Крево осталось лежать между окопчиками в овраге.

Польские жители, конечно, уволились, а которые хозяева и, как бы сказать, добришко кому покинуть грустно – остались. И как они так существовали – подумать странно.

Пуля так и свистит, так и свистит над ними, а они – ничего, живут себе прежней жизнью.

Ходили мы к ним в гости.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
Бывало, в разведку либо в секрет, а уж по дороге, безусловно, в польскую халупу.

К мельнику всё больше ходили.

Мельник такой существовал престарелый. Баба его сказывала: имеет, говорит, он деньжонки капиталом, да только не говорит где. Будто обещал сказать перед смертью, а пока чего-то пугается и скрывает.

А мельник, это точно, скрывал свои деньжонки.

В задушевной беседе он мне все и высказал. Высказал, что желает перед смертью пожить в полное семейное удовольствие.

– Пусть, говорит, они меня такого-то малехонько побалуют, а то скажи им, где деньжонки, – оберут как липку и бросят за свои любезные, даром что свои родные родственники.

Мельника этого я понимал и ему сочувствовал. Да только какое уж там, сочувствовал, семейное удовольствие, если болезнь у него жаба и ноготь, приметил я, синий.

Хорошо-с. Баловали они старичка.

Старик кобенится и финтит, а они так во взор его и смотрят, так перед ним и трепещут, пугаются, что не скажет про деньги.

А была у мельника семья: баба его престарелая да неродная дочка, прелестная паненка Виктория Казимировна.

Я вот рассказывал великосветскую историю про клад князя вашего сиятельства – все воистинная есть правда: и босячки-крохоборы, и что били меня инструментом, да только не было в тот раз прекрасной полячки Виктории Казимировны. Была тогда другая особа, тоже, может быть, полячка – супруга молодого князя вашего сиятельства. А что касается Виктории Казимировны, то быть ее тогда, конечно, не могло. Была она в другой раз и по другому делу... Была она, Виктория Казимировна, дочка престарелого мельника.

И как это вышло? С первого даже дня завязались у нас прелестные отношения... Только, помню, пришли раз к мельнику. Сидим – хихикаем, а Виктория Казимировна все, замечаю, ко мне ластится: то, знаете ли, плечиком, то ножкой.

– Фу ты, восхищаюсь, какой интересный случай.

А сам все же пока остерегаюсь, отхожу от нее да отмалчиваюсь.

Только попозже берет она меня за руку, любитесь мной.

– Я, говорит, господин Синебрюхов, могу даже вас полюбить (так и сказала). И уже имею что-то в груди. Только, говорит, есть у меня до вас просьбишка: спасите, говорит, меня для ради бога. Желая, говорит, уйти из дому в город Минск или еще в какой-нибудь там в польский город, потому что – сами видите – погибаю я здесь курам на смех. Отец мой, престарелый мельник, имеет капитал, так нужно выпытать, где хранит его. Нужно мне разжиться деньгами. Я, говорит, против отца не злоупотребляю, но не сегодня завтра он, безусловно, помрет, болезнь у него – жаба, и пугаюсь я, что про капитал не скажет.

Начал я тут удивляться, а она прямо-таки всхлипывает, смотрит в мои очи, любитесь.

– Ах, говорит, Назар Ильич господин Синебрюхов, вы – самый здесь развитой и прелестный человек, и как-нибудь вы это сделаете.

Хорошо-с. Придумал я такую хитрость: скажу старичку, дескать, выселяют всех из местечка Крево... Он, безусловно, вынет свое добро... Тут мы и заставим его поделить.

Прихожу назавтра к ним, сам, знаете ли, бороденку подстриг, блюзу-гимнастерку новую надел, являюсь прямо-таки парадным женишком.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Сейчас, говорю, Викторичка, все будет исполнено.

Подхожу демонстративно к мельнику.

– Так и так, говорю, теперь, говорю, вам, старичок, как-компания – выйдет завтра приказ: по случаю военных действий выселить всех жителей из местечка Крево.

Ох как содрогнется тут мой мельник, как вскинется на постельке... И сам как был в нижних подштанниках – шасть за дверь и слова никому не молвил. Вышел он на двор, и я тихонько следом. А дело ночное было. Луна. Каждая даже травинка виднеется. И идет он весь в белом, будто шкелет какой, а я за сарайчиком прячусь.

А немец, помню, чтой-то тогда постреливал. Только прошел он, старичок, немного, да вдруг как ойкнет. Ойкнет и за грудь скорей. Смотрю – и кровь по белому каплет.

«Ну, думаю, произошла беда – пуля». Повернулся он, смотрю, назад, руки опустил и к дому.

Да только, смотрю, пошел он как-то жутко. Ноги не гнет, сам весь в неподвижности, а поступь грузная.

Забегал я к нему, сам пугаюсь, хватать да хватать его за руку, а рука уж холодеет, и смотрю: в нем дыханья нет – покойник. И незримой силой взошел он в дом, веки у него закрыты, а как на пол ступит, так пол гремит – земля к себе покойника требует.

Закричали тут в доме, раздались перед мертвецом, а он дошел поступью смертной до постельки, тут и скопился.

И такой в халупе страх настал – сидим, и дышать даже жутко.

Так вот помер мельник через меня, и сгнули – во веки веков – его деньжонки капиталом.

А очень тут загрустила Виктория Казимировна. Плачет она и плачет, и всю неделю плачет – не сохнут слезы.

А как приду к ней – гонит и видеть меня не может.

Так прошла, запомнил, неделя, являюсь к ней. Слез, смотрю, нету, и подступает она ко мне даже любовно.

– Что ж, говорит, ты сделал, Назар Ильич господин Синебрюхов? Ты, говорит, во всем виноват, ты теперь и раскаивайся. Ты, говорит, погубил моего отца. И через это я окончательно лишилась его деньжонок. И теперь достань ты мне хоть с морского дна какой-нибудь небольшой капитал, а иначе, говорит, ты первый для меня преступник, и уйду я, знаю куда, в обоз, – звал меня в любовницы прапорщик Лапушкин и обещал даже золотые часишки с браслеткой.

Покачал я прегорько головой, дескать, откуда мне такому-то разжиться капиталом, а она вскинула на плечи трикотажный платочек, поклонилась мне низенько:

– Пойду, говорит, поджидает меня прапорщик Лапушкин. Прощайте, пожалуйста, Назар Ильич господин Синебрюхов!

– Стой, говорю, стой, Виктория! Дай, говорю, срок, дело это обдумать надо.

– А чего, говорит, его думать? Пойди да укради хоть с морского дна, только исполни мою просьбу.

И осенила тут меня мысль.

На войне, думаю, все можно. Будут, может, немцы наступать – пошурю по карманам, если на то пошло.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
А вскоре и вышел подходящий случай.

Была у нас в окопах пушечка... Эх, дай бог память – Точки с заглавие. Морская пушечка Гочкис.

Дульце у ней тонехонькое, снаряд – и смотреть на него глупо, до того незначительный снаряд. А стреляет она всячески не слабо. Стрельнет и норовит взорвать что побольше.

Над ней и командир был – морской подпоручик Винча. Подпоручик ничего себе, но – сволочь. Бить не бил, но под винтовку ставил запросто.

А очень мы любили эту пушечку и завсегда ставили ее в свой окоп.

Тут, скажем, пулемет, а тут небольшое насаждение из елок и – пушечка.

Германии она очень досаждала. В польский костел она была по кумполу, потому был там германский наблюдатель.

По пулеметам тоже была.

И прямо немцам она не давала никакого спасения.

Так вот, вышел случай.

Выкрали немцы в ночное время у ней главную часть – затвор. И притом унесли пулемет. И как это случилось – удивительно подумать. Время было тихое, я, безусловно, к Виктории Казимировне пошел, часовой у пушечки вздремнул, а подчасок, дрянь такая худая, в дежурный взвод пошел. Там в картишки играли.

Ну ладно. Пошел.

Только играет он в карты, выигрывает и, сучий сын, не поинтересуется посмотреть, что случилось.

А случилось: немцы пушечкин затвор стибрили.

К утру только пошел подчасок к пушечке и зрит: лежит часовой, безусловно мертвый, и кругом – кража.

Ох и было же что тогда!

Морской подпоручик Винча тигрой на меня наскакивает, весь дежурный взвод ставит под винтовку и каждому велит в зубах по карте держать, а подчаску – веером три карты.

А к вечеру едет – волнуется генерал ваше превосходительство.

Ничего себе, хороший генерал. Но, конечно, не очень уж. Вот он взглянул на взвод, и гнев его прошел. Тридцать человек, как один, в зубах по карте держат.

Усмехнулся генерал.

– Выходи, говорит, отборные орлы, налетай на немцев, разорь внешего врага.

Вышли тут, запомнил, пять человек, и я с ними.

Генерал ваше превосходительство восхищается нами.

– Ночью, говорит, летите, отборные орлы. Режьте немецкую проволоку, изыскивайте хоть какой-нибудь пулемет и, если случится, – пушечкин затвор.

Хорошо-с.

К ночи мы и пошли.

Я-то играючи пошел. Мыслишку, во-первых, свою имел, а потом, имейте в виду, жизнь свою я не берег. Я, знаете ли, счастье вынул.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

В одна тыща девятьсот, должно быть, что в шестнадцатом году, запомнил, ходил такой черный, люди говорили, румынский мужик. С птицей он ходил. На груди у него – клетка, а в клетке – не попка, попка – та зеленая, а тут вообще какая-то тропическая птица. Так она, сволочь такая, ученая, клювом вынимала счастье – кому что. А мне, запомнил, планета Рак и жизнь предсказана до девяноста лет.

И еще там многое что предсказано, что – я уж и позабыл, да только все исполнилось в точности.

И тут вспомнил я предсказание и пошел, прямо скажу, гуляючи.

Подошли мы к немецкой проволоке. Темь. Луны еще не было. Прорезали преспокойно лаз. Спустились вниз, в окопчики в германские. Прошли шагов с полета – пулемет, пожалуйста.

Уронили мы германского часового наземь и придушили тут же...

Очень мне это было неприятно, жутковато, и вообще, знаете ли, ночной кошмар.

Хорошо-с.

Сняли пулемет с катков, разобрали кому что: кому катки, кому ящики, а мне, запомнил, подсунули самую что ни на есть тяжесть – тело пулемета. Почти что целый пулемет.

И такой, провались он совсем, претяжеленный был; теналегке – шаг да шаг, и скрылись от меня, а я пыхчу – затрудняюсь, поскольку мне досталась такая тяжесть. Мне бы наверх ползти, да смотрю – проход сообщения... Я в проход сообщения... А из-за угла вдруг германец прездоровенный-здоровенный, и наперевес у него винтовка. Бросил я пулемет под ноги и винтовку тоже против него вскинул.

Только чую – германец стрелнуть хочет, голова на мушке.

Другой оробел бы, другой – ух как оробел бы, а я ничего – стою, не трепыхнусь даже. А поверни я только спину либо щелкни затвором – тут, безусловно, мне и конец.

Так вот стоим друг против дружки, и всего-то до нас пять шагов. Зрим друг друга глазами и ждем, кто победит. И вдруг как задрожит германец, как обернется назад... Тут я в него и стрелнул. И вспомнил, чего задумал. Подполз к нему, пошарил по карману – противно. Нуда ничего – превозмог себя, вынул кабаньей кожи бумажник, вынул часишки в футляре (немцы все часишки в футляре носят), взвалил пулемет на плечо и наверх. Дошел до проволоки – нету лаза. Да и мыслимо ли в темноте его найти?

Стал я через проволоку продираться – трудно. Может быть, час или больше лез, всю прорвал себе спину и руки совсем изувечил. Да только все-таки пролез. Вдохнул я тут спокойно, залег в траву, стал себе руки перевязывать, – кровь так и льет.

И забыл совсем, чума меня возьми, что я еще в германской стороне, а уж светает. Хотел было я бежать, да тут немцы тревогу подняли, нашли, видимо, у себя происшествие, открыли по русским огонь, и, конечно, поползи я, тут бы меня приметили и убили.

А место, смотрю, вполне открытое было и подальше травы даже нет – лысое место. А до халуп шагов триста.

Ну, думаю, как-компания, лежи теперь, Назар Ильич господин Синебрюхов, благо трава спасает.

Хорошо. Лежу.

А немцы, может быть, очень обиделись: стибрили у них пулемет и двоих почем зря убили, – мстят – стреляют, прямо скажу, без остановки.

К полдню перестали стрелять, да только, смотрю, чуть кто проявится в нашей, в русской, стороне, так они туда и метят. Ну, значит, думаю, безусловно, они

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
настороже, и нужно лежать до вечера.

Хорошо-с.

Лежу час. И два лежу. Интересуюсь бумажником – денег немало, только все иностранные. Часишками люблюсь. А солнце прямо так и бьет в голову, и духу меня замирать стал. И жажда. Стал я тут думать про Викторину Казимировну, только смотрю – сверху на меня ворон спускается.

Я лежу живой, а он, может, думает, что падаль, и спускается.

Я на него тихонько шикаю:

– Шш, говорю, пошел, провал тебя возьми!

Машу рукой, а он, может быть, не верит и прямо на меня насаждает.

И ведь такая птичья нечисть – прямо на грудь садится, а поймать я никак его не поймаю – руки изувечены, не гнутся, а он еще бьется больно клювом и крылами.

Я отмахнусь – он взлетит и опять рядом сядет, а потом обратно на меня стремится и шипит даже. Это он кровь, гадюка, на руке чует.

Ну, думаю, пропал Назар Ильич господин Синебрюхов! Пуля не тронула, а тут птичья нечисть, прости господи, губит человека зря.

Немцы, безусловно, сейчас заметят, что такое приключилось тут за проволокой. А приключилось: ворон при жизни человека жрет.

Бились так мы долго. Я все норовлю его ударить, да только перед германцем остерегаюсь, а сам прямо-таки чуть не плачу. Руки у меня и так-то изувечены – кровь текет, а тут еще он щиплет. И такая злоба к нему напала, только он на меня устремился, как я на него крикну: кыш, кричу, паршивец!

Крикнул, и, безусловно, немцы сразу услышали. Смотрю, змеей ползут германцы к проволоке.

Вскочил я на ноги – бегу. Винтовка по ногам бьется, а пулемет наземь тянет. Закричали тут немцы, стали по мне стрелять, а я к земле не припадаю – бегу.

И как я добежал до первых халуп, прямо скажу – не знаю. Только добежал, смотрю – из плеча кровь текет – ранен. Тут по-за халупами шаг за шагом дошел до своих и скопился замертво. А очнулся, запомнил, в обозе в полковом околотке.

Только хватить-похватить за карман – часишки тут, а кабаньего бумажника как не бывало. То ли я на месте его оставил – ворон спрятать помешал, то ли выкрали санитары.

Заплакал я прегорько, махнул на все рукой и стал поправляться.

Только узнаю: живет у прапорщика Лапушкина здесь в обозе прелестная полячка Виктория Казимировна.

Хорошо-с.

Прошла, может быть, неделя, наградили меня Георгием, и являюсь я в таком виде к прапорщику Лапушкину.

Вхожу в халупу.

– Здравствуйте, говорю, ваше высокоблагородие, и здравствуйте, пожалуйста, прелестная полячка Виктория Казимировна!

Тут, смотрю, смутились они оба. А он встает, ее заслоняет.

– Чего, говорит, тебе надобно? Ты, говорит, давно мне примелькался, под окнами треплешься. Ступай, говорит, отсюда, к лешему.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
А я грудь вперед и гордо так отвечаю:

– Вы, говорю, хоть и состоите в чине, а дело тут, между прочим, гражданское, и имею я право разговаривать, как и всякий. Пусть, говорю, она, прелестная полячка, сама сделает нам выбор.

Как закричал он на меня:

– Ах ты, закричал, сякой-такой водохлеб! Как же ты это смеешь так выражаться... Снимай, говорит, Георгия, сейчас я тебя, наверно, ударю.

– Нет, отвечаю, ваше высокоблагородие, я в боях киплю и кровь проливаю, а у вас, говорю, руки короткие.

А сам тем временем к двери и жду, что она, прелестная полячка, скажет.

Да только она молчит, за Лапушкину спину прячется.

Вздыхнул я прегорько, сплюнул на пол плевком и пошел себе.

Только вышел за дверь, слышу, ктой-то топчет ножками.

Смотрю: Виктория Казимировна бежит, с плеч роняет трикотажный платочек.

Подбежала она ко мне, в руку впилась цапастенькими коготками, а сама и слова не может молвить. Только секундочка прошла, целует она меня прелестными губами в руку и сама такое:

– Низенько кланяюсь вам, Назар Ильич господин Синебрюхов... Простите меня, такую-то, для ради бога, да только судьба у нас разная...

Хотел я было упасть тут же перед ней, хотел было сказать что-нибудь такое, да вспомнил все, превозмог себя.

– Нету, говорю, тебе, полячка, прощения во веки веков.

Чертовинка

Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу, роскошная.

Да только нельзя мне, заметьте, на одном засиженном месте сидеть да бородавку почесывать.

Все со мной чтой-то такое случается... фантазии я своей не доверяю, но какая-то, может быть, чертовинка препятствует моей хорошей жизни.

С германской войны я, например, рассчитывал домой уволиться. Дома, думаю, полное хозяйство. Так нет, навалилось тут на меня, прямо скажу, за ни про что всевсякое. Тут и тюрьма, и сума, и пришлось даже мне, такому-то, идти наниматься рабочим батраком к своему задушевному приятелю. И это, заметьте, при полном своем семейном хозяйстве.

Да-с.

При полном хозяйстве нет теперь у меня ни двора, ни даже куриного пера. Вот оно какое дело!

А случилось вот как.

Из тюрьмы меня уволили, прямо скажу, нагишом. Из тюрьмы я вышел разутый и раздетый.

Ну, думаю, куда же мне такому-то голому идти – домой являться? Нужно мне обжиться в Питере.

Поступил я в городскую милицию. Служу месяц и два служу, состою все время в горе, только глядь-поглядь – нету двух лет со дня окончания германской кампании.

Ну, думаю, пора и ехать, где бы только разжиться деньжонками.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

И вот вышла мне такая встреча.

Стою раз преспокойно на Урицкой площади, смотрю, какой-то прет на меня в суконном галифе.

– Узнаешь ли, спрашивает, Назар Ильич господин Синебрюхов? Я, говорит, и есть твой задушевный приятель.

Смотрю: точно – личность знакомая. Вспоминаю: безусловно, задушевный приятель – Утин фамилия.

Стали мы тут вспоминать кампанию, стали радоваться, а он, вижу, чего-то гордится, берет меня за руку.

– Хочешь, говорит, знать мою биографию? Я комиссар и занимаю вполне прелестный пост в советском имении.

– Что ж, отвечаю, дорогой мой приятель Утин, всякому свое, всякий, говорю, человек дает от себя какую-нибудь пользу. Ты же человек, одаренный качествами, и я посейчас вспоминаю всякие твои исторические рассказы и переживания. И Пипина Короткого, говорю, помню. Спасибо тебе немало!

А он вдруг мной восхитился.

– Хочешь, говорит, поедem ко мне, будем жить с тобой в обнимку и по-приятельски.

– Спасибо, говорю, дорогой приятель Утин, рад бы, да нужно торопиться мне в родную свою деревеньку.

А он вынул откуда-то кожаный бумажник, отрыл десять косых.

– На, говорит, возьми, если на то пошло. Поезжай в родную свою деревню либо так истрать – мне теперь все равно.

Взял я деньжонки и адрес взял.

«Что ж, думаю, и я ему немало сделал, а тут вполне прекрасный случай, – поеду пока в свою деревню. А там видно будет – может, и действительно побываю по этому адресу. Вот, думаю, спасибо Утину – сделал благодарность за мое благодеяние».

А это верно: на фронте я его всегда покрывал. Там, скажем, бой или разведка, я – прямо к ротному командиру. Так и так, отвечаю. Утина никак нельзя послать. Ну, не дай бог, пуля его пристрелит – человек он образованный, и погибнет с ним большое знание.

И через меня устроили его на длинномер – так он всю свою жизнь, всю то есть германскую кампанию, и мерил шаги до германских окопчиков.

Так вот произошла такая с ним встреча, и вскоре после того собрался я и поехал в родные свои места.

И вот, запомнил, подхожу к своей деревеньке походным порядком, любуюсь каждой даже ветошкой, восторгаюсь, только смотрю – ползет навстречу поп, черт его побери.

Ну, думаю, будет теперь беда-бедишка. А сам, безусловно, подхожу к нему.

– Вздравствуйте, говорю, батюшка отец Сергей! Вполне прелестный день.

Как шатнется он от меня в сторону.

– Ой-е-ей, говорит, взаправду ли это ты, Назар Ильич Синебрюхов, или мне это образ представляется?

– Да, говорю, взаправду, батюшка отец Сергей, а что, говорю, случилось – ответьте мне для ради бога.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru – Да как же, говорит, что случилось? Я по тебе, живому, панихидки служу, и все мы почитаем тебя умершим покойником, а ты вон как... А супруга, говорит, твоя, можешь себе представить, живет даже в советском браке с Егор Ивановым.

– Ой-е-ей, отвечаю, что же вы со мной такое сделали!

Очень я растрогался, сам дрожу.

Ну, думаю, вот и беда-бедешка.

Ничего я попу больше не сказал и потрусил к дому.

Взбегаю в собственный, заметьте, домишко, смотрю – уже сидят двое: баба моя Матрена Васильевна Синеврюхова да Егор Иванов. Чай кушают. Поклонился я низенько.

– Чай, говорю, вам да сахар! Что же тут такое случилось, Егор Иванов Клопов, не томите меня для ради бога.

А сам не могу больше терпеть и по углам осматриваю свое домишко.

– Вот, смотрю, спасибо, сундучок, вот и штаны мои любезные висят, и шинелька – все на том же месте.

Только вдруг подходит ко мне Егор Иванов, ручкой этак вот передо мной крутит.

– Ты, говорит, чужие предметы руками не тронь, а то, говорит, я сам за себя не отвечаю.

– Как же, намекаю, чужие предметы, Егор Иванов, если это, безусловно, мои штаны? Вот тут даже, взгляните, химический подпис: Ен Синеврюхов.

А он:

– Нет тут твоих штанов, и быть их не может – тут, говорит, все мое домишко пополам с Матреной Васильевной.

А сам берет Матрену Васильевну за локоток и за ручку, выводит ее, например, на середину.

– Вот, говорит, я, а вот – законная супруга моя, драгоценная Матрена Васильевна. И все, не сомневайтесь, по закону.

Тут поклонилась мне Матрена Васильевна.

– Да, отвечает, воистинная все это правда. Идите себе с богом, Назар Ильич Синеврюхов, не мешайте для ради бога постороннему счастью.

Очень я опять растрогался, вижу – все пошло прахом, и ударил я тут Егор Иванова. И ударил, прямо скажу, не по злобе и не шибко ударил, атак, для ради собственного блезиру. А он, гадюка, упал нарочно навзничь. Ногами крутит и кровью блюет.

– Ой-е-ей, кричит, убийство!

Стали тут собираться мужички. И председатель тоже собрался. фамилия – Рюха. Начали тут кричать, начали с полу Егор Иванова поднимать...

А только смотрю – многие прямо-таки мной восхищаются и за меня горой стоят, и даже подзюкивают в смысле Егор Иванова.

– Побей, подзюкивают, Егор Иванова, а мы, говорят, в общей куче еще придадим ему, и даже, может быть, нечаянно произойдет убийство. И тогда ослобонится твоя бывшая супруга Матрена Васильевна.

Только замечаю: председатель Рюха перешептался с Егор Ивановым и ко мне подходит.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
– Ты что ж это, говорит, нарушаешь тут беспорядки? Что ж ты, так твою так, выступаешь супротив нас? Контр твоя революция нам теперь вполне известна, и даже, если на то пошло, есть у меня свидетели.

Вижу – человек обижается, я ему тихоньким образом внедряю:

– Я, говорю, беспорядков не нарушаю. Ни отнюдь. Но, говорю, как же так, если это мое добришко, так имею же я право руками трогать? И штаны, говорю, мои, взгляните – химический подпис.

А он, гадюка, вынимает какую-нибудь там бумагу и читает.

– Нет, говорит, ничего тут не выйдет. Лучше, говорит, ушел бы ты куда ни на есть. Сам посуди: суд да дело, да уголовное следствие, – все это – год или два, а жрать-то тебе, безусловно, нужно. И к тому же, может быть, выяснится, что ты – трудовой дезертир.

И так он обернул все это дело, что поклонился я всем низенько.

– Ладно, отвечаю, уйду куда ни на есть. Прощайте навсегда! Только пусть ответит мне Матрена Васильевна, где же родной мой сын, мальчичек Игната?

А она, жаба, отвечает тихими устами:

– Сын ваш, мальчичек Игната, летось еще помер от испанской болезни.

Заскрипел я зубами, оглянулся на четыре угла – вижу, все мое любезное висит, поклонился я в другой раз и вышел тихохонько.

Вышел я за деревню. Лес. Присел на пенек. Горюю. Только слышу: ктой-то трется у ноги.

И вижу: трется у ноги сучка небольшая, белая. Хвостиком она так и крутит, скулит, в очи мне смотрит и у ноги так и вьется.

Заплакал я прегорько, ласкаюсь к сучке.

– Куда же, спрашиваю, нам с тобой, сучка, приткнуться?

А она как завоет тонехонько, как заскулит, как завьется задом, так пошла даже у меня сыпь по телу от неизвестного страха.

И вот тут я глянул на нее еще раз и задрожал.

«Откуда же, думаю, взяться тут сучке? – Так вот подумал, вскочил быстренько и, безусловно, от нее ходу. Эге, думаю, это неспроста, это, может, и есть моя чертовинка во образе небольшой сучки».

Иду это я шибко, только смотрю – за мной катится.

Я за дерево схоронился, а она травинку нюх да нюх, понюхрила и, вижу, меня нашла, снова у ноги вьется и в очи смотрит. И такой на меня трепет напал, что закричал я голосом и побежал.

Только бегу по лесу – хрясь идет, а она за мной так скоком и скачет, так меня и достигает.

И сколько я бежал – не помню, только слышу, будто внутренний голос просит:

– Упань... упа-ань...

Упал я тут наземь, зарылся головой в траву, и начался со мной кошмар. Ветер ли зашуршит поверху, либо ветошка обломится – мне теперь все равно, мне все чудится, что достигает меня сучка и вот-вот зубами взгрызется и, может быть, перекусит горло и будет кровь сосать.

Так вот пролежал я час или, может быть, два, голову поднять не смею, и стал забываться.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Может быть, я тут заснул – не знаю, только утром встаю: трется у ноги сучка. А во мне будто страху никакого и нет и даже какой-то смех внутренний выступает.

«Да это же, думаю, собачка с моего двора. Может, она не пожелала с Клоповым находиться и вот пристала ко мне, к своему законному хозяину».

Погладил я сучку по шерстке, сам, безусловно, еще остерегаюсь.

– Ну, говорю, нужно нам идти. Есть, говорю, у меня такой задушевный приятель Утин. К нему мы и пойдём. Будем с ним жить в обнимку и по-приятельски. Пойдём со своим законным хозяином.

Так вот я сказал ей, будто у нас вчера ничего и не было. Встаю и иду тихонечко. Она, безусловно, за мной.

Прихожу, например, в одну деревню, расспрашиваю:

– Это, говорят, очень даже далеко, и идти туда нужно, может быть, пять ден.

– Ой-е-ей, говорю, что же мне такоеча делать? Дайте, говорю, мне, если на то пошло, полбуханки хлеба.

– Что ты, говорят, что ты, прохожий незнакомец, тут кругом все голодуют и сами возьмут, если дастишь.

Так вот не дали мне ничего, и в другой деревне тоже ничего не дали, и пошел я вовсе даже голодный с белой своей сучкой.

Да еще, не вспомню уже откуда, увязался за нами преогромный такой пес – кобель.

Так вот иду я сам-третий, голодую, а они, безусловно, нюх да нюх и найдут себе пропитание.

И так я голодовал в те дни, провал их возьми, что начал кушать всякую нечисть и блекоту, и съел даже, запомнил, одну лягуху.

Теперь вот озолоти меня золотом – в рот не возьму, а тогда съел.

Было это, запомнил, к концу дороги. К вечеру я, например, очень ослаб, стал собирать грибки да ягодки, смотрю – скачет.

И вспомнил: говорил мне задушевный приятель, что лягух, безусловно, кушают в иностранных державах и даже вкусом они вкусней рябчиков. И будто сам он ел и похваливал.

Поймал я тогда лягуху, лапишки ей пообрывал. Кострик, может быть, разложил и на согретый камушек положил пекчись эти ножки.

А как стали они печеные, дал одну сучке, а та ничего – съела.

Стал и я кушать.

Вкуса в ней, прямо скажу, никакого, только во рту гадливость.

Может быть, ее нужно с солью кушать – не знаю, но только в рот ее больше не возьму.

Все-таки съел я ее, любезную. Поблевал маленько. Заел еще грибками и побрел дальше.

И сколько я так шел – не помню, только дошел до нужного места.

Вспрашиваю:

– Здесь ли проживает задушевный приятель Утин?

– Да, говорят, безусловно, здесь проживает задушевный приятель Утин. Взойдите

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
вот в этот домишко.

Взошел я в домишко, а сучка у меня, заметьте, в ногах так и вьется, и кобель сзади. И вот входит в зальце задушевный приятель и удивляется:

– Ты ли это, Назар Ильич товарищ Синябрюхов?

– Да, говорю, безусловно. А что, говорю, такоеча?

– Да нет, говорит, ничего. Я, говорит, тебя не гоню и супротив тебя ничего не имею, да только как же все это так? У меня, говорит, тут уже папаша живет. И мой папаша, наверно, будет что-нибудь иметь против. Он у меня очень такой несговорчивый старичок. А лично я, говорит, всецело рад и счастлив твоему прибытию.

Тогда я отвечаю ему гордо:

– Нет, отвечаю, дорогой мой приятель Утин, вижу, что ты не рад, но я, говорю, пришел не в гости гостить и не в обнимку жить. Я, говорю, пришел в рабочие батраки наняться, потому что нет у меня теперь ни кола, ни даже куриного пера.

Подумал это он.

– Ну, говорит, ладно. Лучше меня, это знай, человека нет! Я, говорит, каждому отец родной. Я, говорит, тебя чудным образом устрою. Становись ко мне рабочим по двору. Я так своему папе и скажу.

И вдруг, замечайте, всходит из боковой дверюшки старичок. Чистенький такой старикан. Блуза на нем голубенькая, подпоясок, безусловно, шелковый, а за подпояской – платочек носовой. Чуть что – сморкается в него, либо себе личико обтирает. А ножками так и семенит по полу, так, гадюка, и шуршит новыми полсапожками.

И вот подходит он ко мне.

– Я, говорит, рекомендуюсь: папаша Утин. Чего это ты, скажи, пожалуйста, приперся с собаками? Я, говорит, имейте в виду, собак не люблю и терпеть их ненавижу. Они, мол, всюду гадят и кусаются.

А сам, смотрю, сучку мою все норовит ножкой своей толкнуть.

И так он сразу мне не понравился, и сучке моей, вижу, не понравился, но отвечаю ему такое:

– Нет, говорю, старичок, ты не пугайся, они не кусачие...

Только это я так сказал, сучка моя как заурчит, как прыгнет на старичка, как куснет его за левую руку, так он тут и скопился.

Подбежали мы к старичку...

И вдруг, смотрю, убежала моя сучка. Кобель, безусловно, тут, кобель, замечайте, не исчез, а сучки нету.

Люди после говорили, будто видели ее на дворе, будто она ела косточку, да только вряд ли, не знаю, не думаю... Дело это совершенно удивительное.

Так вот подошли мы к старичку. Позвали фершала. Фершал ранку осмотрел.

– Да, говорит, это собачий укус небольшой сучки. Ранка небольшая. Маленькая ранка. Не спорю. Но, говорит, наука тут совершенно бессильна. Нужно везть старичка в Париж – наверно, сучка была бешеная. А там ему сделают операцию.

Услышал это старик, задрожал, увидел меня.

– Бейте, закричал, его! Это он подзюкал сучку, он на мою жизнь покусился. Ой-е-ей, говорит, умираю и завещаю вам перед смертью: гоните его отсюда.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru «Ну, думаю, вот и беда-бедиха произошла через эту белую сучку. Недаром я ее в лесу испугался».

А подходит тут ко мне задушевный приятель Утин.

– Вот, говорит, тут налево порог. Больше мы с тобой не приятели!

Взял я со стола ломочек хлеба, поклонился на четыре угла и побрел тихохонько.

Гиблое место

Много таких же, как и не я, начиная с германской кампании, ходят по русской земле и не знают, к чему бы им такое приткнуться.

И верно. К чему приткнуться человеку, если каждый предмет, заметьте, свиное корыто даже, имеет свое назначение, а человеку этого назначения не указано? И через это человеку самому приходится находить свое определение.

И через это, начиная с германской кампании, многие ходят по русской земле, не понимая, что к чему.

И таких людей видел я немало и презирать их не согласен. Такой человек – мне лучший друг и дорогой мой приятель. Поскольку такой человек ищет свое определение. И я тоже это ищу. Но только не могу найти, поскольку со мной случаются разные бедствия, истории и происшествия.

Конечно, есть такие гиблые места, где кроме таких, как я, и другие тоже ходят. Жулики. Но такого страшного жулика я сразу вижу. Взгляну и вижу, какой он есть человек.

Я их даже по походке, может быть, отличу, по самомалейшей черточке увижу.

Я вот, запомнил, встретил такого человека. Через него мне тоже одна неприятность произошла. А я в лесу его встретил.

Так вот, представьте себе – пенек, а так – он сидит. Сидит и на меня глядит.

А я иду, знаете ли, смело и его будто и не примечаю.

А он вдруг мне и говорит:

– Ты, говорит, это что?

Я ему и отвечаю:

– Вы, говорю, не пугайтесь, иду я, между прочим, в какую-нибудь там деревню, на хлебородное местечко, в рабочие батраки.

– Ну, говорит, и дурак (это про меня то есть). Зачем же ты идешь в рабочие батраки, коли я, может быть, желаю тебя осчастливить? Ты, говорит, сразу мне приглянулся наружной внешностью, и беру я тебя в свои компаньоны. Привалило тебе немалое счастье.

Тут я к нему подсел.

– Да что ты? – отвечаю. – Мне бы, говорю, милый ты мой приятель, вполне бы неплохо сапожонками раздобыться.

– Гм, говорит, сапожонками... Дивья тоже... Тут, говорит, вопрос является побольше. Тут вопрос очень даже большой.

И сам чудно как-то хихикает, глазом мне мигун мигает и все говорит довольно хитрыми выражениями.

И смотрю я на него: мужик он здоровенный и высокущий, и волосы у него, заметьте, так отовсюду и лезут, прямо-таки лесной он человек. И ручка у него тоже особенная. Правая ручка у него вполне обыкновенная, а на левой ручке пальцев нет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
– Это что ж, спрашиваю, приятель, на войне пострадал, в смысле пальцев-то?

– Да нет, мигает, зачем на войне. Это, говорит, дельце было. Уголовно-политическое дельце. Бякнули меня топором по случаю.

– А каков же, спрашиваю, не обидьтесь только, случай-то?

– А случай, говорит, вполне простой: не клади лапы на чужой стол, коли топор острый.

Тут я на него еще раз взглянул и увидел, что он за человек.

А после немножко оробел и говорю:

– Нет, говорю, милый ты мой приятель. Мне с тобой не по пути. Курс у нас с тобой разный. Я, говорю, не согласен идти на уголовно-политическое дело, имейте в виду. Я человек, говорю, вполне кроткий, потребности у меня небольшие. И прошу – оставьте меня в покое продолжать мой путь. Так вот ему рассказал это, встал и пошел.

А он мне кричит:

– Ну и выходит, что ты дурак и старая дырявая тряпка (это на меня то есть). Пошел, говорит, проваливай, покуда целый.

Я, безусловно, за березку да за сосну и теку.

И вот, запомнил, пришел в деревню, выбрал хату наиболее богатенькую. Зашел. Наймусь, думаю, тут в батраки. Наверное, кормить будут неплохо. А то я сильно отощал. И вот зашел.

А жил-был там мужик Егор Савич. И такой, знаете ли, прелестный говорун мужик этот Егор Савич, что удивительно даже подумать. Усадил он меня, например, к столу, хлебом попотчевал.

– Да, отвечает, это можно. Я возьму тебя в работники. Пожалуйста. Что другое – не знаю, может быть, ну, а это – сделайте ваше великое удовольствие – могу. Делов тут хотя у меня не много и даже чересчур мало, и вообще работы у меня почти что нету, но зато мне будет кое с кем словечком переткнуться. А то баба моя – совсем глупая дура. Ей бы все пить да жрать да про жизнь на картишках гадать. Можете себе представить. Так что я тебе прямо скажу – найму не без удовольствия. Только, говорит, приятный ты мой, по совести тебе скажу, место у нас тут гиблое. Народу тут множество многое до смерти испорчено. Босячки всякие так и ходят под флагом бандитизма. Поп вот тоже тут потонул добровольно, а летом, например, матку моей бабы убили по случаю. Тут, приятный ты мой, места вполне гиблые. Смерть так и ходит, своей косою помахивает. Но если ты не из пугливых, то, конечно, оставайся.

Так вот поговорили мы с ним до вечера, а вечером баба его кушать подает.

Припал я тут к горяченькому, а он, Егор Савич, так и говорит, так и поет про разные там дела-делишки и все клонит разговор на самые жуткие вещи и приключения, и сам дрожит и пугается.

Рассказал он мне тогда, запомнил, случай, как бабку Василису убили. Как бабка Василиса у помойной кучи присела, а он, убийца, так в нее и лепит из шпалера, и все, знаете ли, мимо. Раз только попал, а после все мимо.

А дельце это такое было.

Пришли к ним, например, два человека и за стол без слова сели. А бабка Василиса покойница – яд была бабка.

<...> Ладно. Бабка Василиса видит, что смело они так сели, и к ним.

– Вы, говорит, кто же такие будете, красные, может быть, или, наверное, белые?

Те усмехнулись и говорят:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– А ты угадай, мамаша. Ежели угадаешь, то мы тебя угостим свиным шпиком. А ежели нет, то извиняемся – на тот свет пошлем. Нынче жизнь не представляет какой-нибудь определенной ценности, а это у нас будет вроде интересной игры, которая нас подбодрит на дальнейшее путешествие.

Бабка Василиса испугалась и затряслась. Сначала она так сказала, потом этак.

Те говорят:

– Нет, не угадала, мамаша. Мы – зеленая армия. И мы идем против белых и против красных под лозунгом «Догорай моя лучина».

И тут они взяли бабку за руку и застрелили ее во дворе.

И когда это Егор Савич рассказал, я его побранил.

– Чего ж это ты, побранил, за бабку-то не вступился? Явление это вполне недопустимое.

А он:

– Да, говорит, недопустимое, сознаю, но, говорит, если бы она мне родная была матка, то – да, то я, я очень вспыльчивый человек, я, может быть, зубами бы его загрыз, ну, а тут не родная она мне матка – бабы моей матка. Сам посуди, зачем мне на рожон было лезть?

Спорить я с ним не стал, меня ко сну начало клонить, а он так весь и горит и все растревляет себя на страшное.

– Хочешь, говорит, я тебе еще про попа расскажу? Очень, говорит, это замечательное явление из жизни.

– Что ж, отвечаю, говори, если на то пошло. Ты, говорю, теперь хозяин.

Начал он тут про попа рассказывать, как поп потонул.

– Жил-был, говорит, поп Иван, и можете себе представить...

Говорит это он, а я слышу – стучит ктой-то в дверь и голос-бас войти просит.

И вот, представьте себе, входит этот самый беспальный, с хозяином здороваются и мне все мигун мигает.

– Допустите, говорит, переночевать. Ночка, говорит, темная, я боюсь. А человек я богатый. Могут обокрасть.

И сам, жаба, хохочет.

А Егор Савич так в мыслях своих и порхает.

– Пусть, говорит, пусть. Я ему про попа тоже расскажу...

Жил-был, говорит, поп, и, можете себе представить, ночью у него завыла собака...

А я взглянул в это время на беспалого – ухмыляется, гадюка. И сам вынимает серебряный портсигарчик и папироску закуривает.

«Ну, думаю, вор и сибиряк. Не иначе как кого распотрошил. Ишь ты, какую вещь стибрил».

А вещь – вполне роскошный барский портсигар. На нем, знаете ли, запомнил, букашка какая-нибудь, свинка, буковка.

Оробел я снова и говорю для внутренней бодрости:

– Да, говорю, это ты, Егор Савич, например, про собаку верно. Это неправда, что смерть – старуха с косой. Смерть – маленькое и мохнатенькое, катится и хихикает.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Человеку она незрима, а собака, например, ее видит, и кошка видит. Собака как увидит – мордой в землю уткнется и воет, а кошка – та фырчит, и шерстка у ней дыбком становится. А я вот, говорю, такой человек, смерти хотя и не увижу, но убийцу замечу издали и вора, например, тоже.

И при этих моих словах на беспалого взглянул. Только я взглянул, а на дворе:

– У...у...

Как завоет собака, так мы тут и зажались.

Смерти я не боюсь, смерть мне даже очень хорошо известна по военным делам, ну, а Егор Савич – человек гражданский, частный человек.

Егор Савич как услышал «у... у...», так посерел весь, будто лунатик, заметался, припал к моему плечу.

– Ох, говорит, как вы хотите, а это, безусловно, на мой счет. Ох, говорит, моя это очередь. Не спорьте.

Смотрю – и беспалая жаба сидит в испуге.

Егора Савича я утешаю, а беспалый говорит такое:

– С чего бы, говорит, тут смерти-то ходить? Давайте, говорит, лягем спать поскорей. Завтра-то мне (замечайте) чуть свет вставать нужно.

«Ох, думаю, хитрой мужик, как красноречиво выказывает свое намеренье. Ты только ему засни, а он хватит тебя, может быть, топориком и – баста, чуть свет уйдет».

Нет, думаю, не буду ему спать, не такой я еще человек темный.

Ладно. Пес, безусловно, заглох, а мы разлеглись кто куда, а я, запомнил, на полу приткнулся.

И не знаю уж, как вышло, может, что горяченького через меру покушал, – задремал.

И вот представилась мне во сне такая картина. Снится мне, будто сидим мы у стола, как и раньше, и вдруг катится, замечаем, по полу темненькое и мохнатенькое, вроде крысы. Докатилось оно до Егора Савича и – прыг ему на колени, а беспалый нахально хохочет. И вдруг слышим мы ижехерувимское пение, и деточка будто такая маленькая в голеньком виде всходит и передо мной во фронт становится и честь мне делает ручкой.

А я будто оробел и говорю:

– Чего, говорю, тебе, невиненькая деточка, нужно? Ответьте мне для ради бога.

А она будто нахмурилась, невиненьким пальчиком указывает на беспалого.

Тут я и проснулся. Проснулся и дрожу. Сон, думаю, в руку. Так я об этом и знал.

Дошел я тихоньким образом до Егора Савича, сам шатаюсь.

– Что, спрашиваю, жив ли? – говорю.

– Жив, говорит, а что такоеча?

– Ну, говорю, обними меня, я твой спаситель, буди мужиков, взять нужно беспалого сибирского преступника, поскольку он, наверное, хотел тебя топором убить.

Разбудили мы мужиков, стали вязать беспалого, а он, гадюка, представляется, что не в курсе дела.

– Что, говорит, вы горохом объелись, что ли? Я, говорит, и в мыслях это убийство не держал. А что касается моего серебряного портсигара, то я его не своровал, а заработал. И я, говорит, могу хозяину по секрету сказать – чем я занимаюсь.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

И тут он наклоняется к Егор Савичу и что-то ему шепчет.

Видим, Егор Савич смеется и веселится и так мне отвечает:

– Я, говорит, тебя рабочим к себе не возьму. Ты, говорит, только народ смущаешь. Этот беспальный человек есть вполне прелестный человек. Он – заграничный продавец. Он для нас же, дураков, носит спирт из-за границы, вино, коньяк и так далее.

«Ну, думаю, опять со мной происшествие случилось. На этот раз, думаю, сон подвел. Не то, думаю, во сне видел, чего надо. А все, думаю, мое воображение плюс горячая пища. Придется, думаю, снова идти в поисках более спокойного места, где пища хорошая и люди не так плохи».

Собрал я свое барахлишко и пошел.

А очень тут рыдал Егор Савич.

– Прямо, говорит, и не знаю, на ком теперь остановиться, чтоб чего-нибудь рассказывать.

Проводил он меня верст аж за двадцать от гиблого места и все рассказывал разные разности.

Черная магия

1

Не такие теперь годы, чтобы верить в колдовство или, может быть, в черную магию, но только рассказать об этом никогда не мешает.

Много темных людишек и посейчас существует. Как в других деревнях – неизвестно, а в селе Лаптенках это так. В селе Лаптенках бабы, например, и болезни всякие заговаривают, и на огонь и на воду ворожат, и травы драгоценного свойства собирают. Что до другого, не знаю, не скажу, ну а болезни – это, пожалуй, правильно. С болезнями бабка Василиса очень даже великолепно справляется.

Конешно, приедет какой-нибудь этакий ферт заграничный, он, безусловно, только посмеется.

– Эх, скажет, Россия, Россия, темная страна!

Так ему что? Ему подавай в цилиндре доктора, в пиджаке, а на бабу Василису он и не взглянет. Да он, может быть, и на лекарского помощника Федор Иваныча Васильченку не взглянет. Вот что! Вот это какой ферт!

Но только с таким человеком я и спорить никогда не соглашусь. Там у них и жизнь другая, а не такая, там, может быть, и болезней-то таких нет, как у нас.

Вот, рассказывают, грелки у них поставлены в трамваях, чтоб сквознячок, значит, ножку не застудил, пожалуйста...

Ведь это что? Ведь это дальше и идти-то некуда. Полное европейское просвещение и культура...

Ну а у нас и жизнь тут другая, и людишки не такие. У нас вот баба, например, погибла от черной магии. Супруга Дмитрия Наумыча.

2

А по-пустому все и вышло. Ее, имейте в виду, Дмитрий Наумыч со двора вон выгнал. Вот оттого все и произошло. А впрочем, нет, не оттого.

Прежде случай был другой, деревенский. В дело это чертов сын Ванюшка замешался. Вот что.

Жил-был на свете такой Ванюшка, мужик больной и убогий... Из-за него все и произошло. Конечно, бывали тут на селе и раньше разные происшествия: повадились, например, мужички каждую весну тонуть – то Василь Васильич, мужик богатенький, потонул, то староста нырнул нечаянно, то Ванюшка теперь... Но только все это было по веселым делам, а такого дела, чтобы, например, бабу свою вон выгнать – тут и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
привычки такой ни у кого не было.

Так вот, Ванюшка больной и убогий.. Я, как в Лаптенках расположился, сразу обратил полное свое внимание на Ванюшку. Ходит это он, можете себе представить, веселенький, ручки свои, сволочь, потирает. Я его запомнил, остановил тогда на селе, отвел в сторону.

– Ты что ж это, спрашиваю, та к нахально-то ходишь и ручки свои потираешь, гадина?

А он, как сейчас помню, ехидно так посмотрел на меня.

– А чего, говорит, мне горе-то горевать? Мне теперь, знаете, лафа. Я хотя и больной и убогий, а жить теперь буду что надо. Очень передо мной широкий горизонт в смысле богатеньких невест и приданого.

– Да что ты, говорю, врешь?

– Нету, говорит, не вру. Как хотите. Ходит теперь мужик в очень большой цене, да только, имейте в виду, – мужик холостой, неженатый... Да, вы, говорит, впрочем, сами-то взгляните, что кругом деетсяя.

Взглянул я кругом, ну, вижу – дела-делишки: на селе бабы кишмя кишат, девки на вечеринках дура с дурой танцуют, а кавалеров ихних – как корова языком слизала. Нету ихних кавалеров. Никто из молодых молодчиков, заметьте, с германской войны домой не вернулся.

«Вот, думаю, да-а...»

А Ванюшка ходит вокруг села и хвалится.

– Дождался, говорит, я своего времечка. Как угодно. Дорвался до роскошной жизни. Я хоть и больной и убогий, а мужик. Из песни слова не выкинешь.

Так вот с недельку походил по селу Ванюшка, стал, сукин сын, на радостях самогонку хлебать, за речку ездить повадился... Жила-была за речкой фря такая, веселая солдатка Нюшка. И – можете себе представить – потонул Ванюшка. От солдатки возвращался ночью пьяненький и потонул, дурак. Не удержал своего счастья.

И очень тогда мужички над ним издевались.

З

Ну хорошо. К ночи он, например, затонул, утром походили мужички по берегу, посмеялись вдоволь и ловить его принялись.

Выехали на лодках, пошевелили баграми, кошками по дну поцарапали – нету Ванюшки.

А речонка и вся-то ничего не стоит – одно распоряжение, что речонка.

Обиделись мужички.

– Что, говорят, за мать честная? Василь Васильича сразу нашли, старосту тоже сразу нашли, а тут этакую невидаль, козьявку, представьте себе, такую найти не можем.

Пустили по речке горшки... Ну да. Обыкновенные горшки. Глиняные... Это не какое-нибудь там темное поверие или, может быть, старинный обычай, это роскошное средство найти утопленника. Да это можно даже доказать научными данными. Скажем, труп лежит, за корягу ногой, может быть, зацепился. Пожалуйста. Над трупом вода безусловно обязана крутиться и воронку делать... Горшок туда – и там, представьте себе, вертится.

Так вот и тут. Пустили горшки. Поплыл один горшок на середину реки и, смотрим, там крутится. Сунули там багор – глыбоко. Яма. Повертели кошкой – осталась там кошка.

ТЬфу ты, дьявол!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Решили мужички: нырнуть нужно.

Тот, другой, пятый – отнекиваются.

– Димитрий Наумыч...

Тот долго спорить не стал, скинул с себя платьишко, рожу свою перекрестил и нырнул.

И тут-то, замечайте, все и началось.

4

Рассказывал мне после Димитрий Наумыч.

– Нырнул, говорит, я. Хорошо. И только я нырнул, как вдруг меня и осенило: «Что ж, думаю, ходил тут такой Ванюшка, холостой, неженатый, да и тот в воде захлебнулся. Чего ж, думаю, случай-то такой роскошный я буду из рук вон выпущать? Выгоню, например, свою бабу да и поженюсь на богатенькой».

Так вот он подумал и сам чуть водой не поперхнулся, чуть не погиб мужик – пробыл в воде сверх положенной нормы. Даже мужички тогда забеспокоились, потому что пошел по воде пузырь крупный.

Но только через минуту выплыл Димитрий Наумыч на свет земной, лег на песок и лежит ужасно скучный и даже трясется.

«Ну, – подумали мужички, – чудо-юдо на дне, не иначе».

А на дне, имейте в виду, все спокойно: лежит Ванюшка на дне, уцепившись штаниной за корягу.

Стали мужички расспрашивать: что да что, а Димитрий Наумыч и говорит:

– Тащите, говорит, кошкой, все спокойно.

Стали мужички тащить... да только об этом и разговор никакой – больше-то Ванюшка и не нужен в нашем деле, потому что пошло дело по другому уклону. Ну, а Ванюшку, да, вытащили. Побегал мужик Димитрий Наумыч домой.

«Что ж, – бежит и думает, – кругом во всех деревнях ходит холостой мужик в большой цене. Да я, думает, бабу свою теперь с лица земли сотру или, может быть, ее выгоню».

Так вот он опять подумал, да видит – как раз эти самые слова ему и нужны. Пришел домой и фигурять начал.

И баба ему ступит плохо, и вид-то ему из окна, между прочим, плохой.

Видит баба: загрустил мужик, а с чего загрустил – неизвестно. Подходит тогда она к нему со словами, а слова все у ней тихие.

– Чего, говорит, это вы, Димитрий Наумыч, словно как загрустили?

– Да, – отвечает он нахально, – загрустил. Хочу, говорит, богатеньким быть, да вы, имейте в виду, мне помеха.

Промолчала баба.

А сказать нужно, баба у Димитрия Наумыча очень даже замечательная была баба. Только одно и несчастье, что не богатая, а бедная. А так-то всем хороша: и голос у ней был тихий и симпатичный, и походка не какая-нибудь утиная – с боку, например, на бок – походка роскошная: идет, будто плавает.

Ее сестру даже родную ферт какой-то за красоту убил. Жить с ним не хотела.

В Киеве дело было...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1911.ru
Ну и эта тоже была очень даже красивая. Все находили. А Димитрий Наумыч мнению этому теперь не внял и свою мысль при себе имел.

Так вот поговорили они, баба промолчала, а Димитрий Наумыч все, замечайте, случая ищет.

Походил он по избе.

– Ну, давай, орет, баба, кушать, что ли!

А до обеда далеко было. Баба ему с резонном и отвечает:

– Да что вы, Димитрий Наумыч, я, говорит, еще и затоплять-то не думала.

– Ах, говорит, ты, юмола, юмола, ты, говорит, меня, может, голодом уморить думала? Собирай, говорит, свое барахлишко, сайки с квасом, вы, говорит, мне больше не законная супруга.

Очень тут испугалась баба, умишком раскинула.

Да видит – гонит. А с чего гонит – неизвестно. Во всех делах она чистая, как зеркальце. Думала она дело миром порешить. Поклонилась ему в ножки.

– Побей, говорит, лучше, Пилат-мученик, а то мне и идти-то некуда.

А Димитрий Наумыч просьбу хотя ее и исполнил, побил, а со двора все-таки вон выгнал.

5

И вот собрала баба барахлишко – юбочку какую-нибудь свою дырявую – и на двор вышла.

А куда бабе идти, если ей и идти-то некуда?

Покрутилась баба по двору, повыла, поплакала, умишком своим снова раскинула.

«Пойду-ка, думает, к соседке, может, что и присоветует».

Пришла она к соседке. Соседка повздыхала, поохала, по столу картишки раскинула.

– Да, говорит, плохо твое дело. Прямо, говорит, очень твое дело паршивое. Да ты и сама взгляни: вот король виной, вот осьмерка, а баба виной на отлете. Не врут игральные карты. Имеет мужик чтой-то против тебя. Да только ты и есть сама виноватая. Это знай.

Вы обратите внимание, какая дура была соседка. Где бы ей, дуре, утешить бабу, вне себя баба, а она запела такое:

– Да, запела, сама ты и есть виноватая. Видишь – загрустил мужик, ты потерпи, не таранти. Он тебя, например, нестерпимыми словами, а ты такое: дозвольте, мол, сапожечки ваши снять и тряпочкой наисухонькой обтереть – мужик это любит...

Футы, старая дура!.. Такие слова..

Утешить нужно бабу, а она растравила ее до невозможности.

Вскочила баба, трясется.

– Ох, говорит, да что же я такоеча наделала? Ох, говорит, да присоветуй хоть ты-то мне для ради самого господя! На все я теперь соглашусь. Ведь мне и идти-то некуда.

А та, старая дура, тьфу, и по имени-то назвать ее противно, ручищами развела.

– Не знаю, говорит, молодушка. Прямо сказать тебе ничего не могу. В очень большой цене теперь мужик. И красотой одной и качествами не прельстишь его. Это и думать не смей.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Бросилась тут баба вон из избы, выбежала на зады да по заднему проспекту и пошла вдоль села. На село-то ей, бедной, и выйти было стыдно.

И вот видит баба: идет ей навстречу старушка махонькая, неизвестная бабушка. Идет эта бабушка, тихонько катится и чтой-то про себя шепчет.

Поклонилась ей баба наша, заплакала.

– Здравствуйте, говорит, старушка махонькая, неизвестная бабушка. Вот, говорит, взгляните, пожалуйста, какие дела-делишки на земном свете-то деются.

Взглянула старая бабушка, головенкой своей, может быть, мотнула.

– Да, говорит, деются, деются... Ох, говорит, молодая молoduшка, знаю все, что на свете деется: всех людишек передавить надобно – вот что деется. Да только, умоляю тебя, не плачь, не порти очи себе. В деле таком, слеза – помощь никакая. А вот что: есть у меня средства разные, есть травы драгоценного свойства. Есть и словесные заговоры, да только в таком великолепном деле они ничего не стоят. А от такого дела, чтобы человека при себе удержать, есть одно только средство. Будет это средство страшное: особая это роскошная черная кошка. Тую кошку всегда узнать можно. Ох, любит та кошка в очи смотреть, а как смотрит в очи, так хвостом нарочно качает медленно и спинку свою гнет...

Слушает баба ужасные старухины речи, и млеет у ней сердце.

Конешно, никто не слышал такие речи старухины, кроме бабы нашей, да только все это, безусловно, правильно. Об этом Юлия Карловна тоже говорила. Да и в дальнейшем это вполне выяснилось. И еще в дальнейшем выяснилось, что взять нужно было тую кошку черную, в полночь баньку вытопить и тую кошку живую в котел бросить.

– Умоляю тебя, – просила бабушка, – брось тую кошку безусловно живую, а не дохлую. А как будет все кончено, вылущи кошачию косточку небольшую, круглую и, умоляю тебя, носи ее всегда при себе.

Как услышала баба это, ужаснулась, поклонилась старухе низенько.

«Пойду, думает, поклонюсь еще раз Димитрию Наумичу, а если не изменит он своего мнения, так есть у меня средство страшное, роскошное».

6

Пошла баба на село поклониться Димитрию Наумичу, да только пошла она, имейте в виду, зря.

Где же было Димитрию Наумичу изменить свое мнение, если он так и горел и даже в город порывался ехать, закончить дело.

Я к нему тогда зашел. Он уж и лошадь свою запрягал. Он мне многое тогда высказал.

– Никогда бы, говорит, я такую бабу не выгнал, как бог свят. Лучше, говорит, растерзай ты меня на куски и разбросай те куски по полю, но на такое дело никогда бы я не согласился. Очень она, баба, мне в самый раз. Да только больно мне, слушай, богатеньким-то лестно пожить. Ты сам взгляни: ну какой я есть мужик? Только и есть одно удовольствие, что лошадь у меня, а так-то все идет в развалку и на сторону. Ну вот, ты сам, слушай, друг ты мой, ответь мне для ради самого господя, есть у меня, например, корова или нету?

– Нет, говорю, нет у тебя коровы, Димитрий Наумич. Это я подтверждаю. У тебя, говорю, овцы даже какой-нибудь паршивой – и то нету.

– Ну, говорит, вот видишь! Какой же я мужик после этого?

– Да уж, говорю, без коровы тебе как без рук.

– Так вот, говорит, а вы говорите: баба! Баба что? Только что хороша собой, а больше у ней, слушай, и преимуществ-то нет никаких... Ну, сестру ее, скажем, за красоту убили. В Киеве дело было. Так мне теперь что? Мне из этого и пальтишка

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru даже не шить. Да и меня, прямо скажу, этим теперь не заинтересуешь.

Так вот он говорит, со мной объясняется, а баба, заметьте, рядом стоит.

Увидел он ее, закричал.

– Чего, закричал, тебе надобно? Уходи! Сделай такое одолжение!

А баба испугалась окрика да говорит не то, что нужно.

– Ухожу, говорит, я, Димитрий Наумыч, еще не знаю куда, наверное, в Киево-Печерскую лавру, так дозвольте мне на прощанье в баньке вашей попариться.

Посмотрел мужик на нее, не хитрит ли баба. Нет, не хитрит.

Подобрел Димитрий Наумыч.

– Ладно, говорит, попарься. В этом, говорит, я не притесняю. Ведь я не зверь какой-нибудь. Я за что тебя выгнал? Очень ты хорошая баба и все такое, да только уж извините – рвань коричневая. Ничего у тебя нет и, сознайся, и не было. Да и родственники, слушай, твои – за сколько лет хоть бы кто плюнул. Хоть бы кто подарок мне сделал для ради смеха. Рубашку бы, например, преподнес к празднику к светлему: носите, дескать, Димитрий Наумыч, себе на утешение... Так нет того.

Не стала баба долго его слушать, повернулась да и пошла, а Димитрий Наумыч сел в телегу, свистнул, гикнул да и был таков.

И вот, представьте себе, едет он в город, а баба тем временем баньку вытопила, кошку попову черную приманила, заперла ее в баньке и ждет ночи.

Встретил я ее, бабу бедную, в тот вечер. По селу она бежала. Стиснула этак вот кошку к груди и бежит и бежит, простоволосая и вроде как страшная.

«Ох, – подумал я, – гибнет баба!» Но только, имейте в виду, дело мое – сторона.

7

А к ночи сделал мужик свое дело, выпил с братом своим в городе самую что ни на есть малость и едет обратно веселенький, песни даже играет. И не чует, не гадает, что с ним такое сейчас стряется. А стряется сейчас с ним дело совершенно удивительное – прут, ну ветка, скажем, сухая в колесо попадет, и лошадь гибнет...

Только об этом после. К этому и время еще не подошло. А мне только сказать нужно: если б не упала тогда лошадь, то ничего бы, может быть, и не случилось с бабой, поспел бы Димитрий Наумыч, ну а тут лошадь, представьте себе, упала.

Хорошо. Так вот, едет мужик по лесу, на телеге раскинулся, ручки свои в стороны разбросал. Едет.

А лошадь идет шагком мелким, ее и править не надо. Да Димитрий Наумыч и не правит. Он, имейте в виду, вожжи даже бросил.

И это верно он поступил: лошадь и днем и ночью завсегда дорогу к дому найдет. Об этом я очень великолепно знаю. В извозчиках я и сам больше года был.

Так вот, идет себе лошадь Димитрия Наумыча шагком, а Димитрий Наумыч вожжи отпустил и про себя песни играет. А ночь, имейте в виду, темнейшая.

Хорошо. Мурлычет он, пьяненький, «Кари глазки», только смотрит, к погосту подъезжает.

И стало мужику не по себе.

«Вот, думает, мать честная, сколько тут людишек позарыто, да и мне места такого не миновать... А я, обратите внимание, такими вещами занят: бабу, например, свою гоню для ради какого-то богатства и роскоши...»

Подъехал он к погосту хмурый, песни свои забыл и лежит на телеге – скучает.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Только чует: смотрит будто на него кой-то пристально.

– Кто? – крикнул мужик.

– О-о! – закричали ему с погоста.

Хотел мужик подхлестнуть свою лошадь, да только чует – и рукой ему шевельнуть жутко.

«Ну, думает, скорее бы место такое злчное миновать».

Только это он так пожелал себе, вдруг его кой-то хлясь по роже!

Замер Димитрий Наумыч, похолодел.

А прут, представьте себе, обернулся еще раз в колесе – хлясь обратно по роже. Смертельно закричал Димитрий Наумыч. А лошадь – дура. Лошадь слышит, кричит мужик, думает – на нее, – понесла.

Мужик кричит чужим голосом, а лошадь так и дует, так и прет к дому.

Пронеслись они верст, наверное, пять, Димитрий Наумыч видит: никто его больше по роже не бьет – кричать перестал, в себя пришел.

Пришел в себя, тпр да тпр – не остановит коня.

Ему бы, дураку, нужно «ш-ш» сказать, а он за вожжу. Он за вожжу, а лошадь несомненно в сторону. Лошадь несомненно в сторону, а в стороне, имейте в виду, дерево.

Наскочила лошадь на дерево. Хрясь башкой об дерево и скопсилась замертво.

Выпал мужик из телеги, шапку снял.

Да, видит, скончалась лошадь. «Ой, думает, вот беда так беда, такого и бедствия во всей жизни еще не было! Ну, думает, отпущена мне эта беда не иначе как за бабу мою».

Стоит мужик и себе не верит.

И себя-то ему жалко, и лошадь – дело такое драгоценное, мужицкое, и за бабу до того грустно, что и сказать невыносимо. Постоял он, постоял.

«Ну, думает, что есть, то есть. Пойду-ка я на село поскорейча, может быть, с бабой моей еще ничего не случилось». Так вот он подумал, заторопился, привязал зачем-то лошадь к дереву, взвалил на себя дугу да сбрую и пошел скорым шагом.

Да только зря он торопился. Было уже поздно. Случилось уже такое, что и во сне не снилось мужику.

8

Начала баба дело свое – черную магию, когда Димитрий Наумыч к погосту подъезжал.

Пришла баба в те часы в баньку, крест и платишко свои в предбаннике оставила и без ничего в баню вошла. Вошла она в баню, крышку с котла откинула и кошку ищет.

«Где же, думает, кот? Не видно его чегой-то». Смотрит: забился кот подлавку.

Баба ему: кыся, кыся, а он, представьте себе, щерится и в очи смотрит.

Баба протянула руку – он зубами. Изловчилась как-то баба, ухватила его за шкуру, плюхнула в котел и крышкой поскорей прикрыла.

Прикрыла она крышкой и слышит: бьется кошка в котле это ужасно как, даже крышка чугунная вздымается. Налегла баба грудью на котел, а сама от страха сомлела вся, и вот-вот, видит, силушки удержать не хватит. А в котле повертелось, повертелось и заглохло.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Подложила баба дров побольше, отошла от печки и на лавку присела. Ждет. И вот слышит, будто вода ключом кипит. Посмотрела: да, крышка вздымается и ходуном ходит.

«Ну, – думает баба, – сейчас конец».

Подбежала она к котлу, только приподняла крышку, как в лицо ей бросится кот или чего-то такое другое. Всплеснула баба руками и на пол рухнула.

9

Конечно, никто не знает, как в точности это было. Скорей всего баба открыла котел, а ее паром и обожгло. А баба с перепугу подумала, что это в нее кошка бросилась. Взяла и померла с перепугу. А конец делу был такой.

Вышел я утром на село, смотрю: бежит поскорей мужик Димитрий Наумыч, и на нем, представьте себе, честь честью дуга и сбруя.

Очень я удивился, а он – ко мне.

– Не видел ли, кричит, бабы моей?

– Нет, отвечаю, бабы я твоей не видал. А вот вчера, говорю, да, видел, баньку она вечер топила.

Ухватил он тут меня за руку, и мы побежали.

Ворвались в баньку, шагнули за порог, и тут представилась нам такая нестерпимая картина.

Лежит, представьте себе, баба на полу совершенно мертвая. Охнул тут Димитрий Наумыч, схватил себя за голову и говорит:

– Вот, говорит, через свою жадность потерял такую верную супругу!

И, конечно, заплакал горькими слезами.

Веселая жизнь

1

Ах, милостивые мои государи и дорогие товарищи! Поразительно это, как меняется жизнь и как все к простоте идет.

Скажем, двести лет назад тут, на Невском, ходили люди в розовых и зеленых камзолах и в париках. Дамы этакими куклами прогуливались в широченных юбках, а в юбках железные обручи...

Теперь бы и подумать об этом смешно, ну а тогда была эта картина повседневная.

А впрочем, и над нами через сто лет посмеются.

Вот, скажут, как нелегко было существовать им! Мужчины на горлах воротнички этакие тугие стоячие носили, дамы – корсеты...

И верно. Смешно. Да только и это уже уходит.

Все меняется, все идет к простоте необыкновенной.

И не только это во внешней жизни, но и в человеческих отношениях.

Ну кто, какой человек вызовет меня на дуэль, если я обзову его дураком? Никто.

А раньше за это до крови бились. Да что раньше!

Недавно это было. Недавно еще, скажем, битый офицер, да и не только офицер, любой дворянин битый считал непременно долгим застрелиться или застрелить обидчика.

Я вот вспоминаю старичка древнего. Генерала одного пехотного. Актриска его в

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
сердцах по физиономии дернула. Так что ж вы думаете?

Застрелиться хотел старичок. Плакал, тосковал всю ночь... Ну да только кончилось все благополучно. Пережил старичок. И в дальнейшем помер от дизентерии.

Ах, а смешная это была история! И не то, конечно, смешно, что актриса старичка ударила, а вся история перед тем, вся веселая жизнь генеральская была необыкновенная.

2

Ах, милостивые мои государи! Невозможно без слез вспомнить об этом человеке.

Нынче лежит он на Митрофаньевском. Над ним камень могильный – ангел в воскрылии. Под ангелом надпись: отставной военный генерал Петр Петрович Танана.

Малюсенький это был старичок, птичий. Вместо волос – какие-то перышки. Носик продолжительный, птичий, и звали его повсюду, старичка этого, чижином.

Были на нем чины огромные и богатство довольно изрядное, а жил он, несмотря на это, до того грустно, что и сказать невозможно.

Пятьдесят лет прожил он, прямо скажу, неслышно, а на пятьдесят первом году, перед смертью, вдруг изменился человек.

Раньше, бывало, генеральша полные сутки орет на него, что павлин, а генерал в ответ ни полсловечка. Генерал в столовой на диване ляжет, шинелькой прикроется и жмется. А тут, на пятьдесят первом году, стал брыкаться. Генеральша, например, голосом донимает, а он в людскую.

Там у Васьки Дидюлина, у камердинера своего, сядет на кровать и только усмехнется горько:

– Вот, скажет, Вася, картина семейной жизни.

А Васька Дидюлин головой потрясет.

– Да, скажет, неинтересно вы живете, богатые люди.

А генерал иногда с ним спорить начнет:

– Что ты, брат Дидюлин. Мы, богатые люди, тоже веселиться можем, только нам нельзя все сразу. Ты вот погоди. Дай срок. Дотерпи до лета. Летом мы с тобой на Кавказ поедим. Повеселимся ужасно как. Все равно за тихую жизнь мне никто спасибо не сказал. Ну а нынче желаю пожить разгульно. До того буду яростно жить, что если бог есть на небе или, например, херувимы, так они содрогнутся.

И вот к весне генерал и Дидюлин стали в путь собираться.

3

А перед отъездом зовет генерал Дидюлина в комнату.

– Вот, говорит, что, Вася. Сейчас мы с тобой сходим по одному щепетильному делу. Пока генеральша спит у себя в креслах, бери поскорей эту корзину с пищей и идем.

Взяли они корзину и пошли.

Петербургская сторона. У черта на рогах... В шестнадцатом этаже... Звонят.

Старушонка дверь отворяет.

– Что, спрашивает, нужно? Я пенсионерка и держу меблированные комнаты.

Генерал отвечает:

– Нам нужно видеть мамзель Зюзиль по щепетильному делу.

– Это, спрашивает, циркачку-то?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
– Да. Наездницу и актрису мамзель Зюзиль.

И вот входят генерал и Дидюлин в комнаты. У зеркала циркачка сидит. Вид у ней не ахти какой. Даже удивительно, как генерал заинтересовался ей.

Увидела генерала, руками всплеснула.

– Ах, ах, говорит, не подходите, генерал, я раздетая.

А генерал:

– Ничего, что раздетая, я по щепетильному делу.

– Ну, так, отвечает, садитесь тогда в сторонку и произносите ваше дело. А я навьюшечку тем временем сниму, прическу причешу и снова буду красивая и изысканная.

Генерал башлычок свой развернул. Подходит.

– Имею, говорит, честь отрекомендоваться – военный генерал Петр Петрович Танана. Давеча сидел в первом ряду кресел и видел всю подноготную. Я, военный генерал, восхищен и очарован. Ваша любовь, мои же деньги – не желаете ли проехаться на Кавказ? Нужно жить да радоваться. Развязывай, брат Дидюлин, корзину.

У циркачки руки трясутся.

– Ах, ах, отвечает, мерси, генерал, не тревожьтесь беспокоиться. Не могу я так – раз, раз, по-воробыиному, решиться на такое щепетильное дело. Я очень порядочная и за такие слова могу враз выгнать человека из помещения.

Генерал встает.

– Нету, говорит, не выгоняйте, умоляю вас. Я военный генерал Петр Петрович Танана, и всякие обиды и в особенности оскорбления действием мне невозможно перенести.

– Ах, ах, – говорит циркачка, – извиняюсь, генерал, я не хотела вас обидеть.

– Ну-с, – говорит генерал, – это ничего. Сердце у меня нежное и характер кроткий. Беги, брат Дидюлин, в полпивную, носи полдюжины пива. Нужно жить да радоваться.

Побежал Дидюлин в полпивную, возвращается – сидят у зеркала генерал с циркачкой, будто новобрачные.

4

Вскоре после того они и поехали.

Кисловодск. Высшее человеческое парение.

Вот генерал циркачке и говорит:

– Ну, машер, машер, приехали. Вот взгляните. Кисловодск. Кругом восхитительные места, кавказская природа, а это курсовые ходят.

А циркачка:

– Ну, говорит, и пущай себе ходят. В этом ничего нет удивительного. Давайте лучше квартиру снимать.

Снял генерал квартиру, а циркачка через улицу комнату. Живут.

Только замечает генерал: дама мамзель Зюзиль по этим местам не слишком шикарная, даже вовсе не шикарная. Одним словом, стерва.

Генерал, например, с ней под ручку идет, а в публике смех. Тут кругом высшее общество, а она гогочет и ногами вскидывает.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Вот генерал Дидюлину и говорит:

– Ну, говорит, брат Дидюлин, я военный генерал Петр Петрович Танана, а мне с циркачкой вместо веселья одно лишь оскорбление выходит. Тут кругом высшее общество, а она, дура такая, бисерный подзатыльник носит, гогочет и обнажается.

Дидюлин ему и советует:

– А вы, говорит, гоните ее, и разговор весь.

Вот генерал и согласился.

Приходит циркачка на другой день, а Дидюлин:

– Пущать, говорит, не велено. Иди, говорит.

– Как же, говорит, не велено? Если генерал от меня в полном восхищении.

– Ну, – говорит Дидюлин, – это вам как угодно. Приказано гнать в шею.

Как услышала циркачка такие слова – затряслась. Визжит в три горла. Даже соседи заинтересовались.

– Кто это, спрашивают, визжит в три горла?

А циркачка:

– Передайте, кричит, генералу, что я ему, курицыну сыну, за такое нахальство голову вырву при первой встрече.

Покричала еще циркачка и ушла.

А очень тут испугался генерал. В комнате у себя заперся, шторку опустил.

– Ну, говорит, брат Дидюлин, вонючий случай. Дама она настойчивая, что сказала – сделает. А если сделает, мне помереть придется. Мне, военному генералу, невозможно перенести оскорбления. Лучше, говорит, я из комнаты никуда не выйду. А ты ко мне никого не впускай и дверь на цепке держи.

5

Три дня прожил генерал в комнате, не вылезая. На четвертый день осмелел – шторку поднял и сидит у окна, обедает.

И видит: личность этакая штуковатая к окну подходит.

Человек какой-то.

И шут его разберет – не то кавказец, не то русский. На подбородок посмотришь – кавказец. Подбородок пикой. На нос взглянешь – безусловно русский. Нос обыкновенный русский, крылечком выступает.

Тут и генерал заинтересовался таким смешением, из окна высунулся, вместо того чтобы шторку опустить.

А тот ближе подходит.

– Здравия, говорит, желаю. Имею, говорит, к вам очень много чувств, дайте, говорит, за мои чувства тарелку супу. Я вам за едой дельце расскажу.

Генерал испугался.

– Вы, говорит, ко мне не подходите близко и в лицо не дуйте – я военный генерал Танана, и мне это оскорбительно. Говорите на почтительном расстоянии.

– Ах, говорит, так! Ну, так извольте. После этого вы мне прямой враг. Вы не смотрите, что нос у меня обыкновенный, нос этот мне от матушки достался, а я настоящий гордый лезгин и за честь женщины всегда вступлюсь. Объявляю вам, надменному генералу, что если вы не удовлетворите капиталом обиженную мамзель

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
Зюзиль, так она оскорбит вас действием публично. А что до меня, то заявляю:
выжимаю левой рукой три пуда, рука у меня тяжелая. Были даже смертельные исходы.

И ушел.

Генерал сомлел, шторку опустил, сидит и трясется.

Дидюлина зовет.

– Ну, говорит, брат Дидюлин, вонючий случай. Делу дан неприятный оборот. Что делать, я и ума не приложу. Чувствую только, что живым мне теперь не быть. Ну, ударит она при публике – мне крышка, стреляться нужно. А если капитал ей дать, то опять-таки – какой капитал? Мало дашь – все равно ударит. Много дашь – передашь еще. Жалко. Погиб я теперь, Дидюлин. Погубила меня веселая жизнь.

А Дидюлин ему и говорит:

– А вы, говорит, дайте ей три катеньки и еще пообещайте, а там видно будет. Может быть, мы соберемся да и в сторону.

Генерал вынул три бумаги.

– Ладно, говорит, беги. Это ты прелестно придумал.

Вот Дидюлин и побежал.

6

А надо было так случиться, что, не доходя циркачки, армянская полпивная была. Духан, одним словом.

Вот Дидюлин бежит, деньги у него между пальцами шуршат, и думает он:

«Не малюсенькие, думает, деньги, мать честная. Зайти, что ли, выпить стаканчик? С циркачки и двух бумаг больно хватит».

Вот он и зашел. Выпил и еще выпил и все на свете забыл. Гуляет на все сто рублей.

А генерал у окна сидит и природой любуется. Только проходит час и два. Дело к вечеру. Нет Дидюлина.

Вот генерал и думает:

«Затекли ноги. Пройтись, что ли, по улице?..»

Вышел он на улицу – хорошо. Идет по улице – превосходно. Видит – парк.

«Зайду, думает, в парк. Волков бояться – в лес не ходить».

Зашел в парк. Кругом духовая музыка.

Вот генерал и сам не заметил, как за столик сел... Потребовал себе еды. Сидит, кушает, музыкой восхищается.

«Ну, думает, ничуть не страшно».

Только вдруг видит: циркачка идет и лезгин рядом.

«Неужели, – думает генерал, – мало ей трех катенок?»

А циркачка подходит к столу.

– Что, говорит, не узнали, генерал?

– Нет, отчего же, – отвечает генерал, – узнал, машер, машер... И того, говорит, лезгина узнал. Очень симпатичная личность.

– Ах, – говорит циркачка, – личность?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И с этими словами генерала по сухонькой щеке наотмашь.

Упал генерал в траву и лежит битый в тревожной позе. А лезгин схватил скатерть, сдернул – все бланманже на пол рухнуло.

Захотели они оба и ушли. Стали тут курсовые подходить толпами. Собрали генерала с травы, положили на скатерть и домой отнесли.

7

К ночи Дидюлин домой явился пьяный. Пришел к генералу.

– Так и так. Прогулял денежки.

Ничего ему генерал на это не сказал, только кивнул головой.

– Подай, говорит, сюда огнестрельное оружие.

Дидюлин, пьяный, оружие подал – и к себе.

Спать сразу свалился.

Только наутро вскакивает, вспоминает все. «Ну, думает, помер генерал. Вечный покой». Вбегает в комнату, смотрит: сидит генерал на кровати и тоненько так смеется. Весело.

– А, говорит, брат Дидюлин. Я, говорит, на тебя не сержусь. Они хитры, но и я хитер. Если бы лезгин меня ударил, то да – я бы застрелился. Ну а тут актриска ударила. Баба. А баба не считается... Ах ты, дураки какие!

На другой день генерал и Дидюлин уехали.

А в дороге покушал генерал через меру и помер от дизентерии.

Гришка Жиган

Поймали Гришку жигана на базаре, когда он Старостину лошадь купчику уторговывал.

Ходил Гришка вокруг лошади и купцу подмигивал.

– Конь-то каков, господин купчик! Королевский конь! Лучше бы мне с голоду околеть, чем такого коня запродать. Ей-богу, моя правда. Ну а тут вижу – человек хороший. Хорошему человеку и продать не стыдно. Особенно если купчику благородному.

Купец смотрел на Гришкину лошадь недоверчиво. Лошадь была мужицкая – росту маленького и сама пузатая.

– А зубы-то... Зубы-то, господин купчик, каковы! Ведь это же, взгляните, королевские зубы!

Гришка приседал на корячки, ходил вокруг лошади без всякой на то нужды, даже наземь ложился под брюхо лошади. И хвалил брюхо.

А купчик медлил и спрашивал:

– Ну а она, боже сохрани, не краденая?

– Краденая? – обижался Гришка. – Эта-то лошадь краденая! У краденой лошади, господин купчик, взор не такой. Краденая лошадь завсегда глазом косит. А тут, обратите внимание, какой взор. Чистый, королевский взор. И масть у ней королевская.

– Да ты много не рассусоливай, – сказал купчик. – Ежели она есть краденая, так ты мне и скажи: краденая, мол, лошадь. А то ходит тут, говорят, вор и конокрад, Гришка Жиган... Так уж не ты ли это и будешь? А? Как звать-то тебя?

– Это меня-то? Гришей меня зовут. Это точно. Да только, господин купчик, я воровством имя такое позорить не буду. На это я никогда не соглашусь... А зовут,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru да, Гришей зовут. Могу и пачпорт вам показать... Ну, что же, берете коня-то? Королевский конь. Ей-богу, моя правда.

А в это время мужички со старостой во главе подошли к базару.

– Вот он, – тонко завыл староста, – вот он, собачий хвост, вор и конокрад – Гришка Жиган! Бейте его, людишки добрые!

Стоит Гришка и бежать не думает, только лицом слегка посерел. Знает, бежать нельзя. Поймают и сразу бить будут. А сгоряча бьют до смерти. Опешили мужики. Как же так – вор, а не бежит и даже из рук не рвется. Потоптались на месте, насели на Гришку и руки ему вожжой скрутили. А в городе бить человека неловко.

– Волоките его за город, – сказал староста, – покажем ему, вору, сукину сыну, как чужих коней уворовывать!

Повели Гришку за город. Прошли с полверсты.

– Буде! – остановился Фома Хромой. И пиджак скинул.

– Начнем, братишки.

Видит Гришка, дело его плохое: бить сейчас будут. А вора-конокрада бьют мужички до смерти – такой закон.

– Братцы, – сказал Гришка, – а чья земля эта будет? Земля-то ведь эта казенная будет. Нельзя здесь меня бить. Такого и закону нет, чтоб на казенной земле человека били. И вам до суда дело, и мне вред.

Староста согласился.

– Это он верно. Затаскает судья, если, например, до смерти уьем человека. Волокнем его, братишки, на село. Там и концы в воду.

Повели Гришку на село.

– Братцы, – тихо спросил Гришка, – за что же бить-то будете? Под суд меня, вора и конокрада, надобно. Суд дело разберет. Да только каждый суд оправдает меня. Любой суд на лошадь взглянет и оправдает. Скверная лошаденка, шут с ней совсем. От нее и радости-то никакой нет.

– Да что ж это он, – удивился староста, – что ж это он, православные, лошадь-то мою хаает? Этакая чудная лошадь, а он хаает... Ты что ж это, хвост собачий, лошадь мою хаешь?

– Ей-богу, моя правда, – сказал Гришка. – Поступь у ней, посмотрите, какая. На такую лошадь и сесть противно. Как на нее только сядешь – она, дура такая, задом крутит. Шут ее знает почему, но крутит задом. От нее и болезни могут произойти: грыжа, например, болезнь... От села до базара четыре версты, всякий знает, а у меня пот градом – измучила совсем, чертова анафема! Так и крутит задом, так и крутит... Да я вам даже показать могу...

Фома Хромой подошел к Гришке и ударил его.

– Чего зубы-то заговариваешь, сука старая! Если ты есть вор, так и веди себя правильно. Не заговаривай.

Повели Гришку дальше. Уж и село близко – церковь видна.

– Братцы, – смиренно сказал Гришка, – а братцы... А ведь бить-то меня зря будете. Все равно скоро конец свету.

Мужики шли молча.

– Вот что, – опять начал Гришка, – ходит тут такой юродивый, блажененький Иванушка-братец... Не я, а он эти слова говорит. «Да, говорит, будет в этих местах великое землетрясение и огненный вихорь».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Да ну? – тихо удивился Фома Хромой. – Врешь?

– Ей-богу, моя правда. Да что мне теперь скрывать? Мне и скрывать теперь нечего. Он и число назначил. Какое у нас число сегодня?

– Осьмое число, – ответили мужики.

– Осьмое. Правильно. Ну а тут на девятое назначено. Завтра, значит, и будет. В полдень пожелтеет небо, настанет вихорь, и град падет на землю, и град сей будет крупнейший, с яйцо с куриное и даже больше... И будет бить этот град все насквозь. И человека, и скот домашний – корову, например, или курицу...

– И железо? – спросил староста. – Крыша у меня если, скажем, железная?

– Драгоценные есть ваши слова, – сказал Гришка, – и железо.

Мужики остановились.

– Ну а попа, – спросил кто-то, – может ли, например, поп уцелеть?

– Нет, – ответил Гришка, – и поп не может уцелеть...

– А ведь это верно, – раздумчиво сказал Фома Хромой, – ходила тут схимонашенка такая... Подтверждала эти слова. Только про град-то это он врет. Про град она ничего не говорила. А землетрясение – это верно. И вихорь огненный.

– Ну а что же, – спросили мужики Гришку, – что же такое делать, если, например, кто спастись хочет?..

– Да врет он! – вдруг закричал староста. – Врет ведь, собачий хвост! Зубы дуракам заговаривает. Бейте его, людишки добрые!

Мужички не двигались.

– Нельзя бить, – строго сказал Фома Хромой. – Обождать нужно. Обождем до завтра, братишки. Убить человека завсегда не поздно. Только про град-то он врет, собачий хвост. Ничего схимонашенка про такое не говорила.

– Безусловно, врет, – сказал староста, – ей-богу, врет. И про железо врет.

– Так завтра, что ли, Гришка, обещаешь ты? – спросил Фома Хромой.

– Завтра. Пожелтеет в полдень небо, настанет вихорь, и град падет на землю, и град сей...

– Ладно, – сказали мужички, – обождем до завтра.

Развязали Гришке руки и повели в село. А в селе заперли Гришку на старостинном дворе в амбаре и караульщика приставили.

К вечеру все село знало о страшном пророчестве. Приходили бабы на Старостин двор с хлебом и с яйцами, кланялись Гришке и плакали.

Ау Фомы Хромого народу собралось множество. Сидел Фома Хромой на лавке и говорил такое:

– Если б не эта схимонашенка, да я бы первый сказал – врет он, собачий хвост. Ну а тут схимонашенка... У кого еще была схимонашенка?

– У меня, Фома Васильевич, была. У меня и есть, – сказала баба простоволосая. – К вечеру сию я преспокойно... Стучит ктой-то...

– Да, – перебил Фома Хромой, – небо пожелтеет, настанет вихорь...

Назавтра мужички в поле не вышли. А день был ясный.

Ходили мужички по селу, на Старостин двор заходили и пересмеивались.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
– Сидит еще пророк-то?

– Сидит.

– Соврал, собачий хвост. Как пить дать, соврал. А ведь каково складно вышло! Ах ты, дуй его горой! Такого и бить-то жалко.

И только Фома Хромой не смеялся.

Ходил Фома Хромой в одиночку, хмурился, выходил в поле и смотрел на небо.

А небо было ясное.

В полдень услышали крик на селе. Кричал Фома Хромой.

– Туча!

И точно. Из-за казенного лесу низко шла туча. Была эта туча небольшая и серая. И ветер гнал ее быстро. Все село высыпало на зады и в поля. И дивится.

– Да, туча!

Но не пожелтело небо и вихорь не настал – прошла туча над селом быстро и скрылась.

День был ясный.

Бросились мужички на Старостин двор. Хвать-похват – амбар открыт, а Гришки нету. Исчез Гришка.

А вместе с Гришкой исчез и конь Старостин королевской масти.

Искушение

Святым угодникам, что на церковных иконах, нельзя смотреть в очи...

Да бабка Василиса и не смотрит.

Ей сто лет, она две жизни прожила и все знает.

Она на Иуду Искаротского смотрит. В «Тайной вечере».

– Плохая моя жизнь, Иудушка, – бормочет бабка, – очень даже не важная моя жизнь. Я бы и рада, Иудушка, помереть, да нельзя теперь: дочка родная саван, видишь ли, истратила на кухольные передники...

Хитрит Иуда, помалкивает...

А кругом тени святые по церковным стенам ходят, помахивают рукавами, будто попы кадилами.

– Ничего, Иудушка. Молчи, помалкивай, если хочешь. Я тебя не неволю. Мне бы только, видишь ли, из беды моей выйти.

Довольно поклонялась бабка святым угодникам, нужно и кому-нибудь другому поклониться.

Кланяется баба низко. Бормочет тихие свои слова.

Только видит: подмигнул ей Иуда. Подмигнул и шепчет что-то. Что шепчет – неизвестно, но баба знает, она – сто лет прожила.

Шепчет он: оглянись-ка в сторону, посмотри, дура-баба, на пол.

Оглянулась баба в сторону, посмотрела на пол – полтинник серебряный у купчихиной ноги. Спасибо Иудушке!

Нужно ближе подойти, потом – на колени. Только бы никто не заметил.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Эх, трудно старой опуститься на колени!

Земной поклон Богу и угодникам...

Холодный пол трогает бабкино лицо...

А где же полтинник? А вот у ноги.

Тянется старуха рукой, шарит по полу.

Тьфу, нечистая сила! Не полтинник.

Это – плевков...

Искушение, прости господи!..

Последний барин

1. Встреча

Его, Гаврилу Васильевича Зубова, я встретил в Смоленске.

Помню... Базар. Пшеничный хлеб. Свиная туша. Бабы. Молоко... И тут же, у ларьков – толпа. Зрители. Хохочут. Бьют в ладоши. А перед зрителями – человек.

Я подошел.

Был это необыкновенного вида человек: босой, слоноподобный, с длинными, до плеч, седыми волосами. Он ходил таким кренделем перед толпой, рыл ногами землю, бил себя по животу, хрюкал, приседал, ложился в грязь. Он танцевал.

Сначала я не понял. Понял, когда он взял с земли дворянскую фуражку и стал обходить зрителей. В фуражку клали ему все, кроме денег: кусочки грязи, навоз, иной раз хлеб. Хлеб он тут же пожирал. Все смеялись. Но это не было смешно. Это было страшно – лицо его не улыбалось.

Я протискался ближе и вдруг узнал: это – Зубов. Помещик Гаврила Васильевич Зубов. Я вдруг вспомнил: цугом двенадцать лошадей, гонец впереди – его выезд, кровать под балдахином, лакей, читающий ему Пушкина из соседней комнаты (чтоб не видеть смерда!)...

Я положил в шапку его хлеб и сказал тихо:

– Гаврила Васильевич...

Он усмехнулся как-то хитро, в нос, и, взглянув на меня, отошел.

Да, это был Гаврила Зубов. Станный, необыкновенный человек! Последний барин, которому следовало бы жить при Екатерине...

Я хотел было уйти, но вдруг подошел ко мне какой-то старичок. Был он чистенький, опрятненький, в сюртуке. В руке он держал ковер: продавал.

Старичок высморкался в розовый платок, поправил галстук, кашлянул и сказал почтительно:

– Извиняюсь, уважаемый товарищ, вы изволили по имени назвать Гаврилу Васильевича... Вы знали сего человека?

– Да, – сказал я, – однажды я с ним встретился...

– Однажды! – закричал на меня старичок. – Однажды? Только однажды? Так, значит, о нем вы ничего не знаете?

– Нет, – сказал я, – о нем я кое-что слышал.

Старичок недовольно взглянул на меня.

– А что «Зубово» он сжег – знаете?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Сжег «Зубово»? Нет, не знаю.

– Нет? – снова закричал старичок, размахивая руками. – Ну, так, значит, вы ничего не знаете... А про Ленку знаете? А как Гаврила Васильевич князя Мухина высек?

Старичок засмеялся тоненько, поперхнулся, вынул розовый свой платок, высморкался и, взяв меня под руку, сказал, показывая пальцем на Зубова:

– Сжег. Сжег свое «Зубово». Из великой гордости сжег. Чтоб мужичкам ничего не досталось. И нагишом ушел. В белье только. Даже кольцо с пальца скинул и в пожар бросил. Мужички по сие время шуруют на пожарище.

Старичок снова засмеялся. На этот раз он смеялся продолжительно, дважды вытаскивал носовой платок, сморкался, махал рукой, вытирал себе слезы...

Я посмотрел на Гаврилу Васильевича. Он сидел на земле, поджав под себя ноги. Величайшее равнодушие застыло на его лице. Он тихо качался всем телом, и челюсти его медленно и равнодушно двигались: он жевал хлеб.

2. Рассказ старичка

– Ах, уважаемый товарищ, – сказал старичок, – много ли человек стоит? А стоит человек три копейки со всеми своими качествами. Вот взгляните: сидит человек, сложив по-турецки ноги, – ему и горюшка никакого... Все забыл, все не помнит, и другая кровь течет у него по жилам.

А кто это сидит, многоуважаемый товарищ? А сидит это Гаврила Васильевич Зубов, самый, в свое время, замечательный, самый наигордый человек во всей России. Лет тому тридцать назад каждый сопливый мальчишка знал это имя. Жил он в Москве и не тем был замечателен, что золотом свыше одного миллиона на французенок истратил, а был он замечателен необыкновенной своей гордостью.

Гордился он прямо-таки всем: фамилией своей, и ростом, и капиталом, и тем, что покойный царь с ним в шашки игрывал и по щекам его дружески хлопал...

Разные уморительные анекдоты существовали о его безмерном тщеславии.

Рассказывали, быдто в любовницах всегда у него были самые красивейшие женщины. Красивей всех. А один известный барон вывез откуда-то столь необыкновенно прекрасную девицу, что сразу затмил Зубова. Не мог перенести это Зубов. За огромные деньги перекупил он девицу эту и всюду на показ водил ее... А была девица эта из мещаночек. И при чудной красоте своей имела руки мужицкие, красные... Так два года перед тем продержал ее Гаврила Васильевич взаперти и два года не снимал с нее кожаных перчаток. А как снял, так руки стали у ней белейшие, с прожилками.

Ах, ей-богу, до чего был гордый человек!

Рассказывали, будто на визитных своих карточках, кроме корон и всяких наименований, печатал он собственный вес – 9 пудов. Но неизвестно, может быть, это была неправда.

Известно только, что в сорок лет он не смог ужиться с людьми, и по великой своей гордости и презрению к людям выехал в имение свое «Зубово». И там он от всех закрылся. Никуда не выезжал и к нему никто не ездил. Наезжали, впрочем, к нему разные некрупные помещики, но Гаврила Васильевич принимал их строго: называл на ты, руки не подавал и садиться перед собой не приказывал. И всех считал дрянью, разночинцами или купчишками. Некоторые дворянчики безмерно от того обижались, но ихняя обида оставалась при них.

Пять лет прожил он сиднем, на шестой год все и случилось. А пять лет жил он до того скучно, что, будь это другой человек, непременно бы повесился.

Была у него в любовницах Ленка – девка простая и как все равно индюшка, глупая. Жила она в верхнем этаже, целые дни кушала халву и грецкие орехи и валялась на постелях.

Гаврила Васильевич поднимался к ней редко. И даже в такие дни с ней не разговаривал. Да и она сама перед ним робела.

А день у него проходил от еды до еды. Днем, без всякой на то нужды, ходил Гаврила Васильевич по своим апартаментам и на глаза никто не смел ему показываться. А к вечеру, бывало, на кровать он свою ляжет, балдахином прикроется и велит камердинеру Гришке книги читать. Сядет Гришка в соседней комнате, дверь в барскую опочивальню прикроет и оглушительным басом кричит ему разные повести и романы.

Но иной раз, в добром душевном расположении, выходил Гаврила Васильевич в сад и приказывал палить из пушки. Стояла у него в саду пушка старинная и стреляла она каменными ядрами. Ну, стрельнут из нее раз, другой, Гаврила Васильевич рукой махнет, дескать, достаточно, будет, и снова в свои апартаменты. И ходит, и ходит, даже посторонних тоска берет.

Иной раз устраивал Гаврила Васильевич балы. Да только это были совсем удивительные балы. Пятнадцать музыкантов на хорах трубили в инструменты вальсы и мазурки, а Гаврила Васильевич один во всем зале ходит взад и вперед, в кресла присаживается и опять ходит...

Так вот жил Гаврила Васильевич в своем «Зубове» побольше пяти лет. А был у него некий человек, вроде как бы его приказчик или управляющий. Ходил этот приказчик за барином своим в трех шагах, в разговоры не лез, молчал, как утопленник, и все припадал к барской ручке.

За это Гаврила Васильевич весьма его полюбил и даже приблизил. Его-то однажды Гаврила Васильевич позвал в свои апартаменты и сказал:

– Род мой древний и знаменитый, ежели в ближайшие сроки не женюсь, то окончится на мне фамилия. Угаснет род. Что делать – ума не приложу. А только требуется мне невеста хороших кровей.

Бросились люди по всей губернии... Стали разыскивать, опрашивать, где какая существует девица хороших кровей, но нигде не нашли. Все проживали мелкота и купчишки.

Стали наезжать к Гавриле Васильевичу старушки разные. Бывало, такая старушка приедет, Гаврила Васильевич ее примет, послушает, а после как по столу тяпнет.

– Да ты про что врешь?

– Как это вру? Предлагаю, дескать, дворяночку.

– Кому предлагаешь? Говори, кому предлагаешь? Кто я такой?

– Зубов. Помещик Зубов.

Гаврила Васильевич только усмехался.

– Зубов! А кто такой Зубов? Да знаешь ли ты, матушка, что Зубов в бархатную книгу вписан? Да со мной император не раз в шашки играл... Да лучше я на девке простой женюсь, чем дворяночке поеду кланяться.

Приказчику Гаврила Васильевич заявил:

– Ежели в течение года невесты хороших кровей не найду, то непременно и обязательно женюсь на Ленке. Пущай весь мир погибает.

А вскоре отыскали эту невесту. Явился человек и доложил:

– Проживает в десяти верстах за «гнилыми прудами» старая княгиня Мухина. Богатством она не отличается, но кровей хороших и превосходных. При ней, дескать, дочка. А какова дочка, какой внешности и какой, например, у ней нос – никто не знает. Может быть, она и очень хороша, а может быть, и хроменькая – никто об этом не знает и ее не видал.

Ужасно тут обрадовался Гаврила Васильевич.

– Ладно, говорит, какая бы она ни была, но раз хороших кровей, то дело сделано.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Приказал он из пушки стрелять и в тот же день отбыл к князьям Мухиным.

Приехал. Ждет. Старушка к нему выходит. Старушка весьма гордая... Капот... Наколочка... Разговор все время французский...

Посмотрел на нее Гаврила Васильевич – остался доволен. Кровей, думает, хороших. Сомненья нету.

А она:

– Зачем, дескать, батюшка, пожаловали? По каким это делам? А мы-то тут сиднем сидим и из высшего света никого не видим.

Гаврила Васильевич ей отвечает:

– Насчет высшего света я с вами много не буду распространяться, я пожаловал сюда не мух ловить, а серьезное дело делать. Примите мое предложение – прошу ручку вашей дочери.

Старушка совершенно тут растерялась, про себя бубнит, по апартаментам мечется.

– Как? Что такое? Да разве вы знаете княжну Липочку?

– Нет, – отвечает ей гордо Гаврила Васильевич, – княжну я не знаю и знать не хочу, а прошу ее руки заочно. Пуцай выходит и мне представляется.

Ужасно тут забеспокоилась старушка.

– Ох, говорит, если так, то сейчас, сейчас. С минутку обождите. Кушайте пока чай с печеньями.

И сама за дверь вышла.

Осмотрел Гаврила Васильевич комнату. Видит, фамилия князей Мухиных небогатая: все стоит развалившись, мебель и диваны рваные.

«Ну, думает, мне это все равно, не за мебелью я приехал, мебель всегда заново обить можно, а мне кровь важна».

И вот, выходит снова старушка, с дочкой, княжной Олимпиадочкой. Княжна хроменькая и собой столь ужасно некрасива, что и выразиться трудно. Носишко совсем малюсенький, рост и телосложение тем более мизерное, волосенки жидкие – ни кожи, ни рожи.

Осмотрел ее Гаврила Васильевич и говорит:

– Ну, что ж делать? Мне с лица ее не воду пить. От слов своих не отрекаюсь, что сказал, то и свято. Приданым я интересуюсь мало – что дадите, то и ладно. Род мой старинный и знаменитый, и мне не купчиха нужна, а кровь хорошая. Объявляю ее своей невестой.

Была княгиня Мухина хоть и небогатая, но претензий и апломбу у ней было много.

– Так-то так, говорит, но вы с ней весьма мало знакомы, только раз и виделись. Ни любви, ни романа, ни ревности – это даже странно и не по этикету. Но если вы так торопитесь, то напишу-ка я сегодня Володичке в гвардейский полк, пусть над сестрой он сам распоряжается.

А княжна Олимпиадочка по апартаментам ходит, ножкой своей волочит, и все соглашается:

– Ах, ма мер, да пусть он женится, я согласна.

Гаврила Васильевич сказал:

– Ладно. Пишите письмо. Ждать я еще могу.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Сказал он еще несколько светских слов по-французски и с тем и уехал.

Вот прошла неделя, две... Гаврила Васильевич веселится: из пушки бьет, балы устраивает...

Наконец – дежурный скачок. Докладывает: приехал, дескать, князь Мухин, только с парохода слез.

Целые сутки провел Гаврила Васильевич в нетерпении, на другой день велел собираться. Запрягли двенадцать лошадей, трубач впереди, сзади собак свора – и тронулись.

Но не доехал еще Зубов до «Гнилых прудов», как велел остановиться. Остановились. Стоят.

Гаврила Васильевич думает:

«Что же это я, как мальчишка, скачу? И к кому? К какому-то офицеришке! Я в бархатную книгу вписан, со мной император запросто в шашки играл... Назад!»

Вернулся Гаврила Васильевич в «Зубово», лишь один скачок на княжеский двор приехал. А во дворе князю, поручику Мухину, лошадей запрягают. Расспросы: что? как? почему? Неизвестно. Велели распрягать.

К вечеру узнается: Гаврила Васильевич вернулся с пути, не доехав до «Гнилых прудов».

Проходит день, два и три – оба из гордости сидят дома. Наконец, через неделю князь Мухин присылает в «Зубово» скачка.

Сидел в то время Гаврила Васильевич на балконе у Ленки и халву кушал.

Скачок с лошади не слез и ворот просил не запирать. Он посмотрел на Зубова с нахальством, шапки перед ним не снял и сказал на весь двор громко:

– Его сиятельство, князь Мухин, велели доложить, что им чихать хочется на ваше благородство.

Гаврила Васильевич едва не выпал из балкона. А скачок еще сказал:

– Его сиятельство, князь Мухин, велели доложить, что в свое время таких благородных они на конюшнях парывали.

Услышали люди такие слова, враз попрятались, и, как ни кричал Гаврила Васильевич, из робости никто не вышел.

Как ударил тут скачок коня, так за воротами и скрылся вмиг.

В ужасной ярости плевал Гаврила Васильевич вниз, ногами бил, кричал:

– Держи! Трави собаками...

Выбежал он сам во двор, но скачок был далеко. Моментально приказал Гаврила Васильевич выкатить пушку на дорогу и велел стрелять.

Три раза заряжали пушку и стреляли вслед, но скачка уж и не видно было – только пыль вздымалась по дороге.

Вернулся Гаврила Васильевич домой, появился несколько дней и вдруг затих. Он призвал приказчика и сказал ему:

– Мнения своего не изменю. На хроменькой княжне женюсь, но прежде ужасно оскорблю и унижу князя Владимира. Но как это сделать – ума не приложу.

Бросились тут люди в Петербург и в Москву. За неделю разузнали, как и что. Доложили: проживает князь, поручик Мухин, в Петербурге, по кабакам ходит, кутит и в деньгах чересчур нуждается.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru и неизвестно, как уж дальше вышло – деньгами или хитростью, но собрал Гаврила Васильевич против Мухина обличительные документы, расписки денежные и даже подпись одну фальшивую.

Написал ему письмо. Приезжайте, дескать, срочно, иначе угрожает вам каторга.

В три дня обернулся князь Мухин и прибыл в «Зубово». Ужасно бледный, прошел он в апартаменты Гаврилы Васильевича, почтительно ему поклонился, но сказал с усмешкой:

– Вот, говорит, когда пришлось нам свидеться. Говорите скорей, что за документы требуете.

Гаврила Васильевич на поклон не ответил, лишь усмехнулся только и говорит:

– Решай: либо тебе в каторгу идти и тем самым навек погибнуть, либо я тебя высеку, документы отдам и на княжне Липочке женюсь.

Вскипел сначала князь Мухин, схватился даже за оружие, стрелять хотел. Раздумал. Хотел уйти, дошел до двери – вернулся.

«Что ж, подумал, я человек погибший, из полка мне все равно уйти, а тут – либо покориться, и тем самым документы вернуть и честное имя восстановить, либо в каторгу».

Подшел он к Гавриле Васильевичу, говорит тихо:

– Делайте, что хотите.

А сам мундир снял, погоны отвязал, бросил их на землю, растоптал ногами...

Крикнул тут Гаврила Васильевич камердинера Гришку, велел ему стегать князя Мухина, но не дался Мухин.

– Нет, говорит, такого уговора не было, чтоб меня лакей стегал.

Ужасно это понравилось Гавриле Васильевичу, рассмеялся даже.

– Ну, говорит, вижу, ты хороших кровей. Хвалю. Но мнения своего не изменю.

Взял он с этими словами арапник и самолично постегал князя Мухина.

Поднялся князь Мухин, дрожит. Накинул на себя мундир.

– Давайте, говорит, документы.

– Нет, – сказал Гаврила Васильевич, – документов я тебе не дам.

Страшно побледнел князь Мухин, заплакал с досады, бросился во двор к лошадям... Гаврила Васильевич его вернул.

– Да, говорит, документов я тебе не дам. Пусть придет за ними сестра, княжна Липочка.

Заплакал снова от обиды князь Мухин, ничего не сказал и вышел.

И прошло несколько дней, является княжна Липочка. Явилась она вне себя, пешком, волосенки у ней сбились на сторону, идет – трясется.

Увидел ее из окна Гаврила Васильевич, усмехнулся, крикнул камердинера Гришку и велел передать ей бумаги. А сам не вышел. Только глянул в окно, как по двору она шла, постоял недолго, бросился после к воротам. Стоит и вслед смотрит, нахмурившись. А княжна Липочка идет по дороге, бумаги в руке зажала, торопится и по пыли за собой ножку волочит.

3. Конец

Старичок вынул розовый свой платок, высморкался, вытер свои глазки и замолчал. Я взглянул на Гаврилу Васильевича. Он все еще сидел на земле. Он собирал крошки в

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ладонь и высыпал их в рот.

– А дальше? – спросил я старичка.

– Все.

– Позвольте, а как он «Зубово» сжег – вы не рассказали. А Ленка что?..

Старичок посмотрел на меня косо.

– Ну и сжег, – сказал он. – Как про революцию услышал, так и сжег. Сжег и вас не спросил. И нагишом ушел... А вы тут кто такой?

– Позвольте, – удивился я, – вы же сами рассказывали...

– Рассказывал! – закричал старичок, наседая на меня. – А вы кто такой? Чего вам нужно? С флагами, небось, ходили, идеи разные разглашали, ну, и проходите себе... Не задерживайте людей расспросами.

В это время Гаврила Васильевич поднялся тяжело с земли и, странно покачиваясь и дергая как-то ногами, пошел с базара.

Мой старичок посмотрел на него, засуетился, махнул рукой и пошел от меня прочь.

– Позвольте, голубчик! – закричал я ему вслед. – А как же Зубов? Женился он на княжне Липочке?

Старичок остановился, вынул свой платок, покачал головой и сказал:

– Не женился. Утонула княжна Липочка. Как в тот день из «Зубова» ушла, так и домой не вернулась. В «Гнилые пруды» бросилась.

Старичок заморгал глазками, махнул рукой и вдруг побежал.

Я долго смотрел ему вслед.

Он бежал, размахивая ковром, смешно подбирая ноги. Потом он поравнялся с Зубовым, и они пошли вместе.

Веселые рассказы

Есть у меня дорогой приятель Семен Семеныч Курочкин. Превосходнейший такой человек, весельчак, говорун, рассказчик.

По профессии своей он не то слесарь, не то механик, а может быть, и наборщик – неизвестно мне в точности. Про свое ремесло он не любил рассказывать, а имел видимую склонность и пристрастие к сельскому хозяйству и огородничеству.

Бывало, у нас в Гавани целые дни на огороде копается. То, представьте себе, картофелину на восемь частей режет и сажит так, то на четыре части, то целиком, то шелуху сажит. И поливает после разными водами: речной, стоячей, с примесью какой-нибудь дряни... Чудак человек! Все ожидал от опытов своих замечательных результатов. Да только пустяки выходило. Осенью картофель копать стал – курам, ей-богу, на смех – мелочь, мелкота, горох...

Смеялись тогда над ним.

Ну, да не в этом дело. Был он, вообще, любопытный человек, а главное – умел рассказывать веселые истории.

Бывало, ночью сойдутся к нему дежурные со всех огородов, а он костер разведет и начнет вспоминать всякое. И все у него смешно выходило. Иной раз история такая трогательная – плакать нужно, а народ от смеха давится, так он комично умел рассказывать.

Да. Плохое дежурство было при нем. Иной раз утром глядишь: на одном огороде два мешка картофеля сперли, на другом турнепс вырыли...

А рассказывал он любопытно. Я уж и не вспомню всех его рассказов. Тут и про

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru войну и великокняжеские всякие историйки. И про попа Семена. И про то, как мужик один на бывшего царя был похож и что из этого вышло. И про домовладельца одного бывшего. Как шарабан у домовладельца этого реквизируют, а он, распалившись, торжественную клятву дал: не буду, дескать, бриться и волосы не буду стричь, покуда не провалится коммуна в тартарары... И как он, волосатый, побольше четырех лет жил всем на смех, а после, на пятый год, при нэпе то есть, покушал через меру пирожных с кремом и помер от несварения...

Нет! Немыслимо всего вспомнить. Ну, а некоторые рассказы я записал.

Рассказ о том, как у Семен Семеныча Курочкина ложка пропала
Я, братцы мои, человек все-таки хитрый – из хохлов. Кого угодно могу сам одурачить... А вот раз, представьте себе, меня хиромантией одурачили. Гаданием то есть.

Из-за этого гадания я, можно сказать, лишился единственного друга.

Я, конечно, даже рад, что преступник схвачен и добродетель все-таки торжествует, но все же дельце-то неприятное было.

Ох, не нравится мне чтой-то хиромантия! Шарлатанство это, братцы мои, пустяки. Я теперь лучше, ей-богу, бедному десять рублей дам, нежели на гадание истрочу.

А дельце из-за ложки вышло.

Я, конечно, человек бедный. Недвижимого имущества у меня нету. А что комод стоит в моей комнатке, то, прямо скажу, не мой это комод, а хозяйский. Кровать тоже хозяйская. А из движимого имущества только у меня и есть, что серебряная ложка. И ложка эта, кроме своей ценности, еще приятна мне по своим воспоминаниям. Бабушка покойная мне эту ложку преподнесла в день моего рождения.

Так вот однажды ложка эта у меня пропала. Как сейчас помню: оставил я ее в котле с кашей. Прихожу со службы, из второго батальона, гляжу: котелок, братцы мои, повален, каша сожрана, а ложки нету. Всю комнату я обшарил – ложку как корова языком слизала.

Подозрений у меня ни на кого не было. Во всей квартире проживали – я, хозяйка, да еще из треста служащий, Иван Герасимович. Чудный человек. Единственный мне друг и дорогой приятель. Вместе с ним и голодовали в свое время, и спиртишко пили.

Пошел к хозяйке.

– Вот, говорю, представьте себе, пропала у меня ложечка.

А хозяйка и говорит:

– Это ничего. Я, говорит, даже рада, потому что дело это поправимое. Вот вам адресок – к дорогой моей приятельнице и знаменитой гадалке хиромантке. Немедленно идите к ней, она вам за сущие пустяки объяснит и укажет, кто спер, например, вашу ложечку.

Я и пошел.

Прихожу. Темная, представьте себе, комната. Человечий череп на столе. Для испуга, что ли. Кошка тут же вертится. А сама хиромантка – бабища здоровая, в нос говорит, для эффекта. И все время подмигивает, и с носу пудра у ней сыплется.

Рассказал я, в чем дело, она карты раскинула.

– Ну да, говорит, так и есть: пропала у вас чайная ложечка.

– Столовая, говорю, пропала, а не чайная.

Хиромантка нахмурилась и говорит:

– Вы меня зря не перебивайте. Карты не могут врать. Ложка у вас, действительно,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
столовая пропала, но, может, вы ей чай мешали...

– Да, говорю, это верно.

– А если, говорит, верно, то пятерку на карты кладите. Только кладите не рваную. Рваную не любят карты.

Положил я пятерку, какая была почище, а гадалка и говорит:

– Ложка ваша украдена брунетом. Если хотите, могу, за известную плату, заочно показать вам личность виновника.

Заплатил я ей еще пятерку, а она в стакан воды набуровила и говорит:

– Смотрите пристально и наблюдайте.

– Нет, говорю, ничего не вижу.

– Ну, а теперь, говорит, бурлит вода?

– Да, говорю, когда пальцы крутите, то бурлит.

– Ну, говорит, если бурлит, то идите со спокойной совестью домой и ждите, что будет.

Я и пошел.

Прихожу домой.

Какой же, думаю, брунет спер мою ложечку. Уж не дорогой ли мой приятель Иван Герасимович, благо брунет он.

И прошло уже несколько дней... Что такое? Жил Иван Герасимович смирнехонько – тише воды, ниже травы, а тут загулял. Да еще как! В кинематографы ходит, пьет, колбасу жрет – гуляет, вообще.

«Ну, думаю, не иначе, как гуляешь ты на мою ложечку. На жалованье так не разгуляешься».

И такая у меня к нему ненависть настала, что и сказать невозможно. И однажды не выдержал я характера – заявил в губмилицию.

Надзиратель явился с управдомом. Прошли они к Иван Герасимовичу в комнату. А Иван Герасимович как увидел их – оробел, побледнел, в ноги им рухнул.

– Хватайте, говорит, меня! Я преступник. Я растратил казенные суммы.

– А ложечку мою как же? – спрашиваю.

Молчит.

Стали его уводить.

– Позвольте, говорю, а как же ложечка-то?

Посмотрел он на меня, усмехнулся горько.

– И ты, говорит, брат? Нет у меня больше приятелей! Не брал я твоей ложечки. Это знай.

Так его и увели.

И прошел год. Баба моя, помню, приехала из деревни. Принялась раз комнату убирать, глядит: в крысиной норе ложка торчит.

Вот она, вещь какая! А приятеля-то я все-таки лишился навсегда. И хотя он и преступник, а все же мне его жалко.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Рассказ о герое германской кампании
Как, братцы мои, вы не знаете Ваську Егудилова? Удивительно все-таки. Какого-то, например, бывшего генерала из немцев, Гинденбурга, знаете, бывшего кронпринца тоже знаете, а про Ваську Егудилова ничего не слышали?

Странно это.

Вот говорят, будто генерал Брусилов прорыв под Перемышлем устроил. Так ничего подобного – это Васька Егудилов прорыв устроил.

Васька Егудилов, ей-богу, замечательней какого-нибудь Пуанкаре.

Эх, нет пророка в отечестве своем!

А я Ваську встретил как-то. В пивную мы зашли. По старой дружбишке платил за меня Васька. Небрежно этак выбросил полета. На чай, впрочем, не дал. Человек на него посмотрел, а Васька сдачу спрятал и говорит:

– На чай, братишка, не даю по идее. Это, говорит, унижает человеческое достоинство. А человек говорит:

– Ничего. Вы, говорит, дайте, мы привыкшие.

Но Васька не дал.

Ну, да не в этом дело.

В нынешнее время я не знаю, какой Васька. Говорят, будто он замечательный работник и герой гражданской войны, – неизвестно. Я Ваську Егудилова только по царской армии помню.

Ах, и растяпа же был человек! Ах, и спать же он мог удивительно! Да, можно сказать, он всю германскую войну проспал. Мог он спать подряд целые сутки. Мог и под ружейную перестрелку спать, и под легкую артиллерию, и под бомбометы...

Так вот какой удивительный случай произошел. Двадцать восьмого июля, кажется, был, братцы мои, по царской армии приказ: наступать до полного искоренения противника...

Что до других армий – неизвестно, а полк наш выступил утром. И дошел наш полк до германской проволоки и залег там, оттого что сильнейшую пулеметную пальбу открыл неприятель.

Залегли солдаты наши в разных местах, с тем, чтобы к ночи назад ползти, а Васька Егудилов, надо сказать, залег в канавку и заснул там, собачий нос.

Под утро отступил наш полк обратно в окопы, а Васька Егудилов спокойно остался в поле.

День проходит, два.

«Ну, думаем, погиб наш Васька героем».

А трупов перед окопами навалено было все поле. Жара. Дух смертельный. А убрать покойников невозможно: стреляет противник.

Стали наши генералы да командиры рассуждать, как из положения выйти... Разговоры, сем-пересем, тары да бары, а мертвечинка тем временем разложилась до невозможности.

Только однажды замечаем – флаг белый над противником, и выходит, братцы мои, немчик и заявляет:

– Даем вам два часа на уборку трупов.

Вышли мы с носилками, с лопатами, стали убитых убирать, смотрим: из канавы на носилки лезет Васька Егудилов. Живехонький.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Стоп! – сказали немцы. – Не трогать этого. Это пленный.

Стали мы с немцами рассуждать – не разрешают брать.

Чуть не заплакал тут Васька. Вынул ручную бомбу, да как шмякнет ее в германцев!

Батюшки, что было тогда... Крики, стрельба, пулеметы... И такой возгорелся бой, что и не бывало никогда такого. А к ночи мы повели наступление и прорыв сделали. А говорят, что герой – генерал Брусилов. Пустяки это. Васька Егудилов – герой германской кампании.

Бабкин муж
Паршивый муж был у бабки Анисьи Николаевны. Уже не говоря о внешности, а и душевных качеств никаких. Так – шляпа, размазня, кикимора.

Да бабка Анисья Николаевна его иначе и не называла, как кикиморой. Или еще пигалицей любила назвать. Но на слова такие Василь Васильевич – бабкин муж – ужасно как обижался. Надуется на бабку, что мышь на крупу, и слова из него клещами не вытянешь.

А сказать надо – дело было секретное у бабки Анисьи Николаевны. Самогонное секретное предприятие. На паях. Старикашка такой, Ерофеич, пайщиком был. Да только какой же это пайщик, ежели драгоценную влагу лакал он как корова? А ведь нельзя так – убыток предприятию.

Думала бабка откупиться от пайщика, да произошло происшествие: лопнуло предприятие на паях. И ведь как лопнуло-то! Из-за собственного мужа лопнуло, сук ему в нос!

Ну, да и не могло быть иначе – был Василь Васильевич не человек, а, прямо сказать, – падаль.

Скажем, дело пустое: по бутылкам самогонку перелить – не может. Пьянеет, сукин сын, от одного духа. А дух, конечно, острый. Дух этот ему, видите ли, в голову ударял и вызывал рвоту!

Ну что ж! Бабка его в этом и не притесняла: не может – не надо. Бабка назначала его на легонькие дела. Например: по указанному адресу пару бутылок снести. Так и то не может. Пугается.

– Я, говорит, Анисья Николаевна, не понесу враз. Я, говорит, лучше одну сначала, а за другой после спорхаю. А то пару понесешь – подозрения в милиции вызовешь. «А ну, – скажет милиция, – чего несешь? Дай-кась я понюхаю». И пропадешь! Вам, Анисья Николаевна, хорошо, вы дама, а меня без применения амнистии могут...

Да. Пропасть с таким мужем! Ну, уж зато и бабка Анисья Николаевна спуска ему не давала. Чуть что – по роже, либо словами кроет. Тоже, надо сказать, вредная была бабища. Скажем вот – вставала рано. Со светом. Василь Васильевичу, при нездоровии его, спать и спать бы нужно, так нет, пушай и он встает. А от этого у Василь Васильевича настроение на все сутки портится.

А для чего ей нужно поднимать Василь Васильевича? А ей, видите ли, поговорить не с кем.

Тут она разливает по бутылкам и ну его чесать:

– Чего опять лицо грустное? Чего опять воздух нюхаешь?

Ежели промолчит – беда. Ежели скажет – еще того хуже.

Вредная тоже бабища. Но зато делец. Слов нету. И чистота в производстве, и вкус, и аромат, – что надо. По-европейски было поставлено дело. В покупателях отбою не было.

А на праздниках так с ног сбились все. Сам Василь Васильевич раз сорок в разные концы бегал. Ну, а на сорок первый – заскочило.

Так вышло.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Налила бабка Анисья Николаевна бутылку поплней, тряпочкой ее обтерла.

– Беги, говорит, поскорей, рысью, в отель «Гренаду».

Схватил Василь Васильевич бутылку, пальтишко на ходу напялил – и на лестницу. Выбежал на лестницу, добежал до второго этажа – милиция.

И ведь не то, чтобы показалось ему с перепугу, а на самом деле стоял милиционер на площадке. И для чего он стоял – так это и не выяснилось, но только из-за этого рухнуло предприятие.

Увидел его Василь Васильевич, тихонько охнул, затаил дыхание и на цыпочках пошел к себе.

Добежал до квартиры, закрыл на все замки дверь и после уж крикнул:

– Милиция... Анисья Николаевна!

И что такое приключилось с бабкой Анисьей Николаевной – удивительно даже. Дама она крепкая, недоверчивая, бывало, раз десять расспросит и сама удостоверится, а тут сомлела.

– А? Что? Милиция... Обыски, что ли, производят?

– Обыски, – сказал Василь Васильевич.

Всплеснула бабка Анисья Николаевна руками, схватила аппарат, с громким ревом вылила драгоценность в водопровод, разрушила все приспособление – куда трубки, куда крантики, и после уж присела на стул, еле живая.

– В каком номере производят?.. – спросила бабка.

– Не знаю, – сказал Василь Васильевич.

Так сидели они долго, с час, что ли.

– Пойди, посмотри, в каком номере производят... – сказала Анисья Николаевна.

Василь Васильевич напялил на себя пальтишко и вышел. Вышел он на лестницу – тихо... Дошел до второго этажа – ничего.

«Ну, думает, а вдруг да я ошибся? Вот когда мне погибель будет... Вот когда меня в порошок сотрет Анисья Николаевна».

Вышел он во двор. Дворника Егора встретил.

– Чего, спрашивает, говорят, будто обыски?

– Какие обыски? – сказал Егор. – Про что вы...

Василь Васильевич махнул рукой и побежал к дому. Он подошел к своим дверям, постоял, подумал, махнул опять рукой и пошел на улицу.

Домой он так и не явился.

Нищий

Повадился ко мне один нищий ходить. Парень это был здоровенный: ногу согнет – портки лопаются, и к тому же нахальный до невозможности. Он стучал в мою дверь кулаками и говорил не как принято: «Подайте, гражданин», а:

– Нельзя ли, гражданин, получить безработному.

Подал я ему раз, другой, третий. Наконец, говорю:

– Вот, братишка, получай пять рублей и отстань, сделай милость. Работать мешаешь... Раньше как через неделю на глаза не показывайся.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
– Ладно, – сказал нищий, рассматривая на свет полученные деньги. – Пускай так. Значит, это за неделю вперед? Хорошо-с, прощайте...

Через неделю ровно нищий снова заявился. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, за руку. Спросил, чего пишу и сколько я получаю за работу – поденно или как.

Я дал ему пятерку, он кивнул мне головой, потряс мою руку и ушел.

И всякую неделю, по пятницам, приходил он ко мне, получал свою пятерку, жал мне руку и уходил. Иногда, впрочем, присаживался на кровать и интересовался политическими новостями и литературой.

А раз как-то, получив деньги, он помялся у двери и сказал:

– Прибавить, гражданин, нужно. По курсу чтобы... Невыгодно мне... Рубль падает...

Я посмеялся над его нахальством, но прибавил.

– Вот, говорю, еще два рубля – не могу больше.

– Ну что ж, говорит, пуцай так. Ладно.

Он спрятал деньги в карман, поговорил со мной о финансах Республики и ушел, громко стуча американскими сапожками.

Наконец, на днях это было, он приходит ко мне. Денег у меня не было.

– Нету, говорю, братишка, сейчас. Извини. В другой раз зайти.

– Как, говорит, в другой раз? Договор дороже денег... Плати сейчас.

– Да как же, говорю, ты можешь требовать?

– Да нет, плати сейчас. Я, говорит, не согласен ждать. Я, говорит, могу в инспекцию заявить. Нынче вас за это не погладят по головке... Довольно.

Посмотрел я на него – нет, не шутит. Говорит серьезно, обидчиво, кричать даже начал на меня.

– Послушай, говорю, дурья голова, сам посуди, ну можешь ли ты с меня требовать?

– Да нет, говорит, ничего не знаю. Пуцай тогда инспекция разбирается.

Занял я у соседа семь рублей – дал нищему. Он взял деньги и, не прощаясь, даже не кивнув мне головой, ушел.

Больше он ко мне не приходил, – наверное, обиделся.

Несколько слов в защиту начальников

Я не из таких людей, которые любят над начальством поиздеваться. Напротив, я совершенно уважаю начальников. Я даже этакий, что ли, трепет ощущаю перед ними.

Бывало вот проходишь через полотно – стрелочник стоит. И если у стрелочника этого фуражка с кантом – баста, – идешь перед ним наипочтительнее, стараясь не нарушить общий пейзаж перед глазами начальника.

Но, конечно, такое отношение проистекает отнюдь не из подобострастия или желания выслужиться, нет, начальников я уважаю за превосходные душевные данные, за культурное просвещение и за высокую образованность.

Начать с того, что все они грамотны, и есть даже среди них с высшим образованием. Я знал одного, который даже окончил четырехклассное мужское училище с правами прогимназии. Он знал насквозь всю французскую азбуку. Физику знал. Астрономию. Все наивысшие науки... И не особенно этим гордился. Доступный был человек.

Но, конечно, такие люди встречаются не часто и о них особый разговор. А я вот

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru говорю о среднем начальнике. Их я уважаю не меньше. А что собираюсь о них писать, то не иначе, как в защиту, да и не в защиту, а просто по одному незначительному поводу – так, об одной комиссии, которая прибыла на одну станцию.

Но тут я должен сказать еще несколько слов о начальниках. Дело в том, что если на одном деле начальников чересчур много и некоторые из них томятся в безделии, то от этого выходят совершенные пустяки и нелепица. Потомится такой начальник месяц, два – и пойдет мудрить. И то ему не так и это не совсем так... Ну, назначат такого человека на ответственное дело, в комиссию, например, – пропало все. Как, знаете ли, образовалась недавно комиссия... Шут ее знает, какая это комиссия... И решила она, как пишет нам корреспондент, «проверить стойкость, бдительность и расторопность вооруженных сторожей».

Дело, конечно, хорошее. Отчего не проверить? Проверить можно, если время есть. Даже нужно проверить. Может быть, сторож спит без задних ног, а рядом кража. Может быть, он в карточки в соседней будке играет...

Так вот, приехала комиссия на станцию и, «глубокомысленно насупившись, чуть дыша, пробралась комиссия к вагонам... И как крысы, один за другим, шасть под вагон...»

Сидят под вагонами и ждут.

Вдруг сторож идет.

– Ишь ты, – сказал один из комиссии, – не спит ведь, подлец!

– Нет, – сказал другой, – не спит. И винтовка, братцы, сзади полощется... Жалко. Зря приехали...

– Братцы, – зашептал третий, – а ежели бы нам на деле проверить стойкость и бдительность сего сторожа?

И едва сторож дошел до вагона, как комиссия «с гиканьем, визгом и криком "руки вверх" накинулась на оторопевшего сторожа».

Стойко защищался сторож, бил направо и налево, но разве справишься с комиссией?

Одолела комиссия сторожа, скрутила ему руки и довольна. Как говорится – хоть и рыло в крови, а наша взяла.

Вот какое тонкое дельце было!

А ведь могло, братцы, и хуже быть. Сторож мог бы и выстрелить, мог бы прикладом испортить комиссию... Как, я помню, у нас в полку было. Это еще в германскую кампанию... Батальонный был. Делать ему нечего, вот он и начал ежедневно секреты проверять. Да как! Заберется в секрет, сопрет ружье, а после солдата под суд.

Так вот, забрался он однажды в секрет, а там татарин был. Маханов фамилия. Батальонный только руку за винтовкой протянул, а татарин цоп его по уху. Батальонный упал, а татарин цоп по другому, цоп по третьему. Да и избил батальонного, как маленького. Руки ему связал, рот портянкой заткнул, дождался смены – и к ротному.

– Ваше, говорит, благородие, неприятеля привел...

А батальонный весь в крови и «мама» сказать не может.

Вынули ему тряпку изо рта – а это батальонный.

А больше он по секретам не ходил.

Да, так вот какие дела случаются с начальниками. Но только случаются эти дела не оттого, что начальник паршивый или, скажем, деспот, нет, происходит это от томящего безделья и желания так или иначе поработать на пользу дорогого отечества.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
и таких начальников тоже уважать нужно.

А кто уважать не может, тот пуцай жалеет.

Я, например, жалею.

Молитва

Прошое лето, ночуя в одной деревне у знакомого мужика, я слышал, как молилась баба.

Когда в избе все стихло, баба эта босиком подошла к образу, встала на колени и, часто крестясь, зашептала:

– Спаси и помилуй меня, Мати Пресвятая Богородица, я живу в крайней избе на селе.

Бабка долго крестилась и кланялась, просила себе всяких милостей и всякий раз указывала свое местожительство: крайняя изба на селе.

– Бабка, – сказал я, когда та кончила молиться, – а бабка! Изба-то ваша разве крайняя? Крайняя изба рядом.

– Нету, – сказала бабка. – То не изба вовсе, то – банька. Бог-то знает.

– Все-таки, – сказал я, – может, бабка, путаница произойти... Если неправильный адрес.

– Ну? – спросила бабка.

Она подошла к образу, снова встала на колени и сказала:

– Спаси и помилуй меня, Мати Пресвятая Богородица, я живу в крайней избе на селе, а рядом банька.

Бабка стукнула головой об пол и пошла за занавеску спать.

Медаль

Люди опрометью бежали к фонтанке.

Какая-то баба у перил отчаянно кричала:

– Тонет! Голубчики, тонет... Ей-бо...

– Кто тонет? – спрашивали люди.

– Да человек тонет... Гражданин, конечно. Сама видела: сиг через перилки – и нету... Да вот он! Вот!

Действительно, из воды показалась чья-то голова. Голова выплевывала воду, фыркала и тихонько вопила о помощи.

Люди теснились у перил, с жадностью глядя в воду.

– Ой-ё-ёй! – причитала баба. – Тонет, конечно...

– Да что ж это, граждане... Не собака ведь... Ловить надоть.

Какой-то парень протискался через толпу к самым перилам.

– Кто тонет? – спросил он строго. – Гражданин, что ли?

– Гражданин...

– Нарочно, что ли, или, может быть, окосемши?

– Нарочно.

– Чичас, – сказал парень.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

Он сбросил картуз наземь и, любуясь собой, полез через перила. Лез он медленно, поглядывая на толпу. Потом сел на перила и спросил.

– А чего, граждане, медали-то нынче дают за спасение этих самых утопающих, ай нет?

– Медали-то? – сказал кто-то. – А неизвестно.

– Неизвестно, – сказали в толпе. – Раньше-то давали.

Парень горько усмехнулся.

– Раньше! Сам знаю... Я, может, этих чертей утопающих семь штук переловил... Раньше...

Какой-то красноармеец, отчаянно взмахнув руками, скинул с себя шинель и бросился в воду.

Через несколько секунд он вытащил утопающего за воротник.

Парень сидел на перилах и орал:

– Так! Загребай левой рукой...левой... А правой за воротник держи... Читай лодка подойдет... Так! Не выпускай... Эх, дура!.. Не могут ловить, а тоже бросаются. Туда же!

К месту происшествия подошла лодка.

– Конечно, – сказал парень. – Его счастье. Он вытащил. А если б не он – я бы вытащил. Без медали... Нехай уж...

Парень надел картуз и побежал к пристани.

Народ долго стоял у перил, глядя на то место, куда бросился человек. Потом стал медленно расходиться.

Божественное

Первого ноября был католический праздник «всех святых». Во время этого праздника ксендз Смоленского костела обратился к прихожанам, как сообщает газета «Рабочий путь» (№ 265), с такой проповедью:

– Я, как хозяин костела, нанял органиста Дашкевича. Костельный совет платил органисту сначала 150 миллионов, потом 200, потом 400. Все с него было мало. Теперь мы платим ему даже пять рублей золотом по курсу дня. Кроме того, я ежедневно даю обед Дашкевичу. Но нужно сказать, что этот органист за троих съест. Такой обжора...

Ксендз поднял руку для благословения прихожан, но раздумал и, потирая свою бритую полную щеку, продолжал:

– Ей-богу, обжора, каких мало. Таких обжор и свет не видывал.

– А чего он, съедает, что ли, много? – спросил кто-то из прихожан.

– Съедает много, – сказал ксендз. – Я же и говорю: жрет и жрет, сукин кот. Дашь ему обед – он и первое блюдо слопает, и второе. И хлеб еще трескает.

Прихожане оживились. И, закрыв молитвенники, стали рассуждать о дороговизне.

– Ужас, как жрет, – снова начал ксендз. – Обед слопает, а после еще чаю просит.

– С сахаром? – спросил кто-то.

– Дай ему с сахаром, он и с сахаром вылакает. Ему что? Не его сахар. Давеча дал я ему сахару два куска. На месяц, говорю. А он враз слопал.

– Врет! – раздался чей-то голос.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
Позади ксендза появилась растрепанная фигура органиста. Был органист высокий и худой, и костюм на нем висел, как на палке.

– Врет! – снова сказал органист. – Кусок он мне дал, а не два.

Прихожане встали со своих мест и с явным любопытством разглядывали органиста.

– А хоть бы и кусок, – сказал ксендз, махая на органиста руками. – Кусок тоже денег стоит... Уйди, собачий нос. Я хозяин костела.

Органист потоптался на одном месте и ушел под свист публики.

Ксендз поднял руку для благословения, но снова раздумал и, опустив руку, продолжал печальным голосом:

– Или еще того чище: штаны с френчем просит. Купите, говорит, мне штаны с френчем. А я ему говорю: видал, как лягушки скачут?

В публике засмеялись. Ксендз в третий раз поднял руку и, бормоча что-то себе под нос, благословил прихожан. Началось молебствие.

На крыше тихонько плакали херувимы.

Рыбья самка
(Рассказ отца дьякона Василия)

1

Неправильный это стыд – стесняться поповского одеяния, а на улице все же будто и неловкость какая и в груди стеснение.

Конечно, за три года очень ошельмовали попов. За три-то года, можно сказать, до того довели, что иные и сан сняли, и от Бога всенародно отреклись. Вот до чего довели.

А сколь великие притеснения поп Триодин претерпел, так и перечесть трудно. И не только от власти государственной, но и от матушки претерпел. Но сана не сложил и от Бога не отрекся, напротив, душой даже гордился – гонение, дескать, на пастырей.

Утром вставал поп и неукоснительно говорил такое:

– Верую, матушка.

И только потом преуспевал во всех делах.

И можно ли подумать, что случится подобная крепость в столь незначительном человеке? Смешно. Вида-то поп никакого не имел. Прямо-таки никакого вида. При малом росте – до плечика матушке – совершенно рыжая наружность.

Ох и не раз корила его матушка в смысле незначительности вида! И верно. Это удивительно, какая пошла нынче мелочь в мужчинах. Все бабы в уезде довольно крупные, а у мужчин нет такого вида. Все бабы запросто несут мужскую, скажем, работишку, а мужчины, повелось так, по бабьему даже делу пошли.

Конечно, таких мужчин расстреливать даже нужно. Но и то верно: истребили многих мужчин государственными казнями и войной. Достался кто – жизнь засушила тех.

Есть ли, скажем, сейчас русский человек мыслящий, который бы полнел и жиры нагуливал? Нет такого человека.

Конечно, попу это малое утешение, и поп говаривал:

– Коришь, матушка, коришь видом, а в рыбьей жизни, по Дарвину, матушка, рыбья самка всегда крупнее самца и даже пожирает его в раздражении.

А на такие поповы слова матушка крепко ставила тарелку или, например, чашечку, скажем, и, чего неведомо самой, обижалась.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
2

И вот уж третий год пошел, как живет поп с женой разное.

И где бы матушке с душевной близостью подойти к попу, дескать, воистину трудно тебе, поп, от гонений, так вот, прими, пожалуйста, ласку, так не того – не такова матушка. Верно: годы матушкины не преклонные, но постыдно же изо дня в день нос это рисовой пудрой и к вечеру виль хвостом.

А попу какое утешение в жизни, если поколеблены семейные устои?

Попу утешение – в преферансик, помалу, по нецерковным праздникам, а перед преферансиком – словесная беседа о государственных и даже европейских вопросах и о невозможности гибели христианской эпохи.

Чувствовал поп очень большую сладость в словах. И как это всегда выходит замечательно. Сначала о незначительном, скажем, хлеб в цене приподнялся – житьишко неважное, значит. А житьишко неважное – какая тому причина. Слово за слово – играет попова мысль: государственная политика, советская власть, поколеблены жизненные устои.

А как сказано такое слово: советская... так и пошло, и пошло. Старые счета у попа с советскими. Очень уж много обид и притеснений. Было такое даже, что пришли раз к нему ночью, за бороденку схватили и шпалером угрожали.

– Рассказывай, говорят, есть ли мощи какие в церкви, народу, дескать, нужно удостовериться в обмане.

И какие святые мощи могут быть в церкви, если наибеднейшая церковка во всем Бугрянском уезде?

– Нету, – говорит поп, – нет никаких святых мощей, пустите бороденку, сделайте милость.

А те все угрожают и шпалером на испуг действуют.

И не поверили попу.

– Веди, говорят, нас, одначе, разворачивай церковное имущество.

И повел их поп в церковь.

А ночное уж было дело. И чудно как-то вышло: и ведет, и ведет их поп по городу, а церкви нет. Испуг, что ли, бросился в голову – не по тем улицам поп пошел. Только вдруг сладость необычайная разлилась по жилам.

«Дело, – подумал поп, – подобное Сусанину».

И повел их аж в конец города, за толкучку. А те разъярились, вновь за бороденку сгрябчили и сами уж указали дорогу.

Ночью развернули имущество церковное, нагадили табачищем и наследили, но мощей не нашли.

– А, сказали, поповская ряса, нет мощей, так учредим, знаешь ли, в церкви твоей кинематограф.

С тем и ушли.

– И как же так – кинематограф? – говорил поп матушке. – Возможно ли учредить в церкви кинематограф? Не иначе, матушка, подобное для испуга сказано. Ведь не допустит же приход, хоть и ужасно в нем поколебалась религиозная вера, не допустит приход до этого.

Вот тут бы матушке и подойти с душевной близостью, да нет – свои дела у матушки. И какие такие, скажите, дела у матушки? Вот, пожалуйста, оделась, вот ушла – и слова не скажи. Нет никакого пристрастия к семейной жизни.

Но не только в поповом доме подобное, а все рассказывают: «Глядит, говорят, баба

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru в сторону». И что такое приключилось с русской бабой?

3

А что ж такое приключилось с русской бабой? Смешного нет, что русская баба исполняет мужскую работишку и что баба косу, скажем, себе отрезала.

Вот у китайцев вышел такой критический год: всенародно китайцы стали отрезать косы. Ну что ж? Значит, вышла коса из исторической моды. Смешного ничего нет.

Да не в том штука. А штука в том: великое бесстыдство и блуд обуял бабу. И не раз выходил поп к народу в облачении и горькие слова держал:

– Граждане и прихожане и любимая паства. Поколебались семейные и супружеские устои. Тухнет огонь семейного очага. Опомнитесь в безверии и в сатанинском бесстыдстве.

И все поп такие прекрасные слова подбирал, что ударяли они по сердцу и вызывали слезы. Но блуд не утихал.

И никогда еще, как в этот год, не было в народе такого бесстыдства и легкости отношений. Конечно, всегда весной бывает этакая острота в блуде, но пойдите, пожалуйста, в военный клуб, послушайте, какие нестерпимые речи около женского класса. Это невозможно.

И что поделывать? Ведь если попова жена – нос рисовой пудрой и поп не скажи слова, то можно ли что поделывать? И хоть понимал это поп очень, однако горькие речи держал неукоснительно.

И вот в такую-то блудную весну вселили к попу дорожного техника. Это при не преклонных-то матушкиных годах.

Стоек был поп и терпелив, но от удара такого потерял поп жизни не меньше как десять лет. Очень уж красивый и крупный был железнодорожный техник.

И при красоте своей был техник вежлив необычайно и даже мог беседовать на разные темы. И, беседуя на разные темы, интересовался тонкостями, к примеру: как и отчего повелось в народе, что при встрече с духовным попом прохожий делает из пальцев шиш.

Но, беседуя на разные темы и интересуясь тонкостями, оборачивал техник слова непременно к женскому классу и про любовь.

И пусть бы даже мог техник беседовать про европейские вопросы, не смог бы поп отнестись к нему любовно. Очень уж опасен был этот техник.

– Узко рассуждая, – говорил поп, – не в европейском размере, ну к чему такое гонение на пастырей? К чему, скажем, вселять железнодорожных техников? Квартиренка, сами знаете, не огромная, неравно какой карамболь выйдет или стеснение личности.

И на такие поповы слова качали головами собеседники, дескать, точно: сословию вашему туго, сословию вашему стеснение...

А матушка нахально поводи́ла плечиком.

4

И точно: вышел у попа с дорожным техником карамболь.

А случилось так, что пришли к попу партнеры и приятели его жизни – дьякон Веньямин и городской бывшего четырехклассного мужского училища учитель Иван Михайлович Гулька.

Началась, конечно, словесная беседа о незначительном, а потом о гонении на пастырей. А дьякон Веньямин – совершенно азартный дьякон и отвлеченной политикой нимало не интересуется.

Поп про нехристианскую эпоху, а дьякон Веньямин картишками любит – дама к даме картишки разбирает... И чуть какая передышка в словах, он уж такое:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Что ж, говорит, не теряя драгоценного времечка...

Беседу они прервали, сели за стол и картишки сдали.

А поп тут и объявил: восемь игры, кто вистует?

И сразу попу такой невозможный перетык вышел: дьякон Веньямин бубну кроет козырем, а учитель Гулька трефу почем зря бьет.

Очень тут заволновался поп и, под предлогом вечернего чая, вышел попить водички.

Выпил ковшичек и, идучи обратно, подошел к дверям матушки.

– Матушка, – сказал поп, – а матушка, не обижайся только, я насчет вечернего чая.

А в комнате-то матушки и не было. Поп на кухню – нет матушки, поп сюда-туда – нету матушки.

И заглянул тогда поп к технику. С дорожным техником в развратной позе сидела матушка.

– Ой, – сказал поп и дверь прикрыл тихонечко. И, на носочках ступая, пошел к гостям доигрывать.

Пришел и сел, будто с ним ничего не случилось.

Играет поп – лицо только белое. Картишки сдаст, головой мотнет, пальцами по столу потюкает, а сам такое:

– Сожрала нас рыба самка.

И какая такая, скажите, рыба самка?

И вдруг повезло попу. Учитель Гулька, скажем, туза бубен, а поп козырем, учитель Гулька марьяж виной отыгрывает, а поп козырем. И идет и идет к попу богатеющая карта.

И выиграл поп в тот вечер изрядно. Сложил новенькие бумажки и тяжело так улынулся.

– Это все так, сказал, но к чему такое гонение? К чему вселять дорожных техников?

А дьякон Веньямин и учитель Гулька обиделись.

– Выиграл, говорят, раздел нас поп, а будто и недоволен. И чайком даже, поповская ряса, не попотчевал.

Обиженные ушли гости, а поп убрал картишки, прошел в спальную комнату и, не дожидаясь матушки, тихонько лег на кровать.

5

Великая есть грусть на земле. Осела, накопилась в разных местах, и не увидишь ее сразу.

Вот смешна, скажем, попова грусть, смешно, что попова жена обещала технику денег, да не достать ей, смешно и то, что сказал дорожный техник про матушку: старая старуха. А сложи все вместе, собери-ка в одно – и будет великая грусть.

Поп проснулся утром, крестик на груди потрогал.

– Верую, сказал, матушка.

А сказав «матушка» – вспомнил вчерашнее.

– Ой, рыба самка! Сожрала, матушка.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И не то плохо, что согрешила, а то плохо, что обострилось теперь все против попа, все соединилось вместе, и нет ему никакой лазейки.

Оделся поп, не посмотрел на матушку и вышел из дому, не пивши чая.

Эх! И какво грустно плачут колокола, и какова грустная человеческая жизнь. Вот так бы попу лежать на земле неживым предметом либо такое сделать геройское, что казнь примешь и спасешь человечество.

Встал поп и тяжкими стопами пошел в церковь.

К полдню отслужив обедню, поп, по обычаю, слово держал:

– Граждане, сказал, и прихожане и любимая паства. Поколебались и рухнули семейные устои. Потух огонь в семейном очаге. Свершилось. И, глядя на это, не могу примириться и признать государственную власть...

Вечером пришли к попу молодчики, развернули его утварь и имущество и увели попа.

Старуха Врангель

1. Тонкое дело

По секретнейшему делу идет следователь Чепыга, по делу государственной важности. И, конечно, никто не догадается, что это следователь. В голову никому не придет, что это идет следователь.

Вышел человек подышать свежим воздухом – и только. А может, и на любовное свидание вышел. Потихе, главное. Потихе идти, и лицо чтоб играло, пело чтоб лицо – весна и растворение воздушных.

Иначе – пропал тончайший план. Иначе каждый скажет: «Эге, вот идет следователь Чепыга по секретнейшему делу!»

– Красоточка, – сказал Чепыга девушке с мешком. – Красоточка! – подмигнул ей глазом.

Фу-ты, как прекрасно идет! Тоненько нужно тут. Тоненько. А потом такое: а дозволейте спросить, не состоите ли вы в некотором родстве... Хе-хе...

Тут Чепыга остановился у дома. Во двор вошел. Во дворе – желтый флигель. На флигеле – доска. На доске – «Домовый Комитет».

– Прекрасно! – сказал Чепыга. – В каждом доме – комитет, в каждом доме, в некотором роде, государственное управление. Очень даже это прекрасно! Теперь войдем в комитет. Тек-с. Послушаем.

Два человека разговаривали негромко.

– Ну а о политике военных действий что, Гаврила Васильич? – спросил тенорок.

– О политике военных действий? Гм... С юга генералы наступают.

«Очень хорошо! – обрадовался Чепыга. – Войдем теперь».

В комнату вошел и спросил, сам голову набок:

– Уполномоченного Малашкина мне. По секретному. Ага! Вы гражданин Малашкин? Очень прекрасно. А дозволейте спросить, кто в квартире тридцать шестой проживает? Да-с, в тридцать шестой квартире. Именно в тридцать шестой.

У Гаврилы Васильича острый нюх. Гаврила Васильич почтительно:

– Старуха проживает. Старуха и актер проживают.

– Ага, актер? – удивился Чепыга. – Почему же актер?

– Актер-с. Как бы сказать – жильцом и даже на иждивении.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
– Гм... На иждивении? Расследуем и актера. Ну а в смысле старухи, не состоит ли старуха в некотором родстве, ну, скажем, с генералами с бывшими или с сенаторами? Да, вот именно, с сенаторами не состоит ли в родстве?

– Неизвестно, – ответил Гаврила Васильич. – Старуха, извиняюсь, небогатая. Сын у ней на войне пропал. Жалкует и к смерти готовится. У ней и местечко на Смоленском заказано. Тишайшая старуха.

А следователь свое:

– Расследуем старуху. По долгу, говорит, государственной важности расследуем и старуху, и актера. Прошу, гражданин Малашкин, сопровождать.

2. Следствие

Актер лежал на кровати и ждал Машеньку. Если не сробеет, то придет сегодня Машенька.

Актер лежал на кровати как бы с некоторой даже томностью.

– Энтре, Машенька, – сказал актер, когда Чепыга постучал в дверь костяшками. – Энтре, пожалуйста.

«Тут нужно чрезвычайно тоненько повести дело», – подумал Чепыга и к актеру вошел.

– Извиняюсь! – обиделся актер.

А следователь прямо-таки волчком по комнате.

– Дозвольте, говорит, пожать ручку. Собственно, к старухе я. Однако некоторое отсутствие старухи принуждает меня...

– Ничего, – сказал актер, – пожалуйста. Только сдается мне, что старуха пожалуй что и дома.

– Нету-с. То есть придет сейчас. А дозволейте пока, из любопытства я, спросить, не состоите ли вы в некотором родстве с подобной старухой?

– Не состою, – ответил актер. – Я, батенька мой, артист, а старуха, ну, как бы вам сказать, – зритель.

– Тек-с, очень хорошо! – удивился Чепыга. – Гм... Зритель... Вижу образованнейшего человека... Так, может быть, вы с сенаторами какими-нибудь в родстве?

Тут актер и с кровати приподнялся и в Чепыгу дым струйкой.

– Угу, говорит, с сенаторами... А насчет старухи какое тут родство: темная старуха – и артист. Я, батенька мой, человек искусства.

– Вижу образованнейшего человека, – бормотал Чепыга. – И книг чрезвычайное множество... И книги эти читать изволите по профессии?

– М-да, – сказал актер, – читаю и книги по профессии. К «Ниве» тут приложение – писатель Максим Горький.

– Тек-с, русская литература. Ну а касаясь иностранной, южной, может быть, новинок, через передачу. Из любопытства опять-таки.

– Из иностранной – роль Гамлета, английского писателя.

– Удивительно, совершенно удивительно... «Гм, однако, какого же вздору я нагородил, – подумал Чепыга. – И он-то как глаз отводит. Вот умная бестия! Гм, и к чему бы это мне про книги? Да, касаясь южной новинок, через передачу. Опутать может. Ей-богу, опутает».

«Восьмой час, – подумал актер, вздыхая. – Сробеет Машенька. Непременно сробеет... А молодой-то человек общительный – про книги интересуется».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – Вы, кажется, про книги интересуетесь? – спросил он Чепыгу. – Так вот тут – Гамлет. Я, знаете, все больше на трагических ролях. Мне все говорят: «Наружность, говорят, у вас трагическая». И я, действительно, не могу, знаете ли, шутом каким-нибудь... Я все больше по переживаниям...

«Ох, – испугался Чепыга, – плохо! Нельзя так. Не такой это человек, чтобы тоненько. Тут напрямик нужно».

Застегнул Чепыга пиджак на две пуговицы и встал.

– По делу, говорит, службы должен допросить вас и установить.

Испугался актер.

– Как? За что же установить? За что же допросить, господин судебный следователь, извиняюсь?

«Сгрябчит, – подумал актер, – как пить дать, сгрябчит...»

А следователь и руки потирает.

– Не состоите, значит? Значит, так-то вот и не состоите? А если, скажем, старуха призналась, выдала... Если, скажем, пришла сегодня старуха, гуляючи пришла и, дескать, так и так – выдала...

– Не состою, господин следователь.

– Гм, – сказал Чепыга, – прекрасно. Фу-ты, как прекрасно! А не скажете ли мне, касаясь сборищ тайных у старухи, тайных собраний. И не приходил ли кто к старухе в смысле передачи корреспонденции?

У актера очень дрожали руки.

– Приходили, господин следователь. Супруга уполномоченного Малашкина приходила... Только я, господин следователь, с детских лет предан искусству. А к старухе, точно, Малашкина приходила. Сегодня и приходила. Сначала про жизнь, господин следователь, дескать, плохая жизнь. Так и сказала: «Плохая, говорит, господин судебный следователь, жизнь». А потом о политике военных действий, дескать, с юга, извиняюсь, наступают, господин следователь. А Малашкина все старухе такое: «Чего ж, говорит, господин судебный следователь, от счастья своего отказываться?» А старуха отмахивается, отвергает, одним словом: «Не может, говорит, быть того, чтоб Мишенька мой в генералы вышел». Так и сказала: «В генералы, говорит, господин следователь, вышел».

– Дальше, – строго сказал Чепыга.

– А дальше, господин следователь, в комнате шу-шу-шу, а о чем, извиняюсь, не слышал. А я, господин следователь, со старухой не состоял и не состою и, не касаясь политики, с детских лет по переживаниям. Старуха же так и сказала: «Плохая, говорит, жизнь». А если я дымом в лицо, господин судебный следователь, недавно побеспокоил вас, струйкой, по легкомыслию, – извиняюсь.

Следователь Чепыга любовно смотрел на актера.

3. Почетный гражданин

– Тру-ру-рум, – тихо сказал Малашкин и в комнату вошел. – Тру-ру-рум... А я на секундочку взошел. Я к вам, господин следователь, пожалуйста. По освобождении от дел государственных – ко мне, господин следователь. На чашечку с сахаром. Только извиняюсь, совершеннейше вздорный слух, касаясь супруги моей. Совершенный вздор, господин следователь. По злобе характера подобное можно сказать. И, между прочим, не пойдет супруга моя к явной преступнице. Да и вообще ни с кем-то она не знается и видеть никого не может. Бывало, сам принуждаю: «Пойди, говорю, к кому-нибудь, отведи душу от земных забот». – «Нет, говорит, Гавря, не пойду, говорит, видеть не могу старухи этой!» Подобное по злобе только можно сказать... Так, значит, на чашечку с сахаром. Тру-ру-рум, господин следователь. А вам, гражданин актер, – стыдно-с! Вы собирайтесь. Они, господин следователь, из бывших потомственных почетных граждан, так сказать – барин. Вы, почетный актер, собирайте манатки. Следователь вас сейчас арестует.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Да, – сказал Чепыга, – арестую. По делу службы арестую. Вы, гражданин Малашкин, за ним последите, а я сейчас. Я сейчас... очная ставка... Алиби... Лечу...

Актер, качаясь, сидел на кровати.

– Эх, говорит, Малашкин, Малашкин, и что я тебе худого сделал, Малашкин? Почетный, говорит, гражданин и барин... Убийца ты, Малашкин! Грех ты большой взял на душу. Сгрябнут ведь теперь меня, Малашкин. И за что? За что, пожалуйста, сгрябнут? С детских лет служу чистому искусству... С детских лет и не касаясь политики...

Малашкин на актера не смотрел.

4. Паутина

Мышино-тихая пришла старуха и села в угол. А следователь рукой по воздуху – дескать, вот наисерьезнейший момент. Следователь волчком по комнате. Следователь ныряет и плавает. Следователь то к Малашкину, и ему быстренько:

– Попрошу слушать. Попрошу слушать и, слушая, подписом заверить показанное.

То к старухе, и даже с некоторой нежностью в голосе:

– Дозвольте установить, спросить, так сказать, о драгоценном здравии ваших родственников. И кто подобные? И где проживают? И переписочку не ведут ли некоторую?

Неподвижная сидела старуха в углу. У старухи серые глаза, и платье серое, и сама старуха – серая мышь. И идет как мышь, и сидит как мышь. И никак не поймет старуха, какой толк в словах тонконогого.

А тонконогий в волнении необычайном.

– Да, говорит, именно я так и хотел сказать: переписочка. Письмишко какое-нибудь. Письмишко от известного вам лица... Скажем, родственник вам генерал... ну... ша... ша... приблизительно. Из любопытства я. Ну пожалуйста! Родственник. Ну а как родственнику не написать? Непременно напишет. Не такой он человек – родственник, чтоб письма не написать. Ну и вот. Вот вам и письмишечко от известного лица. Он вам письмишечко о событиях, дескать – наступаю... Вы ему цидулочку, дескать – ага и так далее. Вы ему цидулочку, а он вам письмишко. И ведь совершенно, как видите, кругленькая выходит переписка. И корреспонденция через передачу. И кто передача? И что через передачу? Пожалуйста. Не так ли? Фу, ведь беспокоитесь же – как-то он там... Болезни ведь всякие, печали и вздыхания...

– Беспокоюсь, – заплакала вдруг старуха, – как-то это он там. Беспокоюсь... Сердце прямо-таки сгнило, до того беспокоюсь... Болезни и вздыхания. Вот спасибо-то вам, молодой человек! Вот спасибо-то!

Пело, играло лицо следователя Чепыги.

«Ох! И до чего кругленько и как кругленько выходит все...»

А Чепыга опять волчок, Чепыга опять плавает и ныряет. Чепыга к актеру с неизъяснимым восторгом:

– Ой, говорит, не угодно ли? И вы отвергаете, и вы родством таким пренебрегаете? Обидели вы меня, молодой человек. Весьма и очень обидели. Ну так я сейчас.

И опять старухе.

– Дозвольте, разрешите еще словечко... Этот прекраснейший молодой человек... Ну да, я так и хочу сказать, родственник ли вам он будет?

– Нет, – ответила старуха, – нет, не родственник. Но я, молодой человек, к нему как мать родная. Ему я заместо матери. Спасибо вам, молодой человек!

– Ох! – задрожал актер. – Ох, господин следователь, врет ведь старая старуха... Не знаю я ее. Темная старуха и зритель... А я сам по себе, с детских лет по

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru переживаниям.

– Довольно, – строго сказал Чепыга. – Оба арестованы. Прошу, гражданин Малашкин, сопровождать.

5. Разнотык

Посадили старуху и актера пока что в общую камеру. А в камере той сидел еще один человек. Был он совершенно не в себе. Кричал, что ни сном ни духом не виноват, масла же, дескать, у него точно было четыре фунта и мука белая для немоци матери. «Не для цели торговли, господа, а для цели матери».

Человек этот привел актера в совершенное уныние. Актер вовсе ослаб, похудел и сидел на койке, длинно раскачиваясь.

«За что же схватили, господа? Тоже ведь ни сном ни духом. И хорошо, если суд. Судить будут. Слово дадут сказать. Так и так, народные судьи, пожалуйста... А если к стеночке? В подвал и к стеночке?»

Нехорошо было актеру, мутно.

«Что ж, если и суд? Ну что сказать? Пропал. Ни беса ведь не смыслю по юридической... Господа судьи... Присяжные заседатели...»

Не шли слова. Все разнотык. Все разнотык лезет, а плавности никакой.

«Господа народные судьи, чувствую с детских лет пристрастие к чистому искусству Мельпомены, которая... И не касаясь политики... Разнотык. Совершенный разнотык! Могут расстрелять. И за что же, господа, расстрелять? В темницу ввергли и расстреляли. Ругал, скажут, государственную власть, поносил... Да ведь никто же не слышал... Малашкин это. Малашкин это донес. Ох, Малашкин, убийца! Этакую штуку ведь сказал: почетный, говорит, гражданин и барин... Ага, скажут, барин... Поставьте-ка, скажут, барина харей к стенке... А ведь я, может быть, всей душой и не касаясь политики...»

Господа народные заседатели, чувствуя к искусству Мельпомены, которая... и не касаясь политики... с детских лет по переживаниям.

Плохо. Очень просто, что расстреляют. Мамаша покойная плакала: кончи, говорит, Васенька, гимназию – по юридической пойдешь... Так нет – в актеры. А очень великолепно по юридической. Дескать, господа народные заседатели, пожалуйста».

Решил актер, что расстреляют его непременно. И с тем заснул.

А ночью пришли к нему люди в красных штанах. Надели на голову дурацкий колпак и за ногу потащили по лестнице.

Актер кричал диким голосом:

– За что же за ногу? Господа народные заседатели, за что же за ногу?!

А утром проснулся актер и похолодел.

«Сегодня конец... А может, и не жалко жизни? А ведь и не жалко жизни. Да только Машенька придет. Машенька плакать будет. А он у стенки встанет. В подвале. Не завязывайте, скажет, глаза, не надо. Все. С детских лет, господа народные судьи...»

В серо-заляпанное окно бил дождь. И капли дождя сбегали по стеклу и мучили актера.

Старуха тихо сидела на койке и бездумно смотрела в окно.

А черный человек ходил меж койками и все свое, все свое:

– И ведь, господа, не для цели торговли, для цели матери.

б. Конец старухи

Через три дня их выпустили. Да, открыли камеру и выпустили.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Идите, сказали, куда пожелаете.

И вышли они на улицу.

Тихонько, мышью вернулась старуха домой и заперлась в комнате. А томно-похудевший актер ходил до вечера по знакомым и говорил трагически:

– Поставили меня, а я такое: не завязывайте, говорю, глаза, не надо. Курки щелкнули гулко. Только вдруг вбегают черные такие люди. Этого, говорит, помиловать, остальных казнить. И руку мне пожал. Извините, говорит, что так вышло.

А вечером к актеру Машенька пришла. Актер плакал и целовал Машенькины пальцы.

– Оборвалось, говорил, Машенька, что-то в душе. Надломилось. Не тот я теперь человек. Не нужно мне ни славы, ни любви. Познал жизнь воистину. Раньше многое терпел в достижении высокой цели. Славы жаждал. А теперь, Машенька, уйду со сцены – ни любви, ни славы не нужно. Раньше терпел от Зарницына. Прохвост Зарницын, Машенька. Думает – режиссер, так и все позволено. Гм, руки, говорит, зачем плетью держите? Эх, Машенька, усилить нужно, трагизм положения усилить нужно! Положи руки в карман – шутство и комедия. Не понимают. Терпел, а сейчас не могу. Пропал я, Машенька! Жизнь познал и смерти коснулся. И умри я, Машенька, ничто не изменится.

Ночью, когда актер целовал Машеньку и говорил, что еще прекрасна жизнь и еще радость и слава впереди, ночью за стеной тихо померла старуха.

И никто не удивился и не пожалел – напротив, улыбнулись: одной, дескать, старушкой меньше. А похоронили старуху не на Смоленском, где было местечко заказано, а почему-то на Митрофаньевском.

Рассказ про попа

Утро ясное. Озеро. Поверхность этакая, скажем, без рябинки. Поплавков. Удочка.

Ах, ей-богу, нет ничего на свете слаще, как такое препровождение времени!

Иные, впрочем, предпочитают рыбу неводом ловить, переметами, подпусками, мережками, английскими со звонками приспособлениями... Но пустяки это, пустяки. Простая, натуральная удочка ни с чем не сравнима.

Конечно, удочка нынче разная пошла. Есть и такая: с колесиками вроде бы. Леска на колесико наматывается. Но это тоже пустяки. Механика. Ходит, скажем, такой рыбарь по берегу, замахнет, размахнется, шлепнет приманку и крутит после.

Пускай крутит. Пустяки это. Механика. Не любит этого поп Семен. Попу Семену предпочтительней простейшая удочка. Чтоб сидеть при ней часами можно, чтоб сидеть, а не размахиваться и не крутить по-пустому, потому что если крутить начнешь, то в голове оттого совершенные пустяки и коловращение. Да и нету той ясности и того умиротворения предметов, как при простой удочке.

А простая, натуральная удочка... Ах, ей-богу! Сидишь мыслишь. Хочешь – о человеке мыслишь. Хочешь – о мироздании. О рыбе хочешь – о рыбе мыслишь. И ни в чем нет тебе никакого запрета. То есть, конечно, есть запрет. Но от себя запрет. От себя поп Семен наложил запрет этот.

Обо всем поп Семен проникновенно думал, обо всем имел особое суждение и лишь об одном не смел думать – о Боге. Иной раз вспарится в мыслях – черт не брат. Мироздание – это, мол, то-то и то. Зарождение первейшей жизни – органическая химия. Бог... Как до Бога доходил, так и баста. Пугался поп. Не смел думать. А почему не смел, и сам не знал. В трепете перед Богом воспитан был. А отрывками, впрочем, думал. Тихонечко. Мыслишку одну какую-либо допустит – и хватит. Трясутся руки. А мыслишка – какой это Бог? Власть ли это создающий или иное что.

И после сам себе:

– Замри, поп Семен. Баста! Не моги про это думать...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И про иное думал. Отвлекался другими предметами.

А кругом – предметов, конечно, неисчислимо количество. И о каждом предмете свой разговор. О каждом предмете – разнохарактерное рассуждение. Да и верно: любой предмет, скажем, взять... Нарочно взять червячишку дождевого самого поганенького. И тотчас двухстороннее размышление о червячишке том.

Прежде – откуда червяк есть? Из прели, из слизи, химия ли это есть органическая или тоже своеобразной душонкой наделен и Богом сделан?

Потом о червяке самом. Физиология. Дышит ли он, стерва, или как там еще иначе... Неизвестно, впрочем, это. Существо это однообразное, тонкое – кишка вроде бы. Не то что грудкой, но и жабрами не наделен от природы. Но дошла ли до этого наука или наука про это умалчивает – неизвестно.

Ах, ей-богу – великолепные какие мысли! Не иначе как в мыслях познается могущество и сила человека...

Дальше – поверхностное рассуждение, применимое к рыбной ловле... Какой червяк рыбе требуется? А рыбе требуется червяк густой, с окраской. Чтоб он ежесекундно бодрился, сукин сын, вился чтоб вокруг себя. На него, на стервеца, плюнуть еще нужно. От этого он еще пуще бодрится, в раж входит.

Вот, примерно, такое могущественное, трехстороннее рассуждение о поганом червяке и также о всяком предмете, начиная с грандиозных вещей и кончая гнусной, еле живущей мошкой, мошкаррой или, скажем, каракатицей.

От мыслей таких было попу Семену величайшее умиротворение и восторг даже.

Но Бог... Ах, темная это сторона! Вилами все на воде писано... Есть ли Бог или нету его? Власть ли это? А ежели власть, то какая же власть, что себя ни в какой мере не проявит? Но:

– Замри, поп Семен, баста!

И, может быть, так бы и помер человек, не думая про Бога, но случилось незначительное происшествие. Стал после того поп сомневаться в истинном существовании Бога. И не то чтобы сам поп Семен дошел до этого путем своих двухсторонних измышлений – какое там! Встреча. С бабой была встреча. С бабой был разговор. От разговора этого ни в какой мере теперь не избавиться. Сомненья, одним словом.

А пришел раз поп к озеру. Утро. Тихая такая благодать. Умиротворение... Присел поп Семен на бережок...

«Про что же, думает, сегодня размышлять буду?»

Червяка наживил. Плюнул на него. Полюбовался его чрезмерной бодростью. Закинул леску.

– Ловись, сказал, рыбка большая, ловись и маленькая.

И от радости своего существования, от сладости бытия засмеялся тихонечко.

Вдруг слышит смех ответный. Смотрит поп: баба перед ним стоит. Не баба, впрочем, не мужичка то есть, а заметно, что из города.

«Тьфу на нее, – подумал поп. – Что ей тутотко приспичило?»

А она-то смеется, а она-то юбкой вертит.

– Пи-пи-пи... А я, говорит, поручительница. В село назначена. Значит, будем вместе жить. А пока – гуляю, видишь ли. Люблю, мол, утром.

– Ну что ж, и гуляйте, – сказал тихонько поп.

Смеется.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

– Вот, говорит, вы какой! Я про вас, про философа, кой-чего уже слышала.

«Ну и проходите, мол, дальше!» – подумал поп.

И такое на него остервенение напало – удивительно даже. Человек он добрый, к людям умильный, а тут – неизвестно что. Предчувствие, что ли.

– А чего, говорит, слышала?

– Да разное.

Она на него смотрит, а он сердится.

– Чего, говорит, смотрите? На мне узоров нету...

И такая началась между ними нелюбезная беседа, что непонятно, как они уж дальше говорить стали.

Только поп слово, а она десять и даже больше. И все о наивысших материях. О людях – о людях. О церкви – о церкви. О Боге – о Боге... И все со смешком она, с ехидством. И все с вывертами и с выкрутасами всякими.

Растерялся даже поп. Неожиданность все-таки. Больше все его слушали, а тут – не угодно ли – дискуссия!

– Церковь? И церкви вашей не верю. Выражаю недоверие. Пустяки это. Идолопоклонство. Бог? И Бога нету. Все есть органическая химия.

Поп едва сказать хочет:

– Позвольте, мол, то есть как это Бога нет? То есть как это идолопоклонство?

А она:

– А так, говорит, и нету. И вы, говорит, человек умный, а в рясе ходите... Позорно это. А что до храмов, то и храмы вздор. Недомыслие. Дикарям в пору. Я, мол, захожу в храмы, а мне смешно. Захожу как к язычникам. Иконы, ризки там всякие, святые – идолы. Лампадки – смешно. Свечи – смешно. Колокола – еще смешнее. Позорно это, поп, для развитых людей.

И ничего так не задело попа, как то, что с легкостью такой невероятной заявила про Бога: нету, дескать. Сами-то не верите. Или сомневаетесь.

– То есть как же, – сказал поп, – сомневаюсь?

И вдруг понял с ясностью, что он и точно сомневается. Оробел совсем поп. Копнул в душе раз – туман. Копнул два – неразборчивость. Не думал об этом. Мыслей таких не было. И точно: какой это Бог? Природа, что ли? Существо?

Раскинул поп мозгами. Хотел двухсторонне размыслить по привычке, а она опять:

– Идолопоклонство... Но, говорит, вот что. Если есть Бог, то допустит ли он меня преступление перед ним совершить, а? Допустит? Отвечай, поп.

– Не знаю, – сказал поп. – Может, и не допустит... Ведьма ты... Вот кто ты. Уйди отсюда.

Засмеялась.

– Пойдем, говорит, поп, в церковь, я плюну в царские врата.

Раскидал поп червяков. Удилище бросил. Ничего на это учительнице не сказал и пошел себе.

И сам не заметил, как пошел с великим сомнением. Точно: что за пустяки... Ежели Бог есть – почему он волю свою не проявит? Почему не разможит на месте святотатку? Что за причина не объявить себя хоть этим перед человечеством? А

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ведь тогда бы и сомненья не было. Каждый бы тогда поверил. А так... Может, и
точно, Бога нету?.. Идолопоклонение.

И заболел поп с тех пор. Заболел сомнением. Не то что покой свой потерял, а
окружающих извел до невозможности. Матушку тоже извел до невозможности.
Ненормальный стал.

Рыбу ли удит:

«Ежели, думает, ерш – Бог есть. Ежели не ерш – нету».

Плачет матушка обильно, на попу глядячи. Был поп хоть куда, мудрил хотя, о
высоких предметах любил выражаться, а тут – сидит у окна, ровно доска.

«Ежели, думает, сейчас мужик пройдет – есть Бог, ежели баба – нету Бога...»

Но всякие прохожие проходили, и мужики и бабы, – а поп все сомневался.

И задумала уж матушка прошение в уезд писать, да случилось такое: просветлел
однажды поп. Пришел он раз ясный, веселый даже, моргает матушке.

– Вот, говорит, про Бога, матушка, это у меня точно – сомнение. Не буду врать.
Но ежели есть БОГ, то должен он мне знаменья дать, что он точно существует.
Кивнуть мне должен, мигнуть; дескать, точно, существую, мол, и управляю
вселенной. Ежели он знаменья не даст – нету его.

– Пустяки это, – сказала матушка. – Чего тебе до Бога? Мигнуть... Ох, болен ты,
поп...

– Как чего? – удивился поп. – Вопрос этот поднапел у меня. Я поверю тогда. А
иначе я и службу исполнять не в состоянии. Может, идолопоклонение это, матушка.

Промолчала матушка.

Стал с тех пор поп знаменья ждать. Опять извелся, расстроился, вовсе бросил свое
рыбачество. Ходит как больной или в горячке, во всякой дряни сокровенный смысл
ищет. Дверь ли продолжительно скрипнет, кастрюлька ли в кухне рухнет, кошка ли
курнавчит – на все подозрение. Мало того: людей останавливать стал. У мужиков
ответа просить начал. Остановит кого-либо:

– Ну, спрашивает, брат, есть ли, по-твоему, Бог или Бога нету?

Коситься стали мужички. Хитрит, что ли, поп? Может, тайную цель в этом имеет?

И дошло однажды до крайних пределов – метаться стал поп. Не в состоянии был
дождаться знаменья. Ночью раз раскидался в постели, горит весь.

«Что ж это, думает, нету, значит, Бога. Обман. Всю жизнь, значит, ослепление.
Всю жизнь, значит, дурачество было... Ходил, ровно чучело, в облачении, кадиллом
махал... Богу это нужно? Ха! Нужно Богу?. Бог? Какой Бог? Где его знаменья?»

Затрясся поп, сполз с постели, вышел из дому тайно от матушки и к церкви пошел.

«Плону, – подумал поп, – плюну в царские врата...»

Подумал так, утратился своих мыслей, присел даже на корячки и к церкви пополз.

Дополз поп до церкви.

«Эх, думает, знаменья! Знаменья прошу... Если ты есть, Бог, обрушь на меня храм.
Убей на месте...»

Поднял голову поп, смотрит – в церкви, в боковом окне – свет.

Потом облился поп, к земле прильнул, пополз на брюхе. Дополз. Храм открыт был. В
храме были воры.

На лесенке, над иконой чудотворца, стоял парень и ломиком долбил ризу. Внизу

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru стоял мужик – поддерживал лесенку.

– Сволочи! – сказал парень. – Риза-то, брат, никакая – кастрюльного золота. Не стоит лап пачкать... И тут Бога обманывают...

Поп пролежал всю ночь в храме.

Наутро поп собрал мужичков, поклонился им в пояс, расчесал свою гриву медным гребешком и овечьими ножницами обкорнал ее до затылка.

И стал с тех пор жить по-мужицки.

Мадонна

2 декабря

Сегодня день для меня, прямо скажу, необыкновенно приятный. Сегодня товарищ Груша позвал меня в кабинет и сказал:

– Ну, Винивитькин, сердечно и от души тебя поздравляю: переводись ты в девятый разряд, и, того-этого, прибавка тебе следует – пятьдесят процентов.

Хе-хе – девятый разряд! Ведь это что же? Это, можно сказать, положение! Это превосходное положение по службе. Я думаю, всякий человек девятого разряда достичь старается. Я думаю, девятый разряд – ну, не меньше будет, как в старое время надворный советник. Нет, никак не меньше! Восьмой разряд – это дрянь, пустяки сущие – вроде бы коллежского регистратора, а девятый разряд... Да, девятый разряд – это уже положение. В прежнее время Степаныч сразу бы начал передо мной дверь в обе половинки открывать. Откроет и – «пожалуйста, дескать, ваше высокоблагородие». Не благородие, заметьте, не просто благородие, а – ваше высокоблагородие. Тонкость, а какая, как бы сказать, изумительная, благородная тонкость.

Ну да почет почетом, а и пятьдесят процентов не жук майский. Пятьдесят процентов! Это, скажем, питание улучшается – раз, это прихоть можно какую-нибудь себе позволить – два, это страстишку какую-нибудь там, того-этого, удовлетворить можешь – три...

Ах, черт! Превосходная штука жизнь! Как подумаешь, что и ты участник, так сказать, течения жизни, колесико одно жизненного вращения, равноправный вроде бы пайщик человеческих переживаний – слезы подступают к горлу, рыдать хочется от неизмеримого счастья.

Да, превосходная вещь это – жизнь. И люди превосходные, бескорыстные... Главное, за что я люблю людей, это за их бескорыстие. Бескорыстие – это все в человеке. Вот, скажем, в девятый разряд не Сережку Петухова перевели, а меня... А почему меня? Бескорыстная оценка моей служебной деятельности. Ведь это, скажем, не один товарищ Груша перевел меня в девятый разряд, это, наверное, комиссия заседала, комиссия какая-нибудь либо комитет из благороднейших, избраннейших людей... Один какой-нибудь из комиссии, возможно, сдуру крикнул – Сережку, дескать, Петухова в девятый разряд перевести нужно, а все остальные – нет, нет! Винивитькина! Винивитькин, дескать, способный человек, одаренный.

Ах, я очень люблю, когда меня уважают. В такие минуты чувствуешь, что ты действительно участник течения жизни, колесико одно жизненного вращения...

Чудно, чудно хорошо!

3 декабря

Нынче после службы долго гулял по Невскому. Раньше-то и внимания не обращал – что это за такой Невский, какие на нем люди ходят и магазины какие. Ну а нынче, так сказать, к тайне прикоснулся. Увидел досконально, как приятно, в сущности, быть человеком. Ведь вот проходишь по Невскому и видишь и чувствуешь, что все для твоих удобств приустроено, каждая мелочь, всякий, скажем, квадратик тротуара для твоих ног устроен. А на тротуарах этих разнообразнейшие люди фланируют и спешат некоторые... И все перед тобой чуть что – извиняются... А ты идешь этаким испанцем, небрежной, что ли, походкой и всё – пардонк, гражданин, пардонк, сударыня. И все сторонятся. Все такие благородные, бескорыстные люди. А кругом магазины, кругом блеск огней, кругом женщины так и щебечут, так и поют, кругом необыкновенное кипение жизни. Европа! Совершеннейшая Европа!

Да-с! Деньги получу и сам начну жить... хе-хе.

5 декабря

Деньги получу и сразу вступаю на поприще жизни. Пора. Пять лет жил как свинья. Да пять ли лет – а не десять? А не всю жизнь? Эх-хе-хе... Всю жизнь... Давеча вот в душевном треволнении слишком много приписал лишнего... Конечно, жизнь эта, точно, хороша, однако же не так уж хороша, как сразу подумать можно. В самом деле: все время жил как свинья, в театры не ходил, в обществе не бывал, а с дамами позабыл даже, когда и разговаривал. А все это на душу действует, от этого душа грубеет. Общество – это великая вещь. Я вот деньги получу – журфикс какой-нибудь устройю.. А? Ну, хоть и не журфикс, а кой-кого приглашу. Общество всегда человека облагораживает... Многих-то, конечно, не стоит приглашать, а двоих-троих непременно приглашу. Или бо уж одного? Девицу, скажем, какую-нибудь. Девицы тоже могут облагородить душу...

Да, в самом деле, лучше-ка я девицу приглашу. Тоже ведь, позовешь того же Сережку Петухова, а ведь он, сукин сын, не за твои душевные данные придет, а он пожрать придет... Нажрет, напьет, чего-нибудь там разобьет да еще после издеваться будет.

Нет, позову-ка я и в самом деле девицу. И расходов куда как меньше, и благородней, если на то пошло. И корыстных расчетов никаких – полфунта монпансье, и все довольны.

Только вот кого я приглашу? Варьку приглашу. Ей-богу, Варьку Двухолкину приглашу. Все-таки – фигура, грация... Завтра намекну... Буржуйку, скажу, затоплю – уют, поэзия. А поэзия – это прежде всего.

6 декабря

Нынче после службы сказал Варьке Двухолкиной. В коридоре ее встретил, говорю: вот, дескать, того-этого – буржуйку затоплю, уют, поэзия...

А она, дура, говорит:

– Вы, говорит, если мной увлекаетесь настолько или влюблены, так лучше бы в «Палас» сводили либо в Академический билет приобрели. Чего, говорит, я буржуйки вашей не видела?..

Дура. Со слов видно, что совсем дура. Во-первых, денег я еще не получил, а после – нетактично даже с девицыной стороны самой напрашиваться. Ну и шут с ней! В ней, по правде сказать, ровнехонько ничего хорошего нет. Только что фигура, а так-то ни кожи, ни грации. Сидит, как лошадь... Да если присмотреться поближе, так и фигуры никакой. Да ей-богу никакой! Бревно. Все бревно. Нет, не люблю я таких, шут с ними с такими. Им только корыстные цели подавай, а так, они и нос в сторону, и зевают, и скучно им... Шут с ними с такими. Думает – отказала, так я и помру. Дура! Сразу видно, что дура. Ни кожи, ни грации...

Ха, помру! Да я только свистну, и сотня ко мне сбежит. Нынче это чересчур просто. Нынче что касается любовных там каких-нибудь историек – черт знает как просто. Только захотеть нужно. Давеча вот Сережка Петухов презанятную историйку такую рассказывал... В театр он пришел и в театре том с дамой познакомился. И ведь не какая-нибудь дама, а порядочная, черт знает какая порядочная. Ну, и нынче влюблена в него, как муха.

А я вот тоже давеча встретил – красавица, мадонна, костюм превосходный, меха разные, боты... Тоже мимо прошла – посмотрела.

Да, нынче нравственность чересчур упала. Сережка Петухов говорит, что будто это всегда после революций. Ну да мне наплевать, прямо скажу, мне даже еще лучше, что упала. Ей-богу, лучше. Да я думаю, что и всем лучше, да только прикидываются, подлецы. А я через это к жизни прикоснусь... Хе-хе...

8 декабря

Деньги получил! Вот они. Бумажки, тряпочки, а каково, того-этого, приятные тряпочки. Вот я их сейчас спрячу. Пускай в столе лежат.

А Варька-то Двухолкина какая дура! Рассчитывала, что я, того-этого, снова к ней

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
обращусь, снова к ней сунусь. Вот, дескать, Варечка, билет в «Палас», а вот в оперу, а вот... Хе-хе... Мимо прошел. Дудочки, не на такого напала... Им только корыстные цели подавай.

Нет-с. Никак нет-с, не пропаду, Варечка, не помру – оставьте беспокоиться... Я только свистну... А может, я и свистнул. А может, черт меня раздери совсем, и есть у меня, того-этого, на примете, в поле зрения, так сказать... Да-с, Варечка, есть, есть. Прогадали, милочка, прогадали, лапочка, прогадали, поторопились со своими целями корыстными.

Есть у меня! Цимес, ландыш китайский, принцесса, мадонна сикстинская... Сон, сон прямо-таки. Вчера еще не было, а нынче есть. Вчера еще сомненья были: вдруг да и точно пропаду, вдруг да и точно без меня кипение жизни происходит. Хе-хе. Ах, как приятно, как приятно чувствовать себя участником, равноправным колесиком жизни!

И как случилось-то? Обидно даже, что так просто случилось. То есть, конечно, еще ничего не случилось, ничего не произошло. Но случится, но произойдет. Оттого что причина на это есть. Встреча есть. Встреча эта, может, на всю жизнь в моей памяти останется... Нет, не могу... Сон, прямо-таки сон. Вышел на Морскую давеча (я всегда теперь от Гороховой по Морской хожу). Так вышел на Морскую, смотрю – чудо. Идет та же, что давеча встретил, идет. Боты... меха... глаза... грация. Цимес, ландыш китайский, мадонна! Только давеча, вчера то есть, хотя и посмотрела она на меня, но ничего особенного во взгляде ее не значилось, а нынче поравнялась, гляжу: плечиком – виль, ножками – дрыг, глазами того-этого... И все так грациозно, так приятно. Чудно! Чудно хорошо!

Однако не подошел. Не время. Завтра подойду. Завтра непременно подойду. Чего-нибудь скажу и подойду. Сережка Петухов говорит, что дамы нахальство обожают. Чем нахальней, тем лучше. Так вот нахально и подойду. Завтра! Завтра! Завтра вступаю на поприще, так сказать, жизни, приобщаюсь к тайнам ее.

Питался хорошо. Съел в Пепо две порции гуся.

9 декабря

Нынче что-то ее не встретил. Шесть раз прошел по Морской – нету. Ну да ничего: сегодня не встретил, завтра встречу. Я пять лет ждал, пять лет как свинья жил. Чего ж мне сутки-то не обождать? Обожду. Завтра еще и лучше. Завтра могу с ней в ресторан или, например, в кабаре пройтись. Завтра ведь я еще разницу получу, за экстру получу, долг мне Сережка Петухов отдаст. А вдруг – не отдаст? Отдаст. Скажу, дескать, ужасно как требуются деньги. Нужда, скажу, в презренных дензнаках. А причина, хе-хе, – шерше ля фам... Шерше ля фам! Этакое, правда, великолепное изречение! Французы это придумали. Ах, французы, французы! Культурная, цивилизованная нация. У них женщина в очень почетном месте... Это у нас жен щи на вроде бы домашней хозяйки, а там, того-этого, обаяние к ним, любовь.

Конечно, что касается любви, то я не того, не доверяю этому чувству, сомневаюсь, прямо скажу, в нем. Люди с высшим образованием, приват-доценты какие-нибудь, конечно, отрицать начнут, скажут, что любовь, точно, существует, однако, может, она и точно существует, как отвлеченное явление, да только мне наплевать на это, прямо скажу. Я за пять лет революции, можно сказать, на опыте проследил: ежели питание, скажем, посредственное, неважное питание, то никакой любви не существует, будь хоть вы знакомы с наивеликолепнейшей дамой, а чуть питание улучшается, чуть, скажем, гуся с кашей съел, поросенка вкусил – и пожалуйста – поэзии хочется, звуков – любовное томление, одним словом.

Ну а что касается дамы той, что давеча я на Морской встретил, так любви, конечно, к ней я не имею, но она мне нравится очень, очень.

Завтра жду с нетерпением. Питался хорошо. Съел у Палкина три порции гуся.

11 декабря

Есть... Пришла... Цимес! Ландыш китайский! Сон, совершеннейший сон! Только на Морскую вышел – идет... Чего уж я ей сказал, не помню. «Здравствуйте», кажется, сказал. А она улыбнулась сразу, чудно, чудно улыбнулась. Я про театр ей намекаю, а она не хочет. Ландыш испанский, мимоза! Не хочет! Это из бескорыстия она не хочет. В расход ей, видите ли, неловко меня вгонять. Ах, я всегда мечтал

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko11.ru
встретить бескорыстную особу!..

Пишу это, покуда она, гуленька, в порядок себя приводит, галошки снимает, прическу того-этого.

Ну снимай, снимай, я люблю, чтоб это все было, того-этого, приятно, чтоб грация во всем была. Другому это все как-нибудь, а я человек все-таки культурный, мне обстановка нужна, поэзия.

Вот сбоку на нее смотрю – королева Изабелла прямо-таки, мадонна. Варька Двуколкина в подметки ей не годится. Варька Двуколкина перед ней дрянь, сопля, пуговица.

Ей только корыстные цели подавай... А тут... Даже страшно становится, чего это она свой чудный взор на меня обратила. Красавица! Грации-то сколько, грации! Ей-богу, княгиня это какая-нибудь бывшая... Может, обнимешь ее, а она в слезы.

– Нахал, скажет, сукин сын. Я не для этого, скажет, пришла. Я, скажет, сукин сын, какая-нибудь там княгиня Трумчинчинская бывшая...

Ах, шут меня раздери совсем... Ей-богу, княгиня это... Чш... кончаю писать. Идет... Боюсь, чего и говорить с ней буду, не знаю. Я пять лет с порядочными дамами не разговаривал.

12 декабря

Все пропало. Дурак я. Стелька сапожная! Утром она встает, уходит и –

– Пять рублей, говорит.

– Как? Что?

– Да, говорит, не меньше.

Я к столу. Деньги вынул, дал ей и только после вспомнил – больше дал, шесть... две по тройке... На лестнице ее, гадину, догнал.

– Там, говорю, шесть.

Смеется.

– Ну, говорит, у меня кстати и сдачи нет. Пусть это на второй раз останется.

Дурак я, дурак. Курица гнусная, тетерька. Орлом полететь захотел. Орлом! Смешно даже. Издеваться над собой хочется. Орлом! Про любовь начал ей говорить, спрашивать начал.

– Как это, говорю, вы так сразу полюбили меня и обратили свое полное внимание на меня?

А она:

– Так, говорит, и полюбила. Мужчина, вижу, без угрей, без прыщей, ровный мужчина.

Ровный! Стелька я сапожная! Дрянь! И как это я ничего не заметил?

Хм... А если б и заметил? Да если б и заметил, так все равно... Иные, конечно, и орлом летают, а тут...

Да. Подлая штука жизнь. Никогда я ею особенно не увлекался. Подлость в ней какая-то есть. Особенная какая-то подлость! Заметьте: если падает на пол хлеб, намазанный маслом, так он непременно падает маслом... Особая, гнусная подлость.

ТЬфу, какая подлость!

Учитель

Учитель второй ступени Иван Семенович Трупигов одернул куцый свой пиджачок, кашлянул в руку и робкими шагами вошел в класс.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Вы опять опоздали? – строго спросил дежурный ученик.

Иван Семенович сконфузился и, почтительно здороваясь с классом, тихо сказал:

– Это трамвай, знаете ли... Это я на трамвай не попал...

Прямо беда с этим видом передвижения...

– Отговорочки! – усмехнулся дежурный.

Учитель робко присел на кончик стула и зажмурил глаза. Странные воспоминания теснились в его уме.

Вот он, учитель истории, входит в класс, и все ученики почтительно встают. А он, Иван Семенович, крепким строгим шагом идет, бывало, к кафедре, открывает журнал и... необыкновенная тишина водворялась тогда в классе.

И тогда он, учитель, строго смотрел в журнал, потом на учеников, потом опять в журнал и называл фамилию.

– Семенов Николай.

Учитель вздрогнул, открыл глаза и тихо сказал:

– Товарищ Семенов...

– Чего надо? – спросил ученик, рассматривая альбом с марками.

– Ничего-с, – сказал учитель. – Это я так. Не придавайте значения.

– Чего так?

– Ничего-с... Это я хотел узнать – здесь ли молодой товарищ Семенов...

– Здесь! – сказал Семенов, разглядывая на свет какую-то марку.

Учитель прошелся по классу.

– Извиняюсь, молодые товарищи, – сказал он, – на сегодня вам задано... то есть я хотел сказать... предложено прочитать – реформы бывшего Александра I. Так, может быть, извиняюсь, кто-нибудь расскажет мне о реформах бывшего Александра I?... Я, поверьте, молодые товарищи, с презрением говорю об императорах.

В классе засмеялись.

– Это я так, – сказал учитель. – Это я волнуюсь, молодые товарищи. Не истолковывайте превратно моих слов. Я не настаиваю. Я даже рад, если вы не хотите рассказывать... Я волнуюсь, молодые товарищи...

– Да помолчи ты хоть минуту! – раздался чей-то голос. – Трещит, как сорока.

– Молчу... Молчу... – сказал учитель. – Я только тихонько. Я тихонько только хочу спросить у молодого товарища Семечкина: какие он извлек политические новости из газеты «Правда»?

Семечкин отложил газету в сторону и сказал:

– Это что? Газету, по-вашему, убрать? Да я, черт возьми...

– Ничего-с, ничего-с... Ей-богу, ничего... То есть я про Бога ничего такого не сказал. Не истолковывайте превратно.

Учитель в волнении заходил по классу.

– Да не мелькай ты перед глазами! – сказал кто-то. – Встань к доске.

Учитель встал к доске и, сморкаясь в полотенце, тихонько захныкал.

Свиное дело

Эх, братишки, рука дрожит, перо из пальцев вываливается – негодование, одним словом, у меня на душе по поводу одного происшествия!

Ведь есть же падаль такая, как Володька Гуськов! Фатишка, представьте себе, трехсотый курит, ходит – носки нарочно врозь, галстуку него голубой с прожилками... И агентом на Орловской служит.

Ну да ничего: закатали нынче этого агента на пять лет со строжайшей изоляцией.

А дело было – свиное.

Свинья была у Ивана Семеныча. Превосходная свинья, и этакая жирная, что и выразить невозможно. От жиру своего она все время на задку сидела. А уж если и поднималась куда, так гудело у ней изнутри и задом она своим, что метлой, по двору гребла.

Да. Замечательная была свинья. Иван Семеныч до того на нее радовался, что и работать не мог, работа из рук валилась. Сядет он, бывало, на крыльцо, очи в крышу и мечтает.

«Зарежу, мечтает, ее к лету. Пуд проем, пуд загоню, пуд посолю... Да еще множество пудов останется».

Но только не зарезал ее Иван Семеныч – иное вышло.

Сидел он раз на крыльце и с бабой своей по поводу свиньи вслух мечтал. И не заметил совсем, как свинья эта со двора ушла.

А жил Иван Семеныч вовсе недалеко от полотна – рукой подать.

Вот свинья вышла со двора, хрю да хрю, видит – полотно, и на задку поперла к самой то есть насыпи. И шут ее знает, как она, при подобной комплекции, угодила на рельсы! А время было к четырем – пассажирский шел.

Машинист видит, что на рельсах неблагополучно – насыпь кто-то рылом роет, – свистит... Свинья и в ус не дует – лежит, что королева, и рельсы нюхает. Шмякнуло тут ее в бок и по рылу и разорвало на три половинки. Не хрюкнула даже.

А в эту секунду самую Иван Семеныч с бабой своей едва не повздорил из-за свиньи. Куда ему, видите ли, свиную голову надевать: то ли продать, то ли студень из нее сделать, то ли что... Баба все на студень напирает, студня ей охота, а Иван Семенычу желательно деньжонок понабрать.

Баба все свое:

– Студень, Иван Семеныч, студень... Ей-богу, студень.

А Иван Семеныч не хочет студня.

– Нет, говорит, баба, ты посмотри, какая голова. За такую голову ужасно много дадут. А ты говоришь – студень...

Захотел Иван Семеныч еще раз на свиную голову посмотреть, оглянулся – нету свиньи.

– Ой, говорит, баба, а где же свинья?

Вскочили они оба, бросились со двора.

– Прося, прося...

Вдруг видят след, что тропинка, проложен от свиного зада. Бросились они по следу. Полотно. А вокруг толпа стоит и любуется.

Закричали они оба в голос, растолкали толпу, собрали свинью, взвалили ее на плечи и с ревом понесли к дому.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Но пришла беда – отворяй ворота. Не успел Иван Семеныч с бабой своей всласть поплакать, как вдруг железнодорожный агент Володька Гуськов к ним на двор заявился.

– Это, говорит, кто из вас беспорядки нарушает, а?

Это, говорит, кто свиные остатки с рельсов снял без разрешения на то законных властей? А?

Оробел Иван Семеныч, лепечет непонятное, а баба за него отвечает:

– Позвольте, батюшка, это наши свиные остатки. Весь народ подтвердить может.

– А, – говорит Володька, – ваши остатки? А может быть, тут убийство произошло или самоубийство? Может быть, вы поезд животным опрокинуть хотели, а? Встань, говорит, баба, передо мной в струнку!

Тут и баба оробела. Встала она, по возможности, в струнку.

– Ваше, говорит, вашество, ваше степенство, по глупости свинья на рельсу взошла...

– А, по глупости? А знаешь ли ты, дура баба, уголовный кодекс Всероссийского судопроизводства? Да я вас могу за подобное уголовное преступление в тартарары без применения амнистии... Да вы знаете, кто я такой? Да меня, может, вся Москва знает. Да я вас, растакие такие, к высшей мере могу без амнистии.

Покричал еще Володька, покричал, а после и говорит:

– Ладно, говорит, помилую на этот раз. Неси ко мне на квартиру половину свиных остатков.

Охнул Иван Семеныч, и баба охнула. Взвалили они на плечи изрядный оковалок, пуда на три, и понесли к Володьке.

А съел Володька немного – фунтов пять, что ли. Да и тех не доел – арестовали.

А давеча я в «Правде» прочел: на пять лет Володьку со строгой изоляцией. Правильно!

Дисциплина

Ужасно я люблю всякие путешествия. Меня, братцы мои, хлебом не корми, позволь мне только поехать куда-нибудь. Поездом или пароходом – мне это все равно. Главное, чтоб были два или три приятных собеседника. С ними я согласен хоть в Патагонию ехать. Очень мне нравится беседовать с незнакомыми.

В свое время я очень много ездил. А когда бесплатно было, я и с поезда не вылезал.

А трудно тогда приходилось. Пассажир был злой, неразговорчивый, чуть что – ногами пихался. И вообще – давка, безобразие. Мне даже раз на желудок мешок с крупчаткой уронили. Конечно, я сам виноват. Я на пол прилег. Ужасно утомился – стоял три ночи, ну и прилег. Предупредил еще:

– Братцы, говорю, я на пол прилег, не наступите на лицо.

На лицо не наступили, но от толчка с полки мешок упал. И спасибо, братцы, что небольшой мешок упал. Рядом стоял пуда на два.

А то однажды стеарином мне в глаз капнули. Это обер капнул. Наклонился он, собачий нос, надо мной, со свечкой.

– Ваш, говорит, билет?

И капнул. Нечаянно, говорит. А мне от этого не легче. У меня до сих пор на глазу отметина осталась. Вот ежели приподнять веко, то на роговой оболочке каждый гражданин может увидеть желтоватое пятно величиной с горошину.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Да. Трудно тогда было. С теперешним положением сравнения нету.

Я вот на днях в Лугу ездил. Чудесно ехать. Порядок, европейская аккуратность, чистота. Жаль только, пассажиры мне плохие попались. Не очень разговорчивые. Один носом клюет – спать ему, видите ли, хочется, другой – мужичок – кушает всю дорогу. Да как кушает! Срежет кусок хлеба, масла на него наворотит и жует. Потом опять. Это он заснуть боялся.

Был еще третий – старикан. Тоже дрянь пассажир. Из него, из собаки, слова клещами нужно выжимать. Я уж к нему и так, и так – молчит. Начал я ему рассказывать, как мука на меня упала, – молчит. Показал я ему пятно на роговой оболочке. Пятно он осмотрел, но ничего такого интересного не сказал.

Наконец после одной большой станции говорю ему:

– Уважаемый гражданин, а великолепно теперь в поездах ехать. Не правда ли? Порядок. Едешь будто по германской территории.

– Чего? – спрашивает.

– Словно, говорю, по германской земле едешь... С чего бы это изменение такое?

– А это, говорит, дисциплина. Русскому человеку невозможно без дисциплины.

– Это, говорю, верно. Золотые слова. В каждом деле прежде всего дисциплина. Будь то военное дело или даже водный транспорт.

– Да, – отвечает старик. – Только русский человек неправильно дисциплину понимает.

– То есть, говорю, как же неправильно, если такой порядок?

– А так...

И не успел тут старик слов договорить, как встает вдруг мужичок со своего места.

– Вы, говорит, про что разговариваете? Я, говорит, этого слова – дисциплина – слышать не могу...

– А что? – спрашиваем.

– Вы, говорит, про Ваську Чеснокова слышали? Черный такой мужик?

– Нет, говорим.

– Ну так, говорит, это его и убили по дисциплине этой.

– Да ну? – спрашиваю.

– Да, говорит, ей-богу. В германскую войну. На фронте...

Пригнали нас в оковы, а мы ни уха ни рыла в военном деле...

А тут Лешку Коновалова... Вы Лешки не знали ли?

– Нет.

– Ну так вот. Лешку Коновалова часовым поставили.

А начальник строгий был. Начальник подошел к Лешке, харей его повернул к противнику и говорит:

– Вот, говорит, за бугром противник. Ежели кто из-за бугра покажется – лепи туда пулей.

А случилось, что за бугор Васька Чесноков пошел. Там он картошку рыл. Трава высокая – немцу не видно. Возвращается.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1911.ru
А часовой Лешка видит, что фигура из-за бугра прет, ружье вскинул. Только смотрит: знакомая фигура – Васька Чесноков.

– Эу! – закричал Лешка. – Васька, ты?

Тот руками машет. Я, дескать.

Заплакал Лешка, выстрелил...

– Ну и что же? – спросил я.

– Ну и убил...

Мужичок отрезал кусок хлеба и принялся снова жевать.

Старичок засмеялся.

– Вот, говорит, не угодно ли!

Я говорю:

– Это не доказательство. Это глупость. Вот вы, говорю, хотели что-то рассказать.

– Да, говорит, хотел, да некогда. Сходить мне сейчас.

Взял он корзинку и на площадку вышел. Поезд, конечно, остановился. А я стал в окно смотреть. И вижу: выходит на платформу дежурный. Красивый такой мужчина, в галифе.

Вышел он, прутиком по салогу хлопает, усишки подвигает.

На дам косится. Прислонился к забору.

– Эй, кричит, Игнат!

Подходит к нему сторож.

– Игнат, – говорит дежурный, – принеси-ка, брат, папиросы. На столе у меня лежат.

Игнат бросился в вокзал.

«Дисциплина, – подумал я. – А пожалуй что старик и прав: неправильно многие дисциплину понимают...»

Поезд наш пошел дальше.

Больше мне ни с кем поговорить не пришлось.

Плохая ветка

По Новоторжской ветке я больше не поеду. Шут с ней. Плохая ветка. Там я едва не разбился. И там же с меня еще штраф взяли.

И за что? За то, что я, братцы, на нижнем месте сидел. А разве я виноват? Я кассирше объяснял толком:

– Я, говорю, человек грузный, мне, говорю, многоуважаемая, не давайте верхнее место. Я разбиться могу.

А она, братцы, напротив того, верхнее место дала.

«Ну ладно, соображаю, с кем-нибудь я обменяюсь в вагоне».

Сел в вагон я, а меняться не с кем – пустой вагон. «Ну, думаю, тем лучше. Повезло, думаю, мне на Новоторжской ветке. Всегда буду на ней ездить».

Сел я на нижнее место и, извиняюсь, задремал. Вдруг контроль идет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Ваш, говорит, билет?

Подаю билет. Контроль внимательно осмотрел билет и нахмурился.

– У вас, говорит, лежачее место. Полезайте наверх, а то я вас оштрафую.

Я говорю:

– Батюшка, уважаемый контроль, не хочется мне наверх. Чего я буду сидеть там, как кура. Позвольте мне внизу посидеть.

– Не могу, говорит, позволить. А ежели вы мне взятку сейчас предложите, то я могу вас упечь, куда Макар телят не гонял.

Он думал, что я растеряюсь, задрожу, а я хоть бы что. Отбрил даже его.

– Вы, говорю, не стращайте меня и не возвышайте голос, от этого у вас печенка может лопнуть. А ежели наверх нужно, то ладно, сейчас полезу.

Полез. Два раза я, братцы мои, обрывался. Наконец влез. Проехал два перегона – нет, не могу больше – тошнит и к тому же упасть боюсь от толчка.

Слез я тихонечко, присел на нижнее место. Вдруг опять контроль.

– Ага, говорит, ты опять здесь. Плати штраф.

Заплатил я штраф.

«Ну, думаю, хотя теперь поеду спокойно».

Не тут-то было.

– Нет, – говорит контроль, – штраф штрафом, а ежели место лежачее – лезь наверх.

Влез я, братцы, снова наверх. Лежу, боюсь даже до ветру сойти.

А в Лихославле собрал я свои манатки да и поскорей прочь из вагона. А там нанял лошадей да и ходу, ходу...

Не езжайте, братцы, по Новоторжской ветке! Плохая ветка.

Попугай

Нынче нам, братцы мои, великолепное житье. Все-таки еда хорошая: щи там или что другое... Мясо опять же. А которым по праздникам бабы, может, и пироги с капустой пекут. Вот оно какое великолепие!

На таких харчах мы, братишки, и позабывать стали, что это за голод такой. Позабывать начали, как это мы голодовали раньше, скажем, в девятнадцатом году.

А ведь и голодовали же мы, братцы, в свое время! Хлеб был в диковинку. Вспомнить удивительно.

А впрочем, не все, скажем, голодовали. Которые мужички, крестьяне то есть, – не плохо те жили. Все им из города везли: инструмент и драгоценные изделия и ценности всякие.

Уж и поклонялся же город деревне. Поклонялись городские мужичкам. А шельма же, братцы, мужичок наш, полюбовно будет это сказано! Ах ты, шельма какая!

Баба моя – кокетка, надо сказать, – зеркало повезла раз в деревню. Небольшое такое зеркальце, но, скажем, рожу всю видно. Повезла, братцы мои. Думала, к празднику мало-мальски пуд мучки сволокет назад. Плакалась еще, дура такая: как это, говорит, тяжесть такую повезу.

Приехала в одну деревню. Куда там!

Часишки, зеркала, рояли – в каждой избе. А тут, извините за выражение, небольшое зеркальце.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Ткнулась баба моя в одну избу – шесть куриных яиц да ют. В другую ткнулась – опять шесть куриных. Вот, думает, клюква.

– Куда же, спрашивает, мне куриные яйца в дорогу? Дайте хоть крупы какой-нибудь или мучки, что ли.

Не дают.

– А нет, говорят, за зеркала у нас официальный тариф – на куриные яйца.

Так и вернулась баба моя ни с чем.

Мужик-то, впрочем, один прельстился зеркалом.

– Эх, говорит, жалко, что махонькое зеркальце. Я бы, говорит, для тебя нарушил все нормы, дал бы тебе крупой. Ну да неподходящее зеркальце. Мне, говорит, такое надо, чтоб и ноги видать было.

И зачем ему, братцы мои, ноги нужно видать?

Ах, шельма какой мужик!

А я вот тоже раз съездил. За Вологду. Смешно вспомнить. Попугая вез.

И ни за что бы я не поехал, да опять-таки баба моя пристала.

Баба моя – кокетка, надо сказать, – от хлеба с малороссийским салцем нипочем не откажется... Пристала и пристала. Поезжай да поезжай.

Ну и соседи тоже:

– Поезжайте, говорят, Семен Семеныч. Вы человек разговорчивый – вкрутите мужичкам.

А мне что? Я и поехал.

А перед отъездом-то разговоры всякие были. Чего везти в деревню. Одни говорят: ленты вези, кружева. Другие – ситчик попестрей. Третьи – бусы. Что дикарям, ей-богу.

Пошел я на толкучку. Думаю, куплю-ка, в самом деле, такую вещь, чтобы сразу в рожу кидалась.

Вот и купил, братцы мои, попугая в клетке.

Сидит, представьте себе, на толчке многоуважаемая дама такая (может быть, бывшая графиня) и домашним барахлом торгует. И тут же при ней клетка, а в клетке попка. И сидит эта попка на кольце, качается и орет по-французски: шармант, что в переводе на русский язык – прелестно значит.

Вот, братцы мои, я и приобрел птицу эту. То-то, думаю, удивлю деревню.

И удивил, слов нету.

А купил я эту попку за недорого. Хлебом, не помню – восемь, не помню – десять фунтов дал.

И вскоре после этого и поехал. В теплушке ехал. Разговор, помню, поднялся вокруг меня, смех.

– Куда, спрашивают, везешь птицу? Зачем?

– Везу, говорю, в деревню на хлеб менять. Почем, спрашиваю, попугаи в этих местах ходят? В какой цене? Не продешевить чтобы.

Смеются.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Товар, говорят, неизвестный.

Предложил мне тут какой-то субчик полпуда ядрицы за птицу, да не отдал я.

Приехал в одну деревню. Народ вокруг меня столпился. Хохочут. Ребята тоже хохочут. Прутьями дразнят птицу. Под перья ей дуют.

«Ну, думаю, понравился товар».

Принялся я с бабой одной торговаться и совсем было в цене сошелся, да явился какой-то инвалид, что ли. Из армии.

– Стоп, говорит, братцы! Обман. Попка эта – ненастоящая. Настоящая попка «дурак» орет, а эта, говорит, что-то невнятно произносит.

Ну и смутил сделку, чертов инвалид. Пуд только стала давать баба.

Дальше я пошел.

В одну, в другую деревню – не берут. Хохочут, под перья дуют, а не берут. А которые бы и взяли, да обижаются, зачем «дурак» не произносит.

Два дня мотался я, братцы мои, с птицей, запарился, утомился – сказать невозможно. Прямо бы за полпуда отдал. Но и полпуда перестали давать.

– Вид, говорят, у птицы плохой.

А это верно: птица тоже запарилась. Все-таки дорога, да и под перья дули, да и ронял я ее раза два.

И вот посоветовал мне один старичок в дальнюю деревню идти. «А то, говорит, народ тут при железной дороге балованный, чего хотят – сами не знают».

Вот я и пошел.

А путь дальний. Жара. Пылица в нос бьет. Чересчур я тогда утомился. Вижу, и птица моя утомилась до невозможности. С кольца своего сошла, сидит внизу, нахмурившись, и хлеб не клюет.

«Ну, думаю, не скончалась бы раньше времени. Плохой вид. Вот, думаю, глупость какая будет, ежели так».

А сам все нажимаю, все быстрее да быстрее.

И вот пришел к вечеру в нужную деревню.

– Ну, говорю, попка, подбодрись.

В одну избу зашел.

– Не нужно ли, говорю, попугая?

– Нужно, – говорит мужик. – А почему товар? Покажи.

Стал я ему попку показывать, смотрю: лежит моя птица брюхом кверху, и лапки у ней врозь.

Обиделся мужик.

– Что ж, говорит, это ты дохлой птицей торгуешь?

Ох, чуть я не прослезился тогда. Вывалил попку из клетки, клетку бросил.

А мужик хохочет надо мной.

– Перестань, говорит, клетку бросать. Я тебе за нее шесть куриных яиц дам.

И дал.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– А жалко, говорит, что скончалась птица. Я бы, говорит, за нее четыре пуда дал. Мне, говорит, очень последнее время попугаи нужны. Если, говорит, у тебя еще будут продажные попки – валяй, приноси.

Я говорю:

– Ладно. Принесу. Держи карман шире.

В общем, я вернулся домой в полном огорчении и больше в деревню не ездил.

Сенатор

Из Гусина я выехал утром... Извозчик мне попался необыкновенный – куда как бойчее своей лошади. Лошаденка трусила особенной деревенской трухлявой рысью с остановками, тогда как извозчик ни на одну секунду не засиживался на месте: он привставал, гикал, свистел в пальцы, бил кнутовищем свою гнедую кобылку, стараясь попасть ей по бокам и по животу, иногда даже выпрыгивал из саней и, по неизвестной причине, бежал рядом с кобылкой, ударяя ее время от времени то ладонью, то ногой по брюху.

Я не думаю, что делал это он от холода. Мороз, помню, был незначительный, да и ехали мы недолго, с полчаса, что ли. Думаю, что делал это он по необыкновенной энергичности своего характера.

Когда мы подъезжали к какой-то деревушке, извозчик мой обернулся и, кивнув головой, сказал:

– Лаптенки это...

Потом засмеялся.

– Чего смеешься? – спросил я.

Он засмеялся еще пуще. Затем высморкался, ловко надавив нос одним пальцем, и сказал:

– Сенатор... сенатор тут в Лаптенках существует...

– Сенатор? Какой сенатор? – удивился я.

– Обыкновенно какой... сенатор... Генерал, значит, бывший...

– Да зачем же он тут живет? – спросил я.

– А живет... – сказал извозчик. – Людей дюже пугается – вот и живет тут. С перепугу то есть живет. После революции.

– А чего ж он тут делает?

Извозчик мой рассмеялся и ничего не ответил.

Когда мы въехали в Лаптенки, он снова обернулся ко мне и сказал:

– Заехать, что ли? Погреться нужно бы...

– Не стоит, – сказал я. – Приедем скоро.

Мы двинулись дальше.

– Гражданин, – сказал извозчик просительно, – заедем... Мне на сенатора посмотреть охота.

Я рассмеялся.

– Ну ладно. Показывай своего сенатора.

Мы остановились у черной, плохонькой избы, сильно приплюснутой толстенной соломенной крышей. Извозчик мой в одну секунду выскочил из саней и открыл

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
ворота, не спросив ничего у хозяев. Сани наши въехали во двор.

Я вошел в избу.

Может, оттого, что я давно не был в деревне, изба эта показалась мне необыкновенно грязной. Маленькое оконце, сплошь заляпанное тряпками и бумагой, едва пропускало свет в избу. В избе баба стирала белье в лоханке. Рядом с лоханкой сидел старичок довольно дряхлого вида. Он внимательно, с интересом смотрел, как мыльная пена, вылетая из лоханки, ударялась в стену кусками и со стены сползала медленно, оставляя на ней мокрые полосы.

В избе было душно. Несмотря на это, старичок одет был крепко: в валенках, нагольном тулупе, даже в огромной меховой шапке.

Сам старичок был малюсенький – ноги его, свешиваясь с лавки, не доставали земли. Сидел он неподвижно.

Я поздоровался и просил побыть в избе минут пять – прогреться.

– Грейтесь! – коротко сказала баба, едва оборачиваясь в мою сторону.

Старичок промолчал. Он, впрочем, сурово взглянул на меня, но после снова принялся следить за мыльной пеной.

Я недоумевал.

«Уж не этот ли старикан – сенатор?» – думал я.

В это время в избу вошел мой извозчик.

Он поздоровался с бабой и подошел к старику.

– Господину сенатору с кисточкой, – сказал он, протягивая ему руку.

Старичок подал нехотя свою сухонькую ручку. Извозчик засмеялся, подмигнул мне и сказал тихо:

– Это и есть...

Должно быть, услышал это старичок. Он заерзал на скамье и заговорил вдруг каким-то странным мужицким говорком, сильно при этом окая:

– Вре-е... Вы не слушайте ево, господин... Меня тут все дразнят... сенатором... А чего это за слово – мне неведомо. Ей-бо...

Баба бросила вдруг стирать, утерла лицо передником и рассмеялась. Извозчик мой засмеялся тоже.

Я уж подумал было, что это и в самом деле так: дразнят старика, однако меня смутила его странная, как бы нарочная мужицкая речь. Мужики здесь так не говорили.

Да и подозрительно было оканье и сухие, белые, не мужицкие руки.

– Послушайте, – сказал я, улыбаясь, – а я ведь вас где-то видел. Кажется, в Питере...

Старик необыкновенно смутился, заерзал на лавке, но сказал спокойно:

– В Питере?.. Нетути, не был я в Питере...

Извозчик ударил себя по ляжкам, присел и захохотал громко, захлебываясь. И, не переставая смеяться, он все время подталкивал меня в бок, говоря:

– Ой, шельма! Ой, умереть сейчас, шельма какая! Ой, врет как...

Баба смеялась тихо, беззвучно почти – я видел, как от смеха дрожали ее груди.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
Старик смотрел на извозчика с бешенством, но молчал. Я присел рядом со стариком.

– Бросьте! – сказал я ему. – Ну чего вы, право... Я человек частный, по своему делу еду... К чему вы это передо мной-то? Да и что вы боитесь? Кто вас тронет? Человек вы старый, безобидный... Нечего вам бояться.

Тут произошла удивительная перемена со старичком. Он поднялся с лавки, скинул с себя шапку, побледнел. Его лицо перекопилось какой-то гримасой, губы сжались, профиль стал острый, птичий, с неприятно длинным носом. Старик казался ужасно взволнованным.

– Тек-с, – сказал он совершенно иным тоном, – полагаете, что никто не тронет? Никто?

– Да, конечно, никто.

Старичок подошел ко мне ближе. В своем волнении он окончательно потерял все мужицкое. Он даже стал говорить по-иному – не употребляя мужицких слов. Мне было ясно: передо мной стоял интеллигентный человек.

– Это меня-то никто не тронет? Меня? – сказал он почти шепотом. – Да меня, может, по всей России ищут.

Старик надменно посмотрел на меня.

Мне стало вдруг неловко перед ним. В самом деле: к чему я с ним заговорил об этом? Ему, видимо, нравилась его роль – тайного, опасного человека, которого разыскивает правительство. Сейчас этот тихий старичок казался почти безумным.

– Меня? – шипел старик. – Меня... (тут он назвал совершенно мне неизвестную фамилию).

– Простите, – пробормотал я, – я не хотел вас обидеть... И, конечно, если вас разыскивают...

Я поднялся с лавки, попрощался и хотел уйти.

– Позвольте! – сказал мне старик. – Что про меня в газетах пишут?

– В газетах? Ничего.

– Не может быть, – закричал старичок. – Вы, должно быть, газет не читаете.

– Ах да, позвольте, – сказал я, – что-то такое писали...

Старичок взглянул на меня, потом на хозяйку, на моего извозчика и, довольный, рассмеялся.

– Воображаю, – протянул он, – какую галиматью пишут. Что ж это, разоблачения, должно быть?

– Разоблачения, – сказал я.

– Воображаю...

Я вышел во двор. Когда мы выезжали со двора, старичок бросился к саням, снял шляпу и сказал:

– Прощайте, господин. Счастливый путь-дороженька. А про сенатора – врут... Ей-бо, врут... Дразнят старика... Он еще что-то бормотал, я не расслышал – сани наши были уже на улице.

Извозчик мой тихонько смеялся.

– А что, – спросил я его, – как же он тут живет? У кого? Кто его держит?

– Сын... Сын его держит, – сказал извозчик, давась от смеха.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Как сын... какой сын?

– Обыкновенно какой... Родной сын. Мужик. Крестьянин. Я не здешний, не знаю сам... Люди говорят... На воспитанье будто сенатор сына сюда отдал. К бабке Марье... Будто он в прежнее время его от актриски одной прижил... Неизвестно это нам... Мы не здешние...

– А ведь старик, пожалуй что, безумный, – сказал я.

– Чего-с?

– Сумасшедший, говорю, старик-то. Вряд ли его кто разыскивает.

– Зачем сумасшедший? – сказал извозчик. – Не сумасшедший он. Нет. Хитровой только старик. Хитрит, сукин сын. Мы, бывало, к ним соберемся и давай крыть старика: какой есть такой? документы? объясняй из прежнего. Затрясется старик, заплачет. Ну да нам что... Пушай живет... Может, ему год жизни осталось. Нам что...

Извозчик хлестнул кнутовищем, потом выскочил из саней и побежал рядом со своей кобылкой.

Вор

Был Васька Тяпкин по профессии карманник. В трамваях все больше орудовал.

А только не завидуйте ему, читатель, – ничего не стоящая это профессия. В один карман влезешь – дерьмо: зажигалка, может быть; в другой влезешь – опять дерьмо: платок, или, например, папирос десяток, или, скажем, еще того чище – счет за электрическую энергию.

Так, баловство, а не профессия.

А которые поценнее вещи – бумажник там или часы, что ли, – дудки.

Неизвестно, где нынче содержат пассажиры это.

А и подлый же до чего народ пошел! Гляди в оба, как бы из твоего кармана чего не стырили. И стырят. Очень просто. На кондукторшину сумку, скажем, засмотрелся – и баста – стырили уж. Елки-палки...

Ну а что касается ценностей, то не иначе как пассажиры по подлости своей на груди их носят или на животе, что ли. Места эти, между прочим, нежные, щекотки нипочем не выносят. Пальцем едва колупнешь – крики: ограбили, дескать. Смотреть противно.

Эх, ничего не стоящая профессия!

Оптик один полупочтенный из налетчиков посоветовал Ваське Тяпкину от чистого сердца переменить профессию. Переменить то есть специальность.

– Время, говорит, нынче летнее. Поезжай-ка, говорит, братишка, в дачные окрестности. Облюбуй какую-нибудь дачу и крой после. И, между прочим, воздухом дыши. Ваш брат тоже туберкулезом захворать может. Очень просто.

«Это верно, – подумал Васька. – Работаешь ровно слон, а ни тебе спасибо, ни тебе благодарности. Поеду-ка я и в самом деле в дачные окрестности. Воздух все-таки, и работа иная. Да и запарился я – туберкулезом захворать можно».

Так Васька и сделал. Поехал в Парголово.

Походил по шоссе, походил по улицам – воздух, действительно, великолепный, дачный, слов нет, а разжиться нечем. И жрать к тому же на воздухе приспичило, только давай, давай – будто дыра в пузе: съел, а еще просится.

Стал Васька дачу облюбовывать. Видит, стоит одна дача жилая и на взгляд превосходная. На заборе заявление: медик Корюшкин, по женским болезням.

«Ежели медик, – думает Васька, – тем лучше. Медики эти завсегда серебро в буфете держат».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

На сегодня залег Васька в кусты, что у медика в саду за клумбами, стал следить, что вокруг делается. А делается: нянька в сад с пятилетним буржуйчиком гулять вышла. Нянька гуляет на припеке, а парнишка по саду мечется, в игры играет. Игр этих у него до дьявола: куклы, маховички разные заводные, паровозики... А одна игра совсем любопытная – волчок, что ли. Заводом заведешь его – гудит это ужасно как и сам по земле, что карусель, крутится.

И до того Ваську эта игра заинтриговала, что едва он из кустов не выпал. Сдержался только.

«Неполным заводом, думает, они, идола, крутят. Ежели бы полным заводом – вот понес бы шибко».

А нянька распарилась на припеке, лень ей, видите ли, крутить.

– Крути, крути сполна, – шепчет про себя Васька. – Крути, дура такая... Сук тебе в нос...

Ушла нянька с парнишкой. Вышел и Васька из кустов. Пошел во двор, посмотрел что и как. Каждую мелочь знать все-таки нужно: где труба, а где, вообще, и кухня. После в кухню заявился. Услуги свои предложил. Отказали.

– Катись, говорят, сопнешь еще что. По роже видно.

А ведь верно: угадали, елки-палки, – спер Васька топор на обратном ходу. Нуда не говори под руку...

Назавтра Васька опять в кусты. Лежит, соображает, как начать.

«Лезть надо, думает, в окно. В столовую. Ежели окно на сегодня закрыто – не беда. Обожду. Завтра, может быть, забудут закрыть. Надо мной не каплет».

Всякую ночь подходил Васька к дому, трогал окно – не поддастся ли. Через неделю поддалось – закрыть забыли.

Скинул Васька пиджачок для легкости, успокоил в животе бурчанье и полез.

«Налево, думает, стол, направо буфет. Серебро в буфете».

Влез Васька в комнату – темно. Ночь хотя и светлая, а в чужих апартаментах трудно разобраться. Пошарил Васька руками – буфет, что ли. Открыл ящик. Пустяки в ящике – дерьмо: игрушки детские. Тьфу ты, бес. Действительно: куклы, маховички...

«Эх, елки-палки! – подумал Васька. – Не туда, честное слово, залез. Не иначе как в детскую комнату я залез. Елки-палки».

Руки опустил даже Васька. Хотел было в соседнюю комнату идти – страшно. С расположения сбился. К медику еще влезешь – ланцетом по привычке чикнет.

«Эх, думает, елки-палки. Соберу хоть игрушки. Игрушки, между прочим, тоже денег стоят».

Стал Васька выкладывать из ящика игрушки – волчок в руки попал. Тот самый, что в саду пускали давеча.

Улыбнулся Васька.

«Тот самый, думает. Пушу, ей-богу, после. Обязательно. Заведу на полный ход. А сейчас поторопиться нужно, товарищи».

Стал Васька торопиться, рассыпал что-то, зазвенело на полу.

Только смотрит – на кровати парнишка зашевелился. Встал. Пошел к нему босенький.

Оробел сначала Васька.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Спи, – сказал. – Спи, елки-палки.

– Не трогай! – закричал мальчик. – Не трогай игрушки.

«Ах ты, – думает Васька, – засыпаться так можно».

А мальчик орет, плакать начинает.

– Спи, шибздик! – сказал Васька. – Раздавлю, как вошку.

– Не трогай. Мои игрушки...

– Врешь, – сказал Васька, пихая в мешок игрушки, – были, это точно, твои, а теперь ищи-свищи...

– Чего?

– Ищи, говорю, свищи.

Выкинул Васька мешок за окно и сам прыгнул. Да неловко прыгнул – грудь зашиб.

«Эх, подумал, елки-палки, так и туберкулезом захворать можно».

Присел Васька на клумбу, потер грудь, отдышался.

«Бежать, думает, скорее нужно».

Вскинул мешок на плечи, хотел бежать, про волчок вдруг вспомнил.

– Стоп! – сказал Васька. – Где волчок? Не забыл ли я волчок? Елки-палки.

Пощупал мешок – здесь. Вынул Васька волчок. Пустить охота, не терпится.

«А ну, думает, попробую заведу».

Закрутил он на полный ход, пустил. Гудит волчок, качается.

Засмеялся Васька. Прилег наземь от смеха.

«Вот, думает, когда полным ходом дует. Елки-палки».

Еще не докрутился волчок, как закричали вдруг в доме:

– Вор... Держи вора!

Вскочил Васька, хотел бежать – бряк по голове кто-то. Да не шибко ударили. Неопытно. Рухнул хотя Васька на землю, но вскочил после.

«Палкой, думает, ударили, что ли. Палкой, наверное, или смоляной веревкой».

Побежал Васька, закрывши рукой голову.

Пробежал версту, вспомнил: пиджак забыл.

Чуть не заплакал с досады Васька. Присел в канаву.

«Эх, думает, елки-палки. Переменить профессию надо. Ничего не стоящая профессия, хуже первой. Последнего, скажем, пиджачка лишился. Поступлю-ка я в налетчики. Елки-палки».

И пошел Васька в город.

Мемуары старого капельдинера

Мне все говорят: почему бы вам, Григорий Палыч, записки такие не написать – мемуары вроде бы про артистов. Вы человек семейный, впечатлительный и не чужды культурного просвещения. Вы двадцать лет капельдинером состояли и к сцене соприкасались.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
И это верно: я двадцать лет служил искусству и того знаю, чего, прямо скажу, не всякий артист знает. Иной артистишка – дрянь, совершенная мелюзга, а нос перед тобой дерет. Вроде как наш театральный парикмахер ферофонт: я, дескать, артист, а ты, мол, кто такой? Больно слушать. Но только врешь, брат. Про таких артистов я не упомяну, а буду я писать про замечательных артистов.

Вот Шаляпин – артист, прямо скажу, хороший. Он бас очень даже замечательный. Так сказать, знаменитый и исторический голос-бас на всем полушарии.

Но, конечно, голос у него не такой уж чересчур громкий, как некоторые воображают себе. Некоторые представляют или введены в сомнение, что голос у него такой чересчур громкий, что зеркала будто дребезжат и занавес вьется. Так это, прямо скажу, ничего подобного. Голос у него очень даже обыкновенный, и ежели мне, например, в фойе выйти, так и едва слышно. А ежели, извиняюсь, до ветру пройти, так и того... не слышно, прямо скажу.

Ну а публика дура. Публика думает невесть что и прет, и прет, даже обидно. А которые без билета, охотно хорошо дают.

А вот был у нас бас – Иван Кириллыч Васин. Вот это, прямо скажу, очень даже замечательный бас. Прежде он в соборе даже выступал. Ну а после к нам в хор перевелся. Вот от такого голоса было действительно сотрясение предметов. Это многие подтвердят. Некоторых он даже в ужас вгонял, которые неопытные.

Но в хоре ему ходу не давали. Не позволяли ему даже проявить свой голос в полной своей мере. Но только он один раз из гордости взял ноту. Это мы «Русалку» тогда ставили. Шаляпин, Федор Иванович, – арию, а он, Кириллыч наш, как рывкнет, как рывкнет, собачий хвост... Куда там... Покрыл, прямо скажу, и оркестр, и Шаляпина. В одну минуту доказал, что он за какой бас. Ну, только за минуту гордости потерпел – очень его матевировали и после службы поперли. Да. А был бас замечательный.

Глазунов – хороший композитор и капельмейстер. Он мужчина полный и представительный. Некоторые утверждают, будто крупнее его и нету, но это говорят необдуманно.

Я сам знал бывшего помещика одного. Так куда там. Вот это был действительно крупный мужчина. Он хоть повыше будет слегка, но зато в полноту сравнения нету. А весом, прямо скажу, больше девяти пудов. Он так и на карточках на визитных печатал: помещик и потомственный дворянин Исидор Сидорович Лысаков, вес – 9 п. 20 ф.

Но, конечно, и в данном случае я не спорю. Глазунов – мужчина, прямо скажу, крупный.

А Вагнера я не люблю. Непонятный композитор. Много чересчур в барабан бьют, а толку нету. Я в такие спектакли всегда лучше ухожу или меняюсь. А один раз, мы «Тангейзера» ставили, я ушел, а у меня зрители бинокль сперли. А с бинокля всегда прямой доход. А ежели балет ставим, так только давай, давай. Неприятности, прямо скажу.

Говорят, будто Юрьев еще хороший артист – не знаю и утверждать боюсь – он у нас в театре не поет.

Григ. Липкин

Свинство

Ведь вот свинство какое: сколько сейчас существует поэтов, которые драгоценную свою фантазию растрачивают на рифмы да стишки... Ну чтоб таким поэтам объединиться да и издать книжонку на манер наших святцев с полным и подробным перечислением новых имен... Так нет того – не додумались.

А от этого с Иван Петровичем произошла обидная история.

Пришел раз Иван Петрович к заведывающему по делам службы, а тот и говорит:

– Ах, молодые люди, молодые люди! На вас, говорит, вся Европа смотрит, а вы чего делаете?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– А чего? – спрашивает Иван Петрович.

– Да как чего? Вот взять тебя... Ты, например, младенца ждешь... А как ты его назовешь? Небось Петькой назовешь?

– Ну, говорит, а как же назвать-то?

– Эх, молодые люди, молодые люди! – говорит заведывающий. – По-новому нужно назвать. Нужно быть революционером во всем... На вас вся Европа смотрит...

– Что ж, – отвечает Иван Петрович, – я не против. Да только фантазия у меня ослабла. Недостаток, так сказать, воображения... Вот вы, человек образованный, просвещенный, восточный факультет кончили, – посоветуйте. У вас и фантазия, и все такое...

– Пожалуйста, – говорит заведывающий. – У меня фантазии хоть отбавляй. Это верно. Вали, назови, ежели дочка – Октябрина, ежели парнишка – ну... Ну, говорит, как-нибудь да назови. Подумай... Нельзя же без имени ребенка оставить... Вот хоть из явления природы – Луч назови, что ли.

А имя такое – Луч – не понравилось Иван Петровичу.

– Нет, говорит, Луч с отчеством плохо – Луч Иванович... Лучше, говорит, я после подумаю. Спасибо, что на девчонку надоумили.

Стал после этого Иван Петрович задумываться – как бы назвать. Имен этих приходило в голову множество, но все такие имена: то они с отчеством плохи, а то и без отчества паршиво звучат.

«Ладно, – решил Иван Петрович, – может, на мое счастье, девчонка народится... Ну а ежели мальчишка, там подумаю. В крайнем случае Лучом назову. Шут с ним. Не мне жить с таким именем...»

Много раз собирался Иван Петрович подумать, да по легкомыслию своему все откладывал – завтра да завтра.

«Чего, думает, я башку раньше времени фантазией засорять буду».

И вот наконец наступило событие. Родилась у Иван Петровича двойня. И все мальчики.

Сомлел Иван Петрович. Два дня с дивана не поднимался – думал, аж голова распухла. А тут еще супруга скулит и торопит:

– Ну как? Ну как?

А Иван Петрович плашмя лежит и руками отмахивается – не приставай, дескать, убью.

А сам самосильно думает:

«Стоп, думает. По порядку буду... Одного назову, ежели это есть мальчик, – Луч, Луч Иванович. Заметано... Хоть и плохо – сам виноват. Был бы девочкой – другое дело... Другого, ежели это тоже есть мальчик, а не девочка, назову, ну... Эх, думает, хоть бы одна девчонка из двух...»

Пролежал Иван Петрович два дня на диване, и вместо имен стали ему в голову всякие пустяки лезть – вроде насмешки: Стул, Стол Иванович, Насос Иванович, Картина Ивановна...

И побежал Иван Петрович с перепугу к заведывающему.

– Выручайте, кричит, вы меня подкузьмили!

– А что? – спрашивает.

– Да как же что! Вся Европа на меня смотрит, а у меня все мальчики... Ну как я их

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru назову?!

Думал, думал заведывающий.

– Вот, говорит, Луна, например, неплохое имя...

Заплакал Иван Петрович.

– Я, говорит, про Луну думал уж. Луна – это женский род... У меня все мальчики.

Стал опять думать заведывающий.

– Нет, говорит, увольте. Фантазии у меня действительно много, но направлена она в иную сторону... Пойдем, говорит, старик, выпьем с горя.

Пошли они в пивную, а там в трактир, а там опять в пивную. И запил Иван Петрович.

Пять дней домой не являлся, а как явился, так уж все было кончено: одного парнишку назвали Колей, а другого Петей. Этакое свинство.

Вот какая это была история.

А во всем виноваты поэты. У них фантазия.

Европа

Любит русский человек побранить собственное отечество. И то ему, видите ли, в России плохо, и это не нравится. А вот, дескать, в Европе все здорово. А что здорово – он и сам не знает.

А ежели он будет говорить про омолаживанье, то плюньте ему в глаза.

Поехал тут один гражданин омолаживаться. А что получилось?... Пустяки...

А так было. Жил один гражданин в нашем доме в шестом номере. И был этот гражданин до того старенький, что перестал он даже за квартиру платить.

– Чего, говорит, мне деньги переводить зря? Я, говорит, одной ногой в гроб смотрю. Небось, скоро помру – с меня взятки гладки.

Так и не платил.

Уж комендант дома и угрожал старичку, и требовал, и по совести урезонивал, и ябеды писал – не помогает. Старичок только усмехается.

– Сами, говорит, виноваты, что не плачу. Дураки вы, некультурные вы люди. Жил бы я в Европе – омолодили бы меня там и снова бы я стал платить. Даже, говорит, на ремонт крыши бы дал. А так – не желаю.

Так и не платил. И мало того, что не платил, а еще и задирали всех жильцов. Издевался над их некультурностью. И все насчет Европы скулил.

Наконец кто-то посоветовал старичку в Европу ехать.

Так старичок и сделал. Достал себе паспорт, распродал имущество и к осени выехал. Даже не попрощался ни с кем.

И вот поехал старичок в Берлин. И пишет из Берлина письмо в Россию. Вроде как хвалится:

«Сидю, говорит, в Берлине. И на днях буду омолаживаться. А медицина тут поставлена очень отлично – каждая кишка на учете. А как омоложусь, так и деньги вышлю за квартиру за все время. И может быть, на ремонт. До свиданья».

И вот принялся старичок ходить к знаменитым профессорам. Пошел к одному, к другому, к пятому – нет. Не берутся омолаживать. Один профессор над крысами производит опыты, другой профессор теорией вопроса занят, третий опять на практике крыс омолаживает. Даже злость взяла старичка.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Что ж это, – говорит он одному профессору. – Крысы да крысы... Это выходит, что я зря проехался. Что ж, говорит, вы ваньку валяете. Едят вас мухи. Раззвонили на всю планету, а как до дела, так и не можете. Над крысами только...

– Нет, – говорит профессор, – не только над крысами, а и над кроликами, и над морскими свинками, и даже над обезьянами... Но есть всемирно известные профессора, которые и человека омолаживают.

Дал тут профессор старичку адрес одного знаменитого ученого, который проживал в Гамбурге.

Вот старичок собрался и выехал туда.

А оттуда пишет письмо в Россию.

«Сидю, говорит, в Гамбурге. И скоро буду омолаживаться. Как омоложусь, так и деньги вышлю. Раньше не могу из принципа. До свиданья».

Написал старичок письмо и пошел к знаменитому ученому.

– Здравствуйте, говорит. Вот, говорит, желаю омолодиться. Осчастливьте. Впрысните сыворотку.

– Можно, – говорит ученый, – это вам будет стоить триста английских фунтов.

Подсчитал старичок свои карбованцы, охнул, схватился за голову.

– Ох, говорит, знаменитый профессор, не хватает у меня пол английского фунта, извиняюсь.

– Ну ничего, – говорит ученый, – пушай так. Мне полфунта не расчет. Раздевайтесь.

Разделся старичок и думает:

«Вот, думает, едят его мухи. Он меня омолодит, а я потом с голоду помру без копейки денег. Все ему отдам...»

Подумал-подумал и стал одеваться.

– До свиданья, говорит, я в другой раз зайду. Подумаю.

– Что ж вы вола вертите? – сказал профессор, бросая препарат на стол.

Старичок бочком-бочком да и на лестницу. Бежит по лестнице, вдруг слышит – сзади какой-то человек цыкает.

– Тс, – говорит человек, – вам чего, омолодиться? Я, говорит, устрою. Вот вам адрес ученого. Он хотя и не очень знаменит, но возьмет с вас недорого.

Вот на другой день старичок и пошел к ученому. И действительно, взял этот ученый со старичка недорого, впрыснул ему что следует, а через два дня старичок и ноги протянул – помер.

А с чего помер – неизвестно. Может, ему не в то место впрыснули, куда следует, а может, старичок и сам помер от потрясения.

Вот. А вы говорите – Европа!

Новый человек

Делопроизводитель Нюхательного треста Игорь Владимирович Козьепупов лежал у себя в комнате на кушетке и весело улыбался. Рядом в соседней комнате, у жены Машеньки, сидят гости. Вернее, не гости, а гость... Какой-то товарищ Ручкин. Машенькин сослуживец.

«Сидит, – думает Козьепупов. – Пускай сидит. Мне от этого ни холодно, ни жарко... Я все-таки новый человек. Современный человек. Так сказать – дитя своего века...»

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Другой муж в три шеи погнал бы этого чертова Ручкина. А я – пожалуйста. Сиди, говори, что хочешь, шепчись... Замыкайся на все запоры... Целуйся... Шут с вами – мне все равно. Я новый человек. Человек новой эпохи».

В соседней комнате гудел густой голос товарища Ручкина. Однако слов нельзя было разобрать.

«Гудит, – думает Козьепупов. – Гуди, собачий нос, гуди. Скажи спасибо, что на такого мужа напал. Другой бы муж за манишку да по лестнице, да по лестнице. Башкой паршивой по лестнице – не лазь, дескать, к чужим женам...»

Козьепупов присел на кушетку и закурил.

«Да-а, – сказал он про себя, – как ни говори, а новые отношения между полами. Полнейшее социальное равенство... Я хоть и делопроизводитель, но я передовой человек. Я даже, ей-богу, к самому себе уважение чувствую. Я новый человек – не знающий ни ревности, ни мещанской собственности... Ведь другой человек мог бы и кислотой плеснуть в поганую рожу этого Ручкина... А по правде сказать, и стоит... Интересно знать, о чем это дерьмо беседует с Машенькой?»

Козьепупов встал с кушетки и тихонько подошел к двери.

– Марья Михайловна, – густо говорил товарищ Ручкин, – вы прелестная дамочка... Дозвольте в ручку поцеловать...

Козьепупов замер у двери.

«Сволочь какая! – удивился он. – А? Дозвольте поцеловать... Другой бы муж за такие слова все кишки бы выпустил, с пятого этажа бы выкинул...»

Козьепупов в волнении отошел от двери и снова прилег на кушетку. Но теперь ему не лежалось.

«Этакая скотина, – думал Козьепупов. – Два часа сидит. Да еще гудит, как прохвост... Хоть бы подумал, что муж в соседней комнате... Я, знаете ли, хоть и новый человек, но если он еще десять минут просидит, то я ему пропишу пфеферу. Я ему все кишки выпущу... Я его, собачьего прохвоста, в зубной порошок разотру».

Козьепупов вскочил с кушетки и принялся шагать по комнате, нарочно стуча каблуками.

– Маша! – вдруг крикнул Козьепупов визгливым голосом. – Маша! Поздно уж... Спать пора!

Густой голос Ручкина прервался на полслове. В комнате стало тихо. Через минуту в дверях показалась Машенька.

– Это нетактично! – сказала она. – Это свинство. Где твои убеждения?..

– А-а, нетактично? – заорал Козьепупов, брызгая слюной. – Нетактично!

Он схватил жену за руку и потащил в комнату, где сидел гость.

– Нетактично! – орал Козьепупов, тыча пальцем в товарища Ручкина. – А два часа сидеть тактично? Я, извиняюсь, товарищ, не из ревности... Я новый, передовой человек, но я покажу, что тактично. Я покажу, где раки зимуют! Вон отсюда! Пошел вон отсюда, дурак собачий...

Гость съежился и, забормотав непонятное, вышел из комнаты, испуганно оглядываясь.

Машенька тихо плакала.

Писатель

Конторщик Николай Петрович Дровишкин давно мечтал сделаться корреспондентом. Он послал даже раз в газету «Красное чудо» письмо с просьбой принять в рабкоры. Но ответа еще не было. И талант Дровишкина пропал в бездействии.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
А Дровишкин был очень талантливый человек. И главное – отличался красноречием. Все знакомые даже удивлялись.

– Голубчик, – говорили знакомые, – да с вашим талантом в газеты нужно писать.

В ответ Дровишкин только усмехался.

«Уж только бы мне попасть в газету, – думал Дровишкин. – Уж я бы написал. Уж я бы с моим талантом черт его знает что бы написал».

И вот однажды, развернув дрожащими руками «Красное чудо», Дровишкин прочел: «Ник. Дровишкину. – Пишите о быте. Ваш № 915».

От радости Дровишкин едва не задохнулся.

– Есть! Принят! Корреспондент «Красного чуда» Николай Дровишкин!

И, едва досидев до четырех, Дровишкин вышел на улицу, презрительно взглянув на начальство.

На улице восторг Дровишкина немного утих.

«О чем же я буду писать? – подумал Дровишкин, останавливаясь. – Как о чем? О быте... Вот, например... Ну что бы? Ну вот, например, милиционер стоит... Почему он стоит? Может, его солнце печет, а сверху никакой покрывки нету... Гм, нет, это мелко...»

Дровишкин пошел дальше и остановился у окна колбасной.

«Или вот о мухах... Мухи на колбасе... Потом трудящиеся кушать будут...»

Дровишкин укоризненно покачал головой и зашел в лавку.

– Как же это та к, братцы? – сказал он приказчику. – Мухи у вас на окнах...

– Чего-с?

– Нет, я так. Трудящиеся, говорю, потом кушать будут. После мух... Дайте-ка мне того... полфунтика чайной...

Дровишкин помялся у дверей, положил колбасу в карман и вышел из лавки.

«Нет, – подумал он, – о мухах нельзя – мелко. Нужно взять что-нибудь этакое крупное. Какое-нибудь общественное явление. Факт значительный».

Но ничего значительного Дровишкину не приходило в голову. Даже люди, проходящие мимо него, были самые обыкновенные люди, совершенно непригодные для замечательной статьи.

Настроение у Дровишкина упало.

«О погоде, что ли, написать? – уныло подумал он. – Или про попа, что ли...»

Но, вспомнив, что поп приходится дальним родственником жены, махнул рукой и пошел к дому.

Дома, закрывшись в своей комнате, Дровишкин принялся писать. Писал он долго. И когда кончил – уже начинало светать.

Разбудив жену, Дровишкин сказал:

– Вот, Веруся, послушай-ка. Я хочу знать твое мнение. Это явление из жизни...

Дровишкин сел против жены и стал читать глухим голосом. Статья начиналась туманно, и смысл ее даже самому Дровишкину был неясен, но зато конец был хлесткий:

«И вместо того, чтобы видеть перед окнами ландшафт природы, трудящиеся порой

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru лицезреют перед глазами мокрое белье, которое повешено для просушки. За примером ходить недалеко. Не далее как сегодня, вернувшись после трудового дня, я увидел вышеуказанное белье, среди которого были и дамские принадлежности, и мужское исподнее, что, конечно, не отвечает эстетическим запросам души.

Пора положить этому предел. То, что при старом режиме было обычным явлением, того не должно быть теперь».

– Ну как? – спросил Дровишкин, робко взглянув на жену. – Хорошо?

– Хорошо! – сказала жена. – Только, Коля, ты про какое белье говоришь? Это ведь наше белье перед окнами...

– Наше? – охнул Дровишкин.

– Ну да. Не узнал? Там и твое исподнее.

Дровишкин опустил перед женой и, уткнувшись носом в ее колени, тихонько заплакал.

– Верочка! – сказал Дровишкин, сморкаясь. – Кажется, все у меня есть: и слог красивый, и талант, а вот не могу... И как это пишут люди?

Последнее Рождество
Давненько я не праздновал Рождества.

В последний раз это было лет семь назад.

Перед самым Рождеством выехал я к своим родным в Петроград. Мне не повезло: на какой-то пустяковой станции пришлось ночевать. Поезд опаздывал часов на двенадцать.

А станция была действительно пустяковая – не было даже буфета.

Сторож, впрочем, хвалился, что буфет «обнаковенно есть, но покеда», по случаю праздников, – нет. Утешение было среднее.

На этой станции нас, горемычных путников, было человек двенадцать. Тут был и какой-то купец-рыбник с бородой, два студента, и какая-то женщина в старомодной ротонде, с двумя чемоданами, и прочий неизвестный мне люд.

Все покорно сидели за столом в маленькой зальце, и только в купце бушевала злоба. Он вскакивал из-за стола, бежал в дежурную, и нам было слышно, как голос его злобно повизгивал и повышался.

Кто-то из начальства отвечал спокойно:

– Не могу знать... В восемь утра... Не раньше.

Среди пассажиров был еще очень опрятного вида старичок в шубке и в высокой меховой шапке. Сначала старичок, добродушно посмеиваясь, утешал пассажиров, ласково глядя им в глаза, потом принялся подпевать тихим козлиным тенорком: «Рождество твое, Христе Боже наш».

Это был старичок совершенно набожного вида. Добродушие и кротость были заметны во всяком его движении.

Он сидел на стуле и, покачиваясь в такт, пел «Рождество твое». Но вдруг сорвался со стула и исчез со станции... Через несколько минут он вернулся, держа в руке еловый сучок.

– Вот! – сказал старичок с восторгом, подходя к столу. – Вот, милостивые государи, и у нас елка.

И старичок принялся втыкать елку в графин, тихо подпевая: «Рождество твое, Христе Боже наш».

– Вот, милостивые государи, – снова сказал старичок, несколько отходя от стола и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru любясь своей работой. – В этот торжественный день, по чьим-то грехам, вынуждены мы тут сидеть яко благ, яко наг...

Пассажиры с неудовольствием и раздражением смотрели на суетливую фигурку старика.

– Да, – продолжал старичок, – по чьим-то грехам... Православные христиане, этот торжественный день мы, конечно, привыкли проводить среди своих друзей и приятелей. Мы привыкли смотреть, как наши маленькие детки прыгают в неопишемом восторге вокруг рождественской елки... Нам нравится, милостивые государи, по человеческим слабостям, откусать в этот день и ветчинки с зеленым горошком, и кружок-другой колбасы, и ломтик гуся, и рюмашечку чего-нибудь этого...

– Тьфу! – сказал рыботорговец, с омерзением глядя на старичка.

Пассажиры задвигались на стульях.

– Да, милостивые государи, – продолжал старичок тончайшим голосом, – привыкли мы проводить этот день в торжестве, но если нет, то не пойдешь против Бога... Говорят, тут неподалеку существует церковка... Пойду я туда... Пойду, милостивые государи, пролью слезу и поставлю свечечку...

– Послушайте, – сказал торговец, – а может, тут чем разжиться можно? Может, в самом деле, тут этого... ветчинки раздобыть можно? Ежели расспросить.

– Полагаю, что можно, – сказал старичок, – за деньги, милостивые государи, все можно. Ежели собраться...

Купец вынул бумажник и, хлопнув об стол, стал отсчитывать. Пассажиры с радостью заворочались на стульях, вытаскивая свои деньги...

Через несколько минут, подсчитав собранные деньги, старичок с восторгом объявил, что хватит за глаза и на еду, и на питье, и на прочее.

– Только вы недолго, – сказал торговец.

– Поставлю свечечку, – сказал старичок, – пролью слезу, расспрошу у православных христиан, где купить, и назад... За кого, милостивые государи, поставить свечечку?

– Поставьте за меня, – сказала женщина в ротонде, роясь в кошельке и протягивая деньги.

Денег от нее старичок не взял.

– Нет, сударыня, – сказал он, – позвольте уж мне из своих скромных средств сделать христианское дело. За кого еще?

– Ну и за меня тогда, – сказал купец, пряча свой бумажник.

Старичок кивнул головой и вышел. «Рождество твое, Христе Боже наш», – услышали мы его голос.

– Какой божественный старичок! – сказал торговец.

– Удивительный старичок, – поддержал кто-то.

И пассажиры с восторгом стали рассуждать о старичке.

Прошел час. Потом два. Потом часы пробили пять. Старичок не шел. В семь часов утра его тоже не было.

Половина восьмого – подали поезд, и пассажиры бросились занимать места.

Поезд тронулся.

Было еще темновато. Вдруг мне показалось, что за углом станции мелькнула знакомая фигура старичка.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
я бросился к окну. Старичок скрылся.

Я вышел на площадку – и вдруг явственно услышал знакомый козлиный тенорок:
«Рождество твое, Христе Боже наш».

Это было мое последнее Рождество.

Сейчас к религии я отношусь как-то скептически.

Монастырь

В святых я, братцы мои, давненько не верю. Еще до революции. А что до Бога, то в Бога перестал я верить с монастыря. Как побывал в монастыре, так и закаялся.

Конечно, все это верно, что говорят про монастыри – такие же монахи люди, как и мы прочие: и женки у них имеются, и выпить они не дураки, и повеселиться, но только не в этом сила. Это давно известно.

А вот случилась в монастыре одна история. После этой истории не могу я спокойно глядеть на верующих людей. Пустяки ихняя вера.

А случилось это, братцы мои, в Новодеевском монастыре.

Был монастырь богатый. И богатство свое набрал с посетителей. Посетители жертвовали. Бывало, осенью, как напрут всякие верующие, как начнут лепты вносить – чертям тошно. Один вносит за спасение души, другой – за спасение плавающих и утопающих, третий так себе вносит – с жиру бесится.

Многие вносили – принимай только. И принимали. Будьте покойны.

Ну а, конечно, который внесет – норовит уж за свои денежки пожить при монастыре и почетом пользоваться. Да норовит не просто пожить, а охота ему, видите ли, к святой жизни прикоснуться. Требует и келью отдельную, и службу, и молебны.

Ублаготворяли их. Иначе нельзя.

А только осенью келий этих никак не хватало всем желающим. Уж простых монахов вытесняли на время по сараям, и то было тесно.

А сначала было удивительно – с чего бы это народ сюда прет? Что за невидаль? Потом выяснилось: была тут и природа богатая, климат, и, кроме того, имелась приманка для верующих.

Жили в монастыре два монаха-молчальника, один столпник и еще один чудачок. Чудачок этот мух глотал. И не то чтобы живых мух, а настойку из мух пил натошак. Так сказать, унижал себя и подавлял свою плоть.

Бывало, с утра пораньше народ соберется вокруг его сарайчика и ждет. А он, монах то есть, выйдет к народу, помолится, поклонится в пояс и велит выносить чашку. Вынесут ему чашку с настойкой, а он снова поклонится народу и начнет пить эту гнусь.

Ну, народ, конечно, плюется, давится, которые слабые дамы блюют и с ног падают, а он, сукин сын, вылакает гнусь до дна, не поморщится, перевернет чашку, дескать, пустая, поклонится – и к себе. Только его и видели до другого дня.

Один раз пытались верующие словить его, дескать, не настоящая это настойка из мух. Но только верно – честь честью. Монах сам показал, удостоверил и сказал народу:

– что я, Бога, что ли, буду обманывать?

После этого слава о нем пошла большая.

А что до других монахов – были они не так интересны. Ну хотя бы молчальники. Ну молчат и молчат. Эка невидаль! Столпник – тоже пустяки. Стоит на камне и думает, что святой. Пустяки!

Был еще один такой – с гирькой на ноге ходил. Этот нравился народу. Одобряли

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru его. Смешил он верующих. Но только долго он не проходил – запил, гирьку продал и ушел восвояси.

А все это, конечно, привлекало народ. Любопытно было. Оттого и шли сюда. А шли важные люди. Были тут и фоны, и бароны, и прочая публика. Но из всех самый почтенный и богатый гость был московский купчик Владимир Иванович.

Много денег он всадил в монастырь. Каялся человек.

Грехи замаливал.

– Я, – говорил он про себя, – всю жизнь грешил, ну а теперь пятый год очищаюсь. И надеюсь очиститься.

А старенький был этот человек! Бороденка была у него совсем белая. И, на первый взгляд, он был похож на святого Кирилла или Мефодия. Чего такому-то не каяться?

А приезжал он в монастырь часто.

Бывало, приедет, остановит коляску версты за три и прет пешком.

Придет вспотевший, поклонится братии, заплачет. А его под ручки. Пот с него сотрут, и водят вокруг, и шепчут на ухо всякие пустяки.

Ну, отогреется, проживет недельку, отдарится и снова в город. А там опять в монастырь. И опять кается.

А каялся он прямо на народе. Как услышит монастырский хор – заплачет, забьется: «Ах я такой! Ах я этакий!» Очень на него хор действовал. Жалел только старик, что не дамский это монастырь.

– Жаль, говорил, что не дамский, а то я очень обожаю самое тонкое пение сопран.

Так вот, был Владимир Иванович самый почтенный гость. А от этого все и случилось.

Продавалось рядом с монастырем имение. Имение дворянское. «Дубки». Имение удобное – земли рядом. Вот игумен и разгорелся на него. Монахи тоже.

Стал игумен вместе с экономом раскидывать – как бы им подобрать к своим рукам. Да никак. Хоть и денег тьма, да купить нельзя. По закону не показано. По закону мог монастырь землю получить только в дар. А покупать нельзя было.

Вот игумен и придумал механику. Придумал он устроить это дело через Владимира Иваныча. Посетитель почтенный, седой – купит и подарит после. Только и делов.

Ну, так и сделали.

А купчик долго отнекивался.

– Нет, говорил, куда мне! От мирских дел я давно отошел, мозги у меня не на то самое направлены, а на очищение и на раскаяние – не могу, простите.

Но уломали. Мраморную доску обещали приклепать на стене с заглавием купчика. Согласился купчик.

И вот дали ему семьдесят тысяч рублей золотом, отслужили молебствие с водосвятием и отправили покупать.

Покупал он долго. Недельку. И приехал назад в монастырь вспотевший и вроде как не в себе. Приехал утром. С экипажа не слез, к игумену не пошел, а велел только выносить свои вещи из кельи.

Ну а монахи, конечно, сбежались – увидели. И игумен вышел.

– Здравствуйте, говорит. Сходите.

– Здравствуйте, говорит. Не могу.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Отчего же, спрашивает, не можете? Не больны ли? Как, дескать, ваше самочувствие и все такое?

– Ничего, – говорит Владимир Иванович, – спасибо. Я, говорит, приехал попрощаться да вещишки кой-какие забытые взять. А сойти с экипажа не могу – ужасно тороплюсь.

– А вы, – говорит игумен, – через не могу. Какого черта! Нужно нам про дело поговорить. Купили?

– Купил, – отвечает купчик, – обязательно купил. Такое богатое имение не купить грешно, отец настоятель.

– Ну, и что же? – спрашивает игумен. – Оформить надо... Дар-то...

– Да нет, – отвечает купчик. – Я, говорит, раздумал. Я, говорит, не подарю вам это имение. Разве мыслимо разбрасываться таким добром? Что вы?

Чего тут и было после этих слов – невозможно рассказать. Игумен, конечно, ошалел, нос у него сразу заложил – ни чихнуть, ни сморкнуться не может. А эконо́м – мужчина грузный – осви́репел, нагнулся к земле и, за неимением под рукой камня, схватил гвоздь этакий длинный, барочный и бросился на Владимира Иваныча. Но не заколол – удержали.

Владимир Иванович побледнел, откинулся в экипаже.

– Пушай, говорит, пропадают остальные вещи.

И велел погонять.

И уехал. Только его и видели.

Говорили после, будто он примкнул к другому монастырю, в другой монастырь начал жертвовать, но насколько верно – никто не знает.

А история эта даром не прошла. Которые верующие монахи стали расходиться из монастыря. Первым ушел молчальник.

– Ну, говорит, вас, трамтарарам, к чертям собачьим!

Плюнул и пошел, хотя его и удерживали.

А засим ушел я. Меня не удерживали.

Рассказ певца

Искусство падает, уважаемые товарищи! Вот что.

Главная причина в публике. Публика пошла ужасно какая неинтересная и требовательная. И неизвестно, что ей нужно. Неизвестно, какой мотив доходит до ее сердца. Вот что.

Я, уважаемые товарищи, много пел. Может, Федор Иванович Шаляпин столько не пел. Пел я, вообще, и на улицах, и по дворам ходил. А что теперешней публике нужно – так и не знаю.

Давеча со мной такой случай произошел. Пришел я во двор. На Гончарной улице. Дом большой. А кто в нем живет – неизвестно по нынешним временам.

Спрашиваю дворника:

– Ответь, говорю, любезный кум, какой тут жилец живет?

– Жилец разный. Есть, говорит, и мелкий буржуй. Свободная профессия тоже имеется. Но все больше из рабочей среды: мелкие кустари и фабричные.

«Ладно, думаю. Кустарь, думаю, завсегда на "Кари глазки" отзывается. Спою "Кари глазки"».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Спел. Верчу головой по этажам – чисто. Окна закрыты, и никто песней не интересуется.

«Так, думаю. Может, думаю, в этом доме рабочие преобладают. Спою им "Славное море, священный Байкал"».

Спел. Чисто. Никого и ничего.

«Фу ты, думаю, дьявол! Неужели, думаю, в рабочей среде такой сдвиг произошел в сторону мелкой буржуазии? Если, думаю, сдвиг, то надо петь чего-нибудь про любовь и про ласточек. Потому буржуй и свободная профессия предпочитают такие тонкие мотивы».

Спел про ласточек – опять ничего. Хоть бы кто копейку скинул.

Тут я, уважаемые товарищи, вышел из терпения и начал петь все, что знаю. И рабочие песни, и чисто босяцкие, и немецкие, и про революцию, и даже «Интернационал» спел.

Гляжу, кто-то бумажную копейку скинул.

До чего обидно стало – сказать нельзя. Голос, думаю, с голосовыми связками дороже стоит.

«Но стоп, думаю. Не уступлю. Знаю, чего вам требуется. Недаром два часа пел. Может, думаю, в этом доме, наверно, религиозный дурман. Нател!»

Начал петь «Господи помилуй» – глас восьмой.

Дотянул до середины – слышу, окно кто-то открывает.

«Так, думаю, клюнуло. Открываются».

Окно, между тем, открылось, и хлесь кто-то в меня супом.

Обомлел я, уважаемые товарищи. Стою совершенно прямой и морковку с рукава счищаю. И гляжу, какая-то гражданка без платка в этаже хохочет.

– Чего, говорит, панихиды тут распуцаешь?

– Тс, говорю, гражданочка, за какое самое с этажа обливаются? В чем, говорю, вопрос и ответ? Какие же, говорю, песни петь, ежели весь репертуар вообще спет, а вам не нравится?

А она говорит:

– Да нет, говорит, многие песни ваши хороши и нам нравятся, но только квартирные жильцы насчет голоса обижаются. Козлетон ваш им не нравится.

«Здравствуйте, думаю. Голос уж в этом доме им не нравится. Какие, думаю, пошли современные требования».

Стряхнул с рукава морковку и пошел.

Вообще искусство падает.

Любовь

Вечеринка кончилась поздно.

Вася Чесноков, утомленный и вспотевший, с распорядительским бантом на гимнастерке, стоял перед Машенькой и говорил умоляющим тоном:

– Обождите, радость моя... Обождите первого трамвая. Куда же вы, ей-богу, в самом деле... Тут и посидеть-то можно, и обождать, и все такое, а вы идете... Обождите первого трамвая, ей-богу. А то и вы, например, вспотевши, и я вспотевши... Так ведь и захворать можно по морозу...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
– Нет, – сказала Машенька, надевая калоши. – И какой вы кавалер, который даму не может по морозу проводить?

– Так я вспотевши же, – говорил Вася, чуть не плача.

– Ну одевайтесь!

Вася Чесноков покорно надел шубу и вышел с Машенькой на улицу, крепко взяв ее под руку.

Было холодно. Светила луна. И под ногами скрипел снег.

– Ах, какая вы беспокойная дамочка, – сказал Вася Чесноков, с восхищением рассматривая Машенькин профиль. – Не будь вы, а другая – ни за что бы не пошел провожать. Вот, ей-богу, в самом деле. Только из-за любви и пошел.

Машенька засмеялась.

– Вот вы смеетесь и зубки скалите, – сказал Вася, – а я действительно, Марья Васильевна, горячо вас обожаю и люблю. Вот скажите: лягте, Вася Чесноков, на трамвайный путь, на рельсы, и лежите до первого трамвая – и лягу. Ей-богу...

– Да бросьте вы, – сказала Машенька, – посмотрите лучше, какая чудная красота вокруг, когда луна светит. Какой красивый город по ночам! Какая чудная красота!

– Да, замечательная красота, – сказал Вася, глядя с некоторым изумлением на облупленную штукатурку дома. – Действительно, очень красота... Вот и красота тоже, Марья Васильевна, действует, ежели действительно питаешь чувства... Вот многие ученые и партийные люди отрицают чувства любви, а я, Марья Васильевна, не отрицаю. Я могу питать к вам чувства до самой моей смерти и до самопожертвования. Ей-богу... Вот скажите: ударюсь, Вася Чесноков, затылком об тую стенку – ударюсь.

– Ну, поехали, – сказала Машенька не без удовольствия.

– Ей-богу, ударюсь. Желаете?

Парочка вышла на Крюков канал.

– Ей-богу, – снова сказал Вася, – хотите вот – брошусь в канал? А, Марья Васильевна? Вы мне не верите, а я могу доказать...

Вася Чесноков взялся за перила и сделал вид, что лезет.

– Ах! – закричала Машенька. – Вася! Что вы!

Какая-то мрачная фигура вынырнула вдруг из-за угла и остановилась у фонаря.

– Чего разорались? – тихо сказала фигура, подробно осматривая парочку.

Машенька в ужасе вскрикнула и прижалась к решетке.

Человек подошел ближе и потянул Васю Чеснокова за рукав.

– Ну ты, мырра, – сказал человек глухим голосом. – Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь – стукну по балде, и нету тебя. Понял, сволочь? Скидавай!

– Па-па-па, – сказал Вася, желая этим сказать: позвольте, как же так?

– Ну! – человек потянул за борт шубы.

Вася дрожащими руками расстегнул шубу и снял.

– И сапоги тоже сьмай! – сказал человек. – Мне и сапоги требуются.

– Па-па-па, – сказал Вася, – позвольте... мороз...

– Ну!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Даму не трогайте, а меня – сапоги снимай, – проговорил Вася обидчивым тоном, – у ей и шуба, и калоши, а я сапоги снимай.

Человек спокойно посмотрел на Машеньку и сказал:

– С ее снимешь, понесешь узлом – и засыпался. Знаю, что делаю. Снял?

Машенька в ужасе глядела на человека и не двигалась.

Вася Чесноков присел на снег и стал расшнуровывать ботинки.

– У ей и шуба, – снова сказал Вася, – и калоши, а я отдувайся за всех...

Человек напялил на себя Васину шубу, сунул ботинки в карманы и сказал:

– Сиди и не двигайся и зубами не колоти. А ежели крикнешь или двинешься – пропал. Понял, сволочь? И ты, дамочка...

Человек поспешно запахнул шубу и вдруг исчез.

Вася обмяк, скис и кулем сидел на снегу, с недоверием посматривая на свои ноги в белых носках.

– Дождались, – сказал он, со злобой взглянув на Машеньку. – Я же ее провожай, я и имущества лишайся. Да?

Когда шаги грабителя стали совершенно неслышны, Вася Чесноков заерзал вдруг ногами по снегу и закричал тонким, пронзительным голосом:

– караул! Грабят!

Потом сорвался с места и побежал по снегу, в ужасе подпрыгивая и дергая ногами. Машенька осталась у решетки.

Китайская церемония

Удивительно, товарищи, как меняется жизнь и как все к простоте идет.

Скажем, двести лет назад тут, на Невском, ходили люди в розовых и зеленых камзолах и в париках. Дамы этакими куклами прогуливались в широченных юбичах, а в юбичах железные обручи...

Теперь, конечно, об этом и подумать смешно, ну а тогда эта картина была повседневная.

А впрочем, братцы, и над нами посмеются лет через сто.

Вот, скажут, как нелегко было существовать им: мужчины на горлах воротнички этакие тугие, стоячие носили, дамы – каблучки в три вершка и корсеты.

И верно: смешно. Да только и это уж уходит и ушло. Все меняется, все идет к простоте необыкновенной. И не только это во внешней жизни, но и в человеческих отношениях.

Раньше для того, чтобы жениться человеку, приходилось ему делать черт его что. И смотрины-то он делал, и свах зазывал, и с цветками по пять раз в сутки хаживал, и папашу невесты уламывал, и мамашу улещивал, и теткыны ручищи целовал, и попу богослужение заказывал... тьфу!

Ну а теперь это куда как проще. Небось сами знаете... Полфунта монпасье, тары да бары, комиссариат – и все довольны.

Да, братцы мои, все меняется. И лишь одно не меняется, лишь одно крепко засело в нашей жизни – это китайская церемония.

Думаете какая? А вот какая. Чего мы делаем при встрече? При встрече-то, братцы мои, мы за ручку здороваемся, ручки друг другу ждем и треплем.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
А смешно! Вот, братишки, берите самый большой камень с мостовой и бейте меня этим камнем по голове и по чем попало – не отступлюсь от своих слов: смешно. Ну вот так же смешно, как если бы при встрече мы терлись носами по китайскому обычаю.

И мало того, что смешно, а и не нужно и глупо. И драгоценное время отнимает, ежели встречных людишек много. И в смысле заразы нехорошо, небезопасно.

Эх-хе-хе, братишки! Глупое это занятие – при встрече руку жать!

Конечно, бывали такие люди, делали они почин – не здоровались за руку, но только ничего из того не выходило. Не время было, что ли...

Как помню я, братцы мои, лет этак десять назад. Приехал один немчик в Россию. По коммерческим обстоятельствам. Ну, немчик как немчик – ноги жидкие, усишки, вообще, нос.

И была у этого немца манеришка – не здороваться за руку. Так, рыльцем кивнет, и хватит.

И задумал он такую манеришку привить России. Прививал он, прививал, месяц и два, а на третий заскочило.

Привели раз немца в «Коммерческий» – знакомиться с Семен Саввичем, с кожевником, с сенновцем.

Ну – здрасте, здрасте... Немец рыльцем кивнул, а Семен Саввич хлесь его в личность.

– Ты что ж, говорит, бульонное рыло, не здоровкаешься? Гнушаешься?

Ну, ударил. Немчик – человек сентиментальный – заплакал. Лепечет по-ихнему: гобль, гобль...

А купчик официанта кличет.

– Дай-ка, говорит, братец, ему еще раз по личности, я, говорит, тебе после отдам.

Ну, официант развернулся, конечно, – хлесь обратно.

Немец чин-чином с катушек и заблажил: гобль-гобль.

Чего дальше было – неизвестно. Известно только, что прожил немец после того в России месяц и уехал в Испанию. А перед отъездом знакомому и незнакомому первый протягивал руку и личность держал боком.

Вот какая это была история.

Но, конечно, это было давно. И другие были тогда обстоятельства. И жизнь другая. И до того, братцы мои, другая, что, на мой ничтожный взгляд, только сейчас и подошло время отменить китайские церемонии.

А ну, братцы, начнем. Небось теперь по личности никто не хлеснет... А я начну первый. Приду, скажем, завтра к дяде Яше. Здорово, скажу, брат. А руки не подам.

Чего дядя Яша со мной сделает – сообщу, братцы мои, после.

Тетка Марья рассказала

Пошла я, между прочим, в погреб. Взяла, конечно, горшок с молоком в левую руку и иду себе.

Иду себе и думаю:

«Паутина, думаю, в угле завелась. Смесь надо».

Повела я поверху головой, вдруг хрясь затылком об косяк. А косяк низкий.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А горшок хрясь из рук. И текеть молоко.

А в глазах у меня мурашки и букашки, и хрясь я тоже об пол. И лежу, что маленькая.

После пришла в себя.

«Так, думаю, мать честная, пресвятая. Едва я, думаю, от удара не кончилась».

Пришла я домой, голову косынкой обернула и пилюлю внутрь приняла. Пилюли у меня такие были... И живу дальше.

И начало, милые, с тех пор у меня дрожать чтой-то в голове. И дрожит, и болит, и на рвоту зовет.

Сегодня, например, голова болит, завтра я блюю. Завтра блюю, послезавтра обратно голова болит. И так она, сукин сын, болит, что охать хочется и на стенку лезть.

Ладно. Болит она, сукин сын, месяц. И два болит. И три болит. После Авдотья Петровна ко мне заявляется и пьет кофею.

Сем-пересем. Как, и чего, и почему. А я и говорю ей:

– Голова-то, говорю, Авдотья Петровна, не отвинчивается – в карман не спрячешь. А если, говорю, ее мазать, то опять-таки чем ее мазать? Если куриным пометом, то, может, чего примешивать надо – неизвестно.

А Авдотья Петровна выкушала два стакана кофея, кроме съеденных булок, и отвечает:

– Куриный, говорит, помет или, например, помет козий – неизвестно. Удар, говорит, обрушился по затылку. Затылок же дело темное, невыясненное. Но, говорит, делу может помочь единственное одно лицо. А это лицо – ужасно святой жизни старец Анисим. Заявись между тем к нему и объяснись... А живет он на Охте. У Гусева.

Выпила Авдотья Петровна еще разгонный стакашек, губы утерла и покатила.

А я, конечно, взяла, завернула сухих продуктов в кулек и пошла на другой день к старцу Анисиму. А голова болит, болит. И блевать тянет. Пришла.

Комната такая с окном. Дверь деревянная. И народ толкется. И вдруг дверь открывается и входит старец святой Анисим.

Рубашка на нем сатиновая, зубы редкие и в руках жезло.

Подала я ему с поклоном сухими продуктами и говорю как и чего. А он вроде не слушает и говорит загадками:

– На Бога надейся, сама не плошай... Не было ни гроша, вдруг пуговица...

А кулек между тем взял и подает своей сиделке.

– Анисим, говорю, не замай. Либо, говорю, кулек назад отдай, либо объясни ровней как и чего.

А он скучным взором посмотрел и отвечает:

– Все, говорит, мы у Бога на примете... Чем ушиблась, тем и лечись.

«Ах ты, думаю, клюква! Чего ж это он говорит такое?»

Но спорить больше не стала и пошла себе. Дома думала, и плакала, и не решалась загадку разгадать. А после, конечно, решила и стукнулась. Стукнулась затылком о косяк и с катушек долой свалилась. И «мя» сказать не могу.

А после свезли меня в больницу. И что ж вы думаете, милые мои? Поправилась. Слов нет: башка по временам болит и гудит, но рвоту как рукой сняло...

Исторический рассказ

В этом деле врать не годится. Если ты видел Владимира Ильича – говори: видел там-то, при таких-то обстоятельствах. А если не видел – молчи и не каркай попустому. Так-то будет лучше для истории.

А что Иван Семеныч Жуков хвалился, будто он на митинге видел Владимира Ильича и будто Ильич все время смотрел ему в лицо, то это вздор и суцая ерунда. Не мог Ильич смотреть ему в лицо, – лицо как лицо, борода грубая, тычком, нос простой и заурядный. Не мог Ильич смотреть на такое лицо, тем более что Иван Семеныч Жуков нынче ларек открыл – торгует, и, может, у него гири неклеимые.

За такое вранье я еще при встрече плюну в бесстыжие глаза этого Жукова.

Вообще от такого вранья только путаница может произойти в истории.

Я вот видел нашего дорогого вождя, Владимира Ильича Ленина, не вру.

Я, может, специально от Мартынова пропуск в Смольный достал. Я, может, часа три как проклятый в коридорах ходил – ждал. И ничего – не хвастаюсь. А если и говорю теперь, то для истории.

А встал я в коридоре ровно в три часа пополудни. Встал и стою что проклятый. А тут возле меня мужчина в меховой шубе стоит и ногами дергает от холода.

– Чего, спрашиваю, стоите и ногами дергаете?

– Да, говорит, замерз. Я, говорит, шофер Ленина.

– Ну? – говорю.

Посмотрел я на него – личность обыкновенная, усишки заурядные, нос.

– Разрешите, говорю, познакомиться.

Разговорились.

– Как, говорю, возите? Не страшно ли возить? Пассажир-то не простой. А тут вокруг столбы, тумбы – не наехать бы, тьфу-тьфу, на тумбу.

– Да нет, говорит, дело привычное.

– Ну, смотрите, говорю, возите осторожно.

Ей-богу, так и сказал. И не хвастаюсь. А если и говорю, то для истории. А шофер, хороший человек, посмотрел на меня и говорит:

– Да уж ладно, постараюсь.

Ей-богу, так и сказал. «Постараюсь», – говорит.

– Ну, говорю, старайся, братишка.

А он махнул рукой – дескать, ладно.

– То-то, говорю.

Хотел я записать наш исторический разговор – бац – карандаша нету. Роюсь в одном кармане: спички, тонкая бумага на завертку, нераскуренная пачка восьмого номера, а карандаша нету. Роюсь в другом кармане – тоже нету.

Побежал я во второй этаж, в канцелярию – дали огрызок. Возвращаюсь поскорей назад – нету шофера. Сейчас тут стоял в шубе и ногами дергал, а сейчас нету. И шубы нету.

Я туда, сюда – нету.

Выбегаю на улицу – шофер на машине сидит, машина шумит и трогается. А в машине –

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
дорогой вождь, Владимир Ильич, сидит, и воротничок поднят.

Приложил я руку к козырьку, хотел закричать ура, но забоялся часового и отошел влево.

Отошел – и не хвастаюсь. Не кричу налево и направо – дескать, и я видел Ильича.

Ну видел и видел. Про себя счастлив, а которые люди хотят от меня подробностей узнать, пуцай прямо ко мне обращаются.

Колдун

Чудеса, граждане! Кругом, можно сказать, пар, электрическая энергия, швейные ножные машинки, – и тут же наряду с этим – колдуны и кудесники.

Совершенные чудеса!

У мужика в деревне сеялка и веялка, и землю свою мужик раздраконивает паровым трактором, и тут же рядом и почти в каждой деревне проживает колдун. Живет, хлеб жует и мужичков поцукивает.

Странные и непонятные вещи!

На днях вот в одной деревне убили колдуна. Ну убили, убили – забыть надо. Так не забыли мужички. Плачут теперь и рыдают и рвут на себе волосенки.

Потому – пугаются, что будет наказание свыше.

А пришел этот колдун перед самой своей гибелью к одному среднему мужику. А примета такая: пришел колдун – значит, жди беды: либо корова скончается, либо другое несчастье.

Пришел колдун и сел за стол. А глаза у самого мутные, усы книзу, и бороденка треплется.

Сидит колдун за столом и почесывает левую руку. Ну, конечно, в избе испугались. Хозяйка мечется, кряхтит, прет на стол все съедобное. Старуха кланяется между тем колдуну в пояс и наивно спрашивает:

– И чего ты, батюшка, пришел, сел за стол и чешешь левую ручку? Не случится ли какой бедишки или горя?

А колдун, нахмурясь, отвечает:

– Может, бабка, и случится. А случится, так откупишься, божья старушка. Бояться беды нечего.

А хозяин, инвалид Тимошка, цыкает на старушку и сам к колдуну подходит.

– Нечего, говорит, дарма тут сидеть – прохладиться. Нечего, говорит, тут ручки чесать – блох у меня разводять. Почесал и хватит – катись колбаской.

Ахнули в избе от нахальной реплики. А колдун посерел, встал, понюхал пустой воздух и вышел.

Ну вышел – вышел. Баба плачет, старушка хрюкает, а Тимошка, выпятив грудь, отвечает:

– Я, говорит, еще премного жалею, что колдуна между глаз не ударил. Я, говорит, колдунов завсегда в переносье бью.

И вот наступила ночь. Баба плачет, старушка хрюкает. А Тимошка на лавке лежит и носом посвистывает.

Вдруг среди ночи баба Тимошку будит.

– Ну, говорит, дождались – несчастье. Слушай!

И верно: со двора из хлева тоненько так теля заливается.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Ну, зажгли фонарь, вышли во двор – верно: стоит теленок посередь хлева, хвостик свой приподнял ввысь и орет, орет – ушам скучно.

Дали телке хлебца моченого – не берет. Дали молока – отказывается.

И орет всю ночь. И утром орет. И в обед орет.

Вечером бабы поднаперли на Тимошку. Велели повалиться ему в ноги колдуну и выпросить прощение.

Тимошка покобенился, но пошел.

Пришел.

– Чего, – спрашивает колдун, – не телка ли орет?

Испугался Тимошка.

– Да, говорит, гражданин колдун, орет телка. Не вели, говорит, казнить, а вели миловать. С меня, говорит, приходится.

– Ладно, – сказал колдун.

И пошел. Он пошел впереди, а Тимошка за ним. Дошли до дому, а колдун и говорит:

– Как войдем в ворота, отвернися в сторону и шепчи молитвы. Я же потружусь и сам пойду к теленку.

И пошел к теленку.

А Тимошка обождал слегка и за ним. Колдун в хлев, а Тимошка припал к стене и в щелку смотрит, чего колдун ворожить будет.

А колдун между тем взял в руку телячий хвост и вынимает из него булавку.

Закричал тут Тимошка, запер хлев, созвал мужиков и объяснил дело.

Начали колдуна бить.

Били колдуна, били – молчал колдун, но, помирая, сказал:

– Не я всунул в телячий хвост булавку – Бог всунул.

С тем и помер.

Ну помер – помер. На сегодня, например, помер – завтра несчастье: у мужика в соседней деревне корова ногой куру задавила.

Месяц или два прошло – бац еще несчастье: шел пьяненький мужик домой, свалился в канаву и ногу себе вывернул. Два эти несчастья случились, и мужички ждут третьего. А третье случится – будут ждать четвертого.

Будет теперь колдун крошить народ человеческий.

Верная примета

В приметы во всякие я, товарищи, не верю. Ерунда это.

Ну, скажем, поп идет, для примеру. Ну идет и идет. Оставьте его в покое. Может, он в народный суд идет, или следователь его вызывает. Я почем знаю? Зачем же отсюда выводиться всякие умозрения – дескать, встретил попа, значит, худо будет? Ерунда это. Пустяки.

Или, скажем, черная кошка дорогу перебежала... Другой человек увидит кошку и непременно назад лыжи повернет. Испугается. Не пойдет по делу. Пути, дескать, не будет.

Опять-таки вздор. Опять ерунда. Ну бежит кошка – что из того? Ну пихни ее ногой

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru или перебеги на другую сторону и иди спокойно по своим делам. Так нет, назад вертаются.

Я, товарищи, открыто заявляю: не верю я в эти пустяковые приметы... Раз такое было дело. Пригласил нас Иван Иванович Крюков, – может, знаете, – на свои именины. Баба его, конечно, в день именин крендель этакий огромный спекла. И мелким сахаром сверху обсыпала. И выносит его на блюде. На стол ставит.

А хозяин, заметьте, ручки свои потирает.

– Вот, говорит, обратите ваше такое внимание на этот крендель. Крендель, говорит, этот не простой. Крендель, говорит, с сюрпризом для гостей.

– Ну? – спрашиваем.

– Да, говорит, с сюрпризом. Гривенник, говорит, серебряный в нем запечен. Кому, говорит, гривенник достанется, тот и есть самый счастливый в жизни. Испытаем, говорит, счастье... Примета верная.

Нарезал хозяин крендель. Стали кушать...

А был среди нас вдовец Петрович. Человек ужасно робкий и несчастливый. Не везло ему в жизни: и кобыла у него ногу сломала, и баба у него, знаете, недавно скончалась по болезни, и вообще по всем пунктам не перло человеку.

Так вот этот самый Петрович, как услышал про гривенник – затрясся.

– Эх, говорит, кабы мне гривенник достался. Кабы мне счастье такое привалило.

И сам навалился на крендель, жует – хозяин даже резать не поспевает.

Съел он одиннадцать кусков, на двенадцатом – стоп!

– Угу, говорит, тут, кажется, гривенник. Под языком...

Сунул Петрович палец в рот – вытащить хотел, да от радости, как рыба, вздохнул внутрь и поперхнулся. И проглотил гривенник.

Встал Петрович бледный из-за стола.

– Так, говорит, нельзя, братцы. Надо, говорит, покрупней монеты запекать. Я, говорит, проглотил нечаяно...

Принялся народ хохотать над ним. А Петрович не смеется. Стоит очумелый возле стола и воду хлебает из ковшика.

Попил водички, пришел в себя и тоже смеяться начал.

– Хотя, говорит, я и проглотил гривенник, но все-таки счастье ко мне обернулось. Попрет мне теперь в жизни.

Но Петровичу не поперло.

К вечеру он заболел и через два дня помер в страшных мучениях.

А доктора заявили, будто скончался Петрович от гривенника, будто гривенник в кишках засел. Монета все-таки хотя и некрупная, но новая, шершавая, по краям зазубринки – не проскользнуть.

А хоронили Петровича по гражданскому обряду и без попов. В этом отношении Петровичу поперло.

Плохой обычай

В феврале я, братцы мои, заболел.

Лег в городскую больницу. И вот лежу, знаете ли, в городской больнице, лечусь и душой отдыхаю. А кругом тишь и гладь и божья благодать. Кругом чистота и порядок, даже лежать неловко. А захочешь плюнуть – плевательница. Сесть захочешь

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – стул имеется, захочешь сморкнуться – сморкайся на здоровье в руку, а чтоб в простыню – ни боже мой, в простыню ничем не позволяют. Порядка, говорят, такого нет.

Ну и смиряешься.

И нельзя не смириться. Такая вокруг забота, такая ласка, что лучше и не придумать. Лежит, представьте себе, какой-нибудь паршивенький человек, а ему и обед волокут, и кровать убирают, и градусники под мышку ставят, и клистиры собственноручно пихают, и даже интересуются здоровьем.

И кто интересуется? Важные, передовые люди – врачи, доктора, сестрички милосердия и опять же фельдшер Иван Иванович.

И такую я благодарность почувствовал ко всему этому персоналу, что решил принести материальную благодарность.

Всем, думаю, не дашь – потрохов не хватит. Дам, думаю, одному. А кому – стал присматриваться.

И вижу: некому больше дать, иначе как фельдшеру Ивану Ивановичу. Мужчина, вижу, крупный и представительный и больше всех старается и даже из кожи вон лезет.

Ладно, думаю, дам ему. И стал обдумывать, как ему всунуть, чтоб и достоинство его не оскорбить, и чтоб не получить за это в рожу.

Случай скоро представился.

Подходит фельдшер к моей кровати. Здоровается.

– Здравствуйте, говорит, как здоровье? Был ли стул?

Эге, думаю, клюнуло.

– Как же, говорю, был стул, да кто-то из больных унес. А ежели вам присесть охота – присаживайтесь в ноги на кровать. Потолкуем.

Присел фельдшер на кровать и сидит.

– Ну, – говорю ему, – как вообще, что пишут, велики ли заработки?

– Заработки, говорит, не велики, но которые интеллигентные больные и хотя бы при смерти, норовят непременно в руку сунуть.

– Извольте, говорю, хотя и не при смерти, но дать не отказываюсь. И даже давно про это мечтаю.

Вынимаю деньги и даю. А он этак любезно принял и сделал реверанс ручкой.

А на другой день все и началось.

Лежал я очень даже спокойно и хорошо, и никто меня не тревожил до этих пор, а теперь фельдшер Иван Иванович словно ошалел от моей материальной благодарности. За день раз десять или пятнадцать припрется он к моей кровати. То, знаете ли, подушечки поправит, то в ванну поволокет, то клизму предложит поставить. Одними градусниками замучил он меня, сукин кот. Раньше за сутки градусник или два поставит – только и всего. А теперь раз пятнадцать. Раньше ванна была прохладная и мне нравилась, а теперь набуровит горячей воды – хоть караул кричи.

Я уже и этак, и так – никак. Я ему, подлецу, деньги еще сую – отстань только, сделай милость, он еще пуще в раж входит и старается.

Неделя прошла – вижу, не могу больше.

Запарился я, фунтов пятнадцать потерял, похудел и аппетита лишился.

А фельдшер все старается.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
А раз он, бродяга, чуть даже меня в кипятке не сварил. Ей-богу. Такую ванну, подлец, сделал – у меня аж мозоль на ноге лопнула и кожа сошла.

Я ему говорю:

– Ты что же, говорю, мерзавец, людей в кипятке варишь? Не будет тебе больше материальной благодарности.

А он говорит:

– Не будет – не надо. Подышайте, говорит, без помощи научных сотрудников.

И вышел.

А теперича снова идет все по-прежнему: градусники ставят один раз, клизму по мере надобности. И ванна снова прохладная, и никто меня больше не тревожит.

Не зря борьба с чаевыми происходит. Ох, братцы, не зря!

Человек без предрассудков

Это было в жестком вагоне московского поезда.

Какой-то толстоватый гражданин, отрезая от буханки кусок хлеба, обронил нож.

Соседка толстоватого гражданина с любопытством спросила:

– Чего, батюшка, упало, ножик или вилка?

– Ножик, – нехотя ответил гражданин, шаря рукой по полу.

– Мужчина придет, – сказала гражданка. – Ежели ножик упал, то мужчина...

Мой сосед, человек в зеленых обмотках и с мешком за спиной, вдруг возмутился. Даже почернел от злости.

– Это довольно вам стыдно так говорить, гражданка, – сказал он. – Довольно стыдно в двадцатом веке иметь свои предрассудки и суеверия.

Гражданка испуганно посмотрела на моего соседа.

– Примета такая, – сказала она. – Ежели нож, то мужчина обязательно придет, ежели вилка – дама... А я, товарищ, ничего. Такая примета...

Сосед мой ехидно засмеялся.

– Вот, – сказал он, – не угодно ли! Кругом электрификация, а тут такие предрассудки...

Сосед помолчал, но потом заговорил снова, обращаясь больше ко мне, но так, чтобы и все слышали:

– Да, товарищ, кругом электричество, кругом черт знает какие великие идеи происходят, кругом борьба с религией, а наряду с этим, обратите внимание, полное невежество и мещанские предрассудки.

– Ну, не всегда же, – сказал я.

– А мне от этого не легче, – хмуро сказал сосед. – Я, может, товарищ, от этого со своей супругой расстался.

– Да что вы?

– Ей-богу, – сказал он. – Я хоть и беспартийный человек, а не могу, знаете ли, с мещанкой жить. Я, может, товарищ, шесть лет с ней жил, а теперь не могу. Не такое время... Я ее, подлую, честью просил: брось, говорю, Катерина Васильевна, свои штучки, брось, говорю добром, мещанские предрассудки и суеверия. Так нет. Нож упал – мужчина, видите ли, придет, попа встретила – пути, говорит, не будет, икнула – опять примета... Тьфу!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Неужели разошлись из-за этого?

– Ей-богу, – сказал сосед, – из-за этого, и вообще, поведение у ней стало какое-то легкое. А я ее честью просил. Не хочет – не надо. Не могу с душой жить... А теперь я в Москву еду. А если встречу, например, в Москве настоящую, правильную гражданку без предрассудков, то обязательно на такой женюсь. Да только вряд ли, товарищ, встречу. Сомневаюсь я что-то...

Сосед замолчал, свернул папиросу и закурил.

Потом тихонько икнул и сказал:

– Вспоминает кто-то...

– Это она, жена твоя разведенная, не иначе как вспоминает, – сочувственно отозвалась гражданка. – Как-то ей теперь, милой, живется?..

– Все может быть. Может, и она вспоминает. А только сама, дура, виновата, – ответил гражданин, сплевывая на пол.

Драма

Вот, братишки, истинное происшествие на днях случилось. И это не только происшествие – это настоящая даже драма из жизни небогатых беспартийных людей на почве религиозных заблуждений.

Тут, конечно, все вокруг виноваты. И сами супруги Тишкины виноваты, и ихняя маменька, беспартийная старушка, виновата, и я, конечно, не без вины.

А в апреле месяце у молодых супругов Тишкиных родилась девчонка. И такой прелестный ребенок восьми с половиной фунтов, что даже посторонним людям от зависти смотреть противно. А про родителей и говорить не приходится. Глаз они с ребетенка своего не сводят и все на весы прикидывают, дескать, вес каков. А вес восемь с половиной фунтов с небольшим походом. С одеяльцем несколько побольше. А ежели подушечку подложить, то и все девять фунтов набегают родителям на утешение, советскому отечеству на пользу.

Так вот, у небогатых супругов Тишкиных родился ребенок, а на третий день после того приезжает из Твери ихняя мамаша.

– Да, – говорит она, – ребенок славный. Такого, говорит, ребенка ежели не крестить – прямо грех перед Богом. Надо, говорит, его обязательно крестить.

Ну, молодые супруги, конечно, в слезы. Плачут, рвут на себе волосы и пеплом их посыпают.

– Что вы, говорят, мамаша. Вы, говорят, хотя нам и ближайшая родственница, но лепечете явные пустяки. Не можем, говорят, мы пойти против совести – крестить ребенка по церковным обрядам в купели и с певчими.

А старушка на это отвечает загадочно.

– Да-с, – говорит, – ребенок молодой, может, конечно, без крещения помереть. Если, скажем, его ангельская душенька соскучится без святой водички.

Ну, родители на это, одним словом, совершенно плачут и мучаются и голову пеплом посыпают – дескать, зачем же помирать ребенку в полном расцвете своих сил и молодости. Лучше уж тогда, действительно, крестить, где бы вот только крестного отца раздобыть.

А я на это отвечаю:

– Если, говорю, ребенку угрожает смертельная опасность, то я могу как комнатный жилец пойти на компромисс и крестить вашего ребенка. Хотя, говорю, это идет против совести и эпохи. А главное, говорю, дорогонько будет стоить. Золотой, говорю, крестик, хотя и в ползолотника, по карману меня шлепнет. Будьте покойны. Кроме того, говорю, кружевные рубашечки даром не раздадут по магазинам. Это, говорю, понимать надо и чувствовать.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Ну, родители на это просят в один голос. Дескать, пожалуйста, что за счеты, лишь было бы охоты.

– Можно, говорю. Хотя, говорю, в таком случае, конечно, надо бы вам винца поставить после того, как произойдет в церкви таинство крещения. Я, говорю, хотя и неверующий человек, но, говорю, выпить не дурак. И от выпивки не отказываюсь, хотя, говорю, многие ученые и партийные люди и отрицают вино и никотин, считая это явлением вредным как для благородных частей организма, так и для почек и для селезенки с печенькой – частей неблагородных. И чтоб, говорю, ко всему этому была бы небольшая закусточка.

Ну, родители, конечно, погоревали насчет дороговизны жизни, но спорить очень не стали. И на другой день в церкви бывшей великомученицы Ксении блаженной произошло таинство крещения.

Принесли ребенка, развернули, окунули, записали, заплатили, плюнули и понесли назад.

А когда ребенка развернули, я сразу подумал:

«Не застудили бы, черти, ребенка в холодной атмосфере».

Так, конечно, и вышло. Ребенок заболел и через неделю помер.

А медики в один голос заявили, что ребенок помер от ужасной простуды и от ныряния в воду после теплого одеяльца.

Горе родителей не поддается описанию. Горе крестного тоже не поддается описанию – родители не вернули золотого крестика.

– Нам, говорят, сейчас не до крестика.

Горе горем, а крестик вернуть бы надо.

Случай в провинции

Многое я перепробовал в своей жизни, а вот циркачом никогда не был.

И только однажды публика меня приняла за циркача-трансформатора.

Не знаю, как сейчас, а раньше ездили по России такие специалисты-трансформаторы. Они, скажем, выходили на эстраду, почтительнейше раскланивались публике, затем, убравшись на одно мгновение за кулисы, снова появлялись, но уже в другом костюме, с другим голосом и в другой роли.

Вот за такого трансформатора однажды меня и приняли.

Это было в революцию, в двадцатом или двадцать первом году.

Хлеб был тогда чрезвычайно дорог.

За фунт хлеба в Питере запрашивали два полотенца, три простыни или трехрядную гармонь.

А потому однажды осенью поэт-имажинист Николай Иванов, пианистка Маруся Грекова, я и лирический поэт Дмитрий Цензор выехали из Питера в поисках более легкого хлеба.

Мы решили объехать с пестрой музыкально-литературной программой ряд южных советских городов.

Мы ехали своим чистым искусством заработать кусок ржаного солдатского хлеба.

И в конце сентября, снабженные всякими мандатами и документами, мы выехали из Питера в теплушке, взяв направление на юго-восток.

Ехали долго.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
В дороге подробно распределили свои роли и продумали программу.

Решено было так. Первым номером выступает пианистка Маруся с легкими музыкальными вещицами. Она дает, так сказать, верный художественный тон всему нашему вечеру. Вторым номером – имажинист. Он вроде как усложняет нашу программу, давая понять своими стихами, что искусство не всегда доступно народу.

Засим я – с юмористическими рассказами. И наконец, лирический поэт Дмитрий Цензор. Он, так сказать, лаком покрывает всю нашу программу. Он создает впечатление легкого, тонкого вечера.

Программа была составлена замечательно.

– Товарищи! – говорил имажинист. – Мы первые в Советской России на верном пути. Мы сознательно снижаемся до масс, мы внедряемся в самую гущу. Этой программой мы докажем, что чистое искусство не пропадет. За нами стоит народ.

Пианистка Маруся молча слушала и, для практики, пальчиками на своих коленях разыгрывала какой-то сложный мотив.

Я покуривал махорку с чаем и печально сплевывал на пол зеленую едкую слюну.

А поэт Дмитрий Цензор говорил мечтательно:

– Чистое искусство народу необходимо... Нам понесут теплые душистые караваи хлеба, цветы, вареные яйца... Денег мы не возьмем. На черта нам дались деньги, если на них ничего сейчас не купишь...

Наконец двадцать девятого числа мы приехали в небольшой провинциальный дождливый город.

На станции нас приветливо встретил агент уголовного розыска. Он долго и внимательно читал наши мандаты, потом взял под козырек, шутливо приветствуя этим русскую литературу.

Он нам по секрету сообщил, что он сам из интеллигентных слоев и что он в свое время кончил два класса местной женской прогимназии и что поэтому он и сам не прочь между двумя протоколами побаловаться чистым искусством.

На наш литературный вечер он обещал непременно прибыть.

Мы остановились у Марусиных знакомых.

Первые дни прошли в необыкновенных хлопотах и в беготне.

Нужно было достать разрешение, получить зал, осветить его и сговориться с устроителем.

Устроитель был тонкий и ловкий человек. Он категорически уперся на своем, говоря, что чистая поэзия вряд ли будет доступна провинциальной публике и поэтому необходимо разжигать нашу программу более понятными номерами – музыкой, пением и цирком.

Это, конечно, очень портило нашу программу. Однако спорить мы не стали – иного выхода не было.

Вечер был назначен на завтра в бывшем купеческом клубе.

Тридцатого сентября, в восемь часов вечера, мы, взволнованные, сидели за кулисами в специально отведенной для нас уборной.

Зал был набит до последнего предела.

Человек сто красноармейцев, множество домашних хозяек, городских девиц, служащих и людей всевозможных свободных профессий ожидали с нетерпением начала программы, похлопывая в ладоши и требуя поднятия занавеса.

Первым, как помню, выступило музыкальное трио. Затем жонглер и эксцентрик.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Успеху него был потрясающий. Публика редела, гредела и вызвала его бесконечно.

Затем шли наши номера.

Маруся Грекова вышла на эстраду в глухом черном платье.

Когда Маруся появилась на сцене, в публике произошло какое-то неясное волнение. Публика приподнялась со своих мест и смотрела на пианистку. Многие хохотали.

Маруся с некоторой тревогой села за рояль и, сыграв короткую вещь, остановилась, ожидая одобрения. Однако одобрения не последовало.

В страшном смущении, без единого хлопка, Маруся удалилась за кулисы.

За ней почти немедленно выступил имажинист.

Гром аплодисментов, крики и одобрителный гул не смолкали долго.

Польщенный таким вниманием и известностью даже в небольшом провинциальном городе, имажинист низко раскланялся, почтительно прижимая руку к сердцу.

Он прочел какие-то ядовитые, но неясные стихи и ушел в сильном душевном сомнении – аплодисментов опять-таки не было.

Буквально не было ни единого хлопка.

Третьим, сильно напуганным, выступил я.

Еще более длительные, радостные крики раздались при моем появлении.

Задняя публика вставала на скамейки, напирала на впереди сидящих и рассматривала меня, как какое-то морское чудо.

– Ловко! – кричал кто-то. – Ловко, братцы, запущено!

– Ах, сволочь! – визгливо кричал кто-то с видимым восхищением.

Я, в сильном страхе, боясь за свою судьбу и еле произнося слова, начал лепетать свой рассказ.

Публика терпеливо слушала мой лепет и даже подбадривала меня отдельными выкриками:

– Ах, сволочь, едят его мухи!

– Крой! Валяй! Дави! Ходи веселей!

Пролетав рассказ почти до конца, я удалился, с трудом передвигая ноги. Аплодисментов, как и в те разы, не было. Только какой-то высокий красноармеец встал и сказал:

– Ах, сволочь! Идет-то как! Гляди, братцы, как переступает нарочно.

Последним должен был выступить лирический поэт.

Он долго не хотел выступать. Он почти плакал в голос и ссылался на боли в нижней части живота. Он говорил, что он только вчера приехал из Питера, не осмотрелся еще в этом городе и не свылся с такой аудиторией.

Поэт буквально редел белугой и цеплялся руками за кулисы, однако дружным натиском мы выперли его на сцену.

Дикие аплодисменты, гогот, восхищенная брань потрясли весь зал.

Публика восторженно гикала и редела.

Часть публики ринулась к сцене и с диким любопытством рассматривала лирического поэта.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Поэт обомлел, прислонился к роялю и, не сказав ни одного слова, простоял так минут пять. Затем качнулся, открыл рот и, почти неживой, вполз обратно за кулисы.

Аплодисменты долго не смолкали. Кто-то настойчиво бил пятками в пол. Кто-то неистово требовал повторения.

Мы, совершенно потрясенные, забились в своей уборной и сидели, прислушиваясь к публике.

Наш устроитель ходил вокруг нас, с испугом поглядывая на наши поникшие фигуры.

Имажинист, скорбно сжав губы, в страшной растерянности сидел на диване, потом откинул свои волосы назад и твердо сказал:

– Меня поймут через пятьдесят лет. Не раньше. Мои стихи не доходят. Это я теперь вижу.

Маруся Грекова тихо плакала, закрыв лицо руками.

Лирический поэт стоял в неподвижной позе и с испугом прислушивался к крикам и реву.

Я ничего не понимал. Вернее, я думал, что чистое искусство дошло до масс, но в какой-то странной и неизвестной для меня форме.

Однако крики не смолкали.

Вдруг послышался топот бегущих ног за кулисами, и в нашу уборную ворвалось несколько человек из публики.

– Просим! Просим! – радостно вопил какой-то гражданин, потрясая руками.

Мы остолбенели.

Тихим, примиряющим голосом устроитель спросил:

– Товарищи... Не беспокойтесь... Не волнуйтесь... Все будет... Сейчас все устроим... Что вы хотели?

– Да который тут выступал, – сказал гражданин. – Публика очень даже требует повторить. Мы, как делегация, просим... Который тут сейчас с переодеванием, трансформатор.

Вдруг в одно мгновение все стало ясно. Нас четверых приняли за трансформатора Якимова, выступавшего в прошлом году в этом городе. Сегодня он должен был выступить после нас.

Совершенно ошеломленные, мы механически оделись и вышли из клуба.

И на другой день уехали из города.

Маленькая блондинка пианистка, саженного роста имажинист, я и, наконец, полный, румяный лирический поэт – мы вчетвером показали провинциальной публике поистине чудо трансформации.

Однако цветов, вареных яиц и славных почестей мы так и не получили от народа.

Придется ждать.

Полетели

Девятая объединенная артель кустарей два года собирала деньги на аэроплан.

И в газетах воззвания печатала, и особые красочные плакаты вывешивала, и дружескую провокацию устраивала. И чего-чего только не делала! Одних специальных собраний устроено было не меньше десятка.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
А какой был подъем! какие были мечты! Планы какие! Сколько фантазии и крови было истрачено на одно лишь название аэроплана!

На собраниях председателя артели буквально закидывали вопросами. Кустари главным образом интересовались: будет ли аэроплан принадлежать всецело Добролету или же он будет являться собственностью артели? И может ли каждый кустарь, внесший некоторую сумму, летать на нем по воздуху?

Председатель, счастливый и возбужденный, говорил охриплым голосом:

– Товарищи, можно! Конечно, можно! Летайте себе на здоровье. Дайте только вот собрать деньги... И тогда полетим... Эх, красота! Простор...

– Главное, что на собственном полетим, – восхищались в артели. – На чужом-то, братцы, и лететь как-то неохота. Скучно на чужом лететь...

– Да уж какое там летанье на чужом, – подтверждали кустари. – На своем, братцы, и смерть красна.

Председатель обрывал отдельные восхищенные выкрики и просил организованно выражать свои чувства.

И все кустари, восхищенные новой идеей и возможностью летать по воздуху, наперебив просили слова, яркими красками расписывали ближайшие возможности и клеймили несмываемым позором малодушных, не внесших еще на аппарат. Даже секретарь артели, несколько унылый и меланхолический субъект, дважды отравленный газами в царскую войну, на вопрос председателя высказаться по существу говорил:

– Без аэроплана, товарищи, как без рук. Ну на чем лететь прикажете? На столе не полетишь. А тут захотел куда-нибудь полететь – сел и полетел. Только и делов.

Два года артель с жаром и пылом собирала деньги и на третий год стала подсчитывать собранные капиталы.

Оказалось – семнадцать рублей с небольшими копейками.

На экстренном, чрезвычайном собрании председатель сказал короткую, но сильную речь.

– В рассуждении того, – сказал председатель, – что аэроплан стоит неизмеримо дороже, куда предполагают уважаемые товарищи девать эти вышеуказанные суммы? Передать ли эти суммы Добролету или есть еще какие предложения? Прошу зафиксировать вопрос путем голосования рук.

Голоса разделились.

Одни предлагали деньги внести в Добролет, другие предлагали купить небольшой, но прочный пропеллер из карельской березы и повесить его на стене клуба, над портретами вождей. Третьи советовали закупить некоторое количество бензина и держать его всегда наготове. Четвертые указывали на необходимость произвести ремонт в помещении кухни.

И только несколько человек, из числа явно малодушных, затребовали деньги назад.

Им было возвращено семь рублей.

Остальные десять рублей с копейками решено было передать в Добролет.

Однако казначей распорядился иначе.

В один ненастный осенний вечер казначей артели Иван Бобриков проиграл в карты эти деньги.

На экстренном, чрезвычайном собрании было доложено, что собаку казначей арестуют, имущество конфискуют и вырученные деньги передадут Добролету с отличным письменным пожеланием.

Председатель артели говорил несколько удивленным тоном:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– А на что нам, братцы, собственный аэроплан? В сущности, на кой шут он нам сдался? И куда на нем лететь?

– Да, лететь-то, действительно, как будто и некуда, – соглашались в артели.

– Да я ж и говорю, – подтверждал председатель, – некуда лететь. Передадим деньги в такую мощную организацию, как Добролет. А собственных аппаратов нам не надо.

– Конечное дело, не надо, – говорили кустари. – Одна мука с этими аэропланами.

– Аэроплан не лошадь, – уныло заявил секретарь, – на лошадь сел и поехал, а тут поди попробуй. И бензин наливай, и пропеллер закручивай... Да еще не в ту дыру плеснут бензин – и пропала машина, пропали народные денежки...

– А главное, лететь-то, братцы, некуда, – с удивлением бормотал председатель.

Закончив вопрос о воздушном флоте и решив деньги передать Добролету, кустари перешли к обсуждению текущих дел.

Собрание заволновалось.

Плохие деньги

Иван Петрович Мартынов, слесарь с завода «Коммунар», тихонько приоткрыл дверь и хотел осторожно шагнуть, но не удержался и ввалился в комнату на четвереньках.

Жена всплеснула руками и сердито двинула кастрюлей.

– Опять набрался! Опять, ирод, Пилат-мученик, набрался.

– Отнюдь, – сказал слесарь, пытаюсь встать на ноги. – Трезвый я, как стеклышко... Гляди, Маша... Могу, если ты хочешь, до плиты дойти, могу до кровати... Гляди.

Иван Петрович шагнул в сторону, но не удержался и свалился на кровать.

– Отнюдь, – сказал он, укладываясь на подушку. – Трезвый я, как стеклышко... И все, гляди, Маша, в порядке у меня... Вот он, нос у меня, целый... Вот он, костюмчик, целый... Если про шапку думаешь – вот она, шапка, в кармане... Гляди, Маша... Отнюдь... Как стеклышко... А если про получку – вот она. Гляди, Маша...

Слесарь сунул руку в карман и вытащил несколько мелких знаков.

– Вот она, получка. Гляди, Маша.

Жена села на кровать и в голос заплакала. Слесарь с удивлением поднял голову с подушки и, вдруг трезвея, присел на кровать.

– Маша, – сказал он, – а Маш... Ты, конечно, не плачь, Маш... Рази я что? Я малехонько. Малехонько я, Маша. Я как стеклышко... Один, может, стаканчик и будет. Я да Василь Ваньч... Рази я виноват?..

– Кошка виновата, – сказала жена, обиженно подбирая губы.

– Не кошка, – сказал слесарь. – Кошку я не виню. Отнюдь. Я тебе, Маша, по порядку. Утром, конечно, прихожу, а ребята на заводе треплются. Кассир, говорит, Иван Маркыч, за деньгами уехал. Получка, значит... Подхожу к кассе, а кассир Иван Маркыч сидит скучный и на деньги смотрит...

– Ты не мели, – сказала жена. – Раз пьяный, то спи на подушке.

– Я не пьяный, – сказал слесарь. – Я, Маша, как стеклышко. Я только тебе по порядку. Рази я виноват?.. Подхожу к кассе, а кассир Иван Маркыч говорит басом: «Становься, ребята, по три персоны. Деньги, говорит, сегодня плохие – купюры горазд крупные». А я говорю: «Что вы, говорю, Иван Маркыч, над нами делаете? Рази можно? Где ж это, говорю, менять-то будем?» А тут, конечно, подходит Василь Иваныч. «Ты, говорит, не треплись с кассиром. Сию, говорит, минуту возьмем третью персону, ать на улицу, разменяем в лучшем виде...» Рази я виноват, Маша?.. Ну, расписались, получили, вышли. А на улице никто не меняет. Мы в «Народное

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru благо» – нету. Мы к частному купчику – нету. «А, говорит, покупать – так не у мене, а не покупать – так у мене. Вали дальше...» Мы и пошли. Рази я виноват? Ну, пошли. А тут «Вена». Зашли. Закусили, заплатили, выпили. А сдачу нам дают крупно – с десяти пять. Пошли, конечно, менять. Закусили, заплатили, выпили. А сдачу нам дают, в рот им муха, – три. Купюра не горазд крупная, а менять надо. Рази я виноват, Маша?.. Пошли менять три. Закусили, заплатили, выпили... Рази я виноват?.. А после, конечно, подходит какой-то субчик. «Можем, говорит, менять крупные купюры на мелкие. Берем, говорит, всего ничего». А мы говорим: «Поздно, говорим. Вали мимо». Рази я виноват, Маш?.. Я как стеклышко...

Слесарь Иван Петрович снова свалился на подушку и моментально захрапел.

Живой труп
(Истинное происшествие)

Странная история произошла с одним рабочим. До того странная эта история, что, узнавши ее, половина наших подписчиков, наверное, бросит пить.

Но не робей, дорогой подписчик! Бросить пить – это не так страшно. Автор, например, пивший в свое время все, кроме керосина, тоже бросил эту вредную привычку. И ничего. Жить можно.

А рассказывал эту странную историю сам виновник – рабочий одной из ленинградских фабрик. фамилию свою он просил не печатать. Стесняюсь, говорит. Ну, что ж – фамилию печатать не будем. А для красоты рассказа назовем его хотя бы Федя Жуков.

– Я пива теперь не пью, – сказал Федя Жуков. – Душа не принимает. Хотя ученые профессора и говорят, будто пиво очень даже полезно для организма и будто даже от него толстеет организм, но я с этим не считаюсь.

Конечно, ученый профессор выкушает стаканчик пива в обед да полстаканчика в ужин – ему и полезно, его организм и толстеет. А кто стаканами не считается, тому хуже пива нет ничего.

А я, например, от пива в обморок падаю. И делаюсь все равно как покойник. Дыханье даже у меня прерывается.

А раз в субботу пошли ребята пить. Пошел и я.

Пили, пили. Только вдруг, после пятой, я ужасно окосел и сажу на стуле белый, скучаю.

Ребята, конечно, просят:

– Федя, Федя...

А ихний Федя рот раскрыл и не отзывается.

Извинились ребята перед народом за слабость организма, взяли меня под руки и отвезли домой.

Положили дома на кровать, а на кровати мне хуже.

Женка чересчур испугалась, обтирает мне кожу мокрыми тряпками, а я сомлел и лежу что статуя.

Женка пальто накинула и к врачу.

Коммунальный врач приходит. Осмотрел меня и говорит:

– Что-то, говорит, у него в организме от пива заскочило. Кишка, может, на кишку зашла. Везите его в больницу. Там разберут.

Ну, отвезли меня в больницу.

А дальше я ничего не помню. Как стена железная опустилась передо мной.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Только просыпаюсь я от холода и голода.

Проснулся. Кругом темно.

Почему, думаю, темно? За какое самое это темно? Что, думаю, за пустяки? Где ж это я такое?

Сел. Смотрю: сижу на досках голый, а на ноге номерок 17. А кругом не то больные свалены, не то не поймешь что, не то покойники.

До чего я сомлел, до чего испугался! Где ж это я, думаю? За какое это самое номерок-то у меня на ноге? Или, думаю, я скончался. Или, думаю, врачи обмишурились. Или, думаю, я от пива в обморок свалился, а меня за покойника приняли.

Ах, думаю, да! Ах, думаю, ну!

Хочу спичку чиркануть, осмотреться. Хлопе за карман. А кармана нету – одна нога голая. Хлопе за гимнастерку – живот голый.

Человек я, конечно, очень храбрый, отчаянный даже, а тут, ничего не скажу, оробел. И сижу на досках голый.

Только вдруг слышу – возле двери в коридоре кто-то ногами чиркает. И после берется за ручку и открывает дверь.

Ах, чего, думаю, мне делать? Может, это сторож идет. Не испугать бы мне его. Тоже в темноте встанешь или крикнешь – помрет с перепугу. Ах, чего мне, думаю, делать?

А дверь сию минуту открылась, и входит сторож. С небольшой такой седоватой бородкой, в картузе.

Ах, чего, думаю, мне делать? И сам, чтоб не испугать напрасно гражданина, не двигаюсь и не кричу и руками не машу, а только тихонечко через губы «тс» делаю.

А сторож как услышит «тс», как завизжит собакой, как свалится на корячки собакой, как поперет к двери.

Ах, думаю, ну! Испугал человека. Теперь, думаю, безразлично.

– Стой, кричу, братишка! Не пугайся! Это я – Федя!

Выбежал я за сторожем, бегу – номерок по ноге хлопает.

А сторож оглянулся назад – как припустит теку.

Бегим по коридору – народ с перепугу мухами валится.

А мне хоть бы что.

Добежал я до какой-то комнаты. Свалился.

– Братцы, говорю, это я – Федя Жуков! Живой...

Положили меня на кровать, вина стали давать. А я вина не принимаю.

– Нету, говорю, будет. Не пью и в рот хмельного не беру.

Так и бросил пить.

А сторож – ничего, отдышался. И даже приходил меня смотреть. Даже мы с ним подружились и выпили по бутылочке портера.

Остряк-самоучка

Вчера я проходил по Центральному рынку. Гуся к празднику покупал.

Народу уйма.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Мясной ряд явно выглядел именинником. Длинные столы были завалены всякой требухой: бычьими печенками, селезенками и хвостами.

И на всю эту дрянь, даже на телячьи хвосты, находился свой праздничный покупатель.

Покупатель рылся в требухе, подносил товар к носу, нюхал и яростно хаял продукты, понижая их стоимость и достоинство.

Торговцы и торговки подмигивали покупателям, нечеловечески кричали и махали руками, приглашая взглянуть на «выдающий» товар.

Какая-то гражданка перебранивалась с торговкой.

– Эта-то печенка воняет? – возмущалась торговка. – Нос-то у тебя, милая, заложимши. Нос-то ослобони прежде... Потом и дыши на такую печенку. Это бычья первейшая печенка... Дура ты худая после этого. Не с твоим носом такую печенку нюхать...

Гражданка уже поставила корзинку возле себя, рассчитывая дать достойную отповедь зарвавшейся торговке, но в эту минуту у стола появился высокий курчавый парень со сдвинутым на затылок картузом. За парнем почтительно следовали два шкета, хихикая и потирая руки.

Парень остановился у стола, скучным и серьезным взглядом посмотрел на требуху, подмигнул торговке и сказал громко:

– Да бросьте вы у ей, граждане, покупать. Не видите, что ли? Мужа она своего старого убила, на куски разрубила и к празднику продает остатки...

Кто-то захихикал. Кто-то с сердцем сплюнул в сторону. Покупательница растерянно посмотрела на парня и отошла от стола, бормоча что-то. Торговка налилась кровью, с диким изумлением взглянула на парня и вдруг разразилась ужасающей бранью.

Парень передернул плечами и, строгий в своей выдумке, пошел дальше. Два шкета, хрюкая от сдавленного смеха, двинулись за ним.

Парень прошел несколько шагов и остановился перед круглой корзиной со свинными окороками, лапами и кусками морды.

Покупатели рылись и в этой корзине.

Торговец, польщенный вниманием потребителя, тонко выкрикивал:

– Кому надо, кому не надо... Кому что, кому ничего!..

Парень посмотрел в корзину и громко сказал:

– Да бросьте вы, граждане, у его покупать! Не видите, что ли? жену старую убил, на куски разрубил и продает остатки.

Снова кто-то захохотал. Кто-то сконфуженно крикнул.

Торговец всплеснул руками, оглянулся на покупателя, как бы ища защиты, но ничего не сказал.

А парень двинулся дальше.

Я пошел за ним следом, позабыв про гуся.

Парень обошел весь рынок со своей шуткой и, строгий, не улыбающийся, удалился восвояси.

За ним следовали два шкета, буквально давясь от смеха.

Семейное счастье

На днях зашел я к своему знакомому, к Егорову. Он табельщиком на заводе служит.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Прихожу.

Сидит хозяин довольный такой за столом, газету читает. Жена рядом шьет что-то.

Увидел меня хозяин, обрадовался.

– А, говорит, заходи, дружище, заходи... Поздравляй нас...

– С чем же вас поздравлять, Митрофан Семеныч? – спросил я.

– А как же, говорит, с новой жизнью, с новыми переменами, с новыми семейными устоями.

– Не могу догадаться, – сказал я. – Уж не с прибавлением ли семейства?

– Нету, – засмеялся Егоров. – Не то. Не попал в цель... Да ты супругу лично спроси. Это ее больше касается... Гляди, какая она счастливая сидит и шьет... Словно фея... Пуцай она сама тебе скажет про свое семейное счастье.

Я посмотрел на супругу Митрофана Семеныча. А та улыбнулась этак криво и говорит:

– Ах да, говорит, мы теперь, знаете ли, на кухне бросили стряпать... Без плиты обходимся. В столовую ходим.

– Да-с! – воскликнул довольный хозяин. – Баста! Новую жизнь начали. В болото все – плиту, кастрюли, лоханки... Пуцай и баба свободу узнает... Такой же она человек, как и я.

Хозяин долго говорил о несомненных выгодах общественного питания, потом стал смеяться.

– И во всем, представьте себе, выгода и польза от этой перемены. Скажем, гости пришли. Ну, сидят, ждут. Прислушиваются – не подают ли на стол. А ты им, чертям, объявляешь между прочим, дескать, а мы, извините, в столовке питаемся. Хотите – идите, не хотите – не надо, – за волосы вас не потащим.

Хозяин захохотал и взглянул на свою жену.

– Да, – повторил он, – полная во всем выгода. Время теперь, скажем. Сколько теперь этого самого свободного времени остается! Уйма... Бывало, придет супруга с работы – мечется, хватается, плиту разжигает... Одних спичек сколько изведет... А тут пришла, и делать ей, дуре, нечего. Шей хоть целый день. Пользуйся свободой.

– Это верно, – подтвердил я, – кухня много отнимает времени.

– Еще бы! – с новым восторгом воскликнул хозяин. – Тут, по крайней мере, пришла с работы и шей, кончила шить – постирай. Стирать нечего – чулки вязать можешь... А то еще можно заказы брать на шитье, потому времени свободного хоть отбавляй.

Хозяин помолчал, потом задумчиво продолжал:

– А в самом деле. Не брать ли тебе, Мотя, заказов? Шитье, скажем... Рубашки там, куртки, толстовки...

– Да что ж, – сказала жена, – отчего же не брать? Можно брать...

Хозяин, видимо, огорчился таким равнодушным ответом.

– «Можно, можно», – передразнил он жену. – Ты, Мотя, всегда недовольна. Другая бы прыгала и скакала, что ее раскрепостили, а ты надуешься, как мышь на крупу, и молчишь... Ведь небось довольна, что не приходится на кухне торчать? Ну отвечай же гостю!

– Отчего же... Конечно, – уныло согласилась жена.

– Еще бы не довольна! Бывало, целый день ты торчала у плиты... Дым, чад, пар, жар, перегар... Фу... Ну шей, шей, Мотя. Пользуйся свободным временем. Надо же и тебе

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru пожить.

Я посмотрел на хозяина. Он говорил серьезно.

– Послушайте, – сказал я, – а ведь хрен редьки не слаще.

– Что-с? – удивился Митрофан Семеныч.

– Я говорю: хрен редьки не слаще. То кухня, то шитье... А может быть, жене вашей газеты почитать охота? Может быть, ей и шить-то не хочется?

– Ну уж вы того, – обиделся хозяин. – Как же ей не шить, когда она баба.

Я встал, попрощался с хозяином и вышел. А когда уходил, то слышал, как хозяин сказал жене:

– Недоволен, черт. Обедать ему не дали, так и скулит, желчь свою на людей пуцает... А хочешь обедать – иди в столовку, нечего по гостям трепаться... Ну шей, Мотя, шей, не поднимай зря голову.

Точная наука

Кочегар Василий Иванович Жуков, охая и кряхтя и почему-то приседая то на левую, то на правую ногу, вошел в приемный покой.

Народу было много.

Больные сидели на скамьях, на подоконнике и даже на ящике, на котором было написано «Осторожно».

Фельдшер поминутно открывал дверь и пальцем по воздуху считал больных, укоризненно покачивая своей кудлатой ученой головой.

Василий Иванович с осторожностью присел на ящик и спросил своего соседа:

– Прием-то начался?

– Начался, – сказал сосед. – А ты по какой болезни?

Кочегар подмигнул и сказал тихонько:

– Я-то? Да так... Болезни-то, прямо сказать, никакой нету у меня. Ко мне брат молочный приехал. Мне дома надо побыть обязательно.

Сосед громко захохотал и сочувственно спросил:

– На какую болезнь намекать-то будешь?

– На живот, что ли, – сказал кочегар. – Все-таки это скрытый орган. Для глазу незаметный.

– Правильно, – одобрил сосед. – Наука, она разве точная? Не может врач знать, чего внутри делается. Хотя, знаешь ли, я давеча пришел на прием. В ухе, говорю, у меня свербит. А врач говорит: посвербит, посвербит и пройдет. Я говорю: меня лечить надо, а не такое зря говорить. А врач говорит: ну валяй, валяй, не задерживай. Ничего, говорит, у тебя в ухе не предвидится... Я, говорит, вас, лодырей, враз замечу.

– Не заметит, – с убеждением сказал Жуков. – Ему нельзя заметить. Наука все-таки неточная...

Больше двух часов сидел кочегар Жуков в приемной, и, когда очередь дошла до него, он сделал страдальческое лицо и вошел в кабинет.

– Ну что? – спросил врач. – Чем болен?

– Ох, – сказал Жуков. – Или, может быть, я объелся яблоками, не знаю. Живот что-то пучит. И боль внутри. А глазом не видно... Может, мне надо три дня в тепле полежать. А то утопки работаешь – все равно дует, и застудиться можно.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Конечно, – сказал врач. – Обязательно в тепле нужно.

– Обязательно в тепле, – подтвердил больной. – Три, а то и пять дней. Пять дней напишите. Фамилия у меня Жуков Василий, кочегар.

– Это можно, – сказал врач. – Тепло – лучшее лекарство. Разденься...

– Не застудить бы, ежели раздеться? – предостерег больной.

– Ничего. Здесь не холодно, – легкомысленно сказал врач.

Кочегар, охая и кряхтя, стал раздеваться. Врач мыл руки. «Хороший врач, – думал кочегар, снимая штаны. – Другой бы подозревать стал – не лодырь ли, а этот внимательный. Только раздевает зря».

Врач положил больного на диван и стал давить пальцами живот.

– Больно?

– Обязательно больно, – сказал кочегар, тихо охая.

Врач вдруг усмехнулся, подошел к столу, всыпал какой-то белый порошок в стакан с водой и подал больному.

– Пей все.

Кочегар скосил глаза на стакан и недоверчиво спросил:

– Не повредит?

– Больному лекарство не повредит, – ответил врач.

– А если, скажем, не очень больной? – осторожно спросил кочегар.

Врач снова усмехнулся.

– Пустяки, – сказал он. – У здорового человека судороги вызовет... Легкое отравление... Особенно не повредит.

Больной поставил стакан на стол и сказал:

– Сейчас мне будто полегче стало. Не сильно болит. Не повредило бы.

– Как хочешь, – сказал врач.

Он сел за стол и велел позвать следующего.

– А бумагу мне? – спросил Жуков, надевая штаны.

– Иди, иди, – сказал врач. – Бумаги не будет. Здоров.

Василий Иванович нахмурился и вышел из кабинета.

«Черт хромой, – думал кочегар. – Не дает – не надо. Просить не буду. А три-то часа в приемной я просидел, не работал. Накось, выкуси!..»

Церковная реформа

Поп Иван Боголепов сидел за столом и с унылым видом пил четвертый стакан чаю. Потом вздохнул, расчесал гребешком бороденку и сказал попадье:

– Так вот, я и говорю, мать, – дела плохие. Делишки не веселят.

– Какое же тут веселье? – сказала попадьа.

– Веселья никакого, – согласился поп. – Приход ужасно какой развращенный. В Бога не особо веруют... Храм посещают редко... Вообще предпочитают зрелища легкие и приятные.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Давеча шесть человек было в храме, – сказала попадья.

– Да-с, – продолжал поп, – шесть человек. А почему такое? А ты задай себе, мать, вопрос с ответом – почему это такое происходит? Ну-ка? А я знаю. Я все понимаю. Нужна народная церковная реформа. Назрела реформа. Надо, чтоб в церкви созвучие эпохи наблюдалось, чтоб и служба была заманчивая, и проповеди легкие. И чтоб все было легко и приятно, чтоб народ с интересом в храм шел.

– Можно просвирки выдавать... Чтоб бесплатно, – предложила попадья.

Поп подумал слегка.

– Просвирки нельзя, – сказал он. – Это и дорого будет, и верующие, кроме того, обманывать станут. Ловчиться будут на много просвирок... Мальчишки, кроме того, шум подымут... Тут иное нужно. Я вот, мать, хоть и верующий человек, а понимаю, чего требуется народу. Бог, конечно, материя отвлеченная. Бог Богом, а ты чего-нибудь такое-этакое подай, чтоб народ сам повалил к нам... А то давеча синемаграф приехал – все в синемаграф кинулись. Там любопытней.

Попадья недоверчиво взглянула на мужа.

– Так это что ж, – спросила она, – не картинки ли ты хочешь в храме показывать?

– Не картинки, – сказал поп, – а чего-нибудь такое-этакое, заманчивое... Рассказывать, например, можно что-нибудь легкое из текущей жизни, вместо сухой проповеди... После хор пуцай споет что-нибудь крестьянское... После... картинки тоже можно показывать... Из жизни, скажем, святых великомучеников. Какую-нибудь драму, например.

– А иконы? – строго спросила попадья. – Как их это рядом с иконами? Кошунство выйдет.

– Что ж иконы, – сказал поп. – Иконы, мать, ни при чем. Иконы, на худой конец, повесить можно или снять временно. Бог-то везде. Не в иконах... Царские врата можно полотном затянуть. Экран вроде бы. Можно на нем картины световые демонстрировать. Кончил картины – хор пуцай в перерывах пропоет... После...

– Позволь, позволь, – с испугом сказала попадья. – Так это что же? Это что же выходит-то? Это, поп, клуб выходит. Для комсомольцев вроде...

Поп осторожно посмотрел на жену, почесал бороденку и сконфуженно замолчал.

Нянькина сказка

Заведывающая детским домом вызвала к себе няню Еремеевну и официальным тоном спросила:

– Ты, Еремеевна, какие сказки рассказываешь детям?

– А какие сказки, – сказала Еремеевна, – разные сказки. Давеча вот про медведя сказывала... Про козла еще сказка такая есть...

– Завтра праздник, – сказала заведывающая. – Октябрьская годовщина... Надо, няня, что-нибудь рассказать детям про революцию...

– Ась?

– Что-нибудь революционное, – сказала заведывающая. – Что-нибудь, няня, героическое о революционном прошлом... Ну, воспоминания, что ли...

Няня сердито высморкалась в конец праздничного передника и с обидой сказала:

– Я этого не знаю... Я, матушка Елена Семеновна, политграмоту не сдавала... Не знаю, что к чему и почему... И, может, не поймут дети, трехлетние-то...

– Поймут, – строго сказала заведывающая. – Про революцию дети поймут. Они нам смена...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Няня еще раз с обидой высморкалась в передник и ушла, бормоча:

– Ладно... Рассказать можно... Язык, он без костей. А только, мать моя, я не ответчик, ежели дети испугаются...

Вечером, собрав детвору вокруг себя, няня уселась в кресло и начала рассказывать.

– Да как вот я и говорю, детишки-ребятишки, – начала няня. – В некотором царстве, в некотором государстве произошла эта самая, значит, революция.

На сегодня она, скажем, произошла, а завтра в некотором царстве бежит ко мне Митюшка мой... Он в Балфлоте служит. Ладно, бежит... Беги, думаю, Христос с тобой. Беги, сынок. Надо же и нам повидаться.

Ну, ладно. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Бежит, значит, мой сынок Митюшка, а под мышкой у него полбуханки хлеба.

– Ну, говорит, мамаша, радуйся. Произошла, говорит, в некотором царстве, в некотором государстве эта, значит, революция.

– Слава, говорю, тебе, Господи Христе, Боже наш. Не сухой ли, говорю, хлеб-то?

А в те дни, детишки-ребятишки, в этом царстве гражданам мало-мало хлебушка выдавали... Кому, значит, четверка, кому осьмушка, а кому и полфунта синьки или пузырек уксусной эссенции.

«Вот, думаю, спасибо, что Митюха вместо хлеба синьки не принес. Неинтересно, думаю, ее кушать в такие дни».

И навалилась я, значит, на хлеб и шамаю. И гляжу – Митюшке все на месте не сидится, и все он колбасится.

– Ну, говорит, прощайте, мамаша, кушайте, а мне бежать надо.

Перекрестила я его, а сама все хлеб шамаю. А Митюша от креста отмахнулся и бежит.

После пошамала я – охота водички испить. Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пошла я на кухню, крантик верчу, а воды нетути – трубы лопнули.

Ну, думаю, спасибо, что хлеб еще есть. А то, думаю, неинтересно синьку жевать.

После, конечно, подхожу свет зажечь. Трык – открываю, а света нет.

Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дела обделяются. Сажу это я в потемках и хлеб шамаю. А после бежит мой Митюшка с Балфлота и кричит обратно:

– Ну, кричит, мамаша, радуйтесь. Еще, говорит, одна революция произошла.

– Это, говорю, хорошо. Это, говорю, отлично. Может, говорю, вода теперича будет. А то, говорю, неинтересно сухую синьку лопать...

Няня задумалась, покачала головой и стала собираться с новыми мыслями.

С мыслями не собралась, а глубоко вздохнула и закончила:

– И произошла это, детишки-ребятишки, еще одна революция. И устроили это в честь ее седьмую годовщину, на манер праздника. И я там была, мед-пиво пила, по усам текло, а в рот не попало.

Повышают

На лестнице раздался резкий звонок.

я бросился открывать дверь.

Открыл. И вдруг в прихожую стремительно ворвался человек.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Он явно был не в себе. Рот у него был открыт, усы висели книзу, глаза блуждали и слюна тонкой струйкой текла по подбородку. Пиджак был порван и надет в один рукав.

– Счетчик?! – дико захрипел человек. – Скорей! Где?

Я ахнул с испугу и ткнул пальцем под потолок. Человек вскочил на столик, раздавил ногой отличную дамскую шляпу и принялся за счетчик.

– Товарищ, – испуганно спросил я, – вы кто же, извиняюсь, будете? Контролер, что ли?

– Контролер, – хрипло сказал человек. – Ччас проверим и дальше бежать надо...

Контролер спрыгнул на пол, зашиб ногу об угол сундука и, охая, бросился к выходной двери.

– Товарищ... Братишечка, – сказал я, – вы бы присели отдохнуть... на вас лица нет...

Контролер остановился, перевел дух и сказал:

– Фу... Действительно... Запарившись я сегодня... Сто квартир все-таки... Раньше мы шестьдесят проверяли, а теперича восемьдесят надо... А если больше – твое счастье – премия теперь идет... Вот догоню сегодня, ну, до ста пятидесяти, и будет... Мне много не надо. Я не жадный.

– Ну и ничего, поспевааете? – осторожно спросил я, поправляя помятую шляпу.

– Поспеваем, – ответил контролер. – Только что публика, конечно, не привыкли еще к повышению производительности. Пугается быстроте... Давеча вот в седьмой номер вбегаю – думали, налетчик. Крик подняли. В девятом номере столик небольшой такой сломал – опять крики. В пятнадцатом номере лампочку с абажуром скovyрнул – крики и недовольство. В соседнем доме по нечаянности счетчик сорвал – квартирант в морду полез. Не нравится ему, видите ли, что счетчик висит неинтересно. Некрасиво, говорит... Ах, гражданин, до чего публика не привыкли еще! Только что в вашей квартире тихо и благородно... Шляпенция-то еще держится... Раздавил я ее, что ли?

– Раздавили, – деликатно сказал я, подвязывая на шляпе сломанные перья.

– Да уж эти дамские моды, – неопределенно сказал контролер, укоризненно покачивая головой.

Контролер потоптался у дверей и добавил:

– Беда с этим повышением. Всей душой рвешься, стараешься, а публика некультурная, обижается быстроте... Фу... Бежать надо. Прощайте вам...

Контролер сорвался с места, ударил себя по коленям, гикнул и одним прыжком рванулся на лестницу.

Производительность повышалась.

Мокрое дело

Давеча возвращаюсь домой из гостей. Одиннадцать вечера. Темно. Безлюдно.

На сердце неясная тревога. В груди трепет и волнение по причине позднего часа.

«Только бы, думаю, с бандитами не встретиться или с хулиганами. Время такое – в самый раз. А уж если, думаю, суждено встретиться, то пуцай лучше с хулиганами встречусь. Хулиганы, они как-то симпатичней. Ну пошлют, ну по морде трахнут, ну зуб-другой вынут. Только и всего. Пальто же они снимать не будут. Это уж не ихнее дело пальто снимать. А это очень благородно с ихней стороны – не трогать чужую собственность».

Вот с такими грустными мыслями иду домой. Подхожу к дому.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
«Теперь, думаю, самый беспокойный промежуток остался – лестница. Нет, думаю, ничего страшней, как с бандитом на лестнице встретиться. Главное – узка. Бежать худо. И вообще, очень серьезно свалиться можно».

Поднимаюсь по лестнице. Дохожу до второй площадки. Вдруг слышу, на верхней площадке кто-то ногами чиркает.

А лестница у нас, конечно, не ярко освещена. Лампочка угольная. Мутная. Кошку в двух шагах и то узнать трудно – за тигра принимаешь.

Поглядел я наверх. Вижу, стоит какой-то ренегат. И в руках что-то держит. Какое-то тупое орудие.

Сразу я, конечно, остановился. Затаил дыхание. Стою. Только сердце в груди отчаянно бьется.

«Влип», – думаю.

И слышу, тот тоже меры принял. Тоже замер, прекратил дыхание и ногами не ходит. Ждет, когда я до него дойду.

В эту минуту, действительно верно, башка у меня стала очень ясно работать.

«Либо, думаю, бежать надо, либо назад возвращаться. А как это сделать, не знаю. Если, думаю, обернусь назад – пес его знает, может, ринется за мной, догонит и душу вытряхнет».

Стою и не дышу, только зубы удерживаю, чтоб зря не лязгали.

А стою я на площадке второго этажа. Недалеко чья-то квартира.

«Бежать во двор, думаю, поздно. Сейчас, думаю, осторожно подвинусь к двери, нащупаю звонок и позвоню. Пуцай будет тревога по всему дому».

Стою, глаз с верху не спускаю и сам рукой позади себя шарю. Нашел ручку. Стал ее легонько дергать.

Вдруг сверху как ринется бандит на меня. Ноги у меня подкосились. И дух замер. «Сейчас, думаю, душу вытряхнет».

Собрался с силами. Скакнул в сторону. Он за мной. Я вниз. Он по пятам. Прямо, чувствую, за воротник хватает. А воротник барашковый.

Я по двору. Через ворота. На улицу. Кричу.

Хватает он меня за воротник и роняет на пол.

Тут толпа собирается. Милиция свищет.

Гляжу: за воротник держит меня Петька Водкин, жилец с нашей коммунальной квартиры.

Петька Водкин на меня глядит. Я гляжу на Петьку.

Петька Водкин говорит:

– Эва, кого поймал. А я, говорит, тебя за жулика принял.

Что ты там упражнялся у чужой двери?

Я говорю:

– Надо лучше глядеть, Петя Водкин. Я, говорю, у дверей просто дух перевел. А ты меня за воротник хватает. Оторвать можно.

Тут объясняем милиции и возвращаемся домой.

Всю ночь, конечно, не мог спать. Ворочался с боку на бок. Все думал и мечтал о

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru том счастливым времени, когда наконец начнется спокойная жизнь для всех граждан.

Все – на борьбу с бандитизмом!

Мещанство

О мещанстве Иван Петрович имел особое мнение. Он крайне резко и зло отзывался об этой накипи нэпа. Не любил он этой житейской плесени.

– Для меня, – говорил Иван Петрович, – нету ничего хуже, как это мещанство. Потому через это вся дрянь в человеке обнаруживается... Давеча, например, я Васькино пальто накинул. За керосином побежал в лавку. Так Васька сразу в морду лезет. Дерется. Зачем ему, видите ли, пальто керосином залил.

– Воняет, говорит.

– Да брось, говорю, ты, Вася, свои мещанские штучки! Ну залил и залил, сегодня я залил, завтра ты заливай. Я с этим не считаюсь. А если, говорю, воняет – нос зажми. Пора бы, говорю, перестать запахи нюхать. Мещанство, говорю, какое.

Так нет, недоволен, черт сопатый. Бубнит чтой-то себе под нос.

Или, например, хозяйка. Квартиру держит. И чуть первое число наступает – вкатывается в комнату. Деньги ей, видите ли, за квартирную площадь требуются.

– Да что вы, говорю, гражданка, объелись? Да что, говорю, я сам деньги делаю? Оставьте, говорю, при себе эти мещанские штучки. Обождите, говорю, месяц.

Так нет – вынь да положь ей за квадратную площадь.

Ну да когда старый паразит в мещанстве погрязши, это еще куда ни шло. А вот когда молоденькая в мещанство зарывается – это больно и обидно.

Например, Катюшка из трепального отделения. Довольно миленькая барышня, полненькая. По виду никогда не скажешь, что мещанка. Потому поступки видны, идеология заметна, ругаться по матери может. А поближе тронешь – мещанка. Не подступись к ней.

Давеча в субботу после получки говорю ей запросто, как дорогой товарищ дорогому товарищу:

– Приходите, говорю, Катюша, ко мне на квартиру. У печки, говорю, посидим. После фильму пойдем посмотрим. За вход заплачу.

Не хочет.

Спасибо ребята срамить начали.

– Да брось ты, говорят, Катюшка, свое мещанство. Любовь свободная.

Ломается. Все-таки, поломавшись, через неделю зашла. Зашла и чуть не плачет, дура такая глупая.

– Не могу, говорит, заходить. Симпатии, говорит, к вам не ощущаю.

– Э, говорю, гражданка! Знаем мы эти мещанские штучки. Может, говорю, вам блондины эффектней, чем brunеты? Пора бы, говорю, отвыкнуть от мещанской разницы.

Молчит. Не находит чего сказать.

– Пуцай, говорит, мещанство лучше, а только не могу к вам заходить. В союз пойду жалиться.

Я говорю:

– Да я сам на тебя в Петросовет доложу за твои мещанские штучки.

Так и махнул на нее рукой. Потому вижу, девчонка с головой погрязши в мещанство.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru и добро бы старушка или паразит погрязши, а то молоденькая, полненькая, восемнадцати лет нет. Обидно.

Суконное рыло

Недавно сижу я в Летнем саду. Курю папиросу. И сидит рядом со мной на скамейке гражданин какой-то. По виду не то монтер, не то техник. Сидит и морщится от моего дыма.

Я уж этак и так, стараюсь вообще не попасть в его рожу дымом. А ветер на него.

Вдруг монтер трогает меня за рукав и говорит:

– Бросьте вы, товарищ, такое дерьмо курить. Нуте-ка я вас угощу настоящим английским табачком. Мне бывший дядя из Англии прислал...

Вынимает он из кармана коробку и подает.

Я говорю:

– Ну что ж я вас разорять-то буду?

– Да нет, говорит, этим мне даже счастье доставите. Потому у меня, прямо скажу, слабость к заграничной продукции. Очень одобряю заграничные продукты. Возьмите.

Я взял папиросу.

– Да, говорю, заграничная продукция – это действительно. Выдающая продукция. Много, говорю, вещей стоящих.

– Не только много, – говорит монтер, – а все. Чего ни возьмите. Раз это заграничное – баста, заранее одобряю. Да взять, например, хотя бы кроликов. Давеча нам в кооперативе давали мороженных австралийских кроликов... Это действительно кролики! Этого кролика ешь и на зубах прямо чувствуешь культуру и цивилизацию. А наш кролик? Дрянь кролик. Четыре ноги, хвост – вот вам и кролик. Да, может, это вовсе и не кролик, а очень просто собака или петух дохлый. И никакой цивилизации... А давеча я положил на окно полфунта ливерной колбасы, возвращаюсь – нету колбасы. Кошка слопала. Вот вам и советское производство!.. Ну, какова папиросочка?

– Да, – говорит монтер, – хороши ихние кролики, а табачок каков, а? Бывший дядя из Англии прислал... Эмигрант... Кури, пишет, братишечка, знавай нашу продукцию... Да вы затянитесь нарочно поглубже... Это такой табак, что я три дня курю и мне помирать неохота. А дым-то, дым-то какой голубой! Феерия, а не дым. Да разве у русских этаким дым бывает? Ну да табак хвалить нечего. Это все умы признали. А вот производство. Чистота. Порядок. Набивка какая! Вы нарочно посмотрите, какая набивка. А взять, например, коробку. На вид – дрянь коробка. Ну чего в ней? Коробка и коробка. А какая изящная простота. Ничего лишнего. Ничего не болтается из нее. Не скрипит. Английская надпись, и ничего больше... Эх, далеко нам до заграницы! Куда уж нам с суконным рылом в калашный ряд...

Я взял коробку, полюбовался. Действительно, коробка была хорошая. И на крышке было что-то объяснено по-английски. А внизу мелко-мелко было напечатано: «Гублит. Типогр. Акад. Наук. Тучкова наб.».

– Послушайте, – сказал я монтеру, – тут что-то пропечатано.

Монтер взглянул на коробку, задумчиво побарабанил по ней пальцами и сказал:

– Подсунули, подлецы. То-то я и смотрю, что такое? Будто бы и не то. Три дня курю – голова болеть начала, тошнит...

Он затянулся.

– Так и есть, – сказал он. – Дрянь папиросы. И дым-то едкий какой. От бумаги, наверное. Жженой тряпкой воняет. Тьфу, черт! Тоже продукция! Далеко нам с суконным рылом до ихней цивилизации.

Контролер

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Организм у слесаря Гаврилыча был неважный. Была ли селезенка в неисправности или какой другой орган был с изъянцем – неизвестно. А только мучила человека жажда беспрестанно.

Как, например, получит человек деньги, отойдет от кассы, так и шабаш. Такая настает жажда – беда. Прямо беги в первую портерную и пей дюжину. И то мало. Не залить всей жажды.

До чего же организмы бывают у людей неудачные!

А в субботу слесарь Гаврилыч подсчитал получку, отошел от кассы и вдруг как раз и почувствовал сильный прилив жажды.

«Выпить надоть, – подумал слесарь. – Главное, что тискаются, черти, у кассе, пихаются... Жажду только вызывают, дьяволы».

Положил слесарь деньги в карман. Вышел за ворота. Посмотрел по сторонам с осторожностью. Так и есть. У ворот собственной своей персоной стояла супруга Гаврилыча, драгоценная Марья Максимовна.

Марья Максимовна стояла в толпе женщин и, поминутно оглядываясь на ворота, говорила:

– Главное, милые мои, за ворота-то нас не пускают. За воротами-то, милые мои, способней. Тут, например, густо поперет мужчина и не увидишь, который какой супруг с деньгами-то...

– Верно, Максимовна, – подтверждали в толпе. – Верно!

– Конечно, верно, – говорила Марья Максимовна. – А только, бабоньки, деньги-то у супругов враз отымать не к чему. Злеют супруги от этого... А контроль наблюдать надо бы. Супруг, например, в портерную – и ты в портерную. Супруг биллиарды гонять – и ты не то что гонять, но стой, не допускай зарываться...

Слесарь Гаврилыч сделал равнодушное лицо и осторожно пошел вперед, стараясь пройти незамеченным.

– Вон он твой-то, павлин! – закричали в толпе.

Марья Максимовна всплеснула руками и ринулась за супругом.

– Прикатилась? – спросил слесарь.

– Прикатилась, Иван Гаврилыч, – сказала супруга. И вдруг почувствовала, что ее распирает сильная злоба.

Хорошо было бы, конечно, тут же сцепиться и отчехвостить при всех Гаврилыча. Ах, дескать, ирод, окаянная твоя сила! Такие-то поступки! Так-то ты растого, разэтого, тово...

Но Марья Максимовна сдержалась и сказала приветливо:

– А идите сюда, Иван Гаврилыч. Мы не препятствуем. А только мы от вас сегодня ни на шаг не отстанем. Вы в портерную – мы в портерную. Вы биллиарды гонять – и мы биллиарды гонять...

У слесаря Гаврилыча сильно чесался язык. Хорошо бы, думал Гаврилыч, стукануть сейчас по скуле Марью Максимовну. Или на худой конец отчехвостить при народе. Ах, дескать, контроли строить! Муж, может, неограниченную сдельщину делает, преет и потеет, а ты контроли наблюдать...

Но Гаврилыч сдержался и, махнув рукой, вошел в портерную.

Жена решительно шагнула за Гаврилычем.

А через час супруги вышли из портерной обнявшись. Оба были сильно навеселе. Гаврилыч, надрывая свой козлетон, пел «Бывали дни веселые». Марья Максимовна ему подтягивала дрожащим голосом.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Они шли в обнимку и, слегка покачиваясь, пели.

Человек с нагрузкой

Эх, поздно я со своим рассказом сунулся! Кажись, брачную-то реформу уж утвердили? А надо бы туда еще один малюсенький пунктик присобачить. Один самый мелкий параграф разъяснить. Потому теперь этот мелкий параграф уж очень часто в жизни встречается. А никто не знает, как в таких случаях поступать.

Да вот, недалеко ходить. Возьмем, например, из жизни Василия Ивановича Серегина. Он, как известно, на пивоваренном работает. Ежедневно две бутылки пива даром и жалованье – сорок пять целковых.

И хотя, скажем, семья имеется – жена с младенцем, а жить можно. Хватает.

Только раз приходит Серегин Василий Иванович домой и говорит жене с младенцем:

– Ну-с, говорит, друзья, хорошего понемножку. Пожили вместе, и будет. Вы налево, я направо. И через суд алименты... Воспитывайте моего младенца на эти алименты лучше, пуцай он вроде меня будет – передовым товарищем.

Подала жена в суд. Стали по суду брать с Серегина на младенца третью часть жалованья – пятнадцать целковых.

Стал теперь Серегин получать тридцать.

«При бесплатном, думает, пиве и если не курить, этого за глаза хватит. И даже в случае ежели чего – жениться опять можно».

И вскоре действительно Серегин Василий Иванович женился, миловидную такую барышню взял. И к лету от нее младенца прижил.

Прижил младенца и говорит своей миловидной супруге:

– Человек, говорит, я передовой. Мещанство для меня нож вострый. И вообще, говорит, пеленки мне неохота нюхать... Вы налево, я направо. И через суд алименты.

Присудили на младенца третью часть жалованья.

Стал Серегин Василий Иванович пятнадцать получать.

«При бесплатном, думает, пиве и если ничего не жрать, то оно и хватит».

А тут еще на жизненном пути гражданка подвернулась. Носатенькая такая брюнеточка.

Серегин думает:

«Жениться не напасть, как бы после не пропасть. Женюсь все-таки».

Взял и женился на носатенькой. А она теперь на последнем месяце в капоте ходит.

Василий Иванович хотел с ней развестись немедленно, да не тут-то было.

Ходит теперь человек, башку чешет и все удивляется.

– Милые, говорит, товарищи! Да ведь я теперь-то и развестись не могу. Придется мне теперь с носатенькой всю жизнь трепаться.

– А что? – спрашивают.

– Да как же, говорит, милые товарищи! Ну хорошо, ну разведусь я, скажем, с носатенькой. Ну возьмут с меня остатние пятнадцать рублей... А я-то что, человек или дырка? Я-то обязан жрать? Или мне прикажете пиво лакать без закуски?... Ведь это что же такое, братцы? Ведь это выходит, что человек больше трех раз и жениться не мог...

Все руками разводят и башками крутят. И никто не знает, как из этого немислимого

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
положения выйти.

Один человек, впрочем, знает. Это сам Василий Иванович. Он говорит:

– Пуцай тогда мне платят за нагрузку, черт с ним!

Счастливое детство

Вчера, граждане, сижу я в Таврическом саду на скамейке. Кручу папиросочку. По сторонам гляжу. А кругом чудно как хорошо! Весна. Солнышко играет. Детишки-ребятишки на песочке резвятся. Тут же, на скамейке, гляжу, этаким шибздик лет десяти, что ли, сидит. И ногой болтает.

Посмотрел я на него и вокруг.

«Эх, думаю, до чего все-таки ребятишкам превосходней живется, чем взрослому. Что ж взрослый? Ни ногой не поболтай, ни на песочке не поваляйся. А ногой поболтаешь – звон, скажут, балда какая ногой трясет. По морде еще ударят. Эх, думаю, несимпатично как-то взрослому человеку... Комиссии всякие, перекомиссии. Доклады и собрания... На три минуты, может, вырвешься подышать свежей атмосферой, а жена, может, ждет уж, уполовником трясет, ругается на чем свет стоит, зачем, мол, опоздал. Эх, думаю, счастливая пора, золотое детство! И как это ты так незаметно прошло и вон вышло...»

Посмотрел я еще раз на ребятишек и на парнишечку, который ногой болтает, и такая, прямо сказать, к нему нежность наступила, такое чувство – дышать нечем.

– Мальчишечка, говорю, сукин ты сын! Не чувствуешь, говорю, подлец, небось полного своего счастья? Сидишь, говорю, ногой крутишь, тебе и горюшка никакого. Начихать тебе на все с высокого дерева. Эх ты, говорю, милый ты мой, подлец этакий! Как, говорю, звать-то тебя? Имя, одним словом.

Молчит. Робеет, что ли.

– Да ты, говорю, не робей, милашечка. Не съест тебя с хлебом старый старикашка. Иди, говорю, садись на колени, верхом.

А парнишечка обернулся ко мне и отвечает:

– Некогда, говорит, мне на твоих коленках трястись. Дерьма тоже твои коленки. Идиет какой.

Вот те, думаю, клюква. Отбрил парнишечка. Некогда ему.

– С чего бы, говорю, вам некогда? Какие, извините за сравнение, дела-то у вас?

А парнишечка, дитя природы, отвечает басом:

– Стареть начнешь, коли знать будешь много.

Вот, думаю, какая парнишечка попалась.

– Да ты, говорю, не сердись. Охота, говорю, паршивому старикашке узнать, какие это дела приключаются в вашем мелком возрасте.

А парнишечка вроде смягчился после этого.

– Да делов, говорит, до черта! Комиссии всякие, перекомиссии. Доклады и собрания. Сейчас насчет Польши докладывать буду. Бежать надо. И школа, конечно. Физкультура все-таки... На три минуты, может, вырвешься подышать свежей струей, а Манька Блохина или Катюшка Семечкина небось ругаются. Эх-ма!

Парнишечка вынул «Пушку», закурил, сплюнул через зубы что большой, кивнул головой небрежно и пошел себе.

А я про себя думаю:

«Счастливая пора, золотая моя старость! И в школу, между прочим, ходить не надо. И с физкультурой все-таки не наседают».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

После закурил «Пушку» и тоже пошел себе.

Нервы

А думается мне, граждане, что женскому классу маленечко похуже существовать, чем нам.

Конечно, за эти слова какая-нибудь ханжа мне может плюнуть в глаза.

– Позвольте, скажет, почему такое хуже, раз своевременно объявлено равенство?

Эх, братишечки! Берите самый громадный камень с мостовой и бейте меня этим громадным камнем по башке – не отступлюсь от своих слов.

Вчера, например, соседка моя по комнате кинулся стулом в свою супругу.

С благородным негодованием разлетелся я в ихнюю комнату.

– Гражданка, говорю, немедленно перестаньте жить с подлецом. Уходите от него.

Она на меня же и взъелась.

– Да ты, говорит, что, обалдел? Куда я уйду? К тебе, что ли?

Я говорю:

– Не ко мне. Зачем же, помилуйте, ко мне? Ко мне, говорю, не надо. Это, говорю, я так отвлеченно выражаюсь.

А она на меня же стулом размахивается. Еле вышел.

Конечно, может, это была слабая женщина. Другие, может, крепче в жизни держатся. И не отступают от своих намеченных идеалов. Только таких-то в своей жизни я встречал маловато. Одну только вот и встретил, Марусю Блохину.

Эта действительно ушла от мужа. И стала самостоятельно жить. И ничего себе жила. Раз только впала в отчаяние. Хотела даже на улицу идти. Да сдержалась. А уж даже брови пробкой намазала, и губы подвела, и блузку эффектную надела. Вышла и стоит у ворот.

И вдруг какой-то к ней хахаль подходит.

Тут у ней сразу и перелом случился.

– Да ты, – говорит ему, – подлая твоя душа, что же это подходишь? Да, может, это порядочная дама вышедши к воротам подышать вечерней прохладой? Да как же, говорит, не лопнут твои бесстыжие глаза?

Мужчина несколько оробел и в сторону подался, а она его не пущает. За рукав держит.

– Да может, говорит, это та самая дама, которая не отступает от намеченных идеалов? Да, говорит, таких подлецов об тумбу головами крошить надо! Ах ты, говорит, подлая твоя морда!

Уж и отвела же она тогда свою душеньку. Хотела по морде его лупцевать, да сдержалась. Дворник Иван сдержал.

Покричала она еще на дворника Ивана немножко и ушла.

Пришла домой, головой тряхнула и думает:

«Нет, думает, не отступлюсь от своих идеалов. Проживу как-нибудь. Буду-ка я, например, дамские шляпки делать».

И действительно, стала она дамские шляпки делать. И на рынке их продавала. А материал... А вот насчет материала – черт ее знает, откуда она достала? Не иначе как какой-нибудь добродушный мужчина за спасибо дал.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Эх, братцы, держите камень и бейте меня – не отступлюсь от своих слов: маленько будто похуже бабам жить. А может, мне это только кажется. Может, это у меня нервы развинтились.

А если нервы развинтились, так везите меня в курорт. Какого черта!

Свободный художник

Сейчас красят дома. Украшают. Балконы синенькой краской разрисовывают. Улицы от этого принарядились. Любо-дорого ходить.

Наш дом тоже подновили. Прямо теперь не дом, а картинка.

Низ вроде кирпичной краской расписан, а верх весь желтенький. На солнышке так, знаете ли, и сияет, что бриллиант.

Тыщу целковых на окраску ухлопали. Одни дождевые трубы в триста рублей вскочили. Потому трубы у нас голубой масляной краской пущены. Ей-богу.

Управдом наш, Щукин Ефим Петрович, говорит, что придется у жильцов вперед плату просить. Потому маленько не хватает – лепные украшения вылепить. А может, наш голубчик управдом и так обернется. Он у нас прямо орел и свободный художник. Сам всюду лезет, малярам показывает, где красить. К вечеру прямо зеброй домой возвращается.

Зато и домик вышел действительно выдающийся.

Раньше, бывало, прохожему противно было под ворота зайти по своим надобностям. А теперь ничего. Очень уж приятный домик вышел после окраски.

И несмотря на это, многие жильцы недовольны и ворчат даже.

Из седьмого, например, номера жилец Корюшкин ворчит.

– Тоже, говорит, выкрасили дом! Лучше бы, говорит, перила на лестнице поставили. Мне, говорит, не за вашу краску держаться, а за перила.

А он, этот жилец Корюшкин, недавно, видите ли, себе ножку сломал. Пьяненький возвращался, ну и в темноте сунулся в пролет. Перил-то в этом месте не было. Сломаны были перила. Вот теперь этот Корюшкин и ворчит насчет перил.

А кто виноват? Сам и виноват. Пьяному человеку на что перила? Пьяный может и на четвереньках домой возвратиться. Или за стену может придерживаться. Ну а он, дура, влево сунулся. А теперь скулит.

А что парнишка его – Васька Корюшкин – с этой же лестницы вниз сверзился, то опять-таки нет ничего удивительного. Дите, оно постоянно крутится и мотается – ему, может, сам бог велел упасть.

А что старушка Корюшкина свалилась, то опять же при чем тут управдом? Может, это у них, у Корюшкиных, наследственное – вниз падать.

С двенадцатого номера слесарь Васильев тоже ворчит на управдома.

– Я, говорит, не посмотрю, что ты управдом, а как трахну тебя по физике – перестанешь дом красить. Ты, говорит, вместо краски лучше бы мне пол в квартире настлал. Третий, говорит, год пола нету. Прямо хоть на потолке живи.

С других номеров тоже есть недовольные жильцы. Кто с печкой пристаёт, кто с ватером, у кого крантик неправильно открывается, и вода вытекает. У кого входной двери нету...

Голубчик управдом прямо кричать замаялся:

– Братцы, говорит, не волнуйтесь, не беспокойтесь... Ну на что вам в летнее время ватер или, скажем, входная дверь?.. Перебейтесь до осени. Осенью, может, справим.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Так нет, ворчат. Очень уж народ неблагодарный. Управдом, можно сказать, запарился, все денежки ухлопал на художественную окраску и на восстановление лепных украшений, а тут кругом черная неблагодарность, невежество и неуместные требования, вроде ватера в летнее время. Скажите пожалуйста, до чего народ стал капризничать!

Спец

Неохота мне, граждане, писать про растратчиков. Да ну их совсем в болото! Надоели.

Мне, скажем, трамвайный воришка и тот будет дороже и симпатичней, чем какой-нибудь, например, Васька Егоров, который растратил сто целковых во вверенном ему доме.

Про этого Ваську Егорова я и писать бы не стал, а взял бы чернильницу да тиснул бы по его башке – вот вам и весь фельетон. Но дело тут, к сожалению, несколько изменяется.

Захотел Васька, с перепугу, что ли, скрыть эту растрату. Будто, значит, ее и не было, а грабители будто в масках и с пистолетами в квартиру вперлись и унесли денежки.

Нашел Васька такого разностороннего субчика Гришу Жукова – отчаянного спеца по своим делам. Угостил его пивком. Всплакнул немножко.

– Вот, дескать, Гриша, какие житейские обстоятельства. Из-за каких немногих денег человеку пропадать приходится. Не можешь ли, например, Гриша, обработать меня. Вроде как ограбить... Тряпочкой там рот закрыть, руки скрутить и вещи разбросать по комнате. Обращаюсь как к спецу.

Гриша говорит:

– Отчего не можно? Очень даже можно, раз это наша специальность. Для верности мы можем, дорогой товарищ, даже стукануть тебя или, например, зуб или два выбить... И будет вся эта музыка стоить тебе трешку. С других я обыкновенно по пять червяков за это самое взимаю, а ты уж больно мне понравился своей фантазией, потому много нам приходилось работать, а такой фантазии, чтобы сами пассажиры напрашивались – нету...

Ударили по рукам. Пошли к дому.

Васька Егоров немножко задрожал.

– Ты, говорит, Гриша, Христа ради, не сильно бей. И зубья не выбивай. Их, говорит, вставлять дороже. А смажь меня, подлеца, слегка по морде, и хватит. И тряпочку не сильно в глотку пихай, я же задохнуться могу.

– Ладно, – говорит Гриша, – не учи ученого.

Пришли. Кинулся Гриша на Ваську Егорова. Уронил его на пол. Скрутил руки. Пихнул в рот тряпку. Ударил два раза по уху. Плюнул в морду и принялся за работу.

Раскидал все вещички по полу, раскрыл фомкой шкафы и комоды и стоит и любуется на свою работу.

– Ну, говорит, чисто сделано. Прямо, говорит, товарищ, жалко так уходить. Душа прямо протестуется. Я, говорит, еще маленько тут в комоду пороюсь. Кое-какие ценности с собой прихвачу...

Тут неизвестно, чем бы все это кончилось, да только Васька Егоров тряпку со страха выплюнул и орать начал.

Тут-то их двоих голубчиков и накрыли.

Ну а раз накрыли и вообще все в порядке, то вопрос напрашивается: к чему всю эту канитель писать и чистым искусством людей от дела отрывать? Не лучше ли действительно тиснуть чернильницей по башке и идти по своим делам? И вообще, какая польза для республики от этого чистого искусства?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Да, пользы-то действительно, граждане, маловато. Хотя как сказать. Прочтет, представьте себе, эту штуку какой-нибудь отчаянный растратчик и испугаться может.

– Эге, скажет, про нашего брата авторы уж и писать не хотят – цельной чернильницей размахиваются.

Ну и испугается. А испугавшись, растрачивать перестанет. А другой с испугу еще свои денежки доложит. Чего не бывает на свете.

Пауки и мухи
Дядя Семен выехал в город порожним.

Четыре часа подряд ехал он по шоссе и четыре часа подряд пел «Кари глазки». А когда стал подъезжать к городу, долго, пока не вспотел, рылся за пазухой и наконец выволок оттуда табачный кисет с деньгами.

С громадными предосторожностями и оглядываясь поминутно, дядя Семен стал считать.

«Три рубля будет стоить мануфактура, – думал Семен. – Кроме того, сахару и, например, земляничного чаю... Кроме того...»

Вдруг откуда-то сбоку вынырнул какой-то парень в пиджачке и в кепке.

Парень одним махом сиганул через канаву и подошел поближе.

– Подвези, папа, до городу, – сказал парень. – Устал чтой-то... Можно?..

Семен испуганно сунул деньги обратно и сердито крикнул:

– Нету. Не можно. Проходи себе мимо... Не трожь телегу руками. Не трожь, говорю... Я тебя колом сейчас по башке трахну!

– Ишь ты сурьезный какой. Характерный! – сказал парень, усмехаясь.

– Не характерный, – сказал Семен, – а мало ли... Может, ты мне, сукин кот, сейчас сонных капель дашь понюхать... Я не знаю... Нашего брата тоже очень даже просто завсегда объегоривают в городах.

– Ну?

– Ей-богу, – сказал Семен. – В нашенской деревне, может, ни одного мужика нету, который, значит, не всыпавшись.

– Ну?

– Истинная правда. У которого, значит, лошадь угнали, которому что ни на есть дерьмо вручили заместо ценности... Мало ли... Пахому, скажем, не настоящую брошечку вручили. Три рубля псу под хвост кинул...

– Да что ты?

– Да я тебе говорю. Нашенские мужики прямо как летучие мухи попадаются... Кроме меня... Не трожь, ей-богу, телегу погаными руками! Иди вровень... Вот я тебе сейчас колом по башке трахну.

– Ну, ну, – сказал парень. – Не трогаю. Я иду вровень. Не пужайся.

– Мне пужаться нечего, – сказал Семен. – А только мне пятьдесят три года. Мне довольно позорно попадаться.

Мне мудрость мешает попадаться. Я, может, насквозь все знаю. Ты, парень, прямо говори: чего тебе, сукин кот, надоть?

– Да мне прямо ничего, дядя, – сказал парень. – Ничего не надо... Часы вот тут я хотел загнать за дешево...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru

Дядя Семен зажмурился и замахал руками.

– Уйди, – сказал Семен. – Нашенские мужики с часами тоже много раз попадались. Уйди, милый человек, окаянная твоя сила. Я пятьдесят три года без часов живу... Уйди... Я тебе колом башку сломаю.

Парень шел за телегой усмехаясь.

– Хмурый какой, – сказал парень. – Часы-то ведь ходячие, с пробой!..

– Да, с пробой! – сказал Семен. – Может, это ты зубом надкусил. С пробой!..

Парень протянул часы Семену.

– Да ты посмотри. Не лайся.

– Мне не надо смотреть! – заорал Семен. – Мне мудрость мешает смотреть.

Через час все-таки дядя Семен был хозяином часов. Часы остановились сразу, как только парень слез с телеги и исчез из виду.

Дядя Семен сунул часы в сено и хитро усмехнулся.

– Ладно, – сказал Семен. – Хотя стоячие часы, а все-таки дешево. Чуть недаром... Мне мудрость мешает обмануться. Еще неизвестно, кто кого надул. Едят его блохи...

А за мануфактуру дядя Семен расплачивался кусочками газетной бумаги.

Как бумага попала в кисет, дядя Семен при всей своей мудрости так и не узнал.

Он с изумлением вывернул свой кисет и каждый клочок бумаги разглядывал на свет и выл в голос.

Родные люди

Этот разговор я записал дословно. И пусть читатель плюнет мне в глаза, если я хоть что-нибудь преувеличил. Я ничего не преувеличил. Все в аккурат так и было.

Разговор произошел в тюрьме. В приемной комнате. Мать пришла на свидание к сыну.

Встреча была сердечная. Мамаша радостно плакала. Сын тоже посапывал носом.

После первых слез и горячих поцелуев мать и сын уселись на скамейку рядышком.

– Ну так, – сказал сын. – Пришла, значит.

– Пришла, Васенька, – сказала мать.

– Так, – повторил сын.

Он с любопытством посмотрел на серую казенную стену, потом на дверь, на печку и наконец перевел взгляд на свои сандалии.

– Так, – в третий раз сказал сын и вздохнул...

Мать тоже вздохнула и, перебирая пальцами бахромки байкового своего платка, посмотрела по сторонам.

– Ну вот, – сказал сын и шумно высморкался.

Оба после этого сидели молча минуты три.

Наконец сын сказал:

– А свиданье, мамаша, нынче сильно ограничили. Двадцать минут, говорят, дается на свиданье.

– Мало это, Васенька, – укоризненно сказала мать.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Да уж, конечно, немного, – сказал сын.

– Я так думаю, Васенька, что нам очень даже мало – двадцать минут-то. Не поговорить с родным человеком, ничего такого...

Мать покачала головой и добавила:

– Ну уж я пойду, Васенька.

– Ну иди, мамаша.

Оба оживленно встали, вздохнули и поцеловались.

Сын сказал:

– Ну так. Ладно. Заходи, мамаша... Да, чего я еще хотел сказать? Да, плита-то в кухне все еще дымит, мамаша?

– Плита-то? Дымит, Васенька. Обязательно дымит. Давеча всю квартиру дымом заразило.

– Ну так... Иди, мамаша.

Мать и сын полюбовались друг другом и разошлись.

Бабье счастье

Бабам, милые мои, нынче житьишко. Крупно богатеют наши бабы. Как сыр в масле катаются.

Уж на что, скажем, наша знакомая тетя Нюша серая дамочка – и та, дьявол, разбогатела.

Главное, по серости своей она не сразу и разобралась в своем капитале. После только во вкус вошла. А сначала испугалась это ужасно как.

А скрутило, милые мои, ее в январе месяце. В январе месяце ее скрутило, а в феврале месяце бежит наша тетя Нюша к врачу за бесплатным советом – мол, как и отчего ее скрутило и не объелась ли она, часом.

Доктор постучал тетю Нюшу трубочкой и признает у ней беременность на седьмом месяце.

Очень от этих слов тетя Нюша расстроилась, однако спорить и ругаться с врачом не стала и пошла себе.

И приходит она, милые мои, домой, серая, как подушка, присаживается на стульчак и обижается на окружающих.

– Да что ж это, граждане, происходит на земном шаре? Да как же, говорит, я теперича, войдите в положение, наниматься буду? Ну, например, стирка или постирушка, или полы мыть. А мне, может, как раз в это время с ребенком упражняться нужно.

Так вот сидит тетя Нюша, рыдает и не слушает никаких резонов.

Соседи говорят:

– Тут, бабонька, рыдать не приходится. Это, говорят, даже напротив того, довольно счастливая случайность при вашей бедности. Это, говорят, небольшой, но верный капитал по нынешним временам, вроде валюты... На кого, между прочим, думаешь-то?

Тетя Нюша сквозь слезы отвечает:

– Одним словом, граждане, думать мне нечего. Либо дворник Мишка, либо торговец Четыркин, либо Пашка полотер. Одно из двух.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Соседи говорят:

– Бери, милая, конечно, Четыркина. У Четыркина все-таки ларек, и, может, он, Четыркин, рублей триста зарабатывает. Сто рублей тебе, а остальные пушай хоть пропивает с горя.

Стала тут тетя Ньюша веселиться и чай внакладку пить, а после и говорит:

– Жалею я, граждане, что раньше не знала. Я бы, говорит, давно жила прилично.

Так и разбогатела тетя Ньюша.

Сто целковых в месяц, ровно спец, лопатой огребает.

Худо ли!

Кузница здоровья

Крым – это форменная жемчужина. Оттуда народ приезжает – только диву даешься. То есть поедет туда какой-нибудь дряхлый интеллигентиска, а назад приезжает – и не узнать его. Карточку раздуло. И вообще масса бодрости, миросозерцания.

Одним словом, Крым – это определено кузница здоровья.

С нашего двора поехал в Крым такой товарищ, Серега Пестриков.

Личность эта была форменно расхлябанная. Которые знали Серегу раньше, все подтвердят. То есть никакого в нем не было горения и миросозерцания.

Другие граждане с дому все-таки по праздникам веселятся. В горелки играют, пьют, в козла дуются. Вообще живут от полного сердца. Потому здоровые, черти.

А этот мракобес с работы, например, вернется, ляжет брюхом на свой подоконник и в книгу уткнется. Погулять даже не пойдет. Скелет у него, видите ли, ходить не может, растрясся за день.

И уж, конечно, не пьет, не курит, женским персоналом не интересуется. Одним словом, лежит на своем окне и догнивает.

Вот какой это был нездоровый человек!

Родственники видят – неладно с парнем. Стали насчет Крыма хлопотать. А то сам не может. Схлопотали.

Поломался, поломался парень, но поехал.

Полтора месяца его там держали. Купали и в ногу какую-то дрянь вспрыскивали.

Наконец вернулся. Приехал.

Это ахнуть можно было от удивленья. Морда, конечно, черная. Лопнуть хочет. Глаза горят. Волосья дыбом стоят. И вся меланхолия пропала.

Раньше, бывало, этот человек мухи не тронет. А тут не успел приехать, в первый же день дворнику Федору морду набил. Зачем за сараем недоглядел – дрова раскрасили.

Управдома тоже хотел за какую-то там мелочь застрелить из нагана. Жильцов всех раскидал, которые заступались.

Ну, видим, не узнать парня. Совершенно поправился. Починили человека. Отремонтировали капитально.

Пить даже начал от полноты здоровья. Девицу ни одну мимо себя не пропускал. Скандалов сколько с ним было – не сосчитать.

Крым – это форменная жемчужина, как человека обновляет!

Одно худо – хотят Серегу Пестрикова со службы снять. Потому прогуливать начал.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Великая вещь это здоровье!

Гибель человека

Кончено. Баста. Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце.

Вчера еще, до шести часов вечера, сочувствовал и уважал людей, а нынче не могу, ребятишки. До последней точки докатилась людская неблагодарность.

Вчера, извольте видеть, за мою жалость к ближнему человеку отчаянно пострадал и, может, даже предстану перед народным судом в ближайшем будущем.

Баста. Зачерствело мое сердце. Пуцай ближний больше на меня не рассчитывает.

А шел я вчера по улице. Иду я вчера по улице и вижу – народ будто стоит скопившись подле ворот. И кто-то отчаянно охает. И кто-то руками трясет и вообще, вижу, происшествие. Подхожу. Спрашиваю, об чем шум.

– Да вот, говорят, тут ногу сломал один гражданин. Идти теперь не может.

– Да уж, говорю, тут не до ходьбы.

Растолкал я публику, подхожу я ближе к месту действия. И вижу – какой-то человечиска действительно лежит на плитуре. Морда у него отчаянно белая и нога в брюке сломана. И лежит он, сердечный друг, упершись башкой в самую тумбу, и бормочет:

– Мол, довольно склизко, граждане, извиняюсь. Шел и упал, конечно. Нога – вещь непрочная.

Сердце у меня горячее, жалости к людям много, и вообще не могу видеть гибель человека на улице.

– Братцы, говорю, да, может, он член союза. Надо же предпринять тем не менее.

И сам, конечно, бросаюсь в телефонную будку. Вызываю скорую помощь. Говорю: «Нога сломана у человека, поторопитесь по адресу».

Приезжает карета. В белых балахонах сходят отсюда четыре врача.

Разгоняют публику и укладывают пострадавшего человека на носилки.

Между прочим, вижу, этот человек совершенно не желает, чтобы его ложили на носилки. Пихает всех четырех врачей остатней здоровой ногой и до себя не допускает.

– Пошли вы, говорит, все четыре врача, туда-сюда.

Я, говорит, может, домой тороплюся.

И сам чуть, знаете, не плачет.

«Что, думаю, за смятение ума у человека?»

И вдруг произошло некоторое замешательство. И вдруг слышу – меня кличут.

– Это, говорят, дядя, ты вызывал карету скорой помощи?

– Я, говорю.

– Ну так, говорят, придется тебе через это отвечать по всей строгости революционных законов. Потому как зря карету вызывал – у гражданина искусственная нога обломилась.

Записали мою фамилию и отбыли.

И чтобы я после этого факта еще расстраивал свое благородное сердце – ни в жисть. Пуцай убивают на моих глазах человека – нипочем не поверю. Потому –

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru может, для киносъемки его убивают.

И вообще ничему не верю – время такое после войны невероятное.

Театр для себя

Время-то как быстро бежит! Недавно еще лето было, а теперь вроде как зима. Ходят в шубах. И в театрах зимние сезоны начались.

А интересно, какие убытки понесут театры в этом зимнем сезоне?

Летние убытки только-только сейчас подсчитываются. Летний сезончик не был выдающимся.

Которые товарищи актеры приезжают из провинции, те все зубами скрипят.

– Прямо, говорят, для себя играли – нема никакой публики. Или, может быть, зритель малокультурный, или другие какие причины, а только не идет. Зимой еще ничего – ходят, а летом – нив какую. Прямо хоть за ногу волоки зрителя!

А зритель, это верно, летом предпочитает легкие и недорогие увеселения – полежать брюхом вверх на солнышке, или выкупаться на шермака в речонке, или, наконец, нарвать полевых цветов и нюхать даром.

Вот какой пошел зритель. И с чего бы это он так?

В одном небольшом городе суцая срамота произошла на этой почве.

А приехала туда небольшая труппа. Начала, конечно, эта труппа сгоряча драму играть.

Играют драму, а публика не идет на драму.

Свернулась труппа и – назад.

Сунулся в этот город другой небольшой коллективчик. Администратор этого коллективчика говорит:

– Не такой это, товарищи, город, чтоб тут драму играть. Тут надо легкие, смешные штуки ставить.

Начали они ставить легкие штуки – опять не идет публика.

Три раза поставили. Рубля три с полтиной выручили – и поскорей из этого странного города.

Начались в актерских кругах брожения и разговоры, как и чем привлечь публику. И не пойдет ли эта публика, как вы думаете, на оперетту?

Рванулась туда оперетта. Поставили музыкальную оперетту с отчаянной пляской. Человек восемь пришло. А как пришло – неизвестно. Кассир клялся и божился, что ни одного билета не было продано.

Опереточный премьер сказал:

– В этот город циркачам только и ехать. Высокое искусство здесь ни к чему.

Дошли эти симпатичные слухи до цирка. Директор говорит:

– Надо ехать. Цирк – это самое демократическое искусство. Этому городу как раз угодим.

Поехали. Действительно, народ несколько погуще пришел. Прямо старожилы не запомнят такого количества – человек тридцать было на первом представлении. На втором чуть поменьше.

Подсчитал цирк убытки и – ходу.

А на вокзале, перед самой посадкой, произошла задержка. Несметная толпа

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru собралась провожать циркачей. Тысяч восемь приперлось народу. Качали всех актеров и всех зверей. Верблюду челюсть вывихнули во время качки.

После делегация от текстильщиков и металлистов подошла к директору и стала нежно упрашивать:

– Нельзя ли, мол, по бесплатной цене тут же под открытым небом, на вольном воздухе, на перроне устроить небольшую цирковую программу из трех-четырёх номеров?

Но тут, к сожалению, произошел третий звонок. Сели циркачи по вагонам, грустно развели руками и уехали.

Так никто и не узнал, отчего и почему самое демократическое искусство уехало тоже с убытком.

Народ малокультурный, что ли? Или, может быть, деньжонок нехватка? Ась?

Пушкин

Девяносто лет назад убили на дуэли Александра Сергеевича Пушкина.

Вся Россия, можно сказать, горюет и слезы льет в эту прискорбную годовщину. Но, между прочим, больше всех горюет и убивается Иван Федорович Головкин.

Этот милый человек при одном только слове – Пушкин – ужасно вздрагивает и глядит в пространство.

И как же ему, братцы, не глядеть в пространство, если обнаружилась такая, можно сказать, печальная сторона жизни гениального поэта.

Мы, конечно, начнем нашу повесть издавека, чтобы не оскорбить память знаменитого гения. Начнем примерно с 1921 года. Тогда будет все наглядней.

В 1921 году, в декабре месяце, приехал из армии в родной свой городок Иван Федорович Головкин.

А тут как раз нэп начался. Оживление. Булки стали выпекать. Торговлишка завязалась. Жизнь, одним словом, ключом забила.

А наш приятель Головкин, несмотря на это, ходит по городу безуспешно. Помещения не имеет. И спит по субботам у знакомых. На собачьей подстилке. В передней комнате.

Ну и, конечно, через это настроен скептически.

– Нэп, говорит, это форменная утопия. Полгода, говорит, не могу помещения отыскать.

В 1923 году Головкин все-таки словчился и нашел помещение. Или он въездные заплатил, или вообще фортуна к нему обернулась, но только нашел.

Комната маленькая. Два окна. Пол, конечно. Потолок. Это все есть. Ничего против не скажешь.

А очень любовно устроился там Головкин. На шпалеры разорился – оклеил. Гвозди, куда надо, приколотил, чтоб уютней выглядело. И живет, как падишах.

А время, конечно, идет. Вот уже восемьдесят седьмая годовщина ударяет со дня смерти нашего дорогого поэта Пушкина. Потом восемьдесят восьмая.

На восемьдесят девятой годовщине разговоры, конечно, поднялись в квартире. Пушкин, дескать. Писатель. Жил, дескать, в свое время в этом помещении. Осчастливил, дескать, жилплощадь своим нестерпимым гением. Не худо бы в силу этого какую ни на есть досточку приклеить с полным обозначением и в назидание потомству.

Иван Федорович Головкин тоже сдуру участие принял в этой дощечке на свою голову.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Только вдруг в квартире ропот происходит. Дамы мечутся. Кастрюльки чистят. Углы подметают.

Комиссия приходит из пяти человек. Помещение осматривает.

Увидела комиссия разную домашнюю требуху в квартире – кастрюли и пиджаки – и горько так вздохнула.

– Тут, говорит, когда-то Александр Сергеевич Пушкин жил. А тут наряду с этим форменное безобразие наблюдается. Вон метла стоит. Вон брюки висят – подтяжки по стенам развеваются. Ведь это же прямо оскорбительно для памяти гения!

Ну, одним словом, через три недели выселили всех жильцов из этого помещения.

Головкин, это верно, очень ругался. Крыл. Выражал свое особое мнение открыто, не боясь никаких последствий.

– Что ж, говорит, это такое? Ну, пуцай он гений. Ну, пуцай стишки сочинил: «Птичка прыгает на ветке». Но зачем же средних людей выселять? Это же утопия, если жильцов выселять.

Хотел Головкин в Пушкинский заповедник поехать – ругаться, но после занялся подыскиванием помещения.

Он и сейчас еще ищет. Осунулся, поседел. Требовательный такой стал. Все спрашивает, кто да кто раньше жил в этом помещении. И не жил ли здесь, оборони создатель, Демьян Бедный или Мейерхольд. А если жил, то он, Головкин, и даром не возьмет такого помещения.

А это верно: как это некоторые крупные гении легкомысленно поступают – мотаются с квартиры на квартиру, переезжают. А после такие печальные результаты.

Да вот недалеко ходить, в наше время наш знакомый поэт, Митя Цензор, Дмитрий Михайлович. Да он за последний год не менее семи комнат сменил. Все, знаете, никак не может ужиться. За неплатеж.

А ведь, может, он, черт его знает, гений!

Ох и обложат же его лет через пятьдесят за эти семь комнат.

Единственно, может быть, жилищный кризис несколько ослабнет к тому времени. Одна надежда.

Сила красноречия
Дело было нельзя сказать что запутанное. Все было довольно-таки ясно и скучно.

Преступник сознался в своей вине.

Да, действительно, он влез в чужую квартиру, придушил чуть не на смерть какую-то квартирную старушонку и унес два костюма, медную кастрюлю и еще какое-то барахло.

Дело было плевое. Неинтересное.

Я хотел было уйти из зала суда, но пробраться было трудно. Много народу. К тому же сосед мой, староватый гражданин с седыми усами, очень неприветливо буркнул, когда я заворочался на своем месте.

Я остался, поглядел на преступника. Тот сидел неподвижно. Глядел безучастно куда-то в сторону.

– Интересно, сколько ему дадут? – сказал я.

– Ничего интересного, – сказал старик, мой сосед, – четыре года со строгой изоляцией.

– Почему вы так думаете?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
– Не думаю, – строго сказал старик. – Кодекс думает.

Но вот вышел обвинитель.

Он начал говорить с сильным душевным подъемом. Много неподдельного гнева и презрения было в его словах. Он буквально растоптал преступника. Он сравнил его с самым последним дрянным мусором, который надо выкинуть без сожаления.

Я давно не слышал такой превосходной речи.

Публика сидела притихшая. Судьи внимательно слушали гневные слова прокурора.

Я поглядел на преступника. Низкий лоб. Тупая челюсть. Звериный взгляд. Да, действительно, форменный бандит. С каким страхом он глядел на говорившего!

– Здорово кроет, – сказал я. – Как бы парня налево не послали, а? Как вы думаете? Вышую меру не могут дать?

– Ерунда, – сказал старик, – четыре года со строгой изоляцией.

Но вот прокурор кончил. После небольшого перерыва начал говорить защитник.

Это был довольно молодой человек. Но сколько настоящего таланта было в нем! Какая сила красноречия! Какой неподдельной простотой и искренностью звучала вся его речь!

Красноречие – это большой дар. Это большое счастье – обладать такой способностью покорять людей своими словами и диктовать им свои желания.

Почти полтора часа говорил защитник.

Публика дергалась на своих местах. Дамы глубоко вздыхали и пудрили вспотевшие от волнения носы. Некоторые слабонервные всхлипывали и сморкались. Сам председатель нервно барабанил пальцами по бумаге.

Преступник в совершенном обалдении, полураскрыв рот, глядел на своего благодетеля.

Да, конечно, защитник и не пытается отрицать его вину. Нет! Это все так. Но не угодно ли заглянуть поглубже. Не угодно ли приподнять завесу, скрывающую тайники жизни. Да, преступник виновен, но нужно хоть раз с добрым сердцем взглянуть на этого человека, на его простое, наивное лицо.

Я снова посмотрел на преступника. В самом деле, а ведь лицо довольно простоватое. И лоб как лоб. Не особенно низкий. И челюсть не так уж выдается. Подходящая челюсть. Прямо трудно поверить, что с такой челюстью можно душить старушку.

– А ведь парня-то, пожалуй, оправдают, – сказал я, – или дадут условно. Очень уж способно говорит защитник.

– Ерунда, – сказал старик, – четыре года со строгой изоляцией.

Но вот суд удалился на совещание.

Публика ходила по коридору, обсуждая прекрасную речь защитника. Многие предполагали, что более одного года условно не могут дать.

Мой старик сосал небольшую трубку и сердито говорил в толпе:

– Ерунда! Четыре года со строгой изоляцией.

После долгого ожидания суд вернулся в зал. Был оглашен приговор – четыре года со строгой изоляцией.

Конвойные тотчас окружили преступника и увели...

Публика медленно расходилась.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

В толпе я увидел своего старика. Он прищурил глаз и что-то бормотал. Наверное, он сказал:

– Вот видите, я же говорил.

Этот человек явно скептически относился к красноречию.

Я с ним не согласен. Мне нравится, когда о человеке много и подробно говорят. Все-таки меньше шансов ошибиться.

Много ли человеку нужно
Недавно ездили мы через весь Союз. Специально глядели, как живут люди.

Ничего себе живут. Стараются.

В любом городе заметно вырастают новые дома и домишки. Все больше такие небольшие коттеджи, вроде халуп.

И жилищный кризис в связи с этим начал как будто бы слегка ослабевать. Более как семнадцать человек в одной комнате нам не приходилось видеть.

И только в одном городе комнату занимало двадцать три персоны. Легковые извозчики. С семьями. Но это было в Ростове-на-Дону. Город этот все-таки южный, климатический. Даже, говорят, персики там могут расти. Море тоже не очень далеко плескается. Море это, может быть, круглый год не замерзает. При таких неслыханных климатических условиях просто нет такой острой необходимости в крытых помещениях.

А на север если перекинуться – там легче.

В том же Ленинграде квартир непочатый край.

Мой хороший знакомый, некий Иван Андреевич, не очень давно нашел себе квартиру. В том же городе Ленинграде. И недолго искал. Смотался раз или два в квартирное бюро. Там говорят:

– Можно. Сколько вам комнат? Пять, шесть?

– Три, говорит, будьте любезны.

– Можно.

И дали адрес.

А панические людишки, проевшие свою храбрость и мужество в гражданскую войну, говорят: кризис!

Сходил некий Иван Андреевич по адресу – да, действительно: три комнаты и все на свете.

И ремонт не особо большой оказался. Входные двери поставить и стенки вывести. Да еще лестницу до своего этажа достроить.

А что трубу перекладывать, то это по желанию. Труба – царской кладки. Тяга, конечно, есть, но только до прихожей, а у Ивана Андреевича грудь слабая. Он дым худо переносит. Все время задыхается.

Другой, более здоровый парень, и с такой бы трубой прожил. В крайнем случае сунул бы голову в окно – так бы и жил.

Но тут пришлось и трубу перекладывать.

А денег Иван Андреевич не так много ухлопал. Конечно, денег порядочно ухлопал. Весь, можно сказать, продан, как последний сукин сын. И даже под вексель взял. Но духом не упал.

– В крайнем, говорит, случае, я могу эту квартиру продать.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
И с этими мыслями он даже и не волновался, а преспокойно заканчивал ремонт.

«Потому, думает, в петлю еще не попал. Такую свеженькую квартирку у меня каждый дурак купит».

И действительно, когда надо было платить по векселю, Иван Андреевич без особых хлопот и расходов взял и продал эту квартиру.

И на всем этом деле потерял не больше как сорок рублей. Но за такую квартиру и сотню потерять не стыдно.

А на полученные деньги Иван Андреевич вновь купил проданное имущество и с долгами расплатился.

А теперь он, кажется, опять нашел подходящую квартиру и снова приступил к ремонту.

А говорят – острый кризис. Не особенно. Жить можно.

Мелкое происшествие
Вчера с нашим дачным поездом недоразумение стряслось.

Подъезжаем, знаете, до Ленинграду, вдруг – стоп, остановка. Приехали. Не доезжая четыре версты, около какой-то там будки.

Остановка резкая. Народ не то чтобы с места попадал, но испугался. Которые даже хотели в окна кидаться. Потому всего ожидать можно в связи с текущими английскими событиями. А дачный поезд долго ли скovyрнуть.

Бросился народ к окнам. Начал глядеть, чего там произошло. Вдруг видят, ничего такого не произошло. Но видят – машинист кроет стрелочника.

Стрелочник стоит на своем трудовом посту. Одной ногой нажимает стрелку. В другой руке флажок держит.

Машинист орет с паровоза:

– Гляди, каким флагом махаешь-то, козлиная голова?

Стрелочник говорит:

– Обыкновенно каким – зеленым. Если худо видишь – очки возьми в руку.

Машинист говорит:

– Тьфу на тебя вместе с флагом. Это же невозможно цвет разобрать. Я думал, это красный – ехать нельзя.

Поглядел народ на флаг. Действительно, флажок мутный. И до того он грязный, что за двадцать шагов нет возможности разобрать: или он красный, или зеленый.

Машинист расстраивается:

– Зря, говорит, машину остановил. Пополощи хоть без мыла свое орудие производства, благо невдалеке река протекает. Ишь, на ем грязи сколько!

Стрелочник говорит:

– Смешные слова говоришь. Ему нечего чистым быть. За него ежедневно руками браться приходится.

Тут народ начал советовать:

– Ты бы, дядя, вместо флага лопух сорвал бы. И лопухом бы помахивал. За тыщу шагов зеленый цвет разобрать можно.

Стрелочник говорит:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Да ну вас всех в болото! Вот пристали-то. Поезжайте с богом. Мне чай пить пора.

Тут оскорбленный народ побранился еще слегка со стрелочником и велел машинисту дальше ехать.

Машинист плюнул на стрелочника и пошел. Опоздания не было. Последние три версты машинист поднажал.

А в самом деле! Почему бы в летнее время лопухом не махать? Чисто и безобидно. И ближе к природе. И небольшую экономию соблюсти можно.

Подумайте!

Дырка

Вот, говорят, в Европе часы очень уж дешевы. Там их прямо чуть не задаром отдают.

Если на наши деньги перевести, то часы сорок восемь копеек стоят. Вот это здорово!

А у нас за сорок восемь копеек секундную стрелку и то навряд ли купишь. Вот это худо.

Худо, да не совсем.

Может быть, наш трест точной механики другими вопросами занят? Может, у него совершенно другие, более грандиозные задания? Может быть, он все время ватерпасы делает или пилули от головной боли? Я этого не знаю.

Но только часов он, видимо, не делает. Ему, надо думать, не до того.

Да оно, как бы сказать, часишки не так уж до зарезу нужны в нашей скромной жизни. Оно, как бы сказать, в дневное время часы даже лишнее. Можно сказать, лишний балласт, который только брюки книзу оттягивает.

Потому с работы уходить – это вот как видно. Спать опять-таки без часов можно лечь. Шамать тоже можно, смотря по деньгам и по аппетиту.

А вот, братцы мои, на работу вставать без часов – это, не говоря худого слова, очень даже худо.

Конечно, можно, например, у соседа спросить или побежать к Финляндскому вокзалу посмотреть, сколько часов, но все-таки это не так уж чересчур просто. Да и у соседа свободно может часов не оказаться.

Мой, например, сосед сам встает, когда я встаю. А я встаю, когда он встает или когда квартирная хозяйка поднимается. А только квартирная хозяйка не всегда аккуратно поднимается. В этом отношении у нас хронометраж хромает. У нее, может, суставный ревматизм, и она, может, по пять суток из кровати не вылезает. Вот тут и разберись, который час.

Не говоря худого слова, очень неважно без часов.

А главное, через эту конъюнктуру я довольно часто на работу опаздываю. Мне так и сказали:

– Ходите, товарищ, аккуратней, а не то будет вам наклейка.

Конечно, стараюсь и встаю с петухами.

Ну а в летнее время встаю по солнцу.

Около печки на полу у меня имеется довольно большое отверстие, вроде бы дыра неизвестного происхождения. И как солнце до этой дырки достигает, так, значит, не говоря худого слова, без пяти семь, и, значит, вам пора вставать.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Но, впрочем, и солнце, это довольно точное светило, давеча меня подвело.

Давеча отрываюсь от подушки и гляжу на свои естественные часы. И вижу – до дырки довольно далеко. «Значит, думаю, половина седьмого. Можно, думаю, еще полчаса вздремнуть».

Дремлю полчаса. Встаю не торопясь. Иду на службу. Опоздал, говорят.

Ну прямо верить отказываюсь.

– Да что вы? – говорю.

– Да, говорят, представьте, на двадцать минут.

– Братцы, говорю, форменная неразбериха. Ничего не понимаю!

Заведующий говорит:

– Может, часы у тебя отстают?

– Да, говорю, конечно, часы отстают... Дырка, говорю, отстают, а не часы.

Объясняю все как есть. Заведующий говорит:

– Стара штука. Я, говорит, сам довольно долго по гвоздю в карнизе вставал, да карнизу нас оседать начал... Ну а у тебя не иначе как дом осел.

Дом хотя не осел, но впоследствии выяснилось – пол слегка, это верно, сдвинулся. По причине жучка. Жучок балку съел. Кажется, скоро на потолке жить придется.

А так все остальное ничего, слава богу. Дела идут, контора пишет. Ватерпасы изготавливаются. Терпенье и труд все перетрут.

Бутылка

Давеча на улице какой-то молодой парнишка бутылку разбил.

Чегой-то он нес. Я не знаю. Керосин или бензин. Или, может быть, лимонад. Одним словом, какой-то прохладительный напиток. Время жаркое. Пить хочется.

Так вот, шел этот парнишка, зазевался и трюхнул бутылку на тротуар.

И такая, знаете, серость. Нет того, чтобы ногой осколки с тротуара стряхнуть. Нет! Разбил, черт такой, и пошел дальше. А другие прохожие так, значит, и ходи по этим осколкам. Очень мило.

Присел я тогда нарочно на трубу у ворот, гляжу, что дальше будет.

Вижу – народ ходит по стеклам. Чертыхается, но ходит. И такая, знаете, серость. Ни одного человека не находится общественную повинность исполнить.

Ну что стоит? Ну взял бы остановился на пару секунд и стряхнул бы осколки с тротуара той же фуражкой. Так нет, идут мимо.

«Нет, думаю, милые! Не понимаем мы еще общественных заданий. Прем по стеклам».

А тут еще, вижу, кой-какие ребята настановились.

– Эх, говорят, жаль, что босых нынче мало. А то, говорят, вот бы здорово напороться можно.

И вдруг идет человек.

Совершенно простого, пролетарского вида человек.

Останавливается этот человек вокруг этой битой бутылки. Качает своей милой головой. Кряхтя, нагибается и газетиной сметает осколки в сторону.

«Вот, думаю, здорово! Зря горевал. Не остыло еще сознание в массах».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И вдруг подходит до этого серого, простого человека милиционер и его ругает:

– Ты что ж это, говорит, куриная голова? Я тебе приказал унести осколки, а ты в сторону сыплешь? Раз ты дворник этого дома, то должен свой район освобождать от своих лишних стекол.

Дворник, бубня что-то себе под нос, ушел во двор и через минуту снова явился с метлой и жестяной лопаткой. И начал прибираться.

А я долго еще, пока меня не прогнали, сидел на тумбе и думал о всякой ерунде.

А знаете, пожалуй, самое удивительное в этой истории то, что милиционер велел прибрать стекла.

Зеленая продукция

Вот и осень наступила. Строительный сезон, можно сказать, заканчивается.

Неизвестно, как в других домах, а у нас в доме небольшой ремонтик все же произвели. У нас на лестнице перила выкрасили.

Конечно, сделали это не за счет квартирной платы, – у нас народ небогатый. А сделали это за счет одного жильца. Он, курицын сын, по займу пятьсот рублей выиграл. И с перепугу пять червонцев отвалил на ремонт дома. Потом-то, когда пришел в себя, – страсть жалел. Но было поздно. Перильца уже выкрасили.

А выкрасили перила зеленой краской. Получилось красиво. Благородный такой темно-зеленый цвет. Даже, как бы сказать, краснотой отдает. Или это ржавчина выступает сквозь краску? Неизвестно.

Но только получилось довольно красиво. Не безобразно, одним словом. Морда инстинктивно не отворачивается.

Так вот, покрасили. Полюбовались этими перилами. Председатель даже небольшую речь сказал насчет пользы крашеных перил. А после, через три дня, жильцы обижаться стали – зачем эти перила плохо сохнут. Дескать, квартирные детишки пачкаются и ходят зебрами.

Председатель резонно говорит:

– Товарищи, нельзя до этой краски предъявлять немыслимые требования. Дайте срок – высохнет и тогда, может быть, не будет пачкаться.

Начали жильцы терпеливо ждать.

Две недели прошло – не сохнет.

Позвали маляра. Маляр попробовал краску на язык, побледнел и говорит:

– Краска, говорит, обыкновенно какая – масляная. А почему она не сохнет, это я вам скажу. Она определенно имеет добавочно льняное масло вместо оливкового. А льняное масло не имеет права скоро сохнуть. Но, говорит, через это убиваться не следует. Через месяц оно, даст бог, слегка не то чтобы усохнет, но испарится. Хотя, говорит, навряд ли перильца будут зеленые. Они будут скорей всего голубые. А может, скорей всего серые с прожилками.

Председатель говорит:

– Оно, знаете, и к лучшему. Если с прожилками – грязь не так будет заметна.

Начали жильцы опять любоваться на эти перила. Месяц или два любовались, смотрят – начало подсыхать. Хотя, по совести говоря, и подсыхать было нечего. Квартирные детишки и неопытные приходящие гости приняли на себя почти всю краску.

Но надо быть оптимистом и надо в каждом печальном явлении находить хорошие стороны.

Краска, я говорю, все же оказалась неплохой и доступной небогатым. С костюмов

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru она сходила как угодно. Даже можно было не стирать. Сама исчезала.

И черт ее знает, из чего она была сделана? Бродяга-изобретатель держит, небось, свое изобретение в строжайшей тайне. Боится, небось, как бы его самого не побили.

Событие

Вчера, милые мои, в нашей коммунальной квартире произошло довольно грандиозное событие.

Только что я, значит, с супругой вернулся из кино. И сижу в своей комнате. На кровати. Ноги разувая.

И только, скажем, снял один сапог, как вдруг в квартире произошел отчаянный крик. Можно сказать – вопль.

Жена то есть совершенно побелела и говорит шепотом:

– Ей-богу, Степаниду грабят! Ейный голос – бас... Налетчики...

Хотел я сунуться в коридор, чтоб Степаниду отбить, жена не пускает.

– Замкни, говорит, дверь. Нечего тебе соваться в уголовное дело. Ты все-таки семейный.

Я говорю:

– Действительно, чего мне соваться не в свое дело.

Главное, что я разулся – простудиться могу.

Заложили мы дверь вещами и комодом и тихо сидим на нем для весу.

Вдруг по коридору что-то загромыхало. Потом затихло.

Жена говорит:

– Кажись, ушли.

В эту самую минуту разбивается наше окно, и пожарный в каске, не постучавшись даже, лезет в нашу комнату.

– Ваша квартира, говорит, в полном огне, а вы, говорит, на комоду прохлаждаетесь.

А главное, не только нас – всех жильцов пришлось из окон вынимать. Все заперлись и заставились, когда услышали Степанидин крик. И никто, значит, добровольно не вылезал. Кроме, значит, Степаниды. Эта дура-баба учинила пожар, завопила и выбежала на двор.

Убытку было на девяносто рублей.

Зубное дело

С этого года у Егорыча зубное дело покачнулось. Начали у него зубы падать.

Конечно, годы идут, само собой. Организм, так сказать, разрушается. Кость, может быть, по непрочности довоенного материала выветривается.

Одним словом, у Ивана Егорыча Колбасьева, проживающего в нашем доме, начали с этого года зубы крошиться и выпадать.

Один-то зуб ему, это верно, выбили при разговоре. А другие самостоятельно начали падать. Так сказать, не дожидаясь событий. Скажем, жует человек или говорит о заработной плате и вообще рядом поблизости никаких людей нету, а зубы сыплются. Прямо удивительно. Шесть зубов в короткое время потерял.

Но только Егорыч этого никогда не боялся. Он не боялся остаться без зубов. Человек он застрахованный. Ему всегда обязаны на свое место зубы поставить.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

С этими мыслями он так и жил на свете. И всегда говорил:

– Я, говорит, зубами никогда не стесняюсь. Мне выбивать можно. По другому предмету или по носу я никогда не позволю себя ударить, а зубное дело у меня тихое и спокойное. У нас, у застрахованных, завсегда полное спокойствие в этом смысле.

И когда, значит, Иван Егорыч потерял шесть зубов, тогда он решил устроить себе капитальный ремонт. Захватил он с собой документы и пошел в клинику.

В клинике ему говорят:

– Пожалуйста. Можно поставить. Только у нас правило: восемь зубов должно не хватать. Ежели больше – ваше счастье, наше несчастье. А мелкими подрядами клиника не занимается. Такой закон для застрахованных.

Егорыч говорит:

– У меня шесть.

– Нету, говорят, невозможно тогда, товарищ. Подождите своего времени.

Тут Егорыч даже рассердился.

– Да что ж это, говорит, поленом, что ли, мне остальные зубы вышибать?

– Вышибать, говорят, не надо. Зачем же природу портить? Обождите, может, на ваше счастье, они сами выпадут.

В полном расстройстве чувств пошел Егорыч домой.

«Такое, думает, было спокойное зубное дело и какие, знаете, неожиданности».

Начал Егорыч ждать, когда выпадут у него эти лишние незаконные зубы.

Вскоре один выпал. А другой Егорыч начал рашпилем трогать – подчищать и тоже скovyрнул со своего насиженного места.

Побежал Егорыч в клинику.

– Теперича, говорит, как в аптеке, – в аккурат восемь зубов.

– Пожалуйста, – говорят ему, – теперь совершенно можно. У вас как, подряд восемь зубов не хватает или как? А то у нас правило: надо, чтоб подряд не хватало. Если не подряд, а в разных местах, то мы не беремся – потому такими зубами, гражданин, жевать еще можно.

Егорыч говорит:

– Нету. Не подряд.

– Тогда, говорят, не можем.

Ничего на это Егорыч не сказал, только заскрипел остатними зубами и вышел из клиники.

«Эва, думает, какие неожиданности! Такое было аккуратное душевное состояние, а теперь ничего подобного».

Сейчас Егорыч живет тихо, пищу ест жидкую и остатние свои зубы чистит щеточкой три раза в день.

В этом отношении клиническое правило обернулось выгодно.

Что-нибудь особенное

Конечно, это дело мелкое. Оно, братцы мои, до того мелкое, что некоторые наши читатели, наверное, даже оскорбятся или драться полезут.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Что вы, скажут, сучьи дети, начали такие небольшие «проблемки» затрагивать? Кругом, скажут, Китай и еще чего-нибудь такое, а вы, например, ваньку валяете.

А дельце это, не спорим, действительно небольшое. Внутридомашнее. Насчет крупы.

На прошлой неделе я, знаете, слегка захворал. Объялся. Брюквой.

Начались ужасные боли. И через это я побежал в амбулаторию.

Медик меня внимательно осмотрел и говорит:

– Может, ангина, а может, паратиф. Выяснится, когда померете... Главный курс лечения – не надо наваливаться на сырые продукты питания. Кушайте диету. Наилучше всего овсянку или геркулес.

Немедленно послал я свою супругу за крупой.

– Только, говорю, Анна Петровна, не покупайте дряни. Купите что-нибудь особенное. Здоровье – дело драгоценное, и за лишним пяточком я не постою.

Прибегает супруга обратно и веселится.

– Простая, говорит, крупа стоит двугривенный. Только я не стала эту крупу покупать. Я купила настоящий натуральный геркулес. Сорок копеек коробка.

Посмотрели на коробку – что-нибудь особенное. Красивая раскраска. Человек с гирей нарисован. Разные интеллигентные слова напечатаны. Роскошь!

Велел сварить эту диету. Сварили – действительно, очень вкусная, белая, мягкая. Одно худо – шамать ее нельзя. Единственный недостаток. Шамать-то, конечно, ее можно, но плевать надо. Приходится все выплевывать. Очень уж шелухи много. Шелуха заедает. Единственный недостаток.

Посмотрел на тарелку с аппетитом, понюхал и лег спать.

И поправился. Наверно, оттого что не съел. А иначе – болезнь могла бы боком обернуться.

А так остальное – все ничего, слава богу. Дела идут, контора пишет. Качество улучшается.

Ростов

Кстати, о Ростове. Симпатичный город. Я там был этой осенью. Проездом.

Славный, спокойный город. И климат довольно мягкий. Кроме того – полное отсутствие хулиганства. Даже немного удивительно, с чего бы это.

Молоденькая девица одна может свободно пройти ночью по улицам. Никто ее не затронет.

Ну, как – одна, я, конечно, не знаю. Не ручаюсь. Но вдвоем или небольшой группой – очень свободно может идти. Никаких таких лишних возгласов. Даже по тротуарам допускают ходить. Зря не сталкивают. Ругаться-то, конечно, ругаются. Но промежду себя. Не в сторону прохожих.

Это явление, в смысле полного отсутствия хулиганства, я думаю, происходит за счет физкультуры. Физкультура всегда отвлекает граждан от хулиганства. А физкультура в этом южном городе поставлена на полную высоту. Футбол, эстафетный бег, ныряние и плавание – это на каждом шагу. Это удивительный город в этом отношении.

Я сам был свидетелем такого спортивного случая.

Сажу я в городском саду. Читаю, как сейчас помню, газету. Дискуссионный листок.

А кругом мягкая осенняя погода. Солнце золотится.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
На скамейках публика сидит. Такая тихая осенняя картинка без слов.

Тут же по аллеям небольшой парнишка шляется. С ящиком. За пяточок сапоги чистит.

Увязался этот парнишка и до меня. Начал мне мусолить сапог за пяточок.

Вычистил один. Только взялся за другой, вдруг сзади кто-то как ахнет мне на плечи. Гляжу – какой-то незнакомый человек в трусиках через меня прыгнул.

Только я хотел его обругать, сукина сына, зачем он через незнакомых прыгает, вдруг сзади опять – хлоп – другой прыгнул. Всего их прыгнуло четверо. Вот, думаю, и хулиганство налицо.

Вдруг гляжу – нету хулиганства. Чистая физкультура. Чехарда. В чехарду молодежь играет. Славно так через сидячих людей прыгают.

Парнишка, который сапоги чистит, говорит:

– Вы не пугайтесь. Они тут всегда в чехарду упражняются. Давайте второй сапог дотру. Садитесь!

Ну что ж, думаю, пушай лучше чехарда, чем хулиганство.

Однако второго я не стал дочищать. Выдал парнишке пяточок и заторопился поскорей к выходу. А то, думаю, на ходу прыгнут – еще опрокинут, черти. Потом вставай.

Вышел на улицу – опять спокойно. Чисто, славно. Никаких лишних возгласов. С тротуара не сталкивают.

Прямо не город – акварельная картинка.

Очень просто
Черт побери, как все просто на свете!

Вот, например, жил в нашем доме известный такой сукин сын Краюшкин. Сначала он, конечно, был безработный. Шесть лет. По гривеннику платил за квадратный метр. А потом нашел службенку.

Службенка была не роскошная, но питаться, а главное, бесплатно лечиться, можно было.

А надо сказать, что человек этот имел ужасно какой отчаянный характер. Характер у него был совершенно невозможно скандальный.

И если этот Краюшкин не дрался с жильцами, то единственно по причине слабого организма. Но зато ругался со всеми, всех задевал и жену свою, Елену Федоровну, прямо, можно сказать, с маслом скушал.

Бедная дама сбежала даже от такого семейного купороса.

Она попросту заявила на собрании, что с таким иродовым характером, как у ее почтенного супруга, она не может более жить. Пушай домоуправление отведет ей холостую комнату в другой квартире.

А он, этот ирод Краюшкин, тут же стоял рядом на собрании с мрачной мордой и слушал, чего говорится.

Наконец он говорит:

– Ладно. Отводите ей холостую комнату. Характер действительно, сознаюсь, у меня дьявольский. Но против природы я тоже идтить не могу. И не могу свои характеры переделывать.

Отвели ей тогда комнату в квартире семнадцать. Так этот Краюшкин и туда стал мотаться – специально скандалить и доедать свою супругу.

Домашних животных, кроме того, он ногами бил. Стенную газету тоже раз содрал по

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru злобе.

А надо сказать, жил у нас в доме, как раз над этим самым чертовым Краюшкиным, ученый. Профессор Хлебников.

И хотя жилец этот был малосознательный и часто манкировал своими гражданскими обязанностями, но жилец был все-таки славный, по рублю двадцать платил за квадратный метр.

Так вот с этим ученым и схлестнулся наш Краюшкин, зачем тот по ночам ногами шаркает – ходит над его комнатой.

А ученый, может быть, не может иначе ученые труды придумывать. Может быть, он должен ходить.

Вот ученый подходит тогда до этого Краюшкина и говорит:

– Так и так. Вы, говорит, милостивый государь, всех жильцов в доме пугаете, ко всем липнете и всех задираете. А если у вас наблюдается такой хамский характер, то вы должны от него лечиться, а не зря кирпичиться.

Краюшкин говорит:

– То есть как это лечиться?

Профессор говорит:

– Так и так. Вы, говорит, напущаете разные элементы на свой характер, но, промежду прочим, у человека нету никакого характера, а человек – это есть, по последним научным данным, восемнадцать фунтов угля, сорок шесть золотников соли, три фунта картофельной муки и определенное количество жидкости. И, может, у вас в характере картофельной муки не хватает, вот вы и волнуетесь.

Тут, значит, после этих слов Краюшкин смертельно побледнел и плюнул профессору на воротник. Прошло после этого факта полгода. Однажды Краюшкин собрался и пошел к врачу. Осмотрел врач этого Краюшкина со всех сторон и говорит:

– Так и так. Нервы, говорит, у вас действительно худые по причине глистов. Надо вытравить всех глистов, и тогда ваш характер снова засияет.

Начал, конечно, Краюшкин лечиться,пил какую-то сплошную зеленую дрянь и вскоре поправился. Стал такой довольно полный, морда сочная, глаза блестят. По двору ходит веселенький, со всеми здоровается. Никого не трогает. Стенную газету не срывает. С женой, опять же, помирился. К профессору недавно тоже зашел с визитом – извинился за бывший плевок.

Профессор говорит:

– Так и так. Я вам завсегда говорил, что человек – это восемнадцать фунтов углей, соли известное количество и картофельная мука. И никаких таких лишних характеров у человека не наблюдается.

На этом все дело и кончилось.

А теперь вот, после этого научного факта, другой раз идешь с какой-нибудь девицей, а она, например, чего-нибудь такое вкручивает, мол, что-то у меня сегодня, Василь Василич, настроение грустное. Хризантем, например, хочется.

А я про себя думаю: «Знаю. Вкручивай. Может, белков не хватает или объелась чем-нибудь».

Черт побери, как все просто на свете!

И зачем я об этом узнал? Может, как раз от этого мне теперь жить скучно.

Жулик

Вот опять подходит Рождество. Этот зимний праздник, как его остроумно называют в газетах.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А только этот зимний праздник идеологически мало выдержан, так что много говорить о нем не приходится. Тем более не приходится писать разные святочные рассказы.

И дозвольте, заместо этой невыдержанной продукции, рассказать про один случай, развернувшийся на фоне нашей тяжелой индустрии.

Случай этот даже можно назвать рождественским, потому что произошел он за несколько дней до Рождества. Во время получки жалования за вторую половину декабря.

Так вот я и говорю. Начал народ подходить до кассы. Получать жалование.

Подошла до кассы и наша дневная сторожиха Максимова, Софья Ивановна.

Подошла она до кассы, развернула, конечно, ведомость, и вдруг раздался отчаянный ее крик и вопль.

Кассир, значит, говорит:

– Если, говорит, крики будут продолжаться, то, говорит, я сейчас закрою свою лавочку и не стану деньги выдавать. У меня, говорит, от криков руки трясутся, и я, говорит, могу просчитаться.

Максимова говорит:

– Так что невозможно было не кричать. Я, говорит, еще не получала жалования, а тут, говорит, в моей клетке уже какая-то бродяга рукой расписалась.

Кассир говорит:

– Тогда отходи в сторону. Я, говорит, тебе не могу вторично кредиты открывать.

Конечное дело, Максимова испугалась. Главное, дело к празднику. Покупать надо. А тут такое препятствие.

Подняла, конечно, Максимова ураганный крик.

– Это, кричит, ну форменное недоразумение. Я, говорит, не получала еще денег.

Начал кассир ведомость глядеть.

– Нету, говорит, никакого недоразумения. И подпись, говорит, правильная – Максимова. Отходи в сторону.

Тут Максимова обратно подняла ураганный крик.

– Это, говорит, жульничество. Я, говорит, если хотите знать, неграмотная, и хотя фамилию в ведомости находить умею, но, говорит, писать совершенно не знаю. И, говорит, в силу этого не могла свою фамилию выводить.

Тут народ начал подтверждать, дескать, Максимова действительно неграмотная бабочка и пуцай выдадут ей, чего полагается.

Кассир говорит:

– Это, говорит, ну чистое безобразие. Каждый месяц ктой-то упражняется и получает на разные имена. Пуцай заведующий согласится, и тогда я выдам. Мое дело десятое.

Заведующий не был бюрократом. Он посмотрел ведомость и говорит:

– Выдать.

Тут Максимовой и выдали два новеньких червонца, две трешки и медный пятак.

Максимова просияла и домой пошла.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А народ у кассы долго смеялся.

– Вот, говорит, довольно редкий случай, когда неграмотность пригодилась.

А жулика, между прочим, так и не нашли.

Неприятная история

Это было давно. Кажись, что в 1924 году. Одним словом, когда нэп развернулся во всем своем пышном объеме.

Нэп-то, можно сказать, ни при чем. А тут просто говорится про одну смешную московскую историю.

Эта история развернулась на почве страха перед некоторыми обстоятельствами. Ну да сами увидите, в чем дело.

Так вот, произошло это событие в Москве. Как раз на квартире Зусева, Егор Митрофановича. Может, знаете такого московского товарища. Лицо свободной профессии.

Он как-то в субботу у себя вечеринку устроил. Без всякой причины. Просто так, слегка повеселиться.

Народ собрался, конечно, молодой, горячий. Все, так сказать, молодые, начинающие умы.

И не успели, можно сказать, собраться, как сразу у них энергичные споры поднялись, разговоры, дискуссии.

И как-то так случилось, что разговор вскоре перекинулся на крупные политические события.

Один гость что-то сказал насчет книжки товарища Троцкого. Другой поддержал. Третий говорит: это вообще троцкизм.

Четвертый говорит:

– Да, говорит, это так, но, может быть, и не так. И вообще, говорит, еще неизвестно, как товарищ Троцкий понимает это слово – троцкизм.

Вдруг один из гостей – женщина, товарищ Анна Сидорова, побледнела и говорит:

– Товарищи! Давайте сейчас позвоним товарищу Троцкому, а? И спросим его.

Тут среди гостей тишина наступила. Все в одно мгновение посмотрели на телефон.

Товарищ Сидорова побледнела еще сильнее и говорит:

– Вызовем, например, Кремль... Попросим к аппарату товарища Льва Троцкого и чего-нибудь его спросим.

Поднялись крики, гул.

– Верно, говорят... В самом деле... Правильно!.. Позвоним и спросим... Дескать, так и так, Лев Давидович...

Тут один энергичный товарищ, Митрохин, подходит к аппарату твердой походкой и говорит:

– Я сейчас вызову.

Снимает трубку и говорит:

– Будьте любезны... Кремль...

Гости затаили дыхание и встали полукругом у аппарата. Товарищ Анна Сидорова сделалась совсем белая, как бумага, и пошла на кухню освежиться.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Жильцы, конечно, со всей квартиры собрались в комнату. Явилась и квартирная хозяйка, на имя которой записана была квартира, – Дарья Васильевна Пилатова. Она остановилась у дверей и с тоской глядела, как разворачиваются события.

А события разворачивались с ужасной быстротой.

Энергичный товарищ Митрохин говорит:

– Будьте любезны попросить к телефону товарища Троцкого... Что?..

И вдруг гости видят, что товарищ Митрохин переменился в лице, обвел блуждающим взором всех собравшихся, зажал телефонную трубку между колен, чтоб не слышать было, и говорит шепотом:

– Чего сказать?.. Спрашивают – по какому делу? Откуда говорят?.. Секретарь, должно быть...

Тут общество несколько шарахнулось от телефона.

Кто-то сказал:

– Говори: из редакции... Из «Правды»... Да говори же, подлец этакий...

– Из «Правды»... – глухо сказал Митрохин. – Что-с? Вообще насчет статьи.

Кто-то сказал:

– Завели волынку. Теперь расхлебывайте. Погодите, будут неприятности.

Квартирная хозяйка Дарья Васильевна Пилатова, на чье благородное имя записана была квартира, покачнулась на своем месте и сказала:

– Ой, тошнехонько! Зарезали меня, подлецы. Что теперь будет? Вешайте трубку! Вешайте в моей квартире трубку! Я не позволю в моей квартире с вождями разговаривать...

Товарищ Митрохин обвел тоскливым взглядом общество и повесил трубку.

И снова в комнате наступила отчаянная тишина.

Некоторые из гостей тихонько встали и пошли по домам.

Оставшееся общество минут пять сидело в неподвижности.

И вдруг раздался телефонный звонок.

Сам хозяин Зусев подошел к аппарату и с мрачной решимостью снял трубку.

И стал слушать. И вдруг глаза у него стали круглые и лоб покрылся потом. И телефонная трубка захлопала по уху.

В трубке гремел голос:

– Кто вызывал товарища Троцкого? По какому делу?

– Ошибка-с, – сказал Зусев... – Никто не вызывал. Извиняюсь...

– Никакой нет ошибки! Звонили от вас.

Гости стали выходить в прихожую. И, стараясь не глядеть друг на друга, молча одевались и выходили на улицу.

И никто не догадался, что этот звонок был шуточный.

Узнали об этом только на другой день. Один из гостей сам признался. Он вышел из комнаты сразу после первого разговора и позвонил из телефонной будки.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Товарищ Зусев с ним поссорился. И даже хотел набить ему морду.

Не все потеряно
Очень даже удивительно, как это некоторым людям жить не нравится.

Кругом, можно сказать, происходят разные занимательные факты, происходит борьба, развертываются какие-нибудь там события, происшествия, кражи.

Кругом, можно сказать, природа щедрой рукой раздает свои бесплатные блага.
Светит солнышко, трава растет, муравьи ползают.

И тут же наряду с этим находятся меланхолики, которые насчет всего этого скулят и ничего выдающегося в этом не видят и вообще не знают, как им прожить на этом белом свете.

Они не знают, как прожить на этом свете и чем, значит, им заняться, или, может быть, им нечем заняться и, может быть, выгодней нырнуть хотя бы в ту же реку Фонтанку.

Конечно, эти люди – по большей части дряблые меланхолики и беспочвенные интеллигенты, утомленные своим средним образованием. Они и раньше, при всяком режиме, разводили свою меланхолию. Так что особенно уж сваливать вину на текущие события не приходится.

И дозволейте заместо этой голой философии рассказать про одного такого утомленного человека. О том, как он перестал грустить и вроде как бы отыскал настоящий смысл. Факт абсолютно правильный и достойный всеобщего внимания.

Одним словом, этот рассказ особо полезно прочитать интеллигентным людям, которые к сорока годам не знают еще, в чем, так сказать, цель жизни. Пуцай они будут спокойны, еще не все потеряно на ихнем житейском фронте.

А жил в нашем доме, на Васильевском острове, довольно-таки дряблый бездетный интеллигент Иннокентий Иванович Баринов со своей супругой.

Супруга его была дамочка, как бы сказать, менее беспочвенная. Она круглые дни занималась с кошкой, выводила ее гулять, кормила печенкой и по этой причине особой безвыходной тоски не испытывала.

Иннокентий же Иванович кошки не понимал и не находил в ней особого счастья. Он целые дни ходил вверх и вниз по лестнице или, знаете, стоял у дома и довольно скучным взором глядел, чего вокруг него делается.

Это был форменный меланхолик. И простой, пролетарской душе глядеть на него было то есть совершенно, абсолютно невыносимо.

Он выпивать не любил, физкультурой не занимался и на общих собраниях под общий смех говорил все неактуальные вещи: дескать, например, мусор во дворе пахнет – нету возможности окно открыть на две, видите ли, половинки.

Я говорю, простому рабочему человеку не было удовольствия глядеть на такого жильца и квартиранта.

А раз однажды спускается этот наш квартирант со своего этажа. Спускается он со своего этажа, и подходит к нему тут же, на лестнице, наш председатель и говорит:

– Так что, говорит, как вам известно, средний флигель угрожает падением, и по случаю этого стихийного бедствия предвидятся некоторые перемены.

– Какие, говорит, перемены?

– Перемены, говорит, обыкновенно какие: комиссия выселяет жильцов по разным другим квартирам. Комната у вас большая, опять же кухня, и придется вам потесниться по причине такого бедствия.

Одним словом, объяснил, что вселяют ему в квартиру двух жильцов со среднего флигеля.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Иннокентий Иванович говорит:

– Я на это не соглашусь. Я, говорит, с самого начала революции проживаю в этой квартире и не позволю, говорит, производить над собой разные эксперименты.

Председатель говорит:

– Так что особого дозволения у вас не спросим. Нам, говорит, это ваше дозволение не обязательно.

Тут Иннокентий Иванович ужасно изменился в лице, начал хвататься за председателя. Просить его и умолять.

– Я, говорит, больной и нездоровый интеллигентный человек, и мне, говорит, нипочем невозможно слушать в своей квартире посторонний шум и разные разговоры. Я, говорит, сам едва-едва проживаю вместе со своей супругой. А если, говорит, еще добавить две-три персоны, то, говорит, за последствия не ручаюсь.

Председатель говорит:

– В крайнем случае болезни мне ваши неизвестны, и вы, говорит, напрасно за меня хватаетесь. А если, говорит, вы такой чересчур интеллигентный человек, то представьте удостоверение, в силу чего вам полагается отдельная площадь.

Очень горячо ухватился за эти слова Иннокентий Иванович.

Кинулся он наверх, в свою квартиру. Надел поскорее прорезиненное свое пальто и побежал узнавать, как и что, и где ему раздобыть свидетельство, и на какую комиссию ему податься.

Кинулся Иннокентий Иванович по этим неотложным делам и впопыхах, от полного расстройств чувств, позабыл закрыть свою квартиру.

А надо сказать, что супруга его в это беспокойное время где-то прогуливала свою кошечку и никак не предполагала, что течение ихней жизни несколько изменится.

Или Иннокентий Иванович совершенно не прихлопнул дверь и она, так сказать, навела на определенные мысли проходящих граждан, или кто-нибудь проследил движение обстоятельств, только, одним словом, эту квартиру в ударном порядке обчистили. И не так чтобы очень сильно обчистили, но все же кой-какие вещицы вынесли.

Очень ужасный крик подняла мадам Барина, вернувшись назад со своей кошечкой.

Весь дом сбежался на этот дамский крик.

Начали соседи брызгать водой в мадам Баринину. Начали ее приводить в христианский вид. Начали успокаивать и подсчитывать ее убытки.

Определенно не хватало осеннего пальто, бинокля, калош и еще разного другого семейного инвентаря.

И вот в это время является Иннокентий Иванович после успешного окончания своих дел.

Надо сказать, он довольно геройски перенес эту кошмарную драму.

Он в первую голову разогнал из своей квартиры собравшихся жильцов, чтоб они, так сказать, под горячую руку не вынесли остальное имущество. Затем, не снимая своего международного пальто, побежал делать заявление в уголовный розыск.

Весь следующий день Иннокентий Иванович бегал по своим делам: дважды заявлялся в угрозыск, ходил по рынкам и, так сказать, глядел, не поступили ли в продажу его унесенные вещи.

Следующие дни Иннокентий Иванович также не присел. Он ходил на комиссию, хлопотал, чтоб прислали ищейку, и дежурил на рынках.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
В довершение всего на девятый день Иннокентий Иванович, мотаясь по своим делам, ссыпался с лестницы и вывихнул себе правую руку.

Он мужественно перенес и это испытание. Еще лежа на лестнице, он твердым голосом командовал и отдавал приказания. Он велел вызвать карету скорой помощи и поехал в больницу с полным сознанием исполненного долга.

А через несколько дней Иннокентий Иванович со своей забинтованной ручкой снова принялся за свои срочные дела.

Утром он ходил по своим делам, днем ездил в больницу – массировать свою ручку, и вечером, в кругу своих знакомых и родственников, Иннокентий Иванович отчитывался, так сказать, за истекшие сутки.

И этот человек, этот беспочвенный интеллигент, в короткое время сильно переменялся.

Раньше морда у него была грустная, кожа бледная и прыщеватая, а сейчас кровь заиграла на его лице и привились разные бодрые жесты и движения.

Он форменно воспрянул духом и весь превратился в энергичного, достойного гражданина.

Конечно, нельзя сказать, будет ли у него такая душевная смелость на всю жизнь. Но, может быть, и на всю жизнь. Смотря как обернутся его дела. Может быть, председатель в суд на него подаст за неплатеж. А там, может, угрозыск снова вызовет его по поводу похищенных вещей. А там, может, бегая по своим делам, Иннокентий Иванович снова сломает еще одну ручку или вывихнет ногу. И, может, помрет счастливый, в полном довольстве. И, помирая, будет думать о своих делах, которые наполнили ему жизнь, и о той борьбе, которую он с честью вынес на своих плечах.

Недаром в свое время товарищ Буденный воскликнул: «И вся-то наша жизнь есть борьба».

Семейный купорос

Тут недавно поругалась одна наша жиличка со своим фактическим супругом.

Безусловно, у них каждую неделю какой-нибудь семейный купорос случался, но это превзошло ожидание. Они, сукины дети, начали вещами кидаться.

Он в нее самоварным крантиком кинулся. А самовар, знаете, потек. Она рассердилась – и в него блюдечком. А он осколок подобрал от этого разбитого блюдечка и нарочно ковырнул этим осколком свою потертую личность. И орет: дескать, произошло зверское мужеубийство.

Но она, то есть его супруга, Катюша Белова, оказалась более сознательная.

– Ах так! – говорит.

Ну, одним словом, сами понимаете, что она говорит.

– Я, говорит, может, сейчас же перестану с тобой жить. Вот сейчас же, говорит, соберу свое имущество и тогда кидайте крантики в своих соседей, а с меня довольно.

Он говорит:

– Ах, говорит, скажите как напужали. Пожалуйста, говорит. Чище воздух будет.

Тут у них снова произошло некоторое оживление, так сказать, небольшая стычка семейного характера. После чего Катя собрала свои вещички. Завернула их в простыню. Плюнула в своего фактического подлеца. И пошла себе.

Она пошла до своей родной матери. До своей мамы. А ее мама не слишком обрадовалась прибытию. Одним словом, не прыгала вокруг своей дочки.

– Так что, говорит, я сама угловая жиличка, и, говорит, как вам известно, у меня

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
нету комнатных излишков.

Катя говорит:

– Так что я всего, может, на пару дней, до приискания комнаты.

Старушка не проявила идеологического шатания в этом вопросе.

– Знаем, говорит. Другие, говорит, по шестьдесят лет ищут комнаты и находить не могут, а ты, говорит, нашлась какая веселая.

Ну, дочка видит, что мама склокой занимается, положила узел в углу и пошла до своей подруги.

У ней подруга была – Тося.

Тося говорит:

– Очень, говорит, я тебе сочувствую. Можешь, говорит, рассчитывать на мою моральную поддержку, но, говорит, я сама с мужем проживаю в одной небольшой комнатке, так что рассуждения излишни.

Тогда побегла Катюшка еще до одной знакомой дамы, но ничего такого не получилось.

А уже вечер приближается. Надо куда-нибудь деться. Не на юге.

Побегла Катя еще в одно место. После зашла в гостиницу бывшую «Модерн». В «Модерне» ей говорят:

– Так что у нас допускают только приезжающих. А то, говорят, процветает разврат. А вот, говорят, если б вы жили, для примера, в Москве, то, говорят, мы охотно допустили бы вас как приезжую, а так, говорят, извиняемся.

Тогда еще немного походила по улицам Катюшка и пошла тихими шагами к своему потухшему семейному очагу.

Ее фактический муж говорит:

– Ага, вернулись! Ножки-то, говорит, извиняюсь, не промочили ли, трепавшись по улицам?

После чего, слегка поругавшись, они отужинали и легли спать.

А она видела во сне, будто кто-то ей сказал, что где-то сдается комната.

А вообще, квартирный вопрос несомненно укрепляет семейную жизнь.

Некоторые товарищи говорят, будто семейные устои шатаются, будто разводы часты и так далее. Нет, это неверно!

Брак сейчас довольно крепкий. Крепковатый.

Заграничная история

Тут меня познакомили с одной девицей. Она сама, знаете, с Риги. А сюда только приезжает до своей родственницы, до тети Фени.

Или она ей племянница, или наоборот, я не знаю. Только какое-то родство у них наблюдается. Тем более что она, молодая барышня, раза два-три в год обязательно приезжает повидаться.

А про нее нельзя сказать, что она хорошенькая, но очень уж, знаете, одета она великолепно. Может, какой-нибудь американский нэпман и то навряд ли способен так пышно одевать свою супругу.

Как раз меня с ней познакомили в день ее приезда. Это ахнуть надо от удивленья. Пальтецо какое-то роскошное кикапу. В ручках особая меховая муфта. На плечах обратно меховая накидка. Шляпочка – я те дам. И на груди разные дорогие бусы.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Конечно, на богатство мне наплевать. Я и сам рублей девяносто в месяц огребаю. Но уж очень ослепительная форма одежды меня заинтересовала. Тем более знаю, тетя Феня дамочка, так сказать, безлошадная и ни черта не имеет.

Однако расспрашивать ничего не стал, а попрощался с ними за ручку и отбыл.

И прошло, может, недели полторы. И прохожу я по улице. Даже, знаете, не по улице. А иду я около вокзала. Я иду на вокзал. Мне надо «Вечерку» купить.

Иду на вокзал купить «Вечерку». Вдруг перед вокзалом останавливается извозчик, и выходят с него с багажом две невысокие дамочки. Выходят две дамочки, меня не окликивают, а идут по своим делам.

А я в эту минуту случайно поворачиваю голову, у меня зачесалась шея, и вижу эти как будто знакомые личности. И действительно, вижу тети Фенино мурло и при ней племянница.

Поглядел я на эту племянницу и своим глазам не верю – до того одета бедно. Муфточки не имеется. Пальто совершенно неинтересное. И сапожонки драные. Это обалдеть можно, какая резкая перемена!

Тетя Феня говорит:

– А, говорит, и вы тут! А сегодня Манечка в Ригу едет.

После, как проводили эту Манечку, тетя Феня говорит:

– Чего глазами моргаете? В крайнем случае и нам кормиться надо. Сюда Манечка едет в хорошем, а обратно надевает чего похуже. Удивляться не приходится.

Ничего я на это ей не сказал, только говорю:

– Ах ты, черт тебя побери!

Необыкновенная история

Не знаю, как в других городах, а у нас, в Ленинграде, беспартийные очень в громадном почете.

У нас беспартийных очень берегут, лелеют и даже поручают им разные ответственные партийные дела.

Не знаю, как в других городах, а у нас беспартийные иной раз даже партийных чистят. Ей-богу!

Недавно у нас один беспартийный председателем был на партийной чистке. И ничего.

Это было как раз, когда ветеринарно-фельдшерскую школу чистили.

Действительно, ее очень спешно чистили. С одной стороны, надо ребятам в лагерь ехать, а с другой стороны – чистка.

Тогда некоторые говорят:

– Придется, безусловно, в две комиссии чистить. Пушай будет две комиссии и два председателя. Оно, может, побыстрее пойдет.

И вот, конечно, организовали вторую комиссию. Остановка только за председателем.

Тогда первый председатель, один известный товарищ, бежит до телефона и вызывает с одного учреждения назначенного партийного товарища. Он вызывает этого партийного товарища и просит его в ударном порядке бросить всякие мирные дела и приехать.

Тут, конечно, происходит такая небольшая неувязка.

Заместо одного товарища вызывают как раз другого. Или председатель запарился и не те звуки стал произносить, или который вызывал – ошибся. Только требуют до

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
телефона одного беспартийного товарища.

Фамилия партийного товарища была что-то вроде Миллер, а беспартийного – вроде Швиллер. Одним словом, фамилии, безусловно, похожи. Ну, дело не в фамилии, а в факте.

И вот подводят к телефону этого беспартийного Швиллера и говорят ему разные высокие ответственные слова. Дескать, будьте добры, пятое-десятое, приезжайте чистить и так далее.

Очень тут беспартийный товарищ Швиллер поначалу оробел и забеспокоился от таких слов, начал отмахиваться, начал он за других хвататься. Дескать, как это понять – меня на чистку вызывают?

Другие говорят:

– Надо, безусловно, ехать, раз вызывают. Может, такая инструкция есть, чтобы беспартийные чистили. Поезжайте с богом.

Вот, значит, наш Швиллер, или – как его – Швильдер, почистил ботинки и со скорбящей душой заспешил на ответственное дело.

Ну, приезжает. Скромно здоровается. А ему стулья подвигают, чернильницу напротив его ставят и разные ответственные слова говорят:

– Будьте, говорят, любезны и так далее – примите председательствование.

Наш голубчик, конечно, руками делает отвороты, дескать, ну, как это можно? Разве я смею? Не извольте беспокоиться – я и так посижу. И вообще, говорит, я извиняюсь, – не только председателем, а я, говорит, и на собраниях-то никогда раньше не бывал. Не смешите меня!

Ну, на него поглядели – дескать, уставший товарищ отнекивается, и... начали чистку.

А надо сказать, что перед этим была совершенно непонятная ситуация.

Первый председатель отлично знал этого беспартийного. Он с ним поздоровался за ручку, угостил папироской и не обратил внимания на такое странное появление. Одним словом, в спешке запарился.

И вот, не знаю, как в других городах, но у нас, в Ленинграде, беспартийный товарищ присел за стол, и началась чистка.

Полтора часа самосильно чистили. В конце концов наш беспартийный осмелел и тоже начал разные гордые слова произносить. Только вдруг является настоящий партийный товарищ, и все, конечно, разъясняется.

Тут встает со своего почетного места наш беспартийный голубчик и скромно уходит без лишних слов.

– До свидания, говорит, я пойду!

Теперь эту чистку признали недействительной. И мы с этим совершенного есть, согласны. Хотя нам и жалко которых чистили.

Шлем привет беспартийному бойцу.

Честное дело

Вот некоторые, конечно, специалистов поругивают – дескать, это вредители, спецы и так далее.

А я, например, особенно худых специалистов не видел. Не приходилось.

Наоборот, которых встречал, все были такие милые, особенные.

Как, например, этим летом.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
У нас из коммунальной квартиры выехала на дачу одна семья. Папа, мама и ихнее чадо.

Ну выехали. Заперли на всячий замок свою комнатенку. Один ключ себе взяли, а другой, конечно, соседке отдали – мало ли чего случится. И отбыли.

А надо сказать, был у них в комнате инструмент – рояль. Ну обыкновенное пианино. Они его брали напрокат от Музпреда.

Брали они напрокат этот рояль для цели обучения своего оболтуса, который действительно бил по роялю со всей своей детской изворотливостью.

И вот наступает лето – надо оболтуса на дачу везти.

И, конечно, знаете, повезли.

А этот рояль, или – проще скажем – пианино, заперли в комнате с разными другими вещами и отбыли. Отдыхают они себе на даче. Вдруг, значит, является на ихнюю городскую квартиру специалист – настройщик роялей, присланный, конечно, своим учреждением.

Конечно, соседка ему говорит: мол, сами уехавши до осени, рояль заперли и, безусловно, его настраивать не приходится.

Настройщик говорит:

– Это не мое постороннее дело – входить в психологию отъезжающих. Раз, говорит, у меня на руках наряд, то я и должен этот наряд произвести, чтоб меня не согнали с места службы, как шахтинца или вредителя.

И, значит, открыла ему дверь; он пиджачок скинул и начал разбирать это пианино, развинчивая всякие гаечки, штучки и гвоздики. Развинтил и начал свою какофонию. Часа два или три, как больной, определял разные звуки и мурыжил соседей. После расписались в его путевке, он очень просветлел, попрощался и отбыл.

Только проходит месяц – снова является.

– Ну как, говорит, мой рояль?

– Да ничего, говорят, стоит.

– Ну, говорит, я еще беспрременно должен его настроить. У нас раз в месяц настраивают. Такой порядок.

Начали его жильцы уговаривать и урезонивать – мол, не надо. Комнатка, дескать, заперта. Рояль еще два месяца будет стоять без движения. К чему такие лишние траты производить!

Уперся на своем.

– У меня, говорит, наряд на руках. Не просите. Не могу.

Ну, опять развинтил рояль. Опять часа два назад свинчивал. Бренчал и звучал и на брюхе под рояль ползал.

После попрощался и ушел, утомленный тяжелой специальностью.

На днях он в третий раз приперся.

– Ну как, говорит, не приехавши?

– Нет, говорят, на даче отдыхают!

– Ну так я еще поднастрою. Приедут – очень великолепно звучать им будет.

И хотя ему объясняли и даже один наиболее горячий жилец хотел ему морду наколотить за потусторонние звуки, однако он дорвался до своего рояля и снова начал свои научные изыскания.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Сделал свое честное дело и ушел на своих интеллигентных ножках.

Мерси

В этом году население еще немножко потеснилось.

С одной стороны, конечно, нэпманы за город выехали во избежание разных крупных недоразумений и под влиянием декрета. С другой стороны, население само уплотнилось, а то в тройном размере платить не каждому интересно.

И, безусловно, уничтожение квартирного института тоже сыграло выдающуюся роль.

Так что этот год очень даже выгодно обернулся в смысле площади.

Если каждый год такая жилплощадь будет освобождаться – это вполне роскошно, это новых домов можно пока что не возводить.

В этом году очень многие пролетарии квартирки и комнатки заимели путем вселения. Вот это хорошо!

Хорошо, да не совсем. Тем более это вселение производят без особого ума. Только бы вселить. А чего, и куда, и к кому – в это, безусловно, не входят.

Действительно верно, особенно входить не приходится в силу такого острого кризиса.

Но, конечно, хотелось бы, если нельзя сейчас, то в дальнейшем иметь некоторую точность при вселении. Или гарантию, что, скажем, к тихому человеку не вселяли бы трубача или танцора, который прыгает, как бешеный дурак, до потолка и трясет квартиру.

Или бы так. Научных секретарей вселять, скажем, к научным секретарям. Академиков, прошедших чистку аппарата, – к академикам. Зубных врачей – к зубным врачам. Которые на флейте свистят, опять же к своим ребятам – вали свисти вместе.

Ну, конечно, если нельзя иметь такую точность при вселении, то и не надо. Пушай бы по главным признакам вселяли. Которые люди умственного труда и которые любят по ночам книжки перелистывать – вали к своим ночным труженикам.

Другие – к другим. Третьи – к третьим.

Вот тогда бы жизнь засияла. А то сейчас очень другой раз обидно получается. Как, например, такой факт с одним нашим знакомым. Он вообще рабочий. Текстильщик. Он фамилию свою просил не употреблять. Про факт велел рассказать, а фамилию не дозволил трогать. А то, говорит, меня могут окончательно доконать звуками.

Так что назовем его ну, хотя бы, Захаров.

Его, голубчика, как раз вселили в этом году. Конечно, мерси и спасибо, что вселили, а то он у своих родственников проживал. А только это вселение ему боком вышло.

Был это славный гражданин и хотя, конечно, нервный, но довольно порядочного здоровья. А теперича – будьте любезны – невроз сердца и вся кровь выкипела от раздражения.

А главная причина – он в этой квартире не ко двору пришелся.

Эту квартирку как раз интеллигенты населяли. В одной комнате – инженер. В другой, конечно, музыкальный техник – он в кино играет и в ресторанах. В третьей обратно незамужняя женщина с ребенком. В ванной комнате – домашняя работница. Тоже, как назло, вполне интеллигентная особа, бывшая генеральша. Она за ребенком приглядывает. А ночью в ванне проживает. Спит.

Одним словом, куда ни плюнь – интеллигенты. И ихняя жизнь не такая подходящая, как, конечно, хотелось бы.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Для примера, Захаров встает, конечно, не поздно. Он часов в пять встает. Или там в половине пятого. У него такая привычка – пораньше встать. Тем более он на работу встает, не на бал.

А инженер об это время как раз ложится. Или там на часик раньше. И в стенку стучит. Мол, будьте любезны, тихонько двигайтесь на своих каблуках.

Ну, Захаров, конечно, ему объясняет – мол, не на бал он спешит. Мол, он должен помыться, кипяточек себе скипятить и так далее.

И тут, конечно, происходит первая схватка.

Хочет Захаров пойти помыться – в ванной комнате интеллигентная дама спит. Она визг подымает, дискуссии устраивает и так далее.

И, конечно дело, после таких схваток и дебатов человек является на работу не такой свеженький, как следует.

После приходит он обратно домой. Часам, что ли, к пяти. Ну подзаправится. Поглядит газету.

Где бы ему тихонечко полежать, подумать про политику или про качество продукции – опять нельзя.

По левую руку уже имеется музыкальный квинтет. Наш музыкант с оркестра имеет привычку об это время перед сеансом упражняться на своем инструменте. У него флейта. Очень ужасно звонкий инструмент. Он в него дудит, продувает, слюнки выколачивает и после гаммы играет.

Ну выйдет Захаров во двор. Посидит часик-другой на тумбочке – душа домой просится.

Придет домой, чайку покушает, а по правую ручку у инженера уже гости колбасятся. В преферанс играют. Или на своей пианоле какой-нибудь собачий вальс листа играют. Или шимми танцуют – наверное, в дни получек.

Глядишь, и вечерок незаметно прошел. Дело к ночи. И хотя, конечно, ночью они остерегаются шуметь, а то можно и в милицию, но все-таки полного спокойствия нету. Двигаются. За паркет ножками цепляются. И так далее.

Только разошлись – музыкант с ресторана или с вечеринки заявляется. Кладет свой инструмент на комод. С женой ругается.

Только он поругался и затих – инженер задвигался: почитал, видите ли, и спать ложится.

Только он лег спать – Захарову вставать надо.

Только Захаров встал – инженер расстраивается, в стенку ударяет, не велит на каблуках вращаться.

Только в ванную пошел – визг и крики, – мол, зачем брызги падают. И так далее, и так далее.

И, конечно, от всего этого работа страдает: ситчик, сами видите, другой раз какой редкий и неинтересный бывает – это, наверное, Захаров производит. И как ему другой произвести – ножки гнутся, ручки трясутся и печенка от огорчения пухнет.

Вот я и говорю: ученых секретарей надо к ученым секретарям, зубных врачей к зубным врачам и так далее.

А которые на флейте свистят, тех можно за городом поселить.

Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске.

Чистая выгода

Скажу вам откровенно: я раньше чуждался самокритики, не особенно ей доверяя.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Я, одним словом, боялся, как бы чего с ней не вышло. Как бы эту нашу тонкую и деликатную классовую прослойку в лице интеллигенции не очень раздражать разными намеками – мол, такой-то – жуликоват, а такой-то – бюрократ, а этот – вообще сукин сын.

Я думал – как бы этим не разбередить ихние раны. А то прочтут утром, чего про них напечатано, и работать будут уже не с таким энтузиазмом, как раньше.

Тем более это люди с психологией. Они, я думал, сразу загрустят по прежней спокойной жизни.

Но теперь вижу обратный ход действия.

Слов нет, некоторые, конечно, обижаются, ежатся под горячими словами, но, между прочим, чистая выгода уже наблюдается.

Для примера такой факт. Проживает в нашем доме один такой гражданин. Такой, ну, черт его дери, вообще гражданин Ф. Полную фамилию его трогать не будем. А то, конечно, петушиться будет. Или какую-нибудь пакость состряпает. Или моего ребенка с лестницы спихнет.

Но не в этом суть. Так я говорю – проживает в нашем доме такой гражданин Ф. И надо сказать – он у нас в доме вроде как барометр. Чего в политике делается, то он на себе и отражает. И после всякого декрета в лепешку разбивается. Старается на чем-нибудь не пострадать. Бывают такие пугливые интеллигенты с нежной конституцией.

И когда, например, нэп вводили, он первый колбасился и всем советовал магазины открывать.

В голодные годы он тоже не отставал от века – ездил куда-то с мешками и фабриковал детские продовольственные карточки.

Во время зажима самокритики он жил себе, как обыкновенный гражданин. Ходил вообще на работу, кушал, чего выдавала кооперация, газеты читал.

А тут глядим – чересчур изменился человек. После того как велено энергично ввести самокритику – нельзя было узнать нашего Федотова.

Очень он закопошился. И вся квартира у него закопошилась.

В первую голову, видим, бежит его мадам Федотиха на своих ножках.

Что? Куда? Почему такая спешка? Она, видите ли, бежит на своих ножках няньку поскорей зарегистрировать. А то у ней была взята нянька до ее малютки, так она была без регистрации.

Побежала мадам в соцстрах, а наряду с этим в квартире происходят хлопоты. Один молодой вузовец вселяется как ихний родственник. Уплотняет ихнюю квартиру.

Что? Почему такое? Зачем такие действия?

Соседи говорят:

– Это у них было маленько площади зажулено, так они теперича боятся, как бы это не вскрылось под огнем самокритики.

Ну, прописали парня как родственника, и ждем, чего будет дальше.

Только видим – обратно бежит Федотиха на своих ножках. Добегает до своей квартиры и, мало отдохнувши, снова вниз спускается.

И снова поскорей бежит на своих ножках, – ей надо, видите ли, свою собачку отметить и налог за нее заплатить. У них, видите ли, пудель имеется. Не чистой породы, но вообще пудель. Он тринадцать лет без жетончика бегал, не имея своей регистрации. Так вот надо ему наконец жетончик приобрести, пока не окошел от старости. Тем более к чему жулить, когда можно собачку и честно содержать.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Регистрирует Федотиха собачку, а в это время бежит в домовую контору сам гражданин Ф.

– Ай, говорит, по декрету надо сына в школу отдавать, – ему девятый годик, а я все сроки промигал. Как бы чего не вышло. А то тиснет кто-нибудь в газету – мол, у такого-то сынишка школу не посещает. Еще со службы сгонят.

Ну, дали ему справку, что промигал сроки, – успокоился. Только ненадолго. Обрато бежит – узнать, надо ли трехламповый радиоприемник регистрировать или можно на нем зайцем играть.

Побежал регистрировать.

А давеча видим – идет наш гражданин Ф. со своей Федотихой. Под ручку ее ведет. Скажите на милость! То ее чуть багром не отпихивал и предметами в нее кидался, а тут под ручку – мол, вполне честная семейная жизнь, без мордобоя.

Ну, видим – произошли в природе большие сдвиги.

Правда, это, конечно, мелкие мелочи, но если так дальше и глубже пойдет, то, черт подери, пожалуй, в стране скоро ни одного жулика не останется.

Все будут честные, порядочные. Все будут смело друг другу в глаза глядеть и друг на дружку любоваться.

Вот тогда жизнь засияет в полном своем блеске!

Кража

Это было в городе Сарапале. Как раз перед рождественскими праздниками. В конце ноября.

В мануфактурном магазине (ЦРК) засыпался некий парнишка. Фамилия его вроде какой-то иностранной – Мальбандин.

А засыпалась эта мелкая личность по поводу карманной кражи.

Сами понимаете – давка. Очень желательно чего-нибудь хапнуть из кармана своего ближнего.

Вот он и хапнул. Что-то около рубля денег выудил из кармана зазевавшегося гражданина.

Ну, заметили. Схватили. Охи, крики и так далее, чего полагается.

Парнишка Мальбандин хотя и неопытный, а башковитый, – начал реветь. Дескать, жрать охота и форменная безработица.

Вокруг толпа собралась. Которые говорят: раздавить жабу на месте. Которые велят проще: набить харю и отвести с набитой харей в милицию.

А тут здоровый голос раздается:

– Да что вы, братцы, или очумели? Ну, чего он сделал такое? Что он, лошадь угнал или бриллианты истратил?

– Да, говорят, конечно, не бриллианты. Он мелкие деньжаты упер у того гражданина.

– А если, говорит, мелкие деньги, то, говорит, зачем мальчика мучить?! Может, такое впечатление и мордобой на его молодую душу отразится, и он, может, впоследствии через это бандитом будет. Пушай отдаст деньги и катится.

– Это действительно верно, – говорят в толпе, – малец маленько побаловался, а его уж и сгрязчили, и харю хотят ему в кровь разбить. А, может, мы все понемногу виноваты? Может быть, мы все иной раз – жулики. Дать ему двугривенный и отпустить!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Тут действительно мальцу дали двугривенный и отпустили. А дальше у нас, как говорится, на палитре красок не хватает. Пушай сама сарапульская газета дописывает изящным слогом:

«Он возвратил украденные деньги, и... его отпустили с миром. Он продолжал тереться в магазине и в течение этого и последующего дня "почистил" карманы еще четверых граждан и только после этого уже задержан и предается суду».

Эту небольшую поучительную историю мы рассказали не без задней мысли. Хотим, чтоб население слегка одумалось. А то население последнее время легко глядит на разные такие мелкие делишки. Мелкая кража или небольшое зверское убийство вроде как и за преступление не считается.

А, между прочим, жить охота. Да и денег маловато.

Сторож

Один знакомый парнишка рассказал мне эту занятную историю. Только, к сожалению, я позабыл название села, где развернулись все эти события. Не то Кривючи, не то Кривуши. Где-то, одним словом, недалеко от Пскова.

Так вот, была в этом селе церковь «Никола-на-могильцах». Ну, такое у ней было название. Не могу вам объяснить, отчего она так называлась.

И вот при этой церкви «Никола-на-могильцах» находился сторож, некто Морозов.

И вот стало известно во Пскове, что этого сторожа нещадным образом эксплуатируют. Держат его без страховки, без жалованья и без выходных дней. Ну, там, может, кинут ему, как собаке, рубля три в месяц, и живи как хочешь.

Но, между прочим, сам сторож не жаловался. В довершение всего это был религиозный старик и при церкви находился вроде как бы по призванию. Ну, что ли, ему нравилось быть церковным сторожем. Это, что ли, отвечало его религиозным запросам. Однако от этого картина эксплуатации не менялась.

И, значит, отрядили в эту деревню, в это село Кривуши, «легкую кавалерию». Отрядили трех ребят-комсомольцев обследовать, как и чего и верно ли, что сторожу жалованья не платят.

Вот прибыли ребята на село и взяли сторожа в оборот. Мол, как обстоят дела? И небось вам жалованья не платят, поскольку вы не застрахованы. Ну, если это так, то можете с них потребовать за все проработанное время.

Очень от этих слов взволновался старикан.

– То есть, говорит, как позволите понимать ваши слова? Значит, я могу с них деньги потребовать?

– Да, говорят, можете требовать разницу. И если вам, для примера, кидали по пятерке, то можете получить остальное, сколько не хватало до ставки.

– А сколько эта ставка?

– Рублей, наверное, двадцать или восемнадцать.

– И за три года я могу получить?

– Да, говорят, можете. Сколько вам платили?

Тут, значит, у сторожа психология надвое раздвоилась. С одной стороны, очень уж ему захотелось денежонок хапнуть. С другой стороны, как будто бы неловко церковь под удар подводить. Ну, скажи он: трешку платят. И сразу невиданная сумма перейдет в его карман. А с другой стороны – неловко, срамота, религиозное чувство страдает и вообще для церкви непоправимый удар.

Очень стал старикан мучиться, волноваться, бородашку свою зубами кусать. Начал чего-то бормотать, карман наружу выворачивать.

После все-таки деньги перетянули.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Да, говорит, безусловно, какая же от них плата.

Рубля три отвалят, и, значит, цельный месяц кушай кошkin навоз. Они завсегда рады чью-нибудь шкуру содрать.

Кавалерия говорит:

– Очень великолепно! Сейчас составим акт и двинем дело под гору.

Сторож говорит:

– Да уж будьте милостивцы! Пущай с них деньги сдерут. Три года им дарма храм стерег. Неинтересно получается.

Вот кавалерия уехала, и вскоре после этого попу представили иск на двести восемьдесят рублей.

Чего тут было – описать перу нет возможности. Были скандалы, волнения, крики и форменная неразбериха.

Однако делать нечего. Пришлось сторожа застраховать и пришлось ему понемногу выплачивать.

А надо сказать, все это было в аккурат под самую Пасху. Тут, значит, идет разное богослужение, церковный звон, исповедь и тому подобная религиозная волянка. И, значит, наряду с этим такой скандал.

И вот последнюю неделю поста во время исповеди сторож Морозов пришел с измученной душой к попу исповедоваться. И наряду с другими прихожанами стал скромненько в очередь.

Поп, конечно, его увидел, вышел из-за ширмы и так ему говорит:

– Я тебя, Морозов, исповедовать не буду. Отойди с богом в сторону. Ты мне храм начисто разорил, и не будет тебе никакой исповеди и прощения!

Сторож говорит:

– Батюшка, это есть гражданское дело по советским законам, а исповедь есть вроде как религия, и вы не можете мне отказать в этом, поскольку происходит отделение церкви от государства.

Поп говорит:

– Уйди, я тебя не буду исповедовать! Откажись от своих нахальных претензий – и тогда другой разговор.

Очень они тут оба взволновались, начали срамить друг друга. Сторож говорит:

– Ну, не хочешь – не надо. Пес с тобой! И поскольку церковь не одна, то я могу в другой приход сходить. А только мне без исповеди нельзя – меня грехи мучают.

Взял лошадь и поехал за шестнадцать верст.

Теперь получилась такая картина. Сторож Морозов служит при этой церкви. Однако в этом храме он ничего религиозного себе не позволяет. Даже не крестится и демонстративно ходит в шапке.

А молиться и за другими мелкими религиозными делишками ездит в соседний приход. Так, сердечный, и живет, не бросая религию. Пущай его.

Доктор медицины

Это маленькое незаметное происшествие случилось на станции Ряжи.

Там наш поезд остановился. Посыпалась, конечно, публика в вагоны. А среди них, семеня ножками, видим, протискивается один такой немолодой уже гражданин с мешком за плечами.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Это был такой довольно затюканный интеллигентик. Такие у него были усишки висячие, как у Максима Горького. Кожица на лице такая тусклая. Ну, сразу видать, человек незнакомый с физкультурой и вообще, видать, редко посещает общие собрания.

Вот он спешит по платформе к вагону. А на спине у него довольно-таки изрядный мешок болтается. И чего в этом мешке – пока неизвестно. Но поскольку человек спешит из деревенского района, то можно заключить, что в мешке не еловые шишки лежат, а пшеница или там сало, или, скорей всего, мука, поскольку с мешка сыплется именно эта самая продукция.

Помощник дежурного по станции оглядел вверенных ему пассажиров и вдруг видит такой прискорбный факт – мешочник. Вот он мигнул агенту – мол, обратите внимание на этого субъекта. И поскольку в связи с уборкой урожая спекулянты и мешочники закопошились и начали хлеб вывозить, так вот – не угодно ли – опять факт налицо.

Агент дежурному говорит:

– То есть наглость этих господ совершенно не поддается описанию. Каждый день сорок или пятьдесят спекулянтов вывозят отсюда драгоценное зерно. То есть на это больно глядеть.

Тем временем наш интеллигентик, побрякивая, взобрался в вагон со своим товаром. Сел и как ни в чем не бывало засунул свой мешок под лавку. И делает вид, что все спокойно, он, изволите видеть, в Москву едет.

Дежурный агент говорит:

– Позвольте, позвольте, я где-то этого старикана видел. Ну да, говорит, я его тут на прошлой неделе видел. Он, говорит, по платформе колбасился и какие-то мешки и корзинки в вагон нагружал.

Агент говорит:

– Тогда надо у него удостоверение личности потребовать и поглядеть его поклажу.

Вот агент с дежурным по станции вошли в вагон и обращаются до этого интеллигентика: мол, будьте добры, прихватите свой мешочек и будьте любезны за нами следовать.

Пассажир, конечно, побледнел как полотно. Начал чего-то такое лопотать, за свой карманчик хвататься.

– Позвольте, говорит, в чем дело? Я в Москву еду. Вот мои документы. Я есть доктор медицины.

Агент говорит:

– Все мы доктора! Тем не менее, говорит, будьте любезны без лишних рассуждений о высоких материях слезть с вагона и проследовать за нами в дежурную комнату.

Интеллигент говорит:

– Но позвольте, говорит, скорей всего поезд сейчас тронется. Я запоздать могу.

Дежурный по станции говорит:

– Поезд еще не сейчас тронется. Но на этот счет вам не приходится беспокоиться. Тем более у вас скорей всего мало будет шансов ехать именно с этим поездом.

Начал наш пассажир тяжело дышать, за сердечико свое братья, пульс щупать. После видит – надо исполнять приказание. Вынул из-под лавки мешок, нагрузил на свои плечики и последовал за дежурным.

Вот пришли они в дежурную комнату. Агент говорит:

– Не успели, знаете, урожай собрать, как эти форменные гады обратно закопошились

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru и мешками вывозят ценную продукцию. Вот шлепнуть бы, говорит, одного, другого, и тогда это начисто заглохнет. Ну те, говорит, развяжи мешок и покажи, что там у тебя внутри напихано.

Интеллигент говорит:

– Тогда, говорит, сами развязывайте. Я вам не мальчик мешки расшнуровывать. Я, говорит, из деревни еду, и мне, говорит, удивительно глядеть, что вы ко мне прилипаете.

Развязали мешок. Развернули. Видят – поверх всего каравай хлеба лежит. Агент говорит:

– Ах вот, говорит, какой вы есть врач медицины! Врач медицины, а у самого хлеб в мешках понапихан. Очень великолепно! Вытрусите весь мешок!

Вытряхнули из мешка всю продукцию, глядят – ничего такого нету. Вот бельишко, докторские подштанники. Вот пикейное одеяльце. В одеяльце завернут ящик с разными докторскими щипцами, штучками и чертовщинками. Вот еще пара научных книг. И больше ничего.

Оба два администратора начали весьма извиняться. Мол, очень извините и все такое. Сейчас мы вам обратно все в мешок запихаем, и будьте любезны, поезжайте со спокойной совестью.

Доктор медицины говорит:

– Мне, говорит, все это очень оскорбительно. И поскольку я послан с ударной бригадой в колхоз как доктор медицины, то мне, говорит, просто неинтересно видеть, как меня спихивают с вагона чуть не под колесья и роятся в моем гардеробе.

Дежурный, услышав про колхоз и ударную бригаду, прямо даже затрясся всем телом и начал интеллигенту беспрестанно кланяться. Мол, будьте так добры, извините. Прямо это такое печальное недоразумение. Тем более нас мешок ввел в заблуждение.

Доктор говорит:

– Что касается мешка, то мне, говорит, его крестьяне дали, поскольку моя жена, другой врач медицины, выехала из колхоза в Москву с чемоданом, а меня, говорит, еще на неделю задержали по случаю эпидемии острожелудочных заболеваний. А жену, говорит, может быть, помните, я на прошлой неделе провожал и помогал ей предметы в вагон носить.

Дежурный говорит:

– Да, да, я чего-то такое вспоминаю.

Тут агент с дежурным поскорее запихали в мешок, чего вытряхнули, сами донесли мешок до вагона, расчистили место интеллигенту, прислонили его к самой стеночке, чтоб он, утомленный событиями, боже сохрани, не ковырнулся во время движения, пожали ему благородную ручку и опять стали сердечно извиняться.

– Прямо, говорят, мы и сами не рады, что вас схватили. Тем более человек едет в колхоз, лечит, беспокоится, лишний месяц задерживается по случаю желудочных заболеваний, а тут наряду с этим такое неосмотрительное канальство с нашей стороны. Очень, говорят, сердечно извините!

Доктор говорит:

– Да уж ладно, чего там! Пуцай только поезд поскорей тронется, а то у меня на вашем полустанке голова закружилась.

Дежурный с агентом почтительно поклонились и вышли из вагона, рассуждая о том, что, конечно, и среди этой классовой прослойки не все сукины дети. А вот многие, не щадя своих знаний, едут во все места и отдают свои научные силы народу.

Вскоре после этого наш поезд тронулся.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Да перед тем как тронуться, дежурный лично смотался на станцию, приволок пару газет и подал их интеллигенту.

– Вот, говорит, почитайте в пути, наверно заскучаете.

И тут раздался свисток, гудок, дежурный с агентом взяли под козырек, и наш поезд самосильно пошел.

Дела и люди

Вчера, черт возьми, я чуть на работу не опоздал.

Главное, я вышел вовремя. Попил чайку. Спускаюсь с лестницы. Гляжу – кошка на окне сидит.

Хотел я этого котенка погладить, но после думаю: еще, черт возьми, опоздаю, если тут разных котов начну гладить.

И не приласкав киску, быстро выхожу во двор.

Выхожу во двор, подхожу к воротам – нельзя пройти. Под воротами яму вырыли. Трубы, что ли, лопнули – ремонтируют.

Народ собрался с двух сторон. И на улице ждут – пойти домой не могут. И во дворе трудящиеся волнуются – не могут поспешать на службу.

Которые яму роют, говорят:

– Через час зароем – не волнуйтесь. А которым такая торопешка – пуцай в яму сигають, мы их будем наверх подавать.

Вот один прыгнул, но измазался, как подлец. Его там в яме, пока наверх подняли, до того в грязи отвозили, что он, выйдя на улицу, снова сиганул в яму и велел опять поднять его во двор – пошел мыться и переодеваться.

Стоящие во дворе начали волноваться.

– Позовите, говорят, председателя. Чего он, сволочь, до восьми часов утра дрыхнет.

Приходит председатель. Обижается.

– Я, говорит, не на жалованьи работаю. Я не нанятой.

Почем я знал, что они поперек всех ворот выроют.

Член коллегии защитников, некто Брыкин, ядовито отвечает:

– Характерный фактик. Обыкновенная история. Это у нас часто. Чего-нибудь делают, а про людей забывают.

Председатель говорит:

– Вы в нашем доме известный нытик-интеллигент.

Другой жилец говорит:

– Вот, для примеру, я не интеллигент, а я тоже могу отметить. Я вчера голый хотел в ванну сесть. У меня колонка топится. Вдруг – здравствуйте, благодарю – воду закрыли. Я голый печку заливал, а то без воды колонка может лопнуть. Меня предупредить нужно, что воду закроете. Это есть чистое безобразие.

Председатель говорит:

– А ну вас! Завсегда с претензиями. А еще пролетарий.

Один, который на улице ожидает, говорит:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – Тогда пропускайте через квартиры, где выход туда и сюда. Чего я буду на вашу яму любоваться.

Председатель говорит:

– Через квартиры – мысль правильная. Но только у нас все квартиры деленые. У которых выход туда, у которых – сюда. А через кооператив заведующий навряд ли согласится столько народу пропустить – ему могут товар разворовать. Тем более что кооператив еще закрыт и откроется в десять.

Тут я не стал выслушивать дальнейшую дискуссию, а через окно подвала кое-как протискался на улицу и поднажал ходу.

На трамвай, конечно, не попал, но рысью дошел до своего учреждения. Только повесил номерок на гвоздик – ящик закрывают.

Ну, отделался легким испугом и трепыханием сердца и всего организма.

После работы возвращаюсь домой. Вижу: очень мило – яму зарыли. Ходить можно.

Поднимаюсь к себе. Хочу суп сварить – воды нету. Ремонтируют.

Взял ведерко, пошел в соседний дом. Нацедил воды. Только прихожу домой, гляжу – вода идет. Тут я сгоряча выплеснул воду в раковину. Гляжу – обратно воды нету. Закрыли. Побежал вниз узнать, как и чего. Да, говорят, пустили для пробы на пять минут, чтоб жильцы водой запаслись.

Я говорю:

– Но ведь надо, черт возьми, людей предупреждать. Почем люди знают, чего вы думаете.

Председатель говорит:

– Нам, знаете, не до людей – у нас работа идет.

Спорить я не стал, сходил еще раз за водой. Сварил суп. Но кушать не стал – аппетит пропал от усталости и огорченья.

Анна на шее

Из любовных историй я вам могу рассказать одну весьма смешную и трогательную историю, любопытную по своей психологической тонкости.

Эта историйка рисует, что ли, некоторый наш недосмотр на одном позабытом участке жизни.

Короче говоря: по-моему, следует давать медали или какие-нибудь там знаки отличия за спасение утопающих. Иначе получается как-то не того. Посудите сами.

А стоял один мой знакомый милиционер на посту. Днем. Как раз, знаете, у Республиканского моста. Там Нева, знаете, течет широким течением. Могучие волны стремятся вдаль. Темные воды расстилаются перед взором.

А напротив, знаете, Зимний дворец во всей своей бывшей красоте. Направо – Петропавловский шпиль. Там – Академия наук. И Зоологический музей – довольно обшарпанное здание. Особенного там внутри, по правде сказать, ничего такого интересного нету. Ну, чучела зверей. Разные бабочки. Ну, разве что мамонт еще любопытен. Страшный, черт, во всей своей бывшей красе.

Так вот, стоит наш милиционер на посту как раз у этого здания. Фамилия милиционера – Сидоренко Михаил.

Вот он стоит на посту во всей своей красоте. Бравый молодец. Красавец и добряк. На очень хорошем счету. И к тому же человек отчаянной храбрости.

В начале-то революции ему было, конечно, лет десять, так что эту храбрость он до сих пор не проявил. Но вскоре, как мы сейчас увидим, проявит ее в полном объеме.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru Вот, значит, стоит он на своем посту. Любуется, может, на монументальные здания, поглядывает на темные невские воды с их державным течением, думает, может быть, сколько там, черт возьми, разной лишней рыбы и черт знает чего в глубине. Вспоминаются ему, может быть, картины крайнего детства, когда он мальчишкой болтался по колено в воде и ловил разных там ершиков, жучков и колюшек.

И вдруг видит – проходит вдоль моста какая-то молоденькая бабешка в черной шляпке.

Милиционер думает: «Какая-то, думает, гражданка идет. Пушай себе, думает, идет».

И не придает этому решительно никакого значения.

«Мало ли, думает, сколько ходит гражданок. На каждую глядеть – глаза заболят».

И отворачивается он в сторону и начинает, может, думать про свои душевные дела. И кто ему нравится. И не жениться ли ему в этом году. Поскольку человек он молодой. На войне не был и здоровье имеет очень великолепное.

Вот, значит, он так думает и вдруг неожиданно видит – эта вышеуказанная гражданка в полной нерешительности берется ручками за перила и вроде как напряженно смотрит в темные воды.

Милиционер думает: «Ого, надо будет посмотреть за этой гражданкой».

Тем более он замечает, что гражданка как-то нервно и панически настроена. Ход у нее мелкий и неровный. И вся она, видать, находится в сильном волнении.

Вот он смотрит на эту гражданку. Хочет к ней подойти, чтоб поговорить об ее душевном и нравственном состоянии. И вдруг с криком замечает, что эта молоденькая еще барышня карабкается на перила и – ах, ужас какой! – сигает вниз, в эти темные воды, откуда возврата нету.

Ах, он моментально замечает все это и вдруг швыряет с себя шапку и расстегивает ремень.

Нет, наш храбрец не нуждается, конечно, в разных там похвалах и наградах и в разных почетных отzyвах и в часах с надписью: «За храбрость». Или там в каком-нибудь серебряном портсигаре.

Настоящая храбрость и мужество, безусловно, выше всех этих корыстных соображений.

Но нам сдается, что за проявленную храбрость и мужество все же надо чего-нибудь давать.

В довоенное время давали чуть не за каждый шаг разные там знаменитую «Анну на шею» или там «Владимира с бантом». И давали там всякие медали с разными словами: «Мерси, благодарю, вот вы какой». И так далее.

В том, конечно, было много вздору, но вот нам сдается, что за спасение плавающих и утопающих непременно надо что-нибудь давать. Это, если разобраться в этом психологически, очень нужно. Иначе получают такие вдруг неожиданные осложнения, которые потом долго надо расхлебывать. Так сказать, глубина человеческой психики мало исследована. И то, чего бывает, вызывает удивление. В общем, по-моему, надо давать.

Так вот, наш милиционер, у которого даже и на минуту не мелькнула мысль о награде, увидя сие ужасное происшествие и гибель молодого цветущего существа, моментально, не теряя присутствия духа и не закричав даже: «Помогите», или «Ах, спасите! Тонет!», или еще чего-нибудь такого, которое обыкновенно кричат малодушные люди, моментально сбрасывает с себя шапку и ремень.

Он моментально сбрасывает с себя куртку, шапку и сапоги и в одних, извиняюсь, брюках с громадной высоты сигает вниз вслед за исчезнувшей гражданкой.

Он сигает вниз, резво разбивает нахлынувшие на него холодные волны и вдруг видит, что гражданка на минуту вынырнула вновь. Она продержится еще две секунды

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru и сейчас пойдет безвозвратно на дно морское.

Она вынырнула на минуту в жалком виде. Шляпка у нее сбилась. Платьце ее облепило. И ротик у нее набит водой.

Она фыркает носиком и жалобно глядит на небо, желая увидеть там чудо и спасение. Но спасение близко.

Наш храбрец резво бьет руками воду и кричит:

– Один момент! Продержитесь!..

И вдруг – вот он берет ее за каштановые волосы и тянет ее к берегу. И она, как кораблик, скользит за ним в обморочном состоянии.

Тут наверху и внизу столпился народ. Все преужасно кричат. Какие-то дураки и болваны бегут зачем-то за кругами, в то время как решительно никаких кругов не надо, поскольку наш герой плавает, как рыба.

Кто-то бежит в музей и вызывает карету скорой помощи.

Какая-то дама торжественно держит в своих руках куртку, шапку и сапоги милиционера и всем кричит:

– Вот-то она – я, – держит белье этого героя.

Милиционер вылезает на сушу со своей ношей. Все их обступают. Кто-то кричит бис и браво. Кто-то трогает за ручку молодую утопленницу и говорит:

– Она вполне живая.

Тут молодая утопленница сама открывает свои серые глазки и глядит на небо.

А на небе сияет солнце. Чудный мир разворачивается. Птицы щебечут о разных свойствах счастья. Где-то летит аэроплан со своим жужжаньем. И в этом полете видно неслыханное мужество людей и желание их жить отлично.

Становится ясно, какое безобразие и какое малодушие так губить свою молодую жизнь, которая может пригодиться для более замечательных дел. Всем это становится ясно. И тогда наступает удивительная тишина, и все ждут, что сейчас скажет молодая утопленница.

Она открывает свои глазки, выплевывает воду изо рта и говорит: «Ох», потом: «Фу».

Потом глядит на милиционера и говорит ему: «Мерси».

Она ему говорит «мерси» и слабым движением ищет его руку, чтоб пожать.

Милиционер говорит: «Что вы, что вы». И тоже выплевывает воду из глубины груди. Потом говорит: «Оу» – и сильно кашляет.

Молодая утопленница говорит «мерси» и бормочет, что она сама не знает, как это вышло.

Какая-то тетка, позабывшая от любопытства все на свете, говорит:

– Кто-нибудь тебя разлюбил или бросил?

Молодая утопленница тихо говорит: «Да».

Тут все видят, что эта молодая женщина родилась в свое время от неврастенических родителей. Почти все видят, что она немножко истеричка и немножко оторвавшаяся от жизни.

Ее спрашивают, где она работает, и она отвечает: «В институте поварского искусства».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Тут вдруг с резким свистом приезжает карета скорой помощи.

Молодую даму берут на руки и сажают внутрь. И тогда все обступают карету.

Милиционер, одевшись в сухое, делает прощальный жест и снова хочет идти стоять на своем боевом посту.

Но всем видно, что он желает еще раз поглядеть на дело своих рук. И тогда все говорят: «Расступитесь, дайте ему подойти».

Он подходит, любовно смотрит на спасенную даму и говорит:

– Пойдите кто-нибудь на посту, я сам провожу эту спасенную гражданку до больницы.

И, сказав так, он садится внутрь.

Все понимают психологию храбреца. Кто-то кидает в восторге шапку и кричит «ура».

Что было дальше, нам в подробностях неизвестно. Только известно, что он довез ее до больницы и велел главному врачу получше о ней заботиться.

Она пролежала там три дня. И три дня наш храбрец посещал ее, говоря, что он ее спас и он желает ее приблизить к жизни.

Но вот она выписалась на сушу, то есть я хотел сказать – домой. И живет себе дома.

Он теряет ее из виду, сердечно горюет от этого и разыскивает ее через адресный стол, зная, что ее зовут Анна Васильевна Теплякова.

Он находит ее и звонит энергично по телефону каждый день, а то и по два раза.

Она через неделю приглашает его к себе. Он ежедневно ее посещает и спрашивает о здоровье, так что она приходит даже в некоторый ужас и содрогание от излишних его забот.

Нет, она не хочет от этого снова броситься в воду. Она терпеливо сносит его посещения и не забывает сказать ему «мерси». Но после ухода она хватается за голову и говорит себе: «Это слишком».

Но тут он вдруг объясняется однажды ей в своих чувствах и говорит, что он ее так любил, как не может мечтать никакая другая женщина.

И он предлагает ей записаться.

Она очень радуется такому обороту дела и моментально выходит за него замуж, говоря, что ее прежняя любовь канула в вечность.

Они поженились и часто вспоминают удивительный день спасения. Причем он любовно смотрит на нее и всем знакомым говорит:

– Еще две секунды – и сию гражданку съели бы рыбы.

На что знакомые отвечают:

– Вы молодец. Поймали Анну Васильевну.

Но в довершение всего она оказалась истеричным существом. Вскоре после брака она стала закатывать ему чудовищные истерики и сцены. Но он покорно все это сносит и говорит, что он сам теряется в догадках, за что он ее так любил, больше жизни.

Так они и сейчас живут. Наш храбрец получил, так сказать, Анну на шею.

Нет, по-моему, если еще и не дают, то надо давать какие-нибудь, хотя бы пустынные, жетоны за спасение плавающих и утопающих. А то что-то получается не того. Не по заслугам.

Плохая жена

Один муж, сильно занятый на службе и перегруженный разными делами, поручил своей жене присмотреть за займами.

У него выигрышных займов было больше как на две тысячи рублей. И вот он все надеялся выиграть. Он любил выпить и с друзьями побеседовать. И этот выигрыш был бы ему крайне необходим.

И вот каково же было его удивление, когда кассир на его работе однажды говорит:

– Поздравляю, Федя, с выигрышем.

Тот удивляется и спрашивает:

– А что такое? Я ничего не знаю. С чем ты мне поздравление делаешь?

Кассир говорит:

– Да как же – ты выиграл тысячу рублей. Вот, говорит, мы тебе эти займы выдавали, и у нас остались в списках твои номера. Я для потехи посмотрел и вижу – ты выиграл. Неужели ты не знаешь? Это уже было с месяц назад.

Вот наш муж рысью побежал домой и дома говорит:

– Где же выигрыш?

Жена очень смущается и говорит:

– Я не знаю. Ничего подобного. Кассир нахально врет.

Тут у них происходит крупный разговор, в результате чего муж ей под конец делает такое замечание:

– Тогда, говорит, мне придется на тебя в товарищеский суд подать за сокрытие выигрышей. И хотя мне даже как-то странно подобные дела выносить на решение жактовской общественности, но тем не менее я это сделаю, чтобы доказать, какая ты есть в наши дни нахальная и вредная жена, не могущая служить примером для нашей современности.

И вот на днях происходит этот товарищеский суд. И все жильцы с их дома присутствуют на этом суде. Поскольку это очень любопытное дело.

Председатель товарищеского суда товарищ Егоров ее спрашивает:

– Ну, как дела?

И она, не зная, какой найти выход, говорит:

– Да, это я выиграла. Признаюсь.

Муж говорит:

– Вот видите теперь, что это за персона. Она утаила выигрыш. И, наверно, что-нибудь на это себе купила.

Председатель говорит:

– Ах да, в самом деле, где же эти деньги?

Жена, не привыкшая стоять перед общественностью, сразу говорит, смутившись:

– Я их отдала.

Муж говорит:

– Посмотрите, она их кому-то отдала. Это прямо интересно становится.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Председатель говорит:

– Кому ж вы и за что их отдали? Это действительно странно.

Жена, смутившись, говорит:

– Я их отдала Володе.

Муж, закачавшись, говорит:

– Боже мой, товарищ Егоров. Это, вероятно, Володька Ньюин. Я их давно подозревал. Это хорошо, что я на нее в суд подал. По крайней мере я теперь кое-что для себя выясняю.

Егоров говорит:

– Суд не входит в ваши интимные отношения. Но поскольку деньги мужа, то зачем же, глупая, вы их отдали? Вот он на вас теперь в суд подал, и вам за это приходится судиться.

Тогда жена отбрасывает всякий ложный стыд и произносит речь.

Она говорит:

– В чем дело? Да, я Ньюину передала эти выигранные деньги. Кто есть мой муж? Он есть, товарищи, любитель выпить. Он – любитель закусить. Он любит посидеть с друзьями... Он есть неудачная фигура на фоне нашей общественной жизни. И я не намерена скрываться – Ньюин мой любовник. И я ему передала выигрыш. Мой супруг все равно бы их пропил, а тут, по крайней мере, что-нибудь да будет.

Муж, снова закачавшись, говорит:

– Лишите ее слова! Мне худо делается.

Судья говорит:

– Не могу же я лишить ее слова – она только что разговорилась. Какой вы странный.

Жена говорит, употребляя демагогический прием:

– Ньюин есть советский изобретатель. Он дважды что-то изобрел. И он изобретает в третий раз музыкальный ящик. И его открытие, он говорит, перевернет и опрокинет всех композиторов и все страны Европы. И как я могла, будучи советской гражданкой, отдать деньги пьянице? Нет, я их лучше отдала человеку с гениальным дарованием.

Муж говорит:

– Отдать тысячу рублей какому-то сопляку! Ой, какая жалость, что товарищеский суд не может ее приговорить на десять лет.

Судья говорит:

– На десять лет ее, конечно, нельзя приговорить. Но я ей хочу задать вопрос. Скажите, гражданка, вот вы Ньюина любите и даете ему такую сумму. А насчет мужа небрежно выражаетесь. А позвольте вас спросить, зачем тогда вы живете с этим мужем? Вот и жили бы себе с этим одаренным Ньюиным.

Жена говорит:

– Видите, так Ньюин ничего не имеет. У него вся дорога впереди. А муж все-таки прилично зарабатывает. И вот, как видите, иногда выигрывает.

Тогда председатель говорит:

– Нам странно слушать такие речи. Это, говорит, позорный взгляд на современность. Жить с этим ради денег, а выигрыш давать другому. Ну, я от вас

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru этого не ожидал. И вас непременно надо к чему-нибудь присудить, поскольку вы глубоко отрицательное явление в нашей жизни.

После чего, посоветовавшись с заседателями, председатель объявил приговор, встреченный аплодисментами: приговорить к общественному порицанию и вернуть мужу половину выигрыша, поскольку вторая половина принадлежит жене и она вправе этим распорядиться.

Жена, услышав этот приговор, говорит:

– Деньги я ему, собаке, верну, но я ему, подождите, тоже пулю завинчу.

И на другой день она в отсутствие мужа продает зеркальный шкаф, принадлежащий ему, и вдобавок его плюшевую оттоманку. И вырученные деньги возвращает мужу.

Она говорит:

– Поскольку мне принадлежит половина предметов, так вот я кое-что и продала из твоих вещей.

Муж, увидев, что проданы по дешевке вещи, служившие украшением его комнаты, пришел в исключительное расстройство. Он пошел к председателю жакта и сказал ему:

– Она мои вещи уже стала продавать. Я с ней разведусь, поскольку я не могу жить с такой арапкой.

Председатель говорит:

– Вот и хорошо.

Через два дня без особых скандалов муж с ней развелся. Но поскольку жена никуда не уехала и нарочно осталась жить в его небольшой комнатке, то получился абсурд, благодаря которому муж от полного расстройства чувств сильно прихворнул.

А что касается изобретателя Ньюшина, то он не довел свое изобретение до конца, а, получив деньги, загулял и благодаря этому поссорился со своей дамой-патронессой – покровительницей изобретателей.

Но она, собственно, недолго расстраивалась и, видя, что она теперь с двух сторон свободна, вступила в связь с одним инженером. Но поскольку инженер был женат, то получился опять абсурд, так как разведенный муж не мог даже теперь выгонять его, когда тот заскакивал в гости к его бывшей половине.

Но тут, к счастью мужа, у которого уже возник невроз сердца, она разошлась со своим инженером и неожиданно вышла замуж за одного провинциального фотографа, который прибыл в Ленинград за фотографическими принадлежностями.

Но тут он ее встретил, влюбился и увез ее с собой в Торжок.

А бывший ее муж до того этому обрадовался, что снова стал здоров и даже перед отъездом подарил ей какой-то красивый расписной коврик, чтобы она совместно со своим дураком фотографом могла уютно обставить свое новое жилище.

Дача Петра Свинцова

Вот какой подлинный случай произошел этим летом в нашем дачном местечке.

Подъезжает к вокзалу шикарный автомобиль. И там сидит какой-то интурист. Это толстый мужчина, лет пятидесяти. Причем одет он ослепительно. Широкое пальто. Очки. И какая-то особая мохнатая кепочка. И вдобавок он держит во рту сигару.

То есть по виду это прямо типичный представитель буржуазных стран.

Вот машина остановилась. И шофер, обернувшись, говорит иностранцу по-русски:

– Тогда, гражданин иностранец, я буду в аккурат вас тут поджидать.

Интурист кивнул ему головой, дескать, ладно. И сам вышел из машины.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И, выйдя на мостовую, оглянулся по сторонам. Потом сделал несколько шагов. Остановился. Потом опять пошел. И снова встал.

И кепочку снял.

И тут все зрители увидели, что этот человек нервничает. Он, как бы сказать, сильно волнуется. Он во все всматривается. И все хочет увидеть. И каждая дачная картинка его трогает.

Тогда одна из местных жительниц, зимогорка Н., не могущая дальше выносить неизвестности, подходит до него и говорит:

– Если вы дачу приехали снимать, то уже июль и все сдано. Или что с вами?

Интурист махнул рукой, дескать, отвяжитесь. И без слов пошел дальше.

Тут несколько человек с зимогоркой вместе обращаются к шоферу. Тот говорит:

– Видите, это один иностранец. У него номер в гостинице «Астория». Сам он, представьте себе, швейцарский подданный, но в смысле своего прошлого он говорит, что он чисто русский. И это его родные места. Он тут жил в свое время, до революции. И тут у него была собственная дача. И он теперь на правах интуриста посетил это дачное местечко. Он захотел взглянуть, где он тут жил в дни своей молодости. И через это его волнение ударяет, и он даже попорол пешком, чтобы насладиться картинами прежних переживаний.

Тогда все, кому это сказал шофер, посмотрели на идущего интуриста.

А он, сняв кепочку, шел теперь по Сосновой улице к самому озеру.

И, дойдя до озера, он остановился, потом взял вправо и вдоль по берегу пошел дальше.

Наверно, он живо держал в своей памяти всю эту местность, если спустя двадцать лет шел и не сомневался.

И вот идет он по-над озером. И вдруг остановился. Растерянно оглянулся. Пошел назад. Потом опять вернулся. И развел руками, как бы говоря: ничего не понимаю.

Тогда зимогорка Н., уже ранее с ним говорившая, снова подходит к нему.

Он ей говорит:

– Вот так номер. Не могу, знаете ли, тетушка, отыскать собственную дачу. Двадцать лет, говорит, я ее во сне видел и каждый день желал на нее взглянуть. А сейчас, когда это совершилось и когда я сюда прибыл в качестве иностранного туриста, – я не могу ее отыскать. А ведь, кажется, я тут до революции прожил целых тринадцать лет. Дважды, говорит, я был тут влюблен в местных дачниц. Каждое деревцо я тут знаю. И весь фасад этой дачи я всегда держал в своем воображении. И, тем не менее, не могу теперь отыскать ее среди всех этих дач.

Зимогорка говорит:

– А скажите: под каким номером шла ваша дача?

Интурист ей говорит:

– Вы, говорит, тетушка, дура не дура, но вроде того. Если б я номер знал, то и сам бы посмотрел. Но я номера не помню. А что касается фамилии, то до революции это была дача владельца Петра Свинцова.

Тут среди собравшихся людей выступил местный житель, зимогор Попов. Он так сказал:

– Теперь, когда вы назвали фамилию, я в вас узнаю бывшего дачевладельца Свинцова. Ваша, говорит, дача стояла в аккурат на этом месте. И вы правильно тут остановились. Но только ваша дача еще в 1925 году сгорела от пожара. И на ее

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
месте построен вот этот домик.

Тут все собравшиеся взглянули в лицо интуриста. Все захотели увидеть, как он перенесет это неприятное известие. Все-таки он так мечтал увидеть свою дачу, с которой было связано столько чудных воспоминаний. И вдруг, здравствуйте, – ее больше нету.

Услышав это известие, интурист покачнулся, ахнул, всплеснул руками и, просиявши, сказал:

– Слава богу!

Зимогор Попов сказал:

– Почему вы так восклицаете?

– Я так восклицаю, – сказал интурист, – потому, что я узнал, что мое добро никому не досталось.

Тогда все растерялись и не знали, что ответить. И только зимогор Попов сказал:

– Напрасно восклицаете. Ваша дача сгорела в 1925 году, но до этого времени она шесть лет была под детскими яслями.

– Что она под детскими яслями, – ответил интурист, – меня это не волнует, но вот если бы сейчас я на этой даче кого-нибудь увидел в качестве владельца, – вот это было бы мне в высшей степени неприятно и тяжело. И я даже не знаю, как бы я перенес этот удар. Но теперь я благодарю судьбу, что мое добро никому не досталось. И это мне такой большой сюрприз, какой я даже и не ожидал получить в своей жизни.

Тогда зимогор Попов, довольно революционно настроенный, так нарочно сказал интуристу:

– Дача ваша сгорела, но вот, кажется, ваше имущество спасли и оттащили опять-таки в другие ясли.

Так он ему сказал и смотрит: не хватит ли того кондрашка.

Интурист помахал на себя кепочкой, как веером, и сказал, вздохнувши:

– Зато дача сгорела. И я, снова счастливый и помолодевший, уезжаю в свою Швейцарию.

Потом, испугавшись, не наговорил ли он лишнего, интурист повернулся на каблуках и быстро, не глядя по сторонам, пошел к вокзалу.

Он дошел до своей машины и, сказав шоферу что-то по-французски, велел ехать.

А зимогорке Н. он, порывшись в карманах, хотел дать какую-нибудь мелочь, но та не взяла и даже хотела позвать милиционера, чтобы обуздать интуриста, прибывшего к нам из другого мира со своими навыками.

Но пока она прикидывала в своем уме, как и что, машина уехала. И на этом дело кончилось.

Науку – на борьбу с шумом!

Если говорить насчет борьбы с шумом, то в первую очередь хочется отметить радио.

По силе звуков радио стоит на первом месте. И только, может быть, выстрелы дают более сильный звук. И то, как говорится, против выстрелов имеется своя наука – баллистика. А против радио научная мысль ходит как слепая.

Слов нет, радио, может быть, – великое открытие, но если в квартире три или четыре громкоговорителя, то, как говорится, благодарю вас за такое открытие.

Главное, досадно, что борьба с шумом началась не с этого открытия. Научная мысль почему-то в первую очередь пошла, так сказать, по трамвайному пути.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Бесшумный трамвай уже выпущен. И он уже курсирует по улицам Ленинграда всем на удивление. Фантазия Уэллса воплотилась, так сказать, в свою действительность.

Но бесшумный трамвай – это, в конце концов, техника плюс, может быть, простая резина или там, говоря научным языком, гуттаперча.

Но что может сделать та же резина против радио, – вот это еще не выясненный вопрос.

Лично я еще в хороших условиях в смысле радио. Некоторые в своих квартирах слышат радио и с улицы, и с верхних, и с нижних этажей, не говоря уже о соседях.

Один мой родственник со стороны жены с научной целью записывает все звуки, какие к нему доносятся со всего дома. Так он, если не врет, слышит у себя шестнадцать радиоаппаратов.

Лично я такого количества не слышу, но два радиоаппарата меня прямо, как говорится, доводят до ручки.

Ну, один сосед со своим аппаратом – еще ничего. Про него нельзя сказать, что это большой любитель радио. Он с работы придет, прослушает детский час. И больше его не слышать. Разве что, находясь под мухой, он поставит там еще минут на пять какое-нибудь пение. Вот вам и вся его радиопрограмма. Это мягкий, гуманный человек. И не дурак выпить. Так ему, как говорится, не до того.

Но другой сосед – это уже что-нибудь особенное. Главное, он не так радио слушает, как он вообще хулиган. Он нарочно подолгу не выключает радио. И даже, идя, например, в баню, оставляет радио звучать.

Но каково было наше удивление плюс возмущение и ненависть, когда он, уехав в отпуск, оставил радио работать на полный ход! Он не выключил его. А свою комнату закрыл, собачий нос, на висячий американский замок и сам, как говорится, преспокойно отбыл на месяц в Крым. Он туда загорать поехал. На южный берег Крыма. А мы, как говорится, должны в его комнате терпеть шум.

Первые два дня мы сразу даже не сообразили наличие подобной забывчивости. Но потом слышим звучание совершенно не в урочное время. И вдруг видим: радио звучит круглые сутки, до того, что у меня шарики в глазах появляться стали.

Тогда я бегу в домоуправление и прошу в конце концов прекратить вышеуказанный шум.

Председатель говорит:

– Да, борьба с шумом идет, не спорю. И это, конечно, непорядочно со стороны жильца шум производить во время отпуска. Но ломать дверь, чтоб туда войти, я не смею без его разрешения.

Тогда мы с другим его соседом делаем складчину и посылаем ему в Крым телеграмму, дескать, забыл, иуда, закрыть радио. Срочно дай согласие сломать дверь с петель.

Но поскольку от нервного раздражения я в последний момент в телеграмме добавил еще несколько язвительных слов, то этот подлец не ответил мне на телеграмму.

Тогда я хотел как-нибудь привыкнуть к этим постоянным звучаниям в его комнате. И к музыке я уже стал понемножку привыкать, но когда какая-то девица-агроном стала из бюро погоды перечислять, где какая температура находится, то я не мог более этого терпеть и выскочил из комнаты, чтоб что-нибудь произвести.

Один жилец мне говорит:

– Вы поднимитесь на крышу и срежьте к черту его антенну. Без антенны редко какое радио может звучать. И через это вы найдете себе душевный покой.

Тогда я, не будучи никогда на крыше и даже не понимая, как туда ходят, с опасностью для жизни влез туда и в аккурат над его окном отломал громадную, как багор, антенну.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Но каково же было мое удивление, когда, спустившись вниз, я снова услышал звуки!

Тогда жилец говорит:

– Вероятно, у него очень сильное радио, что оно без антенны играет. Если хотите, я, говорит, к вам вечером одного подростка подошлю, он в радиомеханике хорошо понимает.

И вот прислал он мне вечером подростка.

Подросток говорит:

– Вы не знаете, какое у него радио?

– Какое радио, – я ему отвечаю, – не знаю, но, наверное, какое-нибудь исключительное, поскольку я антенну отломал, а оно все играет.

Подросток осмотрел все, что полагается, и говорит:

– Вы, говорит, у кого-то другого антенну сломали. За что ждите себе неприятности. А что касается вашего соседа, то у него никакой антенны не должно быть, поскольку у него всего-навсего радиоточка, то есть просто у него идут провода и к ним приставлен громкоговоритель. Если вы хотите, я отрежу в коридоре эти провода, и оно перестанет давать звучание.

Так он и сделал. И музыка сразу прекратилась. И наступила блаженная тишина. И я минут двадцать наслаждался этим в полное свое удовольствие.

Но потом мой другой сосед ни с того ни с сего поставил свое радио, и снова началась чертовщина и завывание.

Тогда, будучи нервно настроенный, я, рассердившись, схватил ножницы, подбежал к его двери и отрезал к черту его провода. Но каково же было мое удивление, когда звучание продолжалось!

И вдруг выпивший сосед выскочил из комнаты с воплем:

– Ты что ж меня, рыбий глаз, оставил в полной темноте. И даже потушил мою печку, на которой варилась каша!

И тут, конечно, начались шум и крики другого порядка, которые еще более досаждают душу и ослабляют кровь.

Жалоба

Многие граждане жалуются, что в настоящее время жаловаться не представляется чем-нибудь легким и что это иной раз связано, что ли, с волокитой.

Но я не разделяю этого мнения. Написать претензию в жалобную книгу – это чистое и святое дело.

На эту претензию сразу и без всякой волокиты отзывается директор или, там, заведующий. И сразу под вашей жалобой он пишет свое умозаключение. И на этом дело заканчивается к общему благополучию. Так что я удивляюсь на тех граждан, которые вякают о волоките.

Другое дело, если жалобщик пожелает обойти этот подводный камень в лице заведующего. Вот если он свою жалобу не запишет в жалобную книгу, а подкинет ее, так сказать, через голову заведующего – вот тогда, конечно, движение жалобы иной раз будет несколько более медленным, чем в другой раз хотелось бы. Не скажу, что будет волокита, но некоторый, что ли, туман может возникнуть.

Со мной, например, случилась в одном кооперативе неприятность. Перед выходным днем я заскочил в кооператив что-нибудь купить в рассуждении ожидаемых гостей.

Куплена была разная дешевенькая снедь, и в том числе соленые огурцы.

Но подавать гостям огурцы – это нерационально. И, купив их, я подумал: «Гости

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
обопьются, и это будет лишняя канитель в хозяйстве».

И тогда я говорю работнику прилавка:

– Купленные огурцы замени мне, милый друг, яблочной повидлой.

Но тот, будучи, наверно, в раздраженном состоянии, отказался это сделать.

Тут мы с ним, как говорится, немножко схлестнулись чисто на словах. В результате чего он обозвал меня размагниченным интеллигентом и потом добавил одно нехорошее слово в ответ на мои слова, что у него печенка лопнет, если он будет сердиться.

Тут произошла неприятная стычка. Он брызнул слегка в меня рассолом. Но не попал. А капнул на одну солидную даму. Я вызвал заведующего, но тот сказал:

– Сам черт не разберет, кто из вас виноват. Вы бы его не сердили, и все было бы хорошо. А если вы против него имеете зуб, то напишите жалобу в этой книге. А я ее разберу.

– Ну нет, говорю, сердечный друг. Я повыше махну! И мы увидим, что будет с этим работником прилавка!

И на другой день я послал свою жалобу в ихнее управление. Захожу туда через неделю. Там говорят:

– Зайдите в районное управление: мы туда вашу жалобу перекинули.

Захожу туда. Там говорят:

– Что ж они перекидкой занимаются? Как будто у нас своих дел мало! Где мы будем ваше заявление искать? Но если вы еще не остыли к этому делу, то напишите нам снова, и мы вашу претензию разберем.

Вот я написал снова и подал им.

Захожу через неделю. Там говорят:

– А мы послали вашу жалобу к заведующему в магазин. Он к этому факту ближе стоит, и пусть он разберет.

С душевным трепетом я иду в магазин. Мне там говорят:

– Заведующего нету. Он, знаете, на прошлой неделе загремел: его сняли за одно нечистоплотное дело.

Я говорю:

– А кто его заменяет?

Вдруг тот же самый приказчик, что со мной схлестнулся, говорит:

– А, честь имею кланяться. Я временно его заменяю.

– Вот так номер!

– Если вы заскочили насчет вашей жалобы, то я согласен дело ваше прекратить. Если, конечно, вы извинитесь за допущенное вами оскорбление на моем посту.

Ошалев от неожиданности, я сказал ему «извините» и в растрепанных чувствах вышел из магазина.

И теперь жалобы пишу прямо в книгу, чтобы не было лишней волокиты.

Встреча

На днях у меня произошла одна, можно сказать, незабываемая встреча.

У моих знакомых на вечере я случайно встретил человека, которого двадцать лет не видел.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Это был в свое время удивительно богатый субъект. Он имел три дома. Имел шикарные экипажи. Целый штат горничных, швейцаров, рабочих и так далее.

И надо было видеть, как он тогда пренебрежительно и нахально ко всем относился: не только, например, ни с кем не здоровался, когда ему низко кланялись, но при встрече с людьми отворачивал свою лощеную физиономию в сторону и чуть что – кричал, топал ногами, выгонял без жалованья.

У него по ремонту дома работали сезонники – так он по двадцать раз заставлял их к себе ходить, прежде чем он соизволит им заплатить за их работу.

И то он с их грошей наживал, жулил, высчитывал. И я, даю слово, ни капли не преувеличиваю: доводил людей прямо до слез. От него рабочие уходили, дрожа всем телом.

Я не знаю, чем это объяснить, но он имел какую-то особенность оскорблять людей своим поведением.

К нему ходила его одна одинокая родственница, его тетка. Она по субботам приходила к нему за пособием.

Его папаша завещал поддерживать ее жизнь. Так надо было видеть, как он с теткой вел себя.

Он швырял в нее скомканной кредиткой. И кричал на нее:

– Ага, опять явилась, ядовитая кочерыжка. Ну, когда подохнешь, это будет для меня исключительный праздник.

Он, представьте себе, однажды торопился в театр. И вышел на лестницу с одной шикарной дамой, чтоб с ней проследовать к экипажу.

И вдруг видит: по лестнице идет его тетя. Он толкнул ее, чтоб она не путалась под ногами. Тут его тетя упала в обморок. Все подумали, что она, как говорится, отправилась путешествовать на небо. Но он, не поглядев на нее, проследовал дальше.

И хотя я был тогда небольшой мальчишка, но мне удивительно врезалась в память противная жизнь этого человека.

И вот, представьте себе, прошло двадцать лет.

Двадцать лет я, так сказать, не имел счастья видеть этого субъекта.

И вот я сижу у знакомых за праздничным ужином. И вдруг вижу: за столом, напротив меня, сидит эта знакомая фигура.

Без сомнения, он очень постарел. Как-то такое высох. Поседел. Запаршивел. И его не так-то было легко узнать.

Но я узнал его по нахальному блеску глаз. По его манере отворачивать физиономию в сторону, когда к нему обращались с вопросом.

Он меня не узнал. Но я ему сказал:

– Помните, говорю, «господин» Лосев, я жил в вашем доме?

Он немножко задрожал и, фальшиво улыбаясь, сказал:

– Мое прошлое я не скрываю. Оно есть у меня во всех анкетах. Да, я имел дом. Но сейчас я преподаю французский язык. И что вы от меня хотите, я вас не понимаю. Если желаете намекнуть о моем прошлом, то я и сам скажу. Был молод, жил дерзко, и мое богатство давало мне смелость жить, как я хочу. Но с тех пор много воды утекло. Нынче я другой телом и душой, и вы мне не портите настроения воспоминанием о прошлом.

Тут все присутствующие заинтересовались нашей беседой. И он, видя на себе все

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
взгляды, сказал:

– Без сомнения, вы запомнили меня с невыгодной стороны. Но я вам повторяю, все это безвозвратно ушло. Нынче я другой человек. И вы нарочно, будьте любезны, спросите присутствующих о моей характеристике. Я имею удовольствие жить в этой коммунальной квартире, где вы сейчас в гостях. Спросите нарочно о моей настоящей жизни.

И некоторые жильцы, присутствующие тут в качестве гостей, сказали:

– Да, он сейчас славный и милый человек. Очень симпатичный и простой. И даже не далее как вчера он ночью бегал в аптеку заказывать пирамидон одной захворавшей жиличке. Нет, мы ничего не имеем против него. Он любезный и добрый человек.

Тут Лосев сказал:

– Вот видите, как было бы опрометчиво решать по прошлым воспоминаниям. Теперь я совсем иной. И если есть темное пятно в моей жизни, то это моя тетка, которой даром что восемьдесят лет, но она, знаете, до сего времени шляется ко мне за пособием. И я действительно иной раз ну не могу с ней любезно беседовать. Все-таки сорок лет подряд она меня третирует – это немножко много.

Тут некоторые из квартирантов сказали:

– Что касается тетки, то у них, это верно, всякий раз бывают скандалы с воплями и криками. Но во всем остальном – он выше всяких похвал.

Лосев сказал:

– Во всем остальном моя теперешняя жизнь может служить примером. Надвигающаяся старость изменила мое мировоззрение. Дерзость, нахальство и надменность покинули меня уже давно.

Сын хозяина вечеринки, молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, сказал:

– Но, может быть, не старость вас изменила. Может быть, скорей всего, отнятое богатство притупило вам зубы.

Тогда один из гостей добавил:

– А в самом деле. Нуте, вам дай снова ваши дома, экипажи и деньги – ого! Небось снова ходили бы колесом и давили бы всех, кто попадется.

Нахальный блеск засверкал в глазах престарелого Лосева. Но он, потупив свои очи, сказал:

– Не знаю, не думаю.

Молодой человек, знакомый с диалектикой жизни, воскликнул:

– Вы не знаете. А я знаю. Вы бы еще того более расцвели и еще того более зверски относились бы к своим людям.

Тогда Лосев, дрожа от гнева, сказал, обращаясь к хозяину:

– Если ваши гости меня тут будут оскорблять, то я непременно от вас уйду.

Хозяин сказал:

– Если вы действительно до глубины души изменились за эти двадцать лет, то, я прошу вас, не уходите от меня. Мне было бы в высшей степени тяжело, если бы вы ушли. Но если с вами то, что говорят другие, то я вас не могу задерживать.

Престарелый гость Лосев минут двадцать ерзал за столом, ни с кем не разговаривая.

Покушав и выпив бокал шампанского, он по-английски вышел из комнаты, ни с кем не попрощавшись.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

И тогда хозяин сказал:

– Вот, друзья, что такое социалистическая революция. И вот каким людям она обломала их ядовитые зубы.

Загадочное преступление

Очень интересный факт рассказал мне знакомый работник уголовного розыска.

Не так давно сгорел один деревянный двухэтажный дом.

Конечно, в смысле жилищном этот дом был, как говорится, унеси ты мое горе: он весь был кривой, косою и еле стоял под тяжестью семидесяти жильцов с ихней утварью и домашними боеприпасами.

Но, поскольку жильцы пострадали, то, конечно, до некоторой степени жалко, что он сгорел. Тем более был поджог. Это было кошмарное преступление, совершенное по неизвестным и даже отчасти загадочным причинам.

В подвале дома пожарные нашли бак из-под керосина и обгоревшее тряпье.

И брандмейстер сказал:

– Я тридцать лет тушу пожары и клянусь своей бородой, что тут поджог.

Здешний управдом, слегка угоревший во время спасения жактовского имущества и домовых книг, говорит:

– Может быть, это и так, но, откровенно сказать, я не вижу смысла этого поджога. У меня семьдесят жильцов. И никто из них не имел застрахованного имущества. Только один жилец имел застрахованную жизнь, и то он у меня в прошлом году своевременно умер. А этот пожар всем моим жильцам причинил убытки. Все ихние манатки сгорели. Все они пострадали. Некоторые из них, как видите, лежат без чувств. Другие плачут. Третьи роются в бревнах, чтоб что-нибудь найти. Мои жильцы не могли поджечь дом. Это слишком очевидно. Это абсурд.

Брандмейстер говорит:

– Я сам удивляюсь, кому был интерес дом поджигать.

Но вот посмотрите на обгоревший бак: может быть, он что-нибудь скажет уголовному розыску.

Вдруг один подросток, увидевши этот бак, говорит:

– По-моему, этот бак вчера нес один квартирант, живущий в третьем номере, у Филатовых. И, по-моему, он нес его в подвал.

Управдом говорит:

– У Филатовых гостит ихний дядя, некто Баранов. Но был бы абсурд думать, что это он дом поджег. Он тут имущества не имеет. И сам теперь лишился гостеприимного крова. Вдобавок он престарелый. И надо иметь мозги набекрень, чтобы на него подумать.

Следователь говорит:

– Тогда приведите этого Баранова.

Вот приходит мужчина лет шестидесяти.

Он говорит:

– Что вы, очумели – меня хватать! Какой интерес мне дом поджигать? Я приехал сюда погостить к своим родственникам. И я им очень благодарен за гостеприимство. Что я, дурак, что я им за это пожар устрою?

Управдом говорит:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Это чистейший абсурд – на него думать.

Следователь уголовного розыска говорит:

– Меня не так факт удивляет, как удивляет здешний управдом: или он сильно угорел, или он в политическом отношении тупица. Теория мне подсказывает, что, кроме материальных интересов, бывает, например, классовая месть или что-нибудь вроде этого.

Услышав эти слова, дядя Филатовых побледнел и перестал отвечать на вопросы.

Его что-нибудь спрашивают, а он в ответ мычит и заговаривается.

Управдом говорит:

– Вот видите, вы своими действиями запугали мне временного жильца до того, что он свихнулся и теперь на все мычит.

Следователь говорит:

– Или он свихнулся, или он прикидывается свихнувшимся. Бывает, что некоторые прикидываются сумасшедшими, чтобы отвести от себя подозрения. А если это так, то это тем более говорит за то, что тут дело нечисто и, может быть, оно носит политическую окраску.

Вдруг дядя Филатовых, молчавший до сих пор, говорит:

– Я вижу, что мне тут все-таки хотят пристегнуть пятьдесят восьмую статью. Но этот номер не пройдет. И совершенное преступление не носит политической окраски, имейте это в виду. Оно имеет другие цели.

Видя, что дядя признается в преступлении, Филатовы попадали в обморок. А все жильцы бросились к злодею и прямо хотели его растерзать.

Но тут следователь совместно с милиционером пихнул преступника в машину и увез его.

Подлый старик по дороге сказал:

– Я бы ни в каком случае не признался, но вы меня поймали на понт. И мне теперь ничего не остается, как рассказать все, что было.

И тут он стал рассказывать кое-что из прошлого.

Он был, оказывается, родственник бывшего хозяина этого дома. И когда сорок лет назад строили этот дом, то он лично присутствовал на закладке этого фундамента. А в то время была традиция – класть на счастье в фундамент золото и серебро. Все присутствовавшие родственники и друзья бросали деньги, кто сколько мог. После чего отверстие закладывалось кирпичами и замазывалось.

Рассказывая об этом, преступник, вздохнув, сказал:

– Сам хозяин бросил в фундамент пару золотых, а я, будучи в свое время состоятельным человеком, бросил, как сейчас помню, один золотой десятирублевик и два серебряных рубля. Вдобавок я был немножко навеселе и стоял рядом со своей невестой. Она мне сказала: «Вам слабо бросить туда еще что-нибудь из ценностей». И я, как сейчас помню, бросил туда еще колечко пятьдесят шестой пробы. И сам сказал своей невесте: «А вам слабо бросить свой медальон». Не помню сейчас, что именно она бросила, но что-то она бросила, хотя, кажется, не медальон... И вот я двадцать лет мечтал все это достать. Но я был выслан на десять лет за экономическую контрреволюцию. И вот недавно вернулся и захотел осуществить свои надежды. Я, говорит, в третий раз гошу у Филатовых, все дни проводил в подвале, стараясь это достать, но безрезультатно, поскольку дом и без того кривой, а когда я подрыл фундамент, то он и вовсе мог завалиться. И тогда я решил пойти на то, что сделал.

Злодея посадили пока что в тюрьму, и над этим представителем старого мира будет

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
устроен показательный суд.

На месте пожарища уже начали строить новый дом, и, наверно, в скором времени погорельцы смогут уже туда въехать.

Что касается злодея, то он въедет куда-нибудь в другое, более отдаленное место, если его не пошлют путешествовать на небо.

Вдобавок остается сказать, что когда разрыли фундамент, то никаких ценностей там не нашли.

Тут одно из двух: либо старик наврал, что вряд ли, либо эти ценности были кем-то вынуты вскоре после закладки фундамента. И может быть, к этому приложил руку сам хозяин. А может быть, и кто-нибудь другой, решивший, что не следует потакать таким традициям.

Так или иначе, дом счастья не имел и сгорел, как стог сена.

Браки заключаются в небесах
Сегодня хотелось бы рассказать вам, дорогие читатели, что-нибудь весьма интересное, достойное вашего внимания, что-нибудь смешное, лирическое и, вместе с тем, мужественное, что-нибудь такое, от чего забилось бы ваше сердце более усиленно, чем обычно.

Вот извольте прослушать небольшую, но славную историйку про одного молодого летчика.

В летную школу он поступил благодаря жажде знаний и горячему стремлению принести пользу своей стране.

А перед тем, как поступить в школу, он съездил на два дня в свою деревню – поговорить со своей матерью и с ней посоветоваться.

И вот он приезжает в свои родные места. И докладывает своей матери, – дескать, вот он на что решился.

И его мама говорит ему:

– Вот и хорошо.

А там у него в деревне проживала одна милая девушка, с которой он был довольно хорошо знаком.

И такая (как он мне сказал) бытовая мелкая подробность – эта девушка ему нравилась, и он решил на ней жениться.

И он тоже ей давно нравился. И она тоже мечтала за него выйти замуж.

Он повидался с ней и доложил ей о своих дальнейших летных перспективах.

Она обрадовалась, что он будет летчиком. Но немножко заплакала. Она, молоденькая девчонка, подумала, что, наверно, это очень жутко летать. Она, по неопытности в летном деле, испугалась за него и за свое, еще несостоявшееся, счастье.

Но он ей сказал:

– Это непременно будет, как я задумал.

И она ответила ему:

– Ну, и хорошо.

И они решили записаться в тот день, когда он на праздники приедет в отпуск.

Он отправился по месту назначения в свою летную школу и стал там изучать то, что ему преподавали.

Между тем, незаметно проходило время, и вскоре приблизились праздники.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Наш молодой будущий летчик является к начальнику школы и просит отпустить его на один день раньше, поскольку он хотел бы записаться со своей знакомой. А на праздниках это, наверно, будет невозможно. Так вот, ему бы хотелось выкроить один лишний день.

Начальник школы говорит:

– Хорошо, я вас отпущу. Но вот я смотрю список ваших зачетов и с грустью вижу, что у вас нет прыжка с высоты семисот метров. А мне непременно надо, чтоб этот прыжок вы совершили до своего отъезда.

Наш летчик, замявшись, говорит:

– Тогда завтра утром пораньше я это исполню, поскольку в обед идет мой поезд.

Начальник говорит:

– Вот и хорошо.

А надо сказать, что у нашего молодого летчика настроение тогда было не в пользу прыжка.

Последние три дня он думал о своей знакомой. Мечтал о встрече. Сделал даже ей надпись в стихах на своей фотографии.

И прыгать ему ни с того, ни с сего прямо как-то не хотелось.

Ну, он был тогда еще неопытный в этом отношении. Так сказать – юнец. Только-только он знакомился с небесами. И этот предстоящий прыжок еще несколько волновал его своей неожиданностью или, вернее скажем, не совпадал с его умозрительным состоянием.

Но утром он поднялся чуть свет и стал ждать, когда летчик возьмет его на самолет.

И видит – летчик не особенно торопится. Даже как бы нарочно затягивает время. Два раза посещает начальника школы и с ним о чем-то беседует.

И только в десятом часу вылетает с ним и поднимается на высоту 1500 метров.

Наш молодой прыгун ожидает снижения и знака прыгать, но летчик, между тем, не снижается и никаких знаков не подает.

И вот они летят уже минут сорок. И наш прыгун глядит на летчика с недоумением и досадой.

И вдруг летчик делает знак рукой – приготовиться к прыжку.

Наш молодой прыгун выходит на крыло самолета и по данному знаку бросается вниз.

Несколько секунд он летит, как камень в пространстве.

Потом парашют раскрывается над ним, и наш юный летчик плавно спускается на землю.

Он глядит вниз и видит, что он спускается вблизи какой-то деревни.

Его несколько метров волочит по земле. Но он встает и видит, что он на каком-то огороде. И к нему со всех сторон бегут люди.

Наш молодой летчик отцепляет парашют и собирается отвечать на все вопросы, которые сейчас ему будет задавать население.

Он обводит всех глазами. И что за странность – все знакомые лица. Вот – тетка Дарья. Вот их сосед, Иван Кузьмин. Председатель колхоза...

Он протирает глаза, чтобы удостовериться – не снится ли ему все это. Но нет. Он

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru видит своих односельчан. И среди них он видит свою знакомую Варю.

Та узнает его и восклицает: «Ах». И делает по направлению к нему несколько шагов.

И тогда ему вдруг становится все ясным. Тогда он понимает, что начальник школы приказал летчику доставить его к месту назначения с тем, чтобы заодно, не теряя напрасно времени, исполнить обязательство.

И вот он стоит в огороде. И от волнения и радости снимает свой кожаный шлем.

Тут все односельчане моментально узнают его. Некоторые ему аплодируют. Другие кричат «ура». И его знакомая Варя целует его в щеку своим маленьким ротиком.

Тут начинается полный восторг среди всех присутствующих. Все смеются и говорят:

– Смотрите, прилетел жених.

Некоторые подбрасывают шапки в воздух и поют.

И вот наш жених, взяв Варю за ручку, идет к своему дому.

А его старая мама выходит на крыльцо. И от удивления всплескивает руками.

Тут же появляется престарелый Варин папа, Антон Михайлов.

И такая радость происходит среди всех, что и передать вам нет никакой возможности.

В тот же день празднуется свадьба.

За ужином молодой летчик поднимает стакан за наших славных руководителей, ведущих страну к славе и счастью. И второй тост он провозглашает за нашу прекрасную страну. И третий тост он произносит за Варю и родных.

И тогда Варя несмело встает со своего места и тихими словами произносит добавочный тост за начальника школы, который дал такой удачный небесный маршрут ее молодому мужу.

Тут снова все смеются, аплодируют и пьют за славного начальника школы.

Долг чести

Жильцы нашего дома в эту выборную кампанию отличились вообще высоким гражданским сознанием.

Но особенно с лучшей стороны зарекомендовал себя председатель нашего дома.

Он неутомимо работал, проверял списки избирателей, будоражил инертных и вялых жильцов и заботился о всех мелочах, связанных с выборами.

У нас в доме оказалось трое лежачих больных.

Ну, одного, с вывихнутой ногой, отправили в больницу, так что он там и будет голосовать.

Другая гражданка, хворающая у нас стрептококковой ангиной, вскоре, наверно, поправится и начнет все-таки выходить...

И, наконец, третий лежачий больной – старуха, страдающая ревматизмом.

Вообще эта старуха отличалась хорошим здоровьем, но в смысле ног у нее было не все благополучно. Она еле ковыляла с палочкой по комнате и второй год не рисковала выходить на улицу.

Наш председатель лично ее навестил, спросил о состоянии ее здоровья и погоревал вместе с ней, что она не может ходить и не сможет тем самым исполнить свой гражданский долг – опустить свой избирательный бюллетень в урну.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Он ей сказал:

– Если б вы, мамаша, лежали в больнице, то вам бы поднесли к постели особый избирательный ящик. Но тут мы бессильны что-либо предпринять. И я с грустью вижу, что вы в данном случае есть выбывший член нашей дружной семьи.

Старуха ему так ответила:

– Чувствительно бы рада, молодой человек, исполнить этот гражданский акт. Сама через это страдаю и горю желанием. Вдобавок мне самой чрезвычайно скучно лежать. Все лежу и лежу, и кусочка неба не вижу. И мечтаю о такой, знаете ли, специальной колясочке, на которой иной раз вывозят старух.

Председатель говорит:

– Такую колясочку можно будет достать. А еще лучше: мы подвезем вас на автомобиле. Я возьму такси и договорюсь тут с одним нашим шофером, и мы вас чудным образом доставим в помещение для голосования.

Старуха говорит:

– Чувствительно бы рада в первый раз в жизни проехаться на автомобиле, но вот я по лестнице затрудняюсь ходить. Вот лестница-то и является главной причиной моего невыхода на улицу.

Председатель говорит:

– Это, мамаша, сущие пустяки. Я возьму двух здоровых парней, и они вас как перышко сымут с четвертого этажа.

Старуха говорит:

– Только, чтоб не было того, что меня вниз доставят, а вверх не подымут. Все-таки меня это будет тревожить, и от этого у меня будет настроение испорчено. Мало ли, забудете или вам не до того будет.

Председатель говорит:

– Тогда я об этом тоже позабочусь. В крайнем случае я вас одной рукой могу хоть в двадцатый этаж доставить.

Старуха говорит:

– Тогда знаете что: по радио передавали, что надо бы лично зайти в избирательный участок проверить свою фамилию: нет ли искажений, – а то нельзя будет голосовать.

Давайте сегодня или завтра съездим туда.

Председатель говорит:

– Ого, мамаша, да вы подкованы по части выборов. И своим торопливым замечанием проявляете свое гражданское сознание. Ладно, завтра устроим вам машину.

Вот на другой день председатель подъехал на машине к подъезду. И вскоре два наших жильца – два молодых парня – помогли старухе спуститься вниз.

Полчаса они катали старуху по городу. И наша старуха была так довольна, что и передать вам нельзя.

Потом они заехали в избирательный участок, проверили все, что полагается. И вскоре снова старуха была доставлена домой.

На прощанье старуха сказала:

– Может быть, завтра или там послезавтра нужно будет зачем-нибудь еще раз съездить, то я к вашим услугам.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Один из жильцов, работающий в механической прачечной, сказал председателю:

– Эта последняя ее фраза меня сильно смутила. Боюсь, что старуха интересуется только прогулкой. И, может быть, к выборам она инертна.

На это председатель сухо сказал:

– Даже если она на пятьдесят процентов интересуется прогулкой, то и то я не вижу в ее словах ничего плохого. Почему старушке не покататься на машине?

Работающий в механической прачечной сказал:

– А если на сто процентов в ее голове прогулка?

Председатель строго сказал:

– Нет, этого не может быть. Все живые существа, пока душа теплится в их теле, интересуются хоть немножко общественной жизнью. А наша старуха в своем прошлом – трудящийся член семьи, и не надо подвергать ее сомнениям. На днях мы еще раз покатаем ее на машине, а 12 декабря повезем на выборы. И это будет наш долг чести.

Тут все жильцы, слушающие эту беседу, сказали: правильно.

И работающий в механической прачечной сказал:

– Присоединяюсь к этому мнению.

А одна женщина, имеющая чувствительную душу, добавила:

– А что, если нам каждый месяц прогуливать старуху?

Председатель сказал:

– Ну, там видно будет.

И все жильцы разошлись, довольные друг другом.

Сказка

Одному молодому принцу сильно понадобились деньги.

Денег у него, вообще говоря, было много – куры не клевали. Но тут ему понадобилась громадная сумма. Он хотел себе приобрести золотые штаны.

Серебряные штаны у него уже были, и он в них пользовался большим и заслуженным успехом у женщин, но он мечтал во что бы то ни стало приобрести себе еще золотые брюки.

Ну, конечно, пошел он к своим родственникам, чтоб попросить нужную сумму. Но злодеи-родственники ему в этом отказали. А один из родственников, известный принц-регент, обещал даже его побить, если он еще раз обратится к нему с подобной глупостью.

Вот, конечно, идет обратно наш принц в полном расстройстве чувств и вдруг встречает одну колдунью. Та говорит:

– Об чем, царевич, убиваетесь?

Вот тот, значит, и пожаловался на то, что с ним. Колдунья говорит:

– Да уж, конечно, деньги достать не так легко. Но из легких способов есть у меня одно домашнее средство.

Принц говорит:

– Ах, мамаша, осчастливьте! Ответьте же, какое же это средство? Я, говорит, теряюсь в догадках.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Колдунья говорит:

– Вот чего, молодой человек! Войди ты в любое большое учреждение, где четыре этажа и лифты взад и вперед ходят. И где разные начальники в кабинетах сидят. И где курьеры чай разносят. И войди ты в такое учреждение. И там сразу увидишь, как и чего тебе делать. И там тебе непременно деньги дадут. И ты на них купи себе золотые штаны. Только неходи в маленькое учреждение. В маленьком ты можешь засыпаться. Аходи в большие...

Вот принц так и сделал. Пришел он в одно учреждение, взял клочок бумажки и написал на нем несколько слов: дескать, такой-то принц командирруется за покупкой золотых штанов.

И с этой черновой бумажкой вошел принц в машинное отделение, где происходят стук и треск и где сидят семь заколдованных красавиц, превращенных в обыкновенных машинисток.

И вот принц подает одной такой заколдованной красавице свой листик и говорит суровым тоном:

– Срочно перестукайте в трех экземплярах.

Та ничего на это не сказала, вскинула на принца свои буркалы и говорит:

– Слушаю и повинуюсь.

И, схватив эту бумажку, срочно ее в две секунды переписывает.

И с переписанной бумажкой идет, конечно, принц к директору в третий этаж. И хочет к нему в кабинет войти.

Но ему дверь заслоняет своим корпусом одна молодая фея неслыханной красоты. Она говорит:

– Туда нельзя. Там сидит заколдованный Иван Максимович. И у него все время заседание идет. Это его так ужасно заколдовали. Но если у вас до него дело, то скажите мне.

Принц говорит:

– Так что надо эту бумаженцию подписать.

Фея говорит:

– Слушаю и повинуюсь.

И с этими словами она изящно входит в кабинет и через пару секунд возвращается с подписанной бумажкой. Принц, удивившись, говорит:

– Вот мерси. До свиданья.

И тотчас он идет в бухгалтерию. И видит там ужасные сценки страшного колдовства. Один стол стоит на другом. А другой – на третьем. И за каждым столом сидит по шесть заколдованных фигур. И все они исполняют руками бесконечное задание. Принц говорит:

– Куда мне тут с подписанной бумагой идти?

Один заколдованный гном с большой бородой говорит:

– Вот примите ордер и ступайте в кассу и свободно берите оттуда золота и драгоценных камней.

Вот принц так и сделал. Взял из кассы восемьсот рублей и вышел из учреждения.

А после видит: это ему мало для покупки золотых штанов. И тогда он заскочил еще в Наркомзем и в Главзолото. И, согласно описанию газет, произвел там точно такие же операции.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
И на эти деньги он купил себе золотые штаны. И вскоре в них женился.
И на свадьбу пригласил заколдованных начальников всего государства.
И все эти добродушные и доверчивые лица там были.
И держали речи. И до упаду смеялись, когда им принц рассказал, как он их одурачил.
И они попросили принца, чтоб он их расколдовал, но принц сказал:
– Э-э, нет, господа, вы мне еще пригодитесь!
И все снова до упаду смеялись.

Новые времена
Вот сейчас формируются новые люди, новые отношения, новый быт.

А некоторые не понимают еще – что это такое значит. Некоторые думают: если они не воруют, так они уже новые люди.

А другие оклеят свою комнату новыми обоями – и тоже их заполняет гордость, что они могут теперь называться представителями нового социалистического быта.

Нет, не это формирует нового человека!

Позвольте вам рассказать небольшую, но любопытную историю, которая до некоторой степени осветит этот вопрос.

Только прошу не делать вывода до самого конца рассказа, потому что, если вы плохо подкованы насчет философии, то вполне можете сбиться в своей доморощенной диалектике.

А жила в городе Коротояке одна молодая женщина. И она была очень миленькая и интересная.

Не то чтоб она была изумительная красавица, – нет, она была просто довольно привлекательная. Бывают такие женщины – как будто в них ничего и нет особенного, а вот они на вас посмотрят своим туманным взглядом, вот они усмехнутся, спуют вам что-нибудь такое – и мужчина, как говорится, остается без ума.

Она говорила очень красиво. Другие говорят немного сиплыми голосами, или там слегка в нос произносят, или пришептывают, а эта очень чисто и мелодично произносила фразы. Буквально наподобие серебряного ручейка текли ее речи.

Нет, со своей домработницей она, конечно, так не говорила, но в личной беседе с мужчинами она имела эту особенность. И все мужчины очень ее исключительно любили. За ней бегали. Один даже обещал ей застрелиться ради нее. Только он пистолета нигде не мог достать, а то бы, может быть, он, действительно, чего доброго, стрельнул в себя, будучи очень расстроен своей любовной неувязкой.

Другой, какой-то там заведующий, ради нее что-то такое украл в универмаге. Он ей хотел какую-то вещь подарить. Но, как говорится, через этот случай вскоре «загрел» и не подарил.

А ее звали Любочка. Родители как будто нарочно дали ей это имя, как будто они предчувствовали, что ребенок подрастет, выровняется и начнет, как говорится, колесить.

Она три раза выходила замуж. Но все не особенно удачно. Один ее супруг захворал туберкулезом и вскоре умер по всем правилам науки. Другой запил, и она его бросила. А третий, как мы уже говорили, украл в универмаге и получил свое по заслугам.

После этого она замуж долго не выходила. А потом вдруг вышла за одного чертежника. Он был кроме того конструктор и что-то где-то делал. И он красотой не отличался. Он был на редкость длинновязый, похожий в своем облике на одного

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зошенко zoschenkomihail.ru киноактера из компании, может, знаете, Пат и Паташон. Он напоминал чем-то Пата, но Пат был все-таки ничего себе. А этот был уж очень, как говорится, неинтересный и вдобавок рыжеватый.

Но она, не поглядев на это, рискнула все-таки выйти за него замуж.

Она сказала:

– Я одна не решаюсь жить, а этот мужчина меня так любит, что мне, наверно, с ним будет исключительно спокойно.

А он, действительно, так ее любил, как, может быть, и не бывает в этом мире. Он утром в тарелке приносил ей воду комнатной температуры, помакнув полотенце, мыл ее мордочку, после чего собственноручно чистил ей зубки порошком, подавал ей чай и сам уходил на службу. А она лежала часов до двух, ничего не делая.

Нет, она не была представительница нового быта.

Вдобавок она его не любила, изменяла ему и предъявляла всякие немыслимые требования.

А он, конечно, старался поддержать свой дом на высоте. Он начал на чем-то спекулировать, поскольку тогда еще была частная торговля и это способствовало разным темным операциям.

Но это не могло долго продолжаться. На какой-то махинации он попался.

А когда стали разворачивать все его дело, то видят такую несообразность: по виду ему тридцать пять лет, а по паспорту – пятьдесят.

Начали интересоваться и спрашивать: почему такая, как бы сказать, природная неувязка? И он вскоре признался, что он из прапорщиков царской службы, скрывший свое социальное лицо и вдобавок подделавший документы.

Тут, конечно, его окончательно взяли и отправили на одно крупное строительство.

Ему дали пять лет работы. И он приехал на это строительство и там не потерял присутствия духа. Он горячо принялся за дело. Он работал как слон с утра до вечера, не желая отдохнуть и не желая перевести свой истомленный дух.

Он очень любил свою оставшуюся в коротояке супругу, безумно скучал по ней, мучился и в труде хотел забыться от своих личных переживаний. И, наверно, только этим можно было объяснить его такое рвение к работе.

Но его там начальство заметило, что он так старается. Ему сделали разные льготы и дали премию. А один из начальников, некто товарищ Гонецкий, однажды поинтересовался его душевным настроением. Он спросил, что с ним. Поскольку он видел, что в свободное от занятий время человек без движения лежит на траве и с тоской следит за полетом птичек.

И заключенный ответил своему начальнику, что вот, дескать, все бы хорошо, но исключительная любовь к супруге заставляет его сильно тосковать и огорчаться. И он бы многое дал, чтобы увидеть ее хотя бы на пять минут.

Гонецкий ему говорит:

– Ты так хорошо работаешь, что я, наверно, сумею тебе устроить свидание. Мы ее сюда выпишем. Она приедет и поживет тут дней десять. А потом, в дальнейшем, может быть, еще раз она приедет. А там, глядишь, тебе дадут сокращение срока – и все будет хорошо.

Тут с заключенным чуть худо не сделалось. Он закачался на своих ногах и хотел схватить руку начальника, чтобы ее поцеловать.

Гонецкий сказал:

– Как тебе не стыдно это делать? Вот как раз этим ты показываешь, что ты выходец из мелкобуржуазного общества и еще не перестроился. И еще желаешь унижаться и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
лакействовать перед своим начальником. Сейчас – иные времена, и все мешанские привычки и навыки пора уничтожить. Но я на тебя не сержусь, поскольку тебя еще глубоко держат корни прошлого. И не надо твоих извинений! Свидание с женой я тебе устрою.

Тут наш заключенный принялся ежедневно строчить письма своей супруге, дескать, вот какое счастье, какая радость, что он снова увидит ее, снова может любоваться ее внешностью, и что это произойдет, наверно, очень скоро.

И супруга Любочка отвечала ему, что вот и хорошо – она приедет с Галей (у них была девочка лет пяти) и даст ребенку возможность общаться с папой.

Но сама супруга по-настоящему не была этим фактом уж очень слишком обрадована. Она и без супруга жила ничего себе. Ее мужчины не оставляли своим вниманием. А она была из тех женщин, которые считали потерянным день, если ей кто-нибудь не сказал о своем чувстве.

И вот Гонецкий устраивает это свидание. И она вскоре приезжает на строительство со своей миленькой походкой и со своим мелодичным смехом. И с ней приезжает ее дочка Галя.

Наш муж шатается от счастья, с восторгом на нее смотрит, любит, смеется и благодарит небо за подаренную радость.

И первые два дня проходят ничего себе. Она напевает романсы, гуляет с девочкой в поле и рвет цветочки. Потом она начинает понемножку скучать и совсем случайно останавливает свой взор на одном военнообязанном человеке из охраны.

Там, на строительстве, были разные посты по охране складов. Так вот из отряда этой охраны она увидела одного человека, который ей страшно понравился. Она им в одно мгновение увлеклась. А он – молодой, красивый парень, лет двадцати двух, украинец, по фамилии Дошевец. Он незаметным образом влюбляется в нее до потери сознания, и у них загорается роман во всем своем блеске.

Они начинают встречаться в те часы, когда супруг находится на работе. И молодой парень, ошеломленный счастьем и не сознающий своего преступления, буквально теряет рассудок.

Едва услышав ее пение, он сломя голову в служебное время бежит на ее призыв. И они вдвоем ходят по полям и лесам или на берегу речки сидят обнявшись.

Муж, сам не зная еще, в чем дело, начинает ее подозревать. Он прибегает однажды днем к своему жилищу. Там не находит ее. Спрашивает девочку Галю, где мама. И та отвечает: мама ушла гулять с одним военным товарищем.

Как бешеный зверь, муж мчится по полям и лесам. Совсем близко пробегает через реку, где они сидят на пне. И не увидев их, бежит дальше.

Молодой парень Дошевец так говорит Любе:

– Нет, я не боюсь твоего мужа! Он меня не напугал своим диким видом. Но мне совестно стало перед твоей девочкой Галей. И теперь я вижу, какое преступление я совершил по службе. Нам надо будет непременно расстаться.

Она начинает его ласкать и обнимать и говорит ему:

– Это глупости!

И он снова тает перед ее взором и не может с ней расстаться.

Но вечером он идет к Гонецкому и все ему рассказывает.

Он говорит:

– Женщина эта социально-опасная. Я совершил большое преступление, и я согласен понести наказание. Но ее надо отсюда удалить во что бы то ни стало.

Гонецкий говорит:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Да, твое преступление очень велико. И пока что я тебя посажу под арест. А что касается женщины, то ты мелешь чушь. И надо забыть свой долг, чтобы пришить к женской юбке.

И он отправляет украинца под арест и сам идет к заключенному посмотреть, что у него за супруга. Он хочет с ней поговорить, сказать ей, что это не дело – приехать на побывку к мужу и самой увлекаться посторонним человеком и толкать его на должностное преступление.

И он приходит к ним. Но там дома примирение. Счастливый муж, забыв о своих подозрениях, любовно за чаем сидит со своей супругой. Они радуются посещению гостя. Нежно усаживают его за стол. Беседуют с ним и разговаривают. И Гонецкий с интересом смотрит на молодую женщину, стараясь понять, что это за человек.

И она, видя его пристальный взгляд, начинает смеяться своим мелодичным смехом, кутается в свой вязаный платок и своими голубыми глазками начинает смотреть на начальника так, что тому делается не по себе. И он некоторое время не может оторвать своего зора от ее милого лица.

И тогда Гонецкий встает и прощается. И она задерживает его руку в своей маленькой нежной ручке. И, чувствуя радостное волнение, он снова прощается и поскорей уходит, ничего особенного не сказав.

Он утром на другой день неожиданно для себя снова хочет ее посетить, чтоб с ней побеседовать и ее увидеть. Он идет к их дому. Но потом останавливается и поворачивает назад. Но в этот момент он слышит ее пение. И видит ее сидящей на ступеньках дома. И тогда он, мало о чем думая, нерешительными шагами идет к ней.

Она с радостным волнением его встречает. Они садятся на скамейку. Он хочет ее спросить о деле. Но она начинает говорить о своей жизни. И он вдруг чувствует, что ее нежная ручка покоится в его руке.

И тогда Гонецкий, посмотрев на часы, поспешно прощается и задумчиво идет к себе.

Он идет к себе, понутив голову. И позади себя слышит мелодичный голосок – это Любочка поет старинный цыганский романс, полный высшего значения: «Не уходи, побудь со мною».

Гонецкий возвращается к себе и задумчиво садится на ступеньки своего дома. И вдруг он хлопает себя по лбу и начинает весело смеяться.

Он говорит себе:

– Нуда, конечно! Это был инстинкт. Это инстинкт меня толкал снова увидеть эту женщину. Но это слепое чувство. И разум его побеждает. И может быть, человек нового быта – это тот, который с помощью разума умеет управлять своими темными желаниями. И в этом – новая мораль.

И Гонецкому весело становится от этих мыслей. И он снова смеется.

Он позвал арестованного украинца. И стал ему рассказывать о том, что думает.

И украинец на это ответил:

– Да, я понимаю, что надо управлять своими чувствами, но все-таки лучше удалить отсюда эту женщину, поскольку это будет менее опасно для здоровья, для душевного равновесия и служебного благополучия.

И Гонецкий снова рассмеялся. И сказал, что он не считает опасным для здоровья, если молодая женщина здесь останется.

И вот вечером Гонецкий пошел к супружеской паре. И там у них снова пил чай.

Люба делала ему глазки и моргала, чтобы он на минутку вышел, – она хотела с ним поговорить. Но он улыбался и дружески беседовал о том, о сем и шалил с ее маленькой девочкой Галей.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru И, видя его такое поведение, она сначала надула свои хорошенькие губки, потом, улыбаясь, стала слушать, что он говорит, и, оставив свои ужимки, приняла участие в товарищеской беседе. И он слегка подтрунивал над ней. И шутил. И муж, видя, что так мило получается, окончательно развеселился, и они втроем смеялись до упаду и беседовали до ночи.

И до ее отъезда он еще раз к ним заходил, и снова они втроем дружелюбно беседовали.

Через полгода Гонецкий опять устроил свидание заключенному. И Люба еще раз приехала сюда и снова виделась с Гонецким, который заходил к ним потолковать о том, о сем.

И Люба всем и каждому рассказывала о Гонецком с огромным уважением. И в ее словах чувствовалось некоторое, что ли, удивление и, пожалуй, растерянность, поскольку в ее мещанской среде ей до сих пор не приходилось встречать представителя нового быта.

А что касается Дошевца, то он, отсидев свое, был освобожден от своих обязанностей. И тогда он, хотя и понял отчасти, что ему говорил Гонецкий, тем не менее поехал в город коротояк к Любе.

Но она его там не приняла. Он там ей был неинтересен. Она минут пять на улице побеседовала с ним и рассталась с холодным сердцем.

И он так страдал, что хотел даже утопиться. Но потом одумался и уехал к себе на родину.

И через два года он там стал довольно знаменитый тем (об этом писали в газетах), что его молодая супруга подарила миру трех близнецов.

И теперь он говорит, что если у него еще раз то же самое повторится и потом еще раз, или хотя бы два раза по одному, то он будет исключительно счастлив и доволен, поскольку он будет получать солидное пособие на многосемейность.

Король золота

Вот какую удивительную историю я намерен вам рассказать. С героем этой истории я познакомился на одном крупном строительстве. Мне сказали, что это – «король золота», бывший крупный спекулянт и валютчик.

Я с любопытством посмотрел на него.

Это был средних лет мужчина в барашковой шапке. Не очень такой, что ли, толстый, но с брюшком. Усатый. И выражение лица у него было в высшей степени скучное и, я бы сказал, исключительно обиженное.

Он работал на строительстве по бетону. И, говорят, отличался примерным поведением, усердием и сугубой молчаливостью.

Несколько лет назад он жил в городе Ч., и там он спекулировал.

Он был сын купца. И сам в начале нэпа занимался разными коммерческими операциями. Продавал и покупал. Делал разные шахер-махеры. И на вырученные деньги он приобретал золото. Он не видел смысла покупать что-либо иное. Он говорил: лошадь околеет, дом сгорит, а валюта может превратиться в простые бумажки. И только золото, он говорил, всегда будет сиять своей первоначальной красотой во веки веков, аминь.

И вот он, где только можно, скупал у населения золото.

И до того он ловко это делал, что ни разу за все десять лет не попадался.

Он дошел в этом деле до полного искусства. Он вынюхивал и высматривал, у кого можно что-нибудь приобрести. Выжидал, когда кому приспичит, и буквально за пустяки приобретал то, что ему нужно. Но он главным образом покупал золотые монеты царской чеканки. Он к этому имел особую страсть. У него руки дрожали и взор пылал, когда он, как скупой рыцарь, перебирал и пересчитывал свои монеты.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru Нет, людям нашего времени незнакомы эти эмоции. Но говорят, что у представителя старого мира буквально начиналось мандраже, когда он прикасался к деньгам.

Итак, наш сын купца в течение десяти лет скупал золото. Но это золото он у себя не держал, страхась неожиданностей.

Он прятал это золото на кладбище. Он где-то там его зарывал. Он под видом страдающего сына проходил на могилу своего отца и там подолгу сидел, умиротворенный тишиной и природой. И там он, оставшись наедине, под крик ворон и шум сосен, производил свои сберегательные операции.

В 1930 году на него, как говорится, был «стук». О нем куда следует сообщили, что это спекулянт и мошенник, торгующий валютой и чем придется.

Однако у него ничего не нашли. И он ни в чем не признался. Он даже имел нахальство сказать, что это клевета на безработного человека, который едва-едва сводит концы с концами.

И он, действительно, жил в высшей степени небогато, одевался худо и ел скромную, однообразную пищу.

Его отпустили. И он снова полегоньку приступил к своим операциям.

Но он стал еще более осторожен. Он даже стал реже ходить на могилу своего отца.

Вновь купленные монеты он теперь держал в небольшой железной копилке. И эту копилку, привязанную на веревке, он спускал через вьюшку в дымоход.

Раз в месяц он опорожнял эту копилку и тогда, полюбовавшись своим золотом, нес его на кладбище.

Наконец, в тридцать втором году, к дежурному по уголовному розыску пришел частный житель города Ч., некто Андронников. Он пришел с каким-то незнакомцем. И он так сказал:

– Что вы, собственно говоря, смотрите. Под вашим носом столько лет уже орудует крупный спекулянт, а вы его не берете. А ведь он буквально заражает воздух нашего города. И хотя он мой знакомый, но я отдаю себе отчет, что он из себя представляет. Уже сам факт, что он скупает золото, показывает, что он строит свою темную жизнь в расчете на контрреволюционный переворот и на ликвидацию социализма в нашей стране. Конечно, он тонко ведет свои дела, но я уже предпринял кое-какие шаги, чтобы его ликвидировать.

Дежурный говорит:

– А что вы сделали?

Тот говорит:

– Я хотел узнать – имеется ли у него золото или это есть пустые разговоры. И я в этом теперь полностью убедился. Я нарочно при свидетеле продал ему золотую монету, на которой сделал зарубку. Потом эту монету я потребовал назад. Я сказал, что я раздумал продавать. И он мне отдал монету. Но он отдал не мою монету, а другую, без зарубки. Из чего я вполне убедился, что он смешал мою монету с другими. И из груды монет дал мне первую попавшуюся. И вот со мной пришел свидетель, который может это подтвердить.

Тогда выступил незнакомец и так сказал:

– Да, это так, как он сказал. Мы три раза ему говорили, что эта монета не наша, что наша монета 1907 года. И он три раза приносил нам монеты, и все они оказывались без зарубки. Из чего видно, что у него не семь и не десять монет, а, наверно, превеликое множество.

Дежурный говорит:

– Это становится интересным. Спасибо за участие. Сейчас же мы предпримем меры.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И вот был взят этот спекулянт. Припертый к стене свидетелями, он в высшей степени смутился и признался, что золото в небольшом количестве у него имеется.

– Тогда скажите нам, где же вы держите это золото? – спросил дежурный.

– Я держу его в дымоходной трубе, – ответил спекулянт. – Вот возьмите этот ключик от копилки. И предъявите его моей жене. Она поймет, в чем дело, и укажет вам, где находится мое золото.

И вот послали к жене спекулянта одного опытного следователя по уголовным делам.

Тот показал ключик и сказал:

– Твой супруг во всем признался. И велел тебе отдать копилку и указать, где имеется все остальное золото.

Увидев ключик, дама смутилась, и у нее затемнилось сознание от страха и огорчения. У нее ум за разум зашел, и она, сама того не понимая, сказала:

– Копилка в дымоходной трубе. Откройте вьюшку и потяните веревку. А что касается другого золота, то оно зарыто на кладбище, а где именно – я не знаю, так как мой супруг мне этого не говорил.

Когда спекулянту намекнули о кладбище, то он затрясся и пришел в полное расстройство чувств. Но потом совладал с собой и даже с готовностью сказал:

– Ну, хорошо. Раз попался, так попался. Возьмите людей и пойдете на кладбище. Я вам укажу место, известное только мне одному.

И вот несколько человек, среди которых был распутавший дело Андронников, пошли на кладбище.

И наш спекулянт, вздыхая и утирая слезы, указал на могилу своего отца. Он указал, что надо рыть под самым крестом.

И тогда рабочий ударил лопатой по земле и вскоре вынул из-под свалившегося креста глиняную масленку, наполненную золотыми монетами.

И такая это была тяжеленькая масленка, что следователь угрозыска, которому подали эту масленку, не удержал ее в своей руке. И масленка упала на землю и разбилась.

И из нее дождем посыпались золотые монеты. И увидев это, спекулянт брыкнулся на землю, потеряв сознание.

А когда он пришел в себя, следователь ему сказал:

– Вот видишь, в каких цепких объятиях тебя держат корни капитализма. Ты падаешь с копыт и теряешь свое сознание при виде рассыпанных денег. И тебе, я так думаю, надо получить не менее пяти лет для того, чтобы ты немного перековался и переменял свое мировоззрение.

На эти слова ничего не ответил спекулянт. Он только спросил, все ли его монеты собраны.

И Андронников, который больше всех тут хлопотал, сказал:

– А что тебе с того – все ли монеты собраны? Ведь теперь они уже не твои.

Следователь угрозыска сказал:

– Успокойся. Абсолютно все монеты мы собрали и даже подсчитали и запротоколировали, когда ты лежал без чувств. Тут оказалось сто восемьдесят семь золотых монет достоинством по десять рублей каждая.

– В таком случае, – сказал спекулянт, – тринадцати монет не хватает, поскольку в этой масленке было ровно двести штук. Поищите в траве. А еще будет лучше и прямее к цели, если вы вывернете карманы у моего знакомого, негодяя

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru Андронникова, предавшего меня. Я хотя лежал без чувств, но сквозь пелену своего сознания видел, как он своими руками нахально ворошил мои монеты, помогая вам собирать их.

Тогда Андронникова взяли в оборот и вытряхнули у него карманы. И на землю из его карманов упало двенадцать монет.

И тринадцатую монету он выплюнул изо рта в тот момент, когда один из прохожих схватил его за горло, поскольку он видел, куда тот ее запихнул.

И когда Андронникова увели, спекулянт сказал:

– Теперь, братки, мне стало легче, поскольку вы взяли этого мошенника.

И вот дали спекулянту пять лет и отправили его на строительство, чтоб он в честном труде забылся от излишних фантазий, навеянных ему капитализмом.

И он там два года работал в высшей степени хорошо и даже превосходно, до того, что его отметили в приказе, премировали грамотой и обещали сбавить ему срок, если он будет продолжать в том же духе.

И тогда наш спекулянт явился к своему начальнику и так сказал:

– Вот в чем дело: я, действительно, был злостный спекулянт и скупал золото в расчете на перемену. Но я здесь у вас совершенно перековался и полюбил труд на свежем воздухе. Теперь вы можете на меня вполне положиться. И в доказательство моих слов я хочу отдать вам на строительство еще триста золотых, которые у меня были зарыты на кладбище в другом месте, на могиле усопшей матери. Возьмите их, мне теперь ничего из этого не надо, тем более, что тут я увидел мир в других красках. И мое сердце окончательно и бесповоротно изменило курс.

Услышав эти слова, начальник пришел в волнение. Он так сказал:

– Очень приятно слышать такие слова. Вот теперь я вижу, что за два года с небольшим ты окончательно перековался. Я схлопочу тебе льготу по срокам и снятие судимости.

И вскоре нашего спекулянта освободили по чистой и он вернулся домой. И там, на кладбище, он вырыл вторую масленку, в которой было триста золотых, и отдал эти золотые тому, с кем он сюда приехал.

И вот стал наш спекулянт снова жить в этом городе Ч. И даже он там работал по распространению сельскохозяйственных изданий.

И многие подумали, что с ним произошла чудесная перемена, как это бывает с другими людьми.

Но в сентябре прошлого года он в высшей степени неожиданно попался.

Там на кладбище, на могиле своего только что умершего сына, сидела одна мать. И она там четыре часа сидела в полной неподвижности под тяжестью своего горя.

И уже наступили сумерки. А она все там сидела и тихо плакала.

И вдруг она увидела, что на кладбище пришел человек. Отмерил три шага от одной могилы и маленькой лопаточкой стал рыть землю.

И вскоре она увидела, что этот человек вырыл из земли глиняный сосуд и со своей ладони ссыпал туда пригоршню золотых монет.

Потом снова зарыл сосуд и утрамбовал землю.

Тут женщина подняла тревогу. И сторож совместно с милиционером схватили пытавшегося убежать.

И в милиции увидели, что это и был наш спекулянт, отпущенный до срока.

В глиняном кувшине оказалось около пятисот золотых и некоторое количество колец,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
браслетов и брошек.

И вот снова наш сын купца отправлен на строительство.

И там мне его и показали. И я долго не без любопытства на него смотрел, когда мне рассказывали о нем эту историю.

И тогда я понял, почему у него такое обиженное лицо. И сказал об этом рассказчику.

Но мой рассказчик ответил:

– Нет, у него обиженное лицо не потому, – только вчера у него отобрали четыре золотые монеты, которые он ухитрился где-то тут приобрести. Его же товарищи нам об этом сказали и просили его как-нибудь обуздать. Этот человек, как зверь, понюхавший крови, уже, видимо, не оставит своих привычек.

И я снова взглянул на «короля золота». Он снял свою барашковую шапочку, вытер вспотевший лоб и посмотрел на меня до того грустным взглядом, что я отвернулся.

У подъезда
Вчера я задержался у моих знакомых.

Немного поговорили. Потом одна спела. Потом хозяин часа три читал свои стихи. Так что довел гостей до полного обалдения.

В общем, когда взглянули на часы – был второй час ночи.

Певица осталась ночевать у подружки. А я, как говорится, побрел домой восвояси.

Спустился по лестнице вниз – дверь, к сожалению, уже закрыта. Надо звонить. Будить дворника. Неприятная процедура.

Нащупал рукой звонок. Звоню. Жду. Еще раз звоню. Нет, вижу – что-то не идет мой дворник.

А на душе довольно погано. Жалко потерянного вечера. Вдобавок все время на ум приходят хозяйские стишки. Особенно одна фраза привязалась. Прямо ударяет в голову: «Сердце бьется от радости...»

Раз, может быть, сто повторяю я эту фразу. Потом вдруг какие-то дурацкие детские стишки выплывают из памяти: «Сердце бьется, хвост трясется...»

Проходит минут десять. Сначала я подаю короткие, нежные звонки. Потом нажимаю более продолжительно. Потом минут пять стою, уткнувшись пальцем в звонок.

Начинаю легонько стучать ногой в дверь. Потом дергаю дверь и колочу в нее до того, что прохожие в испуге шарахаются.

Наконец, слышу долгожданные шаги и мелодичное позвякивание ключей. К подъезду подходит дворник в дежурной шубе.

Открывая дверь, он говорит:

– Тоже целый час колотит, – наверно, мне всю дверь расшевелил.

Я говорю:

– А если вы целый час слышите, как стучат, так какого лешего не открываете?

Он говорит:

– А я почем знал, что тут стучат? Мало ли стука идет по городу? Вы бы взяли и позвонили. Еще интеллигент, а кнопку найти не может.

– Да я, говорю, целый час звонил. Может, звонок не звонит.

– Ах, это очень возможно, – говорит дворник.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Он нажимает кнопку звонка, прислушивается.

– Так и есть, – говорит дворник, – обратно звонок оборвали. Ой, что я буду делать с моими жильцами, – я прямо не знаю. Каждый день что-нибудь особенное они мне преподносят.

Я хочу пройти на улицу, но дворник придерживает дверь ногой. Он говорит, подозрительно меня осматривая:

– А, может быть, это вы звонок оборвали. Я почем знаю.

Я говорю:

– Зачем же мне было рвать звонок, если он мне как раз нужен? Чудак-человек.

Он говорит:

– Вы мне зубы не заговаривайте, а лучше скажите – с какого номера, собственно говоря, вы идете?

– С десятого, говорю.

– Тогда, – говорит дворник, – подымитесь наверх и скажите хозяину – пушай он вас до дверей проводит. А то я не знаю, кто вы есть. И почему вы идете. И зачем вы тут целый час ночью в подъезде околачиваетесь.

Я говорю:

– Да хозяин, наверное, уже спать лег. Чего мне его будить? Вот если бы я с узлом шел, – вот тогда бы вы могли тревожиться.

Дворник говорит:

– Мне указанья не надо делать. Я все время должен тревожиться на своем посту. А уж если бы ты с узлом шел, то я бы тебя моментально в отделение милиции доставил.

Я говорю:

– Слушай, отец, я иду с десятого номера от Михайловых. Ну какого черта ты меня морозишь?

Дворник говорит:

– А может, ты мне всех этих Михайловых сейчас убил. Или, может быть, я не знаю, что ты с ними в настоящее время сделал. И, может, желаешь поскорей уйти. Как же я тебя пропущу?

Я роюсь в кармане, достаю рубль и даю дворнику.

Он берет рубль и говорит:

– Вот тем более – как я тебя пропущу. Теперь меня еще больше сомнение берет. Может быть, этим рублем ты хочешь меня «смазать», чтоб пройти.

Я говорю:

– Слушай, отец, свистни милицию. Я с милиционером объяснюсь.

Дворник говорит:

– Или вот обратно свисток. Давеча свищу в свисток, а вместо настоящей трели у меня один писк получается. Гляжу – кто-то уж мне горошину выбил из свистка. И получается тонкий свист, на который милиция не подходит. Уж наверно кто-нибудь это сделал, кому это интересно сделать. На одного жильца я уже имею подозрение.

Я решительным тоном говорю:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Отец, давай убери ногу от двери, – я сейчас пройду.

Дворник слезливо говорит:

– Вдобавок, может, ты с револьвером идешь. И, может быть, хочешь меня из револьвера трахнуть. Еще полгода пройдет, и я всю нервную систему себе испорчу такими случаями.

Я говорю:

– Отойди к черту от двери. Вот мои документы, – ты не имеешь права меня задерживать.

Дворник облегченно говорит:

– Ах, у вас есть документы! Что же вы об этом раньше не говорили? Тогда идите.

Поглядев на кончик записной книжки, которую я было начал вытаскивать из кармана, дворник сказал:

– Я бы вас, товарищ, сразу пропустил. А то вижу – мало ли кто идет.

Пошатываясь, я иду домой.

Снова почему-то вспоминаются дурацкие стишки: «Сердце бьется, хвост трясется».

Потом поэзия сменяется прозой. И на ум приходит народная поговорка: «Услужливый дурак опаснее врага».

Несчастный случай

Недавно, уважаемые товарищи, я проживал в одном доме отдыха.

Дом отличный. И там все великолепно. Никаких дефектов не заметно. Так что кроме чувства благодарности в сердце отдыхающего ничего не возникает.

Тем не менее извольте прослушать небольшую забавную историйку, связанную с этим домом отдыха.

Надо сказать, что дом этот находится за городом, в лесу. И построен он совсем недавно – этой осенью.

Лет пять назад такой домишко построили бы на живую нитку. А в настоящее время архитектор расстарался и построил дом фундаментально, красиво и, мы бы даже сказали, художественно. И это очень хорошо.

Не обошлось, конечно, без колонн. Но уж раз у нас такая любовь к греческому искусству, то нехай пусть будут колонны. Тем более, что тут архитектор вывел немного колонн – всего две колонны. И вдобавок издали их можно принять за две сосны. Так что какой же может быть разговор, – стоят и кушать не просят.

Но не в этом дело.

Вот вы смотрите на этот дом, и все вам нравится, – сердце радуется и душа отдыхает. Но вот ваш взгляд скользит по окнам нижнего этажа, и вдруг вы замечаете какую-то ненормальность. Вы ожидали увидеть прекрасные современные зеркальные стекла, и вдруг вы видите оконные рамы, в которые вставлены не то двенадцать, не то шестнадцать небольших стекол.

Вы снова с недоумением смотрите на все шесть окон фасада. Да, в великолепные дубовые рамы вставлены крошечные стекла.

Вы решаете, что инженер под конец строительства немножко свихнулся и устроил такой балаган. И на этом успокаиваетесь, тем более что многим отдыхающим, оказывается, наиболее всего понравились эти окна. Некоторым отдыхающим это напомнило какой-то теремок в лесу и еще что-то такое сказочное.

Но вот в одно прекрасное утро, когда я вышел в сад, подошел ко мне один из

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
здешних служащих и так сказал:

– Слушайте, я могу вам рассказать историю. И тогда вам будет ясно, почему у нас такие несуразные окна. Только просьба, если будете писать, не пишите, какой это дом отдыха, а то кругом будут смеяться, и нам этого не хотелось бы..

Я говорю:

– Расскажите. Должно быть, это интересно.

И вот он рассказал нижеследующую историю.

Осенью этот дом был готов. И с октября ожидалась первая партия отдыхающих.

В сентябре лихорадочно приводились в порядок последние мелочи. Уже привинтили крючки к дверям, прибили задвижки и шпингалеты. Повесили картины и занавески.

Все было готово к приему дорогих гостей. И только остановка была за стеклами. Весь фасад, где предполагались большие стекла, был не застеклен.

А на дворе осень, сырость. Правда, окна забиты щитами, но это не выход.

Директор дома писал слезные заявления туда и сюда, чтоб поскорее прислали стекла, но все было безрезультатно.

Директор с утра пораньше бежал на склад и там просил, умолял, кричал и чертыхался. Он говорил, что дело гибнет. Еще пара недель, и произойдет катастрофа, если он не получит стекла.

Но на складе пожимали плечами и говорили, что стекла для них ожидаются, но пока еще не получены. И нечего тут кричать и чертыхаться: это делу не поможет. Кроме них еще одно строительство ждет стекол и не волнуется.

Директор в панике махнул в Москву. Но там ему сказали, что стекла посланы.

Директор вернулся назад. Снова бросился на склад.

Но на складе снова спокойно ответили:

– Пока ваших стекол еще нет. А как придут – сообщим вам.

Директор устроил на складе форменную истерику. Он кричал, что его режут, что его сердце – гражданина и общественника – не выдерживает такой пытки, что всего осталось девять дней, что, наконец, все путевки проданы и что отдыхающие уже, наверно, собирают свои чемоданы, чтобы ехать сюда отдыхать.

На складе снова ответили:

– Ваши крики напрасны. Раз нет стекол, то склад не может выполнить наряд. Успокойте ваши нервы.

С грустью директор вернулся домой. Прораб и рабочие, как могли, утешали его. Говорили, что еще пару дней можно обождать. Что стекла важно вставить хотя бы дня за три до приезда отдыхающих. Что за три дня и замазка засохнет, и помещение отогреется.

Но директор был безутешен.

Через два дня, к вечеру, когда осталось всего шесть дней до приезда отдыхающих, прибегает к директору прораб и так говорит:

– Подлость заведующего складом не поддается описанию. Стекла на складе есть. Четыре ящика стекол лежат у них в грязи за сараем. Эти ящики видел мой племянник, который сегодня получал олифу. Наверное, эти стекла предназначены у них для другого строительства. А мы тут с вами локти кусаем.

Директор говорит:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – Этот заведующий складом мне всегда был противен. Неужели он, скотина, не мог дать мне эти стекла, предназначенные для кого-то там, я не знаю? Ведь я у него сегодня был, и он даже не пожелал со мной разговаривать.

Прораб говорит:

– Нам остается одно – украсть со склада эти стекла. А наши стекла, когда придут, пуцай заведующий отдаст тому строительству, с которым он цацкается и для которого он бережет эти стекла. Это будет справедливо.

Директор говорит:

– Это справедливо, но небезопасно. Заведующий складом прибежит сюда, увидит свои стекла и поднимет тарарам.

Прораб говорит:

– А мы возьмем эти стекла и разрежем их на более мелкие составные части. И ни один черт в мире не узнает.

Директор говорит:

– Положение безвыходное. Приходится мне согласиться. Ладно, берите стекла, режьте.

И вот ночью прораб со своим племянником и сам директор со своей женой перелезли через забор склада и вынесли оттуда два ящика стекла.

Всю ночь и утро шла лихорадочная работа. Стекольщик резал стекла. Столяр строгал новые перекладинки для рам. И сам прораб красил эти перекладинки. К полудню все было готово. И вдруг прибегает бледный заведующий складом и так говорит прорабу:

– Вчера, к вечеру, получили мы стекла для вас, а ночью кто-то спер эти стекла. Что теперь делать, я ума не приложу.

Прораб говорит:

– Ах, как жалко, что у вас украли эти стекла. Еще хорошо, что мы устроились: достали кое-какие стекла на стороне. А то бы локти кусали.

Заведующий складом подозрительно посмотрел на застекленные рамы, но, увидев, что там вставлены какие-то мелкие стекла, ушел восвояси.

Однако вскоре дело распуталось. Директор и прораб получили дисциплинарное взыскание, и вдобавок из их жалованья стали вычитать за испорченные стекла. И, видимо, месяца через два-три вставят новые стекла за счет директора и прораба.

Заведующий складом, который и до этого несчастного случая почти что не здоровался с директором, совсем перестал с ним здороваться. Но директор на это плюет с высокого дерева.

Сапоги

Один муж велел своей жене купить ему ботинки.

Сам он не мог ходить по магазинам за неимением свободного времени. Он был предельно загружен работой и вдобавок что-то изобретал к своему станку. Какую-то штуковинку. И у него не было возможности драгоценные свои часы тратить на такое мизерное занятие, как покупка сапог, шлянье по магазинам, стояние у кассы, вынимание бумажника и так далее.

Вот поэтому он и предложил своей мадам купить то, что ему было нужно.

И, уходя на работу, он сказал ей:

– Я не франт. Фасон мне безразлично какой. Только прошу учесть, что я ношу сорок первый размер. Уже сапоги номером больше вызывают у меня на ногах пузыри. Это последнее обстоятельство, несомненно, неблагоприятно отразится на показателях моей работы. Так что просьба – исполнить то, что я прошу.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Жена этого человека взяла деньги и пошла покупать. Она обошла некоторое количество магазинов, но безрезультатно: нужного номера нигде не было. Кое-где были недомерки или уж что-нибудь исключительно большое, рассчитанное на распухшую ногу. Сорок первого же размера ей не удалось найти, хотя она на этот предмет затратила не менее четырех часов.

Наконец в одном магазине, протискавшись через толпу, она увидела огромные ботинки – сорок пятый номер.

Она не хотела их покупать, поскольку размер был много больше, чем ей нужно. Но тут один из посетителей стал эти ботинки дергать у нее из рук. И она, находясь в коммерческом зуде, сказала, что берет эти сапоги, просьба не вырывать то, что взято. И, не отдавая себе отчета, уплатила в кассу деньги. И сама не своя вышла из магазина с этими ботинками.

И вот идет она по улице, смотрит на свою покупку и весьма сильно горюет. Думает: «Дернула меня нелегкая купить такую ненужную обувь, достанется мне теперь от мужа!» И, остановившись против одного дома, она развернула эти чудовищные сапоги и с грустью стала на них глядеть.

Вдруг из ворот дома вышел один мужчина.

Он вышел из ворот, воззрился на эти сапоги и спрашивает, не продаются ли эти баркасы.

– Да, продаются, – ответила обрадованная женщина.

Нет, конечно, она не хотела наживать и, тем более, спекулировать. Но неожиданный вопрос застал ее врасплох. И она, сама не понимая, как это произошло, накинула десятку против магазинной цены. Может, она подумала: «Столько хлопот, столько потраченного времени!» И, конечно, прикинула десять рублей.

Мужчина сказал, что цена его устраивает, он только жалеет, что сапоги для него велики. Но он просит разрешения показать сапоги родственнику, который живет тут же и мечтает приобрести себе что-нибудь из обуви.

И, схватив эти сапоги, мужчина нырнул в ворота.

Подождав мужчину минут пять, женщина стала беспокоиться. Но когда прошло еще пять минут, женщина подняла тревогу, крича, что ее ограбили, обворовали, унесли сапоги, что она не знает, что теперь ей делать, как явиться домой и что сказать мужу.

Тут собралась толпа. Раздались сочувственные возгласы. Кто-то произнес речь, говоря, что в наши дни постыдно видеть что-либо подобное, что это есть исключение из общего правила нашей честной повседневной жизни.

Другой стал оратору возражать, говоря, что человеческие свойства неизменны: как было воровство, так и есть. И вот, когда нашлось что-нибудь приличное украсть, вот и великолепно украли, не посчитавшись со временем.

Тут кто-то под воротами позвонил в звонок. И на звонок вышел дворник.

Один из публики крикнул:

– Хорошенький у тебя дом: кто-то из твоих квартирантов сапоги свистнул! Слабо воспитываете жильцов вместе со своим управдомом.

Дворник говорит пострадавшей женщине:

– Приблизительно опишите мне приметы этого жильца. Тогда я могу что-нибудь сказать насчет его отыскания. Я их всех знаю, поскольку седьмой год воспитываю.

Испускавшая стоны женщина сказала дворнику, что особых примет она не заметила, только она помнит, что он черный и без кепки. И голос у него скрипучий, как после выпивки. Все остальное ускользнуло от ее внимания, поскольку ее голова не тем была занята.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Тогда дворник сказал, что случай затруднительный, так как в их доме всего два блондина и пять рыжих. Все остальные – черные, и почти все выпивают. Так что из их числа находить вора он не берется.

Вдруг через толпу протискивается один неизвестный гражданин. Он весьма взволнован. И он так говорит женщине:

– Не надо слез. Успокойтесь. В ваше положение мы входим. Все вам сочувствуем. Клеймим позором недостойного человека, оказавшегося вором. Вот, возьмите от меня некоторую сумму денег. Это я вам даю от чистого сердца, как товарищ, увидевший товарища в беде.

И с этими словами неизвестный протягивает женщине купюру в тридцать рублей.

Женщина не хочет брать, но толпа велит ей это сделать.

Под аплодисменты неизвестный товарищ скрывается в толпе.

Тотчас еще кто-то раскошелливается и сует деньги женщине в руку.

И растерявшаяся женщина стоит, не понимая, какие мысли ей подвести под все это.

Тогда удовлетворенная толпа расходится. И дворник тоже уходит. И женщина медленно шествует по улице, с недоумением поглядывая на полученные деньги.

Вдруг ее догоняет человек с сапогами в руках. И женщина видит, что это тот самый человек, который взял на примерку ее сапоги.

Этот человек, запыхавшись, так ей говорит:

– Фу, как вы меня напугали, уважаемая! Выхожу из ворот, вдруг вижу: вас нету. Уж я хотел в милицию нести ваши сапоги, чтоб невольно не оказаться вором. Зачем же вы ушли? Конечно, я немножко долго не выходил, но на это была причина: все жильцы с нашей квартиры примеряли ваши баркасы, но никому они не подошли. Вот примите назад ваши сапожищи. Сочувствую, что вы приобрели такой нечеловеческий размер.

Женщина начала было лепетать, что она получила деньги от неизвестных и теперь ей неловко принимать сапоги. Но наш покупатель, не став слушать ее несвязных речей, отбыл в другом направлении.

Некоторое время постояв на улице и подумав, женщина направилась в магазин, где купила эти баркасы, и там просила вернуть ей деньги за сапоги, которые ей не годятся.

В магазине не стали с ней спорить. Выдали ей деньги. Взяли назад сапоги. И тотчас стали их кому-то продавать. А женщина с двойной суммой вернулась домой и дома рассказала мужу, как все было.

Муж сначала на нее рассердился, но потом рассмеялся и пришел в хорошее настроение. Он сказал, что это случай удивительный. И что это следовало бы напечатать в газетах красным шрифтом. А поскольку у них столько денег скопилось на сапоги, то он, не будучи франтом, согласен, чтобы ему купили лучшую модельную обувь. И это будет ему воспоминанием об этом факте.

Жена обещала это сделать, говоря, что добросовестные работники вроде ее мужа заслуживают ходить в изящной обуви. И если таковая найдется, то она так и сделает.

Хорошая характеристика

Один молодой человек приятной наружности, некто Ф., решил в этом году немножко встряхнуться. Он по собственному желанию ушел со службы, где работал в качестве счетовода. Взял дорожный мешок, пихнул туда смену белья и всякую мелкую чертовщинку, сел в поезд и поехал, куда глядели его глаза.

Он приехал в город Б., нашел там временное пристанище и в великолепном настроении стал там жить.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Пару недель он вообще решил отдыхать, наслаждаясь жизнью. А потом некоторое время собирался поработать. И к осени намерен был вернуться в свои родные пенаты.

Однако знакомство с одной молодой особой ударило его по карману. Лодка, кино и постоянное питье лимонаду расшатали его бюджет.

Он кое-что ликвидировал из своих вещичек и вскоре убедился, что пришло время приняться за работу, чтобы продолжать то, что начато.

Он заскочил в первое попавшееся учреждение. И там обрадовались, что он счетовод, но вместе с тем удивились, что он приехал наниматься из другого города.

Директор сказал:

– Все-таки как-то странно. Жили в одном городе, потом вдруг приехали в другой. И почему-то зашли именно к нам. Непонятно.

Наш путешественник стал объяснять психологические мотивы своего приезда. Но это объяснение заставило директора еще более насторожиться.

Бухгалтер этого учреждения, некто Л-ов, сказал директору:

– Иван Петрович, в облегчение людям введено правило брать от ворот. А мы устраиваем волокиту и перестраховку. Взгляните на документы приезжего. У него все в порядке. И только нет у него личной характеристики, каковую мы можем затребовать с места службы. Нам же до крайности нужны служащие: у нас некому проверить месячный отчет по пивным. Лично я пасую, если так будет продолжаться.

Директор сказал:

– Действительно, нам служащие нужны до зарезу. Один счетовод в отпуску, другой, свинья, отравился рыбой, третий – футболист – целый день кикает, готовясь к соревнованию. Тем не менее без личной характеристики я новенького не возьму.

Молодой человек сказал:

– В таком случае дело разрешается просто: вы берете меня на работу и тем временем запрашиваете мою характеристику.

Вот как вам надо сделать.

Криво усмехаясь, директор сказал:

– А вдруг характеристика вовсе не придет. Или вдруг она придет такая, что, как говорится, унеси ты мое горе. Мы же вас решительно не знаем. А может быть, вы сбежали от алиментов. Или, может быть, вы вовсе не счетовод, а бог знает, кто вы такой. Все это ляжет темным пятном на наше учреждение, репутацией которого мы привыкли дорожить больше, чем вами и подобными вам. Вдобавок вы не в том союзе состоите. Дуйте в свой союз и там разводите туры на колесах.

Через пару дней молодой человек снова явился в это учреждение и сказал:

– Хорошо. Я подожду. Затребуйте мою характеристику. Но если она придет не скоро, то имейте в виду – я вылечу в трубу.

В конце второй шестидневки, узнав, что характеристики еще нет, молодой путешественник решил уехать в родные свои места.

Эта простая мысль обрадовала его и освежила. В самом деле. Черта лысого он тут будет сидеть.

Он поскакал на рынок, чтоб продать свои приличные суконные брюки и на вырученные деньги приобрести билет.

Его штаны понравились одному гражданину. И тот согласился их купить и вдобавок дать свои обыкновенные парусиновые брюки.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Но покупатель не захотел осматривать покупку на владельца. Он пожелал проверить товар на свет: нет ли дыр и какова потертость.

Недолго думая, наш путешественник влез в пустой ларек, стоявший на краю рынка, и через минуту выкинул на прилавок свои брюки с тем, чтобы покупатель убедился в качестве товара.

Осмотрев брюки, покупатель рассердился. Он сказал, что за это решето он не даст и рубля.

И от озорства, а отчасти от гнева, что не оправдались его надежды, покупатель швырнул брюки на крышу ларька, в котором наш злосчастный путешественник сидел в одной голубенькой майке.

Полчаса и больше просидел Ф. в ларьке, не зная, что ему предпринять. Потом он стал скликать прохожих, прося, чтоб они ему подсобили.

Два подростка стали орудовать палкой. Но ларек был высокий. И снять брюки оказалось не так уж просто.

Пугаясь, что подростки свистнут его брюки, Ф., озираясь по сторонам, вылез из ларька и стал руководить операцией.

Между тем собралась толпа. Кто-то припер лестницу, и под радостные крики собравшихся брюки, наконец, были сняты и торжественно вручены владельцу.

И в тот счастливый момент, когда поданы были брюки, к толпе подошел бухгалтер Л-ов, который имел обыкновение прогуливаться по рынку в обеденный перерыв.

Узнав молодого человека, бухгалтер крикнул:

– Слушайте, только что пришла ваша характеристика, а вы тут на рынке околачиваетесь!

Узнав от бухгалтера, в чем дело, толпа заплодировала путешественнику.

Дрожащими руками напялив брюки, Ф. вместе с бухгалтером поспешили в управление.

Директор, сияя, сказал:

– Характеристика больше чем хорошая. Наше учреждение можно поздравить с ценным приобретением. Приступайте.

Ф. хотел было в счет аванса взять некоторую сумму, чтоб продержаться до жалованья, но оказалось, что это нельзя, так как он тут еще не работал.

Тогда сердобольный бухгалтер дал ему две двадчатки из своих, сказав: «Можете отдать через месяц».

Когда деньги очутились в руках путешественника, он подумал:

«А, собственно говоря, зачем я буду сидеть и томиться в этом городе? Лучше я сейчас куплю билет и уеду. А бухгалтеру верну долг по почте».

Эта остроумная мысль пришлась ему по вкусу. Он побрел на вокзал и в тот же день уехал на почтовом поезде.

Хорошая же характеристика так и осталась в учреждении.

На всякий час ума не напасешься
Давеча еду в автобусе.

Довольно тесно. Но стоять можно: с ног не валят. Рядом со мной стоит престарелый гражданин с портфелем. А рядом с ним престарелая дама с чемоданчиком.

Они стоят безропотно. Особенно независимо стоит престарелый гражданин. Что касается дамы, то она, видать, устала стоять, и по временам она с тоской взирает

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru на сидящих, ожидая, не уступят ли ей местечка. Тем более, что качка изрядная, и ее престарелые ноги не справляются с неожиданностями пути.

Но пассажиры не реагируют на ее взоры. И только один из них, обратившись к ней, говорит:

– Через три остановки я, мамаша, сойду, и тогда сядете на мое место – просьба обождать. Я бы и сейчас вам уступил, но войдите в мое положение: у меня пузыри на ногах – стоять трудно.

«Мамаша» с благодарностью кивает головой, но при этом замечает, что и ей через три остановки тоже надо сходить.

– Как хотите, – говорит пассажир, – не смею вас задерживать.

Вдруг на остановке в автобус входит еще новая партия пассажиров. И среди них небольшой парнишечка лет двенадцати.

Он едет самостоятельно, один. Смело входит в автобус. Сразу протискивается вперед. И начинает с интересом следить за действиями шофера.

Пассажир, у которого пузыри на ногах, неожиданно встает со своего места и, вежливо поклонившись ребенку, говорит:

– Садитесь, молодой товарищ.

Мальчугану, видать, не особенно хочется сидеть. Ему интересней наблюдать, как шофер вертит кругом. Однако, послушный голосу взрослого, он садится на его место.

Престарелая дама говорит:

– Лучше бы вы мне уступили, чем мальчугану, который может пятьсот километров стоя проехать и ему от этого худо не будет.

Пассажир, уступивший место, говорит:

– Ничего не поделаешь, мамаша. Детей надо уважать и к ним надо почтительно относиться. Они нам смена.

Престарелый пассажир с портфелем говорит:

– Об этом никто не спорит. Детей надо уважать. Но и портить их не надо.

Который с пузырями говорит:

– А чем же я их порчу? Что вы на меня навалились?

Престарелый пассажир говорит:

– Детей надо так воспитывать, чтоб они место старым людям уступали. Не надо из них оранжерейные цветочки делать.

Еще одна женщина говорит:

– Между прочим, я так своих детей и воспитываю. Мои дети и дверь откроют, если звонок звонит. И тарелку принесут взрослому, если это ему надо.

Еще кто-то произносит:

– Сам на пузырях стоит, а здоровому парнишке место уступил. А парнишка и местом не интересуется: эвон сидит, как на шиле, вертится и подскакивает. Ясно, это не надо было делать. Крошечному ребенку следует место уступить. А такому, когда и давки-то нет, – это перегиб.

Который с пузырями говорит:

– А пожалуй, я действительно допустил перегиб. Не сообразил, что данный ребенок

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru – крупный и вроде подростка. Но линия у меня на уважение детей принципиально правильная. И она не расходится с общей тенденцией. С этой позиции вы меня не собьете.

Пассажир с портфелем говорит:

– Позиция правильная и с общей тенденцией не расходится, но в данном случае разошлась.

С пузырями говорит:

– Убедили. Тоже ведь на всякий час ума не напасешься. Лучше бы я мамаше место уступил. А еще бы лучше сам остался сидеть. А то стою на пузырях и испытываю муки.

Тут мальчуган встает и говорит:

– Что вы мне велите сидеть? Я не хочу сидеть. Я хочу рядом с шофером стоять.

Тут пассажиры начинают смеяться. И говорят тому, у кого пузыри:

– Видите, какая допущена накладка. Мальчик принял вашу глупую любезность за приказание. И поэтому он сел. Теперь, будьте любезны, не садитесь, а пусть на это место сядет престарелая гражданка с чемоданчиком.

Та садится на это место. И пассажир с пузырями, расстроившись от всех этих дел, сходит с автобуса на своих полусогнутых. Причем сходит на одну остановку раньше, чем это ему было надо. И при этом бормочет: «На всякий час ума не напасешься».

Коммерческая операция

Недавно мы с женой задумали приобрести дубовую вешалку в переднюю.

В комиссионном магазине продавалась хорошенькая стоячая вешалка с зеркалом.

И для этой цели нам с женой срочно понадобились деньги. И мы решили где-нибудь перехватить некоторую сумму до первого апреля. Но поскольку нам не удалось это сделать, то мы пришли к решению – продать один мой лишний выходной костюм.

Не скажу, что этот костюм был новенький или, как говорится, с иголочки. Некоторое количество дырок и пятен имелось, но уж не настолько, чтоб его нельзя было назвать костюмом.

Слов нет, брюки были нехороши. Не хватало пуговиц. И позади от пояса был отрезан кусок материи на починку нижнего отворота, случайно оторванного в автобусе. И вдобавок не хватало одного хлястика, тоже оторванного, как говорится, «с переляку», во время крымского землетрясения в 1927 году.

А пиджак был еще ничего себе. И даже, может быть, сам Форд не погнушался бы носить его во время затемнения.

А что брюки и пиджак давали между собой такую разницу, то это оттого, что пиджак я носил раз в году, а брюки трепал ежедневно и даже по несколько раз в день.

Первоначально мы с женой имели намерение заложить наш костюм в ломбарде. Но нам не хотелось длинной канители, и поэтому мы упростили коммерческую операцию: отнесли товар на скупочный пункт.

Заведующий пунктом, осмотрев наш костюм, не проявил ни радости, ни горя. Осмотрев, он отбросил его от себя и при этом буркнул: «Семьдесят!»

А мы с женой мечтали получить сто и поэтому сказали заведующему:

– Огляните лучше и дайте ту божескую цену, какую заслуживает наш товар.

Осмотрев еще раз, заведующий сказал:

– Нет, я не ошибся. Более семидесяти ваша вещь не потянет. Дырки. Пятна. Хлястика нет. И штаны, как решето.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Эта сумма нас с женой не устраивала. И поэтому, взяв костюм, мы отправились домой. И двое суток приводили этот костюм в христианский вид. Мы пришили хлястик и пуговицы. Заштопали дырки. Вывели пятна. И отутюжили костюм. И, полюбовавшись на него, снова отнесли на скупочный пункт.

Однако заведующий, осмотрев костюм, сказал: «Пятьдесят».

Откровенно вам сказать, мы были ошеломлены и растеряны. Мы сказали:

– Еще позавчера вы давали семьдесят. А ведь тогда были дырки, пятна, и хлястика не имелось. А сейчас, когда костюм с иголки, вы даете пятьдесят. Как же так, уважаемый?

– Не знаю, – сказал заведующий, – не помню, чтоб я давал семьдесят. Более пятидесяти ваша вещь не тянет.

Говорю вам это как специалист, шесть лет проработавший в этом.

Мы с женой хотели было тут же оторвать от брюк пуговицы и хлястик для того, чтобы вызвать прежнюю цену. Но заведующий сказал:

– Боже сохрани вас это делать! В противном случае более десяти рублей ваша вещь не потянет.

И тогда мы с женой, рассердившись, пошли в другой скупочный пункт. Но там оценили нашу вещь еще того меньше, в тридцать рублей.

Мы вернулись в первый магазин для того, чтоб получить то, что давали. Однако заведующий, не узнав нас, сказал:

– Не скажу – сто, но рублей девяносто ваш костюм тянет. Но только – увы! – на сегодня мы уже расторговались, и в кассе больше нет ни сантима.

Мы с женой вернулись домой и решили вешалку не покупать.

Но вскоре к нам пришел один наш знакомый и, узнав, что продается костюм, купил его за сто десять рублей в рассрочку. Двадцать шесть рублей он нам дал, а остальное обещал после праздников и уж, во всяком случае, не поздней весны.

И мы решили ждать, поскольку вешалка нам уж не так нужна, не до зарезу.

Пчелы и люди

В один колхоз приехал в гости красноармеец.

И в подарок своим родственникам он привез баночку цветочного меду.

И до того этот мед всем понравился, что колхозники решили устроить у себя пчеловодство.

А кругом никто пчеловодством не занимался. И колхозникам надо было устраивать все заново – ульи делать и пчел из леса переводить на новые квартиры.

Увидев, что это дело такое длинное, колхозники приуныли.

– Это, говорят, долгая канитель! Пока то да се – и лето пройдет. И мы не увидим меду до следующего года. А нам надо сейчас.

А среди колхозников находился один прекрасный человек, некто Иван Панфилович, немолодой мужчина лет семидесяти двух. Он в молодые годы занимался пчеловодством.

Вот он и говорит:

– Для того чтобы в этом году чай пить с медом, надо поехать куда-нибудь туда, где есть пчеловодство, и там у них надо купить то, о чем мы мечтаем.

Колхозники говорят:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Наш колхоз – миллионер. Перед затратами он не постоит. Давайте купим пасеку на полном ходу! Чтобы пчелы уже в ульях сидели. А то если из леса пчел переведем, они, может быть, окажутся неважные. Может быть, они начнут какой-нибудь жуткий мед изготавливать, какой-нибудь липовый. А нам надо цветочный.

И вот дали Ивану Панфилычу деньги и послали его в город Тамбов.

Приезжает он в Тамбов. Там ему говорят:

– Вы правильно сделали, что приехали к нам. У нас три деревни переселились на Дальний Восток. Осталось лишнее пчеловодство. Это пчеловодство мы вам можем отдать чуть не даром. Только как вы этих пчел повезете – вот это для нас вопрос. Товар, можно сказать, рассыпной, крылатый. Чуть что – разлетится в разные стороны. И мы страшимся, что к месту назначения вы привезете одни только пчелиные домики да личинки.

Панфилыч говорит:

– Как-нибудь я их перевезу. Я знаю пчел. Я всю жизнь имел с ними общение.

И вот Панфилыч на двух подводах привез на станцию шестнадцать ульев.

На станции он схлопотал открытую платформу. Поставил на эту платформу свои ульи и покрыл их брезентом.

И вот вскоре товарный поезд тронулся. И наша платформа покатила.

Панфилыч торжественно стоял на платформе и беседовал с пчелами...

– Ничего, ребятки, – говорил он им, – доедем! Маленько потерпите в темноте, а там я вас снова к цветам пушу. И вы уж там, я так думаю, свое возьмете. Главное, не тревожьтесь, что я вас в темноте везу. Это я вас нарочно брезентом закрыл, чтоб вы сдуру не вылетели на ходу поезда. В противном случае обратно на поезд уже не вскочите.

И вот поезд едет день. И другой день он едет.

На третий день Панфилыч стал немного волноваться. Поезд идет медленно. На каждой станции останавливается. Подолгу стоит. И непонятно, когда он доедет к месту назначения.

На станции Поля Панфилыч сошел со своей платформы и обратился к начальнику станции. Он спросил:

– Скажите, уважаемый, долго ли будем стоять на вашей станции?

Начальник станции отвечает:

– Право, не знаю, может быть, и до вечера постоим.

Панфилыч говорит:

– Если до вечера, то я открою брезент и выпущу своих пчелок на ваши поля. А то они в пути истомились. Третий день под брезентом сидят. Проголодались. Не пьют, не кушают и личинок не кормят.

Начальник говорит:

– Поступайте как хотите! Какое мне дело до ваших крылатых пассажиров! У меня и без того дел хватает. А тут я буду о ваших личинках тревожиться. Еще что за глупости!

Панфилыч вернулся к своей платформе и снял брезент.

А погода была великолепная. Небо голубое. Июньское солнышко блестит. кругом поля. Цветы растут. Каштановая роща зацветает.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Вот Панфилич снял брезент с платформы. И тотчас целая армия пчел поднялась к небесам.

Пчелы покружились, осмотрелись и направились в поля и леса.

Пассажиры обступили платформу. И Панфилич, стоя на платформе, произнес им лекцию о пользе пчел.

Но во время лекции на станцию вышел начальник и стал давать сигналы машинисту, чтоб тот тронулся в путь.

Панфилич прямо ахнул, когда увидел эти сигналы. С тревогой он говорит начальнику станции:

– Уважаемый, не отправляйте поезд! У меня все пчелы в разгоне.

Начальник станции говорит:

– А вы им свистните, чтоб они скорей обратно сядились! Более трех минут я не могу поезд задерживать.

Панфилич говорит:

– Умоляю, задержите поезд до заката солнца! На закате солнца пчелы вернутся на свои места. В крайнем случае отцепите мою платформу! Я без пчел не могу ехать. Тут у меня одна тысяча осталась, а пятнадцать тысяч в полях. Войдите в положение! Не отнеситесь равнодушно к такой беде!

Начальник станции говорит:

– У нас не пчелиный курорт, а железная дорога. Подумаешь, пчелы улетели! А на следующем поезде скажут: мухи улетели. Или блохи, скажут, выскочили из мягкого вагона. Так что ж, я должен ради этого поезда задерживать? Не смешите меня!

И тут начальник станции снова дает сигнал машинисту.

И вот поезд трогается.

Панфилич, бледный как полотно, стоит на своей платформе. Руками разводит. Смотрит по сторонам. И дрожит от огорчения.

А поезд идет.

Ну, некоторое количество пчел успело все-таки вскочить на ходу. А большая часть осталась в полях и роще.

И вот поезд скрылся из виду.

Начальник вернулся на станцию. И приступил к работе.

Пишет он что-то в ведомости. И пьет чай с лимоном.

И вдруг он слышит, что на станции происходит какой-то шум.

Начальник открывает окно, чтоб посмотреть, что случилось. И видит, что среди ожидающих пассажиров происходит суматоха, беготня и суетня.

Начальник спрашивает:

– Что произошло?

Ему отвечают:

– Тут пчелы укусили трех пассажиров. И теперь бросаются на остальных. Их такое множество, что небо почернело.

И тут начальник видит, что целая туча пчел носится вокруг его станции.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
Естественно, они ищут свою платформу. А платформы нет. Она уехала. Вот они и бросаются на людей и куда попало.

Только начальник хотел отойти от окна, чтоб выйти на станцию, как вдруг в окно влетело множество разъяренных пчел.

Начальник схватил полотенце и стал им махать, чтобы выгнать пчел из комнаты.

Но, видимо, это его и погубило.

Две пчелы укусили его в шею. Третья – в ухо. Четвертая ужалила его в лоб.

Замотавшись в полотенце, начальник лег на диван и стал испускать жалобные стоны.

Вскоре прибегает его помощник и говорит:

– Кроме вас, пчелы укусили в щеку дежурного телеграфиста. И он теперь отказывается работать.

Начальник станции, лежа на диване, говорит:

– Ай, что же делать?

Тут прибегает еще один служащий и говорит начальнику:

– Билетная кассирша, то есть ваша жена, Клавдия Ивановна, сию минуту укушена в нос. Наружность ее теперь окончательно испортилась.

Начальник станции застонал сильнее и сказал:

– Надо скорей вернуть платформу с этим сумасшедшим пчеловодом.

Начальник соскочил с дивана и стал звонить по телефону. И со следующей станции ему ответили:

– Ладно. Платформу сейчас отцепим. Но только у нас нет паровоза доставить ее вам.

Начальник станции кричит:

– Паровоз мы пришлем. Отцепляйте платформу поскорей. Уже мою супругу пчелы укусили. Моя станция Поля опустела. Все пассажиры спрятались в сарай. Только одни пчелы носятся по воздуху. И я отказываюсь выходить на улицу, пускай происходят крушения!

И вот вскоре платформа была доставлена.

Все с облегчением вздохнули, когда увидели платформу, на которой стоял Панфилич.

Панфилич приказал поставить платформу на то самое место, где она стояла. И пчелы, увидев эту платформу, моментально подлетели к ней.

А пчел было так много и они так поспешно стали занимать свои места, что среди них произошла давка. И такой у них гул поднялся и такое жужжание, что собака завывала и голуби к небу поднялись.

Панфилич, стоя на платформе, приговаривал:

– Спокойно, ребятки, не торопитесь! Время есть. Занимайте свои места согласно своим плацкартам!

Через десять минут все стало тихо.

Убедившись, что все в порядке, Панфилич сошел со своей платформы.

И люди, находившиеся на станции, заплодировали ему. И Панфилич, как артист, стал раскланиваться с ними. И при этом сказал:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru – Опустите ваши воротники! Откройте лица! И перестаньте дрожать за свою судьбу – укусов более не произойдет.

И, сказав это, Панфилич направился к начальнику станции.

Начальник, замотанный полотенцем, продолжал лежать на диване. Он охал и стонал. Но он еще больше застонал, когда Панфилич вошел в комнату.

Панфилич сказал:

– Я очень сожалею, уважаемый, что мои пчелы вас укусили. Но в этом вы сами виноваты. Нельзя столь равнодушно относиться к делам, независимо от того, большие они или маленькие. Пчелы этого не выносят. Они без всяких разговоров кусают за это людей.

Начальник застонал еще больше, а Панфилич продолжал:

– Пчелы абсолютно не переносят бюрократизма и равнодушия к их судьбе. Вы же с ними поступили так, как, вероятно, поступаете с людьми, – и вот вам расплата.

Панфилич посмотрел в окно и добавил:

– Закат солнца произошел. Мои спутницы заняли свои места. Честь имею кланяться! Мы поехали.

Начальник станции слабо кивнул головой – дескать, уезжайте поскорей! И тихо прошептал:

– Всех ли пчел-то захватили? Смотрите не оставьте чего-нибудь у нас.

Панфилич говорит:

– Если две-три пчелы у вас и останутся, то это вам пойдет на пользу. Своим жужжанием они вам будут напоминать о последнем событии.

С этими словами Панфилич вышел из помещения.

На другой день к вечеру наш славный Панфилич прибыл со своим живым товаром к месту назначения.

Колхозники встретили его с музыкой.

Фокин-Мокин

Давеча я зашел в одну артель. К коммерческому директору. Надо было схлопотать одно дельце для нашего учреждения. Один заказ.

Все наши сотрудники бесцельно ходили к этому неуловимому директору. И вот наконец послали меня.

Заведующий мне сказал:

– Человек вы нервный, солидный. Сходите. Может, вам посчастливится поймать его.

Вообще-то я не любитель ходить по учреждениям. Какого-то такого морального удовлетворения не испытываешь, как, например, от посещения кино. Но раз такое дело – пришлось пойти.

Прихожу в эту артель. Спрашиваю, где этот Фокин – коммерческий директор.

Уборщица отвечает:

– Фокина нет.

Я говорю:

– Подожду вашего Фокина. Проведите меня в его кабинет.

Сначала уборщица не хотела даже указывать, где его кабинет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А надо сказать, я человек крайне нервный. Немножко понервничаю – у меня уже ГОЛОС дрожит, и руки дрожат, и сам весь дрожу.

Недавно на врачебной комиссии доктор велел мне положить ногу на ногу, и по коленке он ударил молоточком, чтоб посмотреть, какой я нервный. Так нога у меня так подскочила, что разбежался весь медицинский персонал. И врач сказал: «Нет, я больше не буду вас испытывать, а то вы мне тут весь персонал изувечите».

Так вот, увидев, что я такой нервный, уборщица провела меня в кабинет к этому Фокину. И я там сел за его стол.

И решил не сходить с места, пока не появится сам директор. И вот скрутил папиросочку и сижу за этим столом. Мечтаю, чтоб кто-нибудь дал мне огонька закурить.

Открывается дверь. И в кабинет заглядывает какой-то посетитель. Вежливо кланяется мне и улыбается.

Увидев его такую любезность, я говорю:

– Нет ли спичечки закурить?

Посетитель говорит:

– Для вас не только спичку – все не пожалею отдать.

И с этими словами он вынимает из кармана зажигалочку.

Чиркает. И дает мне прикурить.

Невольно я люблюсь этой зажигалочкой.

А посетитель говорит:

– Прямо буду счастлив, если примете от меня эту зажигалочку!

Я говорю:

– Ну что вы! Постороннему, чужому человеку вы вдруг будете дарить такую хорошенькую зажигалочку! Я прямо не осмелюсь взять.

Тот говорит:

– Составьте мое счастье. Возьмите! Слов нет – я вас увидел впервые, но сразу почувствовал к вам глубокую симпатию.

Обижать мне его не хотелось. Я взял зажигалочку. И крепко пожал руку добродушному посетителю.

Уходя из кабинета, он сказал:

– Кстати, товарищ Фокин, я завтра к вам зайду по одному дельцу.

Я говорю:

– Слушайте, никакой я не Фокин. Я сам Фокина жду.

Не скрою от вас, посетитель зашатался и с бранью стал вынимать зажигалку из моего кармана.

Нет, я бы отдал ему сразу то, что получил. Но меня задела его нетактичность.

Как это можно совать руки в чужие карманы? И вдобавок хватать за плечи!

В момент нашей борьбы открывается дверь, и в кабинет входит еще один незнакомец.

Увидев, что меня трясут за плечи, незнакомец, вместо того чтоб подать мне

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
помощь, сам кидается ко мне и тоже начинает трясти.

– Я, кричит, давно до тебя добирался, Фокин-Мокин!

Не скрою от вас, я поднял крик. Прибежала уборщица. Она сказала:

– Прекратите возню. Сейчас товарищ Фокин приедет.

Тут мы сели на диван. И стали ждать Фокина. Мы три часа его ждали. Но он не приехал. Вежливо попрощавшись, мы разошлись. Хорошенькую зажигалку мне все же пришлось отдать симпатичному владельцу.

Приключения обезьяны

В одном городе на юге был зоологический сад. Небольшой зоологический сад, в котором находились – один тигр, два крокодила, три змеи, зебра, страус и одна обезьяна, или, попросту говоря, мартышка. И, конечно, разная мелочь – птички, рыбки, лягушки и прочая незначительная чепуха из мира животных.

В начале войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологический сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском. Всем зверям на удивленье.

Причем были убиты три змеи – все сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжелым фактом, и, к сожалению, страус.

Другие же звери не пострадали, и, как говорится, только лишь отделались испугом.

Из всех зверей больше всего была перепугана обезьяна-мартышка. Ее клетку опрокинуло воздушной волной. Эта клетка упала со своего возвышения. Боковая стенка сломалась. И наша обезьяна выпала из клетки прямо на дорожку сада.

Она выпала на дорожку, но не осталась лежать неподвижной по примеру людей, привыкших к военным действиям. Наоборот. Она тотчас влезла на дерево. Оттуда прыгнула на забор. С забора на улицу. И, как угорелая, побежала.

Бежит и, наверно, думает: «Э, нет, думает, если тут бомбы кидают, то я не согласна». И, значит, что есть силы бежит по улицам города. И до того шибко бежит, будто ее собаки за пятки хватают.

Пробежала она через весь город. Выбежала на шоссе. И бежит по этому шоссе прочь от города. Ну – обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городе.

Бежала, бежала и устала. Переутомилась. Влезла на дерево. Съела муху для подкрепления сил. И еще пару червячков. И заснула на ветке, там, где сидела.

А в это время ехала по дороге военная машина. Шофер увидел обезьяну на дереве. Удивился. Тихонько подкрался к ней. Накрыл ее своей шинелькой. И посадил в свою машину. Подумал: «Лучше я ее подарю каким-нибудь своим знакомым, чем она тут погибнет от голода, холода и других лишений военного времени». И, значит, поехал вместе с обезьяной.

Приехал в город Борисов. Пошел по своим служебным делам. А мартышку в машине оставил. Сказал ей:

– Подожди меня тут, милочка. Сейчас вернусь.

Но мартышка не стала ждать. Она вылезла из машины через разбитое стекло и пошла себе по улицам гулять.

И вот идет она по улице как миленькая. Гуляет, прохаживается, задрав хвост. Народ, конечно, удивляется, хочет ее поймать. Но поймать ее не так-то легко. Она живая, проворная, бегаёт быстро. Так что ее не поймали, а только замучили напрасной беготней.

Замучилась она, устала и, конечно, кушать захотела.

А в городе где она может покушать? На улицах ничего такого съедобного нет. Не

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru может же она со своим хвостом в столовую зайти. Или в кооператив. Тем более – денег у нее нет. Скидки нет. Продуктовых карточек она не имеет. Кошмар.

Все-таки она зашла в один кооператив. Почувствовала, что там что-то имеется. А там отпускали населению овощи – морковку, брюкву и огурцы.

Заскочила она в этот магазин. Видит – большая очередь. Нет, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтоб пробиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добежала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почем стоит кило морковки. А просто схватила целый пучок морковки и, как говорится, была такова. Выбежала из магазина, довольная своей покупкой. Ну – обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствия.

Конечно, в магазине шум произошел, гам, переполох. Публика закричала. Продавщица, которая вешала брюкву, та вообще чуть в обморок не грохнулась от неожиданности. И, действительно, можно напугаться, если вдруг рядом, вместо обычного, нормального покупателя, скачет что-то такое мохнатое, с хвостом. И еще, вдобавок, денег не платит.

Публика бросилась за обезьяной на улицу. А та бежит и на ходу морковку жует, кушает. Не понимает, что к чему.

И вот впереди всех бегут мальчишки. За ними взрослые. А позади бежит милиционер и дует в свой свисток.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочила собака. И тоже погналась за нашей мартышкой. Притом, такая нахалка, не только тявкает и лает, а прямо-таки норовит схватить обезьяну своими зубами.

Наша мартышка побежала быстрее. Бежит и, наверно, думает: «Эх, думает, зря покинула зоосад. В клетке спокойнее дышится. Непременно вернусь в зоосад при первой возможности».

И вот бежит она что есть мочи, но собака не отстает и вот-вот хочет ее схватить.

И тогда наша обезьяна вскочила на какой-то забор. И когда собака подпрыгнула, чтоб схватить мартышку хотя бы за ногу, та со всей своей силой ударила ее морковкой по носу. И до того больно ударила, что собака завизжала и побежала домой со своим разбитым носом. Наверно, подумала: «Нет, граждане, лучше я буду спокойно дома лежать, чем ловить вам обезьяну и испытывать такие неприятности».

Короче говоря, собака убежала, а наша обезьяна прыгнула во двор.

А во дворе в это время колот дрова один мальчик, подросток, некто Алеша Попов.

Вот он колет дрова и вдруг видит обезьяну. А он очень любил обезьян. И всю жизнь мечтал иметь при себе какую-нибудь такую обезьянку. И вдруг – пожалуйста.

Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забилась в угол на лестнице.

Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьяна была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее невзлюбила. Она накричала на мартышку и даже хотела ударить ее по лапе. Все из-за того, что, когда пили чай и бабушка положила свою откусанную конфету на блюдечко, обезьяна схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну – обезьяна. Не человек. Тот если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствии бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез.

Бабушка сказала:

– Вообще, это крайне неприятно, когда в квартире живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловеческим видом. Будет прыгать на меня в темноте. Будет кушать мои конфеты. Нет, я категорически отказываюсь жить в одной квартире с обезьяной. Кто-нибудь из нас двоих должен находиться в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад? Нет, уж пусть лучше она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартире.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Алеша сказал своей бабушке:

– Нет, бабушка, вам не надо переходить в зоосад. Я вам гарантирую, что мартышка больше ничего у вас не съест. Я ее воспитаю, как человека. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолке. Оттуда, конечно, она может прыгнуть вам на голову. Но вы, главное, не пугайтесь, если что произойдет. Потому что это всего лишь безобидная обезьяна, привыкшая в Африке прыгать и скакать.

На другой день Алеша ушел в школу. И попросил свою бабушку присмотреть за обезьяной. Но бабушка не стала за ней смотреть. Она подумала: «Вот еще, стану я смотреть за всяким чудовищем». И с этими мыслями бабушка взяла и нарочно заснула в кресле.

И тогда наша обезьяна вылезла через открытую форточку на улицу. И пошла себе по солнечной стороне. Неизвестно – может быть, она прогуляться хотела, но, может быть, и решила снова заглянуть в магазин, чтоб там что-нибудь себе купить. Не на деньги, а так.

А по улице проходил в это время один старик. Инвалид Гаврилыч. Он шел в баню и в руках нес большую корзинку, в которой лежало мыло и белье.

Он увидел обезьяну и сначала даже не поверил своим глазам, что это обезьяна. Он подумал, что это ему показалось, поскольку перед этим он выпил кружку пива.

Вот он с удивлением смотрит на обезьяну. И та на него смотрит. Может быть, думает: «Это еще что за чучело с корзинкой в руках?»

Наконец Гаврилыч понял, что это настоящая обезьяна, а не воображаемая. И тогда он подумал: «Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива». И с этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая: «Кыс, кыс, кыс... подойди сюда».

Нет, он знал, что это не кошка, но он не понимал, на каком языке с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из мира зверей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьяне и сказал ей, поклонившись:

– Красавица мартышка, не желаете ли скушать кусочек сахара?

Та говорит: «Пожалуйста, желаю...» То есть вообще-то она ничего не сказала, потому что она говорить не умеет. Но она просто подошла, схватила этот кусочек сахара и стала его кушать.

Гаврилыч взял ее на руки и посадил в свою корзинку. А в корзинке было тепло и уютно. И наша мартышка не стала оттуда выскакивать. Быть может, она подумала: «Пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинке. Это даже интересно».

Сначала Гаврилыч думал отнести ее домой. Но потом ему не захотелось домой возвращаться. И он пошел с обезьянкой в баню. Подумал: «Еще и лучше, что я с ней в баню схожу. Я там ее вымою. Она будет чистенькая, приятненькая. На шею ей бантик привяжу. И мне за нее на рынке дороже дадут».

И вот он со своей мартышкой пришел в баню. И стал с нею мыться.

А в бане было очень жарко – прямо как в Африке. И наша мартышка была очень довольна такой теплой атмосферой. Но не совсем. Потому что Гаврилыч намылил ее мылом, и мыло попало в рот. Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтоб плевать, царапаться и отказываться мыться. В общем, наша мартышка стала обезумела. Она укусила Гаврилыча за палец, вырвалась из его рук и, как угорелая, выскочила из бани.

Она выскочила в ту комнату, где раздевались люди. И там она всех перепугала. Никто же не знал, что это – обезьяна. Видят – выскочило что-то такое круглое, белое, в пене. Кинулось сначала на диван. Потом на печку. С печки на ящик. С

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ящика кому-то на голову. И снова на печку.

Некоторые нервные посетители закричали и стали выбегать из бани. И наша обезьяна тоже выбежала. И спустилась вниз по лестнице.

А там, внизу, находилась касса с окошечком. Обезьяна прыгнула в это окошечко, думая, что там ей будет спокойней и, главное, не будет такой суеты и толкотни. Но в кассе сидела толстая кассирша, которая ахнула и завизжала. И выбежала из кассы с криком:

– Караул! Кажется, бомба попала в мою кассу! Накапайте мне валерианки!

Нашей мартышке надоели все эти крики. Она выскочила из кассы и побежала по улице.

И вот бежит она по улице, вся мокрая, в мыльной пене. А за ней снова бегут люди. Впереди всех мальчишки. За ними взрослые. А за взрослыми милиционер. А за милиционером наш престарелый Гаврилыч, кое-как одетый, с сапогами в руках.

Но тут снова, откуда ни возьмись, выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась.

Но собака на этот раз не погналась за ней. Собака только посмотрела на бегущую обезьяну, почувствовала сильную боль в носу и не побежала, даже отвернулась.

А в это время наш мальчик, Алеша Попов, вернувшись из школы, не нашел дома своей любимой обезьянки. Он очень огорчился. И даже слезы показались на его глазах. Он подумал, что теперь уже никогда больше он не увидит своей славной обожаемой обезьянки.

И вот от скуки и грусти он вышел на улицу. Идет по улице меланхоличный такой. И вдруг видит – бегут люди. Нет, сначала он не подумал, что они бегут за его обезьяной. Он подумал, что они бегут благодаря воздушной тревоге. Но тут он увидел свою обезьянку, всю мокрую, в мыле. Он бросился к ней. Схватил ее на руки. И прижал к себе, чтоб никому ее не отдавать.

И тогда все бегущие люди остановились и окружили мальчика.

Но тут из толпы вышел наш престарелый Гаврилыч. И, всем показывая свой укушенный палец, сказал:

– Граждане, не велите этому парнишке брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынке. Это моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните все на этот мой распухший палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду.

Мальчик Алеша Попов сказал:

– Нет, это моя обезьяна. Видите, с какой охотой она пошла ко мне на руки. И это тоже доказательство того, что я говорю правду.

Но тут из толпы выходит еще один человек – тот самый шофер, который привез обезьяну в своей машине. Он говорит:

– Нет, уважаемые, это не ваша и не ваша обезьяна. Это моя мартышка, потому что я ее привез. Но я снова уезжаю в свою воинскую часть и поэтому я подарю обезьяну тому, кто ее так любовно держит в своих руках, а не тому, кто хочет ее безжалостно на рынке продать ради своей выпивки. Обезьяна принадлежит мальчику.

И тут вся публика захлопала в ладоши. И Алеша Попов, сияющий от счастья, еще крепче прижал к себе обезьяну. И торжественно понес ее домой.

Гаврилыч же со своим укушенным пальцем пошел в баню дымываться.

И вот с тех пор обезьяна стала жить у мальчика Алеши Попова. Она и сейчас у него живет. Недавно я ездил в город Борисов. И нарочно зашел к Алеше – посмотреть, как там она у него живет. О, она хорошо живет! Она никуда не убегает. Стала очень послушной. Нос вытирает носовым платком. И чужих конфет не берет. Так что

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru бабушка теперь очень довольна, не сердится на нее и уж больше не хочет переходить в зоологический сад.

Когда я вошел в комнату к Алеше, обезьяна сидела за столом. Она сидела важная такая, как кассирша в кино. И чайной ложкой кушала рисовую кашу.

Алеша сказал мне:

– Я воспитал ее, как человека, и теперь все дети и даже отчасти взрослые могут брать с нее пример.

Фельетоны

Электрификация

Похудел я, братцы мои, за эту неделю, осунулся, аппетит к пище потерял... Борщ я, например, ужасно обожаю – только давай, а нынче я и нос от него ворочу, не ем. Чудеса!

А я и причину знаю моей болезни. Очень уж мне, братцы мои, телеграфистов жалко. Обижают их. Все больше насчет освещения обижают.

Вот у меня имеется целая куча писем от телеграфистов. Плачутся телеграфисты на многое. И зачем, дескать, электричества нету, и зачем лампы неисправны, и почему лампы отпущены мелкого калибра. Один даже телеграфист с М. Казанской ж. д. по поводу неважного освещения воскликнул:

«Где же сознание человечества!»

А в самом деле, братцы, какого дьявола? Сказано – электрификация, так и пожалуйте. Уговор дороже денег. Зачем же ваньку валять?

Зачем же телеграфы освещать какими-то трехлинейными керосиновыми лампами?

Ну да лампа, куда ни шло – светит все-таки. А вот угадайте, братишки, чего горит на станции Семенкино в телеграфе? Ну? Ей-богу, на новые свои штаны спорюсь – нипочем не угадаете.

А горит на станции Семенкино малюсенькая фитюлька, и то без стекла.

Например, на станции Ильмень – там шикарно. Там лампа в семь свечей. Это здорово! Это пожалуй что и Германия позавидует... Везет ильменцам! Счастье им!

То-то, наверное, телеграфисты со станции Березина обижаются, завидуют тоже ильменцам. На станции Березина – беда со светом. Там вообще – беда. Нету у меня только красноречия объяснить, как работают там телеграфисты.

Пусть уж сам телеграфист объясняет. Перо у него бойкое.

Вот чего он пишет:

Телеграф помещается в уголке прихожей дежурного по станции. Телеграфист сидит там с удобствами загнанного зверька в клетку. Тесно, ночью коптит лампа, воздух сперт, даже повернуться негде.

А здорово, братцы, воздух сперт, ежели и повернуться негде! Этакая подлая лампа!

Эх, братцы мои, жалко мне телеграфистов! А в особенности жалко мне телеграфистов со станции Голутвин. Попали голутвинцы в непромокаемое положение.

Казалось бы, что все там хорошо. Есть даже керосинокалильный фонарь. Но послушайте теперь, что пишет тамшний телеграфист, у него перо тоже бойкое:

Фонарь сияет дивным, ослепительным светом! Но телеграфные аппараты установлены около окон. Работающие телеграфисты обращены лицом в том направлении. Спрашивается: куда же этот свет так ярко разливает лучи? Да телеграфистам в спину!

Не поперло голутвинцам. Этаким свет пропадает даром. А что ж у них перед глазами?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

А перед глазами, – восклицает тот же телеграфист, – истый призрака сумрак. Это – охрана труда и их зрения!

Здорово завинчено! Пропали голутвинцы! Не знаю даже, чего им посоветовать? Стол им, братцы, что ли, повернуть к свету? А? Как вы думаете? А то ведь глаза испортят. Чего же это, действительно, «охрана труда и их зрения» смотрит?

Ну да шутки шутками, а нельзя ли и в самом деле убрать поскорей керосиновую лампу, устранить сей злощастный феномен, как картинно выразился телеграфист, жалуясь нам на неисправную лампу.

Вот, братцы мои, написал я эту статейку – мне и легче. Все-таки, думаю, прочтет ее какой-нибудь инженерэлектрик.

– Ну, скажет, пора теперь за телеграфистов взяться. Пора, скажет, им электрический свет дать.

И даст. Вот будет здорово. Только чур, братцы, лампочки не вывинчивать!

Об овощах и прочем

Я, братцы, пять лет думал: с чего бы это у нас «задержка в деле транспорта» происходит? И не знал. Ну а теперь я знаю. Мне, спасибо, один стрелочник написал:

Задержка, говорит, в деле транспорта происходит потому, что без пропусков ходить по путям нельзя, а машинисты, стрелочники и другие агенты пропусков не имеют. И нередко человека, идущего по служебному делу, волокут в ГПУ для выяснения личности.

Вот оно в чем дело! А чудачки... Пропуска нужно выдать – только и делов. Но, оказывается, пропуска нельзя еще выдать. Оказывается, что

в административном отделе охраны М. Каз. ж. д. еще и бланки не готовы...

Это плохо. Придется мне самому за это дело взяться. Не хотелось мне ввязываться, но дело срочное. Ведь какая штука может произойти. Лопнет, скажем, проволока у семафора. Ну, побежит, конечно, мастер чинить.

Побежит он по полотну, вдруг – стоп! Охрана...

– Куда бежишь? – спросит охрана. – Предъяви пропуск.

– Братцы, – скажет мастер, – нету у меня пропуска... Бланки еще не готовы...

– Ага, – скажет охрана, – хватай его, братцы! Тащи в ГПУ выяснять личность.

– Братцы, – заплачет мастер, – да какая же у меня личность, ежели я мастер с этой станции... Рази вы меня не узнаете?

– Узнаем, – скажет охрана, – как же не узнать? На одной линии работаем. Идем, что ли... Дисциплина требует.

И поволокут мастера в ГПУ.

Тут-то и начнется «задержка в деле транспорта» – остановится поезд перед закрытым семафором.

Так вот, придется мне самому за это дело взяться. Напишу-ка я письмо. Задушевное письмо начальникам. Дескать, так и так, пожалуйста, и, между прочим, как ваше здоровье... Все-таки ласковое слово сильнее действует.

Только вот каким начальникам писать, я не знаю. Я плохо разбираюсь в железнодорожных тонкостях. Ну да начальники сами разберут – люди они образованные.

Веселые вечера

Есть на станции Набережная клуб. Не танцулька какая-нибудь, а настоящий

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru политклуб. Там даже иной раз серьезные пьесы ставят. Так, например, 15 апреля шла пьеса писателя Островского. Вот как! Это вам не танцулька! Это уж настоящая культура.

А что одна актриса в истерике забилась, так, может, у ней нервы слабые. То же и с режиссером. Бороду-то ему не настоящую оторвали. Ему бутафорскую бороденку оторвали. Дерьма тоже! Стоит ли из-за паршивой бороденки историю поднимать? Другой бы режиссер еще спасибо сказал, что оторвали. А то возись с ней, отклеивай.

А с пустяков все и началось. «Дрезина» не была на этом вечере – не пригласили, но корреспондент прислал нам полное и подробное описание того вечера. Оказывается, что

...по обыкновению в политклуб приходят похулиганить некоторые, но зачастую пьяные граждане, могущие устраивать дебош.

Так вот, эти граждане, «могущие устраивать дебош», явились на вечер и устроили скандал,

...разразившийся до вышибания окон клуба и попыткой одного из нэпачей порвать театральную занавес.

Мало того – произошла драка. Один из «могущих устраивать дебош»,

изловчившийся, ударил по носу председателя культкружка товарища Маслова, отчего пошла кровь. Произошла атака артистов...

Во время контратаки режиссеру местной группы, Пономареву, оторвали бороду, которая оказалась, как мы сообщали, не настоящей.

За кулисами одна из артисток разразилась истерикой...

Да-с! Это вам не танцулька.

«Дрезина» слезно просит товарища заведывающего клубом (если ему во время контратаки не оторвало голову) сообщить в редакцию, по каким дням устраиваются вечера.

Очень уж нам охота подраться с нэпачами, «могущими устраивать дебош».

Легкая наука

Крестьяне Сев. – Зап. области кооперированы всего лишь на 10 %. Торговцы вербуют себе покупателей всеми мерами, в частности – широким кредитованием.

Владелец лавки «Труд-Прут» стоял за прилавком перед покупателем и говорил ему, сияя:

– К нам, гражданин хороший, ходит покупатель. Мы покупателя в руках держим. В казенной лавке, может, и дешевле и все такое прочее, а идут к нам. Отчего? А очень даже просто отчего, гражданин хороший.

Хозяин любовно похлопал себя по лбу и продолжал:

– Котелок варит... Башка работает... Скажем, теперь кредитование. Государственный магазин в долг отпускает, а мы еще ширше отпускаем. Государственный магазин велит вежливо относиться к покупателю, а мы покупателю ручку жмем. Те будут ручку жать, а мы чаем их будем потчевать. Те будут чаем, а мы кофеем. Те кофеем, а мы... мы им, чертям, сапожки будем чистить.

Покупатель усмехнулся.

– Так-то так, – сказал он. – Да только это пока. Государственный магазин тоже не без башки. Научился. Наука ваша нетрудная.

– Наука легкая, – согласился хозяин, – не спорю. Легкая наука. Да только уметь надо... Скажем, крестьянин пришел – мужичок-серячок... Тут психология требуется. Мужик не любит – дескать, вот вам товар, а деньги сюда кладите. Мужичок любит,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru чтоб ему товар похвалили, чтоб ему пыль в глаза пустили. А кроме того, просто любит он поговорить на семейные темы – мы и потрафляем.

В лавку «Труд-Прут» вошел крестьянин. Он робко оглянулся по углам и снял шапку.

– Вот видали? – тихо сказал хозяин своему собеседнику. – Вот крестьянин пришел... Глядите, чего я с ним сделаю... Тс... Почтенье землячку...

– Это чего, – спросил крестьянин, – лавка-то казенная? Мне казенную надо...

– Лавка «Труд-Прут», – строго сказал хозяин. – Не казенная, но вроде как на паях... Для нас все равно как казенная... Садитесь на тубаретку... Покупать-то для себя пришли?

Мужик осторожно посмотрел на хозяина.

– Для себя. Ситчику мне, любезный коммерсант...

– Ситчику? – радостно воскликнул хозяин. – Есть ситчик. Светленький... В полоску, в клеточку, в амбарчик, в горошек... Сейчас...

Хозяин ринулся к полкам и сбросил на прилавок несколько кусков плохого, редкого ситцу.

– Мне, любезный коммерсант, в подковку надо, – робко возразил мужик. – Чтоб подковка была раскидана по полю... А это будто в горошек...

– В горошек, – обиделся хозяин. – Горошек завсегда подковку заменяет. Подковка завсегда после стирки образуется.

Мужик потеревил ситец в руках.

– Редкой, – сказал он. – Редким мы не интересуемся.

– Этот ситец редкий?! – вскричал купец. – Да это плотненький ситец... Это не ситец – сукно, чудо столетия... Равносильный ситец... Рафинад... Сам бы покупал такой ситец, да деньги надо – жена в закладе сидит...

Мужик недоверчиво усмехнулся.

– Ей-богу! – сказал хозяин, воодушевляясь. – Мое дело сторона. Я за похвальбу не получаю. Но только это чудный, типичный ситчик... И цена недорогая... Вы чего, семейный?

– Семейный...

– Семейный ситчик, – сказал хозяин. – Внуки спасибо скажут. Это, скажут, ситчик, действительно... Жена-то здорова ли?

– Здорова. Чего ей делается...

– Здоровая жена завсегда такой ситчик похвалит. Потому она одобрит... Хлеб-то у вас как? Не побил ли градом, оборони создатель...

Крестьянин с удовольствием присел на лавку и вздохнул:

– Малехонько побил... Малость... Стороной прошло. А так-то ничего, хлеб родится.

– А, хлеб родится, – сказал хозяин, – значит, и ситчик надо светленький брать в горошек. Тебе на две рубахи или на три?

– На рубаху, – сказал мужик. – Да только я уж и не знаю... Не интересуюсь таким ситцам.

– Надо интересоваться, как же можно, – пристыдил хозяин. – А град-то крупный был?

– Град-то крупный, в ногу.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Скажи на милость – в ноготь... Так как же – на две рубахи?

– На рубаху, – сказал мужик.

Хозяин тигром накинулся на ножницы. Отмерил, прикинул, попестрил ситцем перед глазами мужика и сказал:

– Рубашка будет... Чудо столетия. Антик в горошек... Завсегда к нам заходите. Можем и в долг отпущать... Сегодня на деньги, завтра в долг... Заходите...

– Зайду, – сказал мужик.

Он потолковал еще о граде с хозяином, рассказал кой-какие подробности и, любуясь на свой ситец, вышел из лавки.

– Видали? – восхищенно сказал хозяин своему собеседнику. – Как по-вашему?

– Что ж, – сказал собеседник. – Наука ваша легкая, это верно. Да только не без обману...

– Зачем не без обману, – обиделся купец. – Мы только потрафляем покупателю. Обману нету... А ежели это обман по-вашему – идите в государственный магазин. Вам чего надо? – строго переспросил хозяин.

– Да мне ничего, – сказал собеседник. – Я так... Меня, видите ли, заведывающим назначили, в кооператив... Вот пришел поучиться... Как торгуете... Наука ваша легкая, но тово-с, неприятная наука...

Хозяин сконфуженно посмотрел на своего конкурента и сказал:

– Кому как-с...

Собеседник купил катушку ниток и, усмехаясь, вышел.

Герои

Торжество в деревне Максимовке началось с раннего утра.

Сначала всем миром ходили по деревне с флагами и пели «Интернационал», потом, собравшись у пожарного сарая, открыли заседание.

Председатель влез на ступеньки сарая и махнул шапкой.

Общество откашлялось, отсморкалось и затихло. Только с тихим треском там и сям бабы жевали семечки.

– Та к вот, братцы, – начал председатель, – пуцай ответит общество, надо ли зафиксировать вопрос насчет самогону ай нет?

– Безусловно, надо, – сказала общество.

– А ежели так, – сказал председатель, – то выходит такая штука... Пуцай вот ответит еще общество, есть ли у Егорки Гусева лошадь ай нет?

– Нету, – сказали в толпе, – нету у него лошади. Корова, да, действительно есть, а лошадь он пропил, сукин кот.

– Так, – сказал председатель, – пропил он лошадь. Заметьте себе... Дальше, скажем, Митюшка Бочков... Спер он сбрую у Козулихи ай нет? Спер. На какой этот самый предмет или цель спер он сбрую? На самогон... Теперича идем дальше. Лобачев Ванька. Чикнул он ножом Серегу ай нет? Чикнул. Пьяный был... А теперича я спрашиваю общество, отчего это все, беда такая, происходит?

– Да разве мы знаем? – сказали в толпе. – От самогонки, что ли?

– Братцы, – закричал председатель, – конечно, от самогонки! Братцы, враги мы себе ай нет? Не враги! А не враги, так должны мы эту самогонку тово, растово, разэтово? Уничтожить, то есть?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Мужики молчали.

Председатель откашлялся и тихим голосом продолжал:

– Вы, братцы, не обижайтесь. Я против общества не иду. Я самогонку не хаю. Есть в ней вкус, не спорю..

– Конечно, есть! – крикнул кто-то. – Она вкус имеет. Она кровь полирует.

– Не спорю, – сказал председатель. – Вкус она имеет. Ежели, для примера, возьмешь горбушечку, сольцей ее присыпешь, а огурчик в это время на полусогнутой держишь, да нальешь ее в это время в стаканчик, да – хлоп-с... А она, бродяга, струей как брызнет по жилам... А тут огурчиком – джик, горбушечку – хрясь... Отдай все, да мало...

В толпе крикнул кто-то. Два мужика, одергивая штаны, пошли от сарая.

– Стой! – закричал председатель. – Не пуцу! Зафиксировать надо... Пуцай общество постановит, надо варить ее ай нет?

– Что мир скажет, – уклончиво ответило общество.

– Можно, конечно, не варить, – добавил кто-то. – Можно у соседей брать... Ежели избыток у них.

Председатель вытер мокрый лоб рукавом и хрипло сказал:

– И у соседей не брать! И не варить! И аппаратов не чинить. Потому – враз надо кончать. Потому – одним пальцем блохи не поймаешь... Ась? Братцы, да что ж это? Враги мы себе ай нет?!

Мужики, крихтя и сморкаясь и жалобясь на свою судьбу, то начинали хвалить напиток, то признавали за ним самые ужасные качества.

И наконец, после двухчасового спора, постановили: «Самогон не варить, аппаратов не чинить и у соседей добром не пользоваться».

Читатель, если ты будешь в тамошних местах, загляни, милый, чего пьют в этой деревне. Не водочку ли, часом, глотают?

Крепкая женщина

Нынче все говорят о борьбе с проституцией и жалеют женщин. Вот, дескать, бедные: уволят их по сокращению, а они очертя голову идут на улицу.

И верно: жалко.

Но, конечно, разные бывают женщины. Бывает, такая крепкая попадется – ей и улица не страшна. Знали мы одну такую. По фамилии Беленькая. Уволили ее по сокращению, дали ей за две недели вперед, а она повертела получку в руках и думает:

«Прожру, думает, на пирожные. А там видно будет».

Пошла в кондитерскую, скушала, сколько могла, пирожных и домой вернулась.

«Ну, думает, а теперь – труба. Либо мне в фонтанку нырять, либо в Мойку, либо на улицу идти».

Помазала она брови сажей, губы – сургучом, шляпку с пером надела и вышла на улицу.

Постояла на углу. Вдруг мужчина какой-то подходит.

– Что ж, говорит, мамзель-дамочка, зря стоять простужаться. Пойдем на время.

А она развернулась – хлесь его в ухо.

– За кого, говорит, принимаешь, скотина? Не видишь?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Гражданин отупел, повернулся, галошу потерял и скрылся за углом. А девица гордо постояла и пошла домой.

Домой пришла.

«Нет, думает, это не в моем характере – проституция. Иные, конечно, уволенные по сокращению, бросаются очертя голову на улицу, а я не такая...»

Подумала она, подумала, чего ей делать, и стала мастерить для продажи дамские шляпки.

Этим она теперь и живет. И жизнь роскошная.

А материал для шляпок доставляют ей гости. Денег она с них не берет, а берет материей.

А вы говорите – проституция.

Маломыслящие
Собрание подходило к концу.

Было душно и жарко. Вспотевшие ораторы один за другим выходили на помост и с воодушевлением говорили речи.

Слушатели кричали «ура», били в ладоши и единодушно выносили резолюции.

Собрание было посвящено кооперации.

– Товарищи! – говорил один из ораторов, вытирая пот со лба. – Товарищи!.. Кооперация!.. Наляжем... Все усилия... В деревню... Крестьянам... Сами торговать...

Оратор долго говорил о значении кооперации, потом, утомившись, уступил место другому.

Ораторы чередовались один за другим.

Последний оратор вышел под гром аплодисментов. Он откинул назад свои пышные волосы, простер руку вперед и сказал:

– Кооперация!.. Вы, которые эти...

В эту минуту оратора перебили. Какой-то гражданин встал с места и, слегка заикаясь и робея, сказал, обращаясь к оратору:

– Вот, товарищ... Извиняюсь... Вы, это самое, конечно, говорите тут про ученые предметы... Кооперация там и другие разные слова... А мы тут некоторые присутствуем маломыслящие... Я, как представитель ихний, прошу покорнейше выяснить нам, что есть такое кооперация...

В зале наступила тишина. Некоторые конфузливо переглядывались друг с другом. Представитель оглянулся назад и продолжал:

– Мы, как сознательные маломыслящие... сидящие два часа тут, просим покорнейше... одним словом, объяснить...

– Правильно! – закричали в толпе. – Пуцай скажет... Какого лешего...

Оратор с простертой рукой растерянно оглянулся на председателя, хлебнул воздуха и сказал:

– Кооперация – это вообще, товарищи... Торговля... Ну, кооператив... Гуталин, пудра, одним словом... Мыло... Я, товарищи, тут... то во, случайно... извиняюсь... Как бы присоединяюсь к общей массе...

Председатель собрания перебил оратора и простым русским языком стал объяснять загадочное слово.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Представитель маломыслящих в такт кивал головой и бормотал:

– Вот спасибо-то, вот спасибо-то, вот спасибо-то...

Закончив свое объяснение, председатель предложил присутствующим высказаться по вопросу кооперации, однако желающих не было.

Председатель покачал укоризненно головой и закрыл собрание.

Товарищ читатель! Я ничего не придумал. Все, что я рассказал, за исключением некоторых подробностей, – сушая правда. А произошло это в одном из курортов Черноморского побережья. На собрании, устроенном для домов отдыха.

А нуте-ка, дорогой читатель. Нуте-ка здесь, на месте, не отходя от журнала, ответь-ка себе: что такое кооперация...

Ага... Лавочка, говоришь? Кооператив? Торговлишка?

Вот то-то и оно.

Маломыслящие, готовься к экзамену!

Неприятная психология

Чудаки эти нэпманы. То, глядишь, сто рублей на что-нибудь кинут и не поморщатся, то за копейку грызутся и кровь себе портят.

Чудаки эти торговцы. Не сразу ихнюю психологию поймешь.

Я вот сидел раз вечером в кабачке. Кавказский погребок. Сажу, ем бифштекс. А рядом какая-то компания кутит. Вино им подают, закуски, селедочку с луком. Вообще, кутят. А по виду не поймешь, кто такие.

Я у официанта любопытствовал.

– Кто, спрашиваю, такие?

– А это, говорит, вроде как коммерсанты. Червонцев на двадцать хлопнут.

И действительно. Встает вскоре с ихнего столика полный мужчина с бородой и велит счет принести.

Приносят счет – двадцать червонцев. А он, который с бородой, не поморщился и говорит своим:

– Плачу за всех... Потому как мое угощение.

Ну, дамы тут ихние завизжали от восторга. Мужчины тоже добродушно кошельки свои спрятали. А борода заплатил и пошел к выходу. И даже хоть бы что. Даже про счет не вспоминает.

Я тоже заплатил полтора рубля и вышел. Вышел на улицу. Гляжу, стоит моя борода с дамой своей и с извозчиком препирается.

Извозчик говорит, рубль. А борода дает полтинник. И ругается.

– Да ты, говорит, очумел – рубль брать? Обалдел, говорит? За такой, говорит, конец – рубль! Да, говорит, за рубль многие рабочие спины, говорит, не разгибают целый день... А ты – рубль! Таксы, говорит, на вас, бродяг, нету. Не дам больше полтинника.

А извозчик и так и этак – никак.

– Ну, говорит, ладно, подавитесь. Садитесь с дамой за полтинник. Все равно, говорит, всю ночь даром стою.

Борода еще слегка покобенился и сел с дамой. И дама тоже что-то насчет извозчика щебечет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Сели и поехали.

А я стою посреди улицы и головой трясу.

«Ну, думаю, бродяги. Ну, думаю, прохвосты».

А впрочем, если говорить по совести, положи руку на сердце, то больше полтинника конец этот и не стоит. Я бы, например, больше двугривенного не дал. А все-таки обидно. А отчего обидно, я и сам не знаю.

А впрочем, знаю: неприятна мне ихняя психология.

Спичка

У нас тут, братцы мои, несчастный случай произошел. Из-за него едва собрание не закрыли.

А выступил у нас с докладом один такой докладчик. Или он от союза деревообделочников, или он от спичечного треста. Неизвестно это. На лице у его не написано.

Длинную такую, хорошую речь произнес. Много чего сказал теплого и хорошего. И производительность, говорит, эти три кита нашей жизни, улучшается. И производство, говорит, сильно вперед прет. И качество, говорит, товара становится замечательным. Сам бы, говорит, покупал, да деньги нужны.

Бодрые вещи говорил. Раз двадцать его народ перебивал и хлопал ему. Потому всем же приятно, когда производительность, эти три кита, повышается. Сами понимаете.

А после докладчик стал цифры приводить. Для наглядности сказанного.

Привел две цифры и чтой-то осип в голосе.

Взял стакан воды, глотнул. А после говорит:

– Устал, говорит, я чтой-то, братцы. Сейчас, говорит, закурю и буду опять продолжать цифры.

И стал он закуривать. Чиркнул спичку. А спичечная головка, будь она проклята, как зашипит, как жиганет в глаз докладчику.

А докладчик схватился рукой за глаз, завыл в голос и упал на пол. И спичками колотит по полу. От боли, что ли.

После ему глаз промыли и платком завязали.

И снова его на кафедру вывели.

Вышел он на кафедру и говорит:

– Чего, говорит, цифры зря приводить и себя подвергать опасности. И так все ясно и понятно. Считаю собрание закрытым.

Ну, народ тут, конечно, похлопал докладчику, и по домам разошлись.

А когда я уходил, то поднял спички, которые докладчика жиганули.

Обыкновенная желтая коробочка. Аэроплан на ней пущен. Солнце с тучками. И еще какие-то неясные предметы. А пониже написано: «Фабрика "Красный Октябрь", бывш. "Волхов"».

Посмотрел я на коробочку и задумался.

«Как-то, думаю, там производительность? Повышается ли она? Или она понижается?»

Но, наверное, она повышается из-за неограниченной сдельщины. Сразу видать.

Самодеятели

Самодеятельность, граждане, слово модное. Бывают такие, например, театры

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
самодетельные, кружки бывают, клубы...

В столицах это явление заурядное. Обычное явление. А вот в провинции это только что внедряется.

И веришь ли, читатель, слезы умиления на глазах появляются, когда узнаешь про провинциальную самодеятельность.

Скажем, Баку. Городишко не так уж чересчур большой. А тоже, поглядите, самодеятельность развивается.

Газета «Бакинский рабочий» пишет:

«Не так давно в Белогородском клубе им. Шаумяна по инициативе кружка друзей клуба проведен был вечер самодеятельности...»

Далее газета сконфуженно продолжает:

«Большинство членов кружка были пьяны. Между прочим, один из кружковцев до того договорился, что стал рассказывать анекдоты о евреях...»

Ей-богу, слезы на глазах появляются. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял этого самодеятельного еврейского анекдотиста, да в темном углу по мордасам, по мордасам.

Заметку свою газета заканчивает с легкой грустью:

«На вечере за два часа выпито было 10 ведер пива».

Слезы на глазах появляются. В зубах легкий скрип. Кулаки сами собой сжимаются. Так бы вот взял эти 10 ведер, выпил бы, а после пустым ведром по головам этих самодеятелей.

Ах, ей-право, до чего в провинции эта самая, как ее, черт ее побери, ну, самодеятельность, что ли, внедряется!..

А так все остальное ужасно хорошо и благополучно. И дела идут, контора пишет.

Ключи на комодке.

Бедный Тыркин

1

Лицо свободной профессии Яков Абрамович Тыркин две недели ходил в расстроенных чувствах. Бедный Тыркин сильно сомневался: подать ли фининспектору верные сведения о своих доходах или приврать чуточку.

Выходило и так и так плохо.

– Ну, ладно, – говорил себе Тыркин. – Ну, хорошо. Ну, подал верные сведения... Да что мне, помилуйте, спасибо за это скажут? Ручку пожмут? Штаны купят? Ха! Довольно дураками жили. Пора поумнеть...

Однако умнеть Тыркину было жутковато.

– Ну, ладно, – думал Тыркин. – Ну, приврал. Ну, убавил доходы... А вдруг откроют? Вдруг какая-нибудь комиссия или там какой-нибудь черт в ступе обнаружит?... Ведь это имущество опишут, хвост накрутят, в тюрьму посадят...

И бедный Тыркин, вытирая холодный пот со лба, мучился в своей нерешительности.

2

Две недели ходил Яков Абрамович Тыркин осоловевший, не зная, чего ему предпринять. Но, наконец, гражданская доблесть одержала верх и Тыркин решил подать верные сведения.

– Довольно! – говорил Тыркин. – Баста! Все мы заврались. Пора начинать честно

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru жить... А то один приврет, другой соврет, третий надует... Каково это республике?..

И вот двадцать второго числа, в ясный солнечный день, Яков Абрамович Тыркин, восхищенный собой, своей честностью и решимостью, подал декларацию с верным указанием всех доходов со своей свободной профессии.

Больше того: Тыркин имел даже мужество указать о всех своих случайных доходах – выигрыш в преферанс 7 р. 50 к. и найденный двугривенный на передней площадке трамвая. Итого вся сумма тыркинских доходов за полугодие выразилась в точной цифре 1207 р. 70 к.

Склони голову, читатель, перед честным лицом свободной профессии Яковом Абрамовичем Тыркиным.

3

Фининспектор сорок седьмого района Иван Иванович Гусев просматривал поданные декларации.

– Так, так, – говорил фининспектор, покуривая папироску. – Тыркин Яков... Гм... Это какой же Тыркин?.. Лицо свободной профессии... Так, так... Сколько же этот Тыркин указал?.. Гм... Тысячу двести указал... Жулик народ пошел. Тысячу двести указал – значит, приврал наполовину... Знаем мы эти штучки. Гм, Тыркин... Сейчас мы ему припаем... Считаем ему две тысячи пятьсот. Вернее будет... Так, так...

4

А в это время Яков Абрамович Тыркин, утомленный своей гражданской доблестью, спал и видел сон, будто все фининспекторы города Ленинграда и его окрестностей стоят перед ним и в порядке живой очереди жмут ему руки и восхищаются его доблестью. И будто какой-то представитель от комхоза является с золотыми часами и надевает эти часы на грудь Тыркина. А сам будто Тыркин машет руками и упрощает фининспекторов не напирать...

5

Пожалей, дорогой читатель, честного Тыркина.

№ 1028

Прошу запомнить. Это номер рабкора Овсянникова. Того, значит, самого Овсянникова, который на станции «Обдулино» живет.

Сейчас мы ему, граждане, хвост накрутим, не стеснясь расстоянием.

Дайте только объяснить по порядку.

Случилось это вечером в городе Белебее. Какой это город Белебей, – не беремся описать. Не знаем этого города. И, по совести говоря, в первый раз слышим о нем. Единственно, чего знаем, это что там стенная газета выходит. Местком белебеевской кант'юстиции ее выпускает.

А какая это газетка – хороша она или дрянь газетка, – опять-таки не знаем. Не читали.

Вот рабкору Овсянникову эта газетка сильно не нравится. Не одобряет ее рабкор.

Раз как-то проходил он мимо витрины, остановился, прочитал, сплюнул в сторону.

– Эх, думает, плохо пишут. Учить чертей надо...

И карандашиком, знаете ли, почиркал кое-что. И на полях приписал свои туманные заключения. А одну статеечку даже совсем вымарал, к чертовой бабушке. И приписал сбоку: «Бросьте ерунду писать! – рабкор № 1028 "Гудок"». И, исполнив этот свой светлый гражданский долг, рабкор пошел от витрины, тихонько и весело посвистывая.

Но не свисти, рабкор Овсянников! Обожди свистать-то, милый. Дело есть.

Увидел местком, чего с ихней газетиной сделано, обиделся и распалился. И жалобу подал в белебеевское кантонное отделение. А кантонное отделение – нам: дескать, товарищ Гаврила, будьте любезны.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

Вот бумажка за № 828, полученная из города Белебея:

«Препровождая при сем копию акта месткома Белебеевской Кант'юстиции, из коего усматривается, что рабкор „Гудка“ № 1028 т. Овсянников позволил себе выходы, свойственные старорежимному Царскому цензору по отношению к издаваемой месткомом стенной газете, а потому Правление убедительно просит тов. Гаврилу „расписать“ рабкора Овсянникова так, чтобы в будущем отбить у него аппетит на звание Царского цензора».

Поступок у рабкора вредный – не заступаемся. Но только зачем же, товарищи, такие строгие слова выносить – царский цензор? Да ведь, может, это он по глупости делал? Просим ему снисхождения.

В другой раз пушай с нас пример берет. Разве мы чиркаем ерунду? Да вот недалеко ходить. Вот эта самая бумажка за № 828, которую нам из Белебея прислали. Да там слово «царский» дважды с большой буквы написано. Явная ерунда. А мы ничего – печатаем без особых заключений. А ведь ерунда такая, что читать от этого противно.

Так-то, товарищи. Кто из нас без греха...

Ну, а касаясь № 1028 – надо бы ему слегка хвост накрутить. Потому, действительно, уж очень поступок вредный. Не защищаем. Хотя и просим снисхождения.

Скверный анекдот (Марью-то Петровну)

Марью-то Петровну, оказывается, из союза работников искусств выперли. В Бухаре дело было.

Гаврила навел справочку, отчего и почему выперли бедную Марью Петровну. Оказывается, по нижеследующим причинам:

«Девушка Марья Петровна Ш-ская имеет незаконного мужа. В высшей степени недисциплинированный член союза, обливающий грязью всех членов союза, не имея на то права и данных».

Прав-то, может, и нет у Марьи Петровны грязью обливать, а вот данные-то есть. Сами теперь видим. Не спрячешь. Ишь, черти, за что барышню уволили! Сам же председатель рабиса, небось, дважды женат законным браком, оттого, небось, и выбран в председатели.

Скверный анекдот (Дело такое)

Дело это такое, граждане, что надо бы его самым крупным шрифтом набрать. Да только жалко нам такие жирные шрифты на такие дела растрачивать.

Да и контора, поди, ругаться будет.

– Что вы, скажет, объелись, какие шрифты изводите? Это, скажет, вам не реклама.

И действительно – не реклама. А напротив того. Для Пищтреста.

Ну, ладно. Пушай будет мелко. В крайнем случае близорукие граждане могут пенсне на нос надеть.

А дело все случилось в Пищтресте. Давненько. Месяца полтора назад.

Полтора, значит, месяца никто не ругал Пищтреста. И вообще многие граждане, небось, думали, что все уже заглохло. Но нет. Только что начинается. Держитесь, братцы!

Так вот, кажется, двадцать шестого мая был устроен грандиозный концерт. Концерт в пользу бывших политкаторжан и ссыльных, в Малом оперном театре.

Конечно, все учреждения с охотой брали билеты и раздавали своим служащим и рабочим.

И Пищтрест тоже взял. Рублей, говорят, на триста. Ну, взял. Посмотрел, чего

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru другие учреждения с этими билетами делают. Видит – раздают. Ну, и тоже раздал. А может, и не успел всем раздать. Мы только про одного гражданина знаем. А перед самым концертом все и случилось. Близорукие граждане, надевайте очки!

Два начальника, по фамилии, не любим сплетничать, Куклин и Еремичев, испугались. И, испугавшись, подумали:

«Эге, подумали, билеты-то мы купили, денежки заплатили, а где ж оправдательные документы?»

Испугались, задрожали и велят поскорее отобрать эти выданные билеты и пришить их к делу.

Так и сделали. Отобрали и пришили.

Ну, и, конечно, на концерте из Пищтреста никого не было. Да и быть не могло. Потому, сами посудите, раз билеты пришиты к отчетности, то не тащить же на концерт бухгалтерские книги и столы?

Вот и все.

А теперь, ежели спросить какого-нибудь сотрудника из Пищтреста, был ли он, например, на концерте, сотрудник сконфузится и скажет:

– Да нет, знаете, не пришлось.

– А что так?

– Да так, знаете ли, как-то.

И махнет рукой.

И как же ему, читатель, не махать рукой, раз этакий скверный анекдот произошел в Пищтресте?

А так все остальное в Пищтресте хорошо и отлично. Дела идут, контора пишет.

А касаясь этого фактика – он проверен и подтвержден. В чем и распишемся.

Гибель строителей

Оказывается, граждане, в Слепцовской станице Дворец Труда имеется. Прямо, что в Москве. Только что климат другой и постройка не та.

Постройка, прямо скажем, на манер хаты. Три оконца, дверка, ручка и труба. Вот вам и весь дворец.

Но раз так называется дворцом, то и пушай называется. Москва от зависти не подохнет.

А жизнь в этом дворце роскошная. Даже специальная уборщица имеется. Мало ли – убрать чего или, например, подмести какую-нибудь нужную бумажку.

И размещены в этом дворце разные союзы. Вообще всякие. Только что строителей нету. Был этот союз, да весь вышел. Ликвидировали его.

А почему его ликвидировали? Потому, товарищи, что он не в состоянии был поддерживать шикарную дворцовую жизнь.

Все, например, союзы плакали, а вносили уборщице свою долю – 3 рубля 61 копейку. А строителям не по карману была такая безумная роскошь и мотовство. Они не вносили. Раз или два внесли – и разорились вчистую.

Тут их и к ногтю.

– Либо, говорят, восстанавливайтесь в своих делах и вообще уборщице вносите, либо ликвидируйтесь налево.

Ну, и ликвидировали.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

«Потому, думают, на кой кляп нам эти строители? И чего вообще они будут без денег строить? Только небо коптят».

Ну, и распустили.

И стоит этот дворец в станице, в Сунженском округе, что на Северном Кавказе. Разные там союзы имеются. А строителей нету. Погибли строители. Не выдержали роскошной жизни. И жалко нам этот союз. Хороший был союз, нужный.

Со временем мог бы он и построить что-нибудь. Например, настоящий дворец вместо хижины. Или, например, крылечко починить, если сломается. Или трубу вычистить.

Зря уели этот союз.

Юбилей

Юбилей, граждане, праздновать лучше всего печатникам. Все-таки, знаете, бумага под рукой, наборщики. Мало ли! Можно, например, приглашительные билеты отпечатать с золотым обрезом. Или, например, салфеточки с портретом – губы вытирать, ежели на юбилее жирное шамать придется.

Тут вот недавно праздновался юбилей одного печатника, т. Лаврикова (заведующий типографией имени т. Соколовой). Так юбилейная комиссия так и сделала. Даже больше. Кроме салфеточек и карточек еще и книженцию сварганила с застольными песенками.

Конечно, мы не хотим обидеть юбиляра. Может, он ни при чем. Может, это юбилейная комиссия расстаралась. Мы в этом не разбирались. Мы только против несправедливости идем.

Как же, помилуйте. Книженция, можно сказать, была отпечатана на лучшей бумаге. Шестнадцать страниц все-таки. Портрет опять же... А кто видел эту книженцию? Мало кто видел. Гублит даже не видел. Несправедливо. Там славные песенки есть. Может, Гублит наизусть их хочет разучить.

Пуцай разучивает. И поет, ежели голос есть.

Вот, например, на цыганский мотив – «Выпьем мы за Мишу...». Там так и сказано:

(Выпьем мы за...)

Споем, друзья, про Мишу,
Мишу дорогого,
И пока не кончим,
Не нальем другого...

Или, например, на мотив «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыплята тоже хотят жить...». Вот-с, извольте, стр. 2-я:

(Цыпленок жареный...)

...Друг Миша Лавриков,
Будь вечно жив, здоров,
Юмор тебя не покидай...

(Оживительная пауза)

«Оживительная пауза» это, небось, – рюмочку пропустить и селедочкой закусить.

После «оживительной паузы» можно опять что-нибудь более серьезное. Например, из жизни самого юбиляра. На мотив «Лесом частым»:

(Лесом частым...)

«Красный наш директор» Миша твердо на посту,
Только вечером, изредка, сядет «на углу».
Сохрани нам провиденье еще много лет
Друга Мишу, а «Прибою» полный дай расцвет.
Ну, нальемте рюмки...

Ну, даст бог, «провиденье» не подкачает! И «Прибой» расцветет, и «Миша» по-прежнему будет «на углу» садиться.

Там, «на углу», юбиляр

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
«Алле нейне» кричал,
И пивушку выпивал,
Пока сам не закачается.
Дру адэ, адэ друм...
Эту песенку сказано петь на мотив «Собирайтесь, друзья». Однако ее можно петь и под «Цыпленок жареный». Выходит. «Бегемот» пробовал.

Есть в книжке и гражданские мотивы. Например, о «Петропечати»:

(Похоронный марш)
Упомянем сегодня и «Петропечать».
Она жила недолго.
Друг Миша помог ее погребать
И пел при этом «По Волге»...
Есть и гимн печатников:

(Гимн печатников по-немецки, со сладким кофе)
Штост ан мейстер Гутенберг лебе хурра, хох! (2 раза)
Денн эр хат ди вархейт анс лихт гебрахт...
Далее, начиная с одиннадцатой страницы, все песни идут на немецком языке. Туго разбираясь в нем, «Бегемот» не рискует перепечатывать. Нам, знаете, до юбиляра далеко. Зато он бойко говорит по-немецки. Про него так и сказано на стр. 3:

...Каждый вечер в «Штамлокале» «байриш бир» он пил,
С немцами он по-немецки всегда говорил.
Эту песенку велено петь на мотив «Лесом частым». Но как ее ни пой – все скверно получается.

Одно хорошо. Это то, что юбиляр работает в полиграфическом производстве. А нуте-ка, работал бы он у химиков или, тьфу-тьфу, по артиллерийскому направлению? Ведь юбилейная комиссия в одночасье весь Ленинград ухлопала бы салютами по поводу его юбилея... Все же под рукой – пушки, снаряды. Стреляй – не хочу. Страшно, знаете, подумать.

В этом отношении еще поперло Ленинграду.

А так все остальное – отлично и симпатично. Дела идут, контора пишет, и полиграфическое производство улучшается.

Дорвались
Ух и накрутим же мы сейчас хвост ждановским мужикам!

Дайте, братцы, только отдышаться. Дайте только дух перевести. Очень уж мы. знаете, сердимся на этих ждановцев.

Сейчас объясним все по порядку: что, к чему и почему. Ну держись, ребята!

А есть, знаете, такое село Ждановка. И было в этом селе четыре трактора. Четыре новешеньких коммунальных трактора.

И пуцай теперь ждановские мужики ответят, куда они, между прочим, щучьи дети, позадевали эти тракторы? Ась?

Ага, небось молчат. Корежатся от совести. Вот мы им еще пару поддадим. Хватай их за бороденки!

Так вот, между прочим, насчет этих тракторов.

Первый трактор у них, видите ли, сломался.

А отчего он, позвольте узнать, сломался? Не почесавшись, ведь и чирий не вскочит.

Оттого он сломался, что Васьки Великанова корова рогом чтой-то там прободала. Одним словом, какую-то нужную штуковину смяла рогом.

Ах какие, право, несознательные хозяева эти Великановы! Ну разве ж мыслимое дело – допускать несознательную корову до трактору? Да разве ж она понимает науку и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru технику? Тьфу, захворать можно от таких ненормальностей!

Теперь пойдём дальше.

Второй трактор у них в воду свалился. Отчего он в воду свалился? Оттого он в воду свалился, что ждановский мужик Иван Николаев Косоглотов некультурно управлял этим трактором. И, будучи маленько под мухой, шибко попер на этом тракторе и с обрывчика сверзился.

Пуцай этого Косоглотова теперь весь мир знает и его презирает.

У третьего трактора отчаянные ждановские парнишки какую-то немаловажную штуковину оторвали.

И теперь, ежели говорить прямо, по совести и без прикрас, то остался у них, у ждановцев, единственный один трактор.

Оно, конечно, и с одним трактором жить можно. Да только не такие это ждановские мужики. Это очень дико отчаянные мужики. Дорвались они, знаете, и до этого трактора. И трактор этот им теперь вроде автомобиля, только что без гудка. Истинная правда.

Чуть, знаете, они напьются маленько – сейчас велят трактор им предоставить. Ну и катаются на ем, что ответственные.

Председатель, подлая его душа, тоже ежедневно катается. Он до того, знаете, разленился через этот трактор, что идет, например, к куму своему, к Петровичу, через три дома – и то велит трактор себе подавать. И прет на нем стоя.

А касемо свадеб в Ждановке и говорить не приходится. Молодых обязательно даже на тракторе развозят. Гостей тоже. А ведь гость, ежели он клюкнувши, он обязательно блюет на трактор. Разве ж это мыслимое дело – блевать на трактор?

А когда ребятенка недавно у Власовых октябрили, его тоже на тракторе везли. Ребяенок, знаете, дико орет и вообще истекает, а его прут и прут. Да еще сам папаша Власов сзади на трактор вскочивши и орет: ого-го!

Вот какие ядовитые делишки творятся у ждановцев. Пуцай теперь вся республика про них знает и проклиняет.

А так на остальном деревенском фронте все обстоит довольно отлично и симпатично. За исключением, значит, тракторов.

И хотя бы в центре на этот счет небольшой декретик удумали – мол, не катайтесь, черти ситцевые, на тракторах. Это ж вам не моторы. Понимать надо.

Химики

Нынче, граждане, химия всем известна. До масс дошла. Все, скажем, химические и физические законы напролет известны.

Какой-нибудь, представьте себе, физический закон – например: от теплоты тело расширяется, – мало известный при царском режиме и при Временном правительстве, теперича ясен как на ладони.

Однако есть физические законы, известные и раньше, при любом государственном строе. Это, например, ежели тело водой попрыскать, то тело тово, прибавляется в весе.

Одна текстильная фабрика так и делает: обливает шерсть водой.

Ежедневный газетный орган про это с меланхолией пишет:

Ткачи сдают готовые куски товара на вес и, боясь нехватки в весе, спрыскивают товар водой.

Такой, конечно, химический подход к текстильной промышленности мне, граждане, не нравится.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru Конечно, я бы не принял это так близко к сердцу, если б не брюки. А то – брюки.

Суконные брюки я люблю носить долго.

Мне не нравятся такие штаны, в которые сунешь два раза ноги, и они расползаются[2].

Вот, например, бывшие брюки я носил двенадцать лет. И все они были как новенькие.

И уже революция грянула, гражданская война, нэп, а я все ношу и ношу. Такая, представьте себе, чудная материя попалась. Даже, откровенно сознаюсь, она еще лучше от носки стала. Блеск такой богатый пошел, мягкость, элегантность – дух вон.

я бы эти брюки еще двенадцать лет носил, если б в бане не сперли. А то сперли в бане.

Конечно, пришлось купить новые. Потому – прохладно, и милиция косится. Издевательство, говорят, над общественным вкусом. Ежели, то есть, гражданин не при брюках, хотя в длинном пальте.

А какое, помилуйте, издевательство, ежели из предбанника сперли? Жутко, милые...

А новые брюки – плохие удались.

На стул, скажем, сел, за гвоздь слегка тронул – рвутся. За дверную ручку карманом зацепил – опять рвутся. В гости пришел, нагнулся под стол, чтоб тарелку или бутерброд поднять, – обратно рвутся и расползаются. Жутко, милые.

Жена, на что уж дама прочная и сентиментальная, и то не выдержала.

– Ежедневно, говорит, шью ваши брюки, Григорь Иваныч. Всю, говорит, общественную работу или сходить к управдому – за них забросила. Пущай, говорит, лучше развод, или купите новые.

– Гражданка, говорю, погодите ерепениться. Сейчас схожу в магазин – пущай обменяют.

Хорошо. Поносил я брюки еще два месяца для ровного счета, заявляюсь в магазин.

– Что вы, говорю, граждане, такое дерьмо продаете?

– Да, – говорит заведывающий, – товар порченный. Товар, говорит, для весу водой на фабрике обливают. А он преет и портится.

– Вес, говорю, в брюках мне не касается. Прошу обменять. Менять заведывающий не стал, но предложил купить новые.

Так я и сделал.

А что текстильщики так поступают, то смешно и обидно. Ну случилась нехватка, ну привесь к общему куску какую-нибудь тяжелую ерунду или гирьку. Можно даже неклеямену. А то водой обливать! Жутко, милые.

Птичье молоко

Прошли, братцы мои, те тяжелые денечки, когда кооперативы торговали только пудрой да гуталином.

Будет.

Нынче в кооперативах полным-полно. Все есть, чего твоей душе угодно. Разве что птичьего молока не достать.

И то в ином кооперативе заместо птичьего молока такое есть – только диву даешься.

Думаете, сигары или шелковые чулки?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Стара штука – сигары и чулки. Подымай, братцы, выше.

Ну да не будем понапрасну томить читателя. Прямо и начистоту скажем: в некоторых кооперативах торгуют даже собачьими намордниками. Например, кооператив Нижне-Туринского лесничества (Уральской области).

В этом кооперативе имеется целая партия такого товару.

Газета «Труд» пишет:

Выбор намордников большой, на разные цены, разных фасонов, кожаные, металлические.

Конечно, в ином кооперативе так бы и пролежали эти самые намордники до скончания веков или до тех пор, пока сынишка заведывающего (даром что комсомолец) не стибрил бы их из почтительного удивления. Но не таков этот Нижне-Туринский кооператив. И не такова тамошняя администрация.

Дело в том, – пишет «Труд», – что администрация, имеющая право согласно колдоговора 60 % жалованья выдавать не деньгами, а ордерами в кооператив, этим правом не только пользуется, но и злоупотребляет.

За октябрь 85 % зарплаты выдано ордерами.

А по ордеру бери чего хочешь. Хочешь, бери намордники, хочешь – гуталину. Потому выбор не ахти какой большой.

«Труд» с грустью сообщает:

Нужных рабочему товаров в кооперативе нет. Рабочие берут что есть и продают на рынке за полцены.

– А на намордники спросу на базаре никакого! – жалуются рабочие.

Это странно. Такой, можно сказать, редкий, исключительный товар, вроде птичьего молока, а провинциалы отказываются покупать. Чудаки, едят их мухи!

А на всем остальном кооперативном фронте все отлично и симпатично. Товару вволю. Есть даже птичье молоко. Налетайте, граждане!

Дефективные люди
Удивительно раньше люди жили!

Скажем, сто лет – небольшой срок, а поглядите, какая заметная разница.

Бывало, сто лет назад, развернешь газету, начнешь, к примеру, объявления читать. А объявления такие:

ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА

Умеет шить и неприхотливо готовить.

Цена той девке 75 рублей серебром

ОБМЕНЮ мужика на трех девок.

Мужик с бородой, дюже сильный.

Могит быть дворником али чем.

Тряпичникам не являться

ПРОДАЕТСЯ ДЕВКА,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
16 лет, без обману.

Умеет жарить, парить и пятки чесать.

А цена той девки вне запроса 100 рублей

Так раньше жили люди. Смешно жили. Глупо жили. Читать противно.

А нынче и времена другие, и песни другие, и... цена другая. Цена, прямо скажем, за «девку» тридцать червонцев. Это по расценке Спасского уезда.

Сейчас объясним.

Недалеко от Владивостока в Спасском уезде жил некий дефективный папаша. Была у него дочка Нюрочка.

Вот папаша и думает:

«Отчего, думает, не продать мне Нюрочку, ежели деньги требуются?»

Так и сделал. Подыскал дефективного человека и продал ему дочку за тридцать червонцев.

Газета «Ленинградская правда» пишет:

В Спасском уезде родители продали в жены за 300 рублей свою 16-летнюю дочь. Девушка была продана без ее ведома.

Очень торговались. Сам папаша в три ручья плакал.

– Ты, говорит, погляди, какая девка-то продается! Свободная, равноправная девка! Не жук нагадил. Прибавь немного.

На трехстах ударили по рукам.

Одним словом, дешево купил жених.

Однако, как говорится, дешево покупают, да домой не носят. Так и тут.

Сельсовет, обсудив этот вопрос совместно с ячейкой комсомола и женщинами-делегатками, взял девушку под свою защиту и аннулировал родительскую «сделку». Над родителями и женихом был устроен показательный суд.

Отдал ли дефективный папаша жениху назад деньги – покрыто мраком неизвестности. Ничего про это газета не говорит.

Да нас это и не интересует. Нас интересует: а какая, к примеру, цена на «девку» в других губерниях?

Не знаем. Вот насчет Псковской губернии знаем. Там «девок» не продают, а за них приплачивают. Смотря по достатку.

Сделка называется приданым.

А на наш ничтожный взгляд – хрен редьки не слаще.

Тараканы

Конечно, не такое сейчас время, чтоб про мелкие вещи писать. Тем более про тараканов. Гаврила признает, что про тараканов прямо даже неприлично сейчас писать. Тем не менее придется все-таки слегка коснуться этого мелкого насекомого.

Вниманья долго не задержим, потому много писать нет охоты – башка с непривычки к таким мелким сюжетам пухнет от напряжения.

Начнем прямо с материалов и фактов.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Вот выписка из протокола:

ПРОТОКОЛ № 1242

Заседания Пленума Заводского Комитета при заводе

«Красный Профинтерн», 5 января 1925 г.

Слушали: Охрана труда и жилищные условия.

Постановили: 2) Вторично предложить принять меры к уничтожению тараканов в общежитиях рабочих...

Теперь каждому мало-мальски сознательному читателю охота небось узнать, какая последовала резолюция управляющего заводами по поводу этого протокола.

Конечно, иной управляющий, идущий нога в ногу с наукой и техникой, вынес бы резолюцию – извести, например, тараканов по последнему слову техники – каким-нибудь мором или ядом или вообще специальным тараканьим средством.

Но не такой это человек наш герой управляющий...

Гаврила предполагает, что в душе этот управляющий – отсталый кустарь, идущий вразрез с научными достижениями. И в самом деле: он предпочитает ручной способ.

И резолюцию он поставил такую:

Резолюция: Предложить живущим перебить тараканов.

О чем довести до сведения завкома.

Теперь Гаврила сгорает от любопытства. Охота бы знать: перебили ли живущие всех тараканов или часть тараканов не поддалась ручному способу и продолжает резвиться в общежитии?

Сообщите, братцы! Помираем от любопытства!

А управляющему кланяйтесь и спросите его, много ли он сам передавил тараканов. И чем давил – рукой, ногой или еще чем.

А вообще говоря, тараканий мор продается в любой лавке.

О вреде грамотности

Председателя Ногинского сельсовета гражданина Захарова мы не хаем. Работник он чудный. Специальный работник. Орел прямо-таки.

И насчет денежных сумм – ни-ни. Не растратит. Вот разве только бумагу иной раз растрачивает зря. Такой уж у него, знаете ли, характер отчаянный. Чуть что – пишет. И все официальные бумаги пишет. Надо ему, например, стакан чаю принести – пишет. Стол передвинуть – опять пишет.

Газета «Рабочий край» сообщает:

Ногинский сельсовет очень уж увлекается канцелярией. Даже пишет официальные отношения исполкомовской сторожихе. Сторожиха же, Павлова Клеопатра, живет тут же, через стенку.

В один прекрасный момент (а таких моментов было много!) она получает пакет.

А в пакете, дорогие граждане, черным по белому сказано:

СССР Ногинский Сельский Совет крест, депутат.

Ногин, в., Середу.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Гр. Павловой Клеопатре Ивановне.

Ногинский Сельсовет предлагает вам примыться в здании Исполкома в обеих комнатах завтра.

За неисполнение вами настоящего будут приняты меры к удалению из квартиры.

Пред. Захаров.

И хорошо, ежели Клеопатра Иванна – грамотная бабочка. Тогда полбеда. Прочтет бумажку, дескать, примыться требуется – пойдет и примоется.

А каково, если Клеопатра Иванна неграмотная?

Ну, получит бумажку – побежит к родственнику. Да хорошо, если родственник не надрался с утра, а сидит трезвый и хомут чинит. А ежели надрался? Куда бежать Клеопатре Иванне? К Гавриле не побежишь. К Гавриле пуцай председатель бежит. Надо бы посмотреть, какой он с наружности.

Ну да, впрочем, председателя мы не хаем. Дорвался до бумаги, так и пуцай пока пишет. Потому мы вполне понимаем, по каким причинам у него такая канцелярская блажь. Вот только нам Клеопатру Иванну ужас как жалко.

Ах, Клеопатра Иванна, Клеопатра Иванна! Трудно, небось, вам живется при вашей малограмотности у столь грамотного председателя.

А так все остальное хорошо и отлично. Дела идут, сельсовет пишет. И бумажный кризис изживается.

Белиберда

Вот и Пасха православная наступила. Верующий народ самосильно молится, свечечки ставит и к иконам прикладывается. И не знает, чего, например, в Святогорской церкви, что в Шуйской волости, произошло.

А в Святогорской церкви произошло такое, что хоть святых оттуда вон выноси. И, наверное, вынесут.

Верующие там в панике. Заместо, говорят, святых апостолов наши же мужики обнаружились.

Фу, дайте объяснить по порядку!

Сейчас мы, братцы, весь церковный фронт можем разгромить. Очень уж факт отчаянный. Газета вологодская «Красный Север» тоже про это написала. Только она мало знает, мы больше знаем.

А висела, значит, в Святогорской церкви иконка апостола Павла. Десять лет висела – ничего. На одиннадцатый год все и обнаружилось.

А пришла в церковь старая старуха Крутикова. Из деревни Пустошное. Пришла и говорит:

– Бросьте, говорит, вы, граждане, молиться и креститься вот этой иконе. Это, говорит, мой муж изображен.

Ну, народ к старухе.

– Как это? Почему такое? Говори, не то изувечим.

Вот старуха и начала каяться:

– Это, говорит, граждане, при царском еще режиме. Нарядили, говорит, моего мужа в одежду и на карточку сняли. А после на икону списали. И велели молчать... Я, говорит, десять лет молчала, а теперича помирать скоро... Охота покаяться... Извините меня, худую... А вон та, другая икона с Петром – это опять же Ваня Каретников нарисован... Извините меня, худую...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Посмотрел народ на иконы. И враз признал.

– Ну, говорят, а ведь верно! Это, говорят, сразу видно – Крутиков. А этот, как на ладони, Ванька Каретников. И нос у его тоже пухлый и бороденка веером.

Ну, смех вокруг поднялся. Хохочет народ, узнает знакомые рожи, лапами трогает. Такая чепуха поднялась – хоть святых вон выноси.

И действительно придется вынести. Нельзя же, граждане, оставлять, раз этакая грубая подделка обнаружилась.

Ах, чего на церковном фронте творится! Белиберда сущая!

Насчет этики

Конечно, некоторым товарищам неизвестно это слово – этика.

Некоторые товарищи, небось, думают, что это какое-нибудь испанское трехэтажное словечко. Но это не так, дорогие товарищи. Это довольно хорошее, симпатичное слово. Его даже употребляют на некоторых собраниях. Даже говорят: союзная этика.

А означает оно, ну, вроде, что ли, как бы сказать, – поведение или правильное отношение. А впрочем, черт его разберет! Уж очень заковыристое слово. А главное, понимают его по-разному. В одних местах так, в других – этак. А, например, Земетчинский сахарный завод и совсем глупо понимает.

Сейчас расскажем про этот завод. Все отпоем.

Держись, братцы! Начинается.

Однажды тяжкое горе постигло этот завод. Любимого, можно сказать, начальника и друга, директора Григория Федоровича Каратаева, перевели на другой завод. А именно – к боринцам.

Очень горевали земетчинцы.

– Братцы, говорят, надо хотя ознаменовать уход этого дорогого директора. Давайте, товарищи, поднесем ему душевный адрес с указанием, так сказать, всех его драгоценных качеств.

Согласились. И, не заявляя в завком, взяли и написали:

«Глубокоуважаемый... Вы – этот, который... Отдали силы... Тяжелые условия... Мы лишаемся... Желаем... Многие годы...» И прочее тому подобное.

Написали и поднесли.

Григорий Федорович прочел и едва не прослезился. Спрятал адрес в карман, распрощался дружески и отбыл на Боринский завод.

Тут-то все и начинается.

Узнал об этом адресе земетчинский завком и в срочном порядке собрание собрал. И на собрании объявил:

«Выдача всяких адресов и аттестатов может происходить только через завком как через союзную организацию.

В данном случае вы нарушили союзную этику. Надо потребовать адрес обратно».

Тут начали робко возражать, дескать, какой же это аттестат? Это так, вроде как в альбом на память написано.

Никаких возражений не стал слушать завком и через боринский завком потребовал:

«Возвратить случайно выданный адрес».

Тут-то все и началось.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Земетчинцы кричат:

– Отдайте адрес! Потому – это явное нарушение союзной этики.

Боринцы отвечают:

– Адреса не отдадим. Потому адреса назад отдавать – это против союзной этики. И за это оскорбление мы вам еще хвост накрутим.

А сам Григорий Федорович тихонько охает:

– Братцы, говорит, да я-то при чем? Я же не против этики. Берите все назад. Ну вас к лешему!

Вот тут, граждане, и разберись. Одно небольшое слово, а как понимают его в разных уездах!

А мы, Ленинградского уезда, совсем от этого с толку сбились.

А москвичи, например, не сбились. И говорят, будто даже ЦК сахарников уволил земетчинского предзавкома за нарушение союзной этики.

Вот оно как!

А что думают про это слово в Дорогобуже – неизвестно. Скорей всего – ничего. Не дошло небось до них это слово. Ну и к лучшему.

Кузнеца обидели

Лесопильное дело – легкое и веселое производство. Вредности в нем никакой. Опилки хотя и летят, так ведь не в рот летят. И ежели рта не раскрывать во время работы, так и не вредно получается.

Кузнечное дело – это другой коленкор. Тут угли все-таки, огонь, дым. Обжечься опять же можно. Или захворать от дыма. Это безусловно вредное производство.

Ну а вот теперь взять, к примеру, кузнеца и поставить его на работу в кузницу на лесопильный завод? Нуте, чего получится? Вредно или не вредно?

Вопрос этот оказался до того тонкий и ехидный, что вокруг него целая каша заварилась. Каша заварилась, а мы – расхлебывай!

Все произошло на станции Енисей на лесозаводе.

Поступил туда кузнецом наш задушевный друг и приятель, дорогой товарищ Ушкалов. Поработал он год и просит выдать ему денег вместо отпуска за вредность. И подает он заявление в РКК.

РКК думает: «Раз это кузнец, то, хотя он и на лесозаводе работает, дело и вредность оттого не меняется. И пуцай кузнец за эту вредность огреbet деньги лопатой».

Одним словом, разрешили. Только послали свое постановление начальнику района Сибтранслеса, чтоб утвердил.

Начальник района на эту бумажку отвечает заносчиво: пуцай, дескать,

«...РКК укажет пункт законодательства о вредности лесопильного производства».

Прочел эту резолюцию начальник завода товарищ Филимонов и не растерялся. Написал даже завкому:

«Препровождаю бумагу для конкретного указания законодательства о вредности работы на лесозаводе».

Одним словом, плакали Кузнецовы денежки. Отказали ему начальники. И хотя этих начальников слегка и обложили в газете «Красноярский рабочий», но будет ли с того какой толк – не знаем. Не ручаемся. Уж очень вопрос сложный.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

На этот вопрос массу мозгов растратить нужно. А мозги-то нынче в большой цене. Издалека видно.

Эх, не видать, кажись, кузнецу денег, как своих ушей!

Сочувствуем, братишечка.

Еще касаемо того же!

А вот и Ленинград сейчас малость подковырнем. Город это крупный, большой, и масштабы там довольно обширные, и аппетиты такие же. Потому это вам не провинция.

Провинция, например, растратит рупь семь гривен и враз показательный суд устроит над отчаянным растратчиком. А Ленинград на рупь семь гривен не позарится. Ему крупней подавай. Ему тыщи выкладывай.

А рупь семь гривен там, может, за один конец трамвая платят. Вот какой это город!

А речь тут, как читатель небось догадался, идет касаемо того же самого перманентного, насчет растраты то есть.

Тамошний райкомвод просматривал как-то ведомости. Глядит – чего такое? Какая, глядит, огромная задолженность в торговом порту? Все, например, другие прочие учреждения вполне вносят членские взносы, а торговый порт как проклятый – ничего не вносит.

Сразу от райкомвода специального человечка в порт снарядили, чтоб пристыдить членов.

Начал человек стыдить. А народ не стыдится.

– Брось ты, говорят, специальный человек, языком трепать. Мы в крайнем случае очень исправно членские взносы вносим. Ступай себе мимо.

Ну, комиссия образовалась. Копнула комиссия туда, сюда и вообще. И вопиющая картина обнаружилась. Одиннадцать тысяч местком слимонил.

Брали все кому не лень. Пили. И в картишки ударялись, и мало ли.

Одиннадцать тысяч! Тьфу, и писать-то после такой цифры неохота!

Взять бы, например, пузырек с чернилами да вместо окончания фельетона тиснуть бы этим пузырьком по едалам каждого растратчика – оно бы и верней было.

А то пишешь, пишешь – один черт. Все равно республика страдает ежедневно. Да еще деньги бесцельно платит за писанье против растраты.

Гляди, товарищ редактор, поменьше плати за этот фельетон. Пуцай республика хотя на этом отыграется.

Опасная пьеска

Нынче все пьют помаленьку. Ну и артисты тоже, конечно, не брезгают.

Артистам, может, сам Госспирт велел выпить.

Вот они и пьют.

Во многих местах пьют. А на Среднем Урале в особицу.

Там руководители драмкружка маленько зашибают. Это которые при Апевском рабочем клубе.

Эти руководители как спектакль, так обязательно даже по тридцать бутылок трехгорного требуют. В рассуждении жажды.

Ну а раз дорвались эти артисты до настоящей пьесы. Там по пьесе требуется подача

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
вина.

Обрадовались, конечно, артисты.

– Наконец-то, говорят, настоящая художественная пьеса современного репертуара!

Потребовали артисты у клуба сорок рублей.

– Потому, говорят, неохота перед публикой воду хлебать. И вообще, для натуральности надо обязательно покрепче воды. Так сказать, для художественной правды.

Выдал клуб от чистого сердца двадцать целковых.

Артисты говорят:

– Мало. Для наглядности не менее как на сорок требуется.

И приперлись эти артисты на спектакль со своими запасами. Которые горькую принесли, которые – пиво. А некоторые и самогону раздобыли.

Вот спектакль и начался.

Мы-то на этом спектакле не были. И потому не можем описать в подробностях. Но один знакомый парнишка из зрителей сообщает нам с явным восхищением и завистью:

По ходу пьесы спиртные напитки подавались в таком огромном изобилии, что к концу второго действия все артисты были пьяны вдребезги.

И еще, спасибо, благородные артисты оказались. Другие бы, наклюкавшись, стали бы в публику декорациями кидаться. А эти – ничего. Эти тихо и благородно, без лишних криков и драки опустили занавес и попросили публику разойтись от греха. Публика, конечно, и разошлась.

Гаврила предлагает в срочном порядке и вообще поскорей снять эту современную пьеску с репертуара как явно опасную и несозвучную с эпохой.

Комики

Я, граждане, не особенно долюбиваю концерты и всякие там балы. Мне на них всегда скучновато бывает. Даже, признаться, ко сну клонит, ежели тихое, например, пение или музыка без барабанов.

А вот один концерт-бал мне действительно понравился. В Петергофе было. Военно-железнодорожники устроили. Это действительно был вечер.

Конечно, весь концерт-бал был не ахти какой. Как говорится: бал – кот с печки упал. Но вот один номер был выдающийся. Главное, уж очень смешно было. Многих слабосильных дамочек даже заживо выносили в истерике, до того они хохотали.

И нельзя было не смеяться. Потому выстроили железнодорожники все свои батальоны и объявляют: сейчас, дескать, произойдет комический номер. Каждому железнодорожнику выдадут по фунтовой булке и какой батальон скорее скушает, тому премия в размере двух пирожных и вообще слава в петергофском масштабе.

И вот роздали по булке, и по сигналу началось.

Я, граждане, видал, как едят, и сам едал, а такой еды не видывал. Многие давятся, мотают башками, шипят, плюются... Многие, что жабы, захватили зубами булки и ни туды ни сюды, ни чихнуть, ни сморкнуться...

В публике стон стоит от хохота. Слабосильных дамочек заживо выносят в истерике... А те жуют наспех.

А тут с одного батальона молодой парнишка умял свою булку и кричит:

– Братцы, неужели же осраим оружие! Наляжем по возможности.

Тут, конечно, и налегли. И через две секунды объявляют, дескать, этот батальон

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru выиграл. И могут получать премию.

Тут публика начала бис требовать. Начали просить за свои деньги, чтобы и с пирожными устроили такой же номер: кто скорей.

Но батальон стал категорически отказываться.

– Не можем, говорят. У нас, говорят, некоторые несознательные товарищи захворали.

И действительно, выходит вперед один блондин и икает. А у самого рот раскрыт, глаза выпучены и пот со лба капает.

– Граждане, говорит, я булкой подавился. Я, говорит, ее враз проглотил... Проскользнула она внутрь.

Начали его расспрашивать, куда, дескать, проскользнула и дошла ли до живота.

– Не знаю, говорит.

Начали блондина успокаивать, дескать, вполне переварится – не тарелка ведь. Тарелка, это действительно, может не перевариться, а булка, хоть и целая, всегда размякнет и со временем, даст бог, вон выйдет.

Но этот случай не омрачил праздника. Веселье продолжалось. И даже в газете «Красная Звезда», № 81, густым шрифтом был отмечен необыкновенный успех вечера:

4 апреля военно-железнодорожники гор. Петергофа в присутствии гостей и петергофской молодежи устроили комбинированный вечер...

Все остались довольны, особенно одним комическим номером, а именно: участникам соревнования дано по фунтовой булке и кто первый съест, тот получает еще премию – два пирожных. Пальму первенства получил Н. батальон, который в этом спец.

Далее корреспондент расстроился и пишет от себя разные слова – дескать, безобразие, обжорство, унижение и тому подобное. Но это он не иначе как из зависти. Дай ему, каналье, фунтовую булку, так он минут двадцать лопать будет да еще корочки оставит.

Знаем мы этих писателей. Сами пишем.

Сельская идиллия
Это дельце, граждане, развернулось в селе Арбузове.

Где это село расположено и сколько, например, в нем несчастных жителей – неизвестно.

Сама газета «Красный Алтай» про это туманно отзывается.

Во всяком случае, в этом селе произошло недавно любовное происшествие. Арбузовский житель Звягин влюбился, представьте себе, в одну постороннюю арбузовскую дамочку.

Влюбился. Стал, конечно, бывать у ней и прочее все такое.

А звягинская женка натурально в это время скучает. И это, представьте себе, на восьмом году революции!

А раз эта звягинская женка и говорит своему отчаянному супругу:

– Я, говорит, не потерплю этого. Я, говорит, товарищ супруг, на вас жаловаться пойду. Мыслимое ли дело влюбляться на восьмом году революции!

А влюбленный Звягин никого и ни черта не слушает и все по-прежнему бывает у своей дамочки.

А раз сидит себе дома арбузовский предсельсовета гражданин Ряховский и кушает кашу с коровьим маслом.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

И вдруг вбегает к нему гражданка Звягина и орет:

– Мой, говорит, Звягин обратно пошедши к этой чертовой дамочке. И чего на это смотрит администрация? Нельзя ли, мол, прекратить эту любовную вакханалию? Это, говорит, не восемнадцатый год. Запретите, говорит, ему влюбляться.

Председатель, нажравшись каши, отвечает:

– Прекратить можно. Я, говорит, такую сильную безнравственность на восьмом году революции не могу у себя на селе вытерпеть. Я, говорит, вашего Звягина сейчас арестую с поличным и доставлю к вам, к законной владельнице.

Председатель докушал кашу, взял понятых и попер к дому этой самой любовной дамочки.

Обшарили понятые весь дом – нету отчаянного любовника.

Председатель говорит:

– Ройте в подвале.

Сунулись в подвал. Так и есть. Сидит Звягин и трясется.

Тут же выволокли за ноги любовника и акт на него сочинили. Каковой акт и напечатан в газете «Красный Алтай» жирным петитом:

...При обыске у гражданки такой-то в подполье обнаружен спрятанный мужчина, принадлежащий гражданке Звягиной. По изъятию и сопровождению его приняты энергичные меры...

Как изъяли этого Звягина – неизвестно. И били ли его по животу или только по морде – тоже неизвестно. Во всяком случае, его доставили по месту принадлежности.

Так и кончилась эта любовь.

Вообще Гаврила презирает этого Звягина. Робкий и нестоящий мужчина.

Другой бы вроде Гаврилы наkostenял бы этому председателю по первое апреля – мол, не суйся, бродяга, куда тебе не показано. А этот испужался и в подвал спрятался.

И как это бабы любят такого! Тьфу!

Что за шум, а драки нету?

Нынче мы, граждане, юбилей свой справляем. Истинная правда.

Оттого кругом такой шум и веселье.

В прошлом годе мы об это время как раз, знаете, и приступили к работе.

Теперича вот год отработали и шабаш – празднуем. Какого лешего!

Другие граждане все больше сорокалетние юбилеи справляют. Ну а мы за сроком не гонимся. Мы не гордые. Мы вот год оттяпали – и празднуем. Еще год оттяпаем и опять будем праздновать.

Характер у нас, знаете, быстрый, вспыльчивый. Нам чем чаще, тем лучше.

Мы даже хотели два раза в год справлять. Да редактор не допустил.

– Что вы, говорит, обалдели? Вы бы, говорит, еще каждую неделю праздновали. И так-то, говорит, с опозданием выходите.

– Ну, говорим, ладно, пушай раз в год. Только пушай попышней и с музыкой.

Ну, и действительно праздновали пышно. Слов нет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru Конечно, особой пышности не было. Потому народу нас все ужасно строгий и непьющий. Писатели у нас не то что, знаете, к вину – к пиву не притрагиваются. Вот какие писатели. Истинная правда. Горох пожуют – им и хватит.

А художники даже и гороха, дьяволы, не жуют. Воблу сососут, а уж их и развозит с непривычки. «Мама» сказать не могут. Вот какие у нас художники.

С такими художниками какая уж там, знаете ли, пышность. Посидели, посидели и разошлись кто куда. Вот вам и весь юбилей.

Зато чествований было ужасно как много. Это, действительно, пышно прошло.

Одних поздравительных писем больше тыщи было. Охалками волокли. 870 писем.

Адресов тоже до черта. Три адреса. Один на конверте смешной такой адрес. «Москва – Гавриле». Вот вам и весь адрес. И дошло. Ничего. Мы боялись, что не дойдет. Дошло.

Другой адрес тоже очень отчаянный. Ни черта не понять, чего на нем нацарапано. Тоже дошло. Ух и почта же у нас геройская!

А писем действительно много было. 835 писем, как в аптеке. Со всех концов СССР письма.

С Саратовской губернии даже неграмотные разошлись – написали. Пишут:

Проздравляем, всего лучшего желаем.

С Тамбовской губернии опять же в стихах:

Птичка прыгает на ветке.

Честь имеем вас поздравить

Со днем ваших именин.

Кроме писем еще вчерась телеграмма пришла. Сотрудник Михал Михалыч с Ленинграду пишет:

Пора бы денег выслать.

Надо будет выслать.

А так все хорошо и отлично. Дела идут. Контора пишет. Ключи на комод.

С праздничком, товарищи.

Дамские штучки

В каком городе это произошло, я уж, извините-простите, не знаю. Квалификации у нас такой нет, чтоб все насквозь знать и все понимать и за каждым союзом присматривать.

Одно известно – что случилось это в союзе химиков.

Вот и пуцай сами химики разбираются в этом химическом происшествии.

А состояла, между прочим, в этом союзе такая гражданочка средних лет, Савина Александра. И работала она на заводе.

Работала она на заводе, только вдруг ей скучновато стало работать на заводе. Или, может быть, она замуж вышла – неизвестно. Квалификации у нас такой нет – про все знать и за каждой гражданкой присматривать.

Так вот, стало ей скучновато работать, и просит она ослобонить ее от работы по своему желанию.

Обрадовались на заводе – ослобонили.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru – Пожалуйста, говорят, сделайте ваше такое разлюбленное одолжение. Между прочим, что ж вы раньше молчали и голоса не подавали – мы бы давно вас ослобонили.

Ну, одним словом, гражданка Савина ушла с завода. Хотя, конечно, из союза не ушла. В союзе она осталась на всякий пожарный случай.

«Мало ли, думает, и союз, думает, в нашем дамском деле пригодится».

Так оно, знаете, и вышло.

Летом погуляла наша симпатичная гражданочка, загорела на солнышке и вообще расцвела, что пиён, и мужа своего, конечно, осчастливила – стала ему младенца ждать.

К осени она стала младенца ждать, а на пятом месяце, маленько не дождавшись, заявила на завод, как будто, ну, ничего у ней такого нет и вообще никакого младенца не предвидится.

– Хочу, говорит, обратно поработать на пользу химической промышленности.

А сама думает:

«Месяц как-нибудь протяну. А там мне отпуск. И денежки самотеком потекут. Вот вам и вся химия!»

Да, спасибо, управляющий заметил неладное.

– Да вы, говорит, гражданка, не младенчика ли ждете? Как-то стоите неуверенно.

Ну и, кажись, не принял. А может, и принял. Неизвестно. У нас квалификации такой нет, чтобы все знать и за всем следить. Нам на каждого химика, знаете, не разорваться.

Может, вы еще спросите, девочка или мальчик у ей родился. А мы почему знаем? Мы у ей ребят не крестили.

Герой

Ну вот. Каждый день пишешь, стараешься, нервы свои треплешь, а публика, между прочим, все недовольна.

– Что вы, говорят, гражданин хороший, все анекдотики строчите. Вы бы, говорят, заместо того написали бы чего-нибудь этакое натуральное, из жизни. Ну что ж! Можно из жизни. Извольте, дорогие граждане. Прикажете, может, для верности, адресок сообщить? Извольте и адресок. Вот он, адресок – Дивенская улица, 86.

А только пуцай домашние хозяйки этого рассказа не читают. Не то расстроятся, а после котлеты пережарят. Глядишь – лишние неприятности в жизни. А неприятностей этих и так не обернуться. Вот, не угодно ли.

В одном доме в городе Красном Ленинграде (Дивенская, 86) жил-был человек. По профессии водопроводчик. Беспартийный. Фамилии этого водопроводчика мы, к сожалению, не запомнили. Вообще какая-то лошадиная фамилия на букву К.

А водопроводчик этот, надо сказать, до страсти не любил кошек. Некоторые граждане говорили, будто у него в девятнадцатом году хозяйская кошка полфунта масла уперла и слопала. Другие говорили, будто цельный фунт. Одним словом, симпатичный герой наш не одобрял этой породы. И чуть какая кошчонка бежит, он уж обязательно ногой ее пхнет, или плюнет в ее сторону, или сердито и задумчиво посмотрит на нее.

И вот, в один прелестный зимний день в этом доме (Дивенская, 86) стали подыхать кошки. То есть так подыхать, что в короткое время не осталось в доме ни одной кошки. Прямо хоть занимай у соседей. Собак тоже не осталось. Собачки тоже все передохли.

Очень расстроились от этого факта в доме. Созвали, конечно, экстренное собрание жильцов. Начали дискутировать – как и отчего околевают кошки.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Одна гражданка на собрании заявила:

– Кошки, граждане, так себе не кончаются. Это, говорит, заметна чья-то преступная рука.

Другая гражданка говорит:

– А преступная рука, граждане, это не кто иной, как наш общий сукин сын, водопроводчик с пятого номера. Это, говорит, не кто иной, как он, подложил свинью кошкам.

И вдруг приходит сам гражданин водопроводчик и усмехается.

– Об чем, говорит, речь? Ну да, говорит. Не отпираюсь. Это, говорит, я насыпал яду в выгребную яму. Не иначе как от яду они идохнут. А что собачки кончаются, то пушай и собачки. Собачек я тоже не одобряю. А без жертв обойтись немисливо.

Сказал и ушел. А после еще записку под воротами приляпал: «Принимаю заказы на отравление кошек и собак».

Вот и все. Вот вам и весь рассказ с натуры.

Конца у этого рассказа нету. Это происходит оттого, что жильцы и сами не знают, чем кончить. То ли плюнуть на водопроводчика, то ли под суд его отдать.

Вот и пиши после этого из жизни! Конца-то и нет. Не обижайтесь, граждане!

Практикант

Дельце это очень поганенькое. То есть такое дельце, что прямо писать неохота. Неохота, да приходится. Факт очень уж выдающийся.

А случилось это в Иваново-Вознесенске. А выходит там, братцы мои, голубчики, газета «Рабочий край».

И стали в этой газетине появляться очень исключительно отличные заметки одного рабкора от сохи, по фамилии Осипов.

Острые такие, свежие замечочки. Талант в них так и брызжет в разные стороны.

А главное, мог этот способный Осипов изображать на бумаге что угодно. Мог и насчет паразитов пройтись. И про продукцию. Мог даже стишки сочинять. Даже раз до того разошелся, что про коров написал. Ей-богу. Научную статью про коров: «Уход за коровой после отела». И подписал – крестьянин-практикант Осипов.

То есть такой способный парнишечка оказался – прямо на удивление.

Весь город очень восхищался своим дорогим рабкором. Да что город? Москва восхищалась. Хотели мы этого парнишечку за выдающийся талант в журнал к себе перетянуть, да «Рабочий край» не отдал. Пожадничал.

А тут, промежду прочим, таким талантом союзные деятели заинтересовались. Копнули, как и что и отчего такой талантище выпирает из одного человека. Ну и выяснили.

Оказалось, что парнишечка не то что научные статьи про коров – фамилию свою с грехом подписывал.

А брал это парнишечка разные газеты, вырезал оттуда чего придется: стишки – так стишки, про корову – так про корову, переписывал кое-как и в газету нес. Одним словом, подрабатывал и обогащался.

И, может, на всю Советскую страну прославился бы этот практикант, да, между прочим, засыпался. А впрочем, он и так прославился.

И живут же такие людишки на земле, нет на них погибели.

Товарищ Гоголь

В наше переходное время, в наши скромные дни жил бы товарищ Гоголь не на улице

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Гоголя, а где-нибудь, ну, скажем, на Васильевском острове.

Жил бы человек не плохо. Насчет цельной квартирке не ручаемся, но отдельная комната была бы у него. Примерно в 3 кв. сажени. Меблированная.

За мебель хозяйке Гоголь платил бы 20 целковых да в домоуправление по 1 р. 60 к. за квадратный метр.

А работал бы Гоголь в «Смехаче» (25 рублей за фельетон). Пришлось бы уж Гоголю расстараться на мелкие вещицы!

Большие вещи – разные там «Мертвые души» и «Старосветские помещики» – все это хорошо и отлично, но недостаточно. Главное, что свободной профессией попахивает. И пописывал бы Николай Васильевич разные мелочишки. Может быть, даже отдел «Тараканы в тесте» вел. Ох, пришлось бы сотрудникам слегка потесниться!

Ходил бы тов. Гоголь в серой толстовке. Лечился бы электричеством от острой неврастении в Знаменской лечебнице. Трешки бы занимал до среды. Сотрудники дружески хлопали бы его по плечу и говорили: «Ну как, брат Гоголь?»

И вообще жил бы человек не худо. Вполне кормился бы при «Гудке».

Единственно, пожалуй, пришлось бы Гоголю пострадать от современной критики. Показала бы ему наша дорогая критика кузькину мать.

Критическую статью о творчестве товарища Гоголя мы представляем в наши дни примерно в таком виде:

ЕЩЕ ОДИН
(О творчестве тов. Гоголя)

Это что за фигура? Это откуда такое появилось? Это кто же дозволил ему появиться?

Мало у нас великих писателей, так вот еще какая-то персона лезет!

Нуте-ка, возьмем эту персону да рассмотрим, какая под ей подложена база. И может ли он, этот самый Гоголь, видеть разные важные проблемы? И есть ли у него, у подлеца, нормальный классовый взгляд или, между стихия?

Сейчас мы ему, черту лохматому, припаем. Не читали еще его вещиц, но чувствуем, что припаем. Потому нельзя иначе, чтоб не припать.

Выпускает, главное, черт лохматый, общее собрание сочинений, огребает, наверное, громадные деньгищи, тратит бумагу, в то время как кооперации продукты заворачивать не во что, и еще ходит Гоголем.

А пуцай-ка лучше ответит, вносил ли он, курицын сын, налог за последнее окладное полугодие? И чем он занимался до 17-го года?

Тоже писатель! Володя!

Критик Иван Засекин
Плохо, товарищи, быть писателем!

Дешевая распродажа
Такой есть город Красногор. Первый раз слышим. Но раз газеты пишут, значит – есть.

А только, может, это и не город, а местечко. Пес его разберет. Газета этого вопроса не затрагивает. А мы, в свою очередь, эту ботанику и минералогию маленько подзабыли.

А расположен этот город не то под Харьковом, не то под Полтавой. Во всяком разе, телеграмма дадена из Харькова.

А очень оригинальный этот город Красногор. Там, знаете, то есть буквально нет ни единого человечка, который бы не состоял в союзе.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Вот какой это город. Истинная правда. Там, предположим, торговец или дьякон – и те в профсоюзе. Прямо противно.

А по улицам там так и ходят члены профсоюзов. И все, знаете ли, металлисты. Куда ни плюнь – все металлисты. Домашняя хозяйка – и та металлист. Прямо противно.

От этого факта некоторые начальники даже испугались.

«Господи, думают, с чего бы так густо металлист пошел?»

Бросились начальники к металлистам. К такому, может, знаете, секретарю райкома металлистов Кийко. Фамилия у него такая.

Говорят ему:

– Товарищ дорогой, с чего бы это случилось? Человека ведь нет в городе, чтоб он не металлистом был.

– Да ну? – удивился секретарь. – Неужели же, говорит, до того дошло? Оно, действительно, последнее время делишки у нас неважные пошли. Прямо хоть закрывай лавочку. Никто, то есть, за членскими книжками не идет. А оно вон что – потребителя не осталось. Всех, оказывается, удовлетворили.

Тут, конечно, и приперли этого секретаря. И еще кой-каких ребят.

Но тут и обрисовалось положение. Тут-то и выяснилось. Тут-то и оказалось, что работала целая компания. И устроила эта компания вроде дешевой распродажи членских книжек.

Торговали дешево. Чуть не задаром. Рубликов за пять книжонку с пятилетним стажем выдавали. А которому элементу непременно охота было нагнать побольше стажу – гони всего десятку.

Вот какие грубые дела на свете творятся.

Но это, небось, только в Красногоре. В других городах все отлично и симпатично. Дела идут, контора пишет, и членские книжки на комод.

Редкий случай

Дозвольте прежде всего объяснить, где это было. А то не поверят.

– Эва, скажут, какую пулю Гаврила заливает.

А между прочим, заливать-то не приходится. Все есть, то есть тютелька в тютельку и в аккурат. Даже хуже.

А было это в одном губотделе союза полиграфистов. Вон где.

Там однажды ревизионная комиссия решила ревизию навести. Мол, нет ли каких упущений, или, тьфу-тьфу, растрат, или еще каких гадостей.

Ну, конечно, утром пораньше собралась ревизионная комиссия. Нагрянула.

– А ну-ка, говорят, голуби, предъявляйте документы и разные ваши книжки. Посмотрим, чего у вас там нацарапано.

Ну, конечно, голуби-полиграфисты малость подрастерялись, однако книжки и все такое нацарапанное предъявили.

Считала, считала ревизионная комиссия – все в порядке.

– Все, говорят, у вас хорошо и отлично. Спасибо за службу. Дозвольте, говорят, теперь наличные денежки в кассе проверить. И на этом факте распростимся.

Ну, конечно, растерялись полиграфисты.

– Да вы, говорят, не трудитесь. Тем более, говорят, что и денег у нас в кассе ни

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru сантима. Мы, знаете, деньги в кассе не держим. Привычки такой у нас нету. Мало ли, сопрут их или что. У нас, говорят, деньги всегда при кассире. В штанах зашиты.

Растерялась ревизионная комиссия.

– А подать, говорят, нам сюда в таком разе кассира. Сейчас мы кассировы штаны проверим.

Растерялись полиграфисты самую малость.

– Да вы, говорят, не трудитесь. Тем более, что и кассира-то у нас нету. Мы, говорят, его в отпуск пустили вместе со штанами.

Наступило тут тяжелое молчание. Только слышно было, как сопят полиграфисты.

После ревизионная комиссия говорит:

– А союзные средства-то где?

Полиграфисты говорят:

– Да мы ж и говорим – в штанах.

– А штаны-то где?

– Да мы ж и говорим – в отпуску штаны. И кассир при них. Тьфу, говорят, ей-богу, какие вы без понятия! А еще ревизионная комиссия.

Тут ревизионная комиссия попросила принести каждому по стаканчику холодной воды. Выпили. И разошлись с тихим пением.

Суета сует

Жизнь, братцы мои, совершенно становится нормальной. Все определенно достигает довоенного качества.

Даже такая житейская мелочь, как похороны, и те заметно приобретают довоенный уровень.

Снова появились фигурные колесницы. Гробы опять-таки выпускаются с ручками. Факельщики ходят. Некоторые частники затягивают лошадей сетками, чтобы грубый вид животного не оскорблял родственника.

Провожающие родственники тоже заметно подтянулись – идут кучно, не вразброд. Многие, несмотря на мануфактурный кризис, по-прежнему украшают свои шляпки черным коленкором.

Не очень давно я даже видел, как впереди шествия кидали еловые ветки и сучки. Правда, ветки эти тут же моментально подбирали сзади идущие родственники и прохожие, и даже в некоторых местах происходила свалка, но от этого пышность обряда нисколько не уменьшалась.

Вообще говоря, все приходит в свою норму. Прямо помереть приятно.

А в каком-нибудь в двадцатом году да разве ж обращали внимание на какие-нибудь такие обряды?

Один раз, помню я, братцы мои, обнаружен был труп под воротами нашего дома. На Васильевском острове.

Особого переполоху не было, но экстренное собрание все-таки устроили.

Председатель комитета выступил тогда с небольшой речью.

– Международное положение, говорит, такое-то, а наряду с этим происходят такие мелкие факты и поступки. Некоторым гражданам неохота регистрировать и хоронить свои трупы, вот они и кидают под чужие ворота. В короткое время второй случай на улице. Хороните коллективно. У меня своих делов по горло.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Время было тогда простое. Пища грубая. Пища эта не позволяла фантазировать и обдумывать обряды. Взяли жильцы и вечером коллективно отнесли труп к соседнему дому. И положили под ворота.

Дней пять или шесть мотали этот труп по разным домам.

А после куда-то увезли.

Так вот я и говорю. Жили тогда просто. Никакой мишуры, никакой суеты сует не было.

Спасибо, братцы мои, что не подох я в двадцатом году.

Сейчас все-таки себя, через эти обряды, вроде как человеком чувствуешь.

Волокита

Не страшен был бюрократизм. И канцелярской волокитой нас тоже теперь не испугаете.

Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!

А способ до того действительный, до того дешевый, что надо бы за границей патент взять, да, к глубокому сожалению, Федор Алексеевич Кульков не может сейчас за границу выехать – сидит, сердечный друг, за свой опыт. Нет пророка в отечестве своем.

А против бюрократизма Федор Кульков такой острый способ придумал.

Кульков, видите ли, в одну многоуважаемую канцелярию ходил очень часто. По одному своему делу. И не то он месяц ходил, не то два. Ежедневно. И все никаких результатов. То есть не обращают на него внимания бюрократы – хоть плачь. Не отыскивают ему его дела. То в разные этажи посылают. То завтраками кормят. То просто в ответ грубо сморкаются.

Конечно, ихнее дело тоже хамское. К ним, бюрократам, тоже на день, может, по сто человек с глупыми вопросами лезет. Тут поневоле нервная грубость образуется.

А только Кульков не мог входить в эти интимные подробности и ждать больше.

Он думает:

«Ежели сегодня дела не кончу, то определенно худо. Затаскают еще свыше месяца. Сейчас, думает, возьму кого-нибудь из канцелярского персонала и трахну слегка по морде. Может, после этого факта обратят на меня благосклонное внимание и дадут делу ход».

Заходит Федор Кульков на всякий случай в самый нижний подвальный этаж, – мол, если кидать из окна будут, чтоб не шибко разбиться. Ходит по комнатам.

И вдруг видит такую возмутительную сцену. Сидит у стола на венском стуле какой-то средних лет бюрократ. Воротничок чистый. Галстук. Манжетки. Сидит и абсолютно ничего не делает. Больше того – сидит, развалившись на стуле, губами немножко свистит и ногой мотает.

Это последнее просто вывело из себя Федора Кулькова.

«Как, думает, государственный аппарат, кругом портреты висят, книги лежат, столы стоят, а тут, наряду с этим, мотанье ногой и свист – форменное оскорбление».

Федор Кульков очень долго глядел на бюрократа – возбуждался. После подошел, развернулся и дал, конечно, слегка наотмашь в морду.

Свалился, конечно, бюрократ со своего венского стула. И ногой перестал мотать. Только орет остро.

Тут бюрократы, ясное дело, сбегались со всех сторон – держать Кулькова, чтоб не

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru ушел.

Битый говорит:

– Я, говорит, по делу пришедши, с утра сижу. А ежели еще натошак меня по морде хлопать начнут в государственном аппарате, то покорнейше благодарю – не надо, обойдемся без этих фактов.

Федор Кульков, то есть, до чрезвычайности удивился.

– Я, говорит, прямо, товарищи, не знал, что это посетитель пришедши, я думал просто бюрократ сидит. Я бы его не стал стегать.

Начальники орут:

– Отыскать, туды-сюды, кульковское дело.

Битый говорит:

– Позвольте, пущай тогда и на меня обратят внимание. Почему же такая привилегия бьющему? Пущай и мое дело разыщут. фамилия – Обрезкин.

– Отыскать, туда-сюда, и обрезкино дело.

Побитый, конечно, отчаянно благодарит Кулькова, ручки ему жмет:

– Морда, говорит, дело наживное, а тут по гроб жизни вам благодарен за содействие против волокиты.

Тут быстрым темпом составляют протокол, и в это время кульковское дело приносят. Приносят его дело, становятся на нем резолюцию и дают совершенно законный ход.

Битому же отвечают:

– Вы, говорят, молодой человек, скорей всего ошиблись учреждением. Вам, говорят, скорей всего в собес нужно, а вы, говорят, вон куда пришедши.

Битый говорит:

– Позвольте же, товарищи. За что же меня, в крайнем случае, тогда по морде били? Пущай хоть справку дадут, мол, такого-то числа, действительно, товарищу Обрезкину набили морду.

Справку Обрезкину отказали дать, и тогда, конечно, он полез к Федору Кулькову драться. Однако, его вывели, и на этом дело заглохло.

Самого же Кулькова посадили на две недели, но зато дело его благоприятно и быстро кончилось без всякой волокиты.

Игрушка

Конечно, ребенку покупать игрушки – это ужасно неприятная история. Особенно летом.

Главное, что никакого сезонного выбора нету.

Я, например, своему сыну все время тачки покупаю. Второе лето. Мальчик даже обижаться начал. Плачет после каждой тачки.

А пущай войдет в отцовское положение. Чего покупать? Мячей нету. Непромокаемых пальто нету. Только тачки и вожжи.

А на днях я зашел в игрушечный магазин, – предлагают новую летнюю игру. Специально сработанную по заграничным образцам. «Дьяболо». Такая французская игра для детей. Такая веревочка на двух палках и катушка. Эту катушку надо подкидывать кверху и ловить на веревку. Только и всего.

Веселая, легкая игра. Специально на воздухе. Ах, эти французы, всегда они придумают чего-нибудь забавное!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Купил я эту игру. Подарил сыну.

Начал сын кидать катушку. И чуть себя не угробил. Как ахнет катушкой по лбу. Даже свалился.

Попробовал я на руку катушку, – действительно, тяжеленная, дьявол. Не то что ребенка – верблюда с ног свалить может.

Пошел в магазин объясняться: зачем, дескать, такую дрянь производят.

В магазине говорят:

– Напрасно обижаться изволите. Эта игрушка приготовлена совершенно по заграничным образцам. Только что там резиновые катушки бывают, а у нас – деревянные. А так все остальное до мелочей то же самое... У них веревка – и у нас веревка. Только что наша немножко закручивается. Играть нельзя. Катушка не ложится. А так остальное все то же самое. Хотя, говоря по совести, ничего остального и нету, кроме палок.

Я говорю:

– Что же делать?

– А вы, говорят, для душевного спокойствия не давайте ребенку руками трогать эту игру. Прибейте ее гвоздем куда-нибудь над кроватью. Пушай ребенок смотрит и забавляется.

– Вот, говорю, спасибо за совет! Так и буду делать.

Так и сделал.

Только прибил не над кроватью, а над буфетом. А то, думаю, ежели над кроватью – сорвется еще и за грехи родителей убьет ни в чем неповинного ребенка.

Отцы кушают виноград, а у детей – оскомина.

Каторга

То есть каторжный труд – велосипеды теперь иметь.

Действительно верно, громадное через них удовольствие, физическое развлечение и все такое. На собак опять же можно наехать. Или куренка попугать.

Но только, несмотря на это, от велосипеда я отказываюсь. Я тяжело захворал через свою машину, через свой этот аппарат.

Я надорвался. И теперь лечусь амбулаторно. Грыжа у меня открылась. Я теперь, может быть, инвалид. Собственная машина меня уела.

Действительно, положение такое – на две минуты машину невозможно без себя оставить – упрут. Ну, и приходилось в силу этого машину на себе носить в свободное от катанья время. На плечах.

Бывало, в магазин с машиной заходишь – публику за прилавок колесьями загоняешь. Или к знакомым в разные этажи поднимаешься. По делам. Или к родственникам.

Да и у родственников тоже сидишь – за руль держишься. Мало ли какое настроение у родственников. Я не знаю. В чужую личность не влезешь. Отвертят заднее колесо или внутреннюю шину вынут. А после скажут: так и было.

В общем, тяжело приходилось.

Неизвестно даже, кто на ком больше ездил. Я на велосипеде или он на мне.

Конечно, некоторые довоенные велосипедисты пробовали оставлять на улице велосипеды. Замыкали на все запоры. Однако, не достигало – угоняли.

Ну, и приходилось считаться с мировоззрением остальных граждан. Приходилось

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru носить машину на себе.

Конечно, человеку со здоровой психикой не составляет труда понести на себе машину. Но тут обстоятельства для меня сложились неаккуратно.

А понадобился мне в срочном порядке целковый. На пропой души.

«Надо, думаю, где-нибудь забодать».

Благо машина есть – сел и поехал. Заехал к одному приятелю – дома нету. Заехал к другому – денег дома нету, а приятель дома.

А один приятель хотя проживает в третьем этаже, зато другой – в седьмом. Туда и назад с машиной смотался – и язык высунул.

После того поехал к родственнице. На Симбирскую улицу. К родной тетке.

А она, зануда, на шестом этаже живет.

Поднялся со своим аппаратом на шестой этаж. Смотрю, на дверях записка. Дескать, приду через полчаса.

«Шляется, думаю, старая кочерыжка».

Ужасно я расстроился и сгоряча сошел вниз. Мне бы с машиной наверху обождать, а я сошел от расстройства чувств. Стал внизу тетку ждать.

Вскоре она приходит и обижается на меня, зачем я с ней наверх идти не хочу.

– У меня, говорит, с собою около гривенника. Остальные деньги на квартире.

Взял я машину на плечо, пошел за теткой. И чувствую, икота поднимается и язык наружу вылезает. Однако, дошел. Получил деньги сполна. Пошамал для подкрепления организма. Накачал шину и вниз сошел.

Только дошел донизу – гляжу, парадная дверь закрыта. У них в семь часов закрывается.

Ничего я тогда не сказал, только ужасно заскрипел зубами, надел на себя велосипед и стал опять подниматься.

Сколько времени я поднимался – не помню. Шел, прямо, как сквозь сон.

Начала меня тетка выпускать с черного хода. Сама, зануда, смеется.

– Ты бы, говорит, машину наверху оставлял, если внизу боишься.

После перестала смеяться – видит, ужасная бледность разлилась по моему лицу. А я, действительно, держусь за руль и качаюсь.

Однако, вышел на улицу. Но ехать от слабости не мог.

А теперь обнаружались последствия – хвораю через эту каторгу.

Утешаюсь только тем, что мотоциклистам еще хуже. Вот, небось, переживают!

И хорошо еще, что у нас небоскребов не удосужились построить. Сколько бы народу полегло!

Непредвиденное обстоятельство

Можно меня поздравить. Нашел квартиру. Одна комната и кухня. С небольшим ремонтом.

Ремонтик совершенно ерундовый – потолок слегка побелить, а то балки оттуда виднеются и известка вместе с верхними жильцами на башку сыпется. А так остальное все исправно.

Я взял и побелил этот потолок. Починил и побелил.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Гляжу, при таком ослепительном потолке – стены стали нехороши. Очень уж грязные и обдрипанные.

Купил дешевенькие шпалеры. Наклеил. Стало как будто немного интеллигентней. Единственно, пол подгулял. При плохих стенах он не так в глаза бросался. А теперь на пол посмотреть страшно. Ямы. Колдобины. Ну, прямо идешь как по панели – до того неровно.

Купил бракованную клеенку. Покрывл пол. Стала комнатка хоть куда. Веселенькая. Дверь вот только жуткая. Не дверь, а черт знает что.

Починил дверь. Ручку для красоты вставил. Краской подновил. И надо было бы мне дверь с одной стороны только окрасить. Со стороны комнаты. А я дурака сваял – и со стороны кухни подмалевал. Прямо в кухню стало невозможно войти. Потому дверь хороша, а рядом сплошная дрянь. Стены аховые. Плита стоит развалившись. Крантик оторван, еле держится. Пола почти нету. Потолок жутковатый, все время на тебя валится.

Начал ремонт производить. После бросил. Потрохов, думаю, не хватит. Кухню, думаю, отделаю – уборная нехороша. Бака нету. Четвертой стены не хватает. Уборную, скажем, отделаю – в коридор не войдешь. Коридор отделаю – входная дверь не годится. Входную отделаю – лестница плохая. Перил нету. Лестницу отделаю – дом худой. Не дом, а горе.

А дом, товарищи, я не могу пока отделывать. Я сорок семь рублей жалованья получаю.

Так и живу, как на вулкане. И о ремонте больше не думаю. К этому делу надо подходить осторожно и задумчиво.

Скупой рыцарь

Год назад в одно почтенное издательское учреждение я три месяца подряд ходил за деньгами.

Заведующий отделом человек был милый, симпатичный. Всякий раз он справлялся о моем драгоценном здоровье, интересовался работой. И всегда очень сочувствовал и входил в положение. Однако денег не платил.

Примерно, зайдешь к нему числа десятого. Разведет руками, грустно улыбнется.

– Ай, говорит, ну можно ли в такие несуразные числа заходить. Десятое число! А мне, может, пятнадцатого рабочим и служащим платить. Сами посудите.

Ну, сообразишь, что десятое число, действительно, несколько неудобное число для платежей – уйдешь.

Приходишь числа двадцатого.

– Ну что вы, говорит, делаете? Только что недавно рабочим и служащим заплатил. Ну откуда я вам возьму? Сами посудите.

Два месяца я терпеливо поднимался на пятый этаж. В начале третьего месяца я стал слегка наседать и требовать.

Заведующий ерзал на стуле, грустно разводил руками, но денег не платил.

Я знаю, деньги платить – занятие скучное, малоприбыльное. Сплошной, можно сказать, коммерческий расход. В трубу можно свободно полететь, ежели всем платить. Однако мне было все равно. Я с энергичной настойчивостью вел свою линию.

Заведующий, видимо, начал страдать от моих посещений. Он избегал моего взгляда. Молча разводил руками. И углублялся в свои бумаги.

Однажды, когда у заведующего сидел какой-то посетитель, я начал грозить. Я сказал:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
– Либо платите сейчас, либо я сам не знаю, что сейчас сделаю.

В голосе моем появились истерические нотки и вообще некоторое повизгиванье.

Вдруг я услышал всхлипывание. Я с испугом посмотрел на заведующего. Закрыв глаза рукой, он плакал, не стесняясь присутствия посетителя.

Я мысленно обругал себя скотиной и выбежал из кабинета.

Мне было ужасно стыдно и неловко.

Так довести человека. Экая я чертова свинья! Ну действительно, ну откуда ему взять денег, если у него, может, нету? Ах, такая гнусность! Надо извиниться. Скажу: согласен ждать, сколько понадобится.

Я снова вошел в кабинет.

Заведующий, откинувшись на спинку кресла, тихонько смеялся. Его усы и подбородок дрожали от смеха.

Я услышал, как он говорил своему собеседнику:

– Ну что я могу сделать? Пристают, докучают. Мешают работать. Ну откуда я всем возьму? Приходится, знаете, прибегать к этой невинной хитрости. Это действует. Они народ впечатлительный.

Я подошел к столу и тяжелым голосом потребовал немедленной уплаты.

Заведующий, не глядя на мое лицо, написал на моем заявлении – уплатить завтра.

Назавтра я деньги получил.

Этот случай – подлинная правда. Я давно уже перестал фантазией разбавлять свои рассказы.

Поэт и лошадь

Давеча я получил письмо по почте. Пишут мне из Детского Села. Дескать, память Пушкина нарушена. Примите меры.

А, как известно, в этом селе жил в свое время Александр Сергеевич Пушкин. На Колпинской улице.

И дом, в котором жил Пушкин, очень даже отлично сохранился. Наверное, благодаря старанию заведывающего. Это, говорят, очень милый, хозяйственный человек. Он еще, может, знаете, лошадь свою всегда в саду пасет, наверное, из хозяйственных соображений. Так, знаете, дом, доска мраморная – дескать, Пушкин жил, а так под окнами лошадевка пасется – кусты жрет. А кусты – сирень и жимолость. Оно, конечно, кусты эти, может, при Пушкине не росли.

И, может быть, в силу этого заведывающий не считает это самое оскорбительным для памяти Пушкина. Но прохожие все-таки обижаются.

Один прохожий в пылу благородного негодования смотался даже специально к этому заведывающему.

– Голубчик, говорит, прямо, говорит, некрасиво с вашей стороны лошадой в пушкинский сад выпущать. Пушкин, говорит, из этих окон, может быть, в свое время любовался и окурки бросал, и вдруг тут же лошадь кусты жрет. Прямо, говорит, до чего некрасиво.

Заведывающий говорит:

– Лошадь – полезное животное. Пушкинский дом она не трогает, а если кусты кушает, то эти кусты, если хотите знать, после Пушкина выросли.

Тут, не любим сплетничать, небольшая перебранка завязалась между прохожим и заведывающим. Много нехороших и лишних слов было друг другу сказано. Не будем об этом писать, чтобы не тревожить память гениального поэта. Скажем только, что

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
лошаденка и посеичас в саду пасется.

По совести говоря, особого оскорбления в этом мы не видим, но кусты все-таки жалко. Как хотите, а все-таки нет такой красоты и цельности, ежели куст обглодан. Как ваше драгоценное мнение, гражданин заведывающий?

А касемо лошади, то лошадь всегда можно привязать где-нибудь на втором плане.

Сначала пуцай поэт, потом лошадь.

Старая история

Дозвольте для ради первомайского праздника поделиться счастливой новостью. В Константинова дом построили – поликлинику. Новое здание для этой медицинской цели оттяпали. «Химуголь» расстарался.

Ах, это очень мило с ихней стороны! И как раз, знаете, к празднику.

Доктора и разные ученые ботаники, наверное, очень этим фактом растроганы. Некоторые, наверное, даже прослезились – дескать, не забывают медицину в таком громадном строительстве.

И, между прочим, постройка, говорят, очень даже приличная вышла. Совершенно, то есть, по последнему слову довоенной техники – фундаменты не дрожат, и потолки не осыпаются. Американцы небось локти себе кусают от зависти.

Но, конечно, некоторый небольшой дефект случился при этом строительстве. Этого скрывать не надо. Самокритика обязательно требуется в таком поганом деле.

А дефект открылся в самую последнюю минуту. Уже дом стоял готовенький.

Строители отошли шагов на тридцать, чтоб издали полюбоваться на дело своих рук.

Вдруг один из строителей побледнел и говорит:

– Матушки мои! Канализацию позабыли устроить.

Другой говорит:

– И отопление, кажись, тоже позабыли.

Тут снова закипела работа.

В газетах об этой срочной работе так сказано:

Когда здание было уже закончено, покрыто крышей и оштукатурено, – вспомнили о канализации и отоплении. Пришлось выламывать стены, отбивать штукатурку и даже разбирать крышу для того, чтобы установить котел.

Одним словом, расстраиваться не приходится. Дефект оказался поправимым. Котел всунули. Трубы провели. Жизнь снова заиграла в этом прелестном здании.

Все в порядке!

Подождем, над нами не каплет

Хотели мы, знаете, в Саратов съездить. По своим личным делам. Повидаться кое с кем. Но теперь не поедем. Отменили это решение.

Ну его к черту, этот Саратов! Туда очень уж опасно ехать. Там крушения часто бывают.

Конечно, не в самом Саратове, а вокруг, на разных маленьких станциях. Разные там Князевка, Курдюмовка и так далее.

Эти маленькие станции не на высоте положения. Они небрежно поезда пропускают. И через это крушения очень часто случаются. Если говорить правду – ежедневно.

А другой раз как заколодило, так, верите ли, несколько в день.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зошенко zoschenko1hai1.ru
А раз такой денечек выпал – одиннадцать крушений в сутки! Двенадцатого не было, потому как, сами понимаете, движение почти что замерло.

А вы говорите: поезжай в Саратов!

Газета «Поволжская правда» пишет:

Начальники станций Саратовского узла загружены работой, ранее исполняемой их помощниками. Теперь помощников нет. Дорога экономит. Но экономия влетает в копеечку. Так, 4 октября за один день было одиннадцать крушений поездов.

Одним словом, в те края чтой-то мало интереса ехать.

Дорога экономит, но и мы тоже последнее время скуповаты стали: экономим свою мелкую жизнь. Может, на что-нибудь пригодится.

Одним словом, в Саратов не поедем. Подождем, пока на эти мелкие станции подсыпят пару служащих.

А которые начальники прочтут эти грустные строчки – пуцай поторопятся. А то, ей-богу, надо в Саратов ехать до зарезу. Не лететь же туда по воздуху.

Неприятность

Давеча на радиофронте у меня развернулась крупная неприятность.

Есть у меня имеется небольшой радиоприемник. Обыкновенно – детекторный. Без антенны. На электрическую сеть.

Слышимость довольно хорошая. Слов-то, конечно, не разобрать без антенны. Но гул идет довольно явственный. Даже в другой раз голоса можно различать – которые мужские, которые дамские.

А в зимние вечера очень, знаете, приятно послушать разные культурные звуки. Главное – легко, без хлопот, бесплатно ткнул в штепсель один провод – и наслаждайся.

Собственно, на почве этого штепселя и развернулась неприятность.

Надо сказать – я проживаю в коммунальной квартире. У нас шесть комнат. Восемьдесят четыре жилья. И на всю эту братию имеется один электрический счетчик. Так что скандалы бывают у нас каждый месяц из-за этого счетчика – кому сколько платить.

Так вот давеча приходит до меня уполномоченный нашей квартиры и говорит:

– Что, говорит, ежедневно слушаете аппарат?

– Слушаю, говорю.

– Через электрическую сеть?

– Да, говорю.

– Ловко, говорит. Либо, говорит, сымай свой аппарат к козлиной бабушке, либо, говорит, я тебе свет сейчас обрежу. Я, говорит, буквально эти ночи не сплю, страдаю и не знаю, сколько с тебя за энергию теперь брать.

Я говорю:

– Никакой энергии не беру. Это, говорю, электрическая сеть – вместо антенны.

– Э, говорит, брось ваньку валять. Я, говорит, не слепой пес. Я, говорит, вижу, что провод до штепселя доходит.

– Так, говорю, это один провод, в одну дырку.

– А я, говорит, не знаю. Может, я уйду, а ты и во вторую воткнешь. Сымай свои радиозвуки или, говорит, плати семь целковых в месяц жильцам за моральное

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
спокойствие.

Платить, конечно, я не стал, а снял свой аппарат и теперича снова живу некультурной жизнью. А так остальное все благополучно.

Красота!

Давеча, товарищи, я в газете вычитал очень даже интересное сообщение. Насчет Америки.

Оказывается, в этой удивительной стране многие автомобили и вагоны железнодорожные имеют свои названия. И ходят не под номерами, как у нас, а под заглавием. И конечно, выбираются заглавия все больше красивые и поэтические. Как, например, – «Пульмановский вагон», «Рогнеда» или автомобиль – «Ласка любви». Ей-богу, не вру! Так и пишут.

Прочитал я это сообщение – и тоже красоты мне захотелось.

Пуцай бы у нас тоже на транспорте такое же начинание ввели. А то пароходы имеют свои названия, а вагоны – нет. Нехорошо. Несимметрично.

Трамвай можно бы назвать как-нибудь поэтически – «Утренняя прохлада» или хотя бы научно – «Масло жмут».

Железнодорожный вагончик хотя и имеет свое заглавие – «Максим Горький», но это заглавие несколько устарело. Не худо бы назвать такой вагон – «Луч солнца» или революционно – «Бывшая баррикада».

Этот жуткий экипаж частника следовало бы назвать поэтически – «Галоша» или – «Надгробное рыдание».

Конечно, все эти заглавия даны для примера. И если наш проект пройдет в жизнь, то можно расстараться – придумать чудные названия и тем самым заткнуть за пояс свободную Америку.

Пора вставать

Протри свои очи, дорогой читатель, и обрати благосклонный взор на этот приличный рисунок.

Тут, как видишь, художник по мере сил и возможностей изобразил раннее утро в провинции. А именно: Минеральные Воды. Рабочий поселок Госстеклозавода.

Еще довольно темно, но уже пора вставать на работу. Пора идти на этот самый стеклозавод. Гудок еще не гудел. И не скоро загудит. По той простой причине, что гудка на заводе не имеется. А, как сообщают газеты:

«...вместо гудка имеется целый штат кричальщиков, содержание которых обходится 2160 рублей в год. Обязанность кричальщиков состоит в том, что они, стуча дубинкой в окно, будят рабочих на работу».

Нами как раз тут и зафиксирован славный и ответственный момент пробуждения. Вот кричальщики ходят, постукивают своими дубинками. Вот замелькали огоньки в халупах. Пора, братишки, вставать! Пора! Утро начинается. Вспоминается классическое изречение, кажется, что Пушкина, или, в крайнем случае, баснописца Крылова: «Дети, в школу собирайтесь, петушок давно пропел». Кстати, насчет петухов. Дело происходит на Кавказе, и, может, там петухов не водится. Только, одним словом, петухи там не использованы для этой цели. А работает там штат кричальщиков, которые и огребают, как мы указали, 2160 рублей.

В век пара и электричества прилично было бы устроить на заводе гудок. Оно, конечно, обслуживать его стоило бы немного дороже (поломка, починка, утечка пара и т. д.), но зато – красота.

А кричальщиков можно бы поставить на более полезное дело – бутылки выдувать или, еще лучше, какие-нибудь более порядочные стеклянные вещи – блюдечки или рюмочки.

Так что надо бы гудок схлопотать. Извиняюсь.

Тяга к чтению

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru в библиотеках – то что делается! Это ужаси! Ежедневно масса книг гибнет. Пропадают ценные экземпляры. Разные дорогостоящие учебники – Малинин и Буренин. Разные уники – физика Краевича и так далее.

Кроме пропажи, читатели вырывают особо нужные страницы. Выдергивают рисунки. Пишут на полях разную муру.

Все это, может, срывает культурное начинание. Все это, может, разрушает транспорт. Или не то, что транспорт, а вообще не оправдывает своего назначения.

И, может быть, до того дошло, что читателя и писателя допускать до книг не приходится. Газета так и пишет, – дескать, сейчас очень много развелось книжных вредителей и жучков-читателей.

Чего делать на этом фронте – неизвестно. Или по рецептам книги выдавать? Или еще как.

Тут у нас мелькнула одна идея. Не знаем только, что Наркомпрос скажет. А идея вполне жизненная.

Это, как видите, читальное зало. И сидят читатели. И близко к книгам их не допускают. Книги сами по себе, а читатели и писатели тоже сами по себе. А дают им бинокли и подзорные трубки, и через это они со стороны глядят в книги. И, таким образом, происходит массовое чтение.

Специальная боковая барышня страницы перелистывает.

Тут стоит охрана. Тут барьер. Чтоб народ не кидался.

Таким образом, за цельность книги можно поручиться.

Хотя является вопрос: как же бинокли? Не уперли бы эти дорогостоящие инструменты? Хотя, в крайнем случае, бинокли можно будет к столам привинчивать, а библиотеку оцеплять охраной.

Надо же на что-нибудь решиться. Жалко же.

Непорядки на земном шаре

Прежде всего коснемся слегка географии и астрономии. Тут, как видите, на рисунке смелой рукой художника нарисована наша солнечная система. Среди которой наша планета Земля занимает, по мысли художника, далеко не последнее место.

Вот это в центре круглая штуковина и есть наша сознательная планета.

Вот в самой середине вы видите Москву, повыше и левее – наш славный Ленинград. Вон Балтийское море! Вон плещутся мутные воды финского залива, в который, как известно, впадает река Фонтанка по распоряжению откомхоза.

Эта прославленная речка, на которой незыблемо стоит наш город Ленинград, воспета всеми поэтами.

Бессмертные строки неизвестного поэта (Пушкина?) вконец прославили эту бурную речку («Чижик, чижик, где ты был...»).

Мутные воды этой речки вдохновили также нашего меланхолического поэта Лермонтова. Помните?

И скучно и грустно,
И хотца, ребятишки, в Фонтанку нырнуть
В минуту душевной невзгоды.
И некому ручку пожать...
и т. д.

А жил бы поэт в нашу суровую эпоху, зашел бы на ту же Фонтанку, 57, в редакцию «Пушки» – и все было бы в порядке. И ручку бы ему пожали, и пару наиболее бодрых стихов напечатали бы по 30 коп. за строчку.

Одним словом, на этой столь прославленной речке и помещается наша редакция «Пушки». Небольшой такой двухэтажный особнячок. Там же принимается подписка.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Очередь подписчиков порядочная. До Черного моря, как видите.

Теперь пойдём дальше.

Направо от Ленинграда расположен прелестный город Вятка. А рядом с ним притулился городишко Омутнинск.

Это – городок небольшой, но культурный. Есть почта и телеграф. И даже недавно выстроен санаторий для туберкулезных.

Слов нет, санаторий не построен по последним западным образцам. Он построен совсем наоборот. Он, прямо скажем, построен на болоте. Он, можно сказать, родной братишка нашему Ленинграду. Ленинград построен на болоте – и этот санаторий тоже на болоте.

Кроме того, «Вятская правда» утверждает, что фасад этого прелестного здания глядит на север, а не на юг. Вот это плохо!

Вот построят, а после на нас взоры кидают, дескать, что мы скажем и какой научный совет дадим. А чего мы можем сказать? Единственно – планету надо повернуть так, чтоб южное солнце засияло на стенках фасада этого туберкулезного санатория. К сожалению, наша молодая наука и советская общественность не достигли еще такой высоты развития. И приходится мириться с грустной действительностью.

Вот чего, ребяташки. Дело прошлое. Туберкулезных вы действительно не посылайте в этот санаторий. А устройте, для примера, диспансер для алкоголиков, если же алкоголики сопьются в этой грустной местности, то устройте в этом здании хотя бы Институт изучения мозга престарелых вятских строителей.

Засим позвольте пожать ваши ручки. И пожелать более приличного санатория.

Пустое дело

Знаете, в нашем доме маленькая неприятность случилась. Подкололи одного человечка.

А только надо отдать справедливость – все произошло очень культурно.

В другом, более мещанском доме, началась бы перед этим фактом разная буза, драка, мордобой. Стали бы почем зря стекла выбивать, перила портить и так далее.

А тут тихо и смиренно поругались два частника по семейному делу и один другого немного подколол. И, спасибо, у того были надеты, ввиду холодного времени, ватник, жилетка и три рубахи. А то так бы и помер в страшных мучениях.

Ну, ясное дело, вызвали скорую помощь. Милицию. Одного туда. Другого сюда. Рассовали. И на этом дело окончилось.

Хотя как сказать.

Начали жильцы высказывать свои первые впечатления насчет убийства – кому, дескать, теперича комната достанется. Дескать, частник Костя Пономарев, дай бог ему добра, арестован и тем самым, так сказать, очищает свою жилплощадь. Так вот – кому ее дать? Кандидатов чересчур много. Все в нетерпении. И у некоторых стаж, может, с семнадцатого года.

А тут еще сам убитый начал вступать в это дело. Прислал фельдшера из больницы. И просит Костину комнату за ним оставить.

И мало того – вскоре сам появляется на нашем горизонте. Ему там в больнице подправили его дырку, и вот он снова заявляется, набравшись сил. И начинает предъявлять разные немыслимые требования. Дескать, кого подкололи, тому и комната. Дескать, такой декрет есть.

Председатель товарищества говорит:

– Я извиняюсь, хотя такого декрета определенно нету и это есть чистая демагогия, но, говорит, надо войти в положение потерпевшего объекта. Тем более он, сукин

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru сын, проживает на кухне и дышит разным вредным перегаром, и все-таки его подкололи, а не другого.

А тот, холера, нарочно ходит сгорбленно, охает и все время берется ручкой за свое подколотое место, дескать, он чересчур страдает.

Ну, жильцы вроде как отступились. Потому видят – убитый совершенно осатанел и своего добра не выпустит.

Ну, махнули рукой. Дескать, пушай владеет. Пес с ним! Его счастье!

Хотя как сказать. Счастье оказалось не горазд крупное. Косте Пономареву дали всего полгода.

А очень убитый через это расстраивался. То есть, жалко было на него глядеть. Даже другие кандидаты начали его успокаивать.

– Да вы, говорят, особенно не горюйте, молодой человек. Не убивайтесь так. Вы рассудите, ну за что ему больше дать? Что он – деньги растратил или по морде вам дал при исполнении служебных обязанностей?

Убитый говорит:

– Да, это верно. Я понимаю. Дело пустое. А только я так думаю, что полгода мне маловато. Мне это только-только обжиться в его комнате.

Ему говорят:

– Ну, может, он вернется и еще раз вас подколет. Может, он увидит, что вы в его комнате проживаете, и угробит вас. Может, ему тогда крупней дадут. Может, ему года полтора дадут?

Убитый говорит:

– Нету, братцы. Я вижу, что меня зря подкололи. Ну, хорошо, Костя через полгода вернется. А нуте он на днях вернется? Нуте он скорей всего попадет под амнистию и завтра явится? А я, значит, так и жди его?

Так убитый и не переехал в Костину комнату.

И, пожалуй, хорошо сделал.

Клад

Тут одна ленинградская дамочка вкапалась в довольно поганую историю.

Главное, нехорошо, что она за собой еще одного человечка потянула. Одного водника.

Только его обвинять не надо. Он определенно вкапался благодаря мелкобуржуазному окружению. Его, может, подбили на это дело. Эта самая дама, может, сама за ним сбегала. А он, может быть, шел и упирался.

А сидит раз однажды эта самая дама у себя на квартире. Она жила в бывшей генеральской квартире. Бывшего генерала Лебедева. Она там комнату имела. На солнечной стороне. Бельэтаж. Парадный вход. И все на свете. Даже ей было поставлено мягкое кресло при разделе бывшего имущества генерала Лебедева.

Так живет она в этой квартире. И все у ней есть. И не капает в нее, и не дует. А ей все мало и мало. Она еще, видите, клад нашла.

А сидит она раз однажды в этой своей квартире. В этом самом кресле. Думает, наверное, какие-нибудь свои жульнические мысли и вдруг видит – перед ней стена. Другими словами – обыкновенная стенка в бывшей квартире генерала Лебедева.

И глядит она на эту стенку своими погаными глазами. И видит, будто в стенке какая-то неловкость. Или, я так скажу, выпуклость какая-то четырехугольная.

Или она сразу подумала, что это денежный ящик. Или ей мелькнула идея, будто

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru генерал замазал в стенку свои разные ценности перед тем, как драпануть за границу. Одним словом, неизвестно, что она подумала.

Только вскочила она на свои жидкие ноги. Начала руками хвататься за стенку. Начала обои отрывать.

Только видит – ей не можно своими дамскими руками капитальную стенку разобрать. И тогда она бежит крупной рысью до своего знакомого Головкина.

Бежит она, эта типичная выразительница мелкобуржуазной стихии, до своего знакомого, пролетария Григория Ефимовича Головкина. Говорит ему разные мелкобуржуазные слова. И тянет его до своей квартиры.

Приходят они в ее квартиру и производят осмотр.

Товарищ Головкин говорит:

– Вот чего. Без сомнения чего-то там есть. Я еще не знаю чего, но чего-то, одним словом, есть. Тем более, кирпич лежит не так, как ему следует лежать.

И тогда они оба-два кидаются на стенку. Срезают обои. Колупают известку. Дорываются до народных кирпичей. И вынимают эти кирпичи.

Вынимают они по кусочкам кирпичи и видят: ничего нету. То есть, абсолютно, совершенно ничего нету, кроме небольшого оседания капитальной стенки. И через это кирпичи лежат несколько боком и навевают разные мысли и грезы.

Тогда они начали поскорей обратно кирпичи всовывать. А только это у них очень безобразно получилось. Так что это дело невозможно было скрыть. Тем более, ихний сосед услышал суетню и тоже, не будь дурак, начал рыться в стене со стороны своей комнаты. И тоже дорылся до самых кирпичей.

Так что произошла форменная огласка делу.

А очень их троих крыл уполномоченный. И даже, как будто бы, теперь хочет передать в суд за жульнические мысли и за порчу государственного имущества.

Так что, собственно говоря, это дело еще не закончилось.

И хотя дело не закончилось, тем не менее наша молодая общественность может предъявить свои права.

Позвольте, скажут, а чего, собственно, автор хотел сказать этим художественным произведением?

Чего он хотел выяснить?

И, может быть, вообще – автор нытик и сукин сын?

Дозвольте тогда объясниться. Тут просто-напросто рассказан небольшой фактик с нашей ленинградской жизни.

И, в крайнем случае, под этот фактик можно подвести базу. Дескать, мелкобуржуазная стихия зашевелилась. Копает стену. Ищет клад. И тем самым хочет поправить свои пошатнувшиеся делишки.

Теперь все получилось в порядке дня.

Извините за беспокойство.

Не забавно
Конечно, город Минусинск – это вам не Москва.

Это в Москве бывает все быстро, спешно и в ударном порядке. А тут, так сказать, наоборот и совсем напротив. Тут течение жизни медленное. Все идет с прохладцей. Никто зря на дело не кидается. А если чего и делают, то подумавши несколько дней. Иначе, наверное, сибирский суровый климат не позволяет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
А произошел в этом самом Минусинске такой драматический эпизод.

Уперли деньги у одного товарища. Одним словом, свистнули какую-то сумму у одного физкультурника из «Динамо».

Как именно и при каких обстоятельствах произошел этот кошмарный случай – мы не знаем. Газета «Власть труда» не сообщает этих подробностей. А мы сами не можем на таком расстоянии угадывать.

Мы только знаем, что потерпевший был вполне симпатичный гражданин. И что днем у него еще шуршали эти деньги в кармане. А к вечеру и шуршать перестали – уперли.

И хотя очень расстроился наш потерпевший гражданин, однако присутствия духа не потерял.

Он тотчас смотался в адмотдел, поднял там тревогу и объяснил, сколько у него денег уперли и кто именно упер.

Он подозревал одного человечка.

В отделе говорят:

– Это, говорят, хорошо, что вы подозрение имеете на определенное лицо. Это очень помогает расследованию. Главное – мы теперь знаем, у кого ваши деньги искать. Мы небольшой обыск произведем, и ваше лицо, как пить дать, засыпется. Считайте свои деньги обратно в кармане.

Очень все порадовались этим словам и со спокойной душой разошлись по домам.

И снова в городе потекла жизнь тихая и спокойная. Днем снежок сыпется. Ночью луна сияет на небосводе. Одну ночь луна сияет. Потом вторую ночь сияет. Третью ночь сияет.

И вот в эту третью ночь адмотдел, обдумавши все до тонкости, пошел делать обыск у несчастного гражданина, на которого пало тяжелое подозрение.

Конечно, в Москве или в Ленинграде сделали бы этот обыск немного побыстрей. Ну, в тот же день вечером. Или на другой день. Но для провинции и это – достижение.

Газета подтверждает наши мысли:

«Вместо того чтобы обыск у этого гражданина сделать в тот же вечер, адмотдел соизволил прийти с обыском через два дня. Ясно, что ничего обнаружить не удалось».

Дело, так сказать, закончилось к общему благополучию, и снова жизнь в городе потекла ровно и без перебоев. У потерпевшего снова, небось, завелись деньжата. А который спер, тот, небось, уже поистратился. И снова, небось, обдумывает свои мелкие делишки.

Сыпется снежок в Минусинске. Температура – минус восемнадцать.

Неинтересный климат!

Все в порядке

Вот говорят – спецеедство. Спецов, дескать, заедают. Дескать, им дыхнуть не дают. Это – грубые слова и ничего больше.

Вон в Славянске специально для них дом отгрохали. Специально для инженеров. Пуцай живут. Пуцай не страдают. Пуцай работают.

Теперь является вопрос – кто этот дом производил? Кто его строил? Надо полагать – его строили сами товарищи инженеры. Какие-нибудь, наверное, гражданские инженеры с высшим образованием. Хотя если на дом со стороны поглядеть, то высшего образования не можно увидеть. Потому небольшой изъян в глаза бросается.

Нам в Славянске не приходилось бывать. Так сказать, выражаясь старым языком, Господь Бог оберег нас от этого грустного путешествия. И в силу этого нам не

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru пришлось полюбоваться на инженерский домик. Но «Рабочая газета» пишет:

«На Харьковской улице построен дом для инженеров. Но выдвинули его на целую сажень на тротуар, поэтому дом придется перестраивать».

Первоначально у нас мелькнула идея – в Славянске гнойник открылся. И появились вредители. Потом видим – нет. Домишко построен для себя. Так что подозрения излишни.

И потом, в чем дело? Чего такое значит одна сажень в общем государственном строительстве? Если бы они домик поперек улицы поставили, тогда действительно трудновато пришлось бы пешеходам и гражданам (гляди рисунок).

А так – в чем дело! Маленько небрежно выдвинули вперед, а уж кругом недовольны. Перестраивать велют.

Зачем перестраивать? Пуцай так живут. Небось, самим будет противно.

Не надо обижать славянских инженеров. Они сами себя обидели.

Не дают развернуться
Вот довольно странное психологическое явление. Скажем, за прилавком всегда обязательно мужчина работает, а за кассой определено женщина.

И почему такое? Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы?

Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег около себя? Или он запивает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый субъект вроде бабы с осоловевшими глазами и с тонким голосом.

Между прочим, на этой почве разыгралась трагедия в станице Бабинская. Это где-то у них на Кубани.

А был в этой станице универсальный кооператив «Пролетарский путь». Кстати сказать, очень отличный кооператив.

В других станичных кооперативах один и тот же работник одной ручкой деньги принимает, в другую ручку сморкается, а после за колбасу берется. А тут как в Европе. Даром, что не очень громадная станица, а дело поставлено шикарно.

Один колбасу стрижет. Другой, я извиняюсь, в винном отделе. А за кассой, не угодно ли, кассирша ручку вертит за те же деньги. Скажите, какие европейские данные!

Да еще заведывающий в придачу.

Заведывающий, так сказать, лакирует все ихнее дело. Он надзирает, чтоб все было без сучка, без задоринки. И слов нет, дело шло чересчур аккуратно. Никто не обижался. Только были обиды со стороны кассирш. Их за короткую зиму троих сменили.

Их заведывающий отставлял. Поработает барышня месяц, и ее обратно отсылают. Мол, не соответствует своему назначению.

Были, конечно, через это дамские слезы, оскорбления и разные слова, но дело не изменялось.

И оно не могло измениться. Тем более заведывающий имел на этот счет свою твердую психологию. Он иной раз говорил промежду своих ребят:

– Хотя бы, говорит, один раз нам мужчину прислали, а то все бабы да бабы. Прямо, говорит, у меня коломитно на душе становится.

Работники прилавка говорят:

– Да уж это как есть. При бабе после трудового дня и поругаться немисливо, и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru вообще нету такой душевной спайки.

Заведывающий говорит:

– Вот именно. Совершенно то есть неудобно. Может, я хочу после трудового дня при подсчете товара не иметь на себе лишней одежды. Или, может быть, я хочу выругаться. Почем кто знает, чего я хочу. Я только знаю, что баба, хотя бы она и кассирша, совершенно меня стесняет и не дает мне творчески развернуться. Пуцай бы нам мужика прислали. Мы бы с ним живо спелись.

Ну и, конечно, за зиму при таких обстоятельствах сменили трех кассирш.

Значит, снимут и ждут: вот, даст бог, из своего лагеря пришлют – кассира.

А отдел труда (или, я не знаю, откуда кассирш засылают), так отдел все барышень и барышень шлет.

И неизвестно, как долго продолжалась бы эта конвейерная система из барышень, если б не один случай.

А месяц тому назад уволили одного работника прилавка. Вот он обозлился и размотал все дело.

А заведывающий, милый человек, на допросе так сказал:

– Действительно, я троих уволил. Только я сам щадил ихнюю наивность. У меня фронтовая привычка ругаться. Когда публика, я ругаюсь мало. Но в конце дня я нервничаю и не могу сдержаться. А меня кассирша смущает. Я сознаю, что поступил неправильно, но я не хотел молодых женщин подвергать оскорблению.

Газета «Знамя труда» сообщает, что на заведывающего С. Дошевца наложено дисциплинарное взыскание.

Наверное, он теперь ругается дома.

Бессонница

Очень в Одессе любопытное, показательное дело произошло.

А главное – оно очень принципиальное. Тем более, голоса разделились. Одни говорят: это издевательство. Другие говорят: что вы, что вы!

А мы тоже ничего издевательского не видим. Можно сказать – все в полном порядке.

А речь идет, я говорю, про Одессу. Про одесскую милицию. Там сам начальник гормилиции немного подзашил. Ему перед самой чисткой обвинение кинули, – мол, сползает с классовой линии.

Что так? Почему такое? Парень выдающийся, боевой. Зачем ему сползать с линии?

– А как же, говорят, он издевается над младшим составом. Он их на карточку снимает, а после издевается.

– Что вы говорите! Не может того быть? Неужели на карточку снимает?

– Да, говорят, определенно.

А дело такое.

Может, знаете, такой порядок – некоторые начальники имеют обыкновение ловить с поличным. Ну, заснет часовой или постовой, а его и накроют. Винтовку отберут или шапку снимут. А после к ответу тянут.

Дело, безусловно, обыкновенное. Надо дисциплину соблюдать и не дрыхнуть без задних ног на ответственных постах.

Хотя надо сказать – такая ловля спящих мало действительна.

Другие такие нахальные попадают – отопрутся, – и всё.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Я, говорит, и не спал. Я, говорит, только прищурил глазки, а этот ренегат, может, нажрался жирной пищи и налетает – шапку сразу сымает с головы... У них стрелочники всегда виноваты.

Так что такая ловля, я говорю, не так уж достигает цели.

А очень выдающийся способ изобрел начальник одесской гормилиции. Он ходит с аппаратом и чуть что – на карточку сымает. Такой у него фотоаппаратик девять на двенадцать.

Вот он с ним и ходит. Заметит какой-либо беспорядок и сымает моментально или с небольшой выдержкой.

Сымет, например, на карточку спящую милицию, проявит, отпечатает и после в стенную газету вклеивает. Позор!

Главное – и отвертеться нельзя. Улики, можно сказать, налицо. Сам сидишь, сам спишь, и морда твоя виднеется со всеми подробностями: там, скажем, глазки закрыты, изо рта пузыри вылетают. Одним словом, наглядная панорама.

А очень это фотографическое дело обернулось в неожиданную сторону.

Перед самой чисткой начальника гормилиции со своим аппаратом пришили к делу.

– Так что, говорят, помилуйте, это форменное издевательство. Немного задремлешь, а тебя уж на карточку чикают. Прямо всякий сон пропадает, и аппетит теряется. И бессонница наступает.

Ну, поднялась целая история и тарарам.

Тройка встряла в это дело.

– Да, говорят, издевательство налицо. Поставить на сегодняшний день под сомнение его классовую личность и наложить взыскание.

Но тут, спасибо, чистка подошла.

Ну, и, конечно, никакого издеательства не нашли.

Так что можно, в крайнем случае, снова заняться фотографией.

Вот только жаль – аппаратов в продаже нету. Не делают. А пора бы небольшой заводик открыть. Чтобы было чем снимать дремлющую публику. Тем более, таковой на сегодняшний день весьма порядочно.

Лошадиная история

Это было в городе Сарапуге. Я так, конечно, думаю, что в Сарапуге. Потому что это событие описано в сарапульской газете «Красное Прикамье» (№ 287). И надо полагать, что газета описывает свои собственные уездные происшествия и делишки, а не наши, ленинградские.

Так вот, в городе Сарапуге произошла раз однажды крупная лотерея с разрешения начальства.

Были указаны разные заманчивые выигрыши. И среди них был объявлен самый главный, знаменитый выигрыш – живая лошадь с упряжкой. А которые не захотят лошадь, тем пятьсот монет чистоганом. Так было в афише указано.

И вот поперло счастье одному рабочему пролетарию. Взял он всего один билет и выиграл эту самую лошадь.

Ну, ясное дело, обрадовался.

«Лошаденка, думает, мне, конечно, не требуется. Я на ней ездить не приучен. А дай, думает, вместо этой лошадки приму деньги».

Начал он требовать свои пречистые пятьсот рублей – не дают.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

– Так что, говорят, извиняемся, денег мы не дадим, а лошадь в крайнем случае, если хотите – берите. Только, говорят, приплатите нам сто восемь рублей за ее харчи.

Конечное дело, выигравший расстроился.

– За что же, говорит, помилуйте, сто восемь рублей?

– То есть, говорят, как за что? Лошадь–то мы кормили ай нет?

– Ну, говорит, кормили.

– А раз, говорят, кормили, то, говорят, деньги тратили. И, значит, платите сто восемь рублей и уносите скорее своего коня, а то он стоит не жавши с момента выигрыша.

Счастливый рабочий говорит:

– Братцы, да, может, вся ваша лошадь вместе со своим хвостом стоит сто шесть рублей. Как же так? Я же выиграл, я же еще и докладывать два рубля должен? Войдите, говорит, в положение выигравшего человека.

Ему говорят:

– Ты, говорят, выиграл, а не мы. Ты, говорят, и разбирайся в вопросах. А только ты нас должен крайне благодарить, что мы своевременно кормили твоего коня. Нуте, вообрази – мы бы его не кормили! Он бы взял и подох или стоял бы при смерти. Чего бы тогда выиграл? Ну, разве тебе приятно мертвое лошадиное тело выигрывать:

– Да, говорит, действительно неприятно.

– А раз, говорят, так, то о чем речь?

Ну, тут, конечно, они еще поторговались и сошлись на пятидесяти рублях.

Счастливый рабочий заплатил деньги и увел своего коня.

Что он теперь с ним делает – неизвестно.

А конь, говорят, уже нажрал рублей на двести.

Бывают в жизни огорчения!

Между прочим, главное огорчение выпало заведующему товарищу Гришину. Его пришили к делу.

А конь все жрет и жрет и ничем больше не интересуется.

Дни нашей жизни

1. Оазисы

Некоторые интеллигенты обижаются – будто культура у нас медленно шагает. Ничего подобного.

Культура шагает довольно быстро.

Давеча в газетах промелькнуло радостное сообщение с культурного фронта – оазисы в Москве будут.

Газета пишет:

В МКХ поступило предложение Свердловского университета устроить на некоторых московских скверах биологические оазисы.

Другими словами, в общественных садах и скверах будут устроены специальные тенистые площадки для зверюшек. Там будут находиться разные птички, змейки, растения. Вообще для ознакомления гуляющей публики.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Эту идею надо поскорей воплотить в жизнь. Оазисов нам сильно не хватает. Все у нас есть. А вот оазисов еще нету. И бульвары есть. И скверы есть. И публика есть. А в оазисах ощущается сильная нехватка. Можно сказать – кризис на оазисы.

Поскорей, братцы, старайтесь насчет этого. А то живем, как на вулкане, – никаких оазисов.

А славно будет, когда эти самые оазисы раскинутся по нашим скверам. Зверюшкам, главное, раздолье будет. Оно действительно, народу податься будет некуда. Тесновато придется, ежели, скажем, в скверах оазисы. Но ради науки потесниться можно.

Скорей, братцы! Не терпится.

2. Хорошие перспективы

Недавно еще наши бедные крестьяне-мужички волком выли. Дороги, дескать, плохие. Не проехать.

В настоящий момент этот передовой вопрос культурной революции понемножку разрешается.

Недавно газеты отметили выдающее изобретение – велосипед. Придывается к этому велосипеду особая штукавина, после чего этот велосипед самосильно может идти по рельсам, не уступая в скорости железнодорожному стрелочнику.

То же и насчет трактора. «Красная газета» радостно сообщает:

В комитет по делам изобретений представлено приспособление к трактору для движения его по железнодорожному пути.

Этак пойдет – вскоре и крестьянскую телегу можно будет твердо поставить на рельсы. Оно, конечно, поездам деваться будет некуда. Да, собственно, и черт с ними. В крайнем случае им можно будет проложить какую-нибудь паршивую одноколейку. Или вообще отменить, раз такие чудные горизонты открываются.

Вообще честь имеем вас поздравить!

3. Наверяд ли!

За границей каждый день чего-нибудь новенькое придумывают. Вот черти-то! Давеча, не угодно ли, газеты сообщают:

За границей появились автомобили с особым граммофонным аппаратом – усилителем. При нажатии кнопки аппарат выкрикивает: «Берегись! Дорогу! Внимание!»

Это культурное изобретение наверяд ли привьется на нашей родимой почве. У нас, может, граммофонных иголок не окажется. Или граммофоны подорожают. Или суровый климат быстро испортит нежные музыкальные инструменты.

Нет, наверяд ли у нас это привьется.

Да и автомобилей у нас мало. Разве что извозчикам. Хотя и извозчики наверяд ли удовлетворятся этими короткими, сухими выкриками: «Берегись!» и «Внимание!»

Одним словом, если у нас привьется, то этих выкриков будет недостаточно. Придется наигрывать специальные пластинки: «Внимание! Чего рот разинул, черт косою!», или: «Берегись, задавлю, сукин сын!», или: «Вот я тебя сейчас кнутом по морде!»

Хотя и на этой почве могут разыграться неприятности. Малограмотный извозчик станет нажимать не те кнопки, и тогда черт знает что получится.

Вместо «Сейчас подаю» извозчик будет выкрикивать: «Вот я тебе сейчас кнутом по морде».

Милиционер будет кричать по ошибке: «Эй ты, внимание! Чего рот разинул, черт косою!»

Одним словом, может произойти куча неприятностей. Публика будет пугаться

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru извозчиков. Милиция начнет самосильно штрафовать. Извозчики вымрут. И тогда придется ездить на своем одиннадцатом номере.

Только навряд ли все это у нас привьется. Это чистая фантастика!

4. Третий способ

В газетах то и дело читаем: то здесь бронзовый памятник сперли, то там чугунную решетку уволокли.

Больше всего достается Волкову кладбищу.

Действительно, на этом знаменитом кладбище есть чем поживиться. Там, знаете, как раз собраны наиболее выдающиеся могилы. Там захоронены разные важные писатели, доктора, фельдшера. И каждому поставлен какой-нибудь дорогой памятник или крестик. Или венок висит. Или фарфоровая лампадка торчит. Только подходи и бери.

И вот подходят и расхищают это драгоценное народное достояние.

Вот не очень давно воры цельный бронзовый бюст, кажется что Гончарову, уволокли. Обидно же! Может, Гончаров от этих фактов в гробу поворачивается.

Но этому злу положен предел.

Недавно откомхоз сделал смелый и решительный шаг в этом направлении.

«Красная газета» пишет черным по серому:

Откомхоз решил снять бюсты и памятники с могил писателей и общественных деятелей на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Одновременно откомхоз усиливает охрану Литераторских мостков.

Мера действительно могущественная. Снять памятники и усилить охрану. С одной стороны, оно как будто бы и охранять нечего, ежели памятники и бюсты сняты. Но если подумать глубже, то получается как-то солидно, по-европейски.

А то есть еще второстепенные способы:

1. Усилить охрану и памятников не снимать.
2. Снять памятники и охрану не усиливать.

Но ежели откомхоз придумал третий способ, то, значит, ему видней. Мы его смелых начинаний не хотим разрушать.

А вообще говоря, довольно странно: снять памятники и охранять пустое место. Впрочем, как хотите. Ну вас!

5. Смехота

Это, товарищи, происходило недавно. На одном славном хлебозаводе.

Пострадавшим героем дня является товарищ Григорьев. Один из его приятелей довольно курьезно подшутил над ним – поковырнул его в чан с хлебной опарой. Смехота, ей-богу!

Этот Григорьев, чудак такой, остановился, знаете, около самого чана. И стоит. Про что-то серьезное думает. Может, про членский взнос.

А его приятель возьми и пихни его в тесто.

Что было!

Григорьев, значит, орет, чертыхается. А тесто жидкое. Сами понимаете. Хлеб у нас зачастую жидкий – шамать неохота. А то вдруг тесто. Совершенно то есть жидкое. В рот набегает. Нос закладывает. Уши залепляет.

Пострадавший товарищ, конечно, орет, руками за чан цепляется, хочет, одним

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru словом, вылезти.

Тут, конечно, подоспели другие, более сознательные хлебопеки. Вытащили своего товарища.

А он стоит грустный. И видеть не может – глаза тестом залеплены. И аппетита никакого нету – нажрался опары.

Некоторые хлебопеки начали, конечно, говорить: дескать, нехорошо после этого случая это тесто запекать и вообще хлеб из него делать. Потому все-таки противно. Все-таки в нем человек с ногами некоторое время находился. И хотя он член союза и Максим Горький тоже был одно время хлебопеком и все такое, но некультурно. Все-таки не изюм. Сапоги там. Нос. Усы. И так далее.

Другие говорят:

– Ежели, для примеру, сапоги не остались в опаре, то запекать можно.

Пострадавший говорит:

– Сапоги, кажись, тут.

Взяли тогда тесто и запекли.

Теперича «Ленинградская правда» пишет: дескать, в связи с этим троих под суд отдали. Одного за то, что человека в тесто поковырнул. А двоих – за то, что хлеб велели печь из этой опары.

Одного-то за дело. А двоих как будто бы зря. Хлеб, говорят, был довольно аппетитный. Прямо не узнаешь, что человек в нем купался.

б. И скучно и грустно

Все время приходится читать прискорбные известия со стихийного фронта.

То там наводнение, то извержение вулкана, то дождик идет.

Недавно в Америке громадный мостище наводнением разрушило. Шесть человек погибло. Вот жалость-то!

А на той неделе на Филиппинских островах – извержение вулкана.

Вон что в природе делается!

До нас тоже вот эта стихийная волна докатилась. Дождик в этом месяце довольно нужное строительство смыл. Псковскую гидростанцию. В городе Острове.

Конечно, дождик не сильный был. Этого нельзя сказать. Но все-таки шел дождик. Накрапывал.

Газеты отметили эту стихийную катастрофу:

Прошедшие недавно дожди смыли Островскую гидростанцию. Это скандальное строительство стоило около 200 000 рублей.

Глядите пожалуйста, что делается. В Америке ураган. На Филиппинах – извержение. А в Острове – дождик.

А там, глядишь, в Ленинграде ветерок подует – наделает дело в.

Что в природе делается!

Может, пятна на солнце играют такую роль?

А любопытно, как это в Острове – одну гидростанцию смыло или вместе со строителями?

Как говорится, и скучно и грустно, и редко кому руку можно пожать. В минуту душевной невзгоды.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

7. Трамвай дыбом

Дозвольте поделиться счастливой новостью: за границей недавно удумали «прыгающие автомобили». Это французы расстарались. Все газеты об этом трубят.

То есть идет, представьте себе, автомобиль, вдруг перед ним препятствие – тумба или девочка трех лет. Или вообще собачка. Нажимается рычаг, и машина грациозно подпрыгивает. И затем дальше прет.

Надо отдать справедливость – это здорово! Хотя это изобретение нам как корове седло. Автомобилей у нас мало. Препятствий опять же много. Так что нам прыгать не требуется. Нам летать надо в крайнем случае. А лучше бы заграничные спекулянты придумали прыгающие трамваи. У нас трамваи – главное зло. Ежедневно по двадцать персон давят. В одном Ленинграде. Вот чего изобретать надо!

Мы даже не гонимся за красотой. Нам надо такой трамвай, чтоб он, сукин сын, на дыбы вставал, если препятствие. Собачка. Или девочка трех лет. Или тумба, или похоронная процессия.

А прыгать нам не надо.

Вот чего надо изобретать! А то прыгающие автомобили! Подумаешь! Осчастливили! Что мы, свою «скорую помощь», что ли, заставим прыгать? Нету у нас лишних автомобилей. А ежели частники, то они могут безвозвратно рухнуть, ежели их прыгать заставить. Понимать надо!

Так что думайте насчет трамваев. А с машинами не морочьте нам головы. Мы – люди занятые.

8. О чем только раньше думали!

Последнее время много споров происходит насчет жилплощади. Не хватает у нас этой площади – прямо хоть строй новые дома. Ей-богу, честное слово, до того дошло!

Недавно тоже в газете промелькнули довольно бодрые строчки – как разрешить острый кризис. Один парнишка догадался – пишет между прочим:

Много еще в Ленинграде дворцов с огромными окнами, с высокими потолками, с золотыми статуями и художественными карнизами, которые пригодились бы учреждениям. А учрежденческие квартиры нужно превратить в рабочую обитель.

Какого черта, в самом деле! Дворцы стоят. Карнизы все еще висят. Какие-то музеи в этих дворцах напиханы, клубы. А учреждениям и податься некуда.

Пуцай, действительно, наши учреждения перемахнули бы туда. А мы бы расположились на ихней площади. И все бы пошло по-хорошему.

В бывшем Зимнем дворце открыли бы, действительно, отделение Азрыбы. Благо недавно дворец отремонтировали.

В какой-нибудь Екатерининский дворец перевести бы контору Госречпароходства.

Вот тут бы статуи и карнизы пригодились бы в лучшем виде.

Что касается нас, то редакции «Пушки» не худо бы отвести Эрмитаж, что ли. На большее, конечно, мы не рассчитываем, а вот Эрмитаж в аккурат бы нам подошел. Хватило бы площади. А то ютимся где-то на Фонтанке, 57, и там который год делаем свое геройское дело – выпускаем «Пушку».

Итак, кризис разрешен. О чем раньше думали?

9. Раздевают

До того, знаете, дошло, что скоро в театр ходить будет нельзя. Потому невозможно получается. Уж очень бестии гардеробщики жару напустили. Эти, знаете, которые в театре раздевают.

Им, скажем, даешь пятак за свое пальтецо, а они морду воротят. Мало, говорят.

То есть как это мало, когда само пальтецо, может, шесть гривен стоит с

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
воротником. А им мало!

Ну, конечно, которые более арапистые зрители – те действительно норовят копейки две сунуть. Это, конечно, маловато. Но копеек десять или пятнадцать – это божеская цена.

А газеты пишут, что эти гардеробщики совершенно озверели и грубо требуют со зрителя надбавку. Причем, знаете, не считаются с установленной таксой.

Вот где самое театральное зло! А вы говорите – репертуара нету. И что Мейерхольд в отпуск уехал. А самый главный момент промигали.

10. Мысли театрала

Последнее время зритель пошел какой-то нервный. Я так скажу: особо чувствительный. Жалуются. Дескать, в театрах сидеть не можно – блохи жрут.

Еще чего! То репертуара нету, то Мейерхольд уехал, а теперь обратно не слава богу – блохи тревожат.

Скажите на милость, какая непоправимая история – блоха укусила! А дома тебя не кусают? А в кино, я извиняюсь, не кусают? А в трамвае не кусают?

Ну почешу. Зачем же такие слова произносить: не можно в театре сидеть.

Это верно, в театрах каждый укус получается особо чувствительный. Тут, представьте, музыка играет. Кругом чисто, интеллигентно. Рядом какая-нибудь дамочка сидит. Тут у ней ручка. Тут у ней носик. А тут, я извиняюсь, блоха ногу сосет. Я так понимаю: расстегнуться неудобно, и антракта ждать мало интереса, и почесаться вроде как неловко.

А промежду прочим, это дело поправимое. Пушай дирекция театров привешивает на ручку каждого кресла индивидуальный пакет с порцией блошиного порошка.

Или пушай капельдинеры отпускают порошок вместе с биноклем. Как-нибудь надо действовать. Не губить же театральное дело.

11. Музыкальный антракт

Нынче кругом споры идут – чего рабочим требуется: какие жилища, какие костюмы, сапоги какие.

А последнее время все больше насчет музыки спорят. Дескать, какая музыка требуется рабочему народу.

Одним словом, музыкальные критики чуть между собой не разодрались на этой музыкальной платформе.

Одни говорят: симфонический оркестр рабочим не годится. Рабочий человек любит, чтоб гремело. Тихую струнную музыку рабочий не обожает. А дайте вы ему ради бога за его деньги духовой оркестр вместо струнного.

Другие говорят: духовой оркестр хотя действительно и гремит, но тихого душевного переживания рабочему не дает. А дайте вы рабочему человеку вместо глупого духового оркестра чего-нибудь живое, например гармонь.

Третьи доказывают, дескать, гармонь вызывает у рабочего человека лишние душевные переживания, благодаря которым его, может, тянет на выпивку. А наилучше всего действует на него народный трехструнный инструмент. Тут уж рабочему есть что послушать.

Обождите, товарищи музыкальные переплетчики! Разрешите прервать вашу острую дискуссию. А то, чего доброго, договоритесь, мол, наилучший музыкальный инструмент для рабочего слуха – заводской гудок.

А вместо тяжелых споров давайте всего понемножку.

12. Строгий Губпродком

Газета «Терек» с грустью сообщает своим читателям суконным слогом о том, что

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Губпродком настаивает, чтобы редакция «Терека» воздержалась от печатания материала без предварительного принципиального согласования этих материалов со взглядами Губпродкома о тех или иных результатах продроботы, а также и ее перспективах.

Другими словами, эта фраза звучит так: «Эй вы, черти драповые! Не могли писать, чего нам не нравиться!»

И это, товарищи, на шестой год революции! Обидный взгляд у Губпродкома на советскую прессу.

13. Хозяйственный расчет

В одной московской чайной висит на стене объявление:

При полпорции НЕ разуваться.

Правильно! А то придет какой-нибудь шаромыжник, потребует полпорции, разуется, портянки, собачий нос, на стульях развесит. Глядишь, настоящему посетителю, взявшему три порции, негде и портянки повесить.

Правильно. Тонкая это вещь – хозяйственный расчет.

14. Барин

Лесники Городнянского лесничества Черниговской губернии хотят в свой союз жаловаться на лесника Белентьева. До последней точки дошло. Лескор К. О. пишет:

Наш лесничий Белентьев очень любит, чтобы лесники отдавали ему честь.

В лесу он часто принимает рапорта от лесников. И если лесник подойдет к лесничему, не приложив руки к козырьку, – раздается команда:

– Сто шагов назад! Подходи вновь.

Гляди, братцы, какая несправедливость наблюдается в жизни. Хотел бы, например, человек при крепостном праве жить, а живет при советском правительстве. Хотел бы человек собственных холуев иметь, а он сам холуй. Такие бывают несправедливости!

Один день

Вот некоторые думают, что я – меланхолик. У меня, говорят, лицо какое-то такое меланхоличное. И взор вбок смотрит.

Что я меланхолик, то это глубоко неверные слова. А вот морда у меня действительно грустноватая. Давайте постараюсь объяснить, отчего это произошло.

Началось, конечно, с пустяков.

В прошлом году летом я шел по улице и думал о нашей жизни. И вдруг со всего маху зацепил лицом за навес. Такие, знаете, бывают парусиновые навесы у магазинов.

Так вот об такой навес я и ударяюсь. Ударяюсь я об такой навес и думаю: до чего у нас на людей мало внимания обращают. Ну спусти навес так, чтобы средний человек мог свободно пройти. Так нет – спустят как придется и плюют на публику.

Или, например, вчера. Вчера у меня был выходной день. Дозвольте по порядку рассказать об этом дне. Только об одном дне.

Вот лежу утром в кровати. Думаю, насколько прекрасно проведу сегодня день.

Сейчас, думаю, встану, пойду прогуляюсь по набережной, как барон, подышу невским ароматом, после подзаправлюсь в столовой. После побегаю на коньках. А вечером в кино схожу. И после засну сладким сном утомленного человека.

Вот такое мысленное расписание представил себе, вскочил на свои ножки, оделся и весело, без никакой меланхолии спускаюсь во двор. Спускаюсь и от полноты жизни песни пою.

Дохожу до ворот, хочу пройти на улицу – нельзя. Под воротами яму роют во всю ширину.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Что такое? Зачем яма? Почему яма?

Так что, говорят, временный разрыв трубы. Пойдите, советуют, у ворот либо погуляйте по двору. Не более как через час-полтора все обстряпают.

Гляжу – у ворот народ столпился человек по десять с обеих сторон. Ругаются...

– Это, говорят, никакого внимания к людям! Ну оставьте хотя небольшой перешеек, небольшую тропочку для перехода, так нет – раскопали, черти, во всю ширину.

Я говорю:

– А вдруг, братцы, пожар?

Председатель жакта говорит:

– Вдруг только блох ловят! Вы вечно всякую дрянь увидите... А раз у меня лопнувши труба, то мне, говорит, важнее ее заклепать, чем за жильцами ухаживать.

Минут через двадцать он говорит:

– Вот чего: которым мракобесам не терпится и которые стремятся поскорее на улицу выйти – айда на седьмой этаж, я сейчас ключи принесу и через клуб всю пачку выпущу.

Вскоре после того вышел я на улицу. Уж такой бодрости и беспечности нету.

Иду к набережной. Прохожу мимо нашей образцовой столовой, гляжу – уже очередь образовалась.

Дай, думаю, сначала неприятные вещи сделаю, а после легкие; сначала, думаю, лучше подзаправлюсь, а после на прогулку пушусь.

Через час подзаправился. Вышел на набережную. Гулять чего-то неохота. Дай, думаю, домой схожу. Погляжу, можно ли через ворота ходить. Если можно, возьму коньки и на каток смотаюсь.

Яму под воротами хотя не зарыли, но досточку положили.

Взял свои новенькие коньки. Пошел на каток.

Прихожу на Инженерную улицу – перерыв до пяти часов.

Иду на Таврический каток – закрыто по случаю хоккея.

Бегу на третий – можно, допускают, разрешают кататься.

Надеваю коньки. Встаю на лед. Не могу идти. Не скользят ноги. В чем дело? Или разучился. Или еще что...

Потрогал пальцем коньки (куплены на пр. Володарского, 51, Охотсоюз) – вон в чем дело: полозы до того шершавые, что никакого скольжения нельзя достичь.

Отвинтил коньки. Пошел домой. Морда уже грустная. А встречные небось думают: «Эвон меланхолик идет с коньками, даже спорт не действует на этого сукинова сына».

Отдал коньки в мастерскую починки.

Вечером пошел в кино. Начал глядеть драму. Вижу – чего-то знакомое показывают. Гляжу дальше – вижу, вертят какую-то муру, которую я уже в театре видел и в романе читал. Плюнул на свои любезные денежки и пошел домой вместе со своей грустной мордой.

Так что я и говорю: я очень даже жизнерадостный гражданин. Я очень люблю жизнь и людей. А вот жизнь и люди меня не любят. И не оказывают мне хотя бы самого маленького внимания. А пора бы.

На заводе
(Из записной книжки)

За последние два месяца я побывал на нескольких заводах с ударной бригадой писателей, и с «буксиром» «Красной газеты», и просто так, как любопытный.

Здесь я хочу напечатать кое-какие заметки из моей записной книжки. В этих заметках я ничего не придумал, и многое записано буквально.

Должен сказать, что я видел на заводе большую мужественную работу и настоящий труд, однако в этих заметках я буду касаться только лишь недостатков. У меня, как и у каждого юмориста, так устроено зрение, что я главным образом замечаю отрицательные явления, то есть те недочеты и упущения и те мелкие смешные и забавные черточки, которых, вероятно, другой человек и не увидит.

В силу этого заметки мои несколько односторонни, и я прошу читателя учесть это обстоятельство, прежде чем делать из этого материала какие-либо выводы.

1. Точка зрения

Мастер говорит на собрании:

– Считаю, товарищи, своим долгом информировать вас насчет труддисциплины. Со всей своей откровенностью я должен сказать, что труддисциплина у нас в цехе всецело расшаталась. Я сколько лет мастер. Я каждого рабочего понимаю. Но пускай же и меня рабочий понимает. Я скажу для примера: я хожу по цеху – рабочий курит. Я прохожу около него, он на меня ноль своего внимания. Он курит. Он сидит и курит. И меня он видеть не хочет. Он не встает и за работу не берется. Он не берется, товарищи, за работу при виде меня.

Голос с места: А ты хочешь, чтоб перед тобой дрожали? Старая закваска.

Мастер: Вы совершенно не те слова пускаете, товарищ. Мне не нужно дрожания. Я не нуждаюсь в вашей вытяжке. Но меня затрагивает другое. Меня то затрагивает, что он не вскакивает работать. Ну возьми какую-нибудь гаечку в руки. Ну верти чего-нибудь, если ты сознательный член профсоюза. Нет, он только курит. И меня он видеть не хочет. Это не есть труддисциплина, товарищи. От такого рабочего результат, как от моего пальца. Отсюда, я так понимаю, идут прогулы, халатное отношение и появляются разные другие явления.

2. Разговор

Формовщик объясняется с заведующим цехом:

– Товарищ заведующий, чего я вас попрошу – дайте пропуск за ворота.

– А что?

– Да я домой хочу идти...

– То есть как домой, когда рабочее время? Ты болен?

– Я не больной. Только я сейчас работать не умею. У меня сегодня нету настроения. Говорю это в интересах производства.

– Не могу пропуска дать. Вставай на работу.

– Я встать могу... Только в интересах же производства... Мое дело предупредить... У меня сегодня не на то мысли направлены. Я могу чего-нибудь не то сделать.

3. Грамматика хромает

Меня иногда упрекают за то, что я коверкаю язык, придумываю смешные словечки и беру слова в другом значении, чем они есть. Это неверно. Я просто стараюсь более или менее правильно передать язык, который есть на самом деле.

Вот дословно записанная фраза. В столовой, кушая винегрет, рабочий рассказывает своему соседу:

– ...Вдруг он подходит до мене и говорит: «Поделись хоть ты моим состраданьем. От

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru этих делов выходит, что я один и есть сострадавший». Я ему говорю: «Видел, говорю, этих сострадавших. Раз тебе, говорю, сменили чин за хаотическое отношение к работе, то ты, говорю, вроде как и есть сам себе сострадавший».

Другая фраза.

Рабочий у станка упрекает товарища, выронившего из пальцев инструмент:

– Такое мягкое существо, как язык, и то, кажись, удержит от уронения.

Еще фраза:

– В недалеком будущем это было на днях...

4. «Безвыходное положение»

Высококвалифицированный токарь. Прогульщик. Зарабатывает в час 1 р. 60 к. На него поступила письменная жалоба:

«...Поскольку он такой токарь и ему нету другого, и его нечем заменить, то он весь ходит развинтившись и к работе имеет смутное отношение. В том месяце он прогулял шесть дней. В этом он прогулял четыре. В июле он поехал на Кавказ со своей женой. С Кавказа он на работу сразу не вернулся. Он неделю с Кавказу отдыхал. На все претензии он имеет привычку говорить: пожалуйста, пусть меня увольняют, меня с моей работой каждый возьмет. Что про него придумать, является загадкой для меня».

Загадка была вскоре разрешена: токаря уволили. Однако через неделю его снова приняли.

Лошадиное средство

Очень оригинальный случай произошел недавно. Дело было на Юго-Восточной железной дороге. Факт отмечен «Красной газетой», так что выдумки нет никакой.

А идет, представьте себе, по этой Юго-Восточной дороге обыкновенный пассажирский курсовой поезд.

Идет он, как полагается, без опоздания, точно по расписанию. Тем более машинист на нем – старый, опытный работник, знающий свое дело. И кондуктора, то есть вся бригада, тоже подобралась такая исправная, сознательная бригада. И пассажиры то же самое – прекрасные, трезвые пассажиры, не мешающие движению. Ну, насчет пассажиров утверждать не будем. Пес их знает, какие это были пассажиры. Может, половина – форменная дрянь. Но только не в пассажирах дело. В настоящее время пассажир погоды не делает.

Так вот, идет себе курсовой поезд недалеко от станции «Россошь».

Вдруг бригада замечает чего-то такое неладное в хвосте поезда. Одним словом, какой-то шум, треск, пыхтение и так далее.

Вот бригада, не поленившись, поглядела, чего делается. И вдруг видит, батюшки мои, невиданное зрелище – какой-то состав прет позади их. И, видать, догоняет. Расстояние заметно уменьшается.

Туту многих поджилки затряслись. Потому как небывалый факт во всей мировой истории – поезд поезд догоняет.

Вот бросилась бригада к голове поезда. Дают знать машинисту, – мол, голубчик, гони во всю прыть, а то задний машинист сейчас в хвост ударит и тогда будет катастрофа вопреки категорическому указанию тов. Рухимовича.

Вот машинист обернулся, да, видит, факт небывалый. И, не растерявшись, подбавил пару и дал полный ход.

И тут, можно сказать, начались форменные скачки. Первый состав гонит, но и второй не отстает. И даже свистки подает: мол, а вот я тебя сейчас догоню.

Наконец, прибыли на станцию почти одновременно.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Выбежала вся бригада, машинист соскочил, интересуются, что за странный поезд.
Видят – с заднего состава сходит машинист, некто такой гр. Сергеев. И улыбается.

– Чего, говорит, перетрусил, ребята? Еще бы, говорит, маленько, и я бы вас догнал.

Конечно, на другой станции безусловно схватили бы этого машиниста, отправили бы в ГПУ, а тут довольно легко отнеслись.

– Пуцай, говорят, дальше едет до станции «Россошь», там разберут.

Машинист с курсового поезда говорит:

– Только пуцай он впереди едет, а то он мне нервы портит перегонками.

Вот поехали дальше. Но на первой станции машинист Сергеев задел за какой-то состав и разбил пару вагонов. И только тогда его арестовали за арапские действия.

Начали составлять протокол. Спрашивают его, как же он так небрежно и нахально себя ведет.

Сергеев говорит:

– Да я, знаете, хотел уволиться со службы, да меня не увольняют. Вот я и решил чего-нибудь такое натворить.

Можно сказать – летуны нонче пошли решительные. Добиваются своего.

Этот нахальный Сергеев тоже добился, – уволили. Что касается более выгодного места, то, несомненно, и место получит. С хорошим казенным пайком.

Черт знает, какие бывают паршивые люди!

Артисты приехали

Конечно, не каждый человек может на улице заснуть.

У кого нервы не в порядке, тот обыкновенно не берется под открытым небом спать. Он пугается, что лошадь его ногой зацепит или букашки в рот наберутся. А если человек несколько более интеллигентный, думающий о том о сем, об астрономии, об истории народов и т. д., то он вдобавок еще будет пугаться, как бы у него во время сна брюки не унесли.

Но особенно не любят спать под открытым небом это почему-то артисты – эти, так сказать, люди нервов и творческой фантазии. Вот артисты действительно не любят дрыхнуть на воздухе. Они скорее откажутся от еды, чем они позволят себе заснуть на вольном воздухе. Они как приезжают в какой-нибудь город, так прежде всего о гостинице беспокоятся. Вот какие бывают особенности у этой утонченной профессии.

Вообще с этими артистами форменная беда.

Они разъезжают по городам обыкновенно целой группой или, как они называют для смягчения паники в гостинице, – труппой. А в этой труппе у них обыкновенно куча артистов. Человек пятьдесят, а то и шестьдесят. Ну что это такое?

В других профессиях этого не бывает, чтобы, например, сразу в гостиницу шестьдесят человек вперлось. А у этих бывает. У этих, говорят, некоторые труппы до ста и больше человек доходят.

Один поет, другой играет, третий, может быть, комик. Ужас!

Недавно приехала в Петрозаводск труппа. Группа в шестьдесят два человека. Три тенора, четыре баритона, некоторые танцуют. Какой-то там что-то такое вертит. Один суфлер, другой администратор. Ну что это такое?

А Петрозаводск город все-таки не маленький. Все-таки наверняка там пара гостиниц есть и Дом крестьянина. Ну, такой группе это, может быть, раз плюнуть.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru И вот, значит, приезжают. Шестьдесят два человека. В город Петрозаводск. При нашем-то состоянии гостиничного треста! Ну, естественно – паника. Затруднение нормального хода городской жизни. Фу ты, черт!

Шестьдесят два человека. Из них некоторые балерины. Режиссеры, дирижеры. Одна вообще – в наше время комическая старуха. Ну что это такое? Это уж, знаете ли, слишком. Это уж, знаете ли, лучше, чтоб звуковое кино у нас процветало. Все-таки меньше неприятностей.

Вот приезжает эта группа. Здравствуйте, пожалуйста. С петрозаводским приветом, так сказать. Сейте разумное, доброе, вечное.

Куда вас, черт возьми, разместить? Ах да, тут Дом крестьянина еще имеется! Там, кажется, приезжие колхозники ночуют. На постелях. Еще чего...

Ну, хотя этот-то народ, конечно, податливый, привыкший, так сказать, в силу исторических судеб, к природе и ее стихийным проявлениям. Они свободно могут на воздухе поспать. Им это даже еще интересней, забавней, полезней для ихних застывших организмов, когда над ними свежий воздух струится. Им это более по карману.

И, в общем, последовало срочное распоряжение от администрации – очистить к чертовой матери с 1 июня все комнаты для размещения этой труппы артистов.

После чего, как нам пишут, «колхозники уже ночуют на площади и на балконе Дома крестьянина».

Нет, мы вообще не против артистов. Мы их любим и высоко уважаем ихнее искусство, и вообще всецело приветствуем их новшества. Даже пушай они без занавеса играют. Больше того – мы всецело понимаем, что артист может потерять свою квалификацию, если он будет спать на открытом воздухе в содружестве с природой, мошками и букашками. Но мы слегка удивляемся, почему все-таки Дом крестьянина носит столь гордое название.

Поскольку этот дом, как нам пишут, обыкновенно почти всегда занят артистами, то не лучше ли для сохранения равновесия назвать этот дом – Дом артистов. А новый дом, который построят, назвать Дом крестьянина. Или наоборот.

В общем, по всему видно, что надо в Петрозаводске строить новую гостиницу.

Как в одной стенной газете местный поэт сказал по поводу недостатка огурцов в своем колхозе:

Огурцов же нет как нет...

Но, чтобы выйти из беде,

Посадим их на гряде...

В общем, «чтобы выйти из беде», надо срочно строить гостиницу. А то говорят, будто в Петрозаводск едет опереточная труппа в сто шесть человек. Вот эти со своими потребностями прямо весь город могут по ветру пустить.

Сто шесть человек... Ай! Ну что это такое? Как растет искусство!

Об уважении к людям

Вот какой случай произошел в Ленинграде.

Вернее даже не в Ленинграде, а за городом. На полустанке Воздухоплавательный парк.

Наверно, там, судя по названию, аэропланы летают, летчики ходят, пропеллеры жужжат. Наверно, с чувством большого морального удовлетворения сходят пассажиры на этой платформе.

Но это удовлетворение вскоре, как дым, рассеивается. Поскольку там сразу как сойдешь – идти некуда. Поле и болото. Летом-то еще ничего, но весной, можете себе представить, чего там бывает.

Так что пассажиры приобрели там дурную привычку ходить по полотну. А за это их, конечно, штрафуют. Но они не сдаются и ходят.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru

Тогда на борьбу с этим злом кинули двух работников. Сторожа и делопроизводителя.

Делопроизводитель сидит в будке и отрывает квитанции. А сторож, как нанятый, ходит вокруг будки и, чуть что, замечает. То есть он берет тех, кто прошел по путям. И ведет в будку. А в будке берут штраф. По рублю с носу. И выдают квитанцию. Все, так сказать, превосходно, по закону, и так и надо. Если не вдаваться в тонкости насчет болота.

Но только вот беда – у делопроизводителя квитанции немного более крупнее, чем это требуется для штрафа.

Он штрафует по рублю, а квитки у него по три целковых. Вот, как хочешь, так и поступай.

Но они там со сторожем не особенно горюют. У них выход найден. Они там в будке накапливают по три пассажира. И сразу это звено целиком штрафуют. И получается у них арифметически верно. Берут с каждого по рублю и дают им общую квитанцию, объединяя, так сказать, сердца трех на почве общего несчастья.

Получается очень мило и славно. Тем более весна. Солнышко, может быть, сияет. Природа распускается. Болотце зеленеет. Любовь к людям, так сказать, загорается в сердцах. Уважение к человеческому достоинству наполняет грудь.

А квитки, конечно, ничего не поделаешь, по три целковых. Наверно, они остались от трамвайных прыжков. И их как-то надо использовать.

Конечно, такие квитки отчасти усложняют ситуацию. Например, двое подлежащих штрафу собрались, а третьего нет. Конечно, он следующим поездом будет. Но все-таки ожидание.

А главное, надо, чтоб общее число взятых пассажиров было кратное трем. Тогда еще ничего. Тогда у них цифры сходятся. А если этого нету – тогда простите за арифметику.

И вот однажды число взятых пассажиров не оказалось кратное трем. Оно не делилось на три.

У них там в будке с утра заколодило. Два пассажира сидят, ожидают – третьего нет. Третий подошел, а с ним четвертый прется. Четвертый сидит, ожидает. А двоих нету. Идет один. Потом опять пара. И так целый день. Даже эти работники приуныли и стали немного нервничать. Но знамя своего производства не опускали до самого вечера.

И вот сошли с поезда двое. Оба работают на «Электросиле». Один агроном Т. заводского совхоза. И служащая А.

Вот они идут по пути, ничего не подозревая о несчастьях этого дня. И, значит, напарываются на сторожа. И он их ведет в будку.

В будке им очень радуются. Поскольку там ожидают двое. И эти двое сразу выбирают себе агронома. И у них получается нужный треугольник. И делопроизводитель говорит:

– Вот теперь я вас понимаю, теперь идите.

Тогда служащая говорит:

– А как же я?

– А вы, говорит, немножко обождите. Как двое еще подойдут, так я вас отпущу. Иваныч, говорит, выйди поскорей на пути, похлопочи, чтоб что-нибудь было. Чтоб нам барышню не задерживать.

Но, как ни бился сторож, у него ничего на этот раз не получилось.

Потом он все-таки одного заблудившегося привел. Итого накопилось двое. А третьего нет. А уже, может быть, наступают сумерки.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Тогда сторож, в предчувствии арифметики, впал в небольшую панику. Выбежал на полотно, но опять никого не застал.

Тогда делопроизводитель, недовольный сторожем, сам вышел до ветру и заодно посмотреть, нет ли там каких-нибудь идущих по пути.

Но в этот день, мы повторяем, у них как заколодило. И третьего, как они ни бились, не могли достать.

Тогда делопроизводитель Сумароков, вздохнувши, говорит: «Придется написать два протокола. Платите вы двое по рублю и предъявите свои паспорта».

Вот двое стали подписывать протоколы. А агроном, который еще не ушел, а ожидал сослуживицу, говорит ей:

«Подпишите в протоколе поверху фамилии насчет факта с трехрублевой квитанцией».

Сослуживица так и сделала.

Но это почему-то обидело делопроизводителя. Затронуло какие-то его чувствительные струны. И он сказал:

– Никакой лишней пропаганды и никаких фокусов я не допущу на железной дороге.

И с этими словами он закрыл будку и стал по телефону звонить в милицию. И попросил, чтоб прислали ему милиционера.

Но так как тот долго не шел, то делопроизводитель повел этих людей под конвоем сторожа на станцию.

На станции эти люди запротестовали. И тогда он, составив протокол, отпустил их.

Через некоторое время агроном получает повестку из Детского Села от милиции. Ему предлагают туда явиться. Но агроном, будучи сильно занятым, является с опозданием против назначенного часа. И участкового инспектора не застаёт.

Тогда инспектор пишет уже более энергично.

«Если, пишет, не явитесь такого-то числа, то доставлю приводом».

Агроном же, как назло, явиться не мог – его послали в Гдовские Сланцы на посевную. И теперь ему оттуда прямо грустно возвращаться на неизвестное.

И действительно, как-то оно получается у них невесело. Как-то с двух сторон грубо и оскорбительно.

А главное, надо поскорей упразднить, что ли, эти трехрублевые квитанции, хотя бы из уважения к человеческому достоинству.

Это уж никуда не годится – такое слепое подчинение бумажке. Набирать людей на нужную сумму! Обычно бывает наоборот. А это прямо как-то даже озадачивает.

А что касается двух работников, кинутых на борьбу с хождением по путям, то они вместо трудностей бумажного администрирования могли бы тем временем смело на болоте дорожку проложить. И это отчасти удовлетворило бы душевные потребности как пассажиров, так и их самих.

И не было бы таких криков, слез, обид и огорчений.

Порицание Крыму

Как только ударяет лето, так многие хлопчут на юг попасть. Они думают, что приедут на юг, искупаются в Черном море – и они снова молоды и прекрасны. И все болезни и ненормальности у них ушли.

А которые молодые, те, я даже не знаю, о чем они думают. Многие, я так думаю, из озорства на юг едут. Хотят поглядеть, как и чего там бывает. А через это они затрудняют курорты. Стесняют движение. Суетню разводят. И чахоточным через это

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru трудней на юг попадать.

Главное, все больше едут молодые, здоровые, горластые. Чуть что – они в Крым собираются. И в кармане у них три копейки, а они как-то такое едут. Прямо удивительно глядеть, как у людей преломляется энергия.

Многим вообще нравится Крым. И некоторые особенно одобряют художественный путь от Севастополя до Ялты.

И я не отрицаю: путь этот имеет свои прелести. С одной стороны над вами возвышаются горы. И они, так сказать, вызывают чувство удивления и гордости, что у нас бывают такие горы, недоступные многим низменным и в художественном отношении отсталым странам.

А с другой стороны внизу лежит море. И оно тоже отчасти заставляет гордиться, что вообще бывают такие моря и так они оригинально лежат: как-то такое внизу, а над этим прямо в небо упирается почти два километра суши. И автобус едет между тем и этим. И это тоже у них довольно художественно получается.

И многих это тоже восхищает. Многие горят желанием почаще там бывать.

И я не отрицаю, что крымские курорты иногда забавно видеть. Только я не поклонник там на автобусах ездить. Вот автобусы у них действительно что-то особенное в смысле неприятности.

Конечно, говорят, что ученые начали проектировать крымскую электричку. И там будут ездить поезда по южному побережью. И только ученые, кажется, еще не окончательно убедились, где им пускать поезда – внизу или наверху.

Но уверяю вас: где бы они ни пустили, все будет в высшей степени хорошо. Пускайте эти поезда, только не допускайте меня на крымских автобусах ездить.

Главное, стоит у вокзала, представьте себе, маленькая, мизерная машина. И со стороны, пока в нее не сядешь, думаешь, что в эту машину ну человек шесть может сесть.

Каково же берет удивление, когда начинается посадка. Тогда выясняется, что только на одну скамейку шесть человек садится. А там скамеек бесчисленное множество. И даже у них как-то такое бывает, что, например, все сидящие в одном московском вагоне – все умещаются в этом автобусе.

После этого начинается художественная поездка по южному побережью.

Вдобавок у многих дети на руках. Один непременно с козой едет. Он ее на руках держит. И она от страха всех бодает на поворотах. Но ему об этом сказать нельзя, поскольку он, может быть, выполняет сельскохозяйственный план.

А некоторые заместо коз и детей держат на коленях узелки и корзинки. И все это подпрыгивает во время художественного пути. Но это подпрыгивают мелкие вещи. А багаж где-то отдельно подпрыгивает.

А для нервного человека такое отдельное путешествие от вещей тоже как-то морально тяжело переносить. Все время думаешь: а где же, собственно говоря, вещи. И не то что ты боишься, что их сопрут, но думаешь: наверно, твою корзинку в Мисхор завезли и после разных формальностей ее тебе выдадут в конце лета.

Через это путешествие утомляет. И художественная красота пути не так, что ли, в достаточной мере заинтересовывает. Вдобавок мало чего видать. Тем более автобусы у них крытые. А с боков сидишь сжатый пассажирами.

А которые словчились сесть у края, то это еще ничего не говорит. И счастье этих всегда омрачается слабостью остальных. И из тридцати пассажиров всегда находится шесть слабогрудых дам, которых закачивает в пути.

И тогда все сидящие не с боков с восторгом восклицают: «Да пустите же ее, наконец, сбоку сесть, видите, дамочка побледнела и затрудняется дальше ехать».

И тогда захворавшая со всем нахальством, присущим указанным людям, сама садится

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru с краю и едет. И там ее охлаждают зефиры, и там она, не стесняя пассажиров, может склонять свою головку, куда ей вздумается.

А вы тем временем садитесь на ее место – между козой и стрелком, у которого в руках мелкокалиберная винтовка. И страх, что эта винтовка может от сотрясения выпалить, тоже помрачает красоту пути.

И вот тем временем в рассуждении всех этих вещей и пассажиров незаметно проходит часть пути. Но зато вторая часть пути, наиболее интересная, проходит с ослабленной психикой. И даже едешь в некотором равнодушии и даже, что ли, с какой-то бесчувственностью во взоре. И даже по временам восклицаешь: «Крым, Крым – подумаешь!»

Короче говоря, подобные мысли и воспоминания пришли нам в голову в тот день, когда мы раздумали поехать в Крым. И не то чтобы раздумали, а как-то такое в этом году нам не пришлось поехать на южное побережье. И вместо этого погибельного Крыма мы сняли дачку в Парголово и сейчас весьма довольны.

Ну что, действительно, все время – Крым. Пыль. Жара. Горы bestолково торчат. Три дня ехать. Билеты опять же покупать. А тут снял дачку и можно жить без всякого затруднения. И, в сущности говоря, то же самое – пыль, жара. Только что гор нету. И моря. И не так художественно.

Тем более сейчас лето. Виноград еще не созрел. Бархатный сезон впереди. Так что особенного интереса нету туда ехать. А осенью, может быть, и поеду. А вообще, хотелось бы на все крымское путешествие тратить часа два-три.

И вот когда будут летать стратопланы, то это так и будет. В двенадцать часов дня сел в Ленинграде – и в три часа купаешься в Черном море. А в шесть вечера обратно дома. Вот это будет интересно.

Но, вообще-то говоря, я ждать этого времени не намерен, и три дня пути меня тоже не особенно останавливают.

В общем, сердечный привет поехавшим в Крым.

И как ни брани этот Крым, а все-таки это, так сказать, чудная жемчужина в курортном деле.

А что касается оправы для нее, то она постоянно будет улучшаться.

Сказка жизни

В настоящее время рассказывать сказки как-то даже глупо. Мы бы даже так сказали: как-то нетактично перед современностью.

Кругом, можно сказать, в техническом смысле происходят разные там наивысшие исключительные достижения, разные там чудеса в решете. Одно радио чего стоит! Телефон опять-таки. Фотоаппараты. И вообще, смотрим то, чего вблизи не видать. И слышим разные вещи на расстоянии. Так что любая сказка, мы бы так сказали, теряется в сравнении со сказочной действительностью.

Давеча раскрываем газету: еще, видим, один подарок преподнесен нашей современности. Бесшумный трамвай.

Не знаю, как в Москве, но в Ленинграде уже выпустили для пробы бесшумный моторный вагон.

Конечно, мы еще в точности не знаем, что это такое и с чем это, как говорится, кушают, но в газетах отмечено: бесшумный трамвай. А это, как хотите, здорово.

Главное, представьте себе: прет этакая махина по рельсам, и то есть никакого шума она не дает. Плавно себе скользит, как воздушная фея, как ветерок, зефир.

Только изнутри, наверно, этакий гул идет, некоторый треск и грохот. Этакий шум. Поскольку в вагоне разговоры, крики, пятое-десятое. В обыкновенном вагоне это, конечно, прошло бы незаметно, а тут оно тихо себе катится и шумит.

Но это, так сказать, минусы самой природы. Техника уж тут ни при чем. Это

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru публика сама от себя допускает звучание: разговоры, споры, крики и так далее. Тут даже, если заглянуть исключительно далеко, так сказать, в века, – и то вряд ли что-нибудь изобретут против этого шума.

Конечно, если трамвайная администрация окончательно захочет избавиться от шума и если она захочет, чтоб техника плюс природа не давали бы звучания, то тогда, конечно, придется пассажирам вместе с билетами чего-нибудь выдавать. Некоторым, может быть, леденцы, пеперменты, чтоб рты заткнуть. Более передовым элементам можно также давать какие-нибудь там проволочные фокусы и умственные занимательные игры, чтоб отвлечь внимание.

Тогда возможно, что в самой середине нашего вагона воцарится полная тишина.

Нет, не думаем, чтобы такой трамвай особенно много давил людей.

Конечно, отчасти все-таки, как ни говорите, вынырнет этакая штука без всякого шума – так тоже, как говорится, благодарю-спасибо. Но тут нас то утешает, что он уж не настолько будет бесшумный, как, наверно, подумали некоторые идеалисты и эстеты. Некоторые уж, наверно, подумали невесть что, в то время как, наверно, мы так думаем, ничего особенного. Тоже, наверно, как попрет по рельсам, так я те дам. Не то чтоб от него сильный грохот будет идти, но тоже, наверно, не без того. Поскольку все-таки колеса, рельсы, мотор, и в моторе что-то все время вертится. Ясно, что уж совсем без шума им не обойтись. Ну, да оно, собственно, и к лучшему.

Но все же, тем не менее, честно говоря, борьба с шумом – это очень хорошее начинание. И в Европе давно с этим бороться начали.

Но там, в Европе, конечно, более хлипкое население. Там много среди них истеричек, разных там квелых интеллигентов, воспитанных на буржуазной системе. И там на них шум особенно тяжело действует. А у нас мы давеча наблюдали такую картину. Едет гусеничный трактор. И до того он, представьте себе, ангел мой, гудит, что это, как говорится, ужаси подобно.

То есть такой грохот идет, что, можно сказать, душа вянет у всякого интеллигента прошлого столетия. А тут моторист лихо себе сидит на сиденье и переглядывается еще с проходящими барышнями.

Ему, конечно, как бы даже ни к чему подобное изобретение с бесшумным трамваем.

Но от этого начинание, конечно, не только не меркнет, но его надо душевно приветствовать. Поскольку шум плохо отзывается на производительности труда. И в особенности от этого страдают бухгалтеры, ученые, певцы, поэты и металлисты. Но тем не менее это изобретение, мы повторяем, пройдет у нас для многих людей незаметно, поскольку многие обладают хорошими, крепкими нервами.

Во всяком случае, шлем пламенный привет всем изобретателям.

И уже если научная мысль пошла по этой линии, то хотелось бы еще какого-нибудь улучшения на этом шумовом фронте.

Тоже вот, как говорится, радио. Слов нет, вполне гениальное открытие. Но зато когда оно у соседей стоит и перегородка не так уж особенно капитальная, то тоже, как говорится, спасибо вам за это открытие.

Главное, самой музыки не слышно, а только бу-бу-бу, бу-бу-бу. Прямо, так сказать, сил нет. И прекратить нельзя. Только что перерыв бывает с часу ночи и до семи. Но это не каждому хватает для сна. Хотя бы какой-нибудь глушитель изобрели против этого шума. В общем, желательно, чтобы ученые физики и пиротехники извернулись и чего-нибудь извлекли из своих последних достижений.

Или, например, в магазине. Зашел, например, на три рубля колбасы купить – патефон играет: «Спи, мое сердце». Тут, может быть, двести грамм отвешивают на чувствительных весах, а тут такое пение: «Спи, мое сердце». Нечутко. И подобный шум тоже как бы лишнее. Тем более если у человека хорошее настроение, так у него и без того музыка на душе раздастся.

Так что борьба с шумом, наверно, еще только разгорается и дойдет, наверно, до

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru сказочных достижений.

А там, глядишь, изобретут уж и вовсе что-нибудь сказочное, например, какой-нибудь аппарат «Три желания».

Каждый, скажем, может повернуть рычажок – и его три желания сразу исполнятся.

Хотя, конечно, злоупотребления начнутся, арапство. Многие, конечно, начнут рычажок поворачивать, чтобы наскрести себе деньжонок побольше, наград, почета и уважения и так далее.

В общем, не будем забегать вперед и предсказывать то, до чего еще не дошла пытливая научная мысль человека.

Пламенный привет научным работникам и техническим кадрам!

Горе от ума

Дело, о котором мы хотим вам рассказать, собственно говоря, уже закончилось.

Кое-кто получил выговор. Кое-кто был оправдан. А некоторые отделались моральным испугом.

В общем, правда восторжествовала, и порок был наказан. И в этом учреждении, о котором идет речь, все, так сказать, снова сейчас завертелось. Как говорится, дела идут, контора пишет, ключи на комод.

И мы, не отличаясь сварливостью характера, так бы и предоставили все это течению жизни, если б не усмотрели в этом явления, на котором следует остановиться.

Итак, как говорится в учреждениях, давайте провентилируем вопрос.

История развернулась в одном небольшом учреждении – в отделе благоустройства одного из районов.

В этом прекрасном учреждении с таким классическим и звучным названием, заставляющим думать о превосходных делах, произошло неприятное происшествие.

В прошлом году в отделе благоустройства «служила в качестве служащей» гр. К. И вот ее уволили с глупой и, пожалуй, даже бюрократической характеристикой: «за нечеткость в работе».

К., желая восстановить свое доброе имя, подала в нарсуд. Нарсуд, рассмотрев дело, не нашел достаточного повода к увольнению и восстановил служащую с оплатой за вынужденный прогул.

Свидетельницей в суде выступала сослуживица К. гражданка/1.

Не утверждаем, что тут имелась связь с ее выступлением на суде, но только факт, что после суда эту гражданку тоже уволили. Первоначально она получила строгий выговор с предупреждением «за опоздание и за составление пониженного плана по ассобозу». А затем заведующий отделом благоустройства предложил ей уйти «по собственному желанию». Когда она отказалась это сделать, он ее уволил за опоздание.

ЦК союза работников городских предприятий отменил это постановление и предложил «восстановить служащую Л. с оплатой за вынужденный прогул».

Заведующий не подчинился этому решению. И тогда нарсуд, рассмотрев дело, восстановил и «свидетельницу» с оплатой за шестимесячный вынужденный прогул.

Вот какова история в общих чертах.

На первый взгляд, дело, мы бы сказали, пустяковое. Несработанность служащих. Неполадки. Сварливый, надменный характер заведующего. И так далее. Что-нибудь в этом роде.

Но целых два одинаковых судебных дела, два неправильных увольнения с оплатой за вынужденный прогул заставили нас снова обратить свои взоры на вышеуказанное

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru учреждение с прекрасным и благозвучным названием.

Мы поинтересовались, нет ли там еще чего-нибудь вроде этого. Нет ли там еще «униженных и оскорбленных»?

И что же оказалось? Оказалось нечто поразительное.

Вот перед нами список служащих, уволенных за 1935 год.

В списке 60 человек.

А всего в штате сотрудников – 75 человек.

Итого за прошлый год уволено почти 80 процентов.

Давайте посмотрим этот черный список.

Оговоримся: список – официальный, с печатью отдела благоустройства и с подписью зам. нач. управления.

Итак, в этом списке 60 человек. Посмотрим, каковы мотивы увольнения.

1) «По собственному желанию» ушло – 14 человек.

2) «По собственному желанию в связи с социальным происхождением» (так и сказано!) уволено – 7 человек.

Мотивировка, прямо скажем, удивительная. Просто даже трудно понять, в чем дело. То ли совесть заговорила в служащем, и он, понимая, что происхождение его нечисто, решил, так сказать, по собственной охоте не мараить больше своим присутствием это высокое учреждение. То ли ему намекнули – мол, до каких же пор мы будем терпеть тебя, братец, в нашей канцелярии? Мы тебя, милочка, не гоним, но раз у тебя папаша вроде как почетный гражданин бывшей империи, то пора бы понять, что не дело служить тебе в ассенизационном обозе.

В общем так или иначе уволено «по собственному желанию в связи с социальным происхождением» – 7 персон.

3) «За пьянство» уволено – 3 человека.

4) «За кутежи» (так и сказано) – 2 человека.

Причем разница между пьянством и кутежом, вероятно, имелась, поскольку предусмотрены две графы. Кутежи, вероятно, имели характер более широкий – с пением и танцами. А пьянство – может быть, просто человек наклюкался и лег спать.

Так или иначе за пьянство засыпались: а) помощник коменданта, б) начальник пожарной охраны и в) инспектор очистки. А за кутежи пострадали два агента ассенизационного обоза. (Может быть, черт возьми, профессия толкнула их на скользкий путь порока, и они через это погрязли в тине кутежей и веселья.)

Далее среди уволенных идет мелкота и шушера:

5) «За нечеткость в работе» – 1.

6) «За нарушение правил внутреннего распорядка» – 2 (из них один – комендант!!).

7) «За прогул» – 1 (бухгалтер).

8) «За то, что отказался прописаться» (!) – 1 (метельщик – с чего бы это он?).

9) «Как не выдержавшие испытания» – 6.

Далее идут уволенные по самым различным уважительным причинам. Один там по статье 47. Другой перешел на инвалидность. Третий опоздал. Четвертый умер по всем правилам науки. Пятый – по семейным обстоятельствам. И так далее.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru При такой ужасающей текучести, казалось бы, ни о каком сокращении штата не может быть и речи. Но не тут-то было. «По сокращению штата» (указано в списке) уволено 5 человек.

Итого из 75 человек за прошлый год снято 60 служащих по самым многообразным причинам, среди которых почему-то не указано «увольнение за глупость». А надо бы, если на то пошло, завести и эту графу в отделе благоустройства.

В общем, даже трудно понять, почему заведующий учинил такой бешеный разгром?

С чего бы это он, действительно?

Может быть, невезенье. Может, во всех других учреждениях публика на должной высоте, а тут, может быть, у него просто как заколодило. И сотруднички, может быть, все какие-то посредственные попадались. А может быть, человек болеет за свое учреждение! Может быть, он хочет возвести свой отдел на неслыханную высоту! Может быть, он в своем уме создал, так сказать, образ идеального служащего, и к этому он стремится! А тут наряду с этим путаются какие-то, черт их дери, мелкотравчатые конторщики, какие-то, пес их знает, обыкновенные девицы с флюсом. Портят, так сказать, пейзаж своими надутыми физиономиями. Обидно, может быть. Раздражают все-таки. Снижают значение отдела. Хочется перетряхнуть этот хотя бы, черт возьми, ассенизационный обоз, где кутят и нечетко работают и вдобавок марают отдел своим происхождением.

И вот берет он это свое небольшое учрежденьце и почти целиком, как мусорный ящик, вытряхивает почти всех в другие (несомненно) какие-нибудь учреждения, где менее прихотливы и где не оторвались от жизни и где, говоря канцелярским языком, к «людскому составу» относятся приветливо и уважительно, без столь дурацкого бюрократизма и надутого чванства к «человеческой единице».

И какая, обратите внимание, игра природы! То самое учреждение, которое ведает «благоустройством» жизни, так, можно сказать, лихо наезжает с другого, более важного фланга на своих же клиентов и потребителей.

В другой раз идешь летом по бульвару. Душа радуется. Деревья подстрижены. Дорожки посыпаны. Скамейки услужливо поставлены в тени. Как-то сразу на сердце симпатично становится. Все эти мелочи как-то поднимают собственное достоинство. Вот, думаешь, все, так сказать, для тебя же, дурака, стараются. Спасибо, думаешь, отделу благоустройства.

И вдруг теперь узнаем, в этом же самом учреждении – вон какие грубые дела, нарушающие принцип благоустройства жизни!

Оно, конечно, скамейки красить проще, чем иметь дело с «людским составом». Но которые не могут за это браться, те пускай и не берутся. И тогда благоустройство еще более возвысится.

Много шума из ничего
Вот какой случай произошел в Арзамасе. Там у них, как сейчас выясняется, имеется войлочная фабрика.

Что именно производит эта фабрика, я не берусь сказать. Но надо думать, что не войлочные стельки к сапогам, а что-нибудь в высшей степени исключительное, полезное для всех в гражданском смысле. Может быть, там фетровые валенки и так далее.

Но не в этом суть.

Вот что произошло на этой фабрике.

Во время обеденного перерыва пять девушек, собравшись вместе, начали шутить и болтать всякую чушь и ерунду. Ну естественно – молодые девушки. Они только что поработали. Теперь у них перерыв. И, конечно, им охота немного пошутить, посмеяться и пококотничать.

Тем более это не профессора какие-нибудь там, сухари и педанты, интересующиеся только, может быть, интегралами и так далее. А попросту это самые обыкновенные девушки в возрасте от восемнадцати до двадцати лет.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Так что и разговор у них был скорее забавного содержания, чем имеющий научную подкладку.

Короче говоря, они беседовали о том, кто кому нравится и кто за кого замуж стремится.

И ничего тут плохого нет. Отчего об этом не поговорить? Тем более обеденный перерыв. И тем более был чудный весенний день. Конец февраля. Первое, так сказать, пробуждение природы. Солнце. Воздух этакий сумасшедший. Птички чирик-чирик. На душе весело и забавно.

И вот сидят эти пять девушек и славно между собой беседуют.

А одна из этих девушек была, как теперь говорится, особенно заводная.

И когда речь зашла насчет замужества, она взяла бумагу и карандаш и, весело смеясь, сказала всем собравшимся, что я, дескать, решила запротоколировать все, об чем мы тут с вами беседуем. И кто кому нравится, я сейчас в протокол запишу, и, может быть, из этого гаданья у нас что-нибудь более реальное получится.

Тут все начали смеяться и хохотать. И начали шутить с полным вдохновением.

И тут они под горячую руку возьми и сочини забавный протокол. Как говорится: слушали – постановили. Этой постановили выйти замуж за этого. А этот обязан сделать предложение этой. И так далее... Все в этом духе.

Ну, шутка. Баловство. Пустяки во всех отношениях. Ну, дурацкое дело, не стоящее внимания.

Собственно, мы даже не знаем, каким образом этот забавный протокол попал к начальству. Скорей всего какой-нибудь там типус, страдающий сахарной болезнью и пучеглазием, подложил эту бумажку на стол директору. А может быть, он и лично, на своих полусогнутых, явился в кабинет директора и, вздохнувши, передал ему протокол – дескать, вот, взгляните, чего наши девицы выкомаривают.

Директор Кистанов, сделав постное лицо, зачитал протокол и пришел в неопишное расстройство.

Двух девиц он уволил с фабрики, как буквально сказано в приказе, «за разлагательную работу, выразившуюся в организации официальной секции с наличием протокола, ставившую себе целью обработать парней в мелкобуржуазном духе».

Одной девице он сделал строгий выговор с предупреждением. А еще двум – поставил на вид.

Может быть, те и поплакали, не знаем, но только, поплакавши, решили подать протест о неправильном увольнении.

И вот тут началась канитель и волянка, которая до сего времени продолжается.

В общем, обиженные подали заявление в конфликтную комиссию.

Фабричная конфликтная комиссия (РКК) под председательством того же самого директора подтвердила увольнение.

Тогда девушки подали заявление в союз.

Там отнеслись внимательно к женскому горю.

Инспектор ЦК союза шерстяников вынес такое совершенно правильное постановление:

«факт составления протокола, в котором было прикрепление девушек к парням с целью выйти за них замуж, не может служить поводом для их увольнения. А поэтому решение РКК, как неправильное, отменить».

Постановление это, однако, не повлияло на черствую душу директора.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
И тогда инспектор посоветовал девушкам подать в народный суд.

Народный суд постановил отменить увольнение и уплатить уволенным за вынужденный прогул.

Казалось бы, все сложилось хорошо и отлично. И можно, казалось бы, снова начать женские разговоры о любви и браке. Но не тут-то было.

Директор, получив извещение от народного судьи, решил заняться домашним воспитанием молодых особ.

И вот, имея самые благие намерения, он пишет в приказе об этих злосчастных девушках нижеследующее:

«Дело, которое они организовали, не сумело причинить вреда. Но товарищи В. и Г. как организаторы этой никому не нужной группы по обработке парней получили моральное наказание. Все это должно в дальнейшем научить тт. В. и Г. как организаторов отделять полезное от вредного, ненужного дела...»

Может быть, когда-нибудь в дальнейшем народные суды будут к чему-нибудь приговаривать за подобный стиль и за такие обороты речи, но пока с этим приходится мириться.

Далее в приказе говорится:

«Принимая во внимание, что В. и Г. уже морально и общественно наказаны, отменить приказ в части снятия их с работы, оставив прежнюю формулировку в определении поступка».

Короче говоря, приказ, как можно видеть, оставлял за девушками унижительную и дурацкую кличку «организаторов секции по обработке парней».

И как девушки ни бились и как они ни протестовали, ничего у них не вышло.

Мы не сомневаемся, что ЦК союза придет на помощь и доброе имя пяти девушек (которым всем вместе девяносто пять лет) будет восстановлено в прежнем своем блеске. Но нас тревожит, что дело это крайне затянулось.

Шесть месяцев тянется подобная канитель. И навряд ли это благоприятно отражается на здоровье и наружности всех участников дела.

Да и сам директор, наверное, слинял и окончательно перестал иметь успех у женщин.

А скорей всего он даже и никогда успеха не имел. И это отчасти чувствуется по его характеру.

В общем, жало нашей конкретной сатиры направлено в аккурат на всякого сорта сухарей и педантов, которые не любят и не понимают смеха и веселья.

Ну пусть бы девушки посмеялись. Подумаешь, какая беда! Ну что могло из этого получиться? Ровно ничего. Главное, забавно видеть, что он заступился за парней.

Как будто те бедные-несчастные, и вот сейчас их обработают «в мелкобуржуазном духе». А те небось, как говорится, и сами с усами. И обошлись бы без самосильной поддержки директора.

Пустое и глупое дело. А сколько из-за него криков, шума и огорчений.

Прощай, карьера

Вот какой случай произошел со мной этим летом. По телефону позвонил мне один иностранец. Он назвал свою фамилию. И сказал, что он писатель. Причем перед разговором с ним произошла такая сцена.

Кто-то, не знаю, может быть, служащий, вызвав меня, сказал в трубку:

– С вами, товарищ, говорят из Европейской гостиницы. Просьба не отходить от аппарата и не вешать трубку, поскольку с вами будет беседовать одно иностранное

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
лицо. Оно сейчас одевается и сию минуту подойдет.

И вот я жду минуту. Две. Никто не подходит. Я уже хочу повесить трубку, как вдруг раздается голос. Говорит иностранец на ломаном русском языке:

– Любезный коллега, я есть один интурист. Я есть писатель. Юмор – как и у вас – это моя стихия. Я пишу комические стихи. Не найдете ли вы интересным встретиться со мной?

Я сказал, что это время я занят, но дня через два я могу с ним повидаться.

– О, нет, – сказал он, – через два дня я уже уеду.

– Тогда завтра.

– Завтра? – сказал он тоном человека, которого очень просят. – Нет, завтра я тоже никак не могу. Завтра мы едем в Детское Село осматривать дворцы. А вечером состоится наш отъезд. Давайте лучше увидимся сегодня. Только я приезжий. Мне будет трудно вас отыскивать. Не разрешите ли вас попросить пожаловать ко мне.

Из уважения к его профессии я согласился заехать к нему на полчаса. Причем сказал, что заеду около восьми часов вечера.

Он радостно сказал:

– Полчаса – это меня вполне устраивает. К тому же больше я и сам не смогу. Мы немного поговорим, и я вас сниму на память. Но что касается восьми часов, то в восемь часов, любезный коллега, мы уже идем в концерт. В восемь часов я никак не могу с вами встретиться.

Меня начала наконец сердить эта беседа. Тем более что был уже шестой час вечера. И до восьми оставалось около двух часов. Я с некоторым недоумением спросил его:

– В таком случае я не понимаю вас. Вы хотели со мной увидеться. Завтра и послезавтра вы не можете, но я вижу, что и сегодняшний день у вас тоже совершенно заполнен.

– Абсолютно заполнен, – сказал он счастливым тоном. – Абсолютно, представьте себе, расписан каждый час. Но мы с вами, коллега, можем найти выход. Я вас попрошу пожаловать ко мне сейчас. Я как-нибудь выкрою для вас полчаса свободных до обеда.

Растерявшись от такой непосредственности, я не нашел сказать что-нибудь определенное. И, что-то пробормотав о своей болезни, повесил трубку.

Но вот около двенадцати часов ночи снова раздается звонок, и голос с почтительной любезностью снова просит не отходить от телефона, так как сейчас со мной будет беседовать иностранное лицо.

Я снова жду минуту. Потом две. И уже из чистого любопытства не вешаю трубки – ожидаю, когда наше приезжее лицо завяжет перед зеркалом галстук или застегнет подтяжки.

Наконец раздается знакомый счастливый, самовлюбленный голос:

– Добрый вечер, коллега. Вот мы и вернулись из концерта. Я прошу вас сейчас же, без возражений, пожаловать ко мне. Нет, не беспокойтесь, что поздно. Я ранее двух часов ночи все равно не ложусь. И мы вполне можем около трех четвертей часа провести в приятной беседе.

Я еле сдержался, чтоб не сказать резкостей приезжему писателю. Вероятно (я подумал), у него какая-то иная психика. И мы не можем с ним столкнуться. Он не понимает, что мне просто неприятно такое дурацкое приглашение, когда я вызываюсь «на время», как шансонетка в каком-нибудь буржуазном ресторане.

И, снова сославшись на нездоровье и поздний час, я отказываюсь приехать.

И вот, как ни в чем не бывало (я не преувеличиваю), на другой день иностранец

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru снова звонит мне через служащего.

И, судя по его самоуверенному тону, я вижу, что он действительно не понимает некоторой неловкости своего поведения.

– Ну вот, коллега, мы и приехали из Детского Села, – сказал он. – И до обеда мы имеем почти что час времени. Как вы на это смотрите?

Я хотел было послать его к черту, но, подумав о международных осложнениях, снова в деликатной форме отклонил приглашение.

– Но почему вы, наконец, не хотите исполнить мою просьбу, – сказал он с какой-то капризной ноткой в голосе, – Ведь вам же, наверное, тоже интересно увидеть коллегу по перу.

– Очень интересно, – сказал я и повесил трубку.

И вот на другой день случайно я рассказал эту историю одному из работников ВОКСа.

Тот спросил, не помню ли я фамилии этого иностранца.

Я назвал фамилию. Тот, порывшись в своих бумагах, сказал:

– О, это известный банкир. Он вчера со своей группой отбыл из Ленинграда. У него большой банкирский дом в Н.

Я, как говорится, почувствовал в груди стеснение и переспросил:

– Вы не путаете ли? Он назвал себя писателем, а не банкиром.

– Очень возможно – они нам сказал, что он писатель и недавно выпустил книгу стихов. Но тем не менее он, кроме того, крупный банкир и финансовый воротила.

Тогда мне стало многое ясно. Мне стали понятны и эти телефонные вызовы. И пренебрежительный, развязный и самоуверенный тон человека, знающего себе цену и не желающего слушать возражений.

Он хотел увидеть меня между обедом и музеем. И в этом было что-то удивительно досадное, неуважительное, это была та грубая, оскорбительная самоуверенность купца и хозяина, от которой обычно гаснет и затухает искусство.

И вот я стал уже позабывать эту дурацкую историю. Но на этих днях я случайно встретился с одним его соотечественником. Это был иностранный специалист, инженер, работающий на одном из ленинградских заводов.

Я рассказал ему эту историю. Он засмеялся и сказал:

– А что вас удивляет в этом? Его отношение? Это было исключительно хорошее отношение. Видите, писатели, художники, артисты, за исключением крупных знаменитостей, – это у нас богема, это даже не приглашается в лучшие финансовые дома. А если вас приглашают, то это уже карьера. Но если вас приглашает такой банкир, такое влиятельное лицо, как вы мне сказали, то это уже блестящая карьера. И не в его привычках выслушивать отказ. Вы ему отказали в своем отечестве. У вас на этот счет вообще спутаны понятия. И, например, артисты у вас чуть не первые люди. А у нас это мелкота, богема... А попробовали бы вы у нас отказаться к нему приехать.

– И что тогда?

– Тогда? Прощай, карьера... Я помню, у нас в один дом приглашен был литератор. И он, представьте себе, не встал со стула, когда с ним поздоровалось одно влиятельное лицо, один банкир, богач. Ого! Он впоследствии не нашел-таки ни одного издателя, который захотел бы печатать его труды... Вы не знаете соотношения сил. Это богема, и финансовые тузы при встрече им подадут два пальца.

– Значит, если бы я отказался к нему приехать...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Иностраный специалист многозначительно свистнул и, закрыв глаза, сказал:

– Тогда за вашу карьеру, месье, я не дал бы ломаной монеты.

После этого случая я понял, что моя карьера в его стране окончательно испорчена.

Ну, как-нибудь, черт возьми, переживу.

Еще о борьбе с шумом
Итак, борьба с шумом энергично продолжается.

Но если говорить насчет борьбы, то в первую очередь хочется все-таки отметить радио. По силе звуков радио стоит на первом месте. И только, может быть, выстрелы дают более сильный звук. И то, как говорится, против выстрелов имеется своя наука – баллистика. А против радио научная мысль ходит как слепая.

Главное, досадно, что борьба с шумом началась не с этого открытия. Научная мысль почему-то в первую очередь пошла, так сказать, по трамвайному пути.

Но бесшумный трамвай – это, в конце концов, техника плюс, может быть, простая резина или там, говоря научным языком, гуттаперча.

Но что может сделать та же резина против радио – вот это еще не выясненный вопрос.

Лично я еще в хороших условиях в смысле радио. Некоторые в своих квартирах слышат радио и с улицы, и с верхних, и с нижних этажей, не говоря уже о соседях.

Один мой родственник с научной целью записывает все звуки, какие к нему доносятся со всего дома. Так он, если не врет, слышит у себя шестнадцать радиоаппаратов.

Лично я такого количества не слышу, но два радиоаппарата меня, прямо скажу, сильно удручают.

Ну, один сосед со своим аппаратом еще ничего. Про него нельзя сказать, что это большой любитель радио. Он с работы придет, прослушает детский час. И больше его не слышать. Разве что, находясь под мухой, он поставит там еще минут на пять какое-нибудь пение. Вот вам и вся его радиопрограмма. Это мягкий, гуманный человек. И не дурак выпить. Так ему, как говорится, не до того.

Но другой сосед – это уж что-нибудь особенное. Он нарочно подолгу не выключает радио. И даже, идя, например, в баню, оставляет радио звучать.

Но каково было наше удивление, возмущение и ненависть, когда он, уехав в отпуск, оставил радио работать на полный ход! Он не выключил его. А свою комнату закрыл на висячий американский замок и сам, как говорится, преспокойно отбыл на месяц в Крым. Он туда загорать поехал. На южный берег Крыма. А мы, как говорится, должны в его комнате терпеть шум.

Первые два дня мы сразу даже не сообразили наличие подобной забывчивости. Но потом слышим звучание совершенно не в урочное время. И вдруг видим: радио звучит круглые сутки.

Тогда я бегу в домоуправление и прошу в конце концов прекратить вышеуказанный шум.

Председатель говорит:

– Да, борьба с шумом идет, не спорю. И это, конечно, нехорошо со стороны жильца шум производить во время отпуска. Но ломать дверь, чтоб туда войти, я не смею без его разрешения.

Тогда мы с другим его соседом делаем складчину и посылаем ему в Крым телеграмму, дескать, забыл, иуда, закрыть радио. Срочно дай согласие сломать дверь с петель. Но поскольку от нервного раздражения я в последний момент в телеграмме добавил еще несколько язвительных слов, то он не ответил мне на телеграмму.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Тогда я хотел как-нибудь привыкнуть к этим постоянным звучаниям в его комнате. И к музыке я уже стал понемножку привыкать, но когда какая-то девица стала из бюро погоды перечислять, где какая температура находится, то я не мог более этого терпеть и выскочил из комнаты, чтоб что-нибудь произвести.

Один жилец мне говорит:

– Вы поднимитесь на крышу и срежьте его антенну. Без антенны редко какое радио может звучать. И через это вы найдете себе душевный покой.

Тогда я, не будучи никогда на крыше и даже не понимая, как туда ходят, с опасностью для жизни влез туда и в аккурат над его окном отломал громадную, как багор, антенну.

Но каково же было мое удивление, когда, спустившись вниз, я снова услышал звуки!

Тогда жилец говорит:

– Вероятно, у него очень сильное радио, что оно без антенны играет. Если хотите, я, говорит, к вам вечером одного подростка подошлю, он в радиомеханике хорошо понимает.

И вот прислал он мне вечером подростка.

Подросток осмотрел все, что полагается, и говорит:

– Вы, говорит, у кого-то другого антенну сломали. За что ждите себе неприятности. А что касается вашего соседа, то у него никакой антенны не должно быть, поскольку у него всего-навсего радиоточка, то есть просто у него идут провода и к ним приставлен громкоговоритель. Если вы хотите, я отрежу в коридоре эти провода, и оно перестанет давать звучание.

Так он и сделал. И музыка сразу прекратилась. И наступила блаженная тишина. И я минут двадцать наслаждался этим в полное свое удовольствие.

Но потом мой другой сосед ни с того ни с сего поставил свое радио, и снова началась чертовщина и завывание. И тут вдобавок еще пришли ко мне объясняться насчет сломанной антенны, и тогда начался шум и крики другого порядка, которые еще более досаждают душу и ослабляют кровь.

Вообще, в первую голову надо что-нибудь насчет радио придумать, а потом уже с новыми силами приняться за трамвай. Тем более что на поверку оказалось – выпущенный бесшумный трамвай довольно-таки порядочно шумит, как там его ни называй.

Может быть, регулятор какой-нибудь придумать для радиоточек?

Ничего не скажу, радио – великое открытие, но уж очень оно, как бы сказать, в печенку въелось.

Творчество и действительность

Некоторые жалуются, что музеям и картинным галереям отпускают мало денег на их нужды. И через это, дескать, в некоторых провинциальных музеях холодно, неуютно. А чего, собственно, там отапливать, когда на стенах висят картины, или, как говорится, полотна, и они могут выдержать любую температуру ниже нуля?

А что касается публики, то те могут особенно не задерживаться подолгу, если им холодно. А быстренько пусть пройдутся по залам – и хватит.

Тем более, чего там особенно подолгу смотреть? Как говорится, не ситец.

Вообще художники – народ легкомысленный и отчасти даже взбалмошный. Часто рисуют, сами не знают чего. Нарисуют, например, разрезанный арбуз и кругом него яблоки нарисуют. И думают этим удовлетворить культурные запросы населения. Дескать, натюрморт. Вообще, как правило, прежние художники – народ, оторванный от жизни и действительности. В музеях, например, такая адская холодуга, а те же самые художники знай себе рисуют разные летние сценки и пейзажи. Или там весну нарисуют и подпишут: «Грачи прилетели» или там «Снег тает». А какой, к черту, он

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru тает, если при такой температуре он опять, может быть, замерзает?

Или те же оторванные от действительности художники выписывают там исторические и библейские сценки с полуодетыми фигурами. Неестественно. Фальшиво. Непродуманно. И смотреть на это при таком холоде – прямо всякая художественность теряется. И у зрителя недоверие возникает к данному произведению искусства.

Вообще, если не отапливать помещения, то до некоторой степени средства экономятся. И в крайнем случае эти средства можно пустить на то, чтобы как-нибудь сгладить художественные неполадки.

Можно заказать художникам, чтобы они пририсовали что-нибудь соответствующее действительности.

Не хотим мешать творческому полету их мысли, но до некоторой степени можем подсказать, если на то пошло.

И уж если русалка в воде барахтается, то будет вполне естественно, если ее из проруби показать. То же и из райской жизни. Если Адам и Ева стоят, как говорится, в чем их мама родила, то опять-таки получается фальшиво. А чуть их приодеть – и художественность, как видите, торжествует. Но змее, конечно, холодно.

На других полотнах наш современный художник, не оторванный от реальной жизни, тоже что-то такое изобразил, соответствующее моменту. И при таком повороте живописи в сторону реальности зритель остается удовлетворенным, и он уже, наверно, не будет обижаться на температуру в помещении. Вообще искусство – кропотливое дело.

Нетактично поступили
Люди рассказывают о таком забавном фактике, происшедшем у нас в Ленинграде.

Причем это точный факт, а не выдумка или там какой-нибудь полет творческой фантазии.

Речь идет о двух приезжих иностранцах.

Как известно, этой осенью в Ленинграде был громадный наплыв иностранцев. Приезжали на кораблях целые ватаги американцев, англичан, шведов и так далее.

Ну, естественно, – морской порт, и им, может быть, удобно. Образ жизни туристов не вызывал у нас удивления. Они ездили на машинах осматривать острова. Посещали музеи, где глядели картины и все, что там есть. И сидели в ресторанах, с аппетитом кушая икру, балык и прочие северные деликатесы.

Ну, конечно, некоторые из туристов, как говорится, шлендали по комиссионным магазинам, закупая там всякую всячину, надеясь зацепить из барахла что-нибудь исключительно ценное, какую-нибудь там реликвию XIX века или что-нибудь в этом роде. Они покупали там идолов, фарфоровых болванчиков, статуэтки и всякие там штучки-мучки разных столетий.

Многие из них имели манию приобретения, другие любили посещать антикварные магазины, видя в этом цель жизни и служение красоте. Третьи, наоборот, приобретали с тем, чтобы у себя на родине, как говорится, спекулировать.

Это был, так сказать, капиталистический мир с его разнообразными представлениями.

Но каково же было удивление, когда два иностранца, одетые очень вычурно и, я бы сказал, тонно, вошли однажды в самый обыкновенный магазин «Гастроном», где происходила продажа обыкновенных колбас, масла и так далее.

Это всех удивило.

А они вошли в магазин и, раскрыв какую-то книжечку (может быть, самоучитель), обращаются к продавцу, еле говоря по-русски.

– Любезная особа, отвесь, голубчик, масьло.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru

Но так как эти слова они произносят мужчине, то он обижается, но, видя перед собой туристов, любезно отвечает:

– Сию минуту, милорды, приступаю к вашей операции, только отпущу одну гражданку.

И, отпустив покупательницу, снова обращается к ним, дескать, сколько вам масла и какого: парижского или с солью. Те, поглядев в самоучитель, говорят:

– Любезная особа, отвесь нам, голубушка, пять кило масьяла.

Продавец начинает энергично резать масло, но один из приезжих говорит:

– Милль пардон! Не пять кило, а десять, любезная особа...

Продавец говорит:

– Так бы сразу и мычали, что десять. Я бы вам одним куском отвернул.

И снова начинает резать масло.

Тогда другой иностранец обращается к продавцу:

– Я желает получить больше масьяла. Мне нужно масьяла сто восемь кило. Можно ли, любезная особа, получить у вас такое количество?

Продавец говорит заведующему:

– Вон сколько они хотят.

Заведующий говорит:

– Отпустите им столько и даже больше, хоть целую тонну, а если не хватит, то я сейчас велю со склада доставить.

Продавец говорит туристам:

– Платите, милорды, в кассу тысячу восемьсот тридцать два рубля. Сейчас провернем эту операцию.

И он начинает вращать бочонки с маслом.

Целая толпа посетителей собирается у прилавка, чтобы видеть, как туристы поволокнут свое масло.

Вдруг заведующий говорит:

– Позвольте, но где же эти иностранцы?

Некоторые из посетителей говорят:

– Они сейчас тут вертелись, и вот их теперь нет.

Тут все видят, что иностранцев, действительно, нет в магазине.

И кассирша кричит: денег они не платили.

Тогда заведующий, усмехнувшись, говорит:

– Это абсолютно ясно. Они хотели поглядеть, свободно ли у нас в стране продается масло и можно ли приобрести такое количество в одни руки. И, убедившись, что можно, они теперь скрылись, поскольку они интересовались не покупкой, а политикой.

Тут среди покупателей начался смех. Некоторые начали острить, дескать, у них купило притупило.

А продавец, вращавший бочонки, отчасти даже рассердился.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Он выбежал из двери магазина и крикнул:

– Нетактично, господа, поступаете!

А один из посетителей, выбежавший из магазина вместе с ним, закричал:

– Эй вы, стрикулисты!

Заведующий не позволил больше кричать вслед иностранцам и велел продавцу встать за прилавок.

Тут среди покупателей снова начались шутки и остроты насчет несостоявшейся покупки.

Потом все успокоилось, и жизнь в магазине потекла нормально.

В пушкинские дни

Первая речь о Пушкине

С чувством гордости хочется отметить, что в эти дни наш дом не плетется в хвосте событий.

Нами, во-первых, приобретен за 6 р. 50 к. однотомник Пушкина для всеобщего пользования. Во-вторых, гипсовый бюст великого поэта установлен в конторе жакта, что, в свою очередь, пусть напоминает неаккуратным плательщикам о невзносе квартплаты.

Кроме того, под воротами дома нами вывешен художественный портрет Пушкина, увитый елочками.

И, наконец, данное собрание само за себя говорит.

Конечно, может быть, это мало, но, откровенно говоря, наш жакт не ожидал, что будет такая шумиха. Мы думали: ну, как обыкновенно, отметят в печати: дескать, гениальный поэт, жил в суровую, николаевскую эпоху. Ну, там на эстраде начнется всякое художественное чтение отрывков или там спойт что-нибудь из «Евгения Онегина».

Но то, что происходит в наши дни, – это, откровенно говоря, заставляет наш жакт насторожиться и пересмотреть свои позиции в области художественной литературы, чтоб нам потом не бросили обвинение в недооценке стихотворений и так далее.

Еще, знаете, хорошо, что в смысле поэтов наш дом, как говорится, бог миловал. Правда, у нас есть один квартирант, Цаплин, пишущий стихи, но он бухгалтер и вдобавок такой нахал, что я прямо даже и не знаю, как я о нем буду говорить в пушкинские дни. Приходит позавчера в жакт, угрожает и так далее. «Я, кричит, тебя, длинновязый черт, в гроб загоню, если ты мне до пушкинских дней печку не переложить. Я, говорит, через нее угораю и не могу стихов писать». Я говорю: «При всем чутком отношении к поэтам я тебе в данное время не могу печку переложить, поскольку наш печник загулял». Так ведь кричит. За мной погнался.

Еще спасибо, что среди наличного состава жильцов у нас нет разных, знаете, писательских кадров и так далее. А то бы тоже, наверно, в печенку въелись, как этот Цаплин.

Ну, мало ли, что он может стихи писать. Тогда, я извиняюсь, и мой семилетний Колюнька может в жакт претензии предъявлять: он тоже у меня пишет. И у него есть недурненькие стихотворения:

Мы, дети, любим твое время, когда птичка в клетке.

Мы не любим тех людей, кто враг пятилетке.

Шпингалету семь лет, а вот он как бойко пишет! Но это еще не значит, что я его хочу равнять с Пушкиным. Одно дело – Пушкин, а другое дело – угоревший жилец Цаплин. Прохвост такой! Главное, навстречу жена идет, а он за мной как погонится. «Я, кричит, тебя в мою печку головой сейчас суну». Ну что это такое?! Сейчас пушкинские дни происходят, а он меня так нервирует.

Пушкин пишет так, что его каждая строчка – верх совершенства. Такому гениальному

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
жильцу мы бы еще осенью переложили печку. А что ему будем перекладывать,
Цаплину, – это я прямо поражаюсь.

Сто лет проходит, и стихи Пушкина вызывают удивление. А, я извиняюсь, что такое
Цаплин через сто лет? Нахал какой!.. Или живи тот же Цаплин сто лет назад.
Воображаю, что бы там с него было и в каком бы виде он до наших дней дошел!

Откровенно говоря, я бы на месте Дантеса этого Цаплина ну прямо изрешетил.
Секундант бы сказал: «Один раз в него стрельните», а я бы в него все пять пуль
выпустил, потому что я не люблю нахалов.

Великие и гениальные поэты безвременно умирают, а этот нахал Цаплин остается, и
он нам еще жилы повытянет.

(Голоса: Расскажите про Пушкина.)

А я про Пушкина и говорю, а не про Лермонтова. Стихи Пушкина, я говорю, вызывают
удивление. Каждая строчка популярна. Которые и не читали, и те его знают. Лично
мне нравятся его лирические стихи из «Евгения Онегина»: «Что ты, Ленский, не
танцуй» и из «Пиковой дамы»: «Я хотел бы быть сучочком».

(Голоса: Это оперное либретто. Это не Пушкина стихи.)

То есть как это не Пушкина? Что вы мне баки заколачиваете?.. Хотя я перелистываю
наш однотомика и вижу – в «Пиковой даме» действительно нет стихов... Ну, если эти
стихи «Если б милые девицы все б могли летать как птицы» не Пушкина, то я уж и
не знаю, что про этот праздник подумать. Короче говоря, я не буду Цаплину
перекладывать печку. Одно дело – Пушкин, а другое дело – Цаплин. Нахал какой!

Вторая речь о Пушкине

Конечно, я, дорогие товарищи, не историк литературы. Я позволю себе подойти к
великой дате просто, как говорится, по-человечески.

Такой чистосердечный подход, я полагаю, еще более приблизит к нам образ великого
поэта.

Итак, сто лет отделяют нас от него! Время действительно бежит неслыханно быстро!

Германская война, как известно, началась двадцать три года назад. То есть когда
она началась, то до Пушкина было не сто лет, а всего семьдесят семь.

А я родился, представьте себе, в 1879 году. Стало быть, был еще ближе к великому
поэту. Не то чтобы я мог его видеть, но, как говорится, нас отделяло всего около
сорока лет.

Моя же бабушка, еще того чище, родилась в 1836 году. То есть Пушкин мог ее
видеть и даже брать на руки. Он мог ее нянчить, и она могла, чего доброго,
плакать на руках, не предполагая, кто ее взял на ручки.

Конечно, вряд ли Пушкин мог ее нянчить, тем более что она жила в Калуге, а
Пушкин, кажется, там не бывал, но все-таки можно допустить эту волнующую
возможность, тем более что он мог бы, кажется, заехать в Калугу повидать своих
знакомых.

Мой отец, опять-таки, родился в 1850 году. Но Пушкина тогда уже, к сожалению, не
было, а то он, может быть, даже и моего отца мог бы нянчить.

Но мою прабабушку он наверняка мог уже брать на ручки. Она, представьте себе,
родилась в 1763 году, так что великий поэт мог запросто приходить к ее родителям
и требовать, чтобы они дали ему ее подержать и ее понянчить... Хотя, впрочем, в
1837 году ей было, пожалуй, лет этак шестьдесят с хвостиком, так что, откровенно
говоря, я даже и не знаю, как это у них там было и как они там с этим
устраивались... Может быть, даже и она его нянчила... Но то, что для нас покрыто
мраком неизвестности, то для них, вероятно, не составляло никакого труда, и они
прекрасно разбирались, кого нянчить и кому кого качать. И если старухе
действительно было к тому времени лет под шестьдесят, то, конечно, смешно даже и
подумать, чтобы ее кто-нибудь там нянчил. Значит, это уж она сама кого-нибудь
там нянчила.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

И, может быть, качая и напевая ему лирические песенки, она, сама того не зная, пробудила в нем поэтические чувства и, может быть, вместе с его пресловутой нянькой Ариной Родионовной вдохновила его на сочинение некоторых отдельных стихотворений.

Что же касается Гоголя и Тургенева, то их могли нянчить почти все мои родственники, поскольку еще меньше времени отделяло тех от других. Вообще я так скажу: дети – украшение нашей жизни, и счастливое детство – это, как говорится, очень и очень немаловажная проблема, разрешенная в наши дни. Детские ясли, очаги, комнаты матери и ребенка на вокзалах – все это суть достойные признаки одного и того же дела... Да, так про что же это я?

(Голос с места: Про Пушкина...)

Ах да... Вот я и говорю – Пушкин... Столетняя дата. А там, глядишь, вскоре ударят и другие славные юбилеи – Тургенев, Лермонтов, Толстой, Майков и так далее, и так далее. И пойдет чесать.

Вообще, между нами говоря, в другой раз даже как-то удивляешься, почему к поэтам бывает такое отношение. К певцам, например, я не скажу, чтоб у нас плохо относились, но уж настолько с ними не носятся, как с этими. А тоже, как говорится, таланты. И за душу хватают. И эмоциональность. И пятое-десятое.

Конечно, я не спорю, Пушкин – великий гений, и каждая его строчка представляет для нас известный интерес. Некоторые, например, уважают Пушкина даже за его мелкие стихотворения. Но я бы лично этого не сказал. Мелкое стихотворение – оно и есть, как говорится, мелкое и не совсем крупное произведение. Не то чтобы его может каждый сочинять, но, как говорится, посмотришь на него, а там решительно нет ничего такого уж слишком, что ли, оригинального и художественного. Например, представьте себе набор таких, я бы сказал, простых и маловысокохудожественных слов:

Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив...
Шалун уж заморозил пальчик...

(Голос с мест: Это «Евгений Онегин»... Это не мелкое стихотворение.)

Разве? А мы в детстве проходили это как отдельное стихотворение. Ну, тем лучше, очень рад. «Евгений Онегин» – это действительно гениальная эпопея... Но, конечно, и в каждой эпопее могут быть свои отдельные художественные недостатки. Вообще я так скажу: для детей это очень интересный поэт. И в свое время там у них он, может быть, даже был попросту детский поэт. А до нас, может быть, дошел уже несколько в другом виде. Тем более наши дети знаете как выросли. Их уже не удовлетворяет детский стих:

Паровозик чук-чук-чук,
Колесики тук-тук-тук,
Госиздату гип-ура,
Пети-мети автора...

Помню, знаете, у нас в классе задали выучить одно мелкое, ерундовое стихотворение Пушкина. Не то про веник, не то про птичку или, кажется, про ветку. Что будто бы растет себе ветка, а ей поэт художественно говорит: «Скажи мне, ветка Палестины...»

(Голос с места: Это из Лермонтова...)

Разве? А я их, знаете, обыкновенно путаю... Пушкин и Лермонтов – это для меня как бы одно целое. Я в этом не делаю различия...

(Шум в зале. Голоса: Вы лучше расскажите про творчество Пушкина.)

Я, товарищи, к этому и подхожу. Творчество у Пушкина вызывает удивление. Ему за строчку стихов платили по червонцу. Кроме того, постоянно переиздавали. А он, несмотря на это, писал, и писал, и писал. Прямо удержу нету.

Конечно, придворная жизнь ему сильно мешала сочинять стихи. То балы, то еще что-нибудь. Как сказал сам поэт:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Откуда шум, неистовые клики?

Кого, куда зовут и бубны, и тимпан..

Тимпан! Договорится же человек до этого... Конечно, не будем останавливаться на биографических данных поэта: это всем известно. Но тоже, как говорится, с одной стороны – личная жизнь, квартира в семь комнат, экипаж, с другой стороны – сам царь, Николай Палкин, придворная жизнь, лицей, Дантес и так далее. И, между нами говоря, Тамара ему, конечно, изменила..

(Шум в зале. Крики: Наталья, а не Тамара.)

Разве? Ах да, Наталья. Это у Лермонтова – Тамара.. Вот я и говорю. А Николай Палкин, конечно, сам стихов не писал. И поневоле, конечно, мучился и завидовал поэту..

(Шум в зале. Отдельные возгласы, переходящие в крики. Некоторые встают. Довольно! Уберите оратора!)

Так вот, я кончаю, товарищи.. Влияние Пушкина на нас огромно. Это был гениальный и великий поэт. И приходится пожалеть, что он не живет сейчас вместе с нами. Мы бы его на руках носили и устроили бы поэту сказочную жизнь, если бы, конечно, знали, что из него получится именно Пушкин. А то бывает, что современники надеются на своих и устраивают им приличную жизнь, дают автомобили и квартиры, а потом оказывается, что это не то и не то. А уж, как говорится, взятки гладки.. Вообще, темная профессия, ну ее к богу в рай. Певцы как-то даже больше радуют. Запоют, и сразу видно, какой голос.

Итак, заканчивая свой доклад о гениальном поэте, я хочу отметить, что после торжественной части будет художественный концерт.

(Одобрительные аплодисменты. Все встают и идут в буфет.)

Дома и люди

Дом, в котором я сейчас живу, – очень солидный, современный дом недавней постройки.

В архитектурном отношении – это очень интересное здание. Оно очень любовно и не без души сделано.

Каждая квартира имеет балкон. Окна широкие. И солнце могучим потоком, без затруднения, проникает в крошечные уютные квартирки. Всюду ванны, мусорные ящики. Лестница вполне симпатичная, но немножко, к сожалению, узкая. Так что рояли пришлось подавать в окна, что, конечно, в свою очередь, до некоторой степени снижало музыкальную культуру.

И один наш композитор, взявший квартиру в пятом этаже, невыразимо страдал, когда тянули на канате предмет его творчества.

И действительно, это было как-то неестественно. Тем более что очень уж много было крику, когда его музыкальный инструмент стали подавать на блоке. Особенно стон стоял, когда с воздуха его стали протискивать в окно. Это был прямо музыкальный момент.

Но процедура закончилась вполне успешно, что все-таки делает честь архитектору, который подсознательно учел, что маленькие окна окончательно зарезали бы композиторов.

Так или иначе, это пианино благополучно водворили в помещение. И композитор почти что сразу стал на нем брэнчать, так что жильцы из четвертого этажа рысью побежали жаловаться управдому, поскольку слышимость оказалась уж очень что-то удивительная. Тот, представьте себе, играет пианиссимо, а до этих доходит такой тамбурмажор, что, как говорилось, хоть святых вон выноси!..

В художественном отношении наш дом тоже ничего себе оформлен. Имеются разные лепные украшения: гирлянды и кружочки. И это как-то ласкает взор.

Вдобавок, начиная с третьего этажа и выше, почему-то две колонны стоят и, как говорится, кушать не просят.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Собственно говоря, эти две колонны как бы даже ни к чему. Потому что все-таки назначение колонны – что-нибудь там поддерживать. А эти колонны вроде как бы даже ничего не поддерживают. А уж если на то пошло, их до некоторой степени дом поддерживает. Но и то хорошо, что их дом поддерживает. Все-таки античное искусство, так сказать, не падает.

А тоже упадет такая кирпичная махина, так благодарю вас за греческую архитектуру!

Но вот уже третий год все идет благополучно, и это лишний раз доказывает, как стойко держится у нас эллинское искусство.

Очень оригинально у нас дворик устроен. Тоже, если хотите, на античный лад. Но уже нечто римское чувствуется. Отчасти он напоминает летние римские бани или внутренние небольшие помпейские дворики для хозяйственных нужд.

Небольшой размер дворика не остановил все-таки архитектора в его стремлении дать что-нибудь исключительное. Посередине двора устроен большой фонтан. Такой бассейн, и в центре лепная женская фигура с кувшином. И на это довольно забавно смотреть, когда вечером идешь через двор слегка под мухой.

Нет, в художественном отношении наш архитектор максимально мобилизовал свои силы. Даже можно было немного меньше стараться. Тем более, я так думаю, дома главным образом украшают люди, которые въезжают туда со своим новым бытом.

Но в общем и целом наш дом хорошо устроен. И, за исключением вышеуказанных мелочей, все в полном порядке и все как и требуется.

Все-таки наши архитекторы до некоторой степени как-то справляются со своей задачей.

Бывало, выйдешь вечером на свой балкон и чувствуешь себя современным жильцом нашего столетия. Красиво, высоко, и легко дышится.

Но вот утром такой красоты уже нет. Утром уже не так славно получается, потому что напротив нашего дома притулились два паршивеньких домика весьма пошлой мещанской архитектуры.

И на эти домики царской постройки очень уж невыносимо смотреть с высоты своего балкона. Они, так сказать, портят всю панораму и снижают архитектурную мысль до уровня посредственности.

Вообще, если говорить об архитектуре, то это большой минус, что, выводя современные постройки, рядом по большей части оставляют такие мизерные дома.

Федот, да не тот

Дело, о котором мы вам хотим рассказать, на первый взгляд пустое и незначительное дело: присудили платить алименты однофамильцу.

Читателю, вероятно, не раз приходилось слышать о подобных фактах.

Ну, ошибка. Мелкая канцелярская неувязка. Досадная оплошность.

Но обилие такого рода ошибок заставляет внимательно к этому присмотреться.

Вот, например, на днях в «Красной газете» приводились примеры ошибок, допущенных милицией. Одного гражданина пытались ограбить. Прокурор обнаружил, что по ошибке задержан «заодно» и сам потерпевший. Другой гражданин, якобы по решению суда, просидел в 25-м отделении милиции более суток. При проверке оказалось, что с него надо было лишь взять подписку о невыезде.

Конечно, в каждом деле могут быть ошибки. Но если внимательно присмотреться, то за такого рода ошибками всегда почти можно увидеть непродуманность, небрежность и неуважительное отношение к человеку. Фамилия берется как пустой звук, как канцелярский значок, нужный для исполнения. А ведь за каждой фамилией – живой человек, живая жизнь, родные, знакомые, дети.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru и такого сорта ошибки непростительны, и отвечать за них нужно по всей строгости, потому что зловерность таких ошибок исключительно высока.

Вот наглядный пример – дело, о котором мы начали говорить.

Один ленинградский рабочий с завода «Севзаплес», Иван Алексеевич Котов, полгода назад получил из Москвы повестку с требованием явиться в суд по делу об алиментах.

Жена Котова, увидев эту повестку, весьма сильно расстроилась и огорчилась, и семейная жизнь Котова подверглась тяжкому испытанию.

Но Котов не чувствовал за собой вины. Он в Москву не поехал, а взял и написал судье письмо, в котором сообщил, что повестка его очень удивила и он теперь хотел бы знать, кто именно требует с него алименты.

Судья сообщил ему фамилию гражданки и при этом заявил, что заочное решение суда уже состоялось и четверть заработка будет с него удерживаться.

Семейная жизнь Котова еще того более ухудшилась. Тогда Котов решил добиться справедливости. Проживая на Большой Охте, он обратился к местному юристу с просьбой распутать его дело. Юрист, сорвав трояк, ничего путного не мог ему посоветовать и даже еще больше расстроил потерпевшего, сказав, что он и сам просто не представляет себе, с какого конца надо взяться, чтоб что-нибудь получилось.

Тогда Котов обратился «к более ценному юристу – на Невском».

Он там заплатил пятнадцать целковых. И там ему юрист настроил в Москву письмо – дескать, как же так, помилуйте, что же вы – очумели, дескать, мой Котов – вот он, а вы лезете со своим. Безобразие.

Письмо это возымело действие. И через месяц Котов, к своему ужасу, снова получил из Москвы повестку с требованием явиться в суд.

Придя к мысли, что без его личного присутствия дело не раскроется, Котов собрал кое-какие деньжонки и, скрепя сердце, выехал в Москву.

В московском суде произошла классическая сцена. Молодая женщина со словами: «Ах, это не тот» – отказалась от Котова.

Тогда Котов сказал судье:

– Вот видите, что произошло. Я же вам писал, что это не я. Хотел бы я знать, кто же мне теперь заплатит двести четырнадцать рублей, которые я истратил на поездку в Москву?

Судья ответил, что это скорей всего адресный стол напутал и пусть он к ним обратится.

С некоторым моральным удовлетворением Котов, вернувшись в Ленинград, направился в адресный стол. Но в адресном столе ему сказали, что они ни при чем, что тут в самом запросе было перепутано отчество. И что повинен в этом московский суд. И если Котов к этому делу не остыл, то пусть на них и подает в суд.

Не зная, как это сделать, Котов обратился за советом (как он нам пишет) «к одному своему знакомому милиционеру».

Обдумав дело, милиционер так ответил:

– Ничего не получится. Что израсходовал, того уже нету, а что тебя оправдали, то это очень хорошо.

Практический ум знакомого милиционера и его соломоновское решение не остановили Котова в его законном желании распутать дело. И вот он обратился в редакцию с просьбой оказать содействие.

«И если, – он пишет, – вы не убогосторите мою просьбу, то буду обращаться по

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru дистанциям до высшей...»

Такая решимость вполне похвальна. И мы охотно беремся помочь пострадавшему.

Конечно, юрист с Большой Охты, который сорвал с Котова трояк, был до некоторой степени прав – дело не так легко распутать.

В общем, все же одно из двух: либо адресный стол наврал, либо в суде отчество перепутали.

И в том и в другом случае можно виновников притянуть к ответу.

Конечно, вряд ли, но может быть еще и третий случай. Может быть, сама гражданка не совсем твердо знала отчество своего Котова. Или она позабыла, или мало ли что бывает. Взяла и, может быть, назвала отчество нашего Котова. Вот если это так, то мы побаиваемся, как бы не оправдались грустные слова знакомого милиционера: «Что истрчено, того уж нет».

А вообще нам кажется, что было бы вполне правильно, если человек, допустивший ошибку, участвовал бы в расходах.

У нас есть один «знакомый прокурор», которого мы и попросим, по мере возможности, выяснить это дело и посодействовать И. А. Котову.

В общем, благодаря дурацкой ошибке истрчены деньги, потеряно время, испорчены нервы и до сего времени тянется канитель.

Конечно, ошибки, повторяем, бывают. Но уж лучше пусть астрономы ошибаются в своих вычислениях – сколько километров до Луны и сколько весит планета Марс, чем допускать ошибки в таком деле, где имеются живые люди и где могут возникать подобные неприятности, расходы и огорчения.

Бедный дядя

Тут к одному жильцу с нашего дома приехал погостить один субъект. Его родственник. Кажется, дядя с маминой стороны. Или что-то в этом духе.

Во всяком случае, его у нас прописали временно. Тем более прошлое у этого дяди оказалось слегка подмоченное. Он еще при нэпе схлопотал себе семь лет за какие-то неправильные действия плюс воровство и плюс еще что-то.

Но он весьма усиленно работал на стройке и довольно быстро там перековался. Причем его чем-то даже премировали. И, кажется, какой-то значок ему дали. Во всяком случае, он какую-то санитарную блямбочку носил на груди.

Так или иначе, племянник первое время весьма гордился, что у него такой дядя. И даже хлопотал, чтоб с него брали квартплату меньше, чем обыкновенно. Дескать, дядя у него живет, герой строительства. Дескать, пришлось потесниться, впустить дядю. Нельзя ли, дескать, временно снизить квартирную ставку. Но этот номер ему не прошел. Так что пришлось даже кое-что за дядю приплатить. И это был первый удар по самолюбию племянника, который думал, что с приездом дяди у него начнется райское житье.

А дядя был по виду весьма арапистый человек. Он даром что перековался, но глаза у него сверкали, как у мошенника, когда он глядел на проходящих наших расфранченных жилищ с ихними сумочками, меховыми горжетками на шейках и так далее.

Но никаких эксцессов этот дядя пока себе не позволял. Тем более что первое время он все больше ударял по пивной.

Он там просаживал свои деньги, скопленные я уж не знаю каким образом.

А потом, когда дядя благодаря такой сумбурной жизни профершпилелся, он стал занимать у своего племянника. И это был второй удар по гордым замыслам нашего квартиранта, у которого дядя в короткое время «забодал» не меньше ста рублей.

В общем, наш племянник пришел в ужас от поведения своего дяди. И он так ему сказал:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

– Ах, дядя, лучше вы катитесь отсюда к черту на рога, если вы намерены продолжать в том же духе. Я имею скромную должность кладовщика, и я не могу поспевать за вашими интересами.

Узнав, что племянник – кладовщик и благодаря этой своей должности караулит кое-что ценное, как-то: нитки, пуговицы, катушки и так далее, – дядя развеселился и пришел в хорошее настроение.

Уж я не знаю, каким образом, но он воздействовал на неустойчивую психику своего племянника. И подбил его украсть из склада некоторое количество товара, с тем чтоб они продали это и доход поделили пополам.

И племянник, этот кристально честный до сего времени служащий, взял, по наущению своего дяди, десять grossов разных катушек и отдал их своему дяде, с тем чтоб тот все это где-нибудь продал.

При этом племянник так сказал своему дяде:

– Только продавайте, дядя, с осторожностью. А то если вы засыпаетесь, то мне благодаря вас влепят не меньше пяти лет.

Дядя окончательно развеселился и сквозь смех так ответил своему племяннику:

– В этом деле я, по крайней мере, окончил университет. Я не могу себе представить, что я с этой работой попадусь. Конечно, я не был в городе десять лет и теперь на все гляжу не без удивления. Я тут вижу, например, что игорных клубов у вас уже нету. У вас негде одним махом выиграть деньги и устроить себе сказочную жизнь. У вас, по-моему, нельзя даже придумать какую-нибудь выгодную комбинацию. Все вокруг как с ума сошли, работают: колют, рубят, носят, пишут и так далее. И в этом смысле я, действительно, вижу у вас, у городских, перелом в настроении. Но что касается ниток, то нитки я при любом надзоре продам и не попадусь.

Короче говоря, дядя взял нитки и зашел их продать в магазин.

Он отозвал заведующего в сторонку и так ему сказал:

– Могу продать нитки по дешевой цене. Если хотите – купите. Если нет – не кричите и хай не подымайте, поскольку вы от этого ничего не выиграете.

Заведующий говорит:

– Добре. Пройдите сюда и тут маленько посидите, пока я отсчитаю вам деньги.

Бедный дядя сделал два шага, и тут заведующий грубо пихнул его в уборную и закрыл за ним дверь.

Бедный дядя кричал и вопил в своем заключении и даже там хотел повеситься на цепочке, но прибывшая милиция освободила его и велела ему рассказать, что с ним.

И дядя, находясь в полном обалдении, все сразу рассказал и даже сам удивился, с чего бы это он так разоткровенничался.

Милиционер прямо чуть не упал от смеха, когда дядя сказал, что он при своем опыте попался в первом же магазине.

Милиционер сказал:

– По-моему, вы не учли перемену в нашей жизни за эти десять лет.

Дядя говорит:

– Нет, я учел, но только я не понял умственное настроение заведующего. Ну на что он, собака, рассчитывал, когда он меня пихнул в уборную? Что он хотел – выслужиться? Или он скорей всего побоялся купить нитки, чтоб самому не зашиться? Вот тут я что-то действительно не понимаю. Но моя мысль склоняется к тому, что тут был страх. И это я не учел.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Заведующий говорит:

– Напротив того, с моей стороны это был нормальный гражданский акт.

Дядя говорит:

– Ах, лучше бы я пошел на рынок продать эти нитки! Наверно, там, на рынке, еще есть у вас частная мысль, и, наверно, там я бы не попался, как дурак.

Заведующий говорит:

– С твоей устаревшей техникой ты бы и на рынке попался в первые пять минут.

Милиционер говорит:

– Ну, довольно дискуссировать, пойдем, я тебя представлю куда следует.

Дядя попрощался с заведующим и отбыл вместе с милиционером.

Воображаем, в какой панике сейчас его племянник.

Была без радости любовь

Один молодой гражданин написал мне письмо с просьбой помочь ему в его нестерпимом горе.

Это письмецо он послал на адрес редакции журнала «Крокодил». Поэтому вся наша редакционная общественность сильно заинтересовалась судьбой этого человека и поручила мне что-нибудь сделать.

Я хотел было тиснуть в печать все это письмо целиком. Но, к сожалению, оно длинное, не очень-то грамотное, и вдобавок оно написано в момент сильного душевного волнения, так что стиль там неровный и слог черт знает какой.

По этой причине мы решили напечатать только некоторые выдержки из письма. А все остальное мы для ясности восприятия расскажем собственными словами.

В общем, вот как у них было.

В феврале 1937 года один молодой человек, некто Мишин (автор письма), прибыл на работу в совхоз, в политотдел.

И вечером, беседуя с председателем рабочкома, он с более общих тем перешел на частные темы и, вздохнувши, сказал председателю: дескать, вот приходится работать в глуши, дескать, досадно ничего особенного не видеть, дескать, как тут у вас насчет женщин. «Хорошеньких небось совсем нет? Очень мило! Уж не знаю, право, как я тут буду у вас работать».

Председатель рабочкома, покраснев, сказал, что вот было бы чудно, если б он месяц назад приехал. Вот тогда тут в совхозе работала одна агрономша-красавица, Ася Комарова. Вот она действительно имела выдающуюся внешность и, наверно, понравилась бы приезжему. Но она, к сожалению, уже уехала на место своего жительства. А тут сейчас осталась другая агрономша – ее подруга, которая далеко не красавица, если не сказать больше.

В общем, второй агрономшей наш молодой человек не заинтересовался и, вздохнувши еще раз, сказал, что ему просто не везет и он теперь прямо не представляет, чем бы ему здесь заняться в свободное время.

Немного выпив и поговорив еще кое о чем, собеседники разошлись.

Потянулась будничная жизнь. Скучая и грустя, наш молодой человек зашел как-то от нечего делать на почту. И поинтересовался, много ли сельские жители пишут. И, узнав, что много, стал разбирать эти письма и стал глядеть на конверты, чтобы увидеть, кто, куда и кому пишет.

И вдруг на одном письме он увидел заветную фамилию – «Комарова».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Внимательно прочитав конверт, он увидел, что это письмо адресовано Асе Комаровой, этой красавице агрономше, о которой как раз ему и говорил председатель рабочкома. Обратный адрес на конверте указывал, что это письмо посылает другая агрономша, ее подруга, оставшаяся тут, в совхозе.

Дрожащей рукой наш молодой человек списал адрес и, придя домой, настроил красавице письмецо: дескать, ах, как жаль, что она уехала, дескать, вот было бы счастье, если б она была тут. Дескать, не хотите ли, Ася, переписываться? Я буду, дескать, вам писать, а вы мне, и, может быть, в дальнейшем у нас с вами что-нибудь завяжется интересненькое.

Вот он посылает это письмо и через несколько дней, дрожащий от счастья, получает ответ: дескать, вот и хорошо, я оценила ваш порыв, ладно, я буду вам отвечать на ваши письма, это до некоторой степени интересно, пишите.

И вот у них завязалась переписка.

Они вскоре обменялись фотографическими карточками. И оба были поражены и обрадованы, что их надежды оправдались и заветные мечты сбылись.

После этого письма наполнились нежными словами и обещаниями. И в сердцах наших героев разгорелась любовь.

Молодой человек чуть не ежедневно строчил ей о том о сем. И она ему отвечала.

Больше года у них шла переписка. И наконец они поняли, что не могут жить друг без друга.

Он обещал приехать к ней. Но у него не было хорошего зимнего пальто, и потому свой приезд он переложил на лето.

В общем, 27 июля сего года он приехал к ней на станцию Т.

Наше загрубелое перо, уважаемый читатель, навряд ли может справиться с описанием дальнейших событий, а потому мы предоставим автору письма самому высказаться. Вот как он пишет по этому поводу:

«27 июля я прибыл туда, где она жила. Прибыл утром. И пошел в гостиницу, так как мне надо было привести себя в порядок. Мне отвели общий зал и койку из двух досток за 50 копеек. Когда я посмотрел свой номер, мне стало „жутко“ – зачем я сюда приехал. И я как дурак просидел в этом номере полсуток. А потом взял свой „чемодан“ и решил идти на квартиру к своей возлюбленной и там с ней ознакомиться, чем ей сюда прийти и видеть то, что здесь есть».

В общем, молодой человек поступил, конечно, правильно. Воображаем, что это был за номер, если приезжего охватила жуть и он «полсуток» сидел в нерешимости, что ему делать. Итак, он пошел к ней. Вот как об этом он пишет:

«В четыре часа дня я прибыл на квартиру к Комаровой. Но там была одна бабушка, а две сестры, Ася и Женя, и их мать „Анна Петровна“ были на „базаре“. Я их жду, когда они придут с „базара“. И вот я „сежу“ и жду как „дурак“. И меня трясет и всего ломает, как „малярия“. То есть я „сежу“ как на угольях. Тогда я решил переодеться, чтоб вид иметь лучше. Пока я переодевался, в это время пришла с „базара“ ее младшая сестра Женя. Бабушка через окно ей сказала: не входите, тут в „коридоре“ переодевается один приезжий человек. И она, Женя, влезла в дом через окно. И меня спросила, зачем я тут переодеваюсь. Я ей сказал: я жду мою возлюбленную Асю Комарову. Женя сказала: я ее сестра, она сейчас придет с „базара“. Через двадцать минут на „велосипеде“ быстро округ дома проехала Ася, которую я жду. Я пошел ей навстречу и ей отрекомендовался, что я самый тот „герой“, который вас любил заочно год и четыре месяца. Ася в это время была очень взволнована и крайне удивлена. И смотрела на меня, как будто бы это был не я, а кто-нибудь другой».

Волнение чувств у автора письма не позволяет ему описывать дальнейшее с прежней четкостью. Он перескакивает с предмета на предмет и пишет несуразно, так что мы и не рискнем предлагать читателю конец его письма.

Скажем кратко. Ася Комарова не задерживала его долго в помещении. Она сказала,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru что тут неудобно им беседовать и что пусть он вечером придет в «садик» (почему некоторые слова автор письма берет в кавычки, мы не понимаем).

В общем, наш молодой герой, взволнованный и потрясенный, пошел вечером в «садик». Но не дойдя до «садика», он встретил Асю, которая ему прямо сказала: «Вы мне совершенно не нравитесь».

Молодой человек «стоял, как громом ошарашен».

Печальную сцену расставания он описывает так:

«Я сказал ей: Но вы же меня любили. Она мне сказала: Нет, надо видеть живую действительность, а фотография не то передает, что ожидаешь. Я спросил ее: Сколько сейчас время? Она ответила мне: Уже одиннадцать часов. Я сказал: Я на „поезд“ опоздал... Я не мог успеть уехать обратно, и я провел всю ночь один и не мог спать ни минуты. И мне еще „сутки“ надо было ждать до отхода „поезда“. И я, не помня себя, как в угаре, дождался „поезда“. И уехал от своей знакомой».

На этом письмо заканчивается.

К письму автор делает приписку:

«1) Прошу вашего совета, что мне делать. 2) Не могу ли я через милицию отобрать у нее мои письма, хотя она и говорит, что рвала их, но я полагаю, что она хранит их у себя. 3) Можно ли этот материал поместить в одном из журналов?»

Отвечаем:

1) Делать ничего не надо. Надо пережить разлуку. И надо, приведя свои чувства в порядок, полюбить какую-нибудь другую девушку не заочно и не по фотографии, а в реальной действительности. Тогда не будет таких огорчений.

2) Через милицию отобрать письма не можете. А если она говорит, что она письма рвала, то это скорее всего так и есть. Похоже на то.

3) Материал помещаем в журнале. Но помещаем не с тем, чтобы обличить девушку. Наоборот.

По нашему мнению, молодой наш герой совершил грубую ошибку и даже провинность, за что и был по заслугам наказан жизнью. Наш герой влез на почту и сунул свой нос в чужие письма.

Мы удивляемся, как начальник почтового отделения допустил до этого.

Пронырливый молодой герой списал с чужого письма адрес. И сам заварил всю кашу. Вдобавок и фотографию он, наверно, послал какую-нибудь особенную. Наверно, умолил фотографа, чтоб тот замазал ему все угри и прыщи. Вот оно и получилось, что возлюбленная его не признала.

А если не признала и не полюбила, то уж тут, как говорится, и сам прокурор не поможет.

Советуем завить горе веревочкой и предать все забвению.

Была без радости любовь, разлука будет без печали.

О вывесках

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а лично я научился читать по вывескам.

Бывало, шестилетним шпингалетом иду по улице и по складам читаю: «Детский рай», ресторан «Медведь», чайная «Веселая долина» и так далее.

И представьте себе, научился читать и до сих пор, как говорится, не забываю эти свои научные достижения.

Конечно, в настоящее время научиться по вывескам было бы много трудней.

В другой раз глядишь на вывеску, будучи уже, как говорится, взрослым оболтусом,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru и вроде как не понимаешь, что к чему. В другой раз даже мысль отказывается работать в данном направлении.

По-моему, некоторые вывески могут даже создать тревожное состояние у ребенка. Не скажу, что ребенок от этого заболеет или станет умственно отсталым, но некоторая тень может лечь на неокрепший мозг.

Особенно озадачивают такие вывески, например: «Райжилстройброй» или «Кройбейшвей».

Отчасти это понятно – всего, как говорится, не выведешь на вывески, чего хочется, и вот поневоле сокращаешься.

Конечно, в свое время это сокращение взяли, чтоб разгрузить телеграф. И насчет телеграфа это абсолютно правильно. Но почему это вошло во все области жизни – вот это не совсем понятно.

Хотя в последнее время на этом фронте восторжествовал здравый смысл. И многие магазины стали по-человечески называться: мясо, хлеб, булки, баранки, груши и так далее.

Вот это хорошо, что наметили такой уклон. Хорошо, да не совсем. Уж если магазин «Булки, баранки», то все магазины во всем городе носят тоже название «Булки, баранки».

А в другой раз, предположим, тебе продали недоброкачественные баранки. И прямо трудно вспомнить, в каком магазине ты купил это самое.

Вот это худо. Худо, да не совсем. Многие покупатели сами от себя окрестили булочные и дали им названия. Некоторые булочные у нас носят названия «Филипповы», некоторые «Лор».

То есть, представьте себе, прошло двадцать лет, а население волей-неволей прибегает к темному прошлому, чтобы разобраться, какой где магазин. И по этой мелкой причине называют магазин по фамилии бывшего купца и булочника.

У нас, например, один роскошный гастроном так и называют «Елисеев». Получилось это потому, что чуть не все магазины, торгующие колбасой, называются гастрономы. А от этого в глазах рябит, и если тебя спросят, куда идешь, то сразу не соберешься с мыслями.

Вот это худо.

Конечно, некоторые магазины стали теперь на вывесках ставить цифру: один, два или восемь. Но это скучно, ничего праздничного не дает душе и даже, напротив, убивает поэзию.

Может быть, надо внести некоторое разнообразие. И некоторые магазины стоило бы назвать для примера как-нибудь игриво: «Не хотите ли колбасы» или «Торгуем яблоками и прочей чепухой».

Нет, я не знаю. Наверно, так нельзя называть. Но, может быть, надо опросить симпатичное население или привлечь к этому делу тех же многоуважаемых писателей, артистов и певцов. Может быть, эти последние возьмут и что-нибудь придумают в этом смысле.

Насчет булочных и колбасных я не уверен, что это надо. Но, может быть, и надо. А уж для ресторанов, для кафе и для чайных это обязательно надо.

В другой раз звонит кто-нибудь и говорит:

– Зайдем, посидим, выпьем по кружечке пива.

Ну, договариваешься, где встретиться. И обыкновенно начинается путаница, поскольку почти все рестораны так и называются: рестораны. А хотелось, чтобы они имели свое единственное какое-нибудь заманчивое название, создающее настроение и жажду жизни.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Это хорошо, когда рестораны и чайные называются: «Встреча друзей», «Под пальмой» или «Не робей – зайди сюда, Петя».

Какая-то в этом есть задушевность. Я не скажу, что от этого будут больше пить. Но кушать, наверно, будут больше. Поскольку от всего хорошего, красивого и торжественного развивается волчий аппетит и благородные соки организма выделяются в изрядном количестве, что способствует пищеварению, вносит здоровье и силу во все области жизни, ослабляет семейный разлад и устраняет ссоры, склоки и неразбериху.

Конечно, тема нашего рассуждения, может быть, на этот раз незначительная и мелкая. В таком случае просим у читателя сердечное извинение и за натурализм, и за мелкую философию на глубоком месте.

Пламенный привет всем покупателям!

Клинический случай

Вот какой удивительный случай произошел со мной.

Давеча захожу в одну амбулаторию полечиться. У меня, как говорится медицинским языком, нервы стали пошаливать.

И вот вхожу в кабинет врача и вижу перед собой брюнета, сидящего за столиком.

Рассказываю ему, что со мной. И он начинает меня слушать.

Он послушал через трубку мое утомленное сердце и говорит:

– Небось высокогато живете? В пятом или в шестом этаже? Эвон как сердце трепыхается.

– Нет, говорю, живу во втором этаже.

– Ах, во втором этаже! Это меня устраивает, – говорит врач. – Может, в таком случае, ссоритесь с жильцами? Небось коммунальная квартира? Сорок жильцов, крики и так далее?

– Да нет, говорю, наоборот: проживаю в маленькой квартирке, где один только глухой профессор с супругой и я.

Доктор говорит:

– Ах, вот как! Это становится интересным. Нуте, положите нога на ногу. Сейчас я вас ударю медицинским молоточком по коленке и увижу, что с вами.

Увидев, что моя нога от удара высоко подскочила, доктор говорит:

– Так и есть. Функциональное расстройство нервной системы.

Я говорю:

– Какое лечение пропишете?

Доктор отвечает:

– Если хотите, пропишу пилюли. Но их бесцельно глотать. Конечно, сразу вам хуже, пожалуй, от них не будет, но я сомневаюсь, что они вам какую-нибудь пользу принесут.

Я говорю:

– А что же тогда делать при этом моем заболевании?

Доктор говорит:

– Многим помогает перемена обстановки. Переезд в другой город. Перемена службы. Обмен квартиры. Все-таки человеку приедается жить сорок лет в одной и той же комнате. Иногда хочется пожить в другой. А для нервов это крайне полезно.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Я говорю:

– В другой город я не поеду. А что касается обмена квартир, то, говорю, это можно сделать, но жалко: хорошая, говорю, у меня комната. Чего я буду с бухты-барахты менять ее на худшую?

Доктор говорит:

– А что, большой метраж, что ли?

– Метраж, говорю, небольшой – семнадцать метров плюс небольшой отдельный коридорчик.

Доктор говорит:

– Это становится интересным. А встанет в этом вашем мизерном коридорчике книжный шкаф?

Я говорю:

– Свободно могут встать два шкафа и табуретка, и еще останется узкий проход в комнату.

– Мда, – говорит врач, – такие комнаты редко бывают в хорошем районе.

– Нет, говорю, и район ничего себе – Петроградская сторона.

– Ах, вот как! Действительно, жалко менять такую комнату. Конечно, если доплату дадут, то вы не жалеете, меняйте и переезжайте.

– Без доплаты, я говорю, естественно, я и не перееду.

– А много ли хотите доплаты? – говорит врач.

Я говорю:

– Надо осмотреть комнату. Может, мне подкинут такую площадь, что жизни будешь не рад. И вообще я не хочу менять. Что вы, ей-богу, ко мне привязались?

Доктор говорит:

– Конечно, если не хотите, то и не переезжайте. Я же вас за воротник не тащу. Я вам говорю с точки зрения медицины: переезжайте в том случае, если это вам интересно. А если вам неинтересного и сидите в своей берлоге, хворайте нервными заболеваниями, умирайте преждевременно.

Я говорю:

– Прямо уж и не знаю, что делать. Главное – комната веселенькая, на солнечной стороне.

– Ах, даже на солнечной стороне! – говорит врач. – Это становится интересным. И что же, целиком она на солнце, или она немножко глядит на запад?

– Целиком, говорю, на юг. Солнце так и жарит целый день.

– Многие сердечники, – говорит врач, – это худо переносят. Короче говоря, сколько хотите доплаты, если вам дать комнату в двенадцать метров в четвертом этаже?

Я говорю:

– Хотелось бы прежде осмотреть эту вашу паршивую комнатенку.

– В таком случае, – говорит доктор, – запишите мой адрес и вечером приходите. Насиловать вашу волю я не буду. И за просмотр, за визит, с вас ничего не возьму. А пока одевайтесь и идите с богом, посоветуйтесь с женой.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Вот я оделся и вышел на улицу. И прошел сгоряча два квартала. Потом мне стало досадно, что я плохо полечился. И я решил вернуться к врачу, чтоб спросить, не нужно ли мне ванны принимать с какой-нибудь мурой – морской солью и так далее.

И вот я снова поднимаюсь к этому врачу и вхожу в его кабинет.

А там уже другой пациент. И врач, слушая его в трубку, говорит:

– Мда, сердцебиение порядочное. Небось в пятом этаже живете?

Пациент уныло говорит:

– Живу в седьмом этаже.

– Мда, – говорит врач, – дураков мало меняться с вами. Одевайтесь.

Тогда я подхожу к столу и говорю:

– Довольно странно мне слышать ваши слова, обращенные к другому пациенту. Раз вы со мной договорились насчет комнаты, то зачем же вам снова расспросами заниматься?

Доктор говорит:

– Четвертый месяц ищу комнату – не могу найти.

Всех опрашиваю, и это вошло у меня в привычку. Что касается вашей комнаты, то район меня не совсем устраивает, и через это я стал сомневаться. Уходите оба, сейчас ко мне еще один пациент придет, может быть, из центрального района.

Тут в дверь постучали, и вошел еще один пациент, которому врач сказал:

– Раздевайтесь. Побеседуем, что у кого болит.

В общем, теперь я хочу полечиться у другого врача. А то этот меня еще больше расстроил. И даже у меня теперь начались головные боли.

А может быть, у меня начались головные боли оттого, что мой квартирант-профессор целые дни кипятит какую-то химию в своей колбочке. От этого в квартире вредный запах. И я, кажется, действительно возьму и поменяю свою комнату.

Вот завтра пойду к какому-нибудь врачу и побеседую с ним об этом. Было бы славно, если б попался врач вроде этого. Впрочем, сильно сомневаюсь, что еще раз встречу такого же боевого медика.

Новые времена

В октябре этого года я отдыхал в Крыму, в одном тихом и небольшом курортном местечке К.

И вот какой удивительный случай там произошел. Два молодых пижона немного подвыпили в ресторане и вышли на улицу, чтоб обсудить вопрос о своих дальнейших развлечениях.

Не найдя ничего такого, что бы их развлекло, они, скуки ради, стали задевать проходящих женщин.

А дело было к вечеру. И прохожих было мало.

Вот наши подвыпившие франты, увидев проходящую молодую женщину, стали ей кричать, чтоб она подошла к ним. При этом один из них, грубо и цинично бранясь, стал делать ей всякие оскорбительные предложения.

Смущенная женщина поспешила уйти прочь.

Увидев ее смущение, приятели осмелели и окончательно распоясались.

По улице в это время шла одна молоденькая девушка. Как выяснилось в дальнейшем,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru это была Лиза В., молодой инженер, отдыхающая в санатории. Она только что проводила свою подругу в соседний дом отдыха и теперь возвращалась домой.

Увидев ее, приятели развеселились. И один из них крикнул ей то, что он крикнул первой женщине.

Это было в высшей степени безобразно и оскорбительно – слушать то, что он кричал.

Девушка вздрогнула и остановилась. Потом медленно подошла к ним и спросила:

– Кто из вас двоих это сказал?

Один из франтов, не вынимая изо рта папиросу, нагло ответил:

– Я это сказал. И могу тебе, милочка, повторить, если ты сюда подошла.

Девушка, размахнувшись, с силой ударила по лицу пижона так, что он закачался и еле мог устоять на ногах.

Приятели обалдели. И побитый стал прочищать свои глаза, засыпанные пеплом и искрами от его смятой папиросы.

Девушка, вытерев свою руку носовым платком, пошла своей дорогой.

Минута обалдения прошла, и приятели с ревом бросились за уходящей девушкой, с тем чтобы ее, вероятно, избить или проучить за слишком смелый поступок.

Они догнали ее на шоссе и стали хватать за руки.

И тут неизвестно, что было бы, если б в это время по шоссе не проходил местный аптекарь А.

Он только что закрыл магазин и теперь направлялся к дому.

Увидев, что два подвыпивших парня напали на женщину, благородный аптекарь бросился к месту происшествия. И там стал разнимать их. При этом стыдил и усовещивал приятелей, говоря, что не дело двум таким здоровым коблам так низко и по-хулигански вести себя.

Оставив свою жертву, приятели стали пикироваться с аптекарем. Пикировка была с бранью и криками. И аптекарь сказал девушке, чтоб она шла домой и что он тут один разберется в происшествии.

Девушка пошла по шоссе к дому. Но в это время один из приятелей, рассердившись на заступничество аптекаря, ударил его так, что тот упал.

Девушка снова поспешила к месту схватки.

Пьяницы, увидев, что она приближается к ним, почему-то задрожали. И, оставив аптекаря на земле, быстро удалились.

Девушка подошла к аптекарю и сказала:

– Как жаль, что я ушла. При мне они бы, вероятно, не посмели вас ударить.

Аптекарь ей сказал:

– Я рад, что вы ушли, а то бы они и вас ударили.

– Сомневаюсь, – ответила девушка. – Вдвоем мы бы их скрутили и доставили бы в милицию.

Девушка помогла подняться аптекарю и проводила его до аптеки. Они открыли ее и нашли там нужные медикаменты от ушибов и телесных повреждений.

На другой день аптекарь рассказал мне о том, что с ним было.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru и я попросил его познакомить меня с этой девушкой, с тем чтобы выяснить, кто она такая и не будет ли она иметь претензию, если я напишу об этом происшествии в журнал.

И когда мы с аптекарем шли к этой девушке, я думал, что вот сейчас мы увидим рослую, цветущую богатыршу, не побоявшуюся выступить против двух мужчин.

Каково же было мое удивление, когда я увидел невысокую блондинку, очень милую и скромную. От нее веяло здоровьем и силой. Но вместе с тем она была удивительно женственна и казалась даже хрупкой.

Не скрывая своего удивления, я спросил ее, кто она такая. И девушка ответила, что она инженер-теплотехник. Она в этом году окончила вуз и теперь здесь отдыхает, прежде чем приступить к работе.

Я спросил:

– Вы физкультурница?

Она, улыбнувшись, ответила:

– Немного. Как все у нас в институте.

Я сказал:

– Это здорово, что вы проучили хулигана.

Она ответила:

– Конечно, я понимаю, это нехорошо – бить человека. Но у меня не было другого выхода. Его поступок был настолько несоветский, что я не могла сдержать себя. Я его била как врага советской власти, а не как мужчину.

Я снова стал говорить девушке об ее мужестве, но она, кушая яблоко, протянула мне другое и сказала:

– Ну, что об этом говорить. Вот, кушайте.

И я стал есть яблоко, глядя на девушку. И где-то у меня в воображении окончательно таял образ интеллигента из старого мира, в очках, калошах и с зонтиком.

И, глядя на девушку, я подумал: «Как это хорошо и как замечательно, что у нас такая интеллигенция. И как хорошо, что здоровье и сила не расходятся с разумом и сознанием».

С Новым Годом

Позвольте поздравить вас с Новым годом, уважаемые граждане.

Желаем вам, так сказать, всяких благ. Чувствительно благодарим вас за те пожелания, которые вы мысленно произносите по нашему адресу.

И позвольте по случаю Нового года рассказать вам одну поучительную историю.

Не без задней мысли мы приберегли эту историйку для Нового года.

Желание предостеречь уважаемых граждан от подобных происшествий в наступающем году – вот что движет нас в нашем намерении рассказать под Новый год об этом факте.

Короче говоря, в одном учреждении неожиданно появился новый директор.

Прежний руководитель поехал в отпуск. Потом где-то что-то задержался по своим делам.

Конечно, в учреждении начались пересуды: дескать, где же это он, дескать, не перебрали ли его на другую, более низкую должность, или вообще что с ним.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
И вот появляется в этом учреждении новый руководитель.

И тогда происходит общее собрание, на котором публика высказывает свои мысли, чувства и пожелания.

И один из служащих выходит на эстраду и тоже о чем-то говорит: высказывается и выражает надежды.

И в пылу своей речи он бросает упрек прежнему руководству, что вот, дескать, неважно работали, не сумели, запороли дело.

При этих своих словах оратор впивается глазами в лицо нового директора, желая прочитать, не зашился ли он, что так сказал, не навел ли тень на плетень.

Но он видит, что директор утвердительно кивает ему головой, как бы говоря: правильно, молодец, сообразил, как надо сказать, не то что там другие пороли чушь.

Увидя такое благословение начальника, ретивый оратор стал еще более углублять и развивать свою мысль.

Вот он развивает эту свою мысль и видит, что директор то и дело кивает ему головой, как бы говоря: молодец, собака, правильно загибаешь.

И, увидя такие многозначительные знаки, наш оратор совершенно, как говорится, сомлел от гордости и понесся на крыльях своей фантазии в заоблачные дали, говоря, что таких людей, как прежний директор, надоне только в три шеи гнать, но надо сажать в тюрьму и так далее.

Тут выходят на эстраду еще два оратора и, глядя на директора, который грустно и утвердительно кивает головой, еще более прибавляют пару, говоря, что только новое руководство способно извлечь учреждение из того болота, в какое завел прежний начальник.

И тогда поднимается на эстраду сам директор и выражает свое возмущение по поводу речей трех предыдущих ораторов. Он говорит, что, напротив того, прежний директор был на большой высоте, что именно он вывел учреждение на столбовую дорогу и что в настоящее время он имеет еще более трудную и более высокую должность. Ионе делом справляется с не меньшим успехом.

И тогда все с великим изумлением смотрят на директора. И все видят, что он то и дело кивает головой. И тут все начинают понимать, что у нового директора имеется нечто вроде нервного тика.

Причем если он спокоен, то он подергивает головой редко, а чем больше он нервничает, тем чаще кивает головой.

Находящийся в зале доктор этого учреждения тихо дает свои научные разъяснения соседям.

Соседи передают диагноз врача окружающим, и вскоре весь зал понимает, что произошло.

Три предыдущих оратора с тоской взирают на директора.

Один из них пытается произнести речь с места, крича, что его не так поняли.

Но директор закрывает собрание.

Ночное происшествие
Давеча иду ночью по улице. Возвращаюсь от знакомых.

Улица пустынная. Душно. Где-то гремит гром.

Иду по улице. Кепочку снял. Ночные зефиры обвевают мою голову.

Не знаю, как вы, уважаемые граждане, а я люблю ночью пошляться по улицам. Очень как-то свободно ходить. Можно размахивать руками. Никто тебя не толкнет. Как-то

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
можно беззаботно идти.

В общем, иду по улице и вдруг слышу какой-то стон. Стон не стон, а какой-то приглушенный крик или голос.

Смотрю по сторонам – нет никого.

Прислушиваюсь – снова какой-то стон раздается.

И вдруг все равно как из-под земли слышу слова: «Родимый, родимый!..»

Что за чепуха в решетке.

Смотрю на окна. «Может, думаю, разыгралась какая-нибудь домашняя сценка? Мало ли! Может, выпивший муж напал на жену, или, наоборот, та его приканчивает?..»

Смотрю все этажи – нет, ничего не видно.

Вдруг слышу: кто-то по стеклу пальцами тренькает.

Гляжу: магазин. И между двух дверей этого магазина сидит на венском стуле престарелый мужчина. Он, видать, сторож. Караулит магазин.

Подхожу ближе. Спрашиваю:

– Что тебе, батя?

Сторож глухим голосом говорит:

– Родимый, сколько часов?

– Четыре, говорю.

– Ох, говорит, еще два часа сидеть... Не нацедишь ли, говорит, мне водички? Отверни крантик у подвала и нацеди в кружечку. А то испить охота. Душно!

Тут он через разбитое верхнее стекло подает мне кружку. И я исполняю его просьбу. Потом спрашиваю:

– А ты что, больной, не можешь сам нацедить?

Сторож говорит:

– Да я бы и рад нацедить. Немножко бы прошел, промялся. Да выйти отсель не могу: я же закрыт со стороны улицы.

– Кто же тебя закрыл? – спрашиваю. – Ты же сторож. Зачем же тебя закрывать?

Сторож говорит:

– Не знаю. Меня завсегда закрывают. Пугаются, что отойду от магазина и где-нибудь прикорну, а вор тем временем магазин обчистит. А если я сижу между дверей, то хоть я и засну, вор меня не минует. Он наткнется на меня, а я крик подыму. У нас такое правило: всю ночь сидеть между дверей.

Я говорю:

– Дурацкое правило. Обидно же сидеть за закрытой дверью.

Сторож говорит:

– Я обиды не строю. И мне самому вполне удобно, что меня от воров закрывают. Я их как огня боюсь. А когда я от них закрыт, у меня и боязни нету. Тогда я спокоен.

– В таком случае, говорю, ты, папаша, походил бы по магазину, размял бы свои ноги. А то, как чучело, сидишь на стуле всю ночь. Противно глядеть.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Он говорит:

– Что ты, родимый! Разве я могу в магазин войти? Я бы и рад туда войти, да та дверь в магазин на два замка закрыта, чтоб я туда не вошел.

– Значит, говорю, ты, папаша, сидишь и караулишь между двух закрытых дверей?

Сторож говорит:

– Именно так и есть... А что ты ко мне пристаешь, я не понимаю. Налил мне водички и иди себе с богом. Только мне спать мешаешь. Трещишь как сорока.

Тут сторож допил свою воду, вытер рот рукавом и закрыл глаза, желая этим показать, что аудиенция закончена.

Я побрел дальше. И не без любопытства поглядывал теперь на двери других магазинов. Однако ночных сторожей, подобных этому, я не увидел.

Домой я пришел поздно. Долго ворочался в постели. Не мог заснуть. Все время думал: нельзя ли изобрести какой-нибудь электрический прибор, чтоб он затрещал, если кто-нибудь сунется в магазин? А то пихать между двух закрытых дверей живого человека как-то досадно и огорчительно. Все-таки человек – это венец создания. И совать его в щель на роль капкана как-то странно.

Потом я подумал, что, вероятно, такие электрические приборы уже изобретены. Скажем, наступишь ногой на порог – и вдруг гром и треск раздаются. Но, вероятно, это еще не освоено, а может, и дорого стоит, или еще что-нибудь – какие-нибудь технические сложности, раз нанимают для этого живую силу.

Потом мои мысли спутались, и я заснул. И увидел сон, будто ко мне приходит этот ночной сторож и ударяет меня кружкой по плечу. И при этом говорит: «Ну что ты к сторожам пристаешь! Живем тихо, мирно. Караулим. А ты лезешь со своей амбицией. Портишь нашу карьеру».

Потом этот сон сменился другим, каким-то легкомысленным, с танцами и пением.

И утром я проснулся в довольно хорошем настроении.

Опасный поворот

Конечно, мухи приносят огромный вред человечеству.

Мухи мешают спать, мешают работать, портят продукты питания и распространяют заразные болезни.

Столь грозная опасность со стороны мух должна, казалось бы, подтолкнуть науку на борьбу с этим злом. Тем не менее научная мысль почему-то не пошла дальше липкой бумаги и мушиной отравы.

Нет, нельзя сказать, что научная мысль совсем уж дремлет в этой области. Не далее как в прошлом месяце в Госсанинспекции возникла дельная мысль в связи с мухами. Возникла хорошая и правильная мысль – уничтожить мух, которые остались еще в живых и сейчас летают в теплых помещениях. Это давало надежду, что летом совсем не будет мух или их будет мало.

Полученное это указание нашло отклик в сердцах сотрудников санинспекции.

Госсанинспектор Октябрьского района в своем обращении к директору Октябрьторгина так и пишет:

«Предлагается вам принять все меры для полного уничтожения мух до последней любыми разрешенными средствами, вплоть до механического уничтожения отдельных летающих экземпляров мух... Учитывая, что единичные оставшиеся живыми мухи летом могут явиться источником размножения многомиллионного потомства, необходимо отнестись с полной серьезностью к выполнению настоящего задания. Срок для выполнения настоящего требования установлен до 25 января 41 года».

Распоряжение правильное. Ничего против не скажешь. Стиль немного комичный, но он не затемняет дельную и толковую мысль – уничтожить мух в кратчайший

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru десятидневный срок.

Но одно дело – мысль, а другое дело – осуществление этой мысли. Обычно находится человек, который начинает поворачивать любую хорошую мысль на свой прискорбный лад.

Так и тут. Начали расшифровывать постановление. Сразу почему-то решили штрафовать за каждую муху. Пришли к мысли, что надо брать по рублю за каждый «отдельно летающий экземпляр». Возникли прения, в процессе которых выяснилось, что эта цена за муху – мелкая, снижающая масштабы начатой кампании против мух.

Решили штрафовать по десять рублей за штуку.

Человек прыгает с трамвая – и то платит пять рублей, рискуя потерять за эти деньги свою, можно сказать, драгоценную жизнь. А тут за какую-то паскудную муху в два раза дороже. Неестественно. Обидно.

Тем не менее решили удержаться на этом высоком уровне.

И вот наступило роковое число, после которого мухи должны были прекратить свое жалкое существование.

Началось энергичное обследование кухонь и столовых.

Санинспектора с хлопучками в руках обходили вверенные им учреждения и щелкали зазевавшихся мух.

Начали штрафовать даже с превышением против установленной таксы. Например, директора столовой № 42, у которого нашли пару мух, оштрафовали почему-то на двадцать пять рублей.

Под штраф попало еще несколько директоров. Некоторые из них уплатили солидные суммы. Остальные директора отделались испугом.

Кому-то вдруг пришла светлая мысль – не только штрафовать, но и поощрять людей. Тот же самый санинспектор Октябрьского района предложил директору столовой № 6 организовать ловлю мух, платя любителям по десять копеек за муху.

Не знаю, нашлись ли любители ловить мух по такой цене. Но если нашлись, то они, вероятно, затаили в душе досаду на санинспектора за слишком низкие расценки. И действительно. Сам берет по десять целковых, а как платить – так гривенник.

В общем, мы пишем наш фельетон в разгар мушиных событий и поэтому не знаем еще, до чего дошла в этом деле человеческая мысль. Нет, мы не думаем, что штрафы прекратились и что мухи снова торжествуют. Скорей всего, нашлись еще какие-нибудь подступы и заходы во фланг и в тыл к мухам.

По-моему, эти санинспектора все-таки могут довертеть до того, что мухи возьмут и действительно прекратят свое существование. Начиная с потопы, мухи жили, и ничего особенного с ними не происходило.

Но не тут-то было. По десять рублей за мушину голову – это что-нибудь да значит. Это – или мух не будет, или директора окончательно разорятся.

В самом деле – надо снизить расценки на мух. Нельзя по десять рублей брать за штуку. Это уже абсурд получается. Тем более абсурд, что мухи крайне живучи и увертливы. За тысячи лет они прошли огонь, воду и медные трубы. Они нет-нет да и подведут человека под штраф благодаря своему стойкому существованию.

Более того – надежды на то, что мухи летом не возникнут или возникнут в малом количестве, если истребить летающих зимних мух, эти надежды, увы, неосновательны. Это есть мечты.

Я не считаю себя специалистом по мухам, но я краем уха слышал, что зимние мухи, лениво летающие в теплых помещениях, не таят в себе единственной опасности в смысле продолжения мушиного рода.

«Многочисленное потомство» возникает не только от них, но и от тех молодых

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru мушек, которые зимой находятся в состоянии личинок или, кажется, куколок.

В этом смысле природа более остроумна, чем можно предполагать. Природа предусмотрела все возможные происки санинспекции на этом мушином фронте.

Увы, летом все-таки мухи будут! Мушиный род еще не угаснет, даже если санинспекция доконает-таки этих полудохлых зимних одров.

Конечно, может, мы не научно подходим к данному вопросу. Может, в этом деле существуют еще какие-нибудь тонкости. Но эти тонкости надлежит знать санинспектору в первую очередь, а уж нам – во вторую.

Что касается зимних мух, то истреблять их, конечно, можно и должно. Мысль светлая и дельная, что и говорить.

Истреблять их нужно, как сказано в отношении, «любими разрешенными средствами, вплоть до механического уничтожения».

Но средство, на которое пошла районная санинспекция, – это уже не разрешенное средство, хотя и «механическое».

Короче говоря, нельзя брать по десять рублей за муху. Это уже опасный поворот в мыслях санинспектора.

Однажды ночью
Это истинное происшествие случилось, к сожалению, в Москве.

Два сотрудника эвакупункта были посланы за душевнобольным гражданином Корчагиным.

Они приехали в машине скорой помощи. Причем приехали ночью, даже под утро.

На лестнице было темно. И они по ошибке позвонили не в ту квартиру, какая им была нужна.

Дверь открыл некто гражданин П.

Конечно, вид у него был неавантажный. Ну естественно, человека подняли ночью с постели. Он был полуодет. Должно быть, в кальсонах, босиком. Волосы, вероятно, были взлохмачены.

Так или иначе, сотрудники, увидев гражданина П., сосчитали, что это и есть именно тот, за которым они приехали.

А тот, конечно, спросонок недоволен поздним визитом. Переминается с ноги на ногу, потому что дует.

Говорит:

– Никакого Корчагина тут нет. Что вы шляетесь по ночам! Будите людей. Сдираете их с постели.

Услышав эти речи, сотрудники окончательно убедились в том, что это душевнобольной.

Настроенные соответствующим образом, они ринулись к нему и стали хватать его за руки и за что попало.

Произошла короткая неравная борьба, в ходе которой несчастному крутили руки, пытаясь умерить его сопротивление.

П. поднял крик, полагая, что на него напали бандиты.

Этот крик не смутил верных работников психиатрии. Они схватили П. за горло и сжали так, что пронзительные крики вскоре прекратились.

П. стал хрипеть, мысленно прощаясь с жизнью.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Торжествуя победу, сотрудники повалили П. на пол и стали выволакивать его на лестницу.

Несчастный упирался, пытаясь с помощью рук и ног задержаться в дверях. Но это еще в большей степени вдохновило сотрудников на операцию по изъятию душевнобольного.

Между тем крики и вопли взбудоражили соседей.

Прибежали жильцы и увидели сцену, которая не оставляла никаких сомнений в том, что это бандитский налет.

Жильцы стали отбивать П. у сотрудников. И те под давлением превосходящих сил противника оставили свою жертву.

Мы не знаем, как долго длилась эта борьба и что при этом думали сотрудники, у которых отбивали их «пациента». Надо полагать, что они защищали его. Но потом сдались на милость победителя.

В общем, дело понемножку стало разъясняться. И теперь все стояли вокруг пострадавшего, у которого прекратился дар речи и от волнения, и главным образом оттого, что сотрудники повредили ему горло.

Жильцы сказали сотрудникам:

– В конце концов это возмутительно! Мы квалифицируем ваш поступок как бандитизм.

Сотрудники сконфуженно разводили руками и не смогли что-либо ответить в свое оправдание.

Теперь жильцы, очевидцы этого дела, прислали нам письмо с просьбой привлечь к ответственности сотрудников эвакуопункта – фельдшера и надзирателя.

Мы считаем это требование вполне законным, ибо в этом деле мы видим не только недоразумение.

Как выяснили врачи, у пострадавшего П. повреждены голосовые связки и обнаружено кровоизлияние в слизистой оболочке горла.

Стало быть, сотрудники душили П. по всем правилам науки и с полным знанием дела. А это показывает, что сотрудники не раз и не два прибегали к подобному методу.

Нечто старинное и даже традиционное мы видим в этом отношении к душевнобольному. Пора окончательно расстаться с этой дикой традицией. И за это следует покарать.

Гражданину П. шлем привет и пожелание скорейшего выздоровления.

Хороший день

Примите, дорогой читатель, мое поздравление с наступающим Новым годом.

Пусть в этом году исполнятся ваши лучшие желания. Не сомневаюсь, что они направлены на разгром врага, на разгром фашистских захватчиков.

Пусть новый год будет годом расчета за их подлые, варварские преступления.

Что касается личных дел, то и в личных делах, читатель, я пожелаю вам всего, так сказать, наилучшего.

Не знаю, как вы, читатель, но лично я не запрашиваю у судьбы слишком многого. Я привык желать то, что в пределах возможного.

Среди дней наступающего нового года я бы хотел иметь один такой день, который живо мне рисуется в моем воображении.

Будто я иду по улице. В руках у меня чемодан. Допустим, я только что приехал. И вот иду с вокзала. Навстречу спешат прохожие.

На остановке сажусь в трамвай.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

С милой улыбкой кондукторша помогает мне войти в вагон. Она поддерживает меня под локоть, чтоб я со своим чемоданом не поскользнулся на ступеньках.

Один из пассажиров, устанавливая мой чемодан в углу площадки, говорит:

– Вот теперь, папаша, поезжайте хоть на край света.

Кто-то из сидящих в вагоне машет мне рукой, кричит:

– Пройдите в вагон, дорогой папаша. Тут найдется для вас местечко. Потеснимся...

Обращаюсь к пассажирам, стоящим на площадке:

– Не откажите в любезности поглядеть за моим багажом.

Пассажиры говорят:

– Сосчитаем своей прямой обязанностью. Идите со спокойной душой. Не споткнитесь в дверях на своих полусогнутых.

Вхожу в вагон. Подросток лет четырнадцати встает со своего «детского места» и приятным баском говорит мне:

– Чем теснить остальных уважаемых пассажиров, садитесь лучше на мое место.

– Чудесный ребенок! – восклицаю я, растроганный. – А как же ты будешь затруднять свои неокрепшие детские ножки?

Кто-то из пассажиров говорит:

– Ноги этого подростка способны простоять сто км и больше. Садитесь, уважаемый, без лишней философии по вопросам детского возраста.

Подросток говорит:

– К тому же мне надоело сидеть. И помимо того, я сейчас схожу.

И вот я сажусь на его место. И в чудесном настроении еду и еду. И где-то гремит музыка...

Это немного, уважаемый читатель. Не правда ли?

Даже не надо мне места в трамвае. Любезный голос пассажиров мне приятней, чем многая другая музыка на свете.

С наступающим Новым годом, читатель.

Внимание – люди!

Примерно за год до войны произошло нижеследующее происшествие. На одной из ленинградских улиц машина сбила прохожего. Он упал и остался лежать возле панели. Машина ушла.

Некоторое время спустя прохожие, увидев лежащего, решили, что он пьян. Была суббота. Вечер. И такие легкие мысли могли, допустим, возникнуть.

Позвали милиционера. И тот отправил «пьяного» в вытрезвитель. Может быть, даже потер ему уши, чтобы привести в должный вид.

И только под утро выяснилась вся картина.

Ошибка, недоразумение. Но весьма досадная ошибка. Весьма досадное недоразумение. Ибо за этой ошибкой – невнимательное, небрежное, бездушное отношение к человеку.

Такой пример указывает, что в каждом отдельном случае надлежит подходить к человеку с особым вниманием. И надлежит поступать не по шаблону (валяется, значит – пьян), а всякий раз индивидуально.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Приведу еще один случай, опубликованный в свое время в калужской газете.

Колхозница Р. получила из больницы извещение о смерти своего мужа. Администрация больницы просила ее приехать за умершим.

Р. приехала в больницу. Но там ей показалось, что умерший не похож на ее мужа. Свои сомнения она высказала администрации. Но старшая медицинская сестра сказала: «Науке вполне известны такие факты, когда человек после своей смерти слишком меняется и делается непохожим на себя. Бывает даже, что он становится меньше ростом, что вы наглядно и видите на данном примере».

Поплавав, Р. положила в сани тело мужа и вернулась в свое село. Однако дома ее сомнения усилились.

Р. вернулась в больницу. Во время объяснения со старшей сестрой Р. увидела в окне своего мужа. Он, живехонький, сидел на койке и глядел во двор.

В общем, дело разъяснилось. Оказалось недоразумение. Умер сосед по койке, а в канцелярии случайно отметили факт смерти не в том листке.

Мы снова видим ошибку, недоразумение, оплошность. Причем ошибку в таком деле, в каком не должно быть ошибок. Это же не шутка, не пустяк – отметить, что человек умер, в то время, когда он жив. Этот пример показывает, что надо семь раз проверить, прежде чем начертать ответственные слова, относящиеся к человеку.

Следует сказать, что по сие время иной раз встречается такая небрежность, невнимательность, легкость в мыслях в тех делах, в которых требуется сугубая точность.

Общий отдел Красногвардейского исполкома в Ленинграде сообщает бойцу в ответ на его запрос о судьбе семьи: «Ваша жена и сестра умерли в 1942 году». Оказалось, что сестра жива. Она была эвакуирована из Ленинграда.

Красноармеец Иванов просил сообщить ему, где находится его мать. Отдел отвечает: «Мать умерла, а вещи все раскрадены».

Иванов не запрашивал о вещах. Тем не менее отвечающий счел своей обязанностью помянуть и такую деликатную деталь, отметив при этом, что вещи не пропали, а именно раскрадены. Быть может, он хотел внести успокоение, хотел, чтобы Иванов перестал тревожиться о вещах, поскольку их уже нет.

Дальнейшее показало, что мать Иванова жива и вещи целы.

Можно себе представить, какую печаль испытал товарищ Иванов, получив первое извещение!

Ответы следует тщательно проверять. И писать их следует культурной, грамотной рукой. Не годится, например, что военнослужащий Скворцов получил такой ответ на свой запрос о семье: «По указанному адресу дом сломан».

Ошибочные, небрежные, неточные, легкомысленные ответы говорят прежде всего о непродуманном, невнимательном отношении к человеку.

И такого рода примеры тем более досадны, что рядом с ними мы все чаще и чаще видим примеры внимания, заботы, предупредительности, которая волнует и глубоко радует.

Перед нами письма, адресованные ленинградской городской милиции. Они написаны в знак благодарности за бережное и трогательное отношение к детям.

Надо сказать, что ленинградская милиция сделала в этом отношении немалое дело. В тяжелый период 1941–1943 годов милиция подбирала на улицах ребят, кормила их, заботилась о них. Более трех тысяч детей возвращено родителям.

При милиции был организован специальный детский адресный стол, на учете которого состоят тридцать две тысячи ребят.

Со всех концов Союза идут письма в адрес этого стола. Один из бойцов пишет:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru

«От всей души приношу благодарность за проявление внимания... Если бы вы знали, как это помогает бить фашистов».

Нет сомнения, чуткое отношение к людям вливает в них силу, энергию, радость. И они, в свою очередь, становятся внимательны и проявляют заботу и бережное отношение к окружающим.

Комедии
Преступление и наказание
Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ГОРБУШКИН, заведующий кооперативом.

ЖЕНА Горбушкина.

БРАТ жены.

БАНАНОВ, перекупщик.

СОСЕД.

НЕИЗВЕСТНЫЙ.

КРАСНОАРМЕЕЦ.

ЛОМОВИК.

Квартира Горбушкина. Стол. Картины на стене. Висячая лампа под шелковым абажуром. ГОРБУШКИН с ЖЕНОЙ сидят за самоваром. Горбушкин просматривает газету.

1

ГОРБУШКИН (читая). Ого... Эва как... фу-ты, фу-ты... Ишь ты, как.

ЖЕНА. Ну, чего еще?

ГОРБУШКИН (читает). фу-ты, фу-ты... Ого, ого, ого... Ухты, ух ты, ух ты.

ЖЕНА. Да говори ты толком – чего еще?

ГОРБУШКИН (читает). Ухты... ух ты... М-да... Вот так да... Угу.

ЖЕНА. Ну, мне буквально дурно делается от твоего мычания. Ну?

ГОРБУШКИН. Вот и ну – высшая мера наказания за расхищение народного имущества.

ЖЕНА. А ты-то при чем? Ты-то чего крикаешь?

ГОРБУШКИН. А я разве сказал, что я при чем? Дура какая. Вообще говорю: за расхищение – высшая мера.

ЖЕНА. А чего ты расхищаешь-то? Подумаешь! Раз в год какое-нибудь гнилье принесет и после этого газеты читать не может – ему высшая мера снится.

ГОРБУШКИН. Я вообще говорю. Вот, мол, говорю, вышел революционный декрет.

ЖЕНА. Декрет! Другие заведующие несут, несут, несут – ставить некуда.

ГОРБУШКИН. А я не несу – я, по-вашему, розы нюхаю? Дура какая. А это что? А это чего? А на тебе чего? (Глядит в газету.) Ух ты, ух ты, ух ты...

ЖЕНА. Немного домой принес – в этом пороку нету. Другие на сторону продают и то без криков газеты читают.

ГОРБУШКИН. А сахар? Сахар-то я на сторону продал? (Опять смотрит в газету.) Ух ты, ух ты, ух ты.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

В передней звонок. Разговор.

ЖЕНА. К нам кто-то пришелши.

ГОРБУШКИН. Кто же это приперся с утра пораньше? Уж не братец ли ваш, подлец?
(Прячет сыр.)

ЖЕНА. Братец попозже собирался.

ГОРБУШКИН. Ах да, это Бананов. Он мне деньги принес... за сахар... Ух ты, ух ты, ух ты.

ЖЕНА (роняет вилку). Нет, не он. Вилка упавши. Должно быть, дама сейчас явится – я в эту приметку глубоко верю.

Входит КРАСНОАРМЕЕЦ. Жена Горбушкина ахает. Горбушкин, наливая чай, забывает закрыть кран самовара. Паника и замешательство.

2

КРАСНОАРМЕЕЦ. Извините, граждане. Не пужайтесь... Я от следователя послан. Гражданин Горбушкин... который тут?

Горбушкин показывает рукой на жену. Жена показывает на мужа. Замешательство.

ЖЕНА. Вот они... Они – Горбушкин.

КРАСНОАРМЕЕЦ. Тогда будьте любезны, пойдите со мной. Только следователь велел спешно. Вот повестка.

ЖЕНА. Следователь?!

ГОРБУШКИН. Ух ты, ух ты, ух ты. (Дрожащими руками берет повестку, читает.) Бре... бре... кру... Не могу глядеть, буквы прыгают... Бре... бре... кру... П... п... п... по... делу... по делу...

ЖЕНА. По делу?!

ГОРБУШКИН. Вот я тебе говорил... я тебе говорил. А ты не верила... (Смотрит на газету.) Ух ты, ух ты... (Мечется по комнате.)

КРАСНОАРМЕЕЦ. Велели к десяти.

ГОРБУШКИН (торопливо одевается. Сует руку не в тот рукав.) Ух ты, ух ты...

ЖЕНА. Возьмите хотя немного несъеденных продуктов. Кулек-то захватите.

ГОРБУШКИН (застегивает пальто – верхнюю пуговицу на нижнюю петлю.) Я г... г... готов... Ведите меня, товарищ. (Идет к выходу.)

3

ЖЕНА (одна). Что ж это, батюшки-светы!.. (Мечется по комнате, вытаскивает сверток из-за картины, опять прячет.) Куда ж это я теперича дену?

Телефонный звонок.

Где ж это опять звонят?.. Ах да... Але... я... але... Это, братец, вы стоите у телефона? Гришу-то это самое, понимаете... Да нет, хуже... Ну да, да... Только сейчас. Не знаю. Ничего не знаю. Только скорей являйтесь. (Снова берет сверток из-за картины.) Ну куда ж это мне деть? (Убегает.)

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Входит перекупщик БАНАНОВ с деньгами в руках.

4

БАНАНОВ. Эва, собака, как роскошно живет. А плачется, ворюга. Деньги ему – вынь и положи. Сам небось хапнул сахар, а мне за него плати. Обидно. (Кашляет.) И ждать заставляет по полчаса. (Присаживается на стул.) Продуктов-то, продуктов-то насыпано! Мать честная! Небось трескает без устали... А мне деньги носи. (Подходит к столу. Кушает, осторожно озираясь.) И таким иродам письма пишут. (Читает брошенную повестку.) «Срочно. Гражданину Горбушкину... Прошу вас явиться для дачи свидетельского показания по делу Щукина. Следователь Кемин». Скажите, пожалуйста, такого арапа еще в свидетели вызывают... А я ему зря ходи... Пуцай тогда сам приходит. (Идет к выходу. Возвращается.) Продуктов-то! (Снова ест, снова идет к выходу и опять возвращается, намазывает хлеб маслом. Запихивает в рот.)

Входит ЖЕНА ГОРБУШКИНА со свертком в руках.

5

ЖЕНА (испуганно). Ах!.. Это кто?.. Кто это?!

БАНАНОВ (жуя бутерброд). Кхм... кхм...

ЖЕНА. Кто это? я кричать буду.

БАНАНОВ (прожевывая). Кхм. Извиняюсь... Это самое... сейчас скажу... Комок в горле застрял...

ЖЕНА. Что вам надо?

БАНАНОВ. Извиняюсь. Комок в горле – нервная спазма схватила... Я к Григорию Иванычу – Бананов... Но поскольку Григорий Иваныч...

ЖЕНА. Ах, вы знаете... Да, да... арестован Григорий Иваныч.

БАНАНОВ. А-арес-тован... Как арестован? Ну... Я уж пойду тогда... Я думал совсем напротив. Я думал по делу... свидетель... Ох ты черт...

ЖЕНА. И что теперича делать – ума не приложу.

БАНАНОВ. Да, это у них бывает... Сначала, знаете, свидетель, а после и не свидетель... Это часто бывает... Ну, я пойду, пойду. Ох ты черт... (Поспешно уходит.)

6

ЖЕНА (ставит стул на стол. Прячет сверток за лампу.) Сюда, что ли, деть...

Входит СОСЕД.

Сосед. Кхм, кхм...

ЖЕНА. Ктой-то? Кто это?

СОСЕД. Да что вы, Анна Васильевна, пужаетесь. Соседа уж своего узнавать перестали?

ЖЕНА. Ах, это вы... извиняюсь.

СОСЕД. Куда ж это вы, я извиняюсь, на потолок полезли?

ЖЕНА. Да это я так... Поглядеть – чего там делается... Паутина.

СОСЕД. Да, от таких делов полезешь... Вижу – ведут вашего супруга. Дай, думаю, найду – успокою даму. Обыска-то еще не было?

ЖЕНА (встревоженно). Обыска? Нет, не было.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
СОСЕД. Ну, тогда будет.

ЖЕНА. Батюшки мои, неужели же будет?

СОСЕД. А как же, Щукина помните? Ну, который проворовался. Обыск и, говорят, полная конфискация имущества.

ЖЕНА. Полная конфискация?!

СОСЕД. Да вы оставьте беспокоиться. Я же специально пришел вас успокоить. Дама вы, так сказать, в цветущем возрасте... Можете еще нравиться. На вас, пожалуй, еще жениться могут. Мало ли чего бывает...

Входит БРАТ жены.

7

БРАТ (торопливо). Ну чего? Ну? По какому делу? (Соседу.) А этот еще чего?

ЖЕНА. Это сосед наш.

СОСЕД. Решил маленько успокоить даму. Вижу – повели голубчика. Ну, думаю, дама теперь чересчур встревожена... Пойду, думаю, успокою.

БРАТ (сестре). Дело-то какое, я говорю?

ЖЕНА. И сама, братец, не знаю.

БРАТ. Ну, бросьте свои дамские штучки. «Не знаю»! Ну, припомните, чего у него было.

ЖЕНА. И прямо, братец, сама теряюсь. Было. Конечно, было. Сахар и туалетное мыло... Наверное, конечно... мало ли...

БРАТ. Это плохо. Это тогда плохо. Тогда надо чего-нибудь спешно сейчас придумывать.

СОСЕД. Это, я так понимаю, полная конфискация имущества может сейчас произойти.

БРАТ. Чего? Конфискация? Ну да, я же и говорю. Тут надо на полных парах гнать. Сейчас же кругом все имущество продавайте. (Тянет коврик, на котором стоят сосед и сестра. Свертывает.)

ЖЕНА. Неужели же, братец, кругом все имущество продавать?

СОСЕД. Тут, я так понимаю, вам надо подчистую все продавать. Рафинад, для примеру, я себе возьму.

БРАТ. Сахар в продажу не поступает. Я на себя сахар беру. (Подходит к телефону.) Але. Семьсот шестнадцать – тридцать два.

СОСЕД. Тогда, может, из текстильного товару?

БРАТ (сестре). Нюша, покажите им быстро пальто и костюмы. Им костюмы в аккурат будут. Только быстро у меня. Быстро!

Горбушкина показывает костюмы.

СОСЕД, (рассматривает на свет). Костюмы – это, конечно, мало интересу. Хотелось бы чего-нибудь такое более вечное... Сколько за это сильно поношенное тряпье на круг хотите?

БРАТ (в телефон). Але. Федор Палыч? Да, это я... Чего? Именно так. Кругом все продается. Полная спешная распродажа. Ну да, разная обстановка. Да, и шкапы. И картины, и картины. Чего? Чьих кистей? Каких кистей? Кистей? Кистей, кажись, нет. (Смотрит на картину.) Нету, картина без кистей. Ну, обыкновенная рама, и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru кистей, знаете, нету. Чего? А, это. (Сестре.) Он говорит: какие-то кисти.

ЖЕНА (сердито). Какие кисти? Нет у меня кистей.

БРАТ. Але. Кистей у вдовы нету. Чего? Ах, это. А-а. (Сестре.) Он говорит: чьих кистей? Ну, какие мастера?

ЖЕНА. Да какие кисти? Без кистей!

СОСЕД. Нет, это так прежние буржуазные классы гуманно выражались: чьи кисти. Кто, одним словом, картины красил? Смех, ей-богу.

ЖЕНА. А пес их знает, кто их красил.

БРАТ. фамилья. Он фамилья спрашивает. Только быстро отвечайте.

ЖЕНА. Ай, я не могу про это думать... Этот, как его, на «ой» фамилья. Или, погоди, на «ух»...

СОСЕД. Ахов? Чехов?

БРАТ (в телефон). На «ух» фамилья начинается.

ЖЕНА. Или, погоди, – на «ай».

БРАТ. На «ай» начинается. Айвазовский? Ну да, этот, Айвазовский. Одним словом, на одной картине чудная сухая березовая роща – метров сорок сухих березовых дров, а на другой, извиняюсь, простая вода. За рощу не меньше трехсот, а за воду – сговоримся. Значит, ждем вас, Федор Палыч.

СОСЕД. Ну, я забираю этот товар, Анна Васильевна. А насчет супруга вы оставьте беспокоиться. Я на это так всегда гляжу. Меня, например, лично это никогда не пугает... Только бы, думаю, не вышую меру. Вышую меру я, действительно, с трудом переношу, а остальное как-нибудь утрясется.

БРАТ. Деньги-то он, бродяга, уплатил? Чего он вам зубы заговаривает?

СОСЕД. Уплатил, уплатил. Не сомневайтесь. (Уходит.)

БРАТ. Давайте сюда деньги-то. Чего вам в руках держать-то.

ЖЕНА. Да ничего... Я бы подержала.

8

БРАТ. Тут надо, для примера, очень все спешно повернуть. Тут надо – полная быстрота. Сейчас этот небель возьмет. Этот – шкапы. Этот пуцай – костюмы. Я тоже чего-нибудь возьму. Уж не оставляю вас по мере возможности. Помогу, чем могу.

ЖЕНА. Да уж спасибо, братец. Только как же это так? Ну, это прямо имущество на глазах уплывает.

БРАТ. А вы, сестра, не можете много понимать. Человек засыпавшись по такому важному делу. Неисчислимы убытки, может быть, государству нанесены. Тут нам с вами одной минуты зевать нельзя. Тут надо совершенно ударно повернуть. А которые придут – у вас и нет ничего. Жена в полной нищете на койке сидит... Да вы одеты-то как! Одеты-то вы как? Накрутили на себя, ну, ровно верблюдов. А ну, оденьте темненькое платье победней. Остальное все продайте... Куда вы сверток-то тычете, дайте его сюда.

Жена уходит. Входит, потирая руки, НЕИЗВЕСТНЫЙ, перекупщик мебели.

9

БРАТ. Федор Палыч! Очень приятно и все такое. Пожалуйста, глядите небель. Только просьба поскорее.

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Так. Это можно купить... Так. Картины. (Рассматривает через кулак.) Можно... Сколько за этот хлам хотите?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

БРАТ. Там еще чудная дамская спальня.

НЕИЗВЕСТНЫЙ (смотрит, открыв дверь). Можно. Это тоже можно. Сколько на круг за весь этот лом? Три возьмите.

10

ЖЕНА (входит в тряпье). Ох-ох, три. Он дешево покупает, только домой не носит. Три!

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Ну, тогда четыре дам, и разговор кончен. (Снимает картины. Ставит стулья на стол.)

БРАТ. Соглашайтесь, сестра, соглашайтесь. Нам тут каждая минута дорога. Пишите ему расписку.

ЖЕНА. Батюшки мои! Да что же это получается?! Да как же это так?! (Пишет расписку, берет деньги.)

НЕИЗВЕСТНЫЙ. Тогда я лошадь сейчас пришлю. (Уходит.)

БРАТ. Только лошадь-то поскорей засылайте...

11

БРАТ. Тут, сестра, главное – быстрота. Вы мой характер знаете – я в панику не вхожу. Но дело делать – я понимаю. Тут надо провернуть в ударных темпах.

ЖЕНА. Да, я понимаю, конечно. Я вхожу в ваше положение. Но только мне имущества жалко. Это что же, мне теперича в своей квартире и сесть не на что будет?

БРАТ. Ах да. А квартера? Квартеру-то ведь вы купили за десять тысяч. Тут надо сейчас и квартеру провернуть. (Звонит по телефону.) Але, три ноля – пятнадцать. Але. Я, я. Квартера – две комнаты. У застройщика. (Сестре.) Да не хватйтесь за меня руками. (В телефон.) Нет, небель, к сожалению, уже продана. И костюмы проданы. Нет, это все продано. Вдова все продала. Тогда заходите насчет квартирки.

Входит СОСЕД в новом широченном костюме.

12

СОСЕД. Пугаюсь я, что костюмчик на мне несколько широкогато сидит. А?

БРАТ. Обыкновенно сидит.

ЖЕНА. Очень миленько на них сидит.

СОСЕД. Нет, чувствую, что широко.

БРАТ. Откуда же широко? (Руками сзади зажимает костюм.) Оно даже как бы скорей узко на вас.

СОСЕД (чуть не плача). Где же, помилуйте, узко.

БРАТ. Известно, узко. Даже грудью дышать не можете.

ЖЕНА. Очень на них миленько сидит.

СОСЕД. Нет, знаете, чего-то не то. И плечо режет. Нет, узко мне. Чувствую, что узко.

БРАТ. Ну, знаете, вы фигуриете. Вы же только что говорили – широко.

СОСЕД. Разве я говорил – широко? Нет, я говорил – узко. Именно говорил – узко. Дышать трудно.

БРАТ. Ну, знаете, вас не поймешь. (Отпускает пиджак). Где же узко, когда материя ложится свободными складками? Скорей уж широко.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

СОСЕД. Или широко. Пес его знает. Ей-богу, широко.

БРАТ. И прямо, никакой широты не наблюдается. Эвон как фигурку облепляет. Вы, прямо, не знаете, чего хотите.

ЖЕНА. Они сами не понимают, чего они хотят.

СОСЕД (чуть не плачет). Тогда я колпак еще возьму. Как бы в премию. Меня такие колпаки немножко интересуют.

БРАТ. Берите колпак. Только быстро, быстро. На носках, прямо, ходите.

Сосед влезает на стол и отвязывает колпак.

ЖЕНА. Да что ж это на моих глазах делается? Куда ж ты, сатана, на стол-то вперся?!

СОСЕД. Извиняюсь. (Уходит с колпаком, на ходу захватывая с собой пару стульев.)

БРАТ. Стулья-то на место положьте. Небель вся продана.

СОСЕД. Извиняюсь.

БРАТ. Этажерка тоже продана. Не хватайтесь за предметы руками. Кругом все продано. Квартерка только осталась.

СОСЕД. Квартерку я бы принял, ежели бы в рассрочку. Вашей квартеркой я завсегда не перестаю любоваться.

ЖЕНА. Братцы-батушки! Что ж это такое?! А я-то, для примеру, где же буду находиться?

БРАТ. Ах, черт! Это верно. Где ж вдова-то находиться будет?

СОСЕД. Да в крайности ей угол уступить можно.

БРАТ. Пишите расписку. Или дайте я напишу. Вы только подпишитесь. Не цепляйтесь за меня руками.

Сосед уходит с колпаком и распиской.

13

БРАТ. Ну, теперича, кажись, все. Сейчас этот небель увезет, и можете дышать спокойно.

ЖЕНА. Это, ну, прямо – что ж такое произошло?.. А ежели вызовут меня? Чего я скажу?

БРАТ. А если вызовут вас, вы им скажите – нет ничего, вот и вся тут.

ЖЕНА. Или, может быть, им сказать: на иждивении у брата нахожуся.

БРАТ. Еще чего! У брата! И, прямо, меня не упоминайте. Прямо, меня забудьте. Прямо, нет меня. Ай, ей-богу.. Ах ты черт! Какое, скажут, родство, да пятое-десятое. Может быть, вам, сестра, замуж выйти? Слушайте, не можете ли вы быстро жениться, замуж выйти, а? Только быстро.

ЖЕНА. Как это?

БРАТ. Тогда бы у нас очень великолепно получилось. Вещей нет, сама, дескать, на иждивении у мужа, пятое-десятое.. Нет ли у вас какого-нибудь дурака на примете?

ЖЕНА. И прямо, братец, что вы говорите!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
БРАТ. Только быстро, быстро. Ну, кто у вас есть?

ЖЕНА. Ну как же это так?

БРАТ. Ну, вот этот, что приходил – сосед. Он, как вы думаете, не женится? А ну, позовите его быстро. Быстро, быстро.

ЖЕНА. Да что ж это, ей-богу? Да как же так? Да вот он, никак, и сам идет.

14

СОСЕД. Ей-богу, не возьму костюмы. Кругом все смеются.

БРАТ. А, да перестаньте вы канючить. Вы мне лучше скажите – чего вы к моей сестре так часто в гости заскакиваете? Только, может, ее коньпроменьтируете.

СОСЕД. То есть как же, помилуйте, часто. За месяц только раз и зашел – успокоить даму!

БРАТ. «Успокоить даму»! Мы знаем это спокойствие. Еще врет. Он раз зашел. Да он, нахал, на моих глазах третий раз входит. Коньпроменьтирует. А если она вам нравится, то вы так и скажите.

СОСЕД. То есть кто это нравится, помилуйте...

БРАТ. Да сестра-то, я говорю, нравится вам – вот возьмите и женитесь на ней.

СОСЕД. Да я, разве я... разве я сказал, что она нравится?

БРАТ. Да давеча-то говорили...

СОСЕД. Я? Ну, знаете... Я... я про костюмы говорил. И совсем даже в обратном смысле. Костюмы, говорил, мне не нравятся.

БРАТ. Нет, вы мне баки не заколачивайте. А возьмите и женитесь на ней, если нравится. Только быстро, быстро. В ударных темпах.

СОСЕД (чуть не плачет). Ну как же это так, помилуйте! За что же я буду жениться? Я, прямо, вас не понимаю.

БРАТ. А и понимать нечего – взял и женился.

ЖЕНА. Конечно, если они не хотят, то об чем же говорить.

БРАТ. Как не хотят! Хотят, да стесняются.

СОСЕД. Ей-богу же, не хочу... Я прямо не понимаю вас... Как же так, помилуйте! Я же ничего не говорил еще... Чего ж вы меня суете куда попало?

БРАТ. Ах, ему говорить надо... Вот вы и говорите – мол, хочу жениться. Я вам говорить не мешаю.

СОСЕД. Нет, я, прямо, чего-то не понимаю. Я не хочу... Я не хочу жениться. Чего ж это я сдуру возьму и вдруг – женюсь? Чего вы, ей-богу, ко мне пристали?

ЖЕНА. Об чем тогда говорить.

БРАТ. Такая интересная женщина. Я, прямо, не понимаю его. А если нету у человека вкуса, то так и скажите и не вводите людей в заблуждение.

СОСЕД. Я... я не ввожу в заблуждение. Я вкус имею... Только я говорю...

БРАТ. Вы имеете вкус? Не смешите меня. Такая славная, интересная женщина. А корпус, корпус у ней какой! Нет, я вижу, вы ничего в женщинах не понимаете.

СОСЕД. Нет, я понимаю... Я признаю, что это такая, что ли, интересная... Но только я... Я прямо не знаю, как же так...

БРАТ. Хорошая, стройная походка. Другая идет как верблюд, а эта ровно кладет

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
ноги. Ать, два, ать, два.

СОСЕД. Я это понимаю, признаю. Конечно, она мне нравится – у меня вкус есть... Но только как же это так, помилуйте!..

БРАТ. Сестра, подойдите к ним. Возьмите их за руку.

СОСЕД. Ну как же так, помилуйте! Я, прямо, теряюсь...

БРАТ. Тем более вы развестись всегда можете, и об чем толковать – я не понимаю.

СОСЕД. Ну, да разве что если развестись, тогда я, пожалуй, женюсь.

БРАТ. Конечно, женитесь. Только быстро, быстро. Нюша, побегите сию минуту в загс – разведитесь... да заодно там кому-нибудь кухонную посуду загоните. Поцелуйтесь с ним.

ЖЕНА. Ну как же это так. (Целуются. Уходит.)

15

БРАТ. Ну вот, а хныкали. Какую жену оторвал!

СОСЕД. Да нет, я только говорил...

БРАТ. И говорить нечего... Взял и женился.

СОСЕД. Позвольте, позвольте... Ну, хорошо, я женился, а зачем же я тогда костюмы у ей купил, а?

БРАТ. Вот и будете в них щеголять медовый месяц...

СОСЕД. Но я же за них деньги заплатил, а поскольку я женюсь, так это мне вроде как все равно даром бы перешло. Это что, я, значит, у самого себя купил, а? Нет, знаете, я так не согласен...

БРАТ. Так вы сначала купили, а потом женились. Чего вы тень на плетень наводите? Только вводите в заблуждение.

СОСЕД. Как же так, помилуйте! Нет, я так не согласен. Раз я женюсь, значит, костюмы и так мои. Тогда отдайте мне деньги. Или я жениться не буду.

БРАТ. Нате, выкусите – отдайте ему деньги. Сестра, может быть, уже развелась, может быть, она женщина, может быть, у нее большое самолюбие. А он – жениться не будет.

СОСЕД. Как же так... И за квартиру задаток дал... Как же так. Нет, ей-богу, я так не могу... я... я...

БРАТ. Об чем вы загораетесь? Ну, хорошо, я вам отдам половину.

Входит ЛОМОВИК.

16

ЛОМОВИК. Эту, что ли, небель везти?

БРАТ. Эту, эту.

СОСЕД. Да, а небель? А зачем вы тогда небель продаете? Зачем же вы мою небель продали? Не трогайте мою небель. Ей-богу, я не буду жениться. Глядите, чего он делает – он роняет мою небель.

БРАТ. А чего ж вы тянули канитель? Только своим поведением срамили женщину. Вот женились бы раньше, и небель бы вам осталась.

СОСЕД. Как же, помилуйте, раньше – вы же мне только сию минуту сказали, чтоб я женился.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko11.ru
БРАТ. А сами вы не могли додуматься? Вот и отвечайте теперь за все.

СОСЕД. Ну как же так, ей-богу.

17

БРАТ. А идите вы к лешему! Вот глядите, никак невеста идет.

СОСЕД. Анна Васильевна, что ж это такое? Я чего-то не пойму. Пущай они не трогают мою небель.

БРАТ. Небель продана – об чем толковать. (Сестре.) Ну что, развелась? Только быстро отвечайте.

ЖЕНА. Развелась. А кухонную посуду соседям продала.

СОСЕД (визгливо). Как кухонную посуду?! Зачем вы мою кухонную посуду продаете? А мы из чего кушать будем?

БРАТ (сестре). Какой паскудный у вас жених попался. Мы так славно расторгвались, а он все недоволен – кричит, как сова. А мне как раз нездоровится сегодня – у меня голова болит.

ЖЕНА. Чего ж нам с ним довольным-то быть?

СОСЕД. Вот именно. Тогда пущай нам наши деньги отдает.

БРАТ. Ладно, заткнися. Сказал – дам половину. (Ломовику). И вот это. Это тоже выносите.

СОСЕД. Прямо, у меня голова как в тумане. Чего-то я ничего не понимаю.

БРАТ. Хоть к невесте-то подойдите. Стоит, как болван.

ЖЕНА. Чего вы на них кричите – видите, совсем запугали человека. (Подходит к нему.)

Нежно разговаривают. Целуются.

БРАТ. А ну, сестра, пригласите там каких-нибудь гостей – охота маленько станцевать.

Сестра уходит.

СОСЕД. Ей-богу, я танцевать не буду. У меня сегодня настроение какое-то неподходящее – чего вы мне танцы навязываете.

БРАТ. А зачем женился? Не надо было жениться.

Входит ГОРБУШКИН.

18

ГОРБУШКИН (поет). Колокольчики-бубенчики звенят, звенят. Про ошибки моей юности твердят...

ЖЕНА. Гриша!

ГОРБУШКИН (не замечая разгрома в комнате). Очень вежливо поступили. Очень. «Извиняемся, говорят, что повестку не по почте прислал и, очень, говорят, вы срочно нам понадобились свидетелем». – «Ага, говорю, конечно, я с этим и шел – свидетелем. Я, говорю, колокольчики-бубенчики... По какому делу, говорю, я свидетелем?» Они говорят, и так вежливо, красиво: «Расскажите, говорят, нам, чего знаете про Щукина. Он, говорят, в короткое время проворовался». – «Пожалуйста», – говорю. Беру стул, присаживаюсь этак вот к сто... (Испуганно

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
смотрит на полупустую, развороченную комнату.) Это чего? Это, я говорю, чего?

Брат жены на цыпочках осторожно смывается.

ЖЕНА. Это... это мы думали... Это мы, Григорий Иванович...

СОСЕД. Прямо голова как в тумане.

ГОРБУШКИН (орет). Это чего?! Это чего в моей камере происходит?

Входит ЛОМОВИК.

ЛОМОВИК. Все, что ли?

Трое стоят, раскрывши рты.

Свадьба
Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ОТЕЦ.

МАТЬ.

ДОЧЬ.

ЖЕНИХ.

ПРИЯТЕЛЬ жениха.

ГОСТЬ.

ЖЕНА ГОСТЯ.

Мещанская комната. Три двери, в углу накрытый стол. У стола ОТЕЦ пьет рюмку водки. Левая дверь открыта. Там гости танцуют под гармонь. Входит МАТЬ – нестарая молодящаяся женщина в шелковом платке.

1

МАТЬ. Ну что ж это такое? И пирог сейчас будет готов. И гости собравшись. А наших молодых еще нет...

ОТЕЦ. А пуцай хоть совсем не являются... Вот мое родительское слово: я стою против таких браков. Три дня знакомы, и вдруг – здравствуйте, пожалуйста, – муж и жена. Примите поздравление. Кушайте пироги. Бис и ура.

МАТЬ. Где бы радоваться, что дочка замуж вышла, а он... Да ты что, обалдел – водку-то лакаешь, гостей не дождавшись!

ОТЕЦ. «лакаешь»! Ну, пропустил одну баночку. Для равновесия. Тем более я, может, против таких скороспелых браков. Меня, может, такие браки не удовлетворяют... Три дня знакомы.

МАТЬ. И не три, а неделю.

ОТЕЦ. Ну, неделю. Может, жених толком еще и не разглядел свою супругу? Может, он придет сейчас и от нее откажется? Эва, скажет, я думал, что она такая, а она без шляпки и без пальто вон какая. Что вы, скажет, такую муру выдаете...

МАТЬ. А ну тебя к лешему! Надрался уж... А по моему, очень хорошо. Ты у меня никак семь лет был женихом, а что толку-то? Эва, сидит какая зюзя! И нос синий.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ОТЕЦ. У тебя голубой! Ты лучше не тронь мое самосознание.

Звонок.

Эвон никак приперлись.

Входит ДОЧЬ в пальто и в шляпе.

2
ДОЧЬ. Платье готово?

МАТЬ. Ну, а твой-то где? Жених-то.

ДОЧЬ (снимает пальто). Он в парикмахерскую зашел за своим приятелем. И заодно причесаться. Сейчас придет. Дайте мне скорей переодеться.

ОТЕЦ (издеваясь). Очень мило. Невеста одна является. Молодой в парикмахерскую зашедши. Не мог заранее оболваниться. Очень мило. Очень современный брак. Да я, черт возьми, может, за месяц готовился к таинству брака! Может, я за полгода сходил в баню и в парикмахерскую!

ДОЧЬ. Ага, надрались уже. Поздравляю.

ОТЕЦ. «Надрались»! Грубый век. Грубые нравы. Романтизму нету – человеку спокойно выпить не дают – задерживают.

ДОЧЬ. А ну вас к черту! Не мешайте мне переодеться.

Звонок.

Ах, кажется, он... Дайте сюда платье. (Убегает в правую дверь.)

Входят гости – МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА.

3
МАТЬ. А, милости просим, – заходите. Уже все собравшись.

ОТЕЦ. Только молодой в парикмахерской шевелюру завивает.

МАТЬ. Здесь польта кладите.

ГОСТЬ. Примите наше поздравление. Очень рады...

ЖЕНА ГОСТЯ. Так неожиданно. Быстро. А правда, говорят, они в трамвае познакомились?

МАТЬ. И вовсе нет. Не в трамвае.

ГОСТЬ. А нам говорили – в трамвае.

МАТЬ. Нет, они увиделись в трамвае. А познакомились они, кажется, потом.

ОТЕЦ. Ха! Три дня...

ЖЕНА ГОСТЯ. Прямо феерично...

Голос дочери: «Мать, а мать, да пойдите же сюда. Помогите мне причесаться».

Звонок.

МАТЬ. Ну, прямо, мне не разорваться. Сейчас, сейчас. (Гостям.) Пройдите сюда к

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ГОСТЯМ.

Входят ЖЕНИХ и ПРИЯТЕЛЬ.

4

ПРИЯТЕЛЬ. Да сюда ли мы зашли? Жених, а не знаешь, куда идти.

ЖЕНИХ. Кажись, сюда. Или нет. Нет, погоди – какие-то незнакомые хари.

ПРИЯТЕЛЬ. Сюда, что ли?.. Жениху-то.

МАТЬ. Ах, боже мой... Это ж молодой. Извиняюсь, я вас сразу не признала.

ПРИЯТЕЛЬ. Да что вы, помилуйте... Это они – женихи... А я ихний приятель.

МАТЬ. Ах, извиняюсь... Я сразу не признала...

ЖЕНИХ. Я жених, я... Где же признать – мельком виделись. Мамаша? Очень рад.

Голос дочери: «Мать, а мать, да пойдите же сюда».

МАТЬ. Извините. Сейчас. Иду. Кладите пальто сюда. (Мужу.) Займись с ними. Побеседуй. Проводи к гостям. У, зюзя! (Уходит в правую дверь.)

ОТЕЦ. Очень рад. Не желаете ли трахнуть по маленькой? Присаживайтесь. А к гостям завсегда успеете выйти.

ЖЕНИХ. Мерси-с.

ПРИЯТЕЛЬ. Это никогда не помешает.

ОТЕЦ. Ах, господа, господа! Романтизму нету – выпить спокойно не дают. Нет прежней красоты. В прежнее время невеста в ногах бы у меня валялась. А сейчас: «Ах, надрались». (Кричит.) В прежнее время жених у меня бы в пыли лежал!

Приятель бежит одеваться.

ЖЕНИХ. Ну уж, знаете, вы, папаша, слишком загибаете. Я в пыли не согласен лежать.

ПРИЯТЕЛЬ. Ах, нет, это они так – фигурально выражаются. Ваше здоровье...

ОТЕЦ. Кушайте на здоровье.

ЖЕНИХ. А к примеру – где же моя молодая супруга?

(Ломится в дверь.)

ОТЕЦ. Она прибирается.

Голоса: «Нельзя, нельзя».

Да вы плюньте на нее. Знаете чего: вы мне очень понравились. Я желаю с вами выпить на брудершафт. (Шепчет.) Там у меня бутылка шампанского в ванной комнате. Знаете, от гостей припрятал. Пойдемте ее поскорей раздавим... А приятель пушай к гостям пройдет. На всех не напасешься.

Уходят в среднюю дверь.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
5

Прияель (Один). Какой сволочной старикан. Нет того, чтоб и прияеля пригласить. Ну, погоди, я им тут наверну. (Озираясь, пьет и закусывает.)

Правая дверь открывается. Показываются МАТЬ с ДОЧКОЙ. Прияель жениха шмыгает в левую дверь, к гостям.

6
ДОЧЬ. Ай, да не нервируйте меня, мамаша! Человек в первый раз будет меня видеть без пальто, а платье как из помойки вынутое...

МАТЬ. Платьице очень изумительное.

ДОЧЬ. Где же изумительное! Простая дерюга.

МАТЬ. Ну что ж, и дерюгой можно любоваться.

ДОЧЬ. «Любоваться»!

МАТЬ. Тогда накинь мой платок сверху. Вот оно и не будет видать.

ДОЧЬ. Дайте хотя платок. (Набрасывает на плечи платок.)

МАТЬ. Ну вот, сейчас совсем изумительно.

ДОЧЬ. «Изумительно»! Теперь платья почти не видать.

МАТЬ. А ну тебя. Фигуряешь. Лучше пойдй погляди – не готов ли пирог. У меня ноги трясутся от усталости. (Уходит в левую дверь.)

В среднюю дверь входят ЖЕНИХ и ОТЕЦ. Вслед за ними ПРИЯТЕЛЬ.

7
ОТЕЦ (жениху). Шурик, ну дай я тебя поцелую. И в другой раз, Шурик, не женись быстро. От этого романтизм теряется.

ЖЕНИХ. Да уж ладно. Чего там. Полно вам врать.

ОТЕЦ. Ну, а уж если женился – пуцай хоть сейчас все будет по-старому. Прими сейчас невесту под руку и веди ее торжественно к столу. Как только пирог принесут.

ЖЕНИХ. Да ладно, ладно. А к примеру – где же она-то?.. Моя молодая супруга... Ах, приделась и ушла. (Идет в левую дверь.)

ОТЕЦ. Возьми ее под руку и веди. А за тобой пуцай целая вереница гостей. Музыка играет. Бис и ура. А мы тем временем с приятелем пофилософствуем – не желаете ли еще по одной?

ПРИЯТЕЛЬ. Я, папа, на вас прямо удивляюсь. Вы очень здоровы пить.

ОТЕЦ (пьянеет). В прежнее время я свободно четверть мог выкушать. Ну, конечно, романтизм был, закуска. Да и сейчас – пью, пью, и все ни в одном глазу.

Быстро входит ЖЕНИХ.

8
ЖЕНИХ. Папаня, вы не видели ли мою молодую супругу?

ОТЕЦ. А плюнь на нее.

ЖЕНИХ. Нет, папаня, я интересуюсь, где моя невеста. Я прямо не могу ее найти.

ОТЕЦ. Да вон она ходит среди гостей.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
ЖЕНИХ. Разве? (Мнется у дверей, смотрит.) Гриша, Гриша, пойдй сюда.

ПРИЯТЕЛЬ. Ну?

ЖЕНИХ. Прямо, знаешь, я в полной панике. Не могу признать, где моя новая супруга.

ПРИЯТЕЛЬ. Ну как же так, что ты, ей-богу...

ЖЕНИХ. Черт ее знает... Главное, Гриша, без шляпки и без пальто я ее сроду никогда и не видел. А там, гляди, баб чертова уйма. Все вертятся, мотаются. Прямо не знаешь, к кому подойти. К одной подошел – она отстраняется.

ПРИЯТЕЛЬ (хохочет). Да ты что же, узнавать ее не можешь?

ЖЕНИХ. Нет, я могу ее узнавать... Вот ее и пальто. Но только мне ее к столу сейчас вести. Прямо первый раз со мной такое – не могу невесту отыскать.

Входит ДОМРАБОТНИЦА.

9

ПРИЯТЕЛЬ. Шурик, не эта?

ЖЕНИХ (раздраженно). Да нет. Моя служащая была, интеллигентка... И сейчас мне ее к столу надо вести.

ПРИЯТЕЛЬ. Это тогда плохо. Да вот папа сидит. Ты расспроси поскорей у папы, какая она. Пока он, кажется, еще говорить может.

ЖЕНИХ. Ну как же я спрошу? Мне, как жениху, неловко спросить про такие интимные вещи. Спроси его осторожнонько. Главное, скажи, что жених без шляпки ее никогда не видел.

ПРИЯТЕЛЬ. Папаня, вот тут жених интересуется – где его молодая супруга? Он чегой-то с ветру ее узнавать перестал.

ЖЕНИХ. То есть я, папаня, ее узнаю... Но только... Благодаря же вашим словам... Мне ее надо торжественно к столу вести. А я ее совершенно не узнаю.

ПРИЯТЕЛЬ. Папа, вы говорить можете? Будьте любезны, скажите им, где ихняя супруга. Они крайне интересуются.

ОТЕЦ. Ну, знаете, это мне, как отцу, прямо оскорбительно слышать. (Хохочет). Вот, я говорил. Я говорил тебе – не женись, Шурик, быстро. Видишь – теперь узнавать ее не можешь.

ПРИЯТЕЛЬ. Нет, они могут узнавать. Только они согласны вместе с пальтом ее узнавать.

ОТЕЦ (хохочет). Вот три дня! Вот тебе плоды просвещения!

ЖЕНИХ. Не три дня, но только мы, папаня, завсегда на улице встречались. Естественно, теперь, без шапочки, без пальто – я имею право растеряться.

Входит ГОСТЬ с ЖЕНОЙ.

10

ОТЕЦ (хохочет, подмигивает приятелю). Да вон она идет. Вот. Подходит. Гляди – за ней какая-то собака волочится. (Подмигивает приятелю.)

ЖЕНИХ (подходя к женщине.) А я вас всюду ищу. (Оторопело на нее смотрит.) Ах, вы очень интересны в этом платье. Так без шапочки вам идет – ну, прямо, другое лицо. И я теперь от вас не в себе.

ЖЕНА ГОСТЯ. Позвольте... Что вы...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
ЖЕНИХ. Только теперь, при полном электрическом свете, я вижу, какая вы есть полнейшая красавица. И я весь горю. (Обнимает ее.)

ГОСТЬ. Ну, знаете... Что ж это такое?.. Ну, ты, полегче со своими граблями.

ЖЕНИХ. А ты кто такой! Ты на голос не бери. Папаня, это что у вас за персона ходит? Не позволяет обнимать. (Обнимает.)

ЖЕНА ГОСТЯ. Как же вы смеете? Нахал! (Ударяет его по лицу.)

ОТЕЦ (хохочет). Вот тебе три дня!

ГОСТЬ. Это нахальство. Обнимать мою жену... Это даже я сам себе не позволяю. Лиза, идем.

Быстро уходят.

ЖЕНИХ. То-то я гляжу... Ясно, что не она...

11

ПРИЯТЕЛЬ. Чего ты, действительно, сунулся... Видишь, папаня пошутили.

ЖЕНИХ. Ну, папаня, спасибо. Из-за вас я сейчас по морде съел... (Приятелю.) Нет, я жалею, что это не она. Эта мне очень понравилась. Теперь подсунут какое-нибудь дерьмо – потом живи с ним.

ПРИЯТЕЛЬ. Да ты войди в комнату и скажи – мол, прошу к столу, прошу подойти ко мне мою супругу. Ясно, она и подойдет.

ЖЕНИХ (мнется у двери). Прямо, не знаю. Не вышло бы опять чего.

Выходит из средней двери ДОЧЬ – молодая супруга в платке. Задерживается у входа – разговаривает с гостем.

12

ПРИЯТЕЛЬ. Или погоди... Вон, гляди, ее мамаша идет. Возьми и спроси. А я с папой подремлю.

ЖЕНИХ. Разве это мамаша? По-моему, это не мамаша.

ПРИЯТЕЛЬ. Ясно, мамаша. Я ее по платку узнаю. Подойди и прямо руби плеча – так и так. Или скажи, что у тебя куриная слепота – не можешь рельефно людей видеть. Пуцай она тебе сама невесту подведет. Скажи – ослеп.

ЖЕНИХ (смеется). Ей-богу, скажу ее мамаше, что ослеп. Пуцай сама подведет.

ДОЧЬ (жениху). А я вас ищу. Что же это вы зашли к гостям и сразу выскочили?

ЖЕНИХ. Да как-то, знаете. Взял и вышел. Тут как-то спокойней. Посижу, думаю, тут – поговорю с мамой на разные темы... Захлопотались, мамуля? Дозвольте уж мне теперь вас мамулечкой называть на родственных началах?

ДОЧЬ. Нет, мамулечка как-то нехорошо. Лучше вы меня киса называйте.

ЖЕНИХ. Киса? Ну как же так, мамуля? Я прямо не осмеливаюсь вас кисой называть. Я вас очень уважаю, но киса вам, ей-богу, затрудняюсь и говорить. Я прямо не знаю.

ДОЧЬ. Ну, тогда как меня в детстве называли – чижик.

ЖЕНИХ (растерянно). То есть, как это, помилуйте, чижик. (Грозит пальцем.) Захлопотались, мамулечка... Устали... Пирог... Угар... Конечно... Естественно...

ДОЧЬ. Мне хочется, чтоб вы меня называли как-нибудь нежно, любовно. Нутам – киса, птичка, рыбка...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
ЖЕНИХ. Что вы, мамуля! Не могу же я в вашем возрасте... как же, помилуйте, рыбка. Какая же вы рыбка...

ДОЧЬ. Александра не понимаю вас... Я свои года не скрываю. Вы как-то странно себя ведете. Поцелуйте меня.

ЖЕНИХ (косится на отца). Ну, нет, знаете... Я уж за это сейчас схлопотал от одной... Извольте, ручку поцелую. И вообще, мамуля, я вам хотел сказать про одну вещь. Я, знаете, очень забывчив на людей. Ну, память зрительная, конечно. Я в детстве куриной слепотой хворал. К вечеру плохо вижу... Вот я вас почти и не вижу... Мамуля, где вы?.. Вот я вас, одним словом, хотел спросить – где ваша дочь?..

ДОЧЬ (растерянно). До-дочь? М-моя дочка? Откуда вы знаете?

ЖЕНИХ. Пардон, мамуля, я вас что-то не понимаю. Нет, я говорю – где дочка?

ДОЧЬ. Ее здесь нет.

ЖЕНИХ. Ах, нет! То-то я, знаете, хожу, как дурак, по комнатам. И вижу – ее нету. А где же она?

ДОЧЬ. Она...она в деревне...

ЖЕНИХ. Кто в деревне? Нет, я, мамулечка, говорю: дочка где? Ваша дочка. Ну вот, где она тут?.. Дочка...

ДОЧЬ. Александр, я не хотела пока вас расстраивать. Но если вы все знаете... Она в деревне. Она нам ничего не будет стоить.

ЖЕНИХ. То есть как в деревне? А на чем же я тогда сейчас жени... Позвольте, я чего-то не понимаю. Кто в деревне?

ДОЧЬ. Ну, дочка. Я туда ее отправила...

ЖЕНИХ. Мамуля, тут кто-то из нас, знаете, того... свихнулся. Я говорю – до-о-чка-а... где-е?.. Не та, вторая, а эта. Ну?

ДОЧЬ. Какая вторая? Второй у меня не было. Ах да, действительно, я была в положении... ожидала, но когда... одним словом...

ЖЕНИХ. Мамуля, вы меня пугаете. Я говорю не та, которая поехала в деревню, и не эта, которой не было, а вот которая тут. Ну?

ДОЧЬ. Нет, тут ее никогда не было. Ах тут! Нет, это был мальчик. Сын...

ЖЕНИХ. Сын?!

ДОЧЬ. Он сейчас у бабушки. Он тоже вам ничего не будет стоить.

ЖЕНИХ. Мальчик? Мамуля. (Дует ей в лицо.) Киса... Успокойтесь. (Приятелю.) Гриша! (Показывает жестаи, что собеседница свихнулась.)

ДОЧЬ. Вы ревнуете? Забудьте это.

ЖЕНИХ. Да я уж и забыл, мамуля. Мамуля... Агу... Забыл... Где дочка? Ну, покажи мне ее – какая она из себя, и все. И иди по своим делам. Приляг, отдохни.

ДОЧЬ. Ну, хорошо, если вы настаиваете, я могу показать ее карточку.

ЖЕНИХ. Нет, зачем же мне ее карточку? Вы мне наглядно ее покажите. Во весь рост.

ДОЧЬ. Нет, она очень маленькая, любительская. Трудно разглядеть.

ЖЕНИХ. Нет, вы меня не поняли, мамуля, – я в детстве хворал куриной слепотой. А сейчас-то я разгляжу. Вы только покажите.

ДОЧЬ. Да и пожелтела она.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ЖЕНИХ. Что ж она, захворала?

ДОЧЬ. Нет, она здорова... Ну, хорошо, я сейчас покажу.

(Уходит.)

13

ЖЕНИХ (приятелю.) Гриша, Гриша! Да ну, проснись же, черт! Тут, брат, чего-то происходит – я в толк не возьму. Мамуля прямо нехороша. Я не понимаю, чего ее держат среди здоровых. Не предупреждают. За столом она же может в кого-нибудь вилкой ткнуть.

ПРИЯТЕЛЬ (равнодушно). А что она – свихнувшись?.. Да ты плюй на них. В крайнем случае возьмем и уедем – делов на копейку.

ЖЕНИХ. Это я понимаю. Мне бы только минут пять на высоте продержаться.

ПРИЯТЕЛЬ. Плюй на них. Тут у стола разберутся, кого с женихом сажать.

ЖЕНИХ. Мне бы только до стола продержаться. Я очень скандалов не люблю. Сразу драться полезут. Я этот дом отлично понимаю...

14

МАТЬ. Прошу всех к столу. (Мужу.) Да встань ты, олух. Гляди, слюни распустил.

ОТЕЦ. Все к столу. Парами, парами. Жених, ведите вашу невесту. Музыка, играй! Бис! Ура!..

МАТЬ. Где же молодая?

ЖЕНИХ. Я, знаете, сам ее... ишу... Мамуля сказала... Сейчас ее... стало быть... приведет... Какая-то желтизна у ней выступила, что ли... Наверное, припудривается...

Входят ГОСТИ и ДОЧЬ с ПОДРУГОЙ. Дочь бледна и взволнованна. Опирается на подругу, весьма некрасивую девицу.

ЖЕНИХ. Да вот они. (Испуганно смотрит на подругу, которую он принимает за невесту.) Не может быть...

15

ДОЧЬ (подруге). Нет, ты понимаешь, какие подлецы – в первый же день ему рассказали, что у меня дети. (Жениху.) Александр, пойдите сюда. Вот она... (Протягивает карточку.)

ЖЕНИХ. Что же это такое... Вот эта рыжая – моя невеста?! Не может быть...

ПРИЯТЕЛЬ. Отчего же не может быть? Раз ее мать привела – значит, так и есть. (Смеется.) А еще говорил – женился на хорошенькой. Где ж у тебя, дурака, глаза-то были? Гляди, какую оторвал.

ОТЕЦ. Все к столу. Молодой, возьмите под руку невесту. И все так благородно, элегантно.

ЖЕНИХ. Это обман, жульничество! Моя интересней была. Что ж вы мне, действительно, подсовываете.

МАТЬ. Садитесь, садитесь!

ОТЕЦ. Молодой, целуйте вашу супругу. Ведите ее к столу. И все так чинно, благородно. Бис, ура!

ЖЕНИХ. Да как же это так! По-моему, это не та.

МАТЬ. Не скандалничайте, молодой человек. Довольно стыдно крики поднимать из-за пустяков.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
ЖЕНИХ. Какие же, помилуйте, пустяки! Это подлог! Не то подсовывают. Я не настолько выпивши, чтоб не разбираться.

ДОЧЬ. Ради бога... Я надеюсь на ваше благородство... Не разглашайте.

ПРИЯТЕЛЬ. Папаня, разрешите сомненья. Жених в своей невесте сомневается.

ОТЕЦ. Музыка, играй! И все так благородно, романтично. Молодой, целуйте ее в губы. Горько, горько!..

ЖЕНИХ. Да уж я и не знаю, что подумать. (Целует подругу жены.) Пойдемте, что ли...

ДОЧЬ. Александр!

ОТЕЦ. Это какой-то ненормальный!

ЖЕНА ГОСТЯ. Он на всех кидается.

МАТЬ. Он пьяный, что ли?..

ПРИЯТЕЛЬ. Он на глазах жены с другой упражняется.

ЖЕНИХ. Я скандалов не люблю. Но мы после поговорим.

ДОЧЬ. Александр...

ЖЕНИХ. А, уйдите, мамуля. Прямо не до вас... Уберите от меня эту психическую.

ДОЧЬ. Что же это такое?..

МАТЬ. Что вы безобразничаете, молодой человек!.. Гоните свою невесту.

ПРИЯТЕЛЬ. Шурик, гляди – вон твоя невеста. А это – мама.

ЖЕНИХ. Ай, да не смешите меня. Уберите, говорю, психическую, а то жениться перестану. Ах, эта моя невеста! У которой мальчик и три девочки.

ГОСТИ. Это черт знает что такое!

ОТЕЦ. И все так чинно, благородно, по-старому. (На цыпочках подкрадывается к жениху и накрывает его пальто – делает «темную».)

ЖЕНИХ (вырывается). Гриша! наших бьют!

ПРИЯТЕЛЬ. Держись, Шурик, до моего прихода. А ну, разойдись!

Гости кидаются на жениха и приятеля, который спешно бросился одеваться. Происходит драка и потасовка. Мать спасает пирог. Гости окружают жениха, хватают его.

ЖЕНИХ. Ну ладно, я уйду. Только дайте хоть пожрать-то – с утра не евши по такой канители.

Гости несут жениха к выходу.

Ну ладно... Хорошо... Я согласен...

ПРИЯТЕЛЬ. Он согласен. Не ломайте ему руки...

МАТЬ. Отпустите молодого – он согласен.

ДОЧЬ. Александр!

ОТЕЦ. Все к столу. Парами, парами. И все так чинно, благородно, элегантно.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

ГОСТИ. Горько! Горько!

Растерзанный жених целует мать своей невесты, приняв ее за невесту. Шум и крики гостей.

ПРИЯТЕЛЬ. Да нет, Шурик. Это ее мама, а вон твоя невеста.

ГОСТИ. Горько! Горько!

Жених целует невесту. Танцы.

Неудачный день
Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ЗАВЕДУЩИЙ кооперативом.

РАБОТНИК прилавка.

СЧЕТОВОД.

КАССИРША.

ДВОРНИК.

МИЛИЦИОНЕР.

Помещение кооператива. Полутемно. На прилавке стоит фонарь. На полу расстелено одеяло, на котором положены продукты. ДВОРНИК (он же ночной сторож), осторожно шагая и прислушиваясь, берет с полки несколько пачек папирос и кладет их на одеяло. Открыто полуподвальное оконце, в которое влез дворник.

1

ДВОРНИК (успокаивая себя). Нет, рази это кража, граждане? Кража – это когда, одним словом... воруют, крадут и там целые кассы ломают. Или там народ убивают к черту. Тогда это да, кража. А это – тьфу, а не кража. Ну, зашел ночной сторож в кооперацию, ну, и взял человек (берет несколько селедок из бочки) самую малость... (Кладет к своим краденым продуктам.) Подумаешь! От этого государству убытку нет. Государству это раз плюнуть и растереть. (Завязывает свой узел.) Нет, погоди – колбаса. Охота колбаской побаловаться. (Берет круг колбасы.) Другой там ночной сторож влезет в кооперацию – такой зверь-бандюга – так он небось миндальничать не будет. Вроде меня. Он нипочем один круг колбасы не возьмет. Он возьмет, нахал, три круга. (Берет три круга колбасы.) А то и вот четыре... А я три возьму – и мне хватит. Я совесть понимаю. Я государство без товару не оставлю, как другие. Я позволяю государству торговать. (Заворачивает в платок. Прислушивается.) Ой, надо поспешать. Другой сукин сын попадет сюда – ого-го. Он тебе навернет. (Смотрит, чего бы взять.) Он если чего и не возьмет, так половину сожрет, скотина. (Жрет сахар. Пихает его по карманам.) Рази это кража, граждане? Это одно выражение слов, что кража. (Берет узел с продуктами.) Это голубиная порция. Поскольку я совесть понимаю... Это благодаря меня, может, три человека меньше в очереди в кассе будут стоять. Это, может, есть мое благодеяние. Ой, надо поспешать! (Подходит к оконцу. Кладет наверх узел с продуктами. Потом сам лезет.) Холера-заведующий небось расстраиваться будет. Ай, скажет, уперли! Ай, скажет, кража! Оно, конечно, честному человеку это видеть неинтересно. Ой, никак идут? (Исчезает.)

2

ЗАВЕДУЩИЙ (открывает дверь, зажигает свет.) Нет, я, Иваныч, люблю на работу пораньше притттить.

РАБОТНИК (лебезит). Меня, Василий Федорович, прямо оторопь берет: какой вы есть гениальный ответственный работник. Очень вы, как бы сказать, честный человек. Завсегда первый на своем боевом посту.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko11.ru

ЗАВЕДУЮЩИЙ (томно). Да ну что ты, Иваныч...

РАБОТНИК (не замечая разгрома). Истинная правда, Василий Федорович. Какой-то вы, знаете, какой-то такой особенный какой-то...

ЗАВЕДУЮЩИЙ (елейно). Я, Иваныч, для общего блага стараюсь. Если бы для себя, я бы, может, и не стал так с нагрузкой работать.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это определено, Василий Федорович...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну, а для общего блага я должен постараться.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это определено для общего блага... Мы все через это стали какие-то такие, какие-то не от мира сего, какие-то такие, одним словом, особенные...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Конечно, Иваныч, мы для себя не наживаем. Это не капитализм... Наше дело – общее дело.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это определено. Об себе ни черта не думаем. Только бы об других.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Нет, Иваныч, это ты политически неверно выражаешься... А кто есть другой... Другой – это мы сами.

РАБОТНИК. Это да... Это конечно... Это мы сами. Я же говорю. Об других ни черта не думаем. Только бы об себе.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Такая работа, когда об себе не думаешь, конечно, облагораживает человека, Иваныч. Человек делается честный, возвышенный.

РАБОТНИК. Да, уж возвышенности своей мы не теряем, Василий Федорович. Отыми от нас возвышенность, и от нас прямо ничего не останется.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Один пар да дым останутся. (Снимает калоши.)

РАБОТНИК. Ой, Василий Федорович...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

РАБОТНИК. Ой, Василий Федорович, чтой-то...

ЗАВЕДУЮЩИЙ (видит разгром). Ну? чего это?

РАБОТНИК. Кража, Василий Федорович!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Братцы мои! Беги, Иваныч... Зови милицию! Братцы мои, что же это? Смотрите-ка... (Кричит.) Милиция!

РАБОТНИК (кричит). Милиция! (Убегает.)

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот так да! Вот так штука!

Вбегает СЧЕТОВОД кооператива.

3

СЧЕТОВОД. Ну?.. Говорят, кража у нас, Василий Федорович?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Эвон, погляди. Полюбуйся. Народное имущество к черту разворовали. Нет, бывают же такие подлецы, у которых руки на это самое подвертываются.

СЧЕТОВОД. Кажется, огромные убытки-с, Василий Федорович?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Нет, украли-то, кажись, на копейку, но мне морально тяжело: какие люди бывают. А украли-то как будто сущие пустяки. Да вот сейчас милиция придет. Акт составим. Пойди позови дворника. Тоже ночной сторож – накараулил. Пуцай

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
теперь его стыд возьмет при составлении акта.

СЧЕТОВОД. Сию минуту... (Мнется.) Ах, Василий Федорович, Василий Федорович!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

СЧЕТОВОД. Такой момент, как бы сказать, благовидный...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

СЧЕТОВОД. Момент, я говорю, очень, как бы сказать, великолепный. Акт, это самое, составлять будут. Писать будут...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну?

СЧЕТОВОД. Мало ли, Василий Федорович, у нас утруски, утечки. Вот бы, Василий Федорович, под это дело маленько того, как запасец, Василий Федорович... Не что-нибудь...

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ну, да разве что как запасец... Поскольку утруски...

СЧЕТОВОД (вдохновенно). Как запасец, Василий Федорович. Мало ли утруски, утечки. Каждый месяц неприятности. Концы не сходятся. А тут вот это самое – запасец. Ать, два, три!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Разве что самую малость.

СЧЕТОВОД. Абсолютно самую малость, Василий Федорович. Сахару, Василий Федорович, кило пять сперли? А мы скажем – десять. Вору-то, подлецу, все равно, а у нас легонький запасец.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, вору-то, конечно, теперича безразлично.

СЧЕТОВОД. Вору-то, Василий Федорович, теперь абсолютно вот как безразлично. Тут, как бы сказать, иносказательно получается. Он бы мог сахару мешок иметь, а он, балда, может, со страху взял себе две горсти. А мы тут-то – и того. Ать, два, три!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, с сахаром-то у нас завсегда операции не сходятся.

СЧЕТОВОД. Я ж и говорю. Определенно не сходятся. А тут завсегда теперь сойдутся.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Государству-то, тоже, конечно, безразлично, поскольку вор мог и больше взять.

СЧЕТОВОД. Я ж и говорю: он мог бы весь кооператив взять. Очень момент благовидный. И жульничества нету, и красиво получается. Помогите, Василий Федорович, этот мешок сахару сюда поставить.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да мешок-то это ты много...

СЧЕТОВОД. Отчего много, Василий Федорович? В аккурат. Давайте, Василий Федорович, еще один мешочек для ровного счета. Мало ли – детишкам на молочишко.

Прячут под прилавок.

ЗАВЕДУЮЩИЙ (жрет колбасу.) колбасу, что ли, тоже? С колбасой у нас завсегда трудные операции. Товар чересчур нежный. Завсегда балансы не сходятся.

СЧЕТОВОД. колбаса – это само собой. А ну, подайте мне сюда три круга.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Тогда пуцай четыре возьми. Я к ней завсегда страсть имею. Папиросы еще, что ли?

СЧЕТОВОД (прячет папиросы.) Папиросы – это само собой.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ЗАВЕДУЩИЙ. Ай, это ты много.

СЧЕТОВОД. А по-моему, в аккурат. Товар раскурочный. Выкурил – и нет его, а после балансы на небе искать приходится. Идут, Василий Федорович.

ЗАВЕДУЩИЙ. А вор-то нам дурак попался.

СЧЕТОВОД. Абсолютный дурак, Василий Федорович. Прямо презренная личность. Не вор, а какая-то опенка...

Входят МИЛИЦИОНЕР и РАБОТНИК прилавка.

4

РАБОТНИК. Эвон, поглядите, товарищ милиция. Эвон.

МИЛИЦИОНЕР. Это они ловко обработали.

ЗАВЕДУЩИЙ. Главное, и ночной сторож находился, и такой, как бы сказать, мизерный случай.

РАБОТНИК. Он у нас в этом доме дворник и ночной сторож.

МИЛИЦИОНЕР. Тогда его позовите.

ЗАВЕДУЩИЙ. Вот пушай тут находится при составлении акта. Это для него будет хороший урок. Позовите дворника.

СЧЕТОВОД (вертится у кассы.) Сию минуту, Василий Федорович. Сейчас позову. Гляжу, как тут насчет кассы. (Берет что-то незаметно в карман. Быстро идет к выходу. На ходу чуть не сбивает с ног вошедшую кассиршу.)

5

КАССИРША. Ах! воры! (Поднимает кверху руки.)

ЗАВЕДУЩИЙ. Да что ты, обалдела, мадам?

КАССИРША. Ай, я думала, нас грабят.

ЗАВЕДУЩИЙ. Маленько запоздали, мадам. Уже ограбили.

РАБОТНИК. Перепужалась дамочка.

КАССИРША. Ай, ограбили? А кассу-то мою не тронули?

ЗАВЕДУЩИЙ. Да, кассу-то ее не тронули?

РАБОТНИК. Кассу, кажись, не тронули.

МИЛИЦИОНЕР. Кассу не заметно, что тронули.

КАССИРША. Ясно, что тронули. Все набок свернули. Тут у меня было сорок рублей – теперь, вижу, меньше. Я сейчас подсчитаю.

Входят СЧЕТОВОД с ДВОРНИКОМ-вором.

6

ЗАВЕДУЩИЙ. Ты что ж так неосторожно караулишь-то, старый пень?

ДВОРНИК (нарочно протирает глаза, будто только проснулся, зевает.) Рази что случилось?

СЧЕТОВОД. Спал, как прохвост, еле добудился.

РАБОТНИК. «Случилось»! Дрыхнут без задних ног, а государству такой нестерпимый убыток.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
ЗАВЕДУЮЩИЙ. Эвон, полюбуйся.

ДВОРНИК (деланно). Ай-я-я-я-й. Ай-яй! Никак у нас кража? Скажите на милость! Вот удивление!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Видал?

ДВОРНИК (искусственно.) Ай-я-яй! (Неумело играет роль изумленного человека. Хватает себя за голову. Берется за сердце.) Ай-я-яй! Ах, какое изумление, всем на диво!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот этого вора я бы задушил собственными руками.

ДВОРНИК (испуганно.) Но-но-но! (Потирает свою шею.) За что же людей-то душить? Товарищ милиция...

МИЛИЦИОНЕР. Вы, что же, будете ночной сторож?

ДВОРНИК (бытовым голосом). Я-то? Конечно, ночной сторож. Обыкновенно у ворот сидел. И ничего такого лишнего не заметил. Конечно, может, вздремнул несколько.

РАБОТНИК. «Вздремнул»! Старый пес! Какие теперича убытки государству нанесены!

ДВОРНИК. Хорошо, что, конечно, украсть много не смогли.

СЧЕТОВОД. Ах, по-твоему, мало украли?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Это ужаси подобно, сколько украдено.

ДВОРНИК (растерянно). Я так думаю, много красть не смогли. Украли небось самую малость. Я... я бы проснулся.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. А вот мы сейчас составим акт, увидим, какая ты есть ворона, какие убытки государству нанесены.

ДВОРНИК. Чтоб много уперли, этого не может быть. Я завсегда чутко сплю.

СЧЕТОВОД. Главное, много сахару украли.

ДВОРНИК. Как это – сахару? Что ты, обалдел? Эвон, тут маленько товар разворошили. Раструсили товар.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Пишите, товарищ милиционер.

СЧЕТОВОД. Рафинаду украдено... Сейчас... по списку. Рафинаду украдено два мешка.

ДВОРНИК. К-как это – два мм-мешка? Граждане... Да что вы... объелись?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Дюже крепко спал, старый дурень.

ДВОРНИК. К-как это – два мешка? Какие это два мешка? Я... я бы проснулся, ежели бы два мешка. Я завсегда ноги вдоль ворот протягиваю.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот будешь в другой раз спать! Нестерпимые убытки нанесены благодаря твоей невнимательности. Пишите, товарищ милиционер. Как у настам с колбасными продуктами?

СЧЕТОВОД. Колбасы семь кругов не хватает.

ДВОРНИК. Как семь? Сколько? Сколько? Ты что ж это, как считаешь, прохвост? Как семь кругов? Товарищ милиция... Какие семь кругов? Ай, ну что ж это?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ага, расстраиваешься, горюешь? За ум схватился, когда увидел такое народное бедствие. В другой раз будешь более чутко спать.

ДВОРНИК. Как же это не расстраиваться? Такие вдруг неожиданные убытки государству нанесены.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
СЧЕТОВОД. Папирос не хватает... Сто шестьдесят пачек украдено.

ДВОРНИК. Сто шестьдесят пачек?! Товарищ милиция... Товарищ заведующий. Господи, как же так?

СЧЕТОВОД. Сто шестьдесят пачек и спичек шестнадцать пачек.

ДВОРНИК. Спички-то откуда? Откуда он, холера, спички-то взял? Товарищ милиция... Да что ж это такое? Спички-то он, мерзавец, откуда взял?..

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Уберите этого дворника. Он за всех руками хватается. Мешает производить работу.

СЧЕТОВОД. А ну, уходи, дядя, к лешему. Тебя позовут.

МИЛИЦИОНЕР. Мы тебя позовем, товарищ. Иди пока.

ДВОРНИК. Я извиняюсь... Встревожен событиями. Маленько расстраиваюсь. Волнение ударяет. Извиняюсь. Не буду.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, пушай остается.

РАБОТНИК. До чего расстраивается человек. Видать, сочувствует убыткам. А ну, посиди, дядя, а то с катушек свалишься.

КАССИРША. Из кассы, запишите, украли мелочи на сорок рублей, три чернильных карандаша, кольдкрем и ножницы.

ДВОРНИК. Ка-какие сорок рублей? Да я.. Какие мелочи?.. Это что за новости! Какие ножницы и кольдкрем, а?.. Товарищ милиция... Да что же это, братцы, а?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Уберите этого дворника. Он мешает своим хрюканьем.

КАССИРША. Он нервирует работников прилавка.

СЧЕТОВОД (из двери в соседнюю комнату). У меня тут висели шелковое кашне и барашковая шапка. Теперича не найду. Запишите.

ДВОРНИК. Ах, подлец! Не брал я у тебя кашне. И семь кругов колбасы – это прямо издевательство. Взято всего три круга. И кольдкрем не брал. И ножней в глаза не видел.

Пауза.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. К-как это по-понимать?

ДВОРНИК. Пес с вами. Сознаюсь. Я вор. Но я, между прочим, честный человек. Я мухи не обижу.

МИЛИЦИОНЕР. Это как же понимать?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Вот именно!

МИЛИЦИОНЕР. Стало быть, это ты товар украл?

ДВОРНИК. Я. Но я не трогал эти ножницы и это сволочное кашне. И сахар – это издевательство. Я не дозволю иметь такие факты под моим флагом!.. Какие сорок рублей?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ах, какой подлец!

СЧЕТОВОД. Это прямо обшарпанная личность!

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Конечно, мы можем сгоряча ошибиться. Но мы проверим. Товар на месте.

СЧЕТОВОД. Товар в магазине. Проверить можно. Иваныч, ты куда давеча сахар

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru ставил? Нет ли его под прилавком?

РАБОТНИК. Да ты что, объелся? Какой я сахар ставил?.. Есть под прилавком. Только я не ставил.

СЧЕТОВОД. Или кто-нибудь поставил. Товар в магазине. Без обмана... Да, сахар почти что весь налицо.

КАССИРША. Пардон, свертки с деньгами завалились в угол. Деньги не взяты. Но кольдкрема и ножниц нет.

ДВОРНИК. я тебе сейчас плюну в бесстыжие глаза. Ищи лучше, куриная нога.

КАССИРША. Товарищ милиционер... Пардон, кольдкрем за кассу завалился.

СЧЕТОВОД. Кашне тоже найдено. Оно у меня в боковом кармане заболталось. Но шапки нету.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Перепишите акт.

ДВОРНИК. Считаю колбасу, или я сам за себя не отвечаю.

РАБОТНИК. Три круга колбасы взято.

ДВОРНИК. Три круга – это правильно.

МИЛИЦИОНЕР (дворнику.) А ну, пойдём!

ДВОРНИК. да погоди! (Кассирше.) А ну, что, нет ножниц? да я тебе, куриная голова... За твои кудри вытяну с твоей кассы.

МИЛИЦИОНЕР. Ну, пойдём, пойдём!

РАБОТНИК. какой характерный. Еще упирается.

СЧЕТОВОД. Страшная личность.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Мне, главное, морально тяжело.

Милиционер уводит дворника.

7

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ай, какие бывают люди!

РАБОТНИК. Какие отрицательные подлецы, Василий Федорович!

СЧЕТОВОД. Его станоят ночным сторожем...

РАБОТНИК. Облекают его в доверие...

СЧЕТОВОД. А он такие подлые штучки производит!

КАССИРША. и какой хам! К женщинам как относится!

РАБОТНИК. Он вас «куриная нога» назвал, Антонина Васильевна?

КАССИРША. Нет, он только хотел что-то сказать... Да, нету ножниц. Ей-богу, нету, ножниц! Ай, ну что ж я буду делать? Теперь вычтут.

СЧЕТОВОД. Ай, да не канючите. Да вон... (Вытаскивает из кармана ножницы, бросает их на пол.) Вон чьи-то ножницы валяются на полу. У меня шапку увели, а я не ною. Чудная барашковая шапка висела. Что я теперь буду делать? В чем я буду зиму ходить?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Глядите, и калоши унесли. Где мои калоши? Здравствуйтесь пожалуйста. Вот так да! Вчерась калоши купил – и уперли. Ай, какой неудачный день. Что я буду делать? Я простудой хвораю.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru

РАБОТНИК (снимает с себя калоши.) Да вон чьи-то калоши стоят на полу. Не ваши ли, Василий Федорович?

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ах, мои!

РАБОТНИК. Бродяга-вор, Василий Федорович, наверное, нарочно их поставил у бочки. После, думает, возьму.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Да, но калоши-то я... Я же после кражи их снял.

РАБОТНИК. А вор-то ведь заходил, вот и нацелился на новенькие.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ах, ну да, разве что после кражи.

СЧЕТОВОД (ноет.) Такая чудная барашковая шапка была, с ушками. Жена теперь меня со свету сживет.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Ай, да не нойте. У меня и без того в груди тошнит. Да вон лежит... (Вытаскивает из своего кармана шапку.) Вот лежит чья-то шапка.

СЧЕТОВОД. Ей-богу, она самая. Эвон, как смяли. Затоптали ногами.

ЗАВЕДУЮЩИЙ (томно.) Ай, какой неудачный день!

РАБОТНИК (с тоской смотрит на калоши.) Чересчур неудачный день, Василий Федорович.

ЗАВЕДУЮЩИЙ. Эй, там... Кто-нибудь!.. Народ... Дайте мне чай с вареньем!..

Путешествие по эфиру
Скетч

Комната. Диван. Стол. На столе – громкоговоритель. На диване – ЧЕЛОВЕК в ночных туфлях. Читает газету.

ЧЕЛОВЕК (раздраженно). А ну их! Пишут – сами не знают чего. Кажется, в каждом явлении хотят увидеть политику, классовое лицо, пятое-десятое, черта в стуле... (Бросает газету.) А ну их, знаете ли... Спокойно отдохнуть не дают. (Вскакивает. Подходит к радиоприемнику. Поворачивает регулятор. Снова ложится на диван.)

РАДИО. ...причем лучше всего менять солому ежедневно. Тельную корову не следует, кроме того, поить холодной водой. Это отра...

ЧЕЛОВЕК. Еще чего!

РАДИО. ...кажется как на качестве молока, так и на...

ЧЕЛОВЕК. Завели волынку...

РАДИО. ...состоянии здоровья тельной коровы. А также может вызвать...

ЧЕЛОВЕК (вертится на диване). А, черт!

РАДИО. ...заболевание внутренних органов, что нередко...

ЧЕЛОВЕК (вращается на диване). О, черт!

РАДИО. ...выводит корову из строя...

Человек зарывается головой под подушку. Потом вскакивает и в раздражении бросается к радио.

И мы горячо рекомендуем...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ЧЕЛОВЕК (закрывает радио). «Рекомендуем»! А мне плевать хочется, чего ты рекомендуешь... Дураки!.. Ослиные морды!.. (Снова ложится на диван.) Хочется отдохнуть, а тут слушайте ихние коровьи бюллетени. Что я – колхозник или кучер, что мне про коров слушать дают... Нет, это только у нас может быть такое неуважение к отдыхающей личности... Вот, например, за что я люблю Европу, вот там этого не может быть. Там и социальная революция произойдет, и то про коров не будут нашептывать. (Смотрит на радио.) Попробовать разве Европу поймать, отдохнуть? Да нет, черта с два. Небось, наши миляги весь эфир заняли под свои коровьи беседы... А вот, например, скажи я кому-нибудь, дескать, люблю буржуазную Европу. Тут мне намнут холку, покажут кузькину мать. Странно, скажут, подозрительно. А нет ли, скажут, у вас попа в родстве? Классовое лицо начнут шарить, пятое-десятое... А при чем тут классовое лицо? У меня просто критическое отношение к вещам. Я не имею слепого преклонения перед буржуазным строем. Если у них хорошая вещь, я говорю – хорошо, плохая у них вещь, я говорю – ничего себе... сойдет... Ладно... Только давайте. При чем тут классовое лицо?.. А ну их с ихней диалектикой. Только башка пухнет... Отдохнуть, что ли... (Подходит к столу. Поворачивает рычаг репродуктора.) Да разве от них отстроишься... О... о... Позвольте... Ого... Есть... Красота...

Слышится какой-нибудь фокстрот или танго. Установку можно сделать – патефон за сценой. Хорошая слышимость необязательна. В данном случае музыка почти условна.

Вот видите. Вот мотив... чудно. Душа отдыхает. Это вам не коровьи рассуждения про телят и быков. Вон как наворачивают... тру-ру-ру-ру-ру... (Танцует.) Вот она, старая волшебница Европа. Это еще не видать, что там делается... А если на минуту представить себе картину. Ого! Европа. Бар. Мужчины в смокингах. Манжеты. Лорнеты. Пятое-десятое. Элегантность... (Показывает, заплетаясь в своих войлочных туфлях, походку, жесты, движения.) Толкают вежливо, с улыбкой... А у нас... Интересно, какая это страна? Может быть, черт возьми, сама госпожа великая Франция? Париж. Этикие дамочки вьются. Француженки. Легкость отношений. Всюду французская речь: пардон, мерси боку, кес ке се... На таком языке минуты две поговорить – и жить хочется. Дает бодрую зарядку. Бонбон... Бонтон... Бонфрер... А у нас – корова. Солома. Кобыла. Холера. Фрикаделька... Да, отсталая страна. Азия... Вот, скажем, язык. А как его перегонишь? Красавец язык. Пермете моа де ките ля класс. Кома н сапле ву. Нет, язык не так уж красив. Некоторые выражения даже русские обороты речи напоминают. Но зато вежливость... А, закончили. Перерыв. Хороший мотивчик, черт их дери. Хорошая вещь, я всегда скажу – хорошо.

РАДИО. Говорит Москва.

ЧЕЛОВЕК. М-Москва?

РАДИО. Опытный передатчик Наркомпочтеля.

ЧЕЛОВЕК. Как? Почтеля?.. Это что ж?.. Наши... Значит...

РАДИО. Волна семьсот сорок и восемь десятых метра.

ЧЕЛОВЕК. А, черт! (В крайнем раздражении бросается на диван, зарывает голову под подушку. Не слышит дальнейших слов, сказанных по радио.)

РАДИО. Вы прослушали трансляцию заграничной станции из Стокгольма. Через одну минуту слушайте продолжение трансляции. На одну...

ЧЕЛОВЕК (высовывает голову из-под подушки). Ах, черт возьми! Как это я, дурак, ошибся.

РАДИО. ...минуту перерыв.

ЧЕЛОВЕК. Черт возьми, даже странно. Я думал – заграница, а это наши забавляются. Главное, меня смутил развлекательный мотив. Гм. Тоже. За ум схватились. Понимают, что на одних коровах далеко не уедешь. Заграницу копируют... Все-таки большой сдвиг наблюдается. Легкую музыку дают. Этаким веселенький, но пошленький мотивчик. Да, собственно, не так и веселенький. Тру-ру-ру да тру-ру-ру... О... о... опять начали... Скажите, пожалуйста... Тоже... Веселье разыгрывают. Главное, уменя на грош, а туда же. И фальшивят же... фальшивят-то как... А, черт, визг какой! Не могут

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru эфир очистить. Это уж лучше бы про коров говорили. Не так раздражает. Тот еще мотивчик был ничего себе, а этот просто определенная дрянь. И вот спроси их – что можно под эту музыку делать, а? Разве что коров доить. (Делает неуклюжие па.) Нет, не умеют у нас... Не умеют. Азия... О, фальшивят как. Кто в лес, кто по дрова. Один – тру-ту-ту, другой – тью-тью-тью. А вместе – шиш и безобразие. Главное, музыкантов не видать, а вот чувствуешь, что сброд сидит. Так и чувствуешь – сидят этакие в толстовках, ноги растопылив. Морды небритые, рожи такие, лапы грязные. Бухают в свои инструменты – кто во что горазд... Капельдука, этакий брюхастый курицын сын, тыкает своей палочкой туда и сюда. И думает – артист. Композитор. Вагнер. Только, сволочь, сбивает музыкантов... Нет, вы поглядите, какую анафемскую музыку разводят. Рывкают – только народ раздражают. А, черт! Как нарочно, для расстройств нервов. Башка лопается. (Ложится на диван. В раздражении вертится.) Какое-то дикое завывание. О, черт! А, черт! (Кладет подушку на голову. Лежит неподвижно. Снова приподымает голову.) Играют еще. Тьфу, ей-богу. Какофония какая-то. Мазурики.

(Снова кладет подушку на голову. Покрывается толстым платком. Лежит в таком виде и не слышит слов по радио.)

РАДИО. Говорит Москва. Вы прослушали передачу из Данцига. На этом заканчиваем трансляцию заграничных станций – путешествие по эфиру. Переходим к очередной передаче. Слушайте урок эсперанто. Аудате, аудате... А ин аискуле пролетаре детревена...

ЧЕЛОВЕК (высовывая голову из-под подушки). Кончили, что ли?

РАДИО. Естас доцена пароле дефензива...

ЧЕЛОВЕК. Какая-то заграничная станция встревает.

РАДИО. Атента пароле латуда дабужа ен момента...

ЧЕЛОВЕК. Финны, что ли?

РАДИО. Парлерато де пертуте деорум...

ЧЕЛОВЕК. Швеция, кажется...

РАДИО. Пляна констуаре социоль де дженераля кризис...

Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Вот не понимаешь шведского языка, а чувствуешь, что здорово. Чувствуешь, что говорят не про телят и коров, а про что-нибудь этакое хорошее, общечеловеческое...

РАДИО. Аудатес парлорум Профинтерна естас грация Италия деорум...

ЧЕЛОВЕК. Италия!

РАДИО. Уна момента левинтация фините...

Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Италия! (Стучит в стену.) Фекла Васильевна, Италию поймал на коротких волнах.

Радио медленно повторяет сначала все сказанное раньше.

Италия! Боже мой!! Синее небо. Солнце. Смуглые итальянцы ходят туда и сюда – потомки римлян. Чувствуется каменистый берег. Пляж... Этакая смуглая красоточка навстречу идет. Стреляет в тебя глазками и щебечет: парлеранта, парлеранта... А ты

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
языка не понимаешь, но чувствуешь, какая парлланта. Ах, Европа, Европа. Прими
мой пламенный привет. Я иду по твоим стопам.

РАДИО. Теперь прослушайте перевод с эсперанто...

ЧЕЛОВЕК. С... с... с эсперанто?

РАДИО. Слушайте, слушайте. Сообщаем политические новости на языке эсперанто...

ЧЕЛОВЕК. Ах, это эсперанто! Да, да. Ну да, конечно. Ну вот. Вот и наши передают,
а мне понравилось. Вот ваша диалектика. У меня нет слепого пристрастия к
чему-нибудь. Вот дрянь была наша музыка – я говорю – дрянь. Хороший, интересный
язык – мне сразу понравился. Напоминает какую-то Грецию. Италию. Конечно,
особенно долго слушать (выключает радио) мало интереса, но послушать можно.
Отчего же? Я беспристрастно сужу. С общечеловеческой точки зрения. А ну их к
черту! Разве попробовать на сон грядущий кусочек Европы отхватить? Так сказать,
для успокоения нервов. Есть. Играют музыку Чайковского. Нет, опять, кажется,
наши. Ну да. Так и есть. Опять со своим Чайковским. В ушах навязло. Нет,
безнадежная страна. Не умеют создать человеку сносных условий.

РАДИО (по-немецки). Майне херн унд дамен, ауфвидерзейн...

ЧЕЛОВЕК. Стойте, стойте... Ах, это немцы передавали. Ах, ну да. Ну, для Германии
это другое дело. Чайковский – отчего же. У нас это одно дело. А у них – почему
же, правильно. Там это иначе звучит. (Нежно.) Ауфвидерзейн, мои дорогие.

Корни капитализма
Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ОН и ОНА.

Прилично обставленная комната. Чистенько. Аккуратно. Стол. Диван. Картины. В
комнату входит МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. У него в руках букет роз, коробка конфет и
бутылка шампанского. Вид молодого человека радостный и даже сияющий. Он кладет
покупки на стол. Берет вазу, ставит в нее цветы. Несколько роз небрежно бросает
на диван, на стол и на пол. Поэтический беспорядок еще более радует хозяина. Он,
довольный и счастливый, потирает руки.

1

ОН. Вот теперь хорошо... (Поправляет розы на диване.) Вот так. Превосходно. Чудно...
Теперь она может переступить порог моего дома... Юлия... (Вытаскивает из кармана ее
фотографическую карточку, восхищенно смотрит, целует.) Юлия... Нет, все-таки,
любовь – это что-то волшебное... Это черт знает что такое!.. Я не понимаю, как я
раньше жил... тянулись дни, на душе пасмурно... И вдруг... Юлия... Хочется петь, читать
стихи... Это черт знает что такое!.. Как сказал поэт: «О, ты...» Гм... как же это он
сказал?.. Вот раньше и стихи-то не к чему было читать. А сейчас просто какая-то
потребность. Хочется, чтоб все в рифму было... «О, ты... Вселенная... Земная ось...» О,
черт! Хоть бы какие-нибудь захудалые стишки вспомнить... «Прибежали в избу дети...»
Не могу вспомнить... «Тятя, тятя, наши сети...» Нет, не то... Ну, черт с ним! (Снова
восхищенно смотрит на карточку.)

2

Юлия! Сейчас ты своими легкими стопами войдешь в мою скромную холостую хижину.
Несколько роз упадет к твоим ногам. И взволнованный голос полюбившего тебя
человека скажет: «Юлия, я безмерно счастлив, что ты будешь моей женой...» О, черт!
Что же это я, как болван, в шляпе и в пальто... (Вешает шляпу и пальто на гвоздь.
Подходит к зеркалу, прихорашивается.)

3

Так. В порядке... Как говорится – в полной форме и с превышением... Юлия, ты первая
женщина, которую я, без тени сомнения, назову своей женой... Мы как бы созданы
друг для друга. У меня хорошее служебное положение. И ты – на виду. У меня
приличная зарплата и у тебя, ну, может быть, там, несколько хуже, но, как
говорится, ты тоже при своих... Комната у меня, комната у нее. Стало быть, и в
этом корыстный мотив отсутствует. А это в любви немало. Все-таки как-то приятно
знать, что она полюбила меня просто так. Без тени расчетов, соображений. Просто

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru по-лю-би-ла. Вот чего, вероятно, не знали наши отцы... Это у них – пошлые приданые, коммерческий расчет... брр... А тут полюбила за внешность, за светлый ум... Потому что мы с ней в равных условиях. Она сама великолепно зарабатывает. На что ей мои деньги... То есть, как на что? Деньги-то ей, конечно, нужны. То платьице, то что... (Задумчиво.) Вообще я дурак, что чуть не с первого дня брякнул ей, что зарабатываю две тысячи. Еще для форсу приврал на триста. Пыль в глаза пустил. В Крым предложил поехать. Дурак... Что дурак, так дурак. Уж скорее надо было убавить. Потому что если б полюбила – так и так бы полюбила... Конечно, она выше этого. Но все-таки такие вещи незаметно откладываются в женском сознании. Сказал бы – зарабатываю пятьсот. И поглядел бы, черт ее дери, как бы она меня полюбила! Нет, конечно, полюбила бы, но все-таки, как говорится, взял бы и проверил ее чувства. (Снова влюбленно смотрит на карточку.)

4

Юлия... (Задумчиво.) Вообще-то, конечно, не поздно и теперь сказать. Скажу – пошатнулось положение, увольняют со службы. И погляжу в ее глаза – что там у нее загорится. И если увижу хоть малейшую перемену... Нет, нет... А почему нет?.. А почему, черт возьми, нет? А сколько таких фактов, когда выходят замуж из-за служебного положения, женятся из-за комнаты... Ну, хорошо, у Юлии своя отличная комната. Ей не нужна моя жилплощадь. (Задумчиво.) Черт ее знает. Она говорила, что ее комната. Но, может, мамашина комната. То-то она юлила перед матерью: «мамочка, мамочка»... А мамочка, может, спит и видит, когда дочка к какому-нибудь дураку в комнату въедет. Здорово! То-то она все время мечтала на мою комнату взглянуть. Покажите да покажите. Ремонт, говорю... Еще не закончился. Нет – загорелось... А сказал бы – не моя комната. И поглядел бы в ее глаза и выяснил бы мотивы ее чувства... А-а, черт! Фанфарон. Пустил пыль в глаза. Две тысячи зарплаты... Крым... Шампанское... (Хватает со стола бутылку шампанского, прячет ее в шкаф.) Черта лысого я шампанского дам!.. Шампанское, цветы, шоколадные конфеты... Это – всякая полюбит. (Прячет конфеты в шкаф. Вместо них кладет на стол печенье.) А вот я погляжу, мадам, как вы меня с печеньем полюбите... И печенья не дам. (Прячет печенье.) Жрите хлеб... Полюбите нас, когда мы черненькие... (Выхватывает цветы из вазы. Швыряет их на пол. Подбрасывает их ногой под диван и под комод. Случайно в зеркале видит себя. Недоволен своим франтоватым видом.) Сапожки... Брючки... Расфуфырился... (Стаскивает с себя пиджак. Надевает рваную захудалую куртку.) А вот в таком виде не хотите ли нас полюбить? (Надевает на коверкотовые брюки вторые – рваные и страшные.) Вот в таком виде полюбите, – вот тогда спасибо скажу. А так-то всякая полюбит. (Переодевает сапоги.) Вот... Эвон, какой теперь... (Смотрится в зеркало.) Немножко, кажется, перехватил, но ничего... Жалею, что побрился. Ишь, гладкая морда. (Треплет свою прическу.) А такого не хотите – ободранного бедняка, сокращенного по службе, не имеющего своей жилплощади... Вот и поглядим, что от вашего чувства останется. (Прихрамывая, подходит к портрету на стене.) Нет, хромать-то не надо. Это уже слишком... А вот что ей сказал – папаша у меня пролетарского происхождения, – это ни к чему. Сказал бы, что барон. И поглядел бы, как вытянулась [бы] ее физиономия. (Снимает со стены портрет отца.) А генерала не хочешь?.. Нет, погоди, я тебе сейчас наверну родство. (Роется в папке, вытаскивает что-то вроде священнослужителя.) А такого папу не хочешь? Вот, скажу, отец. Извините, скажу, что приврал. На самом деле, мадам, будете теперь из духовного звания, ежели рискнете за меня замуж пойти.

Стук в дверь. Входит ОНА.

6

ОНА (нежно). Мой дорогой...

ОН. Юлия!

ОНА (с изумлением). Что с вами? Что за маскарад?

ОН. Ах, это... Да так... Приходится беречь выходной костюм. А то вопрешься в единственный костюм – лоскутки полетят.

ОНА (пожимает плечами. Потом торжественно). Ну вот, наконец, я в вашей комнате. (Оглядывается.) Николай! какое странное чувство. Я вошла в вашу комнату и в первый раз в жизни почувствовала – я дома, у себя...

ОН (подозрительно). Гм... У себя?

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

ОНА. Этот милый диван... Этот столик, этажерочка... Все это теперь какое-то близкое, родное...

ОН. Нет, диван-то... не родной... это не мой диван... Со... соседа... И мебель, Юлия, вообще не моя... чужая...

ОНА. Ах, да? Ну, тем лучше. Мы приобретем другую, такую, какая нам понравится. Да, котик?

ОН. М-да... Приобрести, конечно, можно... Если, конечно...

ОНА. Вот как мы вернемся из Крыма, так и займемся этим делом. Да?

ОН. Конечно, если финансы позволят.

ОНА. Ну, что за чепуха! Вы отлично зарабатываете. И у меня хорошее жалованье... Обязательно приобретем, да, котик?

ОН (с горькой усмешкой). Отлично зарабатываете! Крым... Мебель... Юлия... Я должен вас с заоблачных высот спустить на землю... Видите ли, Юлия... Случилась непоправимая беда... Материальное положение у меня более чем плохое...

ОНА. Но вы говорили...

ОН. Да, тогда было одно, а сейчас другое...

ОНА. Но ведь еще вчера...

ОН. Да, сегодня все и обнаружилось...

ОНА. Но что обнаружилось?

ОН. Обнаружилось... вообще... Стало быть... Ликвидируется моя должность... Конечно, работу найду... Но уже не то... Рублей на триста, четыреста... от силы...

Юлия подходит к нему. Нежно смотрит в его глаза.

7

ОНА. Николай! Ну, это ничего. Ты не огорчайся... Будем работать, трудиться...

ОН. Юлия! (Сдерживает себя.)

ОНА. Будем постепенно обставлять нашу комнату. Зачем нам торопиться...

ОН. Да, конечно.

ОНА. А в Крым поедem через два года... Единственно мне хочется в первую очередь – это оклеить комнату. А то эти жуткие обои мне на нервы действуют.

ОН. Конечно, оклеить можно, но... Не знаю... как сосед... поскольку...

ОНА. Что сосед?

ОН. Поскольку комната, со... соседа... Если оклеить, так он... обидится...

ОНА. Как со... соседа?

ОН. Да, Юлия... Комната не моя... Комната решительно не моя... Со... соседа.

ОНА. А сосед где живет?

ОН. А сосед... там... живет...

ОНА (мужественно). Ну, ничего, Николай. Мы переедем ко мне. И вообще все будет чудно.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
ОН. Юлия! (Снова сдерживается.)

ОНА. Мы будем работать. И шаг за шагом все сделаем.

Юлия подходит к нему и нежно обнимает.

8

ОН. Юлия!

ОНА. Фу, ну что за тряпки на вас! Неужели у вас нету ничего другого?..

ОН. Ну откуда? Живешь, как говорится... Сегодня сыт – и слава богу... А костюм – откуда же взять костюм?..

ОНА. Я не понимаю... Но ведь вы же говорили, что все так хорошо. А теперь выходит, что...

ОН. Было хорошо... Но вот... (Машет рукой, обращается к портрету.) Бедный мой папка, если б он знал, что с его сыном!..

ОНА (косо поглядывая на портрет). Николай, вы меня пугаете... Я не понимаю, что случилось...

ОН. Нет, ничего не случилось... Так, бедность заела. Вот был бы жив мой отец – он помог бы мне...

ОНА (испуганно смотрит на портрет). Это что?! Это кто?..

ОН. Папа...

ОНА. Но вы говорили, что ваш отец был легковой извозчик... а тут... Какой-то римский папа...

ОН. Да, он был извозчик, потом в последний момент перекинулся. Иеромонахом был...

Она нервно ходит по комнате. В изнеможении садится за стол, барабанит пальцами по столу.

ОНА. Ну, это, знаете ли...

ОН. Уж извините, Юличка... Угостить нечем. Была где-то у меня булка... Не знаю, кажется, я ее съел...

ОНА (нервно). Дайте мне воды...

ОН. Откуда у меня вода?.. Живешь – еле концы с концами сводишь... Ах, воды? Простите, не понял, сейчас принесу... Вот только не знаю – есть ли стакан... (Уходит.)

9

ОНА. Бедный Коля! Он так взволнован, огорчен. Я, кажется, еще больше его полюбила. Он такой беспомощный... Мы переедем ко мне. Я буду о нем заботиться... Няньчиться с ним... Я так счастлива, что я теперь свободна, что разошлась с этой свиньей Мирским, который женился на мне из-за комнаты. Подлец! Это какое-то несчастье, что я имею комнату! Четыре раза нарывалась на подлецов... В Николае хоть я уверена. Он сам имеет ком... Хотя, впрочем, это не его комната... А что, если и он?! Нет, нет... А почему нет?.. Если те четверо строили свои расчеты на комнате... то почему бы и он?.. Комнаты-то у него нет... Ну ясно... Фу, потерять из-за комнаты такого человека, такое чувство... Ах, почему я не сказала ему, что это не моя комната. Я же хотела это сделать...

Входит НИКОЛАЙ со стаканом воды.

10

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
ОН. Еле стакан нашелся. У соседа занял. Мои-то все перекоканы... Только вода сырая – пейте осторожно. Вскипятить не на чем...

ОНА. Вообще я поражена, Николай. Еще вчера все казалось великолепным, а сегодня – нищета, бедность, стаканов нет... Я, право, не знаю, как мы будем жить.

ОН. Ну, мы, Юля, переедем к вам, дома у вас так хорошо...

ОНА. Что хорошо? Да знаете ли вы?! Извольте – откровенность за откровенность: та комната не моя. И если вы имели в виду...

ОН. Ну конечно... Я так и знал.

ОНА. Что вы знали?!

ОН. Что вы... Что вы сами хотели... короче говоря, сами мечтали переехать в мою комнату.

ОНА. Какой вы негодяй! Ну так знайте – комната, действительно, не моя... В службе я не уверена. Техникум не закончен. Получаю зарплаты сто семьдесят рублей, а не семьсот... Натё! Извольте. Вы хуже того подлеца, с которым я разошлась. Тот хоть честно проговорился, что ему комната нужна, а вы... вы тайком...

ОН (пораженный). Юлия!

ОНА. Ну так знайте, корыстный человек, что у меня хуже положение, чем у вас. У меня нет даже пятнадцати копеек на трамвай.

ОН. Юля! Но вы говорили...

ОНА. Что я говорила?! А вы что говорили? Мы – квиты.

ОН. Юля, я не понимаю вас... вы клеветеете на себя. Я же был у вас дома... Я видел у вас... даже драгоценности...

ОНА. Ах, вы и драгоценностями интересовались! Ну так знайте – это все не мое. Я взяла брошку и браслет у подруги.

ОН. Но ведь это у вас второй год. (Вытаскивает серебряный портсигар. Нервно закуривает. Потом, боясь, что она увидит портсигар, прячет в задний карман брюк.)

ОНА. Да, второй год как взяла... и забыла отдать...

ОН. Забыли отдать?! Мило! Значит, попросту прикарманили? Вот теперь я вас понимаю.

ОНА. Как вы смеете?! О, я только теперь вас раскусила!

ОН нервно курит. Потом бросает папиросу на пол. Хочет закурить другую. Ищет портсигар по карманам. Не находит, забыв, что портсигар в заднем кармане. Смотрит по сторонам. Подозрительно поглядывает на Юлию, потом на ее сумочку.

11

ОН. Мило... Гм... Тут где-то мой портсигар был...

ОНА. О-о, какой вы негодяй! Нет, ни минуты больше я не останусь в вашей комнате...

ОН. Гм... Серебряный портсигар... Странно... И сразу уходите... Простите, может быть, вы случайно в сумочку... серебряный портсигар...

ОНА. Что?! Как вы смеете!.. Да откуда у вас серебряный портсигар?.. Не трогайте мою сумочку...

ОН. Мне не жалко портсигара, но я хочу вас проучить.

(Раскрывает ее сумочку. С удивлением вытаскивает пачку денег. Смотрит

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru документы.)

ОНА. Как вы смеете?!

ОН. Юля!.. На сберкнижке у вас пять тысяч. Зачем вы клеветали на себя?.. Вы закончили техникум... Зарплата у вас – семьсот рублей... Юля!..

ОНА. Как вы смеете?! (Почти падает на диван.)

ОН. Так, значит, это вы так сказали... Юля, простишь ли ты меня?.. Ведь я тоже нарочно... Тоже хотел узнать...

(Случайно обнаруживает портсигар в своем кармане, закуривает, бросает папиросу, становится перед Юлией на колени.)

ОНА. Не трогайте меня!

ОН. Простишь ли ты меня?.. Я пошутил... Это все была шутка... Комната моя... Зарплата тысяча семьсот монет... В Крым заказаны путевки... Юлия!.. (Вытаскивает из шкафа пиджак, переодевается. Приглаживает прическу. Ставит на стол шампанское и конфеты.)

ОНА. А папа?

ОН. И папа... Это папа римский. Репродукция с картины Веласкеса... (Срывает со стены портрет, достает портрет отца.) Вот он, мой старик. (Снова становится на колени перед Юлией, достает из-под дивана цветы. И вместе с какой-то ночной туфлей кладет их на колени возлюбленной.)

ОНА. Видите, как много в нас еще прежнего, нехорошего! Мы подозрительны, недоверчивы...

ОН. Да, да, Юля... Как много в нас еще старой закваски! Наше сознание еще не освободилось от прежнего... Я был свинья, Юля. Прости меня! (Он снова выгребает цветы из-под дивана. И вместе с другой туфлей кладет их на колени возлюбленной.)

Письма к писателю

Предисловие к первому изданию

Последние два-три года я получаю от читателей много писем.

Письма идут, главным образом, из провинции.

Меня запрашивают, как жить, как писать стихи и что читать.

Мне предлагают сюжеты, критикуют меня, одобряют и поругивают.

Видимо, читатель меня воспринимает не совсем так, как критика.

Я решил опубликовать эти письма.

Я больше года сомневался, стоит ли мне это делать. Может, это не совсем этично. Может, наши молодые начинающие критики захотят уличить меня в низкой саморекламе. Может быть, наконец, это покажется обидным моим корреспондентам, и они перестанут мне писать. А я привык к этим письмам. И полюбил получать их.

Но я решил пострадать на этом деле. Пусть каждый думает, как умеет. Мне реклама не нужна. Корреспондентов я не обидел. Я скрыл их фамилии. Но я не могу и не имею права держать в своем письменном столе такой исключительный материал.

Я не хочу сказать, что в этой моей книге можно увидеть настоящее лицо читателя. Это не совсем так. Эти письма, главным образом, написаны особой категорией читателя. Это, по большей части, читатель, желающий влиться в «великую русскую литературу». Это сознательные граждане, которые задумались о жизни, о своей судьбе, о деньгах и о литературе.

Здесь, так сказать, дыхание нашей жизни.

Дыхание тех людей, которых мы, писатели, стараемся изобразить в так называемых

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru «художественных» произведениях.

Здесь, в этой книге, собраны самые различные письма и страсти.

Здесь, в этой книге, можно видеть настоящую трагедию, незаурядный ум, наивное добродушие, жалкий лепет, глупость, энтузиазм, мещанство, жульничество и ужасающую неграмотность.

У меня не было, конечно, ни малейшего желания поиздеваться над неграмотностью моих читателей. Я не ради смеха собрал эту книгу. Я эту книгу собрал для того, чтобы показать подлинную и неприкрытую жизнь, подлинных живых людей с их желаниями, вкусом, мыслями.

Конечно, у какого-нибудь критика или жуликоватого читателя непременно мелькнет мысль о деньгах.

Знаем, скажет, денежки в карман сунул – вот вам и вся философия этой книги. Сколотил, скажет, из чужого добра книженцию, а после базу подводит. Народец, скажет, пошел – из барахла и то монету гонит.

Спокойно!

Денег я себе не возьму. В самом деле – имею ли я право на эти деньги? В чем тут моя работа? Разве только в том, что я вскакивал по утрам с кровати и открывал почтальону двери.

Конечно, если подумать глубже – кой-какая работишка все же была проделана.

Я внимательно читал эти письма. Я отвечал почти всем корреспондентам. Одних рукописей я прочел не менее как тысячу.

А мои нервы? А бессонные ночи, в которые я обдумывал эту книгу? А сама работа над книгой? Я два года изо дня в день подбирал и перебирал эти письма, думал о них, об их авторах. И эти авторы побывали у меня в мозгу, как и все герои моих книг. Черт побери! Нету денег, которыми можно оплатить мне эту работу.

Каюсь: некоторым читателям я отвечал небрежно. Может быть, иной раз там, где надо было пожалеть или успокоить, – я этого не сделал. А как правило – все почти искали поддержки, похвалы, успокоения и какого-то чуда.

Я не мог и не сумел быть добрым и внимательным ко всем. Я не мог заняться гуманными идеями. Это помешало бы моей литературе.

Но не в этом дело.

Пусть читатель безмятежно перелистывает эту мою книгу. Пусть не прикидывает в своем беспокойном мозгу – а сколько заработал предприимчивый автор на явном барахле.

Автор ничего не заработал.

Часть денег с этого издания я отдам своим родным. Половину я дам тем знакомым и тем писателям и поэтам, которые, как мне известно, находятся сейчас в крайней нужде.

Кроме того, я, конечно, оплачу по рыночной цене стихи, помещенные в этой книге.

(Тем авторам, которым я еще не уплатил, – обращаться письменно: Ленинград. Главный почтамт. До востребования. Мих. Мих. Зощенко.)

В заключение я должен сказать, что книгу эту собрать было чертовски тяжело. Из груды скучных и тупых писем я отобрал те, которые показались мне наиболее характерны. По этой причине в книге имеется мое лицо, мои мысли и мои желания. Книга сделана как роман.

Еще я должен добавить следующее: много интересных писем я не печатаю. Сплетня, непристойность и клевета не попали в эту книгу[3].

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Во всех напечатанных письмах я частью убрал настоящие фамилии, частью заменил новыми для того, чтобы не кинуть тени на живых героев. Что касается самих писем, то некоторые письма мне пришлось несколько сократить, чтобы читатель и покупатель не задремал на них. Все остальные остались нетронутыми. И подлинники хранятся у меня.

Я выпускаю эту книгу с некоторой грустью и беспокойством. Я жалею, что ее выпускаю. Я предпочел бы прочесть такую книгу, собранную другим писателем.

Мих. Зощенко

Апрель 1929

Предисловие ко второму изданию

В ответ на эту книгу я получил от читателей громадное количество писем. Однако нового они мне почти ничего не дали. Больше того – половина писем, как ни странно, чрезвычайно похожи на помещенные здесь. Повторяются фразы, отдельные словечки, просьбы и пожелания.

Правда, несколько десятков писем представляют чрезвычайно большой интерес, но я не предполагаю их сейчас печатать. За исключением, впрочем, пяти-шести писем. Эти письма я печатаю взамен убранных мной.

Дело в следующем. После того, как первое издание вышло в свет – ко мне стали приходить авторы этих писем. Моя книга, так сказать, ожила. Живые герои стали как бы сходиться со страниц.

Некоторые явились из любопытства. Другие – в надежде перехватить немного денег. Третьи ужасно ругали меня за то, что я напечатал ихнее творчество. Были обиды и огорчения. И в силу этого мне пришлось убрать несколько писем.

Так вот, взамен их я и помещаю несколько новых. Эти письма датированы 1930 ГОДОМ.

М. Зощенко

Февраль 1931

Первое письмо

Этому письму принадлежит честь открыть мою книгу. Это классическое письмо. Оно неизвестно для чего написано. Просто так.

Автор письма и сам несколько удивлен и сконфужен этим обстоятельством. Автор письма и сам не знает, зачем он взялся за это дело.

Но письмо написано. Отправлено. И вот – нашло свое применение.

«17 мая 1928

Слыхали ли вы о таком виде сумасшествия, как мания писать письма и знакомым и незнакомым?

По правде сказать, это опасное времяпровождение, особенно когда подписываешься. Какой-нибудь чудаки примет слишком близко к сердцу, сочтет за хулиганство и пожалуется кому следует. В результате – длинная неприятность. Вам же писать особенно страшно, потому что, говорят, вы очень нервный. Зимой мне надо было оппонировать по докладу «Серапионовы братья как общество».

Мы с докладчиком решили пойти к вам за материалом, но нас отговорили. Сказали, что вы способны спустить с лестницы, а такой результат нашей любознательности нас не привлекал. Что вы сделаете с письмом, мне безразлично, но все-таки не нервничайте: это вредно.

Переписка у меня обширная. Моя аккуратность заслуживает похвалы. Письма все разложены по большим конвертам, причем на каждом конверте написана фамилия лица,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru чьи письма. Есть даже конверт «Разные лица и учреждения» (показывает влияние бухгалтерского уклона школы); впрочем, в этом конверте лежит только одно письмо из Ак. Филармонии.

Зачем это я пишу? Не знаю.

Во всяком случае, не сердитесь.

Как писателю добавлю: мне нравятся ваши технические приемы.

Остаюсь с почтением А. П.

Если у вас больные глаза, то им повредят мои красные чернила, которые, между прочим, имеют историческое значение: куплены в довоенное время и удивительно, что до сих пор не испортились.

Извините за беспокойство.

А. П.».

Барышня из Кронштадта
Это письмо я получил из Кронштадта.

Тамошня девича пожелала иметь мою фотографическую карточку.

Вот как она пишет об этом желании, абсолютно не теряя чувства собственного достоинства.

«Кронштадт, 30 июля 1927

Многоуважаемый Зощенко!

(Простите, не знаю Вашего имя отчества.) Я представляю себе Ваше удивление при получении сего послания.

Дело в том, что я возгорелась желанием иметь Вашу карточку. Я преклоняюсь перед Вами, т. е. перед Вашими фельетонами, ибо я слишком горда, чтобы преклоняться пред мужчиной. Ну, вполне понятно, что возгорелось желание взглянуть на их, т. е. Ваших рассказов, создателя.

Правда, Вы можете сказать, что Ваши портреты имеются на обложках книг, но тут-то и получается недоумение, я видела три Ваших портрета, и все страшно противоречат друг другу. Остается предполагать, что либо художники рисовали, не видя оригинала, или Вы изменчивы, подобно хамелеону.

Ну, вот я набралась храбрости и решила просить у Вас карточки, если у Вас нет ревнивой супруги, которая следит за Вашими портретами, то я думаю, что Вам будет не трудно исполнить мою скромную просьбу.

Передайте от меня привет Мазовскому, я им тоже очень увлекаюсь, т. е. не им, а его сочинениями.

Не думайте, что я пишу Вам с целью пофлиртовать, боже упаси! Хотя пофлиртовать я люблю, но у меня и так довольно объектов для этого.

Итак, мой адрес: гор. Кронштадт...

Конверт грубоватый, вульгарного тона. Вы не сердитесь?

Я не хочу, чтобы Вы на меня сердились!

К.

Если жалко дать карточку на совсем, то пришлите на время, я верну ее Вам с благодарностью, разумеется, которая не больше конверта. Пришлите карточку, я хочу иметь ее!

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Слышите?

К.

Извините, что пишу не на почтовом листе, лень дотянуться до бювара».

Беспризорный гений

Письмо получено из Бухары в 1928 году. Я печатаю его с точным сохранением орфографии. Иначе не видать лица автора.

«3 мая 1928

Мой Лучший Привет Михаилу Зощенко.

Я для вас не известный но будущий беспризорный гений юморист Сцены хочу поставить себя в известность и доказать от всех беспризорных что значит дитя с улицы а по этому хочу попросить вас о сочинении для меня Репертуара чтонибудь из сатиры и юмера так как у меня Репертуар хромает старыми вещами.

А для того чтобы доказать Современностью я обращаюсь к вам как к Спецу Вашего дела и на деюсь вы охотно приметесь за работу Как Помочь мне А также заработать Себе.

А теперь я хочу кое что на писать о себе я два года тому назад.

Пел и ценители моего Искусства слушая Меня в лохмотьях и со взерошаноми Волосами говорили только: на ять.

А теперь я немного мозмужал и голос уменя стал довольно солидной и выступая на все возможных Вечерах я делаюсь ка кто любимцем Публики и теперь я призываю Вас как можно поскорей по остроумнее и вы окромья платы после некторых выступлениях получаете от мене вознаграждение.

Что я хотел иметь в репертуаре чтобы кончилось на припевы – «обидно и досадно» и попури из опер и кокиянибудь Аникдоты, монолог чтонибудь из современности
Вобщем соображайте чтонибудь по остро умнее –

С приветом...

Если Возьметесь то со опщите по адресу Г. Н. Бухара... и я высылаю задаток А также соопщите сколько вещь будет стоит».

В ответ на это письмо я послал будущему гению Сцены свою книгу «Уважаемые граждане».

Что я мог еще сделать? Я бы охотно ему чего-нибудь сочинил, но боялся не справиться с припевом «Обидно, досадно».

Комбинация

Это довольно смелое письмо я получил в двадцать шестом году. Письмо я печатаю полностью.

Что же касается рассказов, то печатать их невозможно. Во-первых, они скучноваты, во-вторых, возможно, что рассказы кому-нибудь известны, а по этой причине станет известно и имя автора. А я бы не хотел моих здешних горемычных друзей конфузить перед их знакомыми.

Письмо такое:

«20 октября 1926

Товарищ Зощенко!

Я обращаюсь к Вам с большой просьбой. Дело в том, что я военный моряк Черноморского флота и в минуты досуга царапаю стихотворения и рассказы.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Я сам Москвич. Не так давно я был в Москве и заходил в ВАПП, где меня приняли очень радушно, взяли мои труды.. и до сих пор ничего оттуда не слышу, несмотря на то, что обещали дать мне свой отзыв.

Чувствуя, что как раньше, так и сейчас очень трудно завоевать себе место в литературном мире, я посылаю Вам один и другой из своих рассказов и прошу Вас сообщить мне, заслуживает ли мое творчество внимания и есть ли у меня способности.

В случае благоприятного заключения, чувствуя, что самому мне не выбраться на дорогу, я прошу Вас протолкнуть его либо, или же в крайнем случае, самим купить у меня или рассказ целиком или тему его.

Я очень нуждаюсь в монете, и если Вы мне поможете, то я буду крайне благодарен Вам, так как знаю, что с Вашей подписью этот рассказ появится в печати. В дальнейшем, если эта комбинация подойдет Вам, я вышлю Вам остальные свои вещи, которых у меня довольно много.

Короче говоря, я Вам рассказы или темы их, Вы разрабатываете их – Ваша подпись, а мне часть гонорара.

Известность и имя мне не нужны – нужны только деньги.

Прошу Вас сообщить мне ответ по адресу: гор. Севастополь..

Надеюсь, Вы меня поймете и поможете мне.

С морским приветом...»

На это письмо я ответил довольно резко. Я написал, что литература не парусина и не мармелад и нельзя так ею торговать, и что я, несмотря на заманчивое предложение, решительно отказываюсь от подобной комбинации.

Это не помешало автору через полгода снова обратиться ко мне примерно с такой же просьбой.

И возможно, что в настоящее время человек, в силу своего энергичного характера, уже выбился в люди.

Простите ль вы меня за то..

Лирические стихи получены от неизвестной женщины. Сначала она писала мне прозаические письма, но потом ударилась в поэзию. А еще А. С. Пушкин про поэзию сказал довольно определенно: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата».

И действительно.

«30 октября

Простите ль Вы меня за то,

что часто так я Вам надоедаю..

Но разрешите ль мне сказать одно,

что день и ночь о Вас мечтаю.

С тех пор как я читаю Вас,

Спокойствие души я потеряла,

Все только лишь о Вас мечтала,

И видеть Вас – Мечта моя.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Простите ль Вы меня за то,
что обращаюсь к Вам стихами,
Но только в них сказать могу я,
что на душе... а впрочем, нет...
Поймите сами –

Меня Вы строго не судите...
Стихи сама я сочиняла...
2-го на спектакль придите...
Об этом дне – давно мечтала.

Простите за мое стихоплетство, но иногда на меня находит такое состояние, что мне обязательно надо что-нибудь сочинять... Я знаю, что мои стихи недостойны, может быть, Вашего внимания, но я ужасно хочу, чтобы Вы их прочитали.

Я их писала даже без черновика и прямо экспромтом.

Зина.

Р. С. Я южанка, а потому...»

Эморист

Письмо это было послано на имя редактора «Красной газеты». Но так как письмо касается, главным образом, меня, то мне его и передали с просьбой ответить автору.

Однако я не ответил, имея в виду параграф 14-й этого письма.

«Гор. Сталинград на Волге 1927 года июня 25 дня

Уважаемый товарищ редактор!

При этом письме я очень в застенчивом состоянии, в смущении и в неловкости вздумал Вас «посмешить», посылая свои «произведения», и этим самым услышать критику Вашего слова по этому вопросу.

Что делать, товарищ, как сказать, с чем черт не шутит, а иногда и взаправду в натуре выходит.

Так вот и я в этом смысле тоже вляпался, вздумал ни с того, ни с сего сделаться «писателем» (скорее всего, думаю, бумагомарателем) и к своему не то удовольствию, не то курам на смех написал эти 4 рассказика, но как они сами по себе построены, т. е. написаны, я и не могу себе представить, так как около меня такого человека, который мог бы раскритиковать мои начинания в писательстве, – нет, да и к тому же я только что начинаю в этой отрасли проявлять свою работу.

Нужно и даже считаю необходимым указать на то, что я журналистикой и вообще как и газетной работой очень интересуюсь и желаю всеми силами, какие у меня имеются, тоже встать в ряды работников газетного и журнального дела, в частности, эмористиков, но, к величайшему сожалению, нет около меня (хотя не около меня непосредственно), но даже и вообще такого человека, который мог бы дать свои конкретные советы, направления и товарищеские серьезные указания в той отрасли работы, в которой я желаю работать и уложить в нее имеющиеся у меня силы, желания и немногие познания и т. д.

Итак, уважаемый товарищ редактор, дальше считаю смелость сказать о том, что я много и много задумывался над тем, как и почему и с чего пишутся большие и

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru маленькие рассказы того или иного направления, в частности, эмористические, и я долго не мог этого понять, хотя много раз старался писать и в результате ничего не получалось, и перо снова ложилось обратно на свое место.

И только случайно приобретаю у киоскера книжку Михаила Зощенко, я очень много смеялся, но не только смеялся сам, но и заражал смехом и многих других слушателей, которым я читал рассказы Мих. Зощенко вслух, я все же не мог понять того, откуда же именно берется материал для рассказа, и все-таки я сам решил так, что это делается при наличии имеющегося материала какого-либо или личного наблюдения.

Так это предположение как раз к моему великому удовольствию и подтвердилось следующим образом.

Купив однажды следующий выпуск книжки Мих. Зощенко (я читаю исключительно все произведения Мих. Зощенко), я вычитал на первых страницах предисловие самого автора, где он пишет, что все появившиеся его рассказы основаны на газетных заметках, письмах рабкоров и документах. Вот тут только я в полной детали смог вполне понять всю сущность писательского навыка и, самое главное, искусства.

И в конце концов я решил попытаться удачи в этом деле, т. е. в работе моего желания, и избрал пока что руководством для моих рассказов «Рабочую газету», личные наблюдения и различные случаи, случившиеся со мной. При этом избрав технику писательского искусства Михаила Зощенко, так как читавший других подобных эмористов, таковые меня не удовлетворили несмотря на то, что у меня в наличии имеется смех, вызываемый при одном странном слове у Мих. Зощенко.

И я решил остановиться на технике Мих. Зощенко, при этом скупая все его книжки, прочитывая их и вникая в его технику писательства и построение рассказа, стараюсь не подражать повторителности слов, а стараюсь таким же простым языком выражаться так, как и Мих. Зощенко.

Итак, уважаемый товарищ редактор, конечно, много здесь не стоит по-моему распространяться, да и не к чему, но только прошу Вас быть добрым по отношению ко мне в даче разъяснений и советов по вопросам, которые я Вам здесь приведу.

1. Можно ли учиться по книгам других авторов рассказов, в частности у Мих. Зощенко, его технике писательского искусства и чего можно и чего не позволено допускать в этих случаях.
2. Можно ли писать рассказы на основании случаев, происшедших с автором рассказа (т. е. со мной) или нельзя; или можно при известных условиях и каких именно.
3. Можно ли использовать газетный материал, в частности «Рабочей газеты», и нужны ли для этого какие-либо согласия для разрешения и существуют ли по этому вопросу условия.
4. Если у меня будут показания очевидцев, граждан-жалобщиков, будут документы и если все это будет хотя бы в малейшей степени мне ясно и очевидно, могу ли я писать по этому вопросу рассказы.
5. Могу ли я использовать газеты: «Безбожник», «Киногазету», «Красную газету», местные газеты своего города и т. д. и при каких условиях.
6. Строго ли требуется знание правильности изложения письма с грамматическими правильностями, так как я вижу в изложениях своих рассказов упущения логического и расстановочного смысла, которые я, как ни старался, устранить не мог, но в дальнейшем постараюсь натренироваться.
7. Можно ли продолжать писать рассказы, руководствуясь пока исключительно «Рабочей газетой» и случаями, случившимися со мной.
8. Можно ли при удаче своего замысла помещать свои рассказы не под фамилией, а под псевдонимом «Незощенко» и не будет ли против Мих. Зощенко на такое сходство.
9. Каким образом можно снестись с Мих. Зощенко и можно ли, а то еще, может, и нельзя, если он не сердитый (по рассказам его видно человек добрый и веселый), то укажите мне, как их отыскать (так как в его рассказах его адреса нигде нет),

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru и можно ли с ним письменно по-товарищески поговорить и познакомиться, если это все осуществимо; и только если возможно вышлите адрес Мих. Зощенко, но имейте в виду согласие самого М. Зощенко на высылку адреса.

10. Можете ли Вы передать привет Михаилу Зощенко и сказать, что читатель его произведений Михаил... также желает идти по той дороге, по которой идут и они.

11. При известных достоинствах и недостатках можете ли Вы мне выслать: указания, советы и т. п. начинающему и желающему работать в той отрасли, в которой я указал выше.

12. Как находите мои рассказы, могут ли они что-нибудь дать в смысле их использования, если нет, то пожалуйста укажите почему.

13. Могу ли я писать, и находите ли Вы в моих рассказах, что нужно самое главное для человека, занимающегося этим вопросом.

14. Если не могу – то лучше ответьте нет, и на остальные вопросы ответа не давайте, а то и совсем в отрицательном случае не отвечать.

15. Самое главное прошу постарайтесь дать адрес Мих. Зощенко.

16. В случае удачи в моих работах сообщите условия приема для использования, норму, т. е. количество рассказов, и кроме того промежутки, устанавливаемый редакцией для подачи свежих; или совсем не устанавливается.

Вот и все, товарищ редактор, и за все прошу извинить, но просьбу мою исполнить и доброй волей обратить внимание советами и указаниями.

Пока остаюсь в ожидании.

С товарищеским приветом...»

Однако примерно через полгода (а может быть, несколько и больше) я снова перечел это длинное письмо и пожалел автора. Я написал ему несколько слов приветствия. Пожелал ему учиться и не бросать журнальной работы. Однако ответа почему-то не получил. Я искренно этим огорчаюсь.

Стихи

Стихотворение «Старуха и ее дочь» было прислано с просьбой напечатать.

Печатаю с сохранением орфографии:

Старуха и ее дочь

Худая ветхая избушка

И как тюрьма темна

Слепа мать старушка

Как полотно бледна.

Бедняжка потеряла

Своих глаз и ух

Прожила не мало

И чуть переводит дух.

Прожила уже много 65 лет

Потеряла силу, а счастья нет

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru

А у ней девченка там в углу сидить
Бедная рыдает, в холоду дрожить

Голод донимает
Есть она хотит
Руки не согреет
И дрожа сидит

Но темно в избушке
Не с кем ей играт
И осталось к подушке
Припасть и зарыдать

Бедная девченка
Рано она встает
И дрожа по улече
Бедная снует

Каждой избушке
Под кно стучит
Сердце ее тревожит
Есть она хотит

Наберет немного фунта 1½-ра
И бежит домой быстрая она
Чтобы не прозябнуть
Чтобы не простыть
Чтобы не остатся
И как мать не быт.

Человек обиделся
За все годы своей литературной работы я ни разу не получил очень ругательного письма. Вот, впрочем, единственное письмо, в котором автор довольно резко выражает свое негодование.

Орфографию сохраняю.

«Тов. М. Зощенко!

Дайте разъяснение.

Вот на что следует обратить внимание. Издателя и Писателя. В библиотечке:
Бегемота за № 14/47. 1927 года. Из-во Красной Газеты, Книжечка под названием:

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Социальная грусть, в рассказе:

Гибель строителей, написано так что я и процетирую выдержку из нескольких строк:
«На какой кляп нам строители».

Что такое слов кляп?

Тов. Зощенко может быть знает и разъяснит многоуважаемым его читателям Всего СССР которых это слово интересует.

Это слово ругательское и какое которым ругаются из Чубаровского переулка что в Ленинграде.

Может тов. Мих. Зощенко по иному его разъяснит?

Зачем нам в книгах учиться ругаться, когда и так умеют.

Следовало бы тов. Зощенко себе подумать чем писать это.

А Главлиту и ГИЗ не выпускать такую рухлядь в количестве, 60 000 тысяч экземпляров.

Сергей Алекс...»

Даю разъяснение. В этом слове нет ничего оскорбительного. Это слово происходит от – клепать, заклепка. На воровском жаргоне кляпом называется платок или тряпка, засунутые в рот для того, чтобы ограбленный человек не кричал во время «профессиональной работы».

Причем выражение «кляп с ним» совершенно недвусмысленно и отлично определяет положение.

Возможно, конечно, что Литовский район пытался еще как-нибудь обломать это слово на свой вкус, однако литература тут ни при чем.

Все спокойно, дорогой товарищ! Никто никого не оскорбил. Литература продолжается.

Открытое письмо

Старая пожелтевшая открытка, засиженная мухами. Наверное, много лет эта открытка висела в избе под иконой. Имеется прокол от булавки.

На открытке какой-то член первой Государственной думы.

На другой стороне довольно четким почерком написано:

«Тов. Зощенко Михаил.

Моя просьба к вам тов. Зощенко дайте мне советы или указания или посоветуйте выписать книгу-учебник, как легче научиться писать стихи и рассказы будучи крестьянином я очень жажду этому, будьи товарищем добрым напишите мне несколько строк совету по Адресу:...

Пишите доплатное я уплачу пожалуйста.

Остаюсь...»

Открытка была послана в двадцать седьмом году на адрес «Красной газеты».

Я послал автору открытки письмо, в котором я объяснил все, что знал по этому поводу. Причем посоветовал ему побольше читать и посерьезней заняться грамматикой, прежде чем приступить к стихам и рассказам. И дал совет, какие выписывать книги.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Письмо свое я послал с маркой, не воспользовавшись любезным и трогательным предложением – писать доплатное.

Стихи о Ленине

Пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, «неописуемых» людей. Эти люди до революции жили, как ходячие растения. А сейчас они, худо ли, хорошо, – умеют писать и даже сочиняют стихи. И в этом самая большая и торжественная заслуга нашей эпохи.

Вот в чем у меня никогда не было сомнения! В этих стихах есть энтузиазм.

Учитель Ленин

Я пишу о вас тов. Ленин
что ты родной отец мой,
что ты дал большое знанье
и научил читать меня.

я неграмотный мальчишка
до семнадцать лет ходил
и не знал я первой буквы
и не видел даже книг.

А теперь счастливый

я читаю и пишу
и о вас товарищ Ленин
я сочинения пишу.

Военные стихи

Я получаю изрядное количество стихов. Многие авторы просят оценить ихний поэтический дар. Некоторые требуют напечатать, предполагая, что мне известны какие-то необыкновенные ходы для этого дела.

На первый взгляд довольно трудно понять, почему именно мне присылают на отзыв стихи. Я прозаик. Известен читателям, главным образом, как автор юмористических рассказов. И вдруг мне стихи... В чем дело?

А дело в том, что нету другого «товара».

Стихи оказались более доступны, чем проза. Стихи легче складываются. Это почти песня.

Дети, как известно, начинают писать именно со стихов. Со стихов начали свою литературную судьбу почти все писатели. И всякая молодая, так называемая «варварская», литература тоже начинается с песен и со стихов. Мне некоторые авторы так и пишут: «Стихи на мотив "Светит месяц" или "За что он полюбил меня"».

Эти мои соображения мало подходят к этому письму и к этим ниженапечатанным стихам. Стихи эти сравнительно грамотные.

«19 марта 1926

Уважаемый т. Зощенко.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru Читая Ваш юмористический рассказ «Самородок из деревни» мне пришла такая же мысль, может быть и я стану темой для нового рассказа, но тогда прошу не называть мою фамилию. Если Вы бегали в редакцию два месяца со стихами, то в двух словах пришлите мне свое мнение о моих стихах, здесь я напишу одно, чтобы не затруднить Вас чтением.

Я сам из Башкирии, кончил сельскую школу. Жил в горах на хуторе, теперь нахожусь в армии. Нахожусь в г. Житомире в артиллерии.

Посылать куда-нибудь в редакции я из дому не решался, потому что не знал, как это делается. В армии мне ребята посоветовали послать один с них в журнал «Красноармеец». Я послал туда «Памяти Ильича». Но что его постигло, я не знаю – вестей об этом нет.

Слушая политграмоту о Красной Армии, я ко дню 8-й годовщины написал один стих, но уже послать его никуда не решался.

Напишу его Вам:

Уж восемь лет с тех пор минуло,
Как наша армия растет,
В свои ряды неколебимы
Бойцов трудящихся зовет.

Шли восемь лет дорогой славы
Окружены врагов кольцом,
Но враг не видел наши спины
Наш строй встречал его лицом.

Ты создавалась под ударом
Врагов свободной стороны,
А закаляло тебя пламя
Освободительной войны.

Разбиты банды, Скоропадский,
Поляки, немцы и Краснов,
Побеждены чехословаки,
Каледин и опять Краснов.

Колчак с востока двинул войско,
Надеясь быть у нас царем,
Но наша армия встречала
Пришельца дерзкого свинцом.

Пришлось ему проститься с мыслью
Увидеть красную Москву.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru

К востоку шли остатки войска
Через Урал и по току.

Деникин с юга двинул силы
Надеясь сердце страны взять.
Но под напором нашей силы
Ему пришлось на юг бежать.

Был сброшен Врангель в Черноморье
И север весь освобожден...
Вот при каких трудах и битвах
Дух красной Армии рожден.

По одному Вы будете судить о всех. Какие нехватки, я знаю, что страдаю от нехватки образования.

Напишите, бросать или нет мне это (как многие говорят) баловство. Пишите прямо, обижаться не буду.

Уважающий Вас...

Адрес: УССР, г. Житомир...

Пишите без марки.

Недавно послал в журнал "Безбожник". Что будет?»

К сожалению, мне не пришлось ответить на это письмо. Письмо было послано по какому-то запутанному адресу и пришло ко мне чуть не через полгода.

Такой большой промежуток времени отбил у меня охоту сразу отвечать. Я отложил письмо, чтоб ответить после (все равно уж!). Так оно и завалялось. Прошу прощения у автора.

Если не поздно – могу посоветовать: «баловство» не бросайте. Пишите. И одновременно ликвидируйте нехватки своего образования.

Еще раз прошу извинить за мою небрежность.

Дельная критика

Это интересное письмо получено мною от рабочих М. Б.-Б. ж. д.

«Москва, 2 января 1928

Дорогой т. Зоценко!

Простите, пожалуйста, нас, что надоедаем вам этим письмом, но просим не смотреть на него как на обычное письмо какого-нибудь поклонника (а они у вас, конечно, есть), расхваливающее ваши произведения и оканчивающееся слезной просьбой «пристроить рассказик». Этого вы здесь не встретите.

Вам пишут простые рабочие люди (не в смысле «мы, рабочие»), интересующиеся вашими рассказами, как рассказами совсем другого рода, чем юмористические рассказы других авторов, а именно: краткими, общепонятными, без размазывания и присюсюкивания, без подделыванья под чужой язык, и дающими здоровое развлечение,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru но, вместе с тем, обрисовывая живых типов из стоячего болота обывательщины.

В 1924 году один из наших товарищей по общежитию купил сборник ваших рассказов издательства «Огонек» («Искусство Мельпомены», «Баня» и проч.).

С первых же строк слушатели хохотали: рассказы были поняты, а затем мы не пропускали ни одного номера «Бегемота» и ни одного сборника ваших рассказов разных изданий.

Некоторая заминка произошла с «Веселым приключением» («Прожектор») и сборником «О чем пел соловей», но потом стало очевидным, что там очень тонко, сквозь общий язык сентиментальных повестей, сквозит то же презрение к мещанской тине и остро высмеивается заезженный шаблон «изящной литературы».

«Сентиментальные повести» были поняты, и теперь, читая какой-нибудь роман, поневоле замечаешь эти шаблоны, выведенные вами.

Почему ваше имя знакомо всем, даже в среде с низким культурным уровнем, не говоря уже про более развитых рабочих и интеллигенцию?

Почему даже меланхолический человек при упоминании имени Зощенко оживляется? Почему на человека, не слышавшего о вас, смотрят с сожалением?

Объясняется это тем же простым стилем, общепонятностью и вообще тем, чего безуспешно добиваются современные авторы юмористических рассказов. Ведь иногда, читая ваш рассказ, смеешься не всему рассказу в целом, а одному удачно подобранному слову или фразе.

В этом-то и сила, это-то и заставляет внимательнейшим образом, следя за каждым словом, читать ваши рассказы. Это не хвала вашему достижению, это подтверждение факта.

Смешно читать некоторых авторов, вроде... и некоторых других, которые, рабски копируя вас, не замечают того, что получается сплошная ерунда и сюсюканье, или же замечают, но думают, что «публика – дура, не поймет» – выражаясь вашей фразой. Но публика понимает, и каждый читавший вас определенно заявляет, что написано «под Зощенко».

Также обидно становится, когда выступающий артист коверкает ваши рассказы, руководясь тем же непониманием публики-дуры, делая их топорными и лишая тончайшего юмора пошлой отсебятиной. Единственный хороший исполнитель ваших рассказов – это Ильинский: этот передает их слово в слово. Мы ни за что не будем слушать их в исполнении Вл. Хенкина и других, которые перевирают текст и допускают отсебятину[4].

Это в Москве. А что делает из ваших рассказов провинциальная халтура! Искренне приходится сожалеть, что нельзя им запретить делать это.

Дорогой товарищ Зощенко! Разрешите попросить вас ответить на такой пустяковый по виду, но очень взволновавший нас вопрос: с целью ли было вставлено вами слово «зануда» в рассказе «Каторга» или же вы не совсем понимаете это слово. Оно уличное, позорное для женщины и звучит так же, как и проститутка.

Мы по этому поводу много спорили, среди нас есть несколько рабкоров, которые утверждают, что это недоразумение и что у вас раньше подобного нигде не встречалось, даже в таком рассказе, как «Лялька Пятьдесят», где другой бы автор насажал черт знает сколько разной похабщины.

Другие же уверяют, что вы это сделали с целью, следуя примеру некоторых своих собратьев по перу.

Мы очень просим ответить на этот вопрос.

Еще просим: нельзя ли как-нибудь устроить хотя бы в центре, чтобы ваши рассказы не подвергались извращению при исполнении их некоторыми московскими артистами.

Мы назовем вам их имена, и вы подействуйте на них письмом, как автор.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru
Ей-богу, уж очень обидно становится, когда знаешь каждый ваш рассказ почти наизусть и вдруг слышишь, как его коверкают.

Не подумайте, прочитав наше письмо, что это простой грошовый интерес вами. Это не так! Вами интересуются люди из среды массового читателя и, надеемся, не чуждые вам.

Сообщите также, пожалуйста, ваше отчество и домашний адрес.

Ждем ответа.

Наш адрес: Москва. Курбатовский пер., д. № 28. Общежитие рабочих М. Б.-Б. ж. Д.».

Это исключительно неглупое и интересное письмо. Правда, оно мне льстит. Но я стараюсь быть выше каких-то своих корыстных ощущений и оцениваю это письмо беспристрастно.

Письмо замечательно интересное. Я несколько раз читал его и только диву давался – откуда взялись такие наблюдательные критики.

Я послал им обширное письмо, в котором, кроме всего прочего, написал о происхождении злополучного слова «зануда».

Прежде всего я коснулся ругани вообще. Я написал, что нельзя абсолютно изгонять бранные слова из литературы. Надо прежде изменить быт. Надо перестать ругаться. И тогда литература сама выкинет все прискорбные слова. А иначе получится сильное несоответствие между литературой и бытом.

Волей-неволей иногда приходится допускать в рассказах бранные и грубые слова. Лично я делаю это в самом крайнем случае.

Что же касается нашего злополучного слова, то оно как раз не имеет особо бранного значения. Слово «зануда», несомненно, происходит от слов – нуда, нудный, нудить. Так что оно имеет более обширное значение, чем предполагают мои корреспонденты.

В частности же, этим словом называется также и проститутка, та женщина, которая пристаёт, надоедает, нудит. Только зазорного в этом слове ничего нету.

Слово совершенно литературное.

Золотая челюсть

Многие корреспонденты по доброте сердечной предлагают мне сюжеты для рассказов.

Конечно, никогда ни одним любительским сюжетом мне не пришлось воспользоваться. По большей части эти сюжеты «краденые» или «ходячие». Или до того глупые, что неловко за автора.

Или, наконец, такие:

«Уважаемый тов. Зощенко.

Зная Вашу исключительную способность передавать бытовые картинки, предлагаю Вам подслушанный в вагоне разговор, который было бы весьма интересно прочесть в Вашей передаче.

Беседуют в вагоне о вставных зубах. Один из собеседников, рассказывая о вставленных им недавно и дешево обошедшихся зубах, говорит, что его приятель тоже недавно вставил себе зубы, но не пожелал вставлять по дешевке через страхкассу, а решил сделать как следует – у частного. Вставленная золотая челюсть обошлась в 150 рублей.

Но, по вставлении зубов, произошел следующий казус: вставивший решил вспрыснуть вновь вставленную челюсть с приятелями. Вспрыснули где-то около финляндского вокзала; при возвращении зашли на вокзале в уборную, где виновника торжества от

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru обильных возлияний начало мутить, и как он лишь потом сообразил, вновь вставленная челюсть отправилась вместе с прочим в вазу св. Лаврентия, причем он собственноручно и аккуратно спустил воду.

Е. С».

Часы

У Лескова есть прекрасный рассказ о том, как один купчик случайно украл часы у прохожего. Рассказ называется, кажется, «Часы».

Этот лесковский сюжет за последние годы почему-то обошел многие наши журналы. По крайней мере, я читал три рассказа на эту тему.

Этот заманчивый сюжет предлагают и мне.

«20 февраля 1927

Уважаемый Михаил Михайлович!

Знакома с вами по вашим рассказам. Они доставляют нам (мне и «папмаме») истинное наслаждение, за что вас благодарим. Хочется мне, набравшись смелости и по совету «папмамы», предложить вам сюжет для смешного рассказа. Из-под веселого пера, мы уверены, выйдет хорошенький рассказец.

Вот тема: наш знакомый Пал Палыч... как-то раз поздно вечером шел домой по глухому и темному переулку.

Он был в хорошем настроении, но чувствовал и ждал, что его должны ограбить. И вот, как бы в подтверждение его мыслей, к нему подходит какой-то человек, шедший навстречу. Подходит и просит прикурить.

Прикурили. Только разошлись, Пал Палыч хлоп, хлоп себя по жилетке – часов нет, пропали. Не иначе как прохожий упер.

Возмутился Пал Палыч...

Не будучи трусом, храбрый Пал Палыч мигом нагнал жулика.

– Стой, мерзавец! Давай часы, коли жив останься хочешь!

Испугался жулик, вынул и отдал часы Пал Палычу, а последний, на высоте своего положения, отругал жулика как подобает и отпустил с чертом.

Придя домой, П. П. гордо рассказывает жене о случившемся, а она ему:

– Какие часы? Свои ты забыл дома; вон на комод лежат...

П. П. вытаскивает часы из кармана, глядь – они чужие. Выходит – ограбил мирного гражданина. И совестно ему, и не знает, как же часы вернуть хозяину, хоть объявление в газете давай...

Если воспользуетесь моим сюжетом, беру с Вас слово, что первое издание рассказа пришлете Вашей поклоннице.

Моя анкета: Елена..., 15 лет, пола – женского, русская, беспартийная, под судом не была и не хочу. Страдаю «киноманией», особых примет не имеется.

Живу в столице Дагестана...

Остаюсь читающая и почитающая Вас

Елена...»

Еще часы

«Дорогой и многоуважаемый М. Зощенко!

Читая и любя ваши произведения, хотел бы поделиться с вами одним сюжетом,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
случившимся со мной летом этого года.

Возвращаясь ночью от своих знакомых через Троицкий мост и проходя через Марсово поле, я встретил на пути одного гражданина, который попросил у меня прикурить. Я дал ему прикурить. Он прикурил и быстро пошел вперед.

Желая поглядеть, который час, я хватился за карман, но часов, к своему ужасу, не нашел. Тогда, считая, что этот гражданин снял у меня часы, когда прикуривал, я бросился за ним и велел отдать ему часы, иначе я потащу его куда следует.

Он отдал мне часы и пошел еще быстрее.

Через полчаса, придя домой, я убедился, что это были не мои часы, а того самого гражданина, собственные. А свои часы я позабыл у знакомых в уборной, которые мне и вернули на другой день.

Новые же «краденые» часы остались у меня.

С приветом и пожеланием увидеть рассказ в печати.

Если хотите – посвященное С. Л. Л-ву».

Пастушеская поэзия
Революция не всех сделала суровыми бойцами. Не из всех выколотила изящные чувства.

В природе остались весьма нежные голубые души, которые могут «переживать» при виде птички или пастушка.

Честь и место нежному поэту!

«Голубок

Вчера я долго провозился,
Смотря, как белый голубок
Летал на солнышке, носился
Со стены на чердачок.

Белый цвет его менялся
Часто предо мной:
Разной тенью отливался,
То темно-нежной голубой.

Я камушек в него; а он быстрее
Летает и кружит.
У себя я вижу вдруг на шее
Неподвижный он сидит.

Я хватать его, а он вертлявый
Дрожит в моих руках.
Исчез блеск его румяный,
Краски нет, а есть пятна на крылах[5]

Теперь уж каждый день
я в комнате своей
Часто с ним играюсь,
Голубочком забавляюсь.

Пастушок
Пастушок коровок гнал
Поздно – вечерком –
За коровками бежал
Со своим кнутом.

Пригнал коров домой
Пастушок-малютка
И довольный он собой
Гулять бежит Васютка.

На зелененьком лугу
Ночью при луне
Играли дети в чехарду,
Крик их слышен на селе.

Детский праздничек пришел,
Радость для детей.
Вася-пастушок пошел
Гулять играть скорей.

Не любили Васюка,
Грязного мальчишку,
Мальчики всего села
Пастуха сынишку.

И завидя издали,
Прогнать они его решили.
Васеньку не приняли
И камнями побили.

С тех пор он не ходил

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

Гулять играть к мальчишкам.

А он азбуку учил,

Интерес был у него к книжкам.

Уважаемый товарищ, я ваш будущий и новый корреспондент – остаюсь с почтением и уважением

Н. И.».

Драма на Волге

Осенью 1926 года я получил странное и непонятное письмо. Я прочел его два раза подряд и ничего не понял.

И только читая в третий раз, я стал более или менее понимать все события, которые развернулись на Волге.

Какой-то жуликоватый человек, какой-то проходимец, неизвестно из каких соображений, выдал себя за Зощенко и в таком положении «прокатился» по Волге, срывая славу и светские удовольствия.

Этот человек имел, судя по письму, некоторый успех и среди женщин.

Вот письмо от одной из его героинь.

«Добрый день, Михаил Зощенко!

Шлю Вам свой искренний привет.

Вчера, разбирая хлам в ящиках письменного стола, я натолкнулась на открытки с видами тех мест, где мне пришлось побывать за время моего учительства.

Виды волжского побережья и Жигулевские горы навеяли на меня воспоминанья и вот результаты – письмо к Вам.

Дорогой Михаил Зощенко, мне так бесконечно жаль, что пришлось встретиться с Вами в такой пошлой обстановке. Именно из-за этого я не могла быть с Вами такой, как мне этого хотелось. Я боялась, что Вы примете меня за искательницу приключений.

Кроме того, на меня подействовали слова профессора, что мое «дурное поведение» может отразиться нежелательным образом и на Вас, таком известном писателе.

Поэтому уйти из их общества я решила еще в Вашей каюте.

Этим и объясняется, что я под конец стала холодней к Вам относиться, но я решила, что так лучше будет для всех.

Разбирая открытки с видами Волги, я снова вспомнила Вас, я снова мысленно рисую Ваше лицо. Ваши умные глаза, полные грусти и затаенного смеха. Дорогой Михаил Зощенко, простите меня за эти строки. Я должна Вам сказать – у меня было мало хорошего в жизни. Главное – чем больше я сталкиваюсь с людьми, тем больше и больше я разочаровываюсь в них.

Но вместе с тем мне их становится как-то жалко. Я отыскиваю всякие причины, экономические и социальные и др., которые могут их оправдать, и пришла к выводу, если принять во внимание совокупность всех причин, то все люди должны получить оправдательный приговор. Нет плохих людей на земле. Всякие действия их оправдываются.

Но почему же, в таком случае, есть какое-то мерило хороших и плохих людей?

Я рассуждаю об этом и снова запутываюсь в неразберихе происходящего.

Много времени я трачу на чтение литературных произведений. Жаль, что не могу до

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoshchenkomihail.ru с их пор прочесть Ваши «Сентиментальные повести». В нашей жалкой библиотеке их еще нету, заметку же о них я прочла.

Мне кажется, там верно подмечено Ваше разочарование, Ваш пессимизм. Я, говоря с Вами, подметила это. В тоне Ваших слов сквозило какое-то равнодушие к своей жизни, какое-то разочарование в ней, да и Ваши ежедневные попойки, эти 8–9 рюмочек, я думаю, сами говорят за себя.

Мне бы очень хотелось знать, какой из своих рассказов Вы считаете самым удачным. Жалею, что не пришлось слышать чтение Ваших рассказов в Вашем исполнении. Вы так отказывались. И я понимаю, что Вам не хотелось забавлять этих веселящихся людей.

Кажется, я наговорила много лишнего. Простите. Ставлю точку. А если Вы вспомните хоть немного обо мне, о Волге и о нашей встрече, то напишите. Я буду бесконечно рада.

Жму крепко Вашу руку.

Мой адрес...»

Я хотел было сначала оставить бедную разочарованную женщину в неведении, но потом обозлился на своего развязного и счастливого двойника. А главное – мне захотелось узнать все подробности.

Я написал ей письмо, приложил свою фотографическую карточку и попросил поподробней описать замечательную встречу.

Вот что ответила мне доверчивая женщина.

«4 февраля 1927 Следуя Вашему совету «быть более осторожной», боюсь начать письмо с пожелания доброго дня М. М. Зоценко, так как не уверена, к кому именно обращаюсь. Ваше письмо с фотографией я получила. Хохотала много над своим глупым положением, в которое я попала благодаря тому, что в общезжитии не принято требовать документы, удостоверяющие личность человека, с которым приходится знакомиться.

Фотография и оригинал мне знакомого Зоценко, конечно, различны между собой. По Вашей просьбе приступаю к описанию времени, места и обстоятельств знакомства с злополучным «Зоценко». Приступаю.

Из Нижнего в обратный рейс до Сталинграда я с другой учительницей из нашего города, мало знакомой мне, выехала приблизительно, точно не помню, 15 июля на пароходе «Дзержинский». Во время обеда в салоне мы познакомились с профессором К... и его женой (мнимыми или настоящими?). Профессор, по его словам, читает в ...всом университете судебную медицину, гигиену, а в педвузе основные методы психологии. Жена – очень яркая, интересная блондинка лет двадцати восьми, бросающаяся в глаза. Милые, славные люди показались нам.

Каюты наши оказались по соседству, и мы быстро сдружились. На палубе к профессорше подсели два каких-то «типа», познакомились. Один из них понравился ей, другой – моей попутчице. Я же в то время была не с ними. Подъезжали к Самарской Луке. Жигулевские горы должны были проезжать в три часа ночи. Хотелось не проспать. В салоне вечером организовался целый концерт. Там были и мы с профессоршей и одним из «типов». Иван Васильевич Васильев, работающий в издательстве «Прибой», – как он отрекомендовал себя. Чтобы прогнать сон, Васильев предложил выпить в его каюте по кружке пива. Было около десяти часов вечера. Я вообще терпеть не могу никаких напитков, но против того, чтобы посидеть в компании таких «симпатичных» людей, не имела ничего против.

В каюте мы уселись и начали пить пиво. Каюта была трехместная. Стук в дверь. Вошли два – один из «типов», другой – выдававший себя за Зоценко. Моим соседом оказался Зоценко. Это был субъект высокого роста, мускулистый, загорелый, здоровый, с рыжеватой волнистой шевелюрой и серо-голубыми глазами, в которых светился ум и по временам искрился затаенный смех[6]. Одет он был в чесучовую рубашку, вобранный в брюки, с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Говорили кой о чем. Заказали «типы» ужин. Выпить первую рюмку предложили на

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru брудершафт каждому со своей дамой. Меня покорило такое быстрое сближение. Я запротестовала. Остальные пары быстро пошли к сближению. Поцелуи, объятия. На моем лице ужас и отвращение.

Вам, может быть, это тоже покажется смешным, как и им, но я была жестоко разочарована – такое быстрое сближение пятнадцать минут тому назад познакомившихся людей на меня произвело отвратительное впечатление.

Надо мной начали смеяться, объяснять мое негодование мещанством и провинциализмом. Мой сосед вел себя по отношению ко мне довольно корректно, повторяя, что он не циник и понял меня. Я почувствовала, что я мешаю моим «плохим» поведением, как выразилась одна из наших спутниц, им разойтись как следует. И тогда я ушла.

Позже «Зоценко» встретил меня на палубе и завел разговор о себе, о своей жизни, работе и поездке в Германию. Я узнала, что он партиец с 1918 года, работал до войны на Сормовском заводе (так, по крайней мере, он говорил), затем ушел на войну, потом с 1917 года начал писать. Зарабатывает в месяц 225 рублей, 100 проживает, а остальные – на приобретение книг для своей библиотеки, которая состоит из книг русских и иностранных писателей; его снова посылают в Германию учиться и совершенствоваться в стиле. Вообще его поведение все время по отношению ко мне было безукоризненно. Вообще он очень редко показывался на палубе днем, объясняя, что он едет инкогнито[7]. Он уходил в четвертый класс собирать материал, всегда был выпивши и всем раздавал мелкие книжки с рассказами Зоценко на память, вечерами сидел на носу и задумчиво глядел вдаль[8].

Вот и все. Писала откровенно, ничего не прикрашивала.

Простите, что мое первое письмо было не по адресу, но, как видите, я здесь совершенно ни при чем».

Между первым и вторым письмом есть, конечно, существенные противоречия. Но это весьма понятно. Автор письма, несомненно, хотел сгладить какие-то углы. И хотел, видимо, рассеять мои сомнения о любовном приключении. Но я на это и не имею претензий.

Я допускаю, конечно, что мой двойник не слишком постарался использовать свою вывеску. Тем не менее я не верю в его сплошную корректность. Не такой это человек, чтоб он только «сидел на носу и задумчиво глядел вдаль».

А впрочем, черт его знает!

Во всяком случае, я рад, если этот развязный гражданин не причинил кому-нибудь из пассажиров серьезного вреда.

Валька с Нюркой
«Уважаемый Миша!

Дело в сорте такого!

Нас двое. Мы любим Вас! Вернее, любим читать только Ваши произведения. Они пленили, но не вполне очаровали нас, так как мы убеждены в том, что, кроме рассказов, которые пропущены цензурой, у Вас еще имеются и другие, а запретный плод сладок и нам очень желается почитать их.

Мы просим прислать нам свои нецензурные (неизданные) произведения.

Очень просим не отказать нам в нашей просьбе. Вас побеспокоит наше письмо. Очень извиняемся.

Стоимость Ваших произведений мы оплатим, хотя мы студентки. Адрес: Москва...

А просто – Валька с Нюркой».

Этим милым и развязным студенткам я ответил, что неизданных и запрещенных цензурой рассказов у меня не имеется.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

И в самом деле, у меня не было таких рассказов. Цензура мне все пропускала. Крайне признательный за это, я и сам в дальнейшем вел себя добропорядочно и не писал рассказов, которые могли бы не пойти.

Лялечка и Тамочка

Сейчас редко какой человек берет на себя ответственность за свои действия.

Магазины открываются сообща. Пьесы и романы пишут также не менее двух авторов.

Я видел стихи, подписанные двумя скромными фамилиями.

Один поэт, небось, рифмы подбирал, а другой перо в чернильницу макал.

И даже письма пишутся на пару.

Ну что ж! Вдвоем больше мужества, наглости, развязности и успеха.

«Ленинград, 24 апреля 1928

«Я» – это одна из Ваших читательниц и которой безумно нравятся Ваши юмористические рассказы и очень хотела бы с Вами познакомиться. Может быть, у Вас нет ни малейшего желания к увеличению своих поклонниц, таких назойливых, как я.

У моей приятельницы тоже желание не меньше моего с Вами познакомиться и поболтать.

Если захотите нам ответить, то 25-ое почтовое отделение «до востребования»...

Не подумайте, что мы письмо Вам посылаем без марки, она быть может отклеилась по дороге.

Можете и позвонить... (Ляля). Нечего разыгрывать барина!

Будем ждать Вашего ответа с нетерпением.

Лялечка и Тамочка».

Пригодилось

Обычно думают, что я искажаю «прекрасный русский язык», что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица.

Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей.

Я говорю – временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно.

А уж дело других (пролетарских) писателей в дальнейшем приблизить литературу к читателям, сделать ее удобочитаемой и понятной массам.

И как бы судьба нашей страны ни обернулась, все равно поправка на легкий «народный» язык уже будет. Уже никогда не будут писать и говорить тем невыносимым суконным интеллигентским языком, на котором многие еще пишут, вернее, дописывают. Дописывают так, как будто бы в стране ничего не случилось. Пишут так, как Леонид Андреев. Вот писатель, которого абсолютно нестерпимо сейчас читать!

А как говорит и думает улица, я, пожалуй, не ошибся. Это видно из этой моей книги, из этих писем, которые я ежедневно получаю.

Вот любопытное письмо. Оно написано, как будто бы я его писал. Оно несомненно

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru написано «моим героем».

Я получил это письмо по почте от неизвестного человека.

«Дорогой Зощенко!

Мне случайно попало в руки «любовное» письмо, которое получила одна моя знакомая.

Не пригодится ли оно Вам? Оно очень напоминает Ваш стиль и Ваших героев.

С приветом К. Л.

18 октября 1928

Уважаемая гражданка, зачитайте это письмо и примите от заинтересованного вами это подношение. Не порезгуйте, не погнушайтесь.

Желательно с вами познакомиться всерьез. Не покажется это вам за предмет любопытства, а желательно с целью сердечной, потому что с каких пор вас увидел, то сгораю любовью.

Замечательный ваш талант, а пуще всего игривость забрали меня за живое и как слышал, что вы лицо, причастное к медицине, то понять должны, что кровь во мне играет и весь я не в себе.

Если вам не противно, то буду ждать Вас у входу в буфет. В военном обмундировании, расту как обыкновенно, собою видный, волосом русский, а на груди пять всесоюзных значков.

Остаюсь в ожидании С. С.

Имя скажу при свидании».

Так называемый «народный» язык стоит того, чтоб к нему приглядеться.

Какие прекрасные, замечательные слова: «Зачитайте письмо». Не прочитайте, а зачитайте. То есть «пробегите, просмотрите». Как уличный торговец яблоками говорит: «Вы закусайте этот товар». Не кушайте (т. е. целиком), не откусите (т. е. кусочек), а именно закусайте, то есть запробуйте, откусите только раз, сколько нужно для того, чтобы почувствовать прелестные качества товара.

Язык стоит того, чтобы его изучать!

Плохие нервы

У меня была легкая и удачная литературная судьба. Мне не пришлось мотаться по редакциям. И не пришлось вкручивать свою продукцию.

Я начал работать в двадцатом – двадцать первом годах.

В те счастливые годы ответственные редакторы сами приходили за рукописями на квартиру и несли в зубах деньги.

Молодые писатели работали тогда почти вне конкуренции. И от хорошей молодости все они впоследствии стали классиками.

Но я представляю, как трудно ходить по редакциям и как много надо молодому писателю энергии для того, чтобы начать печататься, не будучи хотя бы Достоевским.

Вот письмо от начинающего автора.

«Уважаемый тов. Зощенко.

Осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой. Не откажите посмотреть и дать свое

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko@mail.ru заключение о трех рассказах, которые прилагаю к сему письму.

Если Вы не всегда были известным юмористом Зощенко (пишу без лести), Вам должно быть известно, какие мытарства приходится испытывать начинающему человеку. Вам должны быть известны те придирки и оскорбительные отказы, которые получает молодой человек от «человеколюбивых» редакторов.

Я имел счастье уже (мне всего 19 лет) получить несколько таких ответов. Глубоко возмущенный ответом: «нет, и не будет», я думал бросить свои работы.

Вам должны быть известны результаты разговоров с редакторами. Чувствуешь какую-то подавленность, разуверяешься в своих силах, разочаровываешься в своих мечтах, и все твои мысли покрываются толстой коркой человеконенавистничества и пессимизма. Признаюсь: мне несколько раз пришлось испытать такие чувства, и под их влиянием я написал маленькое стихотворение, которое (хотя это и глупо) кончается так:

И счастлив тот лишь человек,
Который, жизни не бросая
Идет, руки не подавая
Тому, кто в тине утопая
Его на помощь позовет.

Вас, может быть, удивит подобное послание, но как человек Вы поймете, чем веет от таких слов и такого письма. Я не должен Вам говорить, что делать с этими тремя рассказами. Вы сами найдете им применение.

Не удивляйтесь, что я (неизвестный Вам человек) изливаю свои чувства перед Вами (неизвестным мне человеком). После основательного раздумья я решил, что меня поймет только Зощенко, так как он сам, вероятно (я в этом уверен), испытал то, что я сейчас испытываю.

Должен сказать, что один из тех рассказов пошел на растопку печки прямо из редакционной корзинки «Бегемота». И именно поэтому я обращаюсь к Вам.

Я знаю, что Вы имеете связи в литературном мире Ленинграда, а в частности в «Бегемоте», и хочу, чтобы Зощенко осрамил своего редактора за его небрежное отношение к работе. Я знаю, что редакторская работа требует много нервов, но это не значит, что журнал может и хочет печатать только произведения известных писателей и поэтов.

В «Бегемоте» работают многие товарищи, я их не упрекаю в халатности и нечеловечности, но все-таки им не мешает прочесть то пятистишие, которое я Вам написал.

Я ни к кому до сих пор не обращался с такой просьбой, как обращаюсь к Вам. В Москве есть много литературных известностей, но если Вы бывали в Москве, то знаете, что значит московская жизнь.

Москва – это базар. А на базаре всякий ищет своей выгоды. Я не упрекаю литературных работников в том, что они любят деньгу, но многие из них страдают болезнью, состоящей из правила: не подавать руки тому, кто на помощь позовет.

Я обращаюсь к юмористу, осмеивающему все человеческие недостатки, и надеюсь, что он не страдает болезнью, о которой я только что сказал.

Тов. Зощенко!

Не откажите внимательно прочесть это послание и прилагаемые рассказы. Полагаюсь на Вас во всем. Если хорошо, просите напечатать в «Бегемоте» и сообщите результаты. Если плохо, все же сообщите Ваше заключение. Объясните все недостатки и укажите, как их исправить.

Во всяком случае, не откажите черкнуть пару слов в ответ по адресу:

Москва, 19 почт, отд., до востребования...

Мой адрес: Москва...

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Но по моему адресу неудобно писать. Мои родные совсем не понимают меня, и мне было бы неприятно, если бы они узнали об этом письме.

Простите меня, бедного, за беспокойство, причину которого Вы поймете из этого письма.

Заранее благодарный Вам...

Не могу не послать Вам сценку, написанную мною недавно. В ней мои взгляды перемешиваются в устах обо их действующих лиц».

Рассказы этого молодого автора были не слишком плохие, но любительские, и печатать их, конечно, было нельзя. Однако литературные способности у автора несомненно имелись. Об этом я ему и сообщил письмом до востребования.

Находка

«15 февраля 1927 Дорогой Михаил Михайлович, посылаю Вам письмо, случайно найденное мною в книге, взятой в библиотеке в Крыму. Это – курьезный «человеческий документ», в котором неизвестная Тамара пылко объясняется неизвестной Натусе в своей пылкой ненависти к Зощенко. Это Вам для коллекции «критических отзывов» о Вас.

Всего доброго!

Ваш Н. Энгельгардт.

14 июля

Дорогая Натуся!

Ты сделала меня без вины виноватой: я ответила тебе длинным-предлинным письмом на бабушкин адрес. Но, вероятно, ты уехала раньше, чем оно получилось.

На этот раз много не пишу, т. к. не знаю, получишь ли ты это письмо.

Я очень буду рада тебя видеть, мне давно хочется посмотреть на тебя. Интересно, насколько ты изменилась с тех пор. За привет от «Инны» я тебе очень благодарна, хотя не думаю, чтобы она в твоей жизни играла прежнюю роль. Ната, ведь мы уже взрослые люди, нам по 15 лет. Мне очень интересно, какой длины твои волосы. Удивительно глупо, но интересно. Я коротко, по моде острижена. Начала было отпускать, но потом надоело... Я тебе ничего не пишу, надеясь на то, что бабушка перешлет тебе мое первое письмо.

Привет от мамы и папы, передай мой привет своим дражайшим родителям. Сколько теперь весит дядя Жорж? Пиши почаще. Когда вы собираетесь приехать? Предупреди меня письмом об этом, весьма значительном, хотя и не имеющем влияния на революцию событии.

Пока всего хорошего.

Твоя кузина Тамара.

Напиши, каким автором увлекаешься? Любишь ли Зощенко и Маяковского? Я их ненавижу».

Поэт и лошадь

Это письмо мне послужило темой для небольшого рассказа-фельетона «Поэт и лошадь».

Рассказ помещен в сборнике «Над кем смеетесь».

Должен сказать, что письмо написано страшно безграмотно и неуклюже, хотя автор письма – «старый газетный работник» – так подписана жалоба.

Письмо несомненно написано в минуту сильного душевного волнения.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
«14 июня 1927

Не зная, как обратиться к тов. Зоценко, беру на себя решимость беспокоить Вас, тов. редактор, с тем, что если материал подходящий – Вы дадите ему данную тему, явившуюся из жизни.

Проходя 14/6 – 27 в Детском Селе по улице Белобородова уг. Колпинской, мимо дома, где жил А. С. Пушкин, о чем гласит и прибитая к дому надпись, – я неоднократно наблюдала в небольшом палисадничке с зеленью, окружающем этот прелестный домик, – рабочую лошадь, которая не будучи даже стреножена, бродила под окнами и ломала и объедала всю молоденькую зелень распускающихся кустов жимолости и сирени, между тем, как позади домика имеется зеленая лужайка и даже деревья, к которым можно было бы привязать эту лошадь, предоставив ей траву, вместо веток сирени и вламывания в кусты.

В означенный день 14/6 – с. г. я проходила с представителями музыкального мира опять мимо этого дома, и мы решили узнать, почему такая заброшенность в памятнике старины, которую теперь чтит вся Россия. Оказалось, что дома был даже сам заведующий домиком и на мой вопрос о лошади сказал, что кусты выросли после А. С. Пушкина и что лошадь дом не ест. А если ломает кусты и грязнит перед окнами (из которых тысячи экскурсантов любят теми видами, которыми любовался и А. С. Пушкин), то это ничего не значит; ибо лошадь животное очень полезное, а на следующее возражение, что полезное животное можно привязать на втором плане к дереву, на траву, начал сыпать отборными выражениями до тех пор, пока я заявила, что я представитель литературы, т. е. прессы, – он тогда сказал, что много, мол, их тут шляется, а я благодарность имею за сохранение дома.

Тогда я сказала, что я не знаю, что он будет иметь в будущем, если я напишу в журнал с соответствующим рисунком о его сохранении памятников старины, на что живущие в нижнем этаже рабочие и сам он громко захохотали, а завед. домом даже плюнул из второго этажа.

Сердце кипело выкинуть таких держи-морд, не смыслящих ничего в чем суть старины и полагающих, что довольно того, что лошадь не ест дома, а кусты не при Пушкине выросли – и назначить на их место таких, которые бы берегли все, что создавало бы полное для памяти впечатление для ума и сердца.

С совершенным уважением...»

Письмо от женщины
Читателя, небось, разбирает любопытство.

Позвольте, думает читатель, а где же тут любовные письма? Где красивые и молодые дамы предлагают писателю свою дружбу и благосклонность?

Увы! Жизнь мне не удалась! Таких любовных писем у меня не было, за исключением, впрочем, двух стихотворений, которые и печатаю в этой книге, и одной записки: «Приехала из Москвы. Остановилась в Европейской гостинице. Очень хотела бы с вами познакомиться. Зайдите поболтать».

Так вот, к великому, небось, огорчению читателей, таких писем у меня не было. От знакомых девушек, ничего не скажу, – были. А у незнакомых моя фамилия не вызывала, видимо, романтических представлений. И действительно, я – не укротитель зверей и не тенор.

Но таких писем – хотят на меня поглядеть – было несколько. Вот одно из них.

«4 июля

Сейчас ехала из Лесного в трамвае № 9. Рядом со мной сидел человек, именно такой, каким в течение трех лет я представляла себе Вас. Может быть, это были даже Вы.

Пришла домой и среди своих бумаг отыскала черновик год тому назад написанного и изорванного письма. Почему изорвала, не помню – был ли то страх или самолюбие, но послать его я не решилась.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Но сегодня меня снова потянуло к Вам.

Милый Михаил Михайлович, хороший Зоценко, если бы я ходила в брюках и имела звероподобную физиономию, я бы просто пришла к Вам и «сказал» – так и так. Но, к сожалению, имея ординарнейшую внешность и будучи в общем отвратительнейшей двадцатидвухлетней женщиной, я не рискую этого сделать.

Вы подумаете еще, что я одна из рода особо пылких поклонниц, и так меня обложите, что я уйду от Вас качаясь. Прямо не знаю, что делать.

Михаил Михайлович, ей-богу, я только посмотрю на Вас и говорить даже с Вами не буду. Хотя, говоря откровенно, мне хочется с Вами поговорить. Ну скажите, неужели за три года моих «литературных мечтаний» Вы не сможете (вернее, не захотите) уделить мне пять, десять минут?

Мой телефон...

И зовут меня...

Я буду ждать Вашего звонка, и если Вы мне не позвоните, то это будет очень-очень нехорошо, ведь за Вами еще остается право позвонить и сказать: «Не хочу показываться», или – «Ах, оставьте».

Вот я сейчас облекла свою просьбу в конкретные образы и разозлилась, т. к. чувствую, что Вы все равно не позвоните. Мне даже писать стало лень, так много в моей душе злости и безнадежности. Знаю, знаю, что не позвоните. Злюсь, главным образом, потому, что Вы, наверное, отнесли меня к своим поклонницам. Клянусь Вам, я не умею и ненавижу это слово».

Встреча в театре

Эти стихи я получил от неизвестной мне женщины. Стихи без подписи. И без адреса. Это почтенно!

Это, кажется, единственное письмо, в котором от меня абсолютно ничего не требуют.

Печатаю с признательностью.

«Писателю Михаилу Михайловичу Зоценко

Простите Вы меня за то, что беспокою

(Конечно, Вам я не одна пишу),

И тайну Вам свою открою,

Молчать уж больше не могу.

О, это было так недавно!

В соседнем от меня сидели Вы ряду,

И лилась музыка пленительно и плавно.

Я про себя шептала: жду, жду, жду...

Ждала я взгляда Вашего лишь только,

Но отражались Вы в чужих глазах.

Ах!.. Если б знали Вы, как больно, горько,

Когда душа в слезах.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
В антракте вышли Вы, а я осталась

В смятении чувства ревности... тоски,
ведь раньше это все любовью называлось –
Теперь разбито все на мелкие куски.

Большого чувства никому не надо:
Оно, как камень, Вас, мужчин, гнетет,
которое не купишь плиткой шоколада
И в темных улицах, конечно, не найдешь.

Привыкли к легким Вы, как фейерверк, победам,
Таким блестящим, кратким, как и он.
Но первый раз видела Вас летом..
Тот миг, как милый, милый сон.

Не знаю почему Вы в сердце так запали,
Но с Вами я знакомства не ищу.
Быть может, ничего, быть может – поиграли б, –
А потому сейчас я ухожу..
И я ушла..
И.

Вы не поймете, почему Вам это написала. А просто потому, что легче стало мне.
Открыла все, и тайны уж не стало, и позабудусь в будничном я сне.

И.».

Все в порядке
«Москва, 17 мая 1928

Милый Зощенко, простите меня, пожалуйста, что я беспокою Вас своим письмом. Но мне совершенно не к кому обратиться. Вас я люблю как писателя и кроме того слышала, что Вы очень хороший человек. Поэтому я обращаюсь к Вам.

Видите ли в чем дело: я сейчас кончила школу, мне 17 лет, передо мной развернулся так называемый широкий путь, но я решительно не знаю, куда мне идти. Мать ставила меня на ноги со страшным трудом, п. ч. отец рано умер (мне было четыре года) и ей приходилось самой зарабатывать на меня. Теперь мой долг – постараться зарабатывать и содержать ее. Но что я могу сделать, если ни одно из учебных заведений, по выходе из которых можно получить заработок, меня не интересует? Когда я думаю о них, потом о службе, о всей этой монотонной жизни, которая мне предстоит, меня берет одурь и пропадает охота жить.

Вот если бы у меня был талант, я бы, кажется, могла вынести что угодно. Кем, кем я только не хотела бы быть: художницей, артисткой и т. д.

Особенно часто я возвращаюсь к мечте быть киноартисткой. Но способности у меня на этот счет более чем сомнительные, а потому оставим это. Если у меня есть к чему-нибудь способности, так это к литературе. Говорят, что у меня приличный слог (чего Вы, конечно, никак не заключите из моего письма), а главное – я пишу

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru стихи. Посылаю Вам несколько образчиков моего творчества. Вы можете сказать, что глупо посылать стихи Вам, кажется, никогда не писавшему стихов. Но ведь, во всяком случае, Вы больше понимаете в этом, чем я, и можете мне сказать, есть ли у меня хоть капелька, ну не таланта, так хоть способностей.

Конечно, печатать такие стихи нельзя, помимо всего прочего, потому что уж очень они не подходят по своему настроению к современным требованиям. Это, наверно, зависит от окружающей среды. Я сочувствую революции, но проникнуться ею так, чтобы писать другие стихи, сейчас не могу. Но если бы Вы хоть немножко нашли во мне способностей, я стала бы работать и, может быть, потом научилась бы писать, как следует. Может быть, и даже наверно, глупо мне так носиться со своими стихами, такими плохими и незначительными, когда много людей пишут лучше меня и совершенно не обращают на это внимания.

Но если бы Вы знали, какая у меня отвратительная жизнь. Мать меня любит, но какой-то деспотической любовью. Ну, например, она сама будет изнуряться, работая, и будет ставить мне это на вид, а мне ничего не будет давать делать, хотя мне все это доставляет гораздо большее нравственное мученье, чем если бы я работала. И так во всем. Она ужасно мало дает мне свободы. Конечно, не мне ее судить, но мне очень бывает тяжело, совсем разные мы люди.

Кроме того, у меня масса неприятностей самого пошлого «романтического» свойства. Я не хочу Вам про них писать, но я пережила много такого, что совсем не полагается пережить в мои лета. Иногда пошлость совсем засасывает меня, я теряю вкус к жизни, уважение к себе, все теряю. Вы понимаете, конечно, каким утешением для меня являются стихи. Когда я не пишу, я чувствую, что во мне ничего нет, что лучше бы меня кто-нибудь убил, чем влачить такое существование. А если я напишу хоть самые плохонькие, то я сразу чувствую замечательный подъем и повышаюсь в своих глазах. Это смешно, но у меня ничего нет и мне не на что надеяться. Пожалуйста, ответьте мне, что Вы думаете насчет моих стихов, и вообще посоветуйте, что мне делать. Куда идти? Что представляет из себя литературный факультет университета? Что он дает? Если оттуда, как я слышала, выходят только преподаватели, то мне нечего и думать, меня не пустят туда идти дома. Что бы Вы посоветовали мне читать, чтобы хоть немножко развиться и не быть такой глупой? Я Вас очень, очень прошу, не сердитесь, что я к Вам пристаю, но ведь у меня никого нет. Все наиболее умные люди из моих знакомых, к которым я обращаюсь, считают меня глупой девчонкой, презирают меня и находят, что самое лучшее, что я могу сделать, это выйти замуж и родить детей. Иногда мне делается так тошно жить дома, что я думаю: не лучше ли, правда, скорей выйти замуж, все равно за кого, только уйти из этой обстановки. Это так ужасно! Неужели и Вы оттолкнете меня? Я знаю, что не заслуживаю никакого уважения или понимания. С общественной точки зрения я – пережиток дряблой интеллигентщины, с просто человеческой я – эгоистичная, безнравственная, глупая девчонка. Но если бы Вы просто пожалели меня и посоветовали хоть что-нибудь. Даже если Вы ничего не можете мне посоветовать, ответьте хоть что-нибудь, мне будет так приятно. Ну, дорогой, ну, милый!

Адрес мой такой: Москва...

Еще раз простите меня за беспокойство. И письмо-то я Вам написала ужасно грязное, п. ч. пишу в четвертом часу ночи и ужасно болит голова, а днем боюсь писать, п. ч. могут увидеть.

Ответьте мне хоть что-нибудь, пожалуйста.

Если Вы захотите, я могу прислать еще какие-нибудь стихи, но я думаю, что Вы не захотите.

Ответьте мне хоть что-нибудь, пожалуйста».

К сожалению, по просьбе автора, стихи мне пришлось вернуть. Это были, сколько я помню, неплохие стихи, но очень унылые и «трагические» по настроению. Семнадцатилетний автор, несомненно, имеет литературные способности, что вполне видно даже из писем.

Примерно, в таком духе я написал свое мнение и вскоре получил еще одно письмо.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru

«5 июня 1928

Простите меня, что я опять беспокою Вас своим письмом.

Ради бога, не называйте меня навязчивой, мне просто ужасно захотелось еще раз Вам написать, а Вы, конечно, можете мне даже и не отвечать. Я очень, очень благодарна Вам за Ваше письмо. Если бы Вы знали, как я счастлива, что Вам понравились мои стихи и что Вы находите их талантливыми. Я думаю, что из меня ничего не выйдет, п. ч. настроение навряд ли изменится, но все-таки приятно думать, что хоть могло бы выйти при более благоприятных обстоятельствах.

У меня очень скверная, грязная жизнь. Чтобы объяснить всю ее грязь, достаточно того факта, что, когда мне было 14 лет, меня взял как женщину один женатый мужчина и я до сих пор с ним, потому что я его люблю. А сколько еще разных фактов!

Я было хотела описать Вам свою жизнь, написала четыре страницы, но, дойдя до половины, не смогла продолжать – так стало стыдно и противно. Совершенно незачем Вам читать эту грязь. То, что я пережила, так подействовало на всю мою натуру, что мне кажется, я ничего не смогу, я – пропащий человек.

Я постараюсь последовать Вашему совету и сблизиться с жизнью, но, когда у меня жизнерадостное настроение, мне кажется, что я не имею на него права, что я ужасно пошлая. Мне кажется, что лучше бы я покончила с собой тогда, когда хотела, а теперь я ко всему привыкла и со всем примирилась. Достоверно одно, что я очень безнравственная, п. ч. я совсем не знаю, что худо и что хорошо. Если Вы все-таки будете мне писать (только не надо, если Вам не хочется), напишите, что Вы насчет этого думаете. Не сердитесь, что я к Вам так пристаю, но я ужасно одна. Вы не отвечайте, если Вам не хочется. Я опять пишу ночью, и поэтому опять очень грязное и нескладное письмо. Но я думаю, Вы не будете обращать внимания на эти глупости.

Прощайте. Еще раз очень, очень благодарю Вас за письмо. Я так рада, что и сказать нельзя. Можно, я буду Вам иногда писать, когда мне будет очень тяжело? Не сердитесь на мою навязчивость».

На это письмо я ничего не ответил и позабыл о существовании этой девушки. Через полгода я снова получил от нее письмо. Оно длинное, но я печатаю его полностью, так как считаю его любопытным по настроению.

Мне кажется, что какая-то часть (весьма небольшая) нашей интеллигентской молодежи находится именно в таком нерешительном состоянии, как автор этого письма.

«23 января 1929

Извините, что я Вам опять надоедаю. Но, пожалуйста, не беспокойтесь мне отвечать, если Вы не захотите этого. Я знаю, что с моей стороны чересчур смело Вам надоедать, но и не надеюсь на Ваш ответ. Мне просто хочется выложить свою душу, а у меня решительно никого нет.

Скажите, пожалуйста, судя по моим письмам, я кажусь Вам очень ужасной дурой? Я сейчас расскажу Вам, в чем дело: мне кажется, что я в последнее время стала страшно глупеть и распускаться. Это приводит меня в отчаяние. Меня, кажется, никто никогда не считал особенно умной, но это мне было все равно, п. ч. я сама никого не ставила высоко в этом отношении, кроме трех людей: моей бывшей подруги, моего бывшего одноклассника и еще одного человека. Ну, конечно, были еще люди, которых я считала умными, но с ними мне близко сталкиваться не приходилось. Так вот, эти трое людей считали меня не только не умной, а просто каким-то жалким существом, созданным для серенького существования и очень односторонне-гадких вещей. Самое ужасное – это то, что все их мрачные предсказания насчет меня или исполнились, или исполняются. Я не могу припомнить всего, но, например, моя подруга мне предсказывала еще очень давно: «Ну, ты еще, наверное, до шестнадцати лет с кем-нибудь спутаешься».

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru И, действительно, я «спуталась», когда мне было только 14 лет. Она же говорила, что я никогда не поступлю ни в какой вуз. И ведь правда же, я до сих пор никак не могу серьезно взять себя в руки и начать заниматься. Может быть, это происходит от того, что все никак, никак не могу решить, куда же мне поступить. Но факт тот, что в этом году я, наверное, не поступлю, а дальше, вероятно, совсем распушусь.

Так оно и будет. Дальше: и она и мой знакомый, особенно он, утверждают, что из меня никогда ничего не выйдет. Вы видите – стихов моих нельзя печатать из-за настроения, я сейчас и не хочу, они слишком слабы, но дело в том, что я ручаюсь, что настроение мое будет всегда такое же. И еще вот что (я начинаю писать «умные» вещи), мне кажется, что просто болезнью современной, мало-мальски развитой молодежи является обилие мелких способностей и стремление к самым разнородным искусствам. Причем ни за одно они, в конце концов, не принимаются серьезно, рассуждая при этом, мне кажется, так: «А что, если я буду учиться, скажем, петь, и уложу на это все свои силы, а вдруг у меня больше способностей к рисованию или к литературе, а может быть, к танцам. А, в конце концов, ни одна из этих вещей не дает верного заработка. Поступлю-ка я в фармацевтический техникум или на курсы кройки и шитья».

Если бы у них был один талант, даже не очень большой, они отнесли бы к этому серьезно и из них что-нибудь вышло, а так это все безусловно обречено на гибель.

А за примерами ходить недалеко: один мой знакомый играет на рояли, великолепно декламирует, учится петь и пишет стихи; одна моя знакомая рисует, играет на рояли, раньше хорошо танцевала и пытается писать стихи; другая играет на рояли, мечтает о драме, хочет учиться петь и пишет стихи; я – мечтаю быть киноартисткой, очень прилично рисовала, учусь петь и пишу стихи. Положим, стихи мое главное, но ведь это не мешает мне думать так: «А ведь в стихах у меня неподобающее настроение, приналягу-ка я на пение. А, впрочем, ни то, ни другое не даст мне верного заработка» и т. д. и т. д. Вы заметили, что в приведенных мною примерах все пишут стихи, причем я прибавлю от себя, пишут хорошо и почти все с «неподобающим» настроением. Это ужасно. Ну, а теперь дальше, вернемся к старой теме. Самое главное предсказание не только этих троих умных людей, а и всех остальных, это то, что судьба моя – выйти замуж и как можно скорее.

Маме говорят: «Ну, вот, скоро Тоня, Бог даст, замуж выйдет, вам и полегче будет», а меня при встрече спрашивают: «Ну, что, замуж еще не собираешься?» Особенно теперь, когда за мной ухаживает один молодой врач, кажется, с «серьезными намерениями», все «чуют, что за ним-то мне и быть». Вы знаете, это действует как гипноз. Во мне начинает пробуждаться смутное чувство, что, действительно, это должно случиться. Между тем, я знаю, что это будет моей полнейшей нравственной гибелью. Я разжирею и отупею. Моими главными интересами будут наряды, мужчины, кино и паршивенькие книжки. А когда мне надо будет как-то нравственно оправдаться, то я опозитизирую свое положение, знаете, этой песенкой: «Ты едешь пьяная, ты едешь бледная, по темным улицам, совсем одна, тебе мерещится дощечка медная и штора синяя его окна. И на диване подушки алые, духи Дорсе, коньяк Мартель, его глаза, от ласк усталые, и губы, пьяные, как хмель. Пускай в гостиную муж равнодушный жену домой напрасно ждет, любовник знает – она, послушная, кляня и плача, к нему придет. Там на диване...» и т. д.

Правда, замечательно характерная песенка? Во время оно я ей очень увлекалась, да и сейчас она мне капельку нравится. Во всяком случае, замужем я буду прототипом особы, про которую здесь поется. А иногда мне кажется, что я и дома также опущусь, если что-нибудь не переменится в другую сторону, совсем в другую. А так как это невыносимо, то не лучше ли все-таки переменить обстановку, пусть будет хоть что-нибудь новенькое, хоть сдвинусь с мертвой точки. А главное, в чем мне стыднее всего признаться, не это: просто мне хочется пожить в нормальной, приличной обстановке, отдохнуть от унижительной бедности и зависимости. И даже не это: меня интересует вся эта процедура, свадьба, знакомство с его родными и т. д. Нет, я действительно или страшная дура, или мешанка, или маленькая девчонка. Вы видите, что это такое. Вам не кажется, что мне, действительно, одна дорога – замуж? Еще вот что меня угнетает: я могла попасть с биржи труда в фабзавуч и отказалась. Конечно, как-то не хотелось, кончив девятилетку, проходить то же сначала и поступать туда, где принимают с пятилеткой. Но у меня была бы специальность (правда, ох, какая), был бы самостоятельный заработок, я бы ближе подошла к жизни, могла бы слиться с рабочей массой, может быть, это хорошо отразилось бы на моем «творчестве». И я этого ничего не сделала. Я,

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru знаете ли, страшно слабохарактерная и нерешительная особа. Было как-то страшно сделать такой решительный шаг, как-то совсем изменить свою жизнь. (Ну, конечно, замуж выйти проще. Если бы Вы знали, как я презираю себя.) Я не знала, на что решиться. Мои «за» и «против» вполне уравнивались. Мама, все родственники и тот, кого мне прочат в женихи, энергично восстали против моего поступления. А мне тогда, в сущности, только этого и надо было. Я проскулила целый день, не зная, на что решиться, и у меня было полусознательное желание, чтобы меня чуть не силой заставили сделать то или иное. Если бы мне с такой же энергией сказали, чтобы я шла, то я бы пошла, а так я осталась. Когда я еще не знала, на что решиться, я хотела написать Вам, но Вы все равно не успели бы мне ответить: мне надо было поступать на другой день, рано утром. Я бы очень хотела, чтобы Вы мне хоть теперь сказали, как я должна была поступить. Если Вы мне ответите, то напишите, пожалуйста, про это.

И потом, может быть, Вы скажете мне, что я должна делать, чтобы быть немножко умнее и развитее. Это замечательно наивный вопрос, я знаю, но вот, например, я люблю вечера и т. д. Может быть, чтобы быть умнее, надо искоренить это в себе. Я совершенно серьезно это спрашиваю, п. ч. моя бывшая подруга, которую я считаю умной, этого не любит, на свою наружность не обращает внимания и т. д. Неужели это так мешает умственному развитию? Если Вы скажете, что это так, то я постараюсь исправиться. И что я должна читать, чтобы быть развитее? Я ведь, действительно, здорово не развита.

Если Вы будете так добры мне ответить, то ответьте на эти вопросы. Я бы так хотела, чтобы Вы мне ответили, но, конечно, не надо, если Вам не хочется. Простите за то, что я Вас заставила прочитать это колоссальное письмо. Я Вам посылаю еще несколько стихотворений, но Вы их прочтете, вероятно, уже завтра. До свиданья...

Москва...»

В дальнейшем я получил еще несколько писем. В последнем письме было сказано:

«Спасибо за советы и внимание. У меня нету воли и охоты бороться за свое существование – я вышла замуж за того «молодого врача», о котором я Вам писала. Прощайте».

Несостоявшееся свидание
«Михаил Михайлович!

Я скоро уезжаю из Ленинграда, но мне не хотелось бы уехать, не увидев Вас живым и настоящим. Бывает такой спортивный интерес. Но, уверяю Вас, я не собираюсь быть навязчивой и надоедать Вам. И вообще можете не относить меня к числу Ваших глубоко сентиментальных поклонниц. Я много проще и хуже. Я самый простой человек, который учится писать. Но, когда я в прошлом году приехала домой, мои литературные товарищи закидали меня вопросами – кого я знаю. И кого я видела. Я назвала несколько имен, в том числе Вас, так как Ваши произведения у нас в большом ходу. Но относить Вас я солгала, и у меня на душе было удивительно нехорошо. Такое чувство, будто бы я что-то украдала.

А в этом году мне уехать, не увидев Вас, очень бы не хотелось. Ну, родной Михаил Михайлович, не откажите мне в этом. Придите в четверг в Михайловский садик. Там у пруда есть мраморная скамейка. Правда, это слишком поэтично звучит для такого прозаика, как Вы, но это единственное место в этом саду, которое имеет отличительные признаки. И если бы Вы в 6 часов были на ней с книгой или газетой, чтобы я могла не ошибиться, я бы на Вас крошечку поглядела издали.

Если вид у Вас будет не очень мрачный, то я бы подошла к Вам и немножко с Вами поговорила. Мне так хочется это. Михаил Михайлович, ну пожалуйста, сделайте это.

Я могла бы поговорить с Вами по телефону, но, откровенно говоря, это совсем не то. И потом я боюсь, что Вы просто пошлете меня к черту. Почему Вы знаете, как мне хочется Вас увидеть? Решите, что я одна из тех совбарышень, которые наверняка Вам надоедают. Честное слово, я не буду надоедать Вам. Я только немножко посмотрю на Вас и поговорю. Одну чуточку, пять, десять минут. Если Вы решите все-таки не идти или отсрочить мою просьбу, то позвоните по телефону.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru

Скажите мне об этом. Чтобы не нервничать и не ждать Вас с глупым видом.

Но только прошу Вас не отказывать мне. Если бы Вы знали, как давно и как сильно я хочу Вас увидеть».

Юмористический рассказ
«Уважаемый Михаил Зощенко.

Считая Вас лучшим юмористом, шлю Вам для оценки свой первый юмористический рассказ. Если годен, то поместите куда-либо, а на нет и спросу нет. Сообщите, если можете, стоит ли мне работать над этим.

ЧУДАК УХАЖИВАЕТ

Юмористический рассказ

Славный парень был этот Чудак... Днем это в лавке околачивался, а вечером тротуары утапывал.

Хотя работал-то он в бакалейной лавочке, но наружность имел вполне галантерейную...

Хорошую наружность... Его только чуточку портило то, что природа, вместо лица, наградила его рожей. Ну да разве стоит обращать внимание на такие пустяки... И он не обращал.

Тонкое обращение изучил до тонкости. Пардон, мусью, и всякую такую штуку понимал. В старое время успех бы имел несомненный. Ну, а нынче разве понимают тонкое-то обращение? Можно сказать, он из-за этого и в тюрьму-то попал. Вы не верите?... Так слушайте, я вам сейчас докажу.

Ухаживал за Лелей три недели. Пахло взаимностью. Как-то шли по улице, а на улице лужи. Вздумалось Чудаку деликатность свою показать. Выбрал лужу побольше, вперед забежал и, извиваясь всем телом, руку предложил. Обрадовавшись ейному согласию, взволновался. Схватил только два пальца да дернул. В результате и пальцы ей вывихнул, и в лужу усадил.

Ухаживал за Галей. Успех был гарантирован. Как-то сидели в фойе. Видит Чудак, что мнетса она... Деликатно так ей намекнул:

– Что, дескать, с вами, дражайшая?

– Платочек забыла, а насморк, – потупясь ответила Галя.

Сжалился над нею Чудак и свой предложил. Получив ейное согласие, вытащил. Он оказался грязным и пахнул клопами. Соседи фыркнули. Окинув Чудака презрительным взглядом, Галя ушла.

Ухаживал за Дусей. Дело клеилось. Руки целовал уже выше локтя. Стихи погубили. Вздумал он эти стихи написать, да и сравни в них Дусю-то с холмогорской коровой. Обиделась. Объяснял ей потом, что холмогорская корова – корова не простая, а породистая.

Не поняла... И сквозь слезы ответила:

– Я, грит, белую косточку вообще презираю и поэтов также. Катитесь, грит, от меня подальше.

Смущенный рядом неудач, Чудак купил книгу «Искусство нравиться женщинам» и, вычитав в ней, что надо порочить соперников, быстро применил этот совет.

Встретив Зою с седым кавалером, он с пеной у рта стал доказывать ей порочность старческого возраста, призывая ее плюнуть в рожу этого сластолюбца, а так как она не шевелилась, то сделал это за нее сам.

Не дав сказать слова, обвинял, обвинял и обвинял. Собралась толпа.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Почуяв недоброе, Чудак благородно ретировался, то есть пустился наутек.

Седой мужчина оказался... ее папашей.

Нарсудья третьего участка в амурных делах оказался круглым невеждой, книгу «Искусство нравиться женщинам» не читал, счел все за хулиганство и припаял шесть месяцев.

Так печально кончились амурные похождения галантерейного кавалера из бакалейной лавочки».

Письмо и стихи

Это письмо получено летом 1928 года.

Мне понравилось это скромное и вежливое письмо. И я очень внимательно отнесся к автору. Я прочел его стихи. Указал на все недочеты. И посоветовал ему, как работать в дальнейшем.

«Здравствуйте, дорогой Михаил Михайлович!

Уже пятый раз начинаю письмо и все рву. Это происходит от волнения, мысль одна нагоняет другую, сбивает с пути, и получается чушь, нелепость. Явление вполне понятное, я ни разу не писал письма лицам образованным, кроме того к людям, награжденным талантом. Вам с первого взгляда бросится моя малограмотность – это объясняется тем, что я сын крестьянина, приехавший в город учиться и работать, а окончил лишь сельскую школу.

Впрочем, биография моя весьма интересная, но она Вас утомит, и что за интерес Вам слушать то, что будет говорить каждый (это мнение мое), поэтому прошу извинения, и прошу, если есть возможность, дать Ваше мнение об этих стихках. Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству, а может быть, я ничтожный ремесленник, уродующий его. Вам, я думаю, этот вопрос разрешить легче. Прошу не отказать моей просьбе. Остаюсь верный Вам ученик...»

Печатаю несколько его стихотворений:

От зари до темна

У станка я стою,

И из груды хлопка

Вату произвожу.

День мучителен мой,

Пыль столбом там стоит...

А идешь на покой,

Сердце ноет-болит.

Верно счастье мое

Век таким быть должно,

Что в цвету молодых лет

Умереть суждено.

* * *

Слышу ль голос твой,

Нежный пламенный –

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Сердце вмиг во мне

Заиграет.

В очи карие

Погляжу твои –

Из нутра душа к груди просится.

И легко тогда

С тобой, милая –

Обвить шею мне

Твою хочется.

Как прижму тебя

К сердцу, душенька,

Потечет во мне

Страсть лазурная.

И я все б отдал

За твой нежный взгляд,

За те белы груди-лебеди.

Глаза

И в глаза гляжу,

В глаза карие,

Словно солнце они

Сияют.

И смеются всегда,

Чуть прищурясь,

И зорки – далеки

Те глаза.

То глаза Ильича,

Вождя милого,

Не простые глаза,

А партийные.

Видит он далеко

И любимы они

Словно солнышко;

Лишь буржуи одни

Ненавидят их...

Посмотрю в глаза

На прищуренный взгляд,

И так радостно мне...

И тяжело душе.

Почему тяжело?

...Потому, что их нет,

И лишь сотни таких

Заменяли одни

Ильичевы глаза...

Любопытный человек

У меня есть небольшой рассказ-фельетон – «Встреча с Лениным» («Исторический рассказ»). Этим рассказом я пародирую некоторые неудачные воспоминания о В. И. Ленине.

Между прочим, в конце рассказа имеется шуточная фраза: «А некоторые хотят подробности узнать – пущай прямо ко мне обращаются».

Нашелся человек, который обратился прямо ко мне.

Письмо написано на «казенной» бумаге.

«Служебная записка

17 июня м-ца 1926 г.

Уважаемый товарищ Мих. Зоценко!

Прочтя Ваш прекрасный рассказик «Исторический рассказ», я получил большое удовольствие.

Рассказано все прекрасно. В конце рассказа Вы говорите, кто хочет узнать подробности, тот пусть прямо к Вам обращается, и вот я, как человек любопытный, попросил бы Вас затрудиться и ответить мне все подробно.

С коммунистическим приветом...»

Примечания

1 Предисловие и рассказы записаны в апреле 1921 года со слов Н. И. Синебрюхова писателем М. З. (Примеч. автора.)

2 Брюки, а не ноги расползаются. (Примеч. авт.)

3 Кроме того, сюда не вошли письма, полученные мною до двадцать шестого года. Эти письма, к моему великому сожалению, не сохранились. В те годы я находился в болезненном, неврастеническом раздражении и уничтожал все письма, не отвечая.

4 Хенкин отлично читает мои рассказы, однако к тексту он, действительно, относится несколько небрежно. – М. З.

5 Прямо хоть руки мой! – М. З.

6 Я невысокого роста. У меня черные волосы. Английская прическа. – М. З.

7 Ах, сукин сын! – М. З.

8 Еще бы! – М.З.

Приключения обезьяны (сборник). Михаил Михайлович Зощенко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!